А. Л. Хорошкевич

Русь и Крым

От союза к противостоянию

УРСС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie
1000492674

А.Л.Хорошкевич

Русь и Крым

От союза к противостоянию

Конец XV —
начало XVI вв.

В библиотеку
Варшавского универ
ситета с благодар.
ностью за многолет.
нее и неизменное
гостеприимство и
помощь.
7.07.2003
А.Хорошкевич

Эдиториал УРСС • Москва • 2001

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (**проект** № 99–01–16063)

Исследовательская работа выполнена при содействии Российского гуманитарного научного фонда (**проект** № 96–01–00164) *и кассы Ю. Мяновского (Польша, Варшава)*

Ответственный редактор: канд. ист. наук А. М. Некрасов

Рецензенты: член-корр. РАН С. М. Каштанов, канд. ист. наук С. Ф. Фаизов

Хорошкевич Анна Леонидовна

Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. — М. Эдиториал УРСС, 2001. — 336 с.

ISBN 5–8360–0184–7

Книга посвящена истории отношений Московского княжества и княжества всея Руси с Крымским ханством в конце XV – начале XVI вв. в политической, экономической, демографической и других сферах. В конце XV в. эти отношения характеризовались совместной борьбой с общим противником — Большой Ордой, а позднее определялись противостоянием княжества всея Руси и Великого княжества Литовского. На протяжении всего изучаемого периода русские дипломаты упорно добивались ликвидации пережитков зависимости от Орды.

Впервые после работ В. Е. Сыроечковского, К. В. Базилевича и А. А. Зимина предпринята попытка обобщения мировой историографии проблемы и создания типологии международных отношений средневековой Руси.

Книга иллюстрирована миниатюрами Лицевого летописного свода XVI в. Она представляет интерес для специалистов — историков, политологов, демографов, а также для широкого круга читателей.

DK
100
.K55
2001

Группа подготовки издания:

Директор — Доминго Марин Рикой
Заместители директора — Наталья Финогенова, Ирина Макеева
Администратор — Леонид Иосилевич
Компьютерный дизайн — Виктор Романов
Главный редактор — Елена Кудряшова
Верстка — Ксения Пулькина
Редактор — Алексей Ковальчук
Обработка указателей — Андрей Стулов
Обработка иллюстраций, техническая поддержка — Наталья Аринчева
Менеджер по продажам — Алексей Петяев

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11, к. п.
Лицензия ЛР № 064418 от 24.01.96 г. Гигиенический сертификат на выпуск книжной продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г. Подписано к печати 15.11.2000 г.
Формат 60×90/16. Тираж 1000 экз. Печ. л. 21. Зак. № 386
Отпечатано в ГУП «Облиздат». 248640, г. Калуга, пл. Старый торг, 5.

9 785836 001841

ISBN 5–8360–0184–7

© А. Л. Хорошкевич, 2000
© Институт российской истории РАН, 2000
© Эдиториал УРСС, 2000

...Всего лутчи, чтобы человек ублюл свое отечество, а в слове бы в своем устоял одною своею головою...

И. Г. Мамонов

Введение

Карта Восточной Европы середины и второй половины XV в. необычайно динамична. Здесь на огромных просторах одноименной равнины в 1478–1485 гг. сформировалось одно из крупнейших государств средневековой Европы, известное под названием Русского, а в дореволюционной и зарубежной историографии — по преимуществу Московского. Все эти историко-географические термины неточны. Поскольку глава вновь образовавшегося политического организма носил титул великого князя всея Руси, точнее было бы и государство именовать «Великим княжеством всея Руси». Однако это непривычное словосочетание несомненно вызовет вопросы, на которые уместнее отвечать в другом месте.

Новое государство возникло в результате окончательного «слияния» Великого княжества Московского и Новгородской республики в очень сложных международных условиях. Фактором, в значительной мере определявшим жизнь народов Восточной Европы, оставалась неликвидированная иностранная зависимость славянских государств этого региона. На месте некогда могущественной Золотой орды складывались или уже сложились новые политические образования — Большая орда, Казанское ханство, Крымское и Астраханское ханства — и каждое из них считало себя наследником Золотой орды и претендовало занять то же положение, что некогда занимал «улус» Батыя.

Общепризнанным считается факт ликвидации иноземного ига на территории Северо-Восточной Руси в 1480 г. Однако последствия золотоордынского господства еще долго напоминали о нем, сковывая поступательное движение русского общества, тормозящим образом воздействуя на развитие производительных сил, материальной и духовной культуры.

За четверть века до Русского государства на крайнем юге Европы — на Крымском полуострове и в прилегающих степях Причерноморья и Приазовья появилось Крымское ханство, одно из первых преемников и наследников Золотой орды. Крымское ханство и Русское государство в течение всего изучаемого времени не имели общей границы, их разделяли степи так называемого Поля. До 1502 г. в них кочевала Большая орда, разгромленная в начале XVI в. Крымским ханством. Территория «Поля», к концу XVI в. получившего название «Дикого», оставалась нейтральной полосой между Русским государством и Крымским ханством. Но несмотря на отсутствие спорных территориальных вопросов, отношения между этими двумя государствами были чрезвычайно важными для каждого из них и порой весьма напряженными.

Крымское ханство оказалось наиболее жизнеспособным политическим организмом среди возникших на обломках Золотой орды образований. Его самостоятельность была ликвидирована лишь в конце XVIII в. Что обеспечивало столь длительное существование ханства? Представители различных национальных исторических школ XIX и XX вв. давали и дают на данный вопрос отнюдь не однозначные ответы. При этом в той или иной степени затрагиваются русско-крымские отношения — один из факторов, составлявших основу «долгожительства» наследника Золотой орды.

Тип, принципы и характер этих отношений складывались именно в конце XV – начале XVI вв., поэтому задача изучения их представляется весьма актуальной. Она назрела уже давно. После блистательных работ В. Е. Сыроечковского и А. А. Новосельского начала 30-х и середины 40-х гг. специально этой темой в СССР никто не занимался. Давали знать о себе и отдаленные последствия разгрома успешно складывавшейся в конце 20-х – начале 30-х гг. крымской исторической школы. После войны признавали важность этой темы и проявляли к ней интерес попутно с другими аспектами международных отношений К. В. Базилевич, А. А. Зимин и другие исследователи. Однако некоторая обособленность и оторванность советской исторической науки от мировой привели к тому, что в изучении русско-крымских отношений на протяжении последнего полустолетия не было достигнуто существенных результатов.

Попытки возобновления востоковедческих штудий в Институте истории СССР (ныне Институт российской истории РАН) связаны с именем А. П. Новосельцева. Работа его ученика А. М. Некрасова, посвященная международным отношениям крайнего юго-востока Восточной Европы и месту в них народов Северного Кавказа, открыла новый этап изучения русско-крымских отношений отечественными историками. Особо следует выделить анализ крымско-османских отношений, проделанный А. М. Некрасовым на основе комплекса как известных давно, так и только что введенных в научный оборот турецкими и французскими исследователями источников. Поэтому крымско-османские отношения, оказывавшие огромное влияние на русско-крымские, в настоящей работе почти не рассматриваются.

Два слова об историко-географической терминологии. Отчетливо сознавая условность терминов, вынесенных в заголовок работы и употребляемых в самом ее тексте, автор тем не менее, чтобы избежать частых повторений, иногда заменяет «Русское государство» («Великое княжество всея Руси») термином «Русь», а «Крымское ханство» — термином «Крым».

Коснемся и способа передачи тюркских имен. К сожалению, они не поддаются полной унификации: написание их в источниках весьма разное, отнюдь не соответствующее принятому в настоящее время в русской историографии. То же касается и литовских имен.

Хронологическими рамками монографии избраны 70-е гг. XV в. – 1521 г. Нижняя граница определяется как состоянием источников, так и началом установления дипломатических отношений Руси с Крымским ханством, ее временным союзником в борьбе против Большой орды. Верхняя — результат совпадения нескольких факторов внутреннего развития Крыма и Руси и столкновения этих государств в 1521 г. Конфликт из-за судьбы наследников Золотой орды явился прологом одной из наиболее трагических страниц в истории русско-крымских отношений — крымский поход на столицу княжества всея Руси, сопровождавшийся сожжением Москвы, а также пересмотром основ восточной политики княжества и конфликтами в среде московской знати. Таким образом, на протяжении конца XV – начала XVI вв. маятник русско-крымских отношений достиг двух пиков, демонстрируя огромный диапазон их возможностей, что неоднократно повторялось и в дальнейшем. В это время, можно сказать, и сложилась их многовековая модель отношений, в которую время вносило лишь некоторые поправки.

Целью настоящей работы является определение типа отношений двух государств — земледельческого и полукочевого-полуоседлого, выяснение основных факторов, как экономических, так и политических, традиционных и новых, воздействовавших на их эволюцию, влияние этого фактора на внутреннее развитие каждого из государств в начальный период формирования Русского государства и Крымского ханства, когда каждое из них вело последовательную борьбу за упрочение своего международного престижа, а Русское государство — за равноправную позицию с Крымским ханством. Существенны в этой связи принципиальные отличия русско-крымских отношений, оформленных юридически неоднократно возобновляемыми договорами, от предшествовавших или сопутствовавших им русско-ордынских, а также от литовско-польско-крымских. Особый интерес автора вызвала сфера экономических связей Руси и Крыма, вероятно, важнейшая для понимания феномена русско-крымских взаимосвязей, сущность института «поминков» в Крым и их значение для собственного развития обоих государств, борьба Руси за отмену традиции всех пошлин в Крым и ликвидацию всех пережитков зависимости, которые сохранялись и в изучаемое, и в более позднее время.

Поставить и отчасти выполнить эти задачи позволяет сравнительно хорошая сохранность документов по данной теме, что делает возможным хотя бы отчасти восстановить тип отношений Руси с другими ханствами (в частности Астраханским). Нельзя умолчать о том, что возможности автора ограничены источниками и литературой на европейских языках — славянских и романских. И тем не менее предпринята попытка продолжить дипломатические штудии М. А. Усманова применительно к актам и материалам русско-крымских отношений. Автор вдохновляется надеждой, что выход в свет его опуса послужит стимулом для историков Крыма, как в Украине, так и в других странах для дальнейших занятий этой темой.

Первый вариант работы был написан в 1986 г. под редакцией А. П. Новосельцева, а окончательный относится к 1997 г. За это время увидела свет новая публикация второй части пятой книги записей Литовской метрики, заново подготовленная к печати Э. Д. Баненисом (Банионисом). В ней содержатся материалы относительно литовско-крымско-русских отношений рубежа XV–XVI вв. и начала XVI в. В 1996–1997 гг. автору стали доступны многие зарубежные публикации и исследовательские работы благодаря содействию Я. Р. Дашкевича (Львов), А. В. Голенко и, самое главное, В. П. Остапчука (Киев), щедро снабдившего автора копиями новейших работ; кроме того, том материалов музея Топкапы был любезно передан в собственное распоряжение автора А. Поппе (Варшава), а публикации Ж. Мартин — В. А. Артамоновым (Москва). Благодаря поддержке кассы им. Юзефа Мяновского автору была предоставлена возможность в течение месяца (ноябрь–декабрь 1997 г.) работать в библиотеках г. Варшавы, в первую очередь библиотеке Варшавского университета, под руководством Ю. М. Бардаха. И. Г. Добродомову автор обязан рядом библиографических указаний и замечаний по тюркоязычной терминологии. А. М. Некрасову принадлежит включенный в данную работу обзор современной туркоязычной исторической литературы до 1986 г. Наряду с официальными рецензентами рукописи 1986 г. — С. М. Каштановым и С. Ф. Фаизовым ряд ценных замечаний сделали В. Д. Назаров (по первой части рукописи) и Я. Е. Водарский. Всем этим коллегам и сотрудникам библиотек автор приносит свою искреннюю благодарность.

В финансировании работы в 1996–1997 гг. принимал участие Российской гуманитарный научный фонд и отчасти Касса им. Ю. Мяновского, без поддержки которых ее завершение было бы невозможным.

Глава 1

Источники и историография

§ 1. Сохранность и введение в научный оборот материалов по истории русско-крымских отношений

Документальные материалы по истории русско-крымских отношений происходят из архивов четырех государств — Русского, Великого княжества Литовского и Короны Польской, Крымского ханства и Османской империи. Если крымские материалы в основном освещают внутреннюю историю ханства, то остальные содержат свидетельства о его международных отношениях.

Судьба этих архивов сложилась по-разному. Хуже всего обстоит дело с собственно крымскими материалами. При пожаре в Бахчисарае в 1736 г. во время краткого его занятия русскими войсками погибла библиотека Селима I[1]. Коллекции XVIII–XIX вв. оригинальных крымских документов, уцелевших после завоевания Крыма Российской империей в 1783 г., имели в дальнейшем, в XX в., превратную историю. После революции и полной «реорганизации» архивных учреждений эти материалы передавали в разные хранилища, не располагавшие порой квалифицированными кадрами. Так случилось, например, с коллекцией Таврического общества истории и археологии, поступившей в Симферопольский центральный архив[2]. Многие документы исчезли в годы Гражданской войны, а в 30-е гг. в результате репрессий погибло большинство специалистов, владевших тюркским языком и палеографией. Столь печальная участь не коснулась материалов турецких архивов, до недавнего времени не подвергавшихся последовательной систематизации и практически почти не освоенных. Исключение составляет часть фонда музея архива Топкапы (о нем см. подробнее ниже). Поэтому на первый план выходят данные архивов Московского, всея Руси и Литовского княжеств. Посольские материалы в этих странах систематизировались по-разному, хотя и здесь, и там существуют особые посольские книги или их фрагменты. В Москве господствовал тематико-хронологический подход (поэтому в конце XVIII в. сложился особый фонд посольских дел с Крымом). В Троках, древней столице Литовского княжества, преобладал хронологически-канцелярский: каждый писарь подбирал, зачастую в хронологическом порядке, все дела, которые он вел. По полноте и сохранности русские посольские книги намного превосходят книги так называемой Литовской метрики.

---

[1] *Fisher A.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978. P. 50, 213; *Id.* Annexation of the Crimea 1772–1783. Cambridge, 1970; *Reychmann J.*, *Zajaczkowski A.* Handbook of Ottoman-Turkish Diplomatics / Ed. by J. Halasi-Kun. Paris, 1968. P. 24–59.

[2] *Акчокраклы О.* Крымско-татарские и тюркские исторические документы XVI–XIX вв., вновь поступившие в Крымские центральные архивы // Бюллетень Центрального архивного управления Крымской АССР. III–IV.1932. № 2 (8). С. 12–18.

Введение в научный оборот источников о русско-крымских отношениях прошло несколько этапов. Первый охватывает XVIII столетие, вернее, его конец. Связанный с проблемой завоевания Крыма интерес к его прошлому нашел выражение в издании «Родословной истории о татарах» Абульгази Багадур-хана, впервые изданной в Лейдене в 1726 г.[3], в публикации М. М. Щербатова, поместившего в приложении к части 3 тома 4 и части 4 тома 5 своей «Истории Российской» целый ряд документов из первой посольской книги Московского княжества и Русского государства по сношениям с Крымом, а также из Литовской метрики[4]. Впрочем, эти публикации были еще несовершенны, что и было отмечено в начале XX в. Н. И. Веселовским[5]. В конце XVIII – начале XIX в. А. Ф. Малиновский скопировал фрагменты 82 крымских книг[6], а Н. Н. Бантыш-Каменский в 1808 г. составил их опись[7]. Видимо, ему же принадлежит и окончательное формирование книг. Во всяком случае, сохранилась запись о разделении им книги первой крымских посольских дел. Существенное значение для историко-краеведческих исследований имела публикация в 1817 г. военно-топографической карты Крымского полуострова[8].

Значительный вклад в дело обнародования и введения в научный оборот источников по истории русско-крымских отношений внесла Археографическая комиссия, продолжившая начинание Н. П. Румянцева и унаследовавшая собранные его сподвижниками материалы[9]. В результате ее деятельности были опубликованы некоторые материалы Литовской метрики, включенные И. И. Григоровичем в «Акты... Западной России»[10]. Переводы крымских ярлыков, равно как и посольские документы, вышедшие из литовской великокняжеской канцелярии, вводились в научный оборот параллельно с крымскими актами П. А. Мухановым и М. А. Оболенским. Первый воспользовался копиями, сделанными для гр. Н. П. Румянцева с латинских копий первых 65 книг Литовской метрики, хранившихся в Варшаве, а второй издал «Книгу посольскую Литовской метрики. 1506–1507»[11]. В 1858 г. А. Мухлиньский опубликовал в переводе на польский хронику об истории и положении литовских татар, составленную для Сулеймана Великолепного в 1558 г., подлинник которой неизвестен доныне[12]. Небольшое количество документов было помещено в «Акты... Юго-Западной России»[13].

---

[3] *Абульгази Багадур-хан.* Родословная история о татарах. Русский перевод. СПб., 1762; Описание крымских ханов // ДРВ. 2-е изд. Ч. XVI. М., 1791.

[4] *Щербатов М. М.* История Российская. Т. 4. Кн. 3. СПб., 1783. Приложения № 45, 52, 62, 70, 74, 83, 88, 98, 100, 101. Ср.: *Омельченко О. А.* Древняя российская вивлиофика Н. И. Новикова и М. М. Щербатова // АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 82–87.

[5] *Веселовский Н. И.* Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами // Живая старина. 1909. Вып. 2, 3. С. 237–268.

[6] *Малиновский А. Ф.* Портфели 1800 г. // РГАДА. Ф. 197.

[7] Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779 г., учиненный действительным статским советником Николаем Бантыш-Каменским / Сообщил Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. № 14. Симферополь, 1891. С. 1–42.

[8] Военно-топографическая карта полуострова Крыма, составленная... генерал-майором Мухиным... Гравирована и печатана в Военно-топографическом депо при Главном штабе Его Императорского Величества 1817 года.

[9] *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1984.

[10] Для данной темы особенно важны т. I–II.: АЗР. Т. I–II. СПб., 1846, 1848. О деятельности И. И. Григоровича см. подробнее: *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 16–22, 28–38 и др.

Публикация актовых документов и нарративных источников по истории Крымского ханства велась очень интенсивно в 30–40-е гг. XIX в.[14] и знаменовала второй этап формирования источниковой базы по истории Крыма. Видимо, эпоха завоевания Кавказа порождала дополнительный интерес и к русско-крымским, и к русско-ордынским, и к русско-крымско-польско-литовским отношениям, часть документов о которых также увидела свет в это время и несколько позднее. В 40-е гг. были также изданы и материалы, собранные М. Догелем еще в XVIII в.[15]

Третий этап освоения архивного наследия Крыма связан с эпохой Крымской войны, вызвавшей у историков воевавших стран жажду узнать как можно больше о прошлом крымских татар на территории Российской империи. В 50–70-е гг. исследованием крымских грамот плодотворно занимался И. Н. Березин[16], деятельность которого по праву оценивается как «подлинная эпоха не только российской, но и мировой тюркологии вообще»[17]. В российской школе тюркологов значительное место заняли и специалисты по Крыму. В 1858 г. В. В. Вельяминов-Зернов привлек для работы в Санкт-Петербургском университете в качестве лектора муллу Хусейна Феизханова (Феизхан-оглы), который за лето того же года скопировал многочисленные грамоты, хранившиеся в МГА МИД'е[18]. На следующий же год они были опубликованы, но, увы, без перевода, которого нет и до сих пор, и с многочисленными ошибками, отмеченными почти сто лет спустя А. Зайончковским[19]. Через 4 года, в 1863 г., увидели свет копии крымских дел А. Ф. Малиновского[20]. А еще через год, в 1864 г., В. В. Вельяминов-Зернов издал материалы по истории Башкирии[21]. В 90-е гг. Ф. Ф. Лашков обратил внимание на памятники дипломатических сношений Руси и Крыма, первая книга крымских дел подверглась источниковедческому анализу М. Н. Бережкова[22]. Подготовительная работа в 80-е гг. увенчалась фундаментальной публикацией, предпринятой Русским историческим обществом: это были книги 1–5 крымских дел за 1474–1519 гг., которые в выдержках стали доступны исследователям еще раньше, часть книги 1 турецких дел за 1512–1521 гг., книга 1 ногайских дел за 1489–1509 гг.[23] В 1893 г. отдельным изданием вышел реестр Н. Н. Бантыш-Каменского[24], а в 1894 г. — отставший от первых на три четверти столетия пятый том «Собрания государственных грамот и договоров», где были помещены русско-крымские договоры 1474 и 1480 гг. Некоторые другие документы вошли в публикацию В. Казимирского[25]. Большую публикаторскую работу

---

[11] Сборник Муханова. М., 1836. 2-е изд., доп. СПб., 1866; Сборник князя Оболенского. Т. I. М., 1838. Ср.: *Банионис Э.* Введение // Литовская метрика. Книга записей 5. Vilnius, 1993. С. 10–11.

[12] Zdanie sprawy o tatarach litewskich, przez jednego z tych tatarow zlozonem sultanowie Sulejmanowie w roku 1558. Z jezyka tureckiego przelozyl, objasnil i materjalami historycznemi uzupelnil A. Muchlinski. Wilno, 1858.

[13] АЮЗР. Т. I. СПб., 1863.

[14] Татарские и турецкие акты, найденные в Крыму // ЖМНП. 1839. Ч. 21. Отд. VII. С. 39–44; *Мурзакевич Н.* Письменные памятники Тохтамыша // ЖМНП. 1840. Ч. 27. Отд. II. 1850. С. 675–678; *Григорьев В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // ЗООИД. Т. I. 1844. С. 338. Среди нарративных источников в первую очередь следует назвать «Историю семи планет»: Казем-бек. Asseb a-sseyyar или Семь планет в известиях о царях татарских (перевод сочинения крымского историка Сейид-Мухаммед-Ризы). Казань, 1832; Precis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'a l'an 1198 de l'hegire / Trans. M. Kazimirski et A. Jaubert // Nouveau journal asiatique. 1833. P. 349–380, 428–458; Извлечение из истории семи планет // ЖМНП. 1835. Ч. VI; *Негри А.* История крымских ханов: перевод турецкой рукописи // ЗООИД. Т. 2. 1848. С. 680–687; *Babinger F.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927.

[15] См. предшествующую сноску, а также: Ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 г. / Издан М. А. Оболенским. Казань, 1850; *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея. Казань, 1851; Дипломатический кодекс материалов о России и Польше // Собр. М. Догель. Ч. 3. Отношения Польши к казакам, Крыму и Турции // ЖМНП. 1842. № 11. 1843. № 6.

[16] *Березин И.* Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗОООД. Т. 8. 1872. Прил. 22. С. 1–9; *Он же.* Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Там же. Прил. 23. С. 10–23. Ср. также сн. 13.

[17] *Самойлович А. Н.* И. Н. Березин как тюрколог (1818–1919) // Записки «Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской АН». Т. I. Л., 1925. С. 168; *Усманов М. А.*

Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 122.

[18] См. подробнее: *Веселовский Н.* Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904) // ЖМНП. 1904. Ч. 352. Апрель. С. 205.

[19] *Вельяминов-Зернов В. В.* Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1859. Оценку этого издания см.: *Zajączkowski A.* Dyplomatyka Zlotej Hordy i Krymu z XV w. (nowe materialy z Archiwum tureckiego) // PH. T. 37. 1948. S. 212.

[20] *Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 г. Сочинено из старинных книг и столпцов, хранящихся в Московской Государственной Коллегии иностранных дел архиве... 1793 года // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 178–419.

[21] Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями / Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1864.

[22] *Бережков М. Н.* Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // ИТУАК. № 21. 1894. С. 27–55; *Он же.* Крымские дела в старом Царском архиве XVI в. на основании современной архивной описи // ИТУАК. № 19. Симферополь, 1893. С. 93–100; *Смирнов В. Д.* Сборник некоторых важнейших известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881; *Лашков Ф. Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве МИД // ИТУАК. № 9. Симферополь, 1891.

[23] Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 41, 95. СПб., 1884, 1895. Тома изданы под наблюдением Г. Ф. Карпова.

[24] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779 г. Симферополь, 1893.

[25] СГГД. Ч. V. М., 1894. № 1–4; *Kazimirski W.* Documents sur les rapports diplomatiques de l'ancienne Russie avec les puissances etrangeres et notamment la Crimée. СПб., 1884–1898.

параллельно с Русским историческим обществом проводили Таврическая ученая архивная комиссия и Таврическое общество истории, археологии и этнографии[26].

Несколько отставало издание материалов Литовской метрики: для изучения истории Великого княжества Литовского не было достаточных политических условий. Лишь в 1881 г. польский историк К. Пулаский опубликовал траскрибированную латиницей варшавскую копию второй части пятой книги записей Литовской метрики, написанную в оригинале кириллицей[27], а в начале XX столетия Археографическая комиссия издала ее первую часть[28].

Формирование экономического направления в буржуазной историографии конца XIX в. вызвало повышенный интерес к различного рода финансовой документации. Это привело к появлению томов материалов соответствующего содержания из Литовской метрики, подготовленных С. А. Бершадским, М. В. Довнар-Запольским и рядом других исследователей[29]. В то же время польская историческая наука переживала период формирования, сопровождавшийся подъемом публикаторского дела. Серийные издания литовских и польских актовых материалов, польских и немецких хроник создали базу для изучения не только русско-литовских отношений, но и крымско-литовских, разворачивавшихся параллельно и в тесном взаимодействии с русско-крымскими.

Канун и годы Первой мировой войны принесли некоторое сокращение публикаторских начинаний. Тем не менее виднейший русский специалист по истории Крымского ханства В. Д. Смирнов ввел в научный оборот серию грамот XVI–XVII вв.[30], тщательно проанализировал три тарханных ярлыка XV в. — Хаджи-Гирея 1459 г., Менгли-Гирея 1468 и 1485 гг. Достоинства и недостатки публикации 1913 г. подробно

Ср.: *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Российской академии наук. 1888. № 3. С. 1–40.

[26] *Филоненко В. И.* Наукова діятність Тавріиськоі ученой науковоі архівноі комісіі і Тавріського товаріства історіі, археологіі та етнографіі (1887–1929) // Архіви Украіни. 1967. № 1. С. 31–34.

[27] *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich. Kraków, 1881. В эту публикацию вошла и часть 7 книги записей, ранее изданная М. А. Оболенским. Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 // Сборник князя Оболенского. № 1. М., 1838.

[28] Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 27. СПб., 1910.

[29] *Довнар-Запольский М. В.* Московские упоминки татарским ордам. СПб., 1900; *Он же.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга метрики Литовской 1502–1509 // ИТУАК. 1898. № 28. С. 1–91; *Kazimirski W.* Documents sur les rapportes diplomatiques de l'ancienne Russie avec les puissances ètrangers et notamment la Crimée. СПб., 1884–1898.

[30] *Смирнов В. Д.* Крымско-ханские грамоты // ИТУАК. № 50. Симферополь, 1913. С. 140–178; *Он же.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // Там же. № 54. 1918. С. 1–19. Ему же принадлежит и ряд других публикаций источников. См: *Он же.* Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881; *Он же.* Таврическая монета: очерк истории Феодосийского двора // Горный журнал. 1892. С. 1–60.

рассмотрены М. А. Усмановым[31]. Еще одну часть первой книги турецких дел за 1522–1533 гг. опубликовал Б. И. Дунаев[32].

В первые годы советской власти традиция издания и изучения крымских актовых документов еще сохранялась. Благодаря усилиям С. Вахидова был издан и проанализирован ярлык хана Сахиб-Гирея[33]. А. Н. Самойлович продолжил изучение ярлыков хана Тохтамыша[34]. Но с этой традицией, равно как с «татароведением», с научными обществами, где исследователи могли бы обсуждать его проблемы, с самими учеными столь редкой специальности, требовавшей разнообразных филологических и других познаний, было покончено в конце 20-х гг.: общества были распущены, исследователи частично репрессированы, частично лишились работы. На протяжении полустолетия в СССР наступил полный застой в сфере издания письменных источников и изучения средневекового Крыма[35].

Инициатива в этой сфере перешла сначала к турецким, а затем французским ученым. В 1940 г. Ф. Куртоглу и А. Курат перевели на современный турецкий язык около 10 документов, относящихся к истории Крымского ханства периода власти султанов. Среди них письма ханов Менгли-Гирея и Нур-Девлета султану Мехмеду II, а также письма султану ширинского бея Эминека. А. Курат издал обзор ряда материалов музея Топкапы и ряд ярлыков, среди которых тарханный ярлык Хаджи-Гирея[36]. Более полный обзор архива этого же музея принадлежит французской исследовательнице Ш. Лемерсье-Келькеже в 1964 г.[37], опубликовавшей впоследствии некоторые материалы в серии статей и, наконец, в соавторстве с другими соотечественниками в 1978 г. подготовившей специальный том[38], который содержит ряд основополагающих документов по истории русско-крымских отношений. Среди них послание Мухаммед-Гирея, направленное султану весной 1521 г. Оно позволяет понять расстановку сил в Восточной и Юго-Восточной Европе накануне крымского похода на Москву 1521 г. Данная публикация вызвала огромный интерес научной общественности как в России[39], так и в США. В этой связи особенно значимы статьи В. П. Остапчука. Автор их уточняет палеографию, датировки документов и ставит ряд принципиальных для истории Крымского ханства вопросов[40]. К публикации материалов относительно связей скандинавских государств с Крымом подключились и историки этих стран[41]. Однако в их распоряжении имеются лишь более поздние, начиная с XVII в., материалы. В 1996 г. ведущий турецкий историк, медиевист и классик «крымоведения» Х. Иналджык опубликовал книгу должников Кафской таможни за 1 июня 1487–1490 гг. Ревизия таможни была произведена в то время, когда Османская империя остро нуждалась в средствах в ходе и по окончании разорительной войны с мамлюками 1485–1491 гг.[42]

---

[31] *Усманов М. А.* Официальные акты ханств Восточной Европы. С. 125–126; *Он же.* О новых ярлыках ханств Джучиева улуса XIV–XVI вв. // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 46–51.

[32] *Дунаев Б. И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.

[33] *Вахидов С.* Ярлык хана Сахиб-Гирея // Вестник Научного общества татароведения. № 1–2. Казань, 1925. С. 29–37; *Он же.* Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. 1925. С. 61–92.

[34] *Самойлович А. Н.* Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // ИТОИАЭ. № 1 (58). 1927.

[35] Издавались лишь сборники документов по истории отдельных регионов. Например: История Татарии в материалах и документах. М., 1937; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / Подг. А. Якубовский. М., 1933 и др. аналогичные.

[36] *Kurtoglu F.* Kirim Hanlarinin mektuplari // Belleten. Turk tarih kurumi (далее — BTTK). Cilt 1. № 3, 4. Ankara, 1937; *Kurat A. N.* Topkapi Sarayi Muzesi Arsivindeki Altin Ordu, Kirim ve Turkestan hanlarina ait yarlik ve bitikler. Istanbul, 1940. Об этом последнем издании см.: *Zajączkowski A.* Dyplomatyka Zlotej Hordy i Krymu. S. 212–216; *Малов С. И.* Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953. С. 187–193 (приложен перевод ярлыка Хаджи-Гирея 1453 г.); *Усманов М. А.* Официальные акты ханств Восточной Европы. С. 130.

[37] *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les bibliotheques et les archives de Turquie en tant que sources des documents sur l'histoire de Russie // CMRS. 1964. Vol. 5. № 1. P. 105–140.

[38] Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapi (далее — КСАМРТ). Paris, 1978.

Несмотря на усилия турецких и французских историков, османские делопроизводственные материалы из турецких архивов вводятся в научный оборот крайне медленно. Так, лишь по ссылкам Х. Иналджыка можно судить о книгах кади г. Бурсы, содержащих первоклассный и разносторонний материал о торговле и использовании русских рабов в Турции. Несколько раньше и успешнее шла публикация законодательных актов, хранящихся в Париже. Еще в 1964 г. Н. Бельдичеану подготовил два тома подобных материалов конца XV – начала XVI вв.[43]

Не лучше обстояло дело в СССР в последние годы его существования и обстоит в России теперь. Дважды переизданная первая книга ногайских дел выдержана в традициях русской археографии посольских книг XIX в., она полностью лишена комментариев[44], хотя один из ее издателей — Н. М. Рогожин — четко понимает задачи, стоящие перед отечественной наукой в этой сфере[45]. Лишь новая публикация Э. Д. Банелисом второй части книги записей № 5 Литовской метрики вполне отвечает современным требованиям археографии[46].

---

[39] *Некрасов А. М.* Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России в XVI в. в зарубежной историографии // История СССР. 1983. № 1.

[40] *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources for the History of the Black Sea Basin // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VI. № 4. December 1982. P. 500–528 (далее — *Ostapchuk V.* 1982); *Id.* The Publication of Dokuments on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue des etudes turques. T. XIX. № 65–66. 1987. P. 247–276 (далее — *Ostapchuk V.* 1987).

[41] *Zettersteen K. V.* Turkische, tatarische und persische Urkunden im schwedischen Reichsarchiv. Uppsala, 1945; *Matuz J.* Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiven zu Kopenhagen. Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen. Freiburg, 1976. Обзор копий шведских материалов, хранящихся в архиве СПб. ФИРИ РАН, сделал В. Е. Возгрин (*Возгрин В. Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВИД. 9. 1978. С. 318–334.

[42] *Inalcik H.* The Customs register of Caffa, 1487–1490. Harvard, 1996. Эти материалы уже дали основу для этно-антропологических выводов (*Галенко О. І.* Про этнічну спорідненість украінцев та кримських татар раніше і тепер // Кримськи татари в минулом и сучаснисьті. Київ, 1997. С. 102 и далее).

[43] *Beldiceanu N.* Les actes des premiers sultans conserves dans les manuscrites turcs de la Bibliotheque Nationale a Paris. Vol. I–II. Paris, 1964.

Подводя итоги рассмотрению процесса введения в научный оборот материалов о русско-крымских отношениях, можно констатировать, что в разных странах он происходил крайне неравномерно, порой оказывался под воздействием неблагоприятных для публикации документов политических обстоятельств — то в Российской империи, то в Советском Союзе, то в Польской республике.

§ 2. Виды источников

1. Делопроизводственные материалы. Посольские книги

Главным источником по истории русско-крымских отношений являются посольские книги двух государств — Русского и Великого княжества Литовского. С них и начнем обзор, оговорив при этом одно обстоятельство, ограничивающее возможности исследователя. Сношения с Крымским ханством в конце XV – начале XVI вв. поддерживали все независимые государственные образования на территории Северо-Восточной Руси, т. е. Московское и Тверское (до 1485 г.) княжества, отчасти Рязанское, Новгород-Северское и Стародубское. Данных о том, в каких формах протекали сношения большинства из них с Крымским ханством, нет. Как правило, это лишь случайные упоминания в московских и княжества всея Руси посольских книгах, которые не дают полного представления о масштабах и формах этих отношений. Известно лишь, что вплоть до конца существования Новгород-Северского и Стародубского княжеств крымские ханы непосредственно сносились с ними, так, в 1515 г. Мухаммед-Гирей предпринял попытку привлечь на свою сторону князя Василия Шемячича, что последний и сделал — впрочем, не без подсказки польского короля и великого князя литовского[47]. Единственный представительный комплекс документов о взаимоотношениях с Крымским ханством сохранило Московское княжество и государство всея Руси.

---

[44] Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489–1508 гг. М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской ордой 1489–1508 гг. / Автор пред. Н. М. Рогожин. Сост. Б. А. Кельдасов, Н. М. Рогожин, Е. Е. Лыкова, М. П. Лукичев. Махачкала, 1995.

[45] *Рогожин Н. М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV – начала XVII вв. // АЕ за 1979 г. М., 1981. С. 202; *Он же.* К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 22–30 и др.

[46] Литовская метрика (1427–1509). Lietuvos metrika (1427–1509) (далее — ЛМ). Книга записей 5. Knyga № 5. Vilnius, 1993.

[47] Сб. РИО. Т. 95. С. 167, 175, 527.

а) Посольские книги Русского государства

Благодаря длительному независимому или полунезависимому существованию Крымского ханства сношения с ним сохраняли большую актуальность для Русского государства, Российского царства и империи. Принцип старины, характерный для всего средневековья, отличавшегося последовательной приверженностью к традиции, проводился с помощью ссылок на прошлое; для отношений Руси и Крыма это прошлое документировалось в посольских книгах с русской стороны и, вероятно, в собрании посольских документов — с крымской. Если последнее в результате похода Миниха 1736 г. исчезло бесследно, то первые сохранились в недрах государственного архива России.

Крымские посольские книги являются, как справедливо отметил М. Н. Бережков, древнейшими из сохранившихся[48]. Они открываются 1474 г., годом начала дипломатических сношений. Имеется ряд больших лакун — за 1509–1515 гг. и 1519–1521 (фактически 1519–1523 гг.). При этом первая из этих лакун определяется просто утратой имевшихся ранее книг, вторая обусловлена самим ходом русско-крымских отношений. Наиболее ранняя книга охватывала первоначально 1474–1505 гг. По мнению М. Н. Бережкова, это была текущая книга, куда заносились переписываемые различными лицами все вновь поступавшие дела. Различный формат бумаги и различные почерки, некоторые остававшиеся пустыми листы свидетельствуют, казалось бы, в пользу его мнения. Тот факт, что книга была обтрепана только в начале и в конце, дефекты последнего листа, отсутствие начала первой тетради, документов за некоторые годы говорят о первоначально отдельном хранении материалов различных посольств. Настоящий экземпляр представляет из себя, видимо, копию сохранившихся документов, относившихся к какому-то определенному времени, которое можно установить лишь после основательного палеографического анализа книги.

Каким образом велись посольские книги? М. Н. Бережков в работе 1894 г. высказал предположение, что посольские книги велись приказными дельцами[49]. В наши дни Ю. Г. Алексеев поддержал это мнение[50], в определении времени складывания приказной системы пойдя значительно дальше всех своих предшественников, в том числе и Л. В. Черепнина — сторонника идеи формирования централизованного государства уже в конце XV в.[51] Думается, косвенные упоминания в самих посольских книгах свидетельствуют о том, что дипломатическое ведомство в начале XVI в. еще не отпочковалось от Дворца. Так, в феврале 1509 г., давая устный наказ В. Г. Морозову, Василий III распорядился отметить

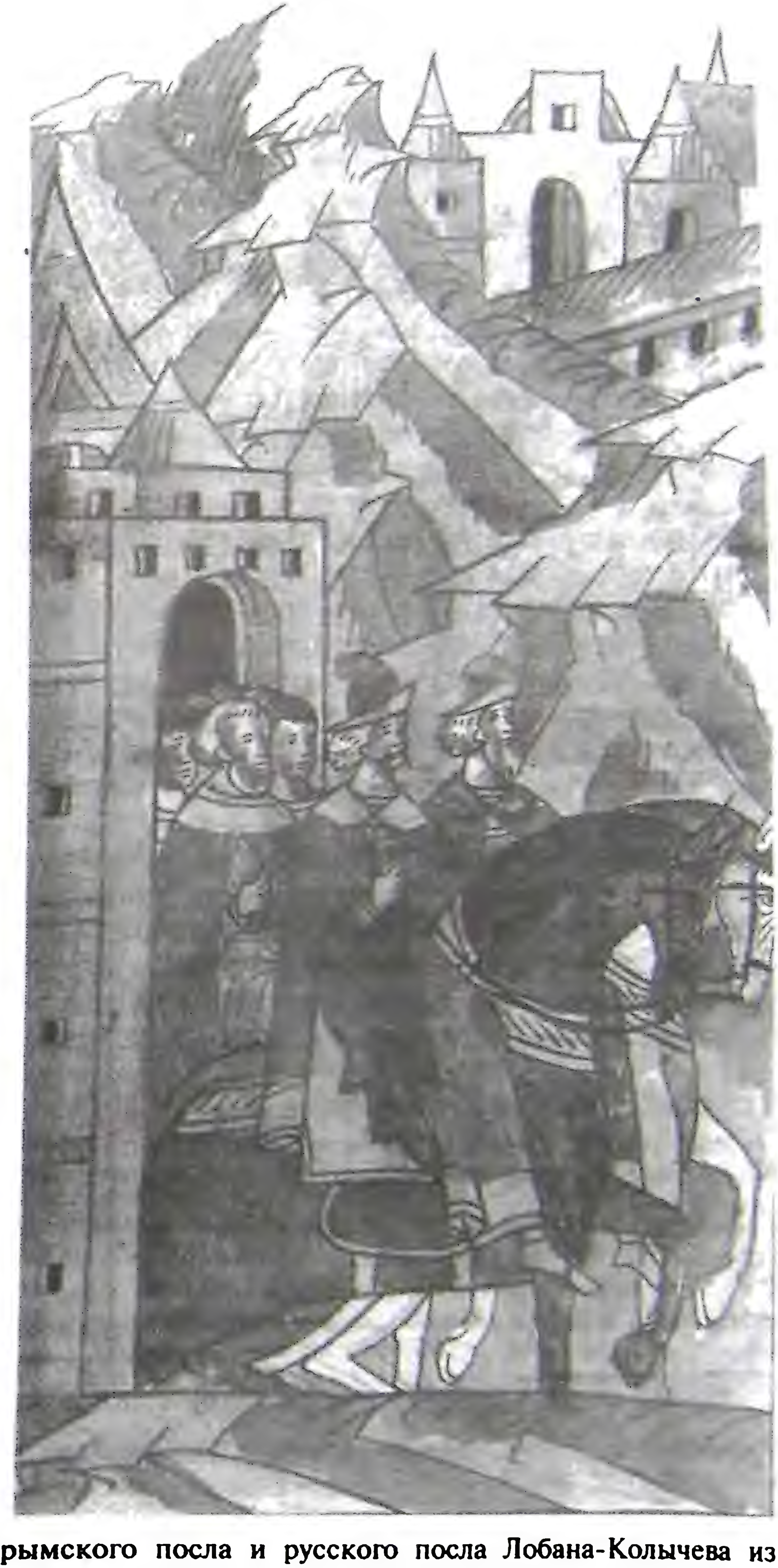
---

[48] *Бережков М. Н.* Древнейшая книга... С. 27–55.

[49] Там же. С. 35, 36.

[50] *Алексеев Ю. Г.* Реформы 80–90-х гг. XV в. в Русском государстве // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1985. С. 62–65; *Он же.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

[51] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.



Отпуск крымского посла и русского посла Лобана-Колычева из Москвы (РНБ. Миниатюра Лицевого свода XVI в. Шум. том. Л. 466 об.)

его в посольских книгах и сделал это в такой форме: «...а у себя велел здесе написати памяти для, что и о тех делех с Васильем наказано»[52]. Видимо, для великого князя посольское дело — это свое, т. е. дворцовое дело. В составе самого Дворца должны были находиться и ведавшие им лица.

Вопрос о времени составления книг специально рассматривался лишь М. Н. Бережковым, а в наши дни — Н. М. Рогожиным[53]. Первый из них, впрочем, не дал определенного ответа, ограничившись указанием на наличие крымских книг уже в первой половине XVI в. Относительно же книг середины XVI в. он полагал, что «книги в Посольском приказе составлялись очень скоро вслед за поступлением туда отдельных документов посольских и по мере накопления их там»[54]. Однако вплоть до 20-х гг. XVI в. материалы крымской посольской книги оставались именно «тетрадями»[55]. Даже в 1561–1570 гг., когда, как установил А. А. Зимин, составлялась опись Государственного архива[56], только часть крымских дел, судя по описанию ящика № 36, представляла из себя книги[57]. Некоторые материалы, в том числе и древнейшую книгу, брал к себе «наверх» сам царь Иван Грозный, очевидно, в конце 60-х гг. И исчезновение части документов связано, возможно, с использованием их царем. Так, в 101 ящике находились материалы посольства Константина Заболоцкого, которые Иван IV велел «оставить у себя»: «...грамоты шертные крымские Костянтина Заболоцкого, что с ним ходило в Крым, бесерменским письмом, да грамота салтанова, переводу им нет; да грамота Мин-Гиреева с переводом, помечено на ней: "Оставит(ь) ее здесе"». Это, очевидно, были отдельные документы, равно как и в ящике 104, где также хранились оригиналы крымских грамот («А в нем отпуск Степана Ивановича Злобина, и списки черные, и иные отпуски, и ярлыки, что присланы ис Крыма»), которые впоследствии не сохранились[58]. В описи Царского архива, наряду с отдельными документами, еще не организованными в книги, находились и «тетради». Одна из них — в ящике 105 — содержала копии тех документов, которые получил Абдул-Латиф в дополнение к пожалованию Каширой[59]. Итак, вплоть до 1561–1570 гг. некоторые материалы посольской переписки с Крымом и Османской империей оставались в виде отдельных документов и лишь в связи с упорядочением архива и начавшейся специализацией государственного управления переписывались в книги. В это же время были сделаны и переводы тех крымских грамот, которые оставались на языке подлинника. Если принять это предположение, то сомнительным покажется приводившееся выше мнение Ю. Г. Алексеева о формировании приказных учреждений и заведении ими собственного делопроизводства уже в конце 80-х гг. XV в.

---

[52] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 67. II.1509.

[53] *Рогожин Н. М.* Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. и ее место среди материалов Посольского приказа начала XVII в. // Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. М., 1979. С. 26–30; *Он же.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. и автор вступит. статьи Н. М. Рогожин. М., 1990; *Он же.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.

[54] *Бережков М. Н.* Крымские дела в старом Царском архиве XVI века на основании современной архивной описи // ИТУАК. № 19. Симферополь, 1893. С. 97; *Он же.* Древнейшая книга... С. 35.

[55] Сб. РИО. Т. 95. № 38. С. 682.

[56] Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подготовка текста и комментарий А. А. Зимина. Вып. I. М., 1978. С. 25.

[57] Там же. С. 60.

[58] Там же. С. 61. О существовании таких грамот в более раннее время писал и М. Н. Бережков (*Бережков М. Н.* Древнейшая книга... С. 45). Ср.: Сб. РИО. Т. 41. С. 155, 320, 328–330, 377, 390–394.

Важен и целый ряд других спорных вопросов, касающихся крымских посольских дел. До конца не выяснены вопросы о языке общения и месте изготовления переводов. Казалось бы, естественно полагать, что послания из Крыма подвергались переводу лишь в Москве, что показывают и опись Царского архива, и более поздняя практика[60]. Об этом писал и М. А. Усманов, который полагал, что кыпчакский язык, остававшийся по традиции функциональным, был вполне освоен московской канцелярией: «...почти все послания Гираев писались по-татарски, и они переводились на русский язык в Москве; что же касается русских грамот, то они отправлялись в Крым в двух экземплярах — в русском оригинале с его татарским противнем»[61]. Однако дело обстоит не так просто. В послании Менгли-Гирея от 2 сентября 1509 г. относительно денежных дел сытника крымского хана — некоего Григора появляется старобелорусский термин «забавил», т. е. задержал[62]. Речь шла о невозвращении Михаилом Львовичем Глинским отобранных у Григора денег, причем совершенно неясно, происходило ли это в Литве или на Руси, уже после переезда Глинского в Москву. Более вероятно, впрочем, первое. Употребление же термина «забавил» может быть истолковано двояко: либо послание Менгли-Гирея было составлено в Крыму самим Григором, судя по имени, выходцем из белорусских или украинских земель Великого княжества Литовского (ВКЛ), либо в Москве к переводу приложил руку его соотечественник.

В целом лексика крымских посольских книг изучена недостаточно. Можно согласиться с Э. Кинаном и М. А. Усмановым в том, что московские переводы — это документальные подстрочники, где наряду с адекватной передачей текста представлены и кальки ряда понятий, а соответственно эти переводы являются вполне надежным источником сведений о русско-крымских отношениях[63]. Однако некоторые детали подобных «калек» нуждаются в дополнительном исследовании (неясен, например, термин «хожаш»)[64], и эта задача еще ждет решения.

---

[59] ГАР. С. 60, 61.

[60] *Кулмаматов С.* Старые русские переводы хивинских и бухарских челобитных XVII в. как лингвистический источник. АКД. М., 1983. С. 7, 10.

[61] *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса. Казань, 1979. С. 108–109.

[62] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 77.

[63] *Keenan E. L.* Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. Vol. XXVI. № 4. 1967. P. 549; *Id.* The Jarlyk of Axmed-Xan to Ivan III: A New Reading // Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. V. 1967. P. 548–558; *Усманов М. А.* Жалованные акты. С. 192–193.

Обсуждается и другой вопрос — о полноте и ценности русских посольских книг как исторического источника. Иногда молчаливо подразумевается, что ими исчерпывается весь относящийся к тому или иному посольству материал, и что книги являются вполне надежным источником. Однако это далеко не так. Дела государственной важности — а для великих князей не было более существенного вопроса, чем вопрос об их собственной власти и престиже — поручались послу устно, а сведения об этом факте лишь заносились в посольские документы. Так, в феврале 1509 г., отправляя В. Г. Морозова Поплевина в Крым, «о здешних делах» «о своей братье и о Глинском з братьею, как у великого князя живут, наказал князь великий Василии словом, да и про здешних волошан, что лихо думали (Елену Волошанку, вдову Ивана Ивановича Молодого и ее окружение. — *А. Х.*), или про внука (Ивана III — Дмитрия Ивановича. — *А. Х.*) спросят, и о том князь великии с Васильем наказал, а у себя велел здесе написати памяти для...»[65]. Таким образом, о наиболее важных делах, касавшихся, в частности, легитимности своей власти, Василий III предпочитал давать лишь устные наказы, о сущности которых посольские документы умалчивают.

Как показало исследование Н. М. Рогожиным посольской книги по связям с Англией 1613–1614 гг., окончательный текст дипломатических документов подвергался значительному редактированию[66]. В том же убеждают и посольские книги по сношениям со Священной Римской империей германской нации 1517 г. Сопоставление их с пересказом хода дипломатических переговоров имперским послом С. Герберштейном свидетельствует о сокращении всех эпизодов, могущих быть истолкованными как умаляющие честь русского государя[67]. В частности, были опущены существенные подробности о дискуссии русских дипломатов с имперским послом о титулатуре великого князя. Все это заставляет с известной долей осторожности относиться к показаниям посольских книг, которые, видимо, подвергались редактированию и в изучаемое время. Есть в них и некоторые хронологические неувязки и разночтения с сохранившимися документами. Так, по крымской книге через неделю после 24 декабря 1508 г. посол Магметша просил закончить дело Абдыл-Латифа; на его же собственной грамоте вместо 31 стоит 29 декабря[68].

Тем не менее при отсутствии крымской дипломатической документации приходится прибегать к русской, памятуя о том, что книги составлялись в угодном для русских правителей духе.

---

[64] Сб. РИО. Т. 95. С. 473.

[65] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 67. Ср.: с. 557.

[66] *Рогожин Н. М.* Посольская книга... С. 26–30; *Он же.* Посольские книги России. С. 121–165.

[67] *Хорошкевич А. Л.* Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 23–24.

[68] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 45.

б) Материалы посольских сношений Великого княжества Литовского с Крымским ханством

Литовские посольские материалы в целом являются однотипными с русскими крымскими посольскими делами. В силу особенностей ведения посольских дел, основанного на хронологическо-канцелярском принципе, и их более позднего хранения в архиве Литовского княжества и Речи Посполитой, посольская документация с Крымом не образовала особых книг. Относительно компактны дела конца XV – начала XVI в., сконцентрированные в пределах второй части книги записей № 5. Более же поздние материалы представляют лишь отдельные вкрапления в последующие книги записей — № 6, 7, 8, 15 и др.[69)]

Пятая книга записей Литовской метрики (ЛМ) была предметом специального внимания М. Н. Бережкова[70)], который выделил в ней несколько частей:

- лл. 1–124 — книга данин и судовых листов за август 1492 – август-сентябрь 1503 гг.[71)]; по М. Н. Бережкову — это книга № 3; ее продолжение на лл. 296–320 относится к августу 1503 г. – июлю 1506 г.;
- лл. 126–152 об. — книга посольств 1492–94 гг. (№ 25), к которой приложен документ 1498 г., вписанный после окончания ведения книги;
- лл. 153–283 об. — книга посольств 1494–1503 гг. (№ 26);
- лл. 284–295 об. — сборник старых докончаний Казимира (№ 22);
- лл. 321–325 — четыре посольства 1498 г. и начала 1499 г.;
- лл. 325 об.–331 — различные документы в хронологическом беспорядке (№ 41).

Несколько иную структуру материала во второй части пятой книги записей увидел Э. Баненис. По его мнению, она состоит из ряда посольских тетрадей 1492–1494, 1494–1498, документов 1501–1502 и тетради 1504–1505 гг.[72)]

Для данной темы особый интерес представляет № 26. Здесь представлены материалы посольства 1494–1503 гг. к хану Заволжской (Большой, по русской терминологии) орды Шиг-Ахмату, крымскому хану Менгли-Гирею и великому князю всея Руси Ивану III, дополненные текстом русско-литовского перемирия 1503 г., а также — безо всякого особого заголовка на л. 262 — текстом договоров ливонского магистра и Великого Новгорода 1483 г., новгородско-псковско-дерптского от 13 января 1474 г.

[69)] Из других посольских книг начала XVI в. опубликована одна: Книга посольская княжества Литовского. 1506 // Сборник князя Оболенского. М., 1838.

[70)] *Бережков М. Н.* Литовская метрика как исторический источник. М., 1947. С. 97–98.

[71)] Опубликована в РИБ. Т. 27. СПб., 1910.

[72)] *Баненис Э.* Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV в. – 1569 г.) АКД. Вильнюс, 1982; *Он же.* Книги листов судовых и данины. 1492–1506 гг. // Литовская метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Вильнюс, 1988. С. 33–36; *Банионис Э.* К вопросу о генезисе книг Литовской метрики (последняя четверть XV в.) // Литовская метрика. Исследования 1988 г. Vilnius, 1992. С. 8–45.

(л. 263), новгородско-ливонского 1493 г. (л. 266 об.–268 об.). Видимо, в период подготовки договора с Русью в 1503 г. (или, по мнению Э. Д. Банениса, в 1498 г.[73], что, впрочем, маловероятно), литовские дипломаты подняли хранившиеся в архиве тексты старых докончаний союзника ВКЛ — ливонского магистра и ливонских городов, дабы установить исторические корни претензий Ивана III на титул «государя всея Руси». Недаром литовские послы на переговоры 1503 г. получили инструкцию: «Наперед о тытуле всея Руси листы мають быти осмотрены... бо в записах покою того не ест написано, иже бы его писати мел паном всея Руси»[74]. Вышеупомянутые докончания могли убедить литовских политиков в том, что дипломатическая практика русско-ливонских отношений знала не только этот титул, но и более высокий — титул «царя». Однако русская сторона в отношениях с ВКЛ еще не осмеливалась настаивать на столь высоком титуле. Бороться за его признание довелось уже Ивану Грозному.

Материалы ЛМ представляют несомненный интерес, поскольку позволяют понять, какое место в политике Крымского ханства занимало ВКЛ, как противовес княжеству всея Руси, в какой международной обстановке развертывались русско-крымские отношения на рубеже XV–XVI вв.

в) Виды документов в материалах делопроизводства ВКЛ и княжества всея Руси

К типу делопроизводственных материалов относятся посольские и разрядные книги. Посольские книги — это собрание документов весьма различных видов. Позволим себе не согласиться с М. Н. Бережковым в том, что среди них преобладали в основном «речи»[75]. Действительно, их довольно много, равно как и в источнике другого типа — разрядных книгах. Однако наряду с ними большое место занимали и послания, как русские, так и крымские — ханов и независимых владетелей, статейные списки русских послов в Крым[76]. Посольские книги княжества всея Руси и ВКЛ содержат приблизительно одинаковые типы документов. Это верительные («верющие») грамоты послам, посланникам и гонцам, опасные («охранные») им же, гарантировавшие неприкосновенность представителей иностранного государства на чужой территории[77], и наказы («наука») послам, «памяти» или «списки памятные», которые послы должны были «держати собе, а царю... не давати, ни иному никому от себя не отдавати»[78]. «Памяти, — писал М. Н. Бережков, — особые инструкции, вручаемые послам при самом отправлении их из столицы или дополнительные инструкции им, посылаемые через нарочитых гонцов то вслед отъехавшим послам, то спустя некоторое время»[79]. Наряду с ними большое место занимали послания глав государств, послов и лиц, в той или иной мере причастных к внешним сношениям (панов рад в ВКЛ, например), «ответные» (в ВКЛ они назывались «отказные»), отчеты дипломатов о своем пребывании за пределами родины. Деятельность русских подсобных дипломатических служб — проводников и охраны в XVI в. регулировалась особыми грамотами: ямскими — «подорожными»[80] и казачьими — указными грамотами служилым казакам[81]. В посольские книги включались и «гибельные» или «жалобные» списки утраченных по тем или иным причинам товаров. Аналогичные документы, хотя и без такого наименования, встречаются и в посольских книгах Руси с другими государствами. Вносились и списки полоняников, возвращенных крымцам, списки проводников из числа служилых татар[82].

---

[73] *Банионис Э.* Введение // ЛМ. Книга записей 5. С. 23–27.

[74] ЛМ. Книга записей 5. № 118. 2. С. 260 об. Эти и ряд аналогичных материалов середины XV в. составили содержание так называемого сборника старых докончаний Казимира Ягеллона в этом же томе ЛМ.

[75] *Бережков М. Н.* Древнейшая книга... С. 37.

[76] *Новосельский А. А.* Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления // Проблемы источниковедения. Вып. IX. М., 1961. С. 182–194; *Lemercier-Quelquejay Ch.* La structure sociale, politique et religieuse du Caucase du Nord au XVI-e siècle // CMRS. Vol. XXV. № 2–3. IV–IX.1984. P. 125–148.

[77] Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. С. М. Каштанов и А. Л. Хорошкевич. Вильнюс, 1985. С. 33–36.

Послания глав государств — великого князя всея Руси и крымского хана — имели различное содержание и формуляр. Грамоты ханов и членов крымского двора отражают особенности дипломатики этого ханства. На некоторые из них обратил внимание уже в 1948 г. польский исследователь А. Зайончковский, который на основе материалов, изданных А. Куратом в 1940 г.[83], анализировал формы инвокацио, так называемого темджида, интитуляции, адресанта и отдельных формул диспозиции. Однако его больше всего интересовали древние и древнейшие корни тех или иных формул или терминов (в частности тархана), а не их использование в определенной конкретно-исторической и политической ситуации[84]. Поэтому проблема крымской дипломатики конца XV – начала XVI вв. не снята с повестки дня, несмотря на многие другие посвященные этой теме работы предшественников А. Зайончковского — Ф. Крелица и Л. Фекете, а также их последователей, в первую очередь М. А. Усманова[85]. Уже сейчас можно отметить некоторые характерные черты крымских посланий и их отличия от русских. Если, например, верительная русскому послу в Крым была посвящена только одному вопросу, то в ярлыках-посланиях ханов отдельной разновидности, подобной русской верительной, нет. Крымские грамоты-послания-ярлыки как бы объединяют несколько видов русских грамот. Именуемые в русском переводе то просто «грамотой», то «дружебной грамотой» или «челобитьем»[86], они открываются верительной частью посланцу, включают «уверительную», т. е. обещание дружбы, поддержки, союза и т. д., главе иностранного государства, «запросную»-«челобитье» ему же о каком-либо предмете, деле и т. д. Грамоту, в которой идет речь и о полномочиях посла, и об итогах предшествующих переговоров, и о размерах и формах «запроса» можно — длинно и неуклюже — назвать «верительно-известительно-запросной». Изредка верительная выделяется в отдельный документ, но сохраняет при этом «уверительную» часть. Такова, например, грамота Баба-шиха от октября 1508 г.[87]

---

[78] Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 17. С. 61. 12.VI.1487.

[79] *Бережков М. Н.* Древнейшая книга... С. 42. Ср.: *Индова Е. И.* Русская посольская служба в феодальной России конца XV – первой половине XVI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 302–307; *Рогожин Н. М.* К вопросу о публикации... С. 186.

[80] Сб. РИО. Т. 95. С. 352, 494.

[81] Сб. РИО. Т. 95. С. 425.

[82] Некоторые из этих разновидностей характеризовал Р. М. Кроски (*Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.—London, 1987).

[83] *Kurat A. N.* Topkapi Sarayi Vuzesi Arsivindeki Altin Ordu, Kirim ve Turkistan Hanlarina ait Yarlik ve Bitikler. Istanbul, 1940.

[84] *Zajączkowski A.* Dyplomatyka Zlotej Hordy i Krymu z XV w.

[85] *Kraelitz Fr.* Osmanische Urkunden. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatik. Wien, 1922; *Fekete L.* Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatik, 1926; см. также сн. 78.

В переводах крымских грамот, как правило, отсутствует инвокация. Исключение составляет упомянутая только что грамота Баба-шиха. Обращает на себя внимание очень краткая инскрипция: «брату», «дяде», «великому князю», представляющая существенную особенность крымских грамот на Русь, отличающую их от крымских посланий султану, в которых именно инскрипция являет подлинные образцы восточного красноречия и подчеркивает роль султана как сюзерена хана. За краткостью инскрипции в грамотах на Русь стоит, видимо, понимание разницы положения султана, хана и великого князя, последний из которых выступал то союзником, то противником хана, но постоянно оставался недавним холопом большеордынского хана.

Для крымских посланий на Русь характерна развернутая форма интитуляции. Грамоты на Русь, вероятно, были снабжены роскошной тугрой, подобной той, что была на грамотах, направляемых Крымом в Польшу, Германскую империю, Данию. Многословная интитуляция сохранилась и в русских переводах. Однако всех этих внешних форм суверенности были лишены послания хана султану и даже визирю. Крымские послания в Порту напоминают, по утверждению В. Остапчука, «петиции, поданные вассалом сюзерену»[88], аналогичные тем донесениям, которые подавали визири султану[89], или низшие подданные правительству[90], или донесениям военному начальству[91]. Его предшественник, польский исследователь А. Зайончковский, изучавший крымскую дипломатику, обратил особое внимание на формулы инвокацио, так называемого темджида, интитуляции.

---

[86] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 34, 36.

[87] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 34, 36, 38–39.

[88] *Ostapchuk V.* 1987. P. 256.

[89] *Faroqhi S.* Das Grosswesirtitel: ein aktenkundliche Studie // Der Islam. Bd. 45. 1969. S. 96–116.

[90] *Inalcik H.* Osmanli burokrasisinde aklam ve muamelat // Osmanli Arastirmalari. № 1. 1980. P. 1–14.

[91] *Stojanow V.* Die Entstehung und Entwicklung der osmanisch-türkischen Paläographie und Diplomatik (mit einer Bibliographie). Berlin, 1983.

Равным образом в крымских грамотах на Русь очень кратка и формула салютацио: «поклон», «много-много поклон»[92], иногда «челобитье», которое, впрочем, вряд ли можно отнести к приветствию. Нарративная часть обычно вводится оборотом «слово то», равно как и в других крымских грамотах, адресованных в Стамбул или ВКЛ (в переводе литовских толмачей этот оборот дополнялся глаголом: «Слово наше то есть»). Если в ордынское время термин «слово-sozum», «наше слово-sozumus», как убедительно показал М. А. Усманов, имел оттенок приказа, то в конце XV – начале XVI в. он потерял это значение[93], превратившись лишь в бюрократический оборот в пределах, как полагал Л. Фекете, интитуляции[94].

Нарративная часть крымских грамот открывалась оборотом: «ведомо чиним», «ведомо бы было». Диспозиция, как правило, соответствовала изложению просьбы. В грамотах, направленных на Русь с дипломатическими представителями Крыма, конечный протокол обычно лишен даты, изредка прикладывалась печать (именовавшаяся «нишаном»[95]), синим или красным, квадратной формы — muhur или altin muhur, оттискивавшаяся, по мнению А. Зайончковского[96], вислым цилиндром золотой пайдзе. Упоминаний о подписи, как правило, нет. Напротив, в крымских посланиях в Стамбул довольно часты подписи ханов.

Чрезвычайно важное место занимали договорные крымских ханов или, как их называли на Руси, шертные грамоты, закреплявшие ту или иную систему отношений между главами государств или частью их подданных, и, употребляя современный термин, ратификационные грамоты. Среди последних было много присяжных грамот, отличавшихся по своему формуляру и названиям — «правда», приравнивавшаяся к «роте», «крестоцеловальная грамота». Присяжные грамоты, согласно которым послы обещали от имени своего государя соблюдать заключаемый договор, давались на коране — в Крыму и на евангелии — на Руси. Их диспозитивная часть имела обычно общие черты. Начальный же и конечный протокол резко различались.

Формирование договорных грамот происходит на стыке традиций двух или более государств, заключающих соглашение. Поэтому необходимо их изучение в соответствии с юридической практикой и даже теорией каждого из этих государств. В особенности это важно, если в договорные отношения вступают носители и представители разной культурной, социально-экономической и политической ориентации.

---

[92] Сб. РИО. Т. 95. С. 306, 310. IV.1516.

[93] *Усманов М. А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева улуса // Актовое источниковедение. М., 1979. С.223—226.

[94] *Fekete L.* Arbeiten der grusinischen Orientalistik auf dem Gebiete der türkischen und persischen Paläographie und die Frage der Formel *sozumuz* // Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Т. VII. Budapest, 1957. P. 15–16.

[95] Между тем в османских документах «нишан» входил в состав нотификации (*Stojanov V.* Die Notifikationsformeln «nisan» ubd «sebeb-i tahrir» in den osmanischen Herrschersurkunden // RO. T. 45. 1987. Z. 2. S. 52–65).

[96] *Zajączkowski A.*, *Reichman J.* Zarys dyplomatyki osmańsko-tureckiej. Warszawa, 1955. S. 157.

В практике русско-крымских отношений возникли и такие грамоты, которые, видимо, отсутствовали в других сферах дипломатических сношений Руси. Особым видом шертной грамоты на Руси была поручная по Абдыл-Латифе.

В крымские посольские документы включались и делопроизводственные материалы финансового характера — дефтери, списки лиц, кому предназначались поминки от великого князя всея Руси[97], в которых между прочим содержится ценный материал по генеалогии крымских ханов и родов, в первую очередь Ширинов[98]. Списки самих поминков, как правило, в русские посольские книги не заносились. О них говорится лишь в косвенной форме[99]. Дело в том, что в организации русско-крымских отношений большую роль играла казна, сосредоточившая в своих руках финансовую сторону этих связей. Именно в казне создавались списки, по которым отсылались и раздавались поминки в Крыму. Там проводился учет всех знатных и влиятельных крымцев, достойных внимания, материализованного в виде поминков. «Список казенный» — так в посольских книгах именовались эти учетные документы. Во время пребывания в Крыму посольства В. Г. Морозова 1508–1509 гг. крымцы, в том числе и сам хан, настойчиво добивались ознакомления с таким списком[100]. Казна была не только административным ведомством, но и хранилищем тех самых поминков, которых домогались крымцы. Так, Мухаммед-Гирей летом 1509 г. требовал, чтобы Василий III «из своей казны взяв добрый пансырь... прислал бы еси»[101]. Казначеи имели власть вмешиваться и в религиозно-политические отношения двух стран. Именно к казначеям Ю. Д. Траханиоту и П. Головину в марте 1519 г. обратился крымский посол Аппак по вопросу, казалось бы, не относящемуся к их компетенции — о дипломатическом протоколе и «незаконном» ношении самим Аппаком чалмы, что по его мнению должно было повысить его престиж на Руси, но повлияло прямо противоположным образом[102]. Гибель архива казны в пожаре 1626 г. лишает возможности в полноте воссоздать историю русско-крымских экономических связей. В отличие от Русского государства, в ВКЛ значительно лучше сохранились финансовые документы, в том числе и списки «упоминков» — даров крымскому хану и всему его окружению[103].

Отдельные представители крымской знати выезжали на Русь по особой «крепкой» или «крепостной» грамоте, название которой М. Н. Бережков возводил к подтверждению или утверждению ее великим князем с помощью крестоцелования[104]. Эта грамота гарантировала им неприкосновенность жизни и имущества в чужой стране (см. подробнее главу VI). В течение изучаемого времени самоназвания этой разновидности грамот изменялись. Если грамоты выезжим крымцам в конце XV в. назывались «крепкими» или «крепостными», то точно такие же в 1518 г. приобрели иное наименование — «опасных»[105]. По этим изменениям можно точно проследить становление русской практической дипломатики, ее освобождение от воздействия тюркоязычной традиции.

---

[97] Сб. РИО. Т. 95. С. 636.

[98] *Ostapchuk V.* 1982.

[99] Сб. РИО. Т. 41. С. 54, 56–67, 214, 352, 365, 372, 485.

[100] Сб. РИО. Т. 95. № 42. С. 82–83. 12.IX.1509.

[101] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 79. 12.IX. 1509.

[102] Сб. РИО. Т. 95. № 36. С. 632. III.1519.

[103] *Довнар-Запольский М. В.* Литовские поминки татарским ордам. СПб., 1900.

[104] *Бережков М. Н.* Древнейшая книга... С. 43. Прим. 2, 4.

Вторым типом делопроизводственных материалов следует назвать разрядные книги[106]. Они также содержат различные виды документов. Главной частью их был собственно разряд, т. е. назначение тех или иных лиц для выполнения какого-либо поручения, причем не только военного (непосредственно связанного с ведением военных действий), но и воинского, например, по охране дипломатических представителей.

В конце XV в. в связи с реорганизацией войска и управления им составлялись «наказные» речи великого князя воеводам, отправляемым на то или иное дело[107]. Практика выдачи подобных распоряжений сохранилась до начала XVII в. Главной частью наказа были «речи» великого князя — несомненный пережиток того времени, когда князь возглавлял полки сам, сам их «разряжал» и руководил боевыми действиями. С течением времени «речь» приобретала не только значение практической инструкции, но и идейно вооружала воинов. Примером подобной речи может служить занесенная под 1531 г. «речь» коломенским воеводам, посланная с дьяком Афанасием Курицыным[108]. Наряду с речами в 20–30-е гг. использовались и «наряды» (например, «наряд от поля»[109]) — письменные инструкции, вручавшиеся исполнителям воли великого князя (как можно судить по такому замечанию 1501 г.: «майя в 14 день в нарядах написано в речи ноугородцким намесником»[110]) и «росписи» («роспись от поля»[111]). В ходе военных действий поддерживалась переписка с воеводами[112], вероятно, поступали их отчеты с описанием военных действий[113], наконец, сведения о посольских делах с Крымом и Казанью и переговорах с этими ханствами[114].

Вследствие жанрового разнообразия разновидностей документов, включенных в разрядные книги, они являются очень важным и ценным источником по истории русско-крымских отношений. По ним можно представить характер обороны южных границ страны, степень напряжения военных сил Русского государства на этих рубежах[115], участия выезжих крымцев в охране «государственных» границ и русско-крымских военных конфликтах. Однако поскольку разрядные книги составлялись на основе копий или подлинников тех документов, которые поступали от великого князя или направлялись к нему, и весьма значительное время спустя после их составления (при этом неизвестно, кем и каким образом осуществлялась подборка и систематизация этих материалов), трудно быть уверенным в полноте сведений о роли выезжих крымцев в русском войске. Вообще нет данных за 1518, 1523 и некоторые другие годы.

---

[105] Сб. РИО. Т. 95. С. 41–44. Ср.: С. 558–559, 602, 691, 692, 694, 704–705.

[106] О них см.: *Буганов В. И.* Обзор списков разрядных книг последней четверти XV – начала XVI в. // Проблемы источниковедения. Т. VI. М., 1958. С. 152–158.

[107] Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее — РК). М., 1966. С. 31–33, 47.

[108] Там же. С. 76.

[109] Там же. С. 72. 1529 г.

[110] Там же. С. 31. О термине «наряд» см.: Сл. РЯ XI–XII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 230.

[111] Там же. С. 74–75. 1530.

[112] Там же. С. 42.

[113] Там же. С. 40.

[114] Там же. С. 32, 35, 28.

2. Актовый материал

Выделение этого раздела несколько условно, поскольку в посольские книги включались и актовые материалы, в первую очередь договорные грамоты[116]. Их анализ будет произведен позже, здесь же речь пойдет о жалованных грамотах как русских государей, так и крымских ханов. Последние носили название ярлыков. В пределах 1530 г. известны пять ярлыков Менгли-Гирея, два — Мухаммед-Гирея, два Сахиб-Гирея[117], которые характеризуют внутреннюю структуру ханства и при сравнении их с двумя ярлыками Хаджи-Гирея дают некоторое представление об эволюции социальной структуры и экономического развития ханства. Скептическое отношение Н. И. Веселовского и вслед за ним В. Е. Сыроечковского к ярлыкам как источнику по истории податного обложения и административного устройства Золотой орды или Крымского ханства[118] сменилось позднее прямо противоположным. Для данной темы важен раздел интитуляцио.

В настоящее время исследователи, в осбенности, А. П. Григорьев, очень старательно изучают связи крымских ярлыков с золотоордынскими и остальными государственными образованиями Джучиева улуса. Ярлыки ордынских ханов русским митрополитам 1257–1379 гг. дают возможность воссоздать систему ордынского ига над русской церковью и зависимыми от нее людьми. Дипломатический анализ ордынских ярлыков позволяет точнее представить те сдвиги, которые произошли в отношениях Московского княжества и Русского государства и одного из наследников Золотой орды — Крымского ханства, зримо ощутить те сложности, которые стояли на пути молодого Русского государства после свержения ордынского ига[119]. Сходство их формуляров отметил

---

[115] *Буганов В. И.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства начала XV – первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980. С. 206–218.

[116] Автору осталась недоступной работа Ш. Буржуа (*Bourgeois Ch.* Les yarliks ou lettres patentes des khans tartares // Revue de l'histoire des missions. Vol. 10. 1933. P. 296–301).

[117] *Усманов М. А.* Жалованные грамоты. № 7, 8, 10–15. С. 31–36.

[118] *Веселовский Н. И.* Рец.: Приселков М. Д. Ханские ярлыки // ЖМНП. 1917. № 3–4. С. 120; *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 21.

[119] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права (далее — ПРП). Вып. III. М., 1955. С. 465–471. Здесь же и основная библиография работ

А. П. Григорьев: «Поскольку Крымское ханство являлось феодальным государственным образованием, во главе которого находился представитель чингизидского рода, — пишет он, — чиновники крымско-ханской канцелярии истово придерживались формуляров, принятых в золотоордынской канцелярии»[120]. В дальнейшем изложении придется снова обратиться к этой теме.

Для понимания характера русско-крымских отношений и их отличия от русско-литовских и литовско-крымских чрезвычайно важны ярлыки крымских ханов литовским великим князьям, впервые опубликованные в середине XIX в. Б. Барвиньским, но, к сожалению, в усеченном виде (полностью они сохранились в списках XVI в. в так называемых Теках Нарушевича и воспроизведены в полном ошибок издании И. Голембиевского). Эти ярлыки стали предметом пристального внимания А. Прохазки, восстановившего их эволюцию, и Л. Колянковского, внесшего дополнения к изданию Б. Барвиньского[121].

К источникам ярлыков Менгли-Гирея великим князьям литовским Л. Колянковский относит не только ярлыки Хаджи-Гирея, как это делали его предшественники, но и ярлык Улуг-Мухаммеда. Из последнего происходит фраза, воспроизведенная в прим. 121, и следующий фрагмент ярлыка Менгли-Гирея, свидетельствующий о заимствовании и преемственности последнего акта: «что пред тым брат наш старейший на коне потным до великого князя Витольта в гостиное приезжал и великую ласку видел», «что ш великии цари, дяды наши и великии царь Ачжи-Кгиреи, отец наш, коли потны кони были, до великого князя Витовта до Литовское земли поехали и великую ласку видели»[122]. В целом ярлыки крымских ханов великим князьям литовским — очень информативный и выразительный источник для характеристики системы международных отношений в Центрально-Восточной Европе, эволюции позиции ВКЛ на востоке и юго-востоке Европы, о взаимообусловленности литовско-крымских, крымско-литовских связей.

до 1955 г. // Там же. С. 491–492. Ср.: *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 28–40; Последнее издание ярлыков см.: Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Ч. IV. М., 1988. С. 585–594.

[120] *Григорьев А. П.* Эволюция формы адресанта в золотордынских ярлыках XIII–XV вв. // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 389. Сер. востоковедч. наук. Вып. 19. Л., 1977. С. 144; *Он же.* Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Там же. № 412. Вып. 25. Востоковедение. 9. 1984. С. 124–143; *Он же.* Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Там же. № 414. Вып. 26. Востоковедение. 10. 1984. С. 122–142; *Он же.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978. Рец.: *Кулмаматов Д. С.* // Советская тюркология. 1979. № 6. С. 86–89. Ср. сн. 266 этой главы.

[121] В разделе, восходящем, по мнению Л. Колянковского, непосредственно к ярлыку Улуг-Мухаммеда («и те замки, которые тут написаны, тех замков с панами, боярами, брату нашему Витовту (было: Витультови. — *А. Х.*), а теперь тебе, брату нашему Жигмонту будут служить»), пропущены слова, вставленные Менгли-Гиреем в договоре 22 сентября 1461 г.: «а теперь брату нашему великому князю Казимиру должны также вечно служить».

[122] АЗР. Т. II. СПб., 1846. № 6. С. 4; Ср.: Книга посольская Великого княжества Литовского: 1506 // Сборник князя Оболенского. М., 1838. С. 37, 43.

3. Нарративные источники

Нарративные источники по истории русско-крымских отношений можно разделить и по видовому признаку, и по национальному, что дает в некоторой степени перекрещивающиеся результаты. Летописи велись только на Руси, термином «хроники» объединяются повествовательные сочинения, происходящие и из позднего Крыма, и из современных теме сочинений польских авторов. Поэтому более целесообразна классификация материала по видовому признаку.

На первом месте по богатству сведений о русско-крымских отношениях стоят русские летописи, созданные в конце XV в. – 60-х гг. XVI в. Это так называемый московский свод, сокращенные своды 1493 и 1495 гг., многочисленные летописи начала XVI в. (свод 1508 г., Уваровская 1518 г., Вологодско-Пермская 1526 г., Никоновская второй половины 20-х гг. XVI в., Воскресенская 1542 г.)[123]. Поскольку все эти летописи неоднократно характеризовались отечественными историками[124], позволим себе ограничиться их перечислением. Среди польских хроник особую важность имеет «История Польши и Великого княжества Литовского» Бернарда Ваповского, изложение в которой доведено до 1535 г.[125]

Крымские исторические произведения типа хроник (сам термин греческого происхождения «противоречит» тюркоязычным сочинениям) восходят по преимуществу к XVII–XVIII вв.[126] Это «История Кипчакской степи» Абдуллы ибн Ризвана XVII в.[127], анонимная история крымских ханов середины XVIII в.[128], «Книга путешествия» Эвлии Челеби середины XVII в.[129] и некоторые другие[130]. Некоторые из них на русском языке известны лишь в отрывках, приведенных В. Д. Смирновым в его работе о Крымском ханстве. Это, в частности, история Сахиб-Гирей-хана, написанная в 50-е гг. XVII в. Реммал-хаджой[131]. Все они дают материал относительно внутреннего социального и политического устройства Крымского ханства, его отношений с ближайшими и дальними соседями, в том числе и с Русью. В большинстве своем это панегирические сочинения, прославляютщие деятельность крымских ханов, отношения которых с другими государствами идеализируются. Для понимания же тех идеологических традиций, которыми руководствовалось в своей политике Крымское ханство, огромное значение имеют «Монгольская история» — Алтан Тобчи[132], «Родословная история о татарах» Абульгази Багадур-хана[133].

---

[123] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. VII. СПб., 1853; Т. XVIII. СПб., 1913; Т. XIII. М.—Л., 1965; Т. 25. М.—Л., 1949; Т. 27. М.—Л., 1962; Т. 28. М.—Л., 1963; Т. 37. Л., 1982; и др.

[124] В связи с русско-крымскими отношениями особый интерес представляют работы Б. М. Клосса и Б. М. Клосса—В. Д. Назарова: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 283–312.

[125] *Wapowski Bernard.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Wilna, 1847/1848.

[126] Два тюркоязычных сочинения — «Зеркало мира» Мехмеда Нешри и «История дома османов» Кемаль-паши-заде, написанные в конце XV в., остались автору недоступными, равно как и «История» Ибрагима Печеви XVII в. Общий обзор двух первых хроник см.: *Schamiloglu U.* The Umdet ul ahbar and the Turcic narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde // Central Asian Monuments / Ed. by H. B. Paksoy. Istanbul, 1992.

[127] *Zajaczkowski A.* La chronique des steppes Kipczak «Tevarich-i-Dest-i Qipcak» du XVII siècle. Warszawa, 1966; *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. Т. I. Одесса, 1844. С. 379–392.

[128] *Кондараки В.* Крымские ханы (список с татарской рукописи) // Одесский вестник. 1865. № 34.

[129] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 1–3. М., 1961, 1979, 1982.

[130] *Мухаммед Неджати-эфенди.* Тарихи Кырым (История Крыма). Перевод с турецкого с предисл. В. Д. Смирнова // Русская старина. 1894. Кн. 3–5.

Особым видом нарративных источников являются «записки» иностранцев. Русско-крымских отношений касаются два почти современника описываемых событий — Сигизмунд Герберштейн и Михалон Литвин. Ценность их сообщений весьма различна. Герберштейн, общавшийся с представителями дипломатического мира Руси, с одной стороны, а с другой — с княжеско-боярской олигархией, недовольной внешней и внутренней политикой Василия III, нарисовал со слов ее представителей довольно полную, но противоречивую картину русско-крымских связей и столкновений начала XVI в.[134] Михалон же Литвин, за псевдонимом которого, как установил Е. Охманьский, скрывался латинский писарь (секретарь) литовской великокняжеской канцелярии Венцлав Миколаевич[135], увидел в Крыму идеал средневекового общества, отчасти предваряя, отчасти идя вровень с мыслителями и писателями других стран Европы, в проектах реконструкции своих государств равнявшихся на Османскую империю или Крым. Его завышенная оценка боевых возможностей Крымского ханства, законности и правильности его внутренней жизни, в частности управления, судопроизводства и т. д. могут быть правильно поняты лишь как полемический прием и форма критики литовского общества[136]. Конкретные же сведения о татарах их комментатор М. А. Усманов оценил весьма критически.

---

[131] *Смирнов В. Д.* История Крымского ханства под главенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887; Полное издание: Tarihi Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551). Ankara, 1973.

[132] *Алтан Тобчи.* [Золотое сокращение] / Пер. ламы Галсана Гамбоева. С пред. П. С. Савельева // ЗАО. T. XIV. СПб., 1858. [Ч.] II. С. 1–81; *Смирнов П. П.* «Алтан Тобчи» как исторический источник: монгольская летопись 1604 г. // Литературный Узбекистан. Ташкент, 1936. Кн. 4. С. 75–87.

[133] *Абульгази Багадур хан.* Родословная история о татарах. СПб., 1762.

[134] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

[135] *Охманьский Е.* Михалон Литвин и его «Трактат о нравах татар, литовцев и московитян» середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 97–118.

[136] См. подробнее: *Дмитриев М. В., Старостина И. П., Хорошкевич А. Л.* Предисловие // Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 14–20.

Более информативны сочинения М. Броневского 70-х гг. XVI в.[137], доминиканского монаха Жана даль Люка 1625 г.[138] Все эти «записки иностранцев», как и путевые заметки Эвлии Челеби, которые с некоторой натяжкой можно причислить к тому же виду источников[139], дают представление о внутреннем устройстве ханства, его географическом положении и природных условиях, хозяйстве и быте.

К источникам по истории русско-крымских отношений следует отнести польские, русские и турецкие карты, впрочем, крайне немногочисленные[140] Наиболее ранняя из них — турецкая карта, отнесенная ее издателем З. Абрахамовичем к концу XV – началу XVI вв. (1495–1504 или 1506 гг.)[141]. В. П. Остапчук нашел его аргументы датировки не вполне убедительными, так как карта неполна: на ней указаны Ози (Днепр), Черкес Керман или Черкасы, Мин Керман или Киев, Ози-Очаков и Остер, но нет Канева, Ислам-Кермана, Акермана, хотя система доказательств З. Абрахамовича строилась на отсутствии одного из этих топонимов — Ислам-Кермана. Черкасы показаны как наиболее укрепленный пункт, что скорее соответствует второй половине XVI в.: город был реконструирован в начале XVI в., в 1549 г. построена новая крепость[142].

Сравнительно позднего происхождения и изобразительные материалы. Они преимущественно русские, а именно миниатюры Лицевого свода, созданные в 1568–1576 гг. Наиболее аргументированная точка зрения относительно времени создания Лицевого свода принадлежит Б. М. Клоссу. На основании филиграней бумаги[143], сведений о ее закупке для Александровой слободы, сообщений об авторе или составителе свода — протопопе Благовещенского собора Андрее-Афанасии, данных о захоронении князей в Архангельском соборе[144] он установил, что свод был составлен в 1568–1576 гг.[145] Интересен и вывод автора о месте создания

---

[137] *Броневский М.* Описание Крыма 1578 г. / Пер. с лат. Г. Шершеневича // ЗООИД. Т. VI. 1867. С. 333–367; *Bronevskii M.* Collection out of Martin Broniovius… containing a Description of Tataria // Purchas His Pilgrimes. Vol. XIII. Glasgow, 1906. P. 461–491.

[138] *Жан даль Люк.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов и пр. (1625 г.) / Пер. П. Юрченко // ЗООИД. Т. XI. С. 473–493.

[139] *Смирнов В. Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903. С. VIII–IX; Seraja *Szapszal H.* Znaczenie opisu podrozy Ewlija Czelebiego dla dziejów Chanatu Krymskiego // RO. Lwów, 1934. T. VIII. (1931–1932). S. 1–20.

[140] *Kohlen H.* Some Remarks on Maps of the Crimea and the Sea of Azov // Imago mundi. Vol. XV. 1960. P. 84–88; *Височенко С. М.*, *Сімутіна А. Л.* Середньовічна Тавріка у картографічних зображеннях (за матеріалами колекції ЛНБ) // Зап. Львів. наукової бібл. Вип. 5. 1996. С. 20–39.

[141] *Абрахамович З.* Старая турецкая карта Украины с планом взрыва днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев // Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. С. 76–97.

[142] *Ostapchuk V.* 1982. P. 508.

[143] *Амосов А. А.* Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом своде: заметки о бумаге так называемой Царственной книги // ВИД. 13. Л., 1982. С. 155–193.

[144] *Сизов Е. С.* К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого свода XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 126–140.

[145] *Клосс Б. М.* Никоновский свод… С. 206–265.

Лицевого свода — в книгописной мастерской при церкви Покрова Богородицы в Александровой слободе, и тех кругах, в которых завершалось его создание, — первого послеопричного правительства и группировках, связанных с Чудовым монастырем и подвергшихся опале в 1575 г. Миниатюры Лицевого свода дают возможность воссоздать представления правящих кругов русского общества о русско-крымских отношениях конца XV–XVI вв. Хотя создание миниатюр отдалено от описываемых событий более, чем на полстолетия, крымский вопрос после набега Девлет-Гирея приобрел особую актуальность (что отразилось и во внимании Грозного к крымским посольским делам и в переписке их в книги). Представления русской государственной власти об иерархическом положении великого князя московского и государя всея Руси и крымского хана, а также ханов орд — Большой (Заволжской), Ногайской и других в миниатюрах получили весьма наглядное отражение. В советской литературе миниатюры Лицевого свода успешно использовались для изучения различных проблем[146], изображения русско-крымских контактов на основе изучения древнерусской миниатюры касался лишь А. В. Арциховский[147]. Для последней темы особый интерес представляют миниатюры Шумиловского тома, хранящиеся в ГНБ в Санкт-Петербурге. В них очень четко прослеживаются представления художника 70-х гг. XVI в. об иерархии государей, характере крымских набегов и т. д.

* * *

Таким образом, комплекс разнообразных материалов позволяет представить все основные аспекты русско-крымских отношений конца XV – начала XVI вв. Наличие перекрестного материала — посольских книг, летописей и хроник разного государственного и языкового происхождения допускает уточнение данных каждого из этих источников.

Однако предварительным условием их использования является разработка методики анализа. Если дипломатика ордынских и османских грамот в последние годы успешно разрабатывается рядом отечественных и зарубежных востоковедов[148], то дипломатика крымских актов, в том числе и международных, таких, как шерти, крепкие грамоты и пр., еще ждет своего исследователя. Попытка такого рода, пока еще предварительная, сделана в настоящем сочинении. Неразработанность дипломатики договорных международных грамот, в том числе и русско-крымских, вызвала значительные трудности даже в определении и характеристике отдельных частей формуляра. Так, принадлежность обозначения второй договаривающейся стороны к начальному протоколу очевидна, однако термин «инскрипцио» в данном случае даже условно не может быть употреблен, ибо речь идет не о лице, которому направлен документ, а о лице, с которым договор заключается и которому направляется противень договора.

---

[146] *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965; *Она же.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972; *Шмидт С. О.* К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978; *Он же.* Становление московского самодержавства. М., 1973; *Амосов А. А.* Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного (Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода) // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979 и др.

[147] *Арциховский А. В.* Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944.

[148] К вышеназванным российским исследователям следует прибавить имена венгра Л. Фекете, немцев Фр. Бабингера и Фр. Крелица: *Fekete L.* Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatik der türkischen Botmassigkeit in Ungarn. Budapest, 1926; *Babinger Fr.* Das Archiv des Bosniaken Osman-Pascha. Berlin, 1931; *Kraelitz F.* Osmanische Urkunden in türkischen Sprache aus der zweiten Hälfte des 15. Jht.: Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatik // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaft. Philosoph.-hist. Klasse. Bd. 197. № 3. Wien, 1922; *Stojanov V.* Die Notificationformeln «nisan» und «sebeb i tahrir» in den osmanischen Herrschersurkunden // RO. T. XLV. 1987. Z. 2.

Итак, сочетание данных делопроизводственных, актовых, нарративных и других источников позволяет восстановить историю русско-крымских отношений. Для восстановления же отдельных ее деталей зачастую приходится обращаться к материалам предшествующего времени, касающихся отношений Золотой орды с другими народами — Средней Азии, Китая и т. д.

§ 3. Историография

Предшествующую историческую литературу следует рассмотреть по национально (государственно?)-хронологическому принципу. Это необходимо в силу того, что отдельные национальные школы XIX в. и большей части XX в. развивались собственными путями, использовали различную источниковую базу, не говоря уже о своеобразии идеологических установок. Сближение независимых ранее исторических школ или хотя бы учет данных ученых других стран происходит только теперь, причем крайне медленно. Как примеры комплексного освоения опыта предшествующей мировой историографии XIX в. – 60–70-х гг. XX в. можно назвать лишь работы Х. Иналджыка, преодолевающего незнание русского языка, А. М. Некрасова, владеющего современным турецким, В. П. Остапчука, подходящего к проблеме во всеоружии славянских, романских и тюркских языков. Отчетливо заметен вклад русской, польской, украинской, в межвоенное и послевоенное время — турецкой, в послевоенное — французской и американской школ. Первыми на сцену выступили русская, польская и крымско-татарская.

Историография XIX – начала XX вв.

Начало исследования русско-крымских отношений можно отнести к XVIII в. Обосновывая право на независимое существование такого полупаразитического к XVIII в. государства, как Крымское ханство, крымско-татарские историки этого столетия создали несколько компилятивных трудов, в которых нарисовали общую картину его возникновения и развития. В последующее время эти сочинения стали основой для изучения Крымского ханства; как правило, они рассматриваются в качестве источника, что сделано и в настоящей работе. И тем не менее, это не совсем точно. Это единственные произведения крымско-татарской историографии, причем, если можно так выразиться, летописного периода. Местная историческая школа, возникнув в XVII–XVIII вв., не смогла окончательно оформиться и развиваться, будучи поставленной после завоевания Крыма в неравные условия с российской.

Завоевание Крыма Российской империей привлекло к его истории большое внимание. Уже в конце XVIII – начале XIX вв. стали появляться многочисленные описания Крыма — П. Палласа, А. Нарушевича, Гутри[149], барона де Тотта[150], Вл. Броневского[151]. В начале XIX в. появились два первых сочинения, касавшихся истории Крыма — Ст. Сестренцевича-Богуша[152] и А. Нарушевича[153]. Особенно примечательно первое, написанное «по повелению» императрицы Екатерины II, освободившей Крым — «сие царство... из рук утеснителей». На выполнение высочайшего заказа ушло 15 лет. Автор сосредоточил свое внимание на античности и лишь в конце второй части добрался до истории Крымского ханства. Вслед за М. Пейсонелем[154] и де Тоттом он излагал условия несуществовавшего договора султана Мухаммеда и крымского хана Менгли-Гирея и поправки к нему, внесенные мурзами[155], характеризовал внешнюю политику Хаджи-Гирея в двусмысленных выражениях, причем некоторые обобщения могли касаться и иных государей, а не только хана («Обыкновенная страсть мучителей состоит в том, чтобы господствовать над величайшим пространством земель и над величайшим числом подданных»), хотя хана Мухаммед-Гирея автор осудил персонально («природа произвела его к стыду человечества и к нещастью его»[156]). Ст. Сестренцевич-Богуш отнюдь не сторонник республиканских порядков: «обыкновенная медленность республиканских рассуждений» обрекла ордынского хана Ших-Ахмата в 1501–1502 гг. на противостояние Менгли-Гирею без поддержки со стороны короля польского и великого князя литовского Александра. «Виной тому правление... повелительная власть находилась в одних лицах, Республик представлявших, т. е. в знатных вельможах, кои в крепких своих замках, будучи безопасны от грабительства соседей, мало беспокоились о потере народной»[157]. В этом упреке Сестренцевич-Богуш практически полностью следовал или просто был созвучен аналогичным высказываниям — и по тому же поводу — А. Нарушевича[158]. Создавая образ России как народной монархии, Сестренцевич-Богуш писал нечто подобное и о Крымском ханстве: при Хаджи-Гирее «крымские татары сделались народом», но, обосновывая освободительную миссию Екатерины II, продолжал: «при Менглие же были они токмо ордами, подобными кипчакским, предававшимися разбою и унижившимися в собственных глазах своих». Тем не менее он сумел заметить и «первейшую добродетель мусульманов» — гостеприимство[159]. Основанное на описаниях Крыма, Степенной книги сочинение Сестренцевича-Богуша интересно преимущественно как памятник исторической мысли начала XIX в. В нем причудливо сочетаются идеализация монархии, неприятие республиканизма и фразеология, явно унаследованная от французских энциклопедистов XVIII в.

---

[149] *Pallas P. G.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1795 und 1794. Leipzig, 1803; *Naruszewicz A.* Dyaryusz Podrózy Stanislawa Augusta króla na Ukrainą w roku 1787. Warszawa, 1805; Historya odleglych pod panowaniem Rossyjskiem bedących naródow mianowicie Tauriki czyli Krymy, kalmuków, kozaków i innych na pólnoc morza Czarnego, tudzież w pólnocno-wschodnich Syberyi krajach zmieszkalych... T. I. Listy Panie Gutrie, wyjęte z iej podrózy do Tauryki czyli Krymu, oraz do kraiów, leżących na pólnoc Czarnego morza w r. 1795 i 1796 odbytey. Kraków, 1809.

[150] Tott de, baron. Memoires... sur les Turcs et les Tartares. Amsterdam, 1785.

[151] *Броневский Вл.* Обозрение южного берега Крыма в 1815 г. Тула, 1822; *Id.* Podróz do Tauryki / Tl. z ross. M. R. Wilno, 1828.

[152] *Siestrzencewicz de Bohus St.* Histoire du royaume de la Chersonese Taurique. СПб., 1801. 2-е изд. 1824; [*Сестренцевич-Богуш Ст.*] История царства Херсонеса Таврийского. История о Таврии, сочиненная на французском языке. СПб., 1806.

[153] *Naruszewicz A.* Tauryka czyli wiadomości starożytne i póżnieysze o stanie i mieszkańcach Krymu do naszych czasów. Warszawa, 1805.

[154] *Peyssonnel C. Ch.* Traité sur le commerce de la Mer Noire. Par M. de Peyssonel. Paris, 1787. № 71–2.

[155] *Сестренцевич-Богуш Ст.* Указ. соч. Ч. II. С. 256–261.

[156] Там же. Ч. II. С. 262, 280.

Труд А. Нарушевича лишен фразеологического флера, он ожесточенно критикует легковерность поляков конца XV – начала XVI вв., которые доверились Менгли-Гирею, чем якобы позволили усилиться Русскому государству. Жителей Крымского ханства он именует «неверным (niepewnym) народом», которым, якобы двигали лишь интересы наживы и разбоя, продававшимся тому, кто больше платил. «“Русины” же, терпевшие 159-летнее иго, во сто крат вознаградили себя за весь понесенный ущерб завоеванием кипчацких государств за Доном, Волгой, Яиком и далее, так что их владения простираются теперь до Китая, откуда пришли монголы»[160].

В целом, однако, в первой половине XIX в. осмысление истории русско-крымских отношений отставало от введения в научный оборот материалов по этой теме. Особая роль здесь принадлежит П. Кеппену. Его «Крымский сборник» 1837 г. обнаружил серьезный интерес к историко-географическим условиям развития Крыма, в том числе и Крымского ханства[161]. В последующие десятилетия развивалось краеведение в самом узком смысле слова. Появлялись мелкие заметки, касавшиеся лишь отдельных сторон многовековой истории Крыма.

В середине и второй половине XIX в. шла важная работа по исследованию русско-ордынских отношений. Трудами И. Н. Березина начала 50-х гг. XIX в. был заложен фундамент «ордыноведения» в России. Введение в научный оборот ярлыков ордынских ханов позволило представить эволюцию взаимосвязей Руси с востоком и место русско-крымских притяжения и отталкивания во многовековом процессе борьбы России за освобождение от иноземного ига и его пережитков.

---

[157] *Сестренцевич-Богуш Ст.* Указ. соч. Ч. II. С. 267, 272.

[158] *Naruszewicz A.* Taurika... S. 92.

[159] *Сестренцевич-Богуш Ст.* Указ. соч. С. 265.

[160] *Naruszewicz A.* Op. cit. S. 94–95.

[161] *Кеппен П. И.* Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических (с картой южного берега Крыма съемки 1816 г. ген. Мухина). СПб., 1837; Указатель к карте южного берега Крыма, принадлежащий к Крымскому сборнику. СПб., 1836; ЖМНП. Ч. 14. Отд. 4. С. 126–140.

Крымская война середины XIX в. дала новый толчок изучению истории Крыма (причем не только в России[162]) и русско-крымских отношений. Один из наиболее больных вопросов о положении, условиях и формах выкупа русских пленников в Крыму затронул А. Лохвицкий в своих общих работах о правовом положении пленных. Он выдвинул теорию о том, что поминки, отправляемые в Крым до 1700 г., были данью[163]. В это же время появились и работы, специально посвященные литовским татарам[164].

Данные крымских посольских книг широко использовал С. М. Соловьев. В пятом томе «Истории России», увидевшем свет в 1855 г., он дал общую характеристику противоречивых контактов Крымского ханства и княжества всея Руси на фоне русско-османских, русско-ногайских и русско-казанских связей, показал дипломатическую борьбу вокруг заключения первого русско-крымского договора, обратил внимание на экономический аспект взаимосвязей Крыма и Руси, подчеркнув при этом роль поминков, и выяснил основные этапы борьбы Руси за сокращение их объема[165]. Вслед за С. М. Соловьевым один из периодов русско-крымских отношений, притом один из наиболее острых: 1508–1517 г., рассмотрел и Г. Ф. Карпов[166], позднее участвовавший в издании посольских книг. Прелюдией к исследованию самого Крымского ханства оказался труд В. В. Вельяминова-Зернова о Касимовском ханстве[167]. Усилиями Ф. Хартахая был поставлен вопрос о судьбах крымских татар[168].

Наконец, в 1887 г. вышла фундаментальная работа В. Д. Смирнова, посвященная истории Крымского ханства. В ней автор обобщил сведения тюркоязычных историографических сочинений, суммировал данные о развитии русско-крымских отношений. Привлечение средневековых османских и крымских «хроник», часть которых до сих пор не переведена, позволяет работе В. Д. Смирнова поныне сохранять не только историографический интерес, но и ценность источника. Автор выдвинул теорию полной несамостоятельности Крымского ханства на протяжении всей его истории. С 70-х гг. XV в. Крым, по его мнению, стал покорным вассалом Порты и осуществлял ее стратегические замыслы в Восточной

---

[162] *Grant A.* An Historical Sketch of the Crimea. L., 1855; *Hammer-Purgstall J. v.* Geschichte der Chane der Krim. Wien, 1856; *Milner Th.* The Crimea, its Ancient and Modern History: the Khans, the Sultans and the Czars. L., 1855.

[163] *Лохвицкий А.* О выкупе пленных у татар // Московские ведомости. 1855. № 124–126; *Он же.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII вв.). М., 1855. С. 19–23.

[164] *Мухлиньский А.* Исследование о происхождении и составе литовских татар. СПб., 1857.

[165] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. III. Книга записей 5. М., 1855.

[166] *Карпов Г. Ф.* Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508–1517 гг. // Мосовские университетские известия. 1865. № 4.

[167] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863–1868. Ч. 1–4.

[168] *Хартахай Ф.* Исторические судьбы крымских татар // Вестник Европы. 1866. Кн. 2. 1867; Кн. 6. С. 182–236.

Европе. Влиянию Оттоманской Порты, действовавшей «через посредство членов властвовавшей там (в Крыму. — *А. Х.*) династии Гераев и через собственных приставников, сидевших в Кафе и других укрепленных пунктах, железным кольцом оцеплявших центральную территорию ханства», он приписывает основные внешнеполитические начинания последнего. Власть же крымских ханов он рассматривает как «временное поручение, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику»[169)].

Появление подобной точки зрения вполне понятно. В условиях русско-турецкой войны проглядывается стремление представить Турцию исконным противником Руси и России, ущемлявшим ее интересы в Крыму. Кроме того, были и иные предпосылки для формирования такого взгляда. В. Д. Смирнов изучал историю Крымского ханства в основном на материалах нарративных тюркоязычных памятников, многие из которых возникли в пределах Порты или под ее сильным влиянием. В сферу его интересов почти не попали ни актовые, ни делопроизводственные документы, включая посольские. Тем не менее труд В. Д. Смирнова оказал сильное воздействие на последующую историографию, вплоть до советской.

В работах конца XIX в. основное и особое внимание было уделено источниковедческим штудиям. М. Н. Бережков изучал первую книгу посольских дел с Крымом и данные описи Царского архива относительно сношений с Крымом. В статье, посвященной первому из этих памятников, М. Н. Бережков не только дал характеристику посольской книги, но и нарисовал широкие перспективы дальнейшего изучения и самого Крымского ханства, и, главное, русско-крымских отношений. Здесь и выполненное впоследствии В. Е. Сыроечковским исследование внутреннего политического положения в Крыму и его торговли, и решенная отчасти К. В. Базилевичем задача рассмотрения крымско-литовских отношений, и многие другие темы. До сих пор остались не полностью освещенными такие вопросы, как положение иноземцев в пределах Крымского ханства и его финансовые отношения с Русским государством[170)]. В 1888 г. М. Н. Бережков вернулся к животрепещущей теме о положении русских пленников в Крыму[171)]. Особую статью он посвятил влиятельной и в Казани, и в Крыму ханше Нур-Салтан[172)]. В том же 1888 г. работой Г. Ф. Блюменфельда началось изучение проблем землевладения в Крыму[173)], существенных для понимания внутренних предпосылок внешней политики ханства.

Определенным этапом в российском крымоведении стала работа Ф. Ф. Лашкова, который обратился к подлинникам крымских шертных грамот 30-х гг. XVI–XVII вв., хранившихся в МГА МИД, в особенности

[169)] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVII в. СПб., 1887. С. XXX–XXXI, 306.

[170)] *Бережков М. Н.* Древнейшая книга... С. 54.

[171)] *Бережков М. Н.* Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе. Т. II. Одесса, 1888. С. 343–372.

[172)] *Бережков М. Н.* Нур-салтан, царица крымская // ИТУАК. № 27. 1897. С. 1–17.

[173)] *Блюменфельд Г. Ф.* Крымско-татарское землевладение // Одесский вестник. 1888.

Саадат-Гирея 1535 г. и Сахиб-Гирея 1537 г., в которых был упомянут оборонительный и наступательный союз против «короля» и ахматовых детей. Однако упор в его сочинении был сделан не на политическую сторону русско-крымских отношений, а на экономическую. Договоры он считал результатом торга из-за размеров поминков и жалования. «Материальная сторона, — пишет он, — поневоле должна была играть первенствующую роль в их отношениях». Пожалуй, это не совсем правильное утверждение, оставляющее за бортом всю совокупность политических, социальных и культурных предпосылок системы отношений княжества всея Руси и Крымского ханства. Впрочем, о том, что шертные грамоты имели основанием «известную политическую систему», упоминает и сам автор. К сожалению, в дальнейшем мнение Ф. Ф. Лашкова было забыто, и исследование русско-крымских отношений почти полностью пошло по другому руслу — изучения их политической стороны.

Остались практически неучтенными и замечания Ф. Ф. Лашкова о самих шертных грамотах[174]. Может быть, причиной тому частное наблюдение исследователя конца XIX в. о воздействии русской дипломатической практики на крымскую: он считал, будто само слово «шерть» — присяга, клятва появилось под влиянием древнерусского обычая подкрепления договора целованием креста, что маловероятно. Другой причиной послужило, вероятно, некоторое несовершенство методики автора. В эпоху довольно быстрого развития европейской дипломатики Ф. Ф. Лашков ограничился выделением «внешней» и «внутренней» стороны шертных грамот. К первой он отнес лишь перечисление участников соглашения: хана и карачей — представителей пяти родов крымской знати. Во «внутренней» стороне, т. е. в содержании грамот Ф. Ф. Лашков выделил четыре основные группы проблем — обязательства дружбы, прекращения враждебных действий, возвращения захваченного полона и свободного пропуска послов и гостей. Автор переоценил «шаблонность» грамот типа шертных и не рассмотрел ни одного из этих условий подробно в их эволюции и связи с реальной расстановкой политических сил.

Вслед за Ф. Ф. Лашковым тему русско-крымских шертей — грамот исследовал и М. Н. Бережков. Наряду с посольскими книгами, в которых «деловито и высоким тоном изображается успех русской дипломатии в отношении степного мира» (ср. современную оценку Э. Кинана), шерти составляют единую группу источников. В отличие от своего предшественника, М. Н. Бережков считает шертные грамоты односторонними обязательствами крымского хана по отношению к русским государям: это, по его определению, «подтвержденные присягой грамоты крымских ханов с его приближенными на верное соблюдение известных обязательств пред московскими государями. Это не собственно договоры, а односторонние обязательства именно с крымской стороны; нельзя было, неприличным считалось заключать договор с ханами», которые отнюдь не были «самостоятельными владетелями на своем юрте»[175]. Несмотря на наличие титула «брат», «вольный человек» по отношению к крымскому хану и «челобитья», к которому прилагались «любительные поминки», «как к настоящим государям... трактатов о мире и взаимных отношениях государств наподобие трактатов с другими государствами не было заключаемо с ханами крымскими». В Москве требовали шерть как гарантию спокойствия, а в Крыму ее продавали за более или менее значительную цену, считает М. Н. Бережков. Он переносит представление о ранге русского государя более позднего времени на начальный этап дружественных русско-крымских отношений. Тем не менее взгляд на эти отношения конца XV в. довольно реалистичен. Единственный из русских историков конца XIX в. он подчеркнул, что мирный союзник Московской Руси Менгли-Гирей одновременно был жестоким врагом Руси Западной, «злом он памятен, в частности, для Киева» (речь идет о походе 1482 г.).

---

[174] *Лашков Ф. Ф.* Крымские шертные грамоты XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел // Труды VIII археологического съезда в Москве. 1890. Т. II. М., 1895. С. 191–208, особенно 195–196. Ср.: *Его же*. Реестр крымского двора // ИТУАК. Т. 14. Симферополь, 1892.

В составе самой шерти, которую якобы писали в Крыму по русскому образцу (впрочем, он признает, что текст шертей иногда присылали и из Крыма), М. Н. Бережков выделяет почти те же пункты, что и Ф. Ф. Лашков: мир с общими друзьями, свободный проезд купцов и послов, свобода русских послов в Крыму и отказ от даражских пошлин, неприкосновенность русских земель от набегов и войн, причем эти два понятия в шерти, по его мнению, различались[176]. Наряду с шертными грамотами конца XV – начала XVI вв. М. Н. Бережков широко использовал и более поздние, не отметив их эволюции и изменения формуляра, как того требовала быстро развивавшаяся в конце XIX в. дипломатика. Новейшая для конца XIX в. методика исследования международных договоров оказалась незнакома и автору брошюры об отношениях Крыма и Запада — Л. Львову[177]. Недооцененной осталась роль Крыма в русско-казанско-астраханских отношениях[178]. Между тем в 1894 г. историки Крыма получили единственную в своем роде библиографию, составленную А. И. Маркевичем[179].

В начале XX в. вышел обобщающий труд по истории Крыма Ю. Кулаковского, для которого характерен своеобразный и исключительный интерес к церковной истории и памятникам архитектуры. В его труде, пожалуй, впервые в большом объеме привлечены данные записок иностранцев[180]. Крымские генеалогические материалы привлек Л. Колли для характеристики политики первого крымского хана Хаджи-Гирея[181].

---

[175] *Бережков М. Н.* Крымские шертные грамоты. Киев, 1894 (Отд. оттиск из ЧОИНЛ. Кн. VIII). С. 5, 7, 22.

[176] Там же. С. 5, 6, 9, 10–19.

[177] *Львов Л.* Отношения между Западом и Крымом. Симферополь, 1895.

[178] *Карнович Е. П.* Покорение царства Астраханского // Приложение к журналу «Народная школа» за 1885 г. № 6, 7; То же: Приложение к Памятной книжке Киева за 1894 г.

[179] Taurica. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще / Сост. А. Маркевич // ИТУАК. № 20. 1894. С. 1–104.

[180] *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. Киев, 1906; 2-е изд., 1914.

[181] *Колли Л.* Хаджи-Гирей и его политика (по генеалогическим источникам). Симферополь, 1913.

К изучению посольского церемониала обратился Н. И. Веселовский, который приписал основные черты русского церемониала ордынскому влиянию, пройдя мимо общих для средневековья обычаев[182].

Основоположник современной и классик украинской историографии конца XIX – начала XX вв. М. Грушевский в труде «Історія України-Руси» подчеркнул значение торговых связей с Крымом и Москвой для развития украинских земель Поднепровья, наметил основные их пути, выяснил ассортимент товаров и организацию торговли[183]. Болезненное внимание Грушевского к вопросам национального самоопределения и национального менталитета позволило ему понять роль и значение обращения 1474 г. Менгли-Гирея в поисках союзника против Ахмата к Ивану III как к «брату», что было большой честью для ордынского холопа. Видимо, Грушевский полагает, что русско-крымский союз был заключен в 1474 г., а в 1480 г. разорван традиционный договор Крыма с великим князем литовским и королем польским Казимиром. Впрочем, Менгли-Гирей не отказывался от получения поминков и от него. Грушевский подчеркивает роль Ивана III как инициатора крымского похода на «Подольские земли или на киевские места» в 1482 г. и равнодушие польского короля и литовского князя к судьбам Киева: официальная трактовка разгрома города исходила из идеи «божьего попущения» и «божьего гнева», фатальной предопределенности киевской трагедии и равнозначности Киева другим городам королевства и княжества («у нас есть городов и волостей и людей досыть»). Вину за дальнейшие нападения Литовского княжества на украинские земли делили, правда, не поровну, по мнению М. Грушевского, в основном Казимир, «дурной политикой», нерешительностью и сидением на двух стульях провоцировавший сближение Крымского ханства и своего союзника — Большой орды, которой, однако, он не помогал, и отчасти Иван III, постоянно подбивавший хана к этим походам, но сам не выступавший против Казимира. Замечания М. Грушевского о политике Казимира остались как бы незамеченными современной украинской и польской наукой, зато его приговор Ивану III нашел полную поддержку в ней[184].

В предвоенные (перед Первой мировой войной) годы к положению русских пленников в Крыму обратился Х. П. Ящуржинский, ограничившийся, впрочем, данными о пленниках из Великого княжества Литовского и Короны Польской[185].

Основные результаты изучения русско-крымских отношений и самой истории Крымского ханства в русской дореволюционной науке связаны с именами С. М. Соловьева, а также М. Н. Бережкова и В. Д. Смирнова. Первым был мобилизован основной корпус русских дипломатических документов, второй рассмотрел подробно первую из посольских книг, третий выдвинул общую концепцию политического развития Крымского ханства — постоянного и верного вассала Османской империи, опираясь на тюркоязычные источники. К сожалению, русская дворянская и буржуазная наука не избежала националистического влияния. Крымцы даже самыми вдумчивыми исследователями за исключением, пожалуй, Н. И. Веселовского, изображались жестокими и дикими варварами; внутренние же причины постоянных набегов на соседние страны — социально-экономические и политические, коренившиеся в самом общественном строе Крымского ханства, остались ими не вскрытыми. Постоянно преувеличивалась роль религиозного фактора. Отношения Руси и Крымского ханства представлялись борьбой двух «начал» — православного и мусульманского. Не вполне раскрытым осталось и влияние русско-крымских отношений на внутреннее развитие каждого из этих государств.

---

[182] *Веселовский Н. И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет о состоянии и деятельности СПб. ун-та 1910. Секц. 10. СПб., 1911.

[183] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. VI. Житэ економічне, культурне, національне XIV–XVI віків. Київ, 1995 (Київ—Львів, 1907). С. 3–18.

[184] Там же. Т. IV. XIV–XVI віки — відносини політичні. Київ, 1993 (Київ—Львів, 1907). С. 319–337, особенно 334–335; *Podhorodecki L.* Dzieje Kijowa. Warszawa, 1982. S. 70; *Id.* Chanat Krymski. Warszawa, 1987.

[185] *Ящуржинский Х. П.* Южно-русские пленники в Крыму // ИТУАК. № 47. 1912. С. 158–166.

Наиболее пристальный интерес русско-крымские отношения вызвали в польской историографии конца XIX – начала XX в. Однако они не стали предметом специального изучения, а исследовались в рамках отношений Короны Польской и ВКЛ с Крымским ханством. Важное методическое значение имеют наблюдения А. Прохазки над основополагающим документом, в соответствии с которым в течение полутора столетий строились отношения ВКЛ и Крымского ханства, — договором Витовта с Тохтамышем 1397 г.[186] Реконструировав текст договора на основе докончания 1507 г., А. Прохазка определил основной круг географических пунктов, упомянутых в соглашении. Аналогичная методика может быть применена и к документам, возникшим в сфере русско-крымских отношений. Поскольку это не договор равноправных держав, но ярлык хана Тохтамыша, направленный вассалу, что, впрочем, не отметил А. Прохазка, этот документ служил для крымцев примером оформления русско-крымских отношений. Однако основная масса исследователей интересовалась не столько методическими вопросами, сколько политическими проблемами. Так, Фр. Папэ, подчеркивая обременительность охраны юго-восточных границ Короны Польской и ВКЛ, восхвалял литовскую и польскую дипломатию, которой периодически удавалось направить крымскую агрессию на восточного соседа — Русское государство[187].

Карту-схему границы ВКЛ с Крымским ханством, правда, более позднего времени — 1546 г. составил Л. Колянковский. Он провел ее строго по течению Днепра и Днестра. Отношения с Крымом, по его мнению, были решающими для всего хода русско-литовских отношений XV в. Союзу Руси с Крымом он приписывал решающую роль в переходе части земель ВКЛ в состав Русского государства. Столь же кардинальное значение имел союз ВКЛ с Крымом 1512 г., который урегулировал их отношения, создав «воинское братство» («братская» военная помощь крымцев ВКЛ против княжества всея Руси оценивалась в 15 тыс. злотых ежегодно), и, самое главное, содействовал разрыву союза «Москвы» и Крыма. Однако сам Л. Колянковский вынужден был признать, что договор 1512 г. не избавил юго-восточные земли Литовского княжества от набегов крымцев (в 1519, 1524 и др. годы)[188]. Л. Колянковский с большим огорчением пишет о неудаче предприятия Мухаммед-Гирея — воссоздания Великой орды Батыя. Василию III он приписывает инициативу «присоединения» не только Казани, но и Астрахани, политику же крымского хана во втором десятилетии XVI в. — вопреки очевидности — характеризует как оборонительную. Вряд ли идею крымского хана реставрировать империю Батыя можно рассматривать как оборонительное мероприятие.

---

[186] *Prochaska A.* Z Witoldowych dziejów. 1. Układ Witolda z Tochtamyszem 1397 // Kwartalnik historyzny. 1912. T. XV. S. 259–264.

[187] *Papée Fr.* Ostatnie 12-lecie Kazimierza Jagiellończyk. Kraków, 1903; *Id.* Polska a Litwa na przelomie wieków średnich. Kraków, 1904; *Id.* Jan Olbracht. Kraków, 1936.

В «Истории Великого княжества Литовского при Ягеллонах», вышедшей спустя 17 лет, в 1930 г., Л. Колянковский развивает прежние идеи. Соглашаясь с основными выводами А. Прохазки относительно «договора» Витовта с Тохтамышем, Л. Колянковский сомневается лишь в главном — в том, что Литовское княжество должно было платить дань Тохтамышу, а позднее — Крыму. Вместо поминков и дани, полагает он, литовские князья предоставляли крымским ханам убежище, поддерживали их во время династических войн. Он ставит вопрос, не отвечая на него, что означали постоянные уплаты с Подолья, достигавшие 200 гривен в год, или требования Менгли-Гирея[189], чтобы его даругам платили так же, как и при Сеид-Ахмеде в 1436 г.[190] Историю русско-крымских отношений Л. Колянковский начинает 1465 г., когда войска Хаджи-Гирея совершили нападение на большеордынское войско Ахмата, двигавшееся на Русь, правда, причины этого похода он видит не в союзе Крыма с Московским княжеством, не в великодержавных настроениях Крыма, уже в это время претендовавшего на наследие Джучи, а связывает его с промосковской позицией Ширинов.

Заслуживает внимания точка зрения Л. Колянковского на последний этап русско-ордынских отношений. Он полагает, что размеры дани в пользу Большой орды в середине XV в. настолько уменьшились, что в 1460 г. хан Ахмат вынужден был предпринять большой поход на Рязань и Переяславль-Рязанский, а в 1465 г. — на Москву. Несмотря на то, что последний поход не достиг цели, угроза ордынского нападения была столь велика, что Иван III не чувствовал себя в силах открыто разорвать отношения с ханом и направлял к нему одного за другим послов (1475 и 1477 гг.). «Вину» за установление дружественных московско-крымских отношений Л. Колянковский возлагает на Менгли-Гирея, который «слишком поздно» понял, что союз ВКЛ с Большой ордой, заключенный в 1471 г., был направлен не против него, но против Московского княжества. Относительно договора 1474 г. он пишет, что до окончательного заключения этого союза дело не дошло. Зато уделяет большое внимание литовско-крымскому договору 1472 г., в который по требованию литовской стороны были включены пункты о принадлежности ВКЛ Великого Новгорода и Одоева. Подобно В. Д. Смирнову, он считает крымского хана полным, хотя и не всегда послушным вассалом Османской империи с 1475 г. и с этих позиций оценивает его действия в Северном Причерноморье.

---

[188] *Kolankowski L.* Zygmunt August, wielki książe Litwy do roku 1548. Lwów, 1913. S. 118–119.

[189] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930. S. 70. Przyp. 1.

[190] Idem. S. 259, 265. Przyp. 3–6. При этом он ссылается на работу О. Халецкого: *Halecki O.* Z Jana Zamojskiego inwentarza Archiwum Koronnego // Archiwum Komissii historycznej. T. 12. Kr., 1919. Ср.: Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 299. Ярлык см.: Там же. С. 256.

В книге 1930 г. Л. Колянковский полемизирует с Ф. Конечным, весьма плодовитым, хотя и не оригинальным историком 20–30-х гг. Последний вообще отрицал факт союза ВКЛ с Большой ордой, полагая, что это вымысел русских летописцев, использовавших опыт уловок отечественной дипломатии. Он полагал также, что ярлык 1474 г. не содержал абсолютно никаких обязательств хана. Заслугу же освобождения Ивана III от унизительного наименования «холопом» Конечный приписывал крымскому еврею Хозе-Кокосу и Ширину Мамаку[191]. Эта попытка выгородить дипломатов и политиков ВКЛ вызвала протест даже со стороны такого умеренного буржуазного историка, каким был Л. Колянковский. Последний не поддержал взгляды Ф. Конечного, отдававшие национализмом. Этим, вероятно, и объясняется авторитет Л. Колянковского для многих советских историков, в особенности для И. Б. Грекова.

Спустя 9 лет после смерти Фр. Папэ, скончавшегося в 1940 г., была издана его последняя работа об Александре Ягеллоне. К сожалению, новых оценок и подходов она не содержала, хотя и основана на комплексе всех опубликованных источников[192]. М. Маловист в труде, посвященном генуэзской колонии Кафе в последнюю четверть ее самостоятелького существования — 1453–1475 гг., затронул ряд вопросов, касающихся общей истории Крыма и русско-крымских отношений, торговли, в том числе и пленными[193].

Итак, в польской историографии XIX – начала XX в. были поставлены коренные вопросы русско-крымских отношений, их начала, направленности, связи с крымско-литовскими и русско-литовскими отношениями. Особенно существенны капитальные труды Л. Колянковского, хорошо известные и в СССР.

Позже всех в изучение истории русско-крымских отношений включились турецкие историки[194]. Еще в начале XX в. как с точки зрения метода исследования и рассматриваемого круга вопросов, так и своих оценок они в немногочисленных работах (среди них можно назвать работу А. Рефика) продолжали традиции османской феодальной историографии. Кемалистская литература сделала большой шаг вперед. Для правильного понимания методологических основ и концепций турецкой историографии новейшего времени необходимо прежде всего учитывать, что работы турецких авторов в той или иной мере основывались на националистической пантюркистской теории. Конкретно это выражалось в том, что турецкие авторы вплоть до настоящего времени не различали «турок» и «тюрок»: оба понятия обозначались одним и тем же словом «turkler». Для них это один народ, внутри которого различаются «тюрки-османы», «северные тюрки», «восточные тюрки» и т. д., причем преимущественно по своему географическому положению и лишь отчасти по своим историческим традициям. Важным элементом общности «тюрок» как народа у этих авторов выступает ислам. Все это определяет и круг вопросов, затрагиваемых в работах историков Турции. Изучая всемирную историю, они обращают внимание главным образом на роль в ней «тюрок», выступающих одной из главных движущих сил истории Востока, начиная с древности. Турецких авторов никогда не интересовала история Руси и России сама по себе, они изучали лишь те ее моменты, которые так или иначе были связаны с историей «тюрок». Именно с этих позиций они подходят и к истории русско-крымских отношений. Последние рассматриваются лишь в общем контексте русско-османских отношений.

---

[191] *Koneczny F.* Sprawy z Mengli-Giirejem 1473–1504 // Ateneum Wileńskie. 1927. T. IV. Z. 5.

[192] *Papée Fr.* Alexander Jagellończyk. Kraków, 1949.

[193] *Malowist M.* Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wshodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947.

[194] Раздел о турецкой историографии до 1986 г. принадлежит А. М. Некрасову.

Первым крупным историческим трудом, вышедшим после установления Турецкой республики, была четырехтомная «История», с начала 30-х гг. служившая официальным пособием в учебных заведениях Турции. Этот труд, ставивший перед собой задачу дать общий очерк всемирной истории с древнейших времен, явился по существу историей «тюрок». Особенно ярко это проявляется в III томе, посвященном истории Османского государства XIV–XIX вв. Истории других стран в нем отведено минимум места, факты приводятся выборочно, а критерий отбора определяется пантюркистскими взглядами авторов. Коротко описывая завоевание османами генуэзских владений в Северном Причерноморье в 1475 г., авторы «Истории» отмечают, что с этого времени Крым стал частью Османского государства. В нескольких словах говорится об освобождении Руси от ордынского ига в 1480 г., а также указывается, что османские султаны не помешали начавшемуся после этого усилению Русского государства. За это, подчеркивают авторы, османы впоследствии и поплатились — Россия несколько веков спустя стала главной причиной гибели Османской империи[195]. Труд с подобными заключениями непосредственно продолжает традиции трудов придворных османских историков XIX в., писавших в период разложения Османской империи и русско-турецких войн. Собственно русско-крымских отношений авторы «истории» не касаются, но для нас важен общий подход, проявившийся затем в той или иной степени и в работах других турецких историков.

В послевоенный период вышел в свет новый курс истории Турции — «Османская история» И. Х. Узунчаршылы[196]. В целом в данной работе основное внимание уделено описанию деятельности султанов и виднейших османских сановников и полководцев. Почти не отражены вопросы социально-экономической истории. В изложении политической истории автор во многом опирается на средневековые османские хроники, взяв оттуда не только фактический материал, но и многие оценки[197]. В работе И. Х. Узунчаршылы имеются специальные разделы по истории соседних стран и их отношений с Османским государством. Рядом со сравнительно подробным и даже детальным изложением истории османов они зачастую поражают бедностью фактов, примитивностью оценок. Основное же внимание уделяется «тюркским» народам и государствам.

---

[195] Tarih. Çilt 3. Ankara, 1933. S. 38–39, 51.

[196] *Uzunçarsili I. H.* Osmanli tarihi. Cilt 1–4. Ankara, 1947–1956.

Так, к истории Крымского ханства конца XV – начала XVI вв. автор обращается дважды — в специальной главе «Зависимые от османов страны» и в соответствующей главе по истории Османского государства этого периода. Надо сказать, что распределение материала в указанных главах сделано небрежно, имеются повторы и даже противоречия (например, в них даются разные даты правления ханов Менгли-Гирея и Нур-Девлета[198]). События 70-х гг. XV в. — политическая борьба в Крыму, захват османами его южного побережья — изложены автором довольно бессистемно: различные версии причин османской экспедиции 1475 г., имеющиеся в итальянских и османских источниках, пересказываются по очереди, без всяких попыток их сопоставления. Констатируется факт подчинения Крымского ханства султанам с утверждением на ханском престоле Менгли-Гирея. Русско-крымские отношения охарактеризованы очень бегло: автор лишь упоминает о существовании в последней четверти XV в. русско-крымского союза, направленного против ордынских ханов, которые, в свою очередь, объединились с Великим княжеством Литовским[199]. В разделе «Турецко-русские связи» И. Х. Узунчаршылы кратко излагает историю русско-османских отношений конца XI – начала XVI вв. Инициатором их установления, по мнению автора, был Иван III, заботившийся о нуждах черноморской торговли русских купцов[200]. В действительности же инициатива принадлежала султану Баязиду II. Упоминая о женитьбе Ивана III на Софье Палеолог, автор подчеркивает, что она была устроена папой римским с целью столкнуть Русь с османами. Однако, продолжает Узунчаршылы, для этого Ивану III нужно было бы уничтожить Крымское ханство, которое находилось под защитой султанов и «было не по зубам» Москве. Наоборот, крымские ханы сами были в состоянии напасть на Русь[201]. При этом Узунчаршылы не говорит, когда именно начались такие нападения, возвращаясь к русско-крымским отношениям лишь в связи с присоединением к Русскому государству поволжских земель.

«Османская история» И. Х. Узунчаршылы до настоящего времени остается наиболее значительным общим курсом истории Турции в турецкой историографии. Появившаяся в 60-е гг. многотомная «История

---

[197] Подробный разбор см.: *Мутафчиева В. П.*, *Димитров С. А.* Некоторые замечания по новому общему курсу османской истории // Народы Азии и Африки. 1964. № 3; *Новичев А. Д.* Средневековая история Турции в современной турецкой историографии // Историография и источниковедение стран Азии. Вып. 1. Л., 1965.

[198] *Uzunçarsili I. H.* Op. cit. Cilt 2. Ancara, 1949. S. 132, 412–413.

[199] Ibid. S. 412.

[200] Ibid. S. 466.

[201] Ibid. S. 465.

Турции» Т. Озтуна[202] представляет собой явный шаг назад по сравнению с «Османской историей». В отличие от последней, работа Т. Озтуна содержит фактически не историю Турции, а историю войн и завоеваний османских султанов, причем «войны» просто перечисляются в хронологическом порядке, часто без связи между собой. Небольшие разделы по истории других стран в период той или иной «войны» крайне примитивны, фактический материал для них чаше всего взят дословно из «Османской истории». Имеются специальные краткие разделы по истории «тюрок»-неосманов. В соответствующем очерке о «войне» Мехмеда II на Черном море рассказано о событиях 1475 г., затем кратко говорится о борьбе Крымского ханства с Большой Ордой — впрочем, без всякого упоминания об участии в ней Русского государства. В разделе по истории Крымского ханства автор ограничивается перечислением крымских ханов, добавляя к нему лишь случайные сведения о походах ханов на русские земли, начиная с 20-х гг. XVI в. Говоря о русско-крымских отношениях, автор претенциозно заявляет, что «до XVII века Крымское ханство было великолепным государством, являвшимся в качестве наследника Золотой Орды господином почти всей России»[203]. Пантюркистские воззрения автора сочетаются, таким образом, с крайне низким научным уровнем работы.

Одновременно с «Османской историей» (в серии «Всемирная история») в Турции в 1948 г. вышла «История России» А. Н. Курата[204]. Эта работа — первый в турецкой историографии общий курс русской истории. Нельзя не отметить довольно значительную источниковую базу труда — помимо материалов, взятых из работ русских дореволюционных историков, она включает летописи, актовые материалы, публикации дипломатических документов и другие виды источников. Однако при этом, как и все турецкие историки, А. Н. Курат особое внимание обратил на роль «тюрок» в истории России и на историю соседних о нею «тюркских» народов. Отмечая в предисловии, что ни советские, ни западноевропейские историки не отводят «тюркам» того важнейшего места в русской истории, которое они, по мнению автора, занимали, Курат видит свою задачу в восполнении такого пробела. При этом он исходит из того, что «политическая история Русского государства была, по сути своей, историей экспансии России на тюркские земли», а главным фактором русской истории вообще было «расширение территории за счет соседей»[205]. Пантюркистская позиция автора сплетена с характерным для зарубежной историографии в целом тезисом об «извечной агрессивности» России.

Русско-крымским отношениям конца XV – начала XVI вв. автор отводит сравнительно немного места. Останавливаясь на борьбе Крымского ханства и Большой Орды за «золотоордынское наследство», Курат большое значение придает русско-крымскому антиордынскому союзу, которому Орда противопоставила союз с Великим княжеством Литовским. В частности, как подчеркивает автор, именно набег Менгли-Гирея на Подолию в 1480 г. не позволил литовскому войску принять участие в походе ордынского войска на Русь[206].

---

[202] *Oztuna T. Y.* Turkiye tarihi. Başlangicindan zamanamiza kadar. Istanbul, 1963–1966. Cilt 1–12.

[203] Ibid. Cilt 4. 1964. S. 83.

[204] *Kurat A. N.* Rusya tarihi (başlangiçtan 1917 ye kadar). Ankara, 1948.

[205] Ibid. S. XX–XXI.

Особо отмечает Курат посредническую роль Менгли-Гирея в установлении первых русско-османских связей[207]. Специальный раздел «Крымско-русские связи» посвящен первой половине XVI в. В нем затрагивается исключительно проблема уплаты русскими князьями «выхода» крымским ханам. При этом указывается, что крымские набеги на Русь часто организовывались тогда, когда Великое княжество Литовское платило больший «выход», чем Русь[208]. Отметим, что концепция, сводившая русско-крымские и крымско-литовские отношения к проблеме уплаты «выхода», впервые была сформулирована в дореволюционной русской историографии и ко времени появления книги А. Н. Курата безнадежно устарела.

Помимо общих трудов, в Турции вышел ряд специальных работ, в которых затронуты русско-крымские отношения конца XV – начала XVI вв. В 40-е гг. Х. Иналджык опубликовал статьи по истории Крымского ханства и русско-османских отношений конца XV – начала XVI вв. В статье 1944 г. о подчинении Крымского ханства османам[209]. Он останавливается и на русско-крымских отношениях последней четверти XV в., отмечая, что союз Крымского ханства с Русью первоначально служил крымским ханам мощным средством борьбы с Ордой, а позднее использовался ими в борьбе за подчинение власти Крыма всех осколков Золотой Орды[210]. При этом, подчеркивает автор, «московско-крымский блок» нашел поддержку в лице Османского государства, которому были враждебны оба участника противостоящего Руси и Крыму «литовско-ордынского блока»: Орда — как соперник подчинившегося султанам Крыма, «Польско-Литовское» государство — как конкурент османскому влиянию в Молдавии[211]. Однако плоды русско-крымского союза, считает Х. Иналджык, все же более удачно были использованы московскими князьями, заложившими в конце XV в. фундамент будущей Российской империи[212]. В статье 1948 г. о русско-османских отношениях XVI в.[213] Х. Иналджык продолжает анализ международных отношений в Восточной Европе конца XV – начала XVI вв., хотя основное внимание обращает на последующий период, когда происходит первое открытое русско-османское столкновение — астраханский поход 1569 г. Х. Иналджык с самого начала указывает, что Османское государство уже с середины XV в. «проводило активную политику на севере», т. е. в Восточной Европе, причем до середины XVI в. эта политика была направлена на поддержание «равновесия сил» между Русским и «Польско-Литовским» государствами и Крымским ханством[214]. Исходя из этого положения, автор и оценивает русско-крымские отношения. Союз Крыма с Русью, существовавший до начала XVI в. и поддержанный османами, способствовал сохранению равновесия. Кроме того, как отмечает автор, поддерживая русско-крымский союз, Османское государство поспособствовало и усилению Руси. После разгрома Большой Орды интересы Крымского ханства и Русского государства перестают совпадать, и их отношения вступают в период острого соперничества. Однако в это же время крымские ханы заключают в союз с Великим княжеством Литовским, что грозило нарушением указанного равновесия, поскольку давало возможность резко усилиться одной из сторон — польско-литовской. Именно поэтому, подчеркивает Х. Иналджык, независимая политика хана Мухаммед-Гирея вызвала в Стамбуле раздражение[215]. Следствием этого автор считает временное русско-османское сближение на рубеже 20-х гг. XVI в., продолжавшееся вплоть до гибели Мухаммед-Гирея в 1523 г. Союз Крыма с Великим княжеством Литовским, по мнению Иналджыка, поддерживался вопреки воле султана, запретившего Мухаммед-Гирею совместно с литовским отрядом идти на Москву в 1521 г. Поход все же состоялся, и притом совместно с казанским войском[216].

---

[206] *Kurat A. N.* Rusya tarihi (başlangiçtan 1917 ye kadar). Ankara, 1948. S. 113–114.

[207] Ibid. S. 117.

[208] Ibid. S. 157–158.

[209] *Inalcik H.* Yeni vesikalara göre Kirim haiiliğiriin Osmanli tâbiliğine gimese ve ahidname meselesi // BTTK. Cilt 8. № 30. Ankara, 1944. P. 185–229.

[210] Ibid. S. 203–204.

[211] Ibid. S. 210, 213.

[212] Ibid. S. 204.

[213] *Inalcik H.* Osmanli-rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanali teşebbüsü // BTTK. Cilt 12. № 46. Ankara, 1948.

Таким образом, Х. Иналджык, в отличие от большинства зарубежных историков, полагает, что османские султаны еще до середины XVI в. проводили собственную политику в Восточной Европе. Положения, выдвинутые в статьях 40-х гг., Х. Иналджык повторил в написанных им статьях по истории Крымского ханства для англо-французского и турецкого изданий «Энциклопедии ислама»[217].

С Х. Иналджыком полемизирует А. Н. Курат в своих вышедших в 60-е гг. статье и монографии по истории астраханского похода 1569 г.[218] Он считает, что Османское государство в первой половине XVI в. не проводило никакой собственной политики в Восточной Европе и «не предпринимало никаких особых шагов, чтобы воспрепятствовать росту могущества Москвы, полагая, что крымские ханы всегда смогут укротить московитов»[219]. По мнению Курата, вплоть до начала XVIII в. политика султанов в этом регионе не шла дальше охраны османских интересов на Нижнем Дону и Северном Кавказе, поскольку, как подчеркивает автор, любое государство, владеющее обширными землями, должно эти владения защищать. Только в этом смысле Курат считает возможным говорить о проведении таким государством «собственной политики». Главным принципом политики «защиты османских владений» Курат считает сохранение «статус-кво» на соседних землях: после завоевания итальянских колоний в Причерноморье все прилегавшие к ним земли остались в руках прежних хозяев — крымских и ордынских ханов[220]. Особенно острые возражения Курата вызывает заключение Иналджыка о том, что Османское государство принимало участие в русско-крымских и крымско-ордынских отношениях, поддерживало русско-крымский союз и таким путем способствовало усилению Русского государства. Любопытно отметить, что, по мнению Курата, в этом вопросе взгляды Х. Иналджыка совпадают со взглядами советских историков[221], это ставится автором в укор Х. Иналджыку.

---

[214] *Inalcik H.* Osmanli-rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanali teşebbüsü // BTTK. Cilt 12. № 46. Ankara, 1948. S. 352–353.

[215] Ibid. S. 354–355.

[216] Ibid. S. 355–356.

[217] *Inalcik H.* Giray // Islam ansiklopedisi. Cilt 4. Cüz 38. 1948. S. 785; Kirim // Ibid. Cilt 6. Cüz 64. 1954. S. 746–756; The encyclopaedia of Islam. Vol. 2. Fasc. 40. 1965 // Giray. P. 1112–1113. Ср.: Halif Inalcik Bibliography // Journal of Turkish studies. № 10. 1986. P. V–VI.

[218] *Kurat A. N.* The Turkish expedition to Astrakhan in 1569 and the problem of the Don-Volga canal // SEER. 1981. Vol. 40. № 94; Idem. Türkiye ve Idil boyu. 1569 Astarhan seferi. Ten-Idil kanali ve 16–17 yüyil osmanli-rus münasbetleri. Ankara, 1966.

[219] *Kurat A. N.* The Turkish... canal. P. 10.

А. Н. Курат специально рассматривает ряд событий международной жизни начала XVI в., которые обычно считаются свидетельством вмешательства османов в восточноевропейские дела. Так, требование султана Селима I отпустить из Москвы в Крым бывшего казанского хана Абдул-Латифа, переданное Василию III послом Кемальбеком (1514 г.), Курат считает следствием близких отношений Селима с Менгли-Гиреем, который помог Селиму утвердиться на престоле; Абдул-Латиф же был пасынком Менгли-Гирея. Иначе говоря, речь может идти, по мнению Курата, лишь о чем-то вроде дружеской услуги. Факт перехода казанского хана Сахиб-Гирея под власть султана в 1524 г. сам по себе ставится автором под сомнение, поскольку сведения об этом имеются лишь в русских источниках и отсутствуют в османских материалах. Курат считает, что сообщение об установлении вассальных отношений между султаном Сулейманом и Сахиб-Гиреем является выдумкой османского посла Искандера[222].

Собственно о русско-крымских отношениях автор говорит в основном то же, что и в «Истории России». Укажем только, что А. Н. Курат, как и Х. Иналджык, считает, что в походе Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г. участвовало казанское войско Сахиб-Гирея[223].

Монография А. Н. Курата до настоящего времени является наиболее крупной в турецкой историографии работой, в которой рассматриваются русско-османские и русско-крымские отношения конца XV – начала XVI вв. В своей последней книге — обобщающем труде по истории тюркских народов и государств Северного Причерноморья — А. Н. Курат в изложении истории русско-крымских отношений рубежа XV–XVI вв. в целом следует своим прежним работам[224].

---

[220] *Kurat A. N.* Türkiye ve Idil boyu. S. 1, 46–48.

[221] Ibid. S. 15, 48.

[222] Ibid. S. 70, 73–74.

[223] Ibid. S. 72.

[224] *Kurat A. N.* IV–XVI yuzyillarda Karadeniz kuseyindeki Turk kavimieri ve devlenleri. Ankara, 1972. S. 218–223, 229–231.

Подведем итоги. Турецкую историографию середины XX в., посвященную русско-крымским отношениям конца XV – начала XVI вв., нельзя назвать обширной, однако постоянный интерес к этой теме определялся общей концепцией исторического развития, характерной для работ практически всех авторов. Главная черта этой концепции — преувеличенное внимание к истории «тюркских» народов, которые во все периоды искусственно выдвигались на первый план, а изложение их истории служило средством пропаганды. Понятно, что это не могло не сказаться на научном уровне работ турецких авторов.

Советская историография

Предпосылкой более полного осмысления русско-крымских отношений стало изучение истории — внутренней и внешней — Крымского ханства и Русского государства, места каждого из них в сложной и противоречивой системе международных отношений Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока, определение уровня социально-экономического развития и вытекавшего из него идеологического осмысления роли внешней политики, равно как и проведения ее в жизнь. Отказавшись от ложной идеи о примате религиозных отношений в русско-крымских контактах, советские историки серьезно занялись изучением внутреннего строя каждого из государств. В истории русско-крымских отношений они по праву выделили тот их аспект, который, по существу, игнорировали буржуазные историки XIX и даже начала XX вв., т. е. политический, хотя его оценка в трудах различных историков далеко не однозначна. Важно подчеркнуть и другое: из выводов о преемственности крымской политики от ордынской, воздействия на нее дипломатии Великого княжества Литовского, тщетно пытавшейся повернуть ход истории вспять, вытекает и рассмотрение русско-крымских отношений в контексте отношений Русского государства в системе связей с Литовским княжеством и борьбы за «воссоединение» русских земель. Все эти особенности характерны и для работ, посвященных отдельным конкретным вопросам.

Пожалуй, наименее нуждается в характеристике цикл работ советских историков, посвященный внутренней социально-экономической и социально-политической истории Северо-Восточной Руси. В работах Л. В. Черепнина[225], А. М. Сахарова[226] и серии монографий и статей А. А. Зимина[227] были подведены итоги изучения этой темы в 60–80-е гг., Ю. Г. Алексеева[228] — на переломе 80–90-х гг., что избавляет от необходимости вновь излагать результаты исследований. Конец XV – начало

---

[225] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

[226] *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969.

[227] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. 1982; *Он же.* Россия на пороге нового времени. М., 1972

[228] *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от иноземного ига. Л., 1989. Рец.: *Croskey P.* JGO. Bd. 42, 1994. Hf. 3. S. 418.

XVI вв. в истории Северо-Восточной Руси прошли под знаком возникновения и упрочения княжества всея Руси, его освобождения от иноземного ига, борьбы за изживание всех и всяких пережитков иноземной зависимости в культурной, экономической и политической сферах. Этот процесс лежал и в основе отношений Руси к Крыму.

История Крымского ханства привлекла значительно меньшее внимание исследователей. Это объясняется отчасти тем, что интерес к истории Крымского ханства, возросший после Октябрьского переворота[229)], был искусственно погашен. В начале 30-х гг. многие историки Крыма подвергались репрессиям. Деятельность ученых обществ и комиссий была запрещена. На исходе 20-х – начале 30-х гг. появились лишь работы А. Е. Мачанова о русско- и российско-турецких отношениях к Крымскому ханству[230)] и В. А. Вишневского о феодализме в Крымском ханстве, созданные на Кафедре общественных формаций Коммунистического университета трудового востока им. И. В. Сталина[231)]. Общую характеристику этого своеобразного государственного организма дал в 1936 г. С. В. Бахрушин[232)]. В том же году на русский язык с немецкого была переведена работа 1784 г. некоего Тунманна[233)], содержащая историко-географический очерк ханства.

История Крыма стала предметом исследований В. Е. Сыроечковского, глубокого и вдумчивого ученого, основавшего несколько направлений советской историографии Крымского ханства. Первое из них — историко-географическое. В статье о путях и формах сношений Руси с Крымским ханством он скрупулезно изучил дороги, соединявшие эти два государства, пролегавшие по Полю и речные. Ему же принадлежит и наиболее точное определение территории Крымского ханства[234)].

Второе направление — изучение экономических связей. Оно представлено работами самого В. Е. Сыроечковского и Л. В. Черепнина. В монографии «Гости-сурожане» первый из них ярко и образно нарисовал картину торговых связей Русского государства с югом. Он выяснил ассортимент русско-крымской торговли, характер торговых отношений Османской империи и Руси, состав и дифференциацию русского купечества, участвовавшего в этой торговле, особенно внимательно рассмотрел положение и развитие высшего слоя купечества страны — гостей-сурожан,

---

[229)] Особо следует выделить работы О. Акчоракли (*Акчоракли О.* Крымские тамги в Крыму. Симферополь, 1921; *Он же.* Старо-крымские надписи XIII–XV вв. Симферополь, 1927; *Он же.* Татарские документы XV–XIX вв., хранящиеся в Центральном архиве Крымской АССР // Бюллетень Центрального архивного управления Крымской АССР. 1931. № 2. С. 13–19).

[230)] *Мачанов А. Е.* Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929.

[231)] *Вишневский В. А.* Феодализм в Крымском ханстве. М., 1930.

[232)] *Бахрушин С. В.* Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3. С. 29–61.

[233)] *Тунманн.* Крымское ханство / Пер. с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. [Симферополь, 1936].

[234)] *Сыроечковский В. Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Изв. АН СССР. Отдел. общ. наук. Сер. VII. Вып. 3. 1932. С. 193–237.

определил смысл термина «ординец» и т. д.[235] Крымская торговля на Руси его не интересовала.

И, наконец, третье направление — исследование внутриполитической истории Крымского ханства. Хотя исследователь имел в своем распоряжении исключительно данные русских посольских книг, он воссоздал политическую систему ханства при Мухаммед-Гирее с такой полнотой, которую не могут превзойти многочисленные его преемники на этом поприще[236]. Таким образом, в своих изысканиях по истории Крымского ханства В. Е. Сыроечковский почти универсален, его методика точна, выводы осторожны и взвешены. Вероятно, в связи с этим его авторитет ученого, специалиста по истории Крымского ханства остается признанным поныне во всем мире.

Во время Отечественной войны 1941–1945 гг. Е. Н. Кушева в обзоре архивных материалов показала роль Северного Кавказа в связях Османской империи и Крымского ханства с ногаями, Казанским и Астраханским ханствами[237]. А тотчас после войны увидела свет монография Н. А. Смирнова о русско-турецких отношениях, в которой, впрочем, интересующий нас период представлен весьма бегло[238].

Хуже обстояло дело с изучением русско-крымских отношений. В послевоенные годы, после выселения крымских татар с полуострова, историки, находившиеся под гнетом идеологии сталинизма, вынуждены были замалчивать историю Крымского ханства. Разрешено было лишь обращение к периоду Золотой орды и истории борьбы Руси против нее и ее преемников. Что же касается русско-ордынских отношений, то значение их для последующих связей со странами Востока советские историки отчетливо понимали. А. Ю. Якубовский подчеркивал, что «без знания истории Золотой орды не понять... истории ни Казанского, ни Крымского, ни Астраханского ханства, поскольку последние могли появиться только в результате разложения и распада улуса Джучи»[239].

Цикл работ по истории русско-монгольских отношений, положения Золотой орды и ханств ее наследников был открыт фундаментальным трудом А. Н. Насонова «Монголы и Русь», в котором автор сосредоточил свое внимание на политической стороне взаимоотношений Джучиева улуса и Руси, показал пагубные последствия Батыева нашествия и иноземного ига, воссоздал организацию сбора выхода и выяснил роль баскаков[240]. Изыскания А. Н. Насонова в послевоенное время продолжили Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Они более подробно охарактеризовали социально-экономический строй Золотой орды, выяснили организацию взимания дани (по спискам — дефтерям) с покоренных народов, начали изучение распада Золотой орды в XV в., на развалинах которой и возникло Крымское ханство. Последнюю тему весьма успешно продолжил М. Г. Сафаргалиев, специально изучивший политическую историю Золотой орды в XV в.²⁴¹⁾ С общей оценкой роли ордынского ига выступили Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнин²⁴²⁾. В сравнительно-историческом плане чрезвычайно важны работы И. П. Петрушевского, в которых он проанализировал различные виды феодальной собственности в Иране и Азербайджане, типы, весьма близкие тем, что существовали и в Крымском ханстве²⁴³⁾.

---

[235] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М., 1935.

[236] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. Моск. Гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. Вып. 61. История (Т. 2). М., 1940. С. 3–71.

[237] *Кушева Е. Н.* Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв.: обзор материалов русских архивов // Исторический журнал. 1943. № 1.

[238] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Ч. 1. С. 60–68.

[239] *Греков Б. Д.* и *Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950. С. 10.

[240] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.—Л., 1940.

Что же касается политической истории, то в ней в первые послевоенные годы преобладала тема борьбы Руси и России против «татар». Этой теме была посвящена монография А. А. Новосельского. Хотя основным периодом его исследования была первая половина XVII в., его работа 1948 г. имеет принципиальное значение и для предшествующего времени. По мнению А. А. Новосельского, в политике Крыма боролись две тенденции: стремление к самостоятельности внешней политики, вплоть до противопоставления себя Порте, и необходимость выполнения вассальных обязанностей по отношению к ней. В отличие от В. Д. Смирнова, А. А. Новосельский сделал упор на делопроизводственные материалы русского происхождения, прежде всего посольские книги. Поэтому в противоположность своему предшественнику он мог исследовать реальный ход русско-турецких, русско-крымских и даже крымско-османских отношений, а не ограничиваться их идеологизированным изложением в нарративных источниках. А. А. Новосельский выступил против тезиса о внешней политике Крыма как полностью подчиненной османским интересам. «Постоянную военную активность татар» он объяснял крайне «низким уровнем состояния производительных сил Крыма и медленностью их развития»²⁴⁴⁾. В рецензии на эту монографию И. П. Петрушевский подчеркнул причины подобной активности: сохранение рабовладения в ханстве, равно как и в Османской империи, которое формировало широкие потребности весьма емкого невольничьего рынка²⁴⁵⁾.

В том же 1948 г. вышла статья И. И. Смирнова, посвященная восточной политике Василия III в. 20–30-е гг. XVI в. В ней он впервые подробно рассмотрел русско-крымско-казанско-османские отношения,

---

241) *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой орды. Саранск, 1960.

242) *Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Чингис-хан и его наследие // История СССР. 1962. № 5.

243) *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л., 1949 (характеристику суюргала см.: с. 146–152, 156–158); *Он же.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.—Л., 1960.

244) *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948. С. 417–419, 422.

245) *Петрушевский И. П.* Рец.: Новосельский А. А. Указ. соч. // История и филология стран Востока. Л., 1952. Вып. 3. С. 231–232, 234–236.

вернувшись при этом к тезису В. Д. Смирнова XIX в. о полном подданстве Крымского ханства Османской империи и упорно подчеркивая агрессивность «татар»246). По его мнению, Казанское ханство, наиболее мощное государство среди преемников Золотой орды во второй половине XV в., заняло ее место, став главным противником Русского государства.

К. В. Базилевич в вышедшей посмертно в 1952 г. монографии четко определил место русско-крымских отношений в общей системе внешнеполитических связей Руси конца XV – начала XVI вв. и на основе материалов Литовской метрики уточнил некоторые неясные свидетельства русской посольской книги247).

Лишь «оттепель» начала 60-х гг. вновь открыла дорогу медиевистам — крымоведам. В 60–70-е гг. были продолжены работы в тех же направлениях, что начал В. Е. Сыроечковский. В своей обобщающей монографии по истории централизации на Руси Л. В. Черепнин подчеркнул значение русско-крымской и русско-турецкой торговли для укрепления экономических связей между отдельными районами Руси, подчеркнул процесс формирования крупного купечества не только в столице, но и в других мелких городах248). К вопросу о русских пленниках в Крыму в 1961 г. вернулся С. О. Шмидт, который, впрочем, разрабатывал эту тему на материалах середины XVI в.249) В 1964 г. А. Л. Якобсон обобщил как данные XVIII–XIX вв., так и результаты археологических исследований материальной культуры Крымского ханства и предшествовавших ему государственных образований — княжества Феодоро с центром в Мангупе, итальянских колоний на южном берегу Крыма, а также ордынских бейликов в центре полуострова. Комплекс этих источников позволил ему представить в 1973 г. связную картину развития экономики средневекового Крыма, объяснить причины ее некоторой застойности, выявить вклад каждой из народностей — татар, греков, армян, итальянцев, караимов, «руси» (русаков) в развитие его культуры250). Автор весьма предусмотрительно старался не акцентировать внимание на политической истории Крыма и в особенности Крымского ханства.

На основе более широкой базы источников — нумизматических, археологических и письменных подошел к той же теме Г. А. Федоров-Давыдов. Его наблюдения относительно общественного строя Золотой орды и эволюции золотоордынских городов позволяют понять причины гибели

---

246) *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III // ИЗ. Т. 27. 1948. С. 18–66.

247) *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Весьма существенные дополнения к картине междунароных отношений в Восточной Европе внес О. Бакус (*Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Desterting Lithuania for Moscow. 1377–1514. Lawrence, Kansas, 1957).

248) *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 398–401.

249) *Шмидт С. О.* Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 30–34.

250) *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л., 1964; *Он же.* Крым в средние века. М., 1973.

этого государства, а данные о топографии золотоордынских монет — его границы и границы складывавшегося княжества всея Руси[251].

1960-ми гг. завершается классический период советской историографии, ее вполне изолированное от внешнего «буржуазного влияния» и самодостаточное существование. Сложились все схемы, устоялись оценки... В. В. Каргалов повторял основные положения работ И. И. Смирнова, по-прежнему абстрагируясь от зарубежных публикаций источников и иностранной литературы[252]. Такова же методика «анализа» и А. Б. Кузнецова, сторонника теории В. Д. Смирнова. Конкретные и ближайшие цели внешней политики Крымского ханства, постоянно экспансионистской, упорно преследовавшей стратегическую задачу — «подготовить условия для широкого наступления Турции на Русское государство», он сводит к трем: не допустить усиления Русского государства за счет «Польско-Литовского», укрепить свое влияние в бывших ордынских улусах, периодически нападать на Русь, реализуя свои угрозы (при этом он уточняет число крымских нападений на русские окраины, предложенное В. В. Каргаловым). Но в его концепции исчезают внутренние противоречия в политике Крымского ханства и борьба различных группировок по внешнеполитическим вопросам. Хронологическое разделение крымской политики по отношению к Русскому государству на два этапа (1505–1519 гг. и 1519 г. – конец первой трети века) он производит, руководясь одним критерием — сменой союзников Крыма: «Польско-Литовского» государства и Османской империи — на первом, Казанским ханством и той же империей — на втором. Думается, автор не вполне правомерно различает позицию ханства по отношению к ВКЛ и Русскому государству. Она в обоих случаях характеризовалась непоследовательностью и неустойчивостью, завися от конкретных ситуаций. Переоценивает он и роль Крымского ханства «как наиболее опасного противника Русского государства», что не вполне соответствует ситуации первой половины XVI в.[253]

Большинство тех, кто ограничивался восточными источниками (за исключением такого добросовестного исследователя, как А. П. Григорьев) или созидал обобщающие концепции международных отношений, оказались сторонниками схемы В. Д. Смирнова и И. И. Смирнова. Так, И. Б. Греков в 1963 г., как, впрочем, и позднее, в 1979, 1984 гг., доказывал, что Крымское ханство с самого начала своего существования проводило проосманскую внешнюю политику, всецело зависевшую от воли султанов[254]. Эту схему внешней политики Крыма он распространял на всю историю Крымского ханства без учета конкретной исторической обстановки.

---

[251] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет // НЭ. М.—Л., 1960. Т. I; *Он же.* Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV; М., Л., 1963; *Он же.* Общественный строй Золотой орды. М., 1973.

[252] *Каргалов В. В.* На степной границе: оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI в. М., 1974.

[253] *Кузнецов А. Б.* Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 62–70; *Он же.* Борьба русской дипломатии против крымской экспансии (20-е – начало 30-х гг. XVI в.) // Вопросы истории. Минск, 1981. № 8. С. 39–48.

[254] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; *Он же.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской

Место Крыма в международных отношениях Восточной и Юго-Восточной Европы — предмет длительного спора советских историков. В. Д. Королюк, претворяя в жизнь свой собственный призыв «дать общую картину турецкой внешнеполитической активности в XV–XVII вв., определить место во внешнеполитических планах Стамбула того или иного театра военных действий»[255], стремление турок продвинуться в Восточную Европу ставил на пятое и последнее место во внешней политике Османской империи (после борьбы с Ираном, завоеваниями на Балканах и Средиземном море, в Центральной Европе).

Мысль В. Д. Королюка подверглась сокрушительной критике Грекова И. Б. в 1979 г. Он подчеркнул неугасающую активность Османской империи по отношению к Руси. И. Б. Греков упрекнул Эвлию Челеби за невнимание к последним десятилетиям XV в., когда «Турция... подчинив себе Крым, осуществляла политику, дружественную Москве и враждебную Польше». Политика Порты и Крыма в Восточной Европе была единой, внутреннее скоординированной и только внешне (по тактическим причинам) разобщенной. Он приписывает османской дипломатии искусство, которым та вряд ли обладала — маскировать агрессивные устремления Крыма и Порты нейтралитетом последней и «иллюзорной самостоятельностью» Крыма по отношению к Русскому государству. По его мнению, Эвлия Челеби неопровержимо доказывает наличие общих внешнеполитических задач в Восточной Европе и «разделение труда» между Портой и Крымом в их осуществлении и несоответствие формы и существа русско-турецких и русско-крымских отношений — «миролюбия» и «воинственности», носителями которых были эти два мусульманских государства[256]. Совершенно иначе оценивает позицию автора XVII в. А. П. Григорьев[257]. И. Б. Греков остался верен своим идеям и в 1984 г., но в новой работе заслугой османской дипломатии признано то обстоятельство, что Казимир, несмотря на договоренность с Ахматом, не выступил ему на помощь в 1480 г., что Менгли-Гирей совершил в 1482 г. «карательную экспедицию» против Киева. Одновременно с этим он подчеркивал и роль литовского воздействия на международную обстановку в Восточной Европе. Так, поход Мухаммед-Гирея 1519 г. на окрестности Киева, Волынь и подольские земли он связывал с победой Великого княжества Литовского под Оршей 1514 г.[258]

империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII в. М., 1979.

[255] *Королюк В. Д.* Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.). Кишинев, 1973. С. 147–149.

[256] *Греков И. Б.* К вопросу о характере... С. 304, 308, 313–314.

[257] *Григорьев А. П.* «Книга путешествий» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Л., 1974. Вып. 3.

[258] *Греков И. Б.* Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в конце XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной

В уже названных выше монографиях А. А. Зимин отметил усилия русской дипломатии по изоляции Крымского ханства, ее попытки заключения союза с Ногайской ордой. Широкое привлечение отечественных и иностранных источников позволило А. А. Зимину рассмотреть русско-крымские отношения в контексте с русско-ногайскими, русско-казанскими и русско-астраханскими. Что же касается спорного вопроса о роли Османской империи в русско-крымских отношениях, то А. А. Зимин поддержал В. Д. Королюка. Он показал, что параллельно с русско-крымскими отношениями развивались и дружественные связи с Османской империей, что делало планы вовлечения Русского государства в антитурецкую борьбу, лелеемые греческими выходцами на Руси (ср. соответствующую работу Б. Н. Флори[259]), совершенно бесперспективными. Впервые в советской историографии А. А. Зимин поставил вопрос о роли крымской знати, находившейся на русской военной службе наряду с выходцами из Орды, Казани[260].

В 80-е гг., наряду с традиционными темами (историко-географическими, представленными работами В. Л. Егорова по исторической географии Золотой орды[261], историко-политическими В. В. Каргалова, В. Д. Назарова и Ю. Г. Алексеева о свержении иноземного ига[262]) появились и совершенно новые, с одной стороны, обобщающего характера, с другой — посвященные специальным историческим дисциплинам, и, наконец, с третьей — посольским обычаям. Начнем с первой темы.

Обобщающая работа С. А. Плетневой подвела некоторый итог изучению кочевничества, которое она определяет как тип экономики, при котором основное производящее хозяйство — экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участием в кочевании (вместе со скотом) большей или даже подавляющей части населения. С. А. Плетнева выделила три стадии развития средневекового кочевничества — таборную, аильного кочевания и полуоседлого-полукочевого земледелия и скотоводства, когда основная масса населения переходит к оседлому образу жизни. Каждой из этих стадий, по ее мнению, соответствовал определенный уровень развития общественных отношений — разложение родоплеменного строя, образование классового общества, кочевой феодализм. С. А. Плетнева охарактеризовала кочевые государства — орды и так называемые «империи», свойственные второй стадии развития кочевничества, и каганаты или ханства, характерные для третьей стадии. Исследовательница выделила причины падения отдельных государств,

---

Европы в XV–XVI вв.: главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 83–84, 87, 88.

[259] *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 131–132.

[260] *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 году // Из истории Татарии. Казань, 1970. С. 141–2163. Ср. также сн. 227.

[261] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

[262] *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980; *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10. С. 104–120; *Он же.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

различные варианты «переразвития»[263]. Ее работа представляет большой интерес для понимания общих закономерностей развития кочевого мира, в том числе и конца XV – XVI в.

Вопросы русско-крымской дипломатики все еще практически не разработаны. Нерешенной задачей остается и изучение дипломатики самого Крымского ханства. Между тем основательное исследование ярлыков и посланий Джучиева улуса провел М. А. Усманов. Он поставил ряд важнейших для понимания русско-крымских отношений тем: значение термина «слово» и его использование в политической борьбе, показал перелом в идеологическом обосновании крымской политики по отношению к Руси после 1502 г., проследил традиции, на которые опиралось Крымское ханство в начале XVI в., когда, претендуя на наследие «Великой орды» — Джучиева улуса, оно продолжало использовать династийные и юридические нормы последнего[264]. Благодаря работе М. А. Усманова можно яснее понять место не только письменных памятников Крымского ханства в наследии всего Джучиева улуса, но и роль самого ханства в тот переломный период, когда улус раздробился на независимые и полунезависимые государства — орды и ханства, а всей их системе противостояла новая сила — Московское княжество, с течением времени превратившееся в княжество всея Руси, уверенно шедшее по пути собирания земель Древней Руси.

Значительное место М. А. Усманов уделил анализу начального протокола этих грамот, надписям на ханских печатях — носителях политической идеи. Пожалуй, работы М. А. Усманова — один из наиболее удачных опытов применения к документам Джучиева улуса методов современной дипломатики, успешно разрабатываемой на русском актовом материале С. М. Каштановым[265]. Впрочем, Усманов не остался одинок. А. П. Григорьев продолжил исследования золотоордынских грамот, обратив особое внимание на начальный и конечный протоколы и другие части их формуляра. В результате ему удалось, уточнив переводы, выяснить сущность тех налогов, освобождение от которых предоставлялось ярлыками Тохтамыша и Тимур-Кутлуга. Особенный интерес для истории Крыма представляет предложенная им датировка июнем-июлем 1486 г. послания Менгли-Гирея Баязиду II[266]. Ярлыки ханов Золотой орды привлекли внимание и как источник по истории русской церкви; разработке этой темы способствовали и предшествующие изыскания по их дипломатике[267].

---

[263] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982.

[264] *Усманов М. А.* Жалованные грамоты Джучиева улуса. Казань, 1979.

[265] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Он же.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

[266] *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золоордынского хана Монгке-Темюра // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова (далее УЗЛГУ). № 374. Вып. 17. Востоковедение. Вып. 1. Л., 1974. С. 188–200; *Он же.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Востоковедение. Вып. 5. Л., 1980. С. 15–36; *Он же.* Официальный язык Золотой орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1980. С. 203–215; *Он же.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // УЗЛГУ. № 407. Вып. 23. Востоковедение. Вып. 7. Л., 1980. С. 155–180; *Он же.* Пожалование в ярлыке Тохтамыша // УЗЛГУ. № 405. Сер. востоковедч. наук. Вып. 24. Востоковедение. № 8. Л., 1981. С. 126–136; *Он же.* Золотоордынские ханы

В 80-е гг. началось и серьезное изучение посольских обычаев, в том числе и в русско-крымской дипломатической практике. Если в статье Е. И. Индовой примеры из этой сферы привлекались лишь эпизодически[268], то в работе А. Л. Юзефовича показано, что за простыми обычаями приема послов и ведения дипломатических переговоров стоит сложная внешнеполитическая борьба, понять смысл которой можно лишь читая язык недомолвок и жестов русских и крымских дипломатов[269]. В указанные годы несколько угас интерес к международным отношениям рассматриваемого времени в широком плане. Исключение составляет работа А. М. Некрасова о народах Северного Кавказа и их роли в международных отношениях. Для темы настоящей работы очень существенен его анализ всех материалов о ранней истории Крымского ханства и отношениях с Османской империей[270], в частности, Менгли-Гирея с султанами Мехмедом II и Баязидом II, а также с ханами Большой орды.

Прослеживая ход исследования советскими историками русско-крымских и шире русско-ордынских отношений на протяжении послевоенного времени, можно отметить определенные закономерности. После некоторого подъема интереса к истории Крыма в 20-е гг., появления классических трудов В. А. Сыроечковского в 30-е гг., внимание историков в дальнейшем сосредоточилось на проблеме политического статуса Крымского ханства. С конца 60-х гг. начинается новый этап — этап взаимного интереса зарубежной науки к советской и советской — к зарубежной, отторжения чуждых концепций и несмотря на это — взаимовлияний, с одной стороны, и разработки конкретных вопросов с применением самых современных методик исследования, в первую очередь — дипломатики, с другой.

60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. Л., 1983. С. 43–46; *Он же.* Шибаниды на золотоордынском престоле // УЗГЛУ. № 417. Сер. востоковедч. наук. Вып. 27. Востоковедение. № 11. Л., 1985. С. 171–194; *Он же.* Проблемы реконструкции содержания сборника ханских ярлыков // Там же. С. 151–155; *Он же.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486 г.) // УЗЛГУ. № 419. Сер. востоковедч. наук. Вып. 29. Востоковедение. № 13. Л., 1985. С. 128–142. См. также сн. 119 этой главы.

[267] *Плигузов А. И.*, *Хорошкевич А. Л.* Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XIII–XV вв. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37. С. 117–130; *Они же.* Ярлыки как источник по истории русской церкви // Церковь и государство средневековой России. М., 1989. См. также: *Хорошкевич А. Л.* «Крепостная» или «крепкая» грамота // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 77–84.

[268] *Индова Е. И.* Русская посольская служба в конце XV – первой половине XVI вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 294–311.

[269] *Юзефович А. Л.* Русский посольский обычай XVI в. // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 114–126; *Он же.* Из истории столового обычая конца XV – начала XVII вв. (столовый церемониал московского двора) // ИЗ. № 98. М., 1977. С. 331–340; *Он же.* Как в посольских обычаях ведется... М., 1988.

[270] *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990.

Зарубежная историография последней трети XX столетия

Последняя треть XX столетия явилась временем складывания некоторых новых школ крымоведения и ордоведения в зарубежной исторической науке. К турецким, польским и советским исследователям присоединились французские, американские, немецкие, т. е. представители тех стран, которые либо вообще не существовали в средневековье, либо в это время занимали нейтральные позиции по отношению к Крымскому ханству и, как правило, не имели с ним прямых сношений до XVII в. К сожалению, многие из ученых не владеют русским языком, либо игнорируют русскую историографию, в первую очередь, труды классиков русской и советской науки — С. М. Соловьева и В. Е. Сыроечковского, повторяя при этом иногда их выводы.

Обзор зарубежной литературы, в некоторой степени теряющей свои национальные особенности и превращающейся — пусть медленно — в общемировую, следует начать с основополагающей статьи Э. Кинана 1967 г. «Москва и Казань: несколько вступительных замечаний о путях степной дипломатии»[271]. В ней он подчеркнул роль различных крымских родов — Ширин, Барын, Аргын, Кипчак, Седжеут и Мангыт, что приветствовали и издатели КСАМРТ[272], не заметив, что эта мысль не оригинальна и восходит к работе В. Е. Сыроечковского 1933 г.

Более существенна постановка Э. Кинаном вопроса о методике изучения социально-экономической истории Крыма, равно как и об общей методике исследований отношений Руси с ханствами и ордами. Он чрезвычайно высоко оценил русские посольские дела как наиболее содержательный и ценный источник, что кардинальным образом отличает их от летописей, сочинений «пропагандистского характера». Кинан предположил, что эти типы источников принадлежали представителям двух разных культур — светской и духовной, имевших между собой мало общего. Дипломатический язык — это буквальный перевод центрально-азиатского тюркского, общего для монгольской и тюркской сферы от Кипра до Пекина, и от Вильны до Дели. В русских посольских книгах, — утверждает он, — сохранен синтаксис, словарь и даже морфология оригинала. Заимствование лексики, кстати, подтверждают и некоторые терминологические наблюдения венгерских исследователей: И. Вашари над термином «даруга», и И. Матуза — над термином «калга»[273]. Благодаря «верности» русских посольских книг крымскому оригиналу, считает Э. Кинан, они открывают мир культуры и политической организации

---

[271] *Keenan E.* Muscovy and Kazan. Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. Vol. 26. № 4. 1967; *Id.* Jarlyk of Axmad-Xan to Ivan III. A New Reading // Journal of Slavic Lingvistics and Poetics. Vol. VI. 1967. P. 548–558.

[272] Introduction // КСАМРТ. P. 10, 14.

[273] *Vdsdry J.* The Golden Horde Term «Daruga» and its Survival in Russia // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricum. T. 30. Budapest, 1976, Fasc. 2. P. 187–197; *Idem.* The origin of the Institution of Basqaqs // Id. J. 32. 1978. Fase 2. P. 201–206; *Matuz J.* Qualga // Turcica. Vol. 2. 1978. P. 101–129.

«тюркских» государств. Особенность этого языка позволяет и в летописях обнаружить следы тюркоязычных документов. Э. Кинан предлагает метод реконструкции политического устройства восточноевропейских ханств, главы которых избирались «землей», в дальнейшем в виде совета карачи участвовавшей в политической жизни. Двусторонние обязательства хана и карачи составляли основу политического устройства этих государств. Кинан подчеркивает и особенности их взаимоотношений с Русью. Каждая из сторон уважала веру другой, не было и речи о национальных и религиозных противоречиях, взаимная заинтересованность в торговле составляла базу нормальных отношений, прерываемых обычными для тюркского кочевнического мира набегами за добычей и рабами.

В том же 1967 г. один из будущих издателей КСАМРТ А. Беннигсен опубликовал статью, в которой высказал идею, несколько предварявшую точку зрения В. Д. Королюка. Французский исследователь полагал, что интересы Османского султаната на Руси в течение всего XVI в., а не только его начала являлись второстепенными[274].

В зарубежной историографии не было двух мнений о позиции Крымского ханства по отношению к Османской империи. Ш. Лемерсье-Келькеже во вводной статье к публикации послания крымского хана Мухаммеда-Гирея султану 1521 г.[275] подчеркнула независимость политики ханства и, на что справедливо обратил внимание А. М. Некрасов[276], — стремление султана помочь крымскому хану в борьбе с Русским государством. Мысль об относительной независимости внешней политики Крымского ханства разделил и А. Беннигсен. В своей общей статье — публикации послания крымских вельмож будущему хану Саадат-Гирею 1523 г. — оба автора утверждали, что права султана назначать крымских ханов и призывать крымцев к участию в своих походах были более «теоретическими», нежели практическими[277]. Впрочем, за это «преуменьшение» степени зависимости крымских ханов от султанов в конце XV – начале XVI вв. авторы получили упрек от того же А. М. Некрасова.

Пожалуй, тезис о некоторой независимости Крымского ханства, о его стремлении к сепаратизму можно считать общим местом современной зарубежной исторической мысли. Положение Крымского ханства в Османской империи специально рассматривал и американский исследователь А. Фишер[278], все работы которого основаны на историографии и носят вторичный характер.

---

[274] *Bennigsen F.* L'expedition turque contre Astrakhan en 1569 // CMRS. 1967. Vol. 8. № 3. P. 427–446.

[275] *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les Khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovic en 1521 // CMRS. 1971. Vol. 12. № 4.

[276] *Некрасов А. М.* Международные отношения. С. 13.

[277] *Bennigsen A.*, *Lemercier-Quelquejay Ch.* Le Chanat de Crimée au début du XVI siècle. De la tradition mongole à la suzerainité ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // CMRS. 1972. Vol. 13. № 3. P. 322–327.

[278] *Fisher A.* Les rapports entre l' Empire Ottoman et la Crimée: l'aspect financier // CMRS. Vol. 13. 1972. P. 368–381; *Id.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // CASS. Vol. 6. 1972. № 4. P. 575–594; *Id.* Azov in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // JGO. Bd. 21. 1973.

В предисловии к публикации материалов архива Музея Топкапы издатели резко выступили против негативной оценки Крымского ханства как агрессивно-рабовладельческого, полностью подчиненного Османскому султанату[279], впервые данной этому государству почти сто лет тому назад В. Д. Смирновым. Не опровергая первого из его утверждений, они занялись выяснением главных политических факторов, воздействовавших на развитие ханства и определявших его политику по отношению к Польше, Литве, Московскому княжеству и Османской империи. Это, по их мнению, были отношения с Золотой ордой, сюзеренитет Османского султаната, взаимоотношения Гиреев с кочевой знатью во главе с Ширинами (что составляло основную ось внутренней структуры ханства), и, наконец, взаимоотношения с Казанью. Кроме того, они привели доказательства из источников, как опубликованных турецкими историками и ими самими, так и тех, что были впервые помещены в публикации 1978 г. В конфликт ханств-наследников Золотой орды — Крымского, Казанского, Астраханского — были вовлечены Великое княжество Московское, позднее княжество всея Руси и отчасти Великое княжество Литовское. Османский султанат, по их мнению, в этой борьбе не участвовал, действуя иногда даже в ущерб своему вассалу — Крымскому ханству[280]. В борьбе за передел наследства они выделяют три периода. Первый из них, так называемый «оборонительный», охватывал длительный отрезок времени от 20-х гг. XV в. до 1515 г. Золотая, а позднее Большая орда («конфедерация племен») угрожали самому существованию Крымского ханства, в результате чего крымские ханы вынуждены были искать союзников то в лице Великого княжества Литовского (при Хаджи-Гирее), то Московского (при Менгли-Гирее I). Завершением этого периода издатели считают либо 1502 г., либо 1515 г. «Разрушение Сарая Менгли-Гиреем в 1502 г. положило конец этому периоду»[281], — пишут они. Вместе с тем гибель Большой орды они относят к 1515 г., считая ее результатом общего натиска союзников — Крыма, Казани и Москвы.

Вторая фаза этого конфликта, характеризуемая соперничеством Москвы и Крыма за обладание всем улусом Батыя, длилась, согласно их концепции, с 1515 по 1556 гг., вплоть до завоевания Астрахани Россией. Особо выделяется 1521 г., когда Мухаммед-Гирей двинулся на Москву и назначил своих ставленников в Казань и Астрахань. Периодизация этих конфликтов — предмет спорный, к нему мы обратимся в дальнейшем.

Что же касается оценки Крымского ханства как агрессивно-рабовладельческого, то в этом отношении издатели фактически подтвердили точку зрения В. Д. Смирнова, согласившись с приведенными Х. Инал-

---

Hf. 2. S. 161–174; *Id.* Muscovite-Ottoman Relations in the 16th and 17th Centuries // Humaniora Islamica. Vol. I. 1973. P. 207–217 (данная статья осталась автору недоступной); *Id.* Crimean Separatism in the Ottoman Empire // Nationalism in a Non-National State. The dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W. W. Haddad and W. Ochsenwald. Columbus, 1977; *Id.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978.

[279] Introduction // KCAMPT. P. 1.

[280] Там же. P. 14.

[281] Там же. P. 15.

джыком и А. Фишером данными о размахе работорговли пленными, захваченными в Короне Польской, и о Великом княжестве Литовском с 1475 г. вплоть до конца XVII в.[282] Оба автора учитывали данные А. А. Новосельского о числе пленных из Руси и России; видимо, совершенно прав в этом вопросе В. Д. Смирнов, хотя и подходивший к истории Крымского ханства несколько односторонне.

В первой статье — размышлениях по поводу опубликованных документов архива Музея Топкапы — В. П. Остапчук, в противоположность части советской историографии, исходящей вслед за В. Д. Смирновым из данных хроник XVII в., поддержал одну из идей издателей — об отсутствии «смертельной» религиозной и национальной борьбы Москвы и Крыма. Остапчук настаивает на том, что в конце XV – начале XVI вв. эти государства находились в тесном союзе, преследуя единую цель — уничтожения Золотой орды с центром в Сарае на Волге. Вторую ошибку советских исследователей он видит в утверждении, будто Крымское ханство всегда было послушным орудием Османской империи, в особенности в выполнении антимосковских планов. В. П. Остапчук солидарен с издателями в том, что османы не были заинтересованы в ожесточенной борьбе Москвы и Крыма за контроль над волжским бассейном в период после исчезновения Золотой орды. Вслед за Х. Иналджыком он считает, что Османская империя внимательно следила за русско-крымскими отношениями уже до 1552 и 1556 гг., а с 1475 г. играла активную роль балансира, поддерживая равновесие сил в этом регионе и не допуская, чтобы одна из них получила преобладание и стала бы угрозой для ее собственного господства здесь[283]. «Рецензиями» В. Остапчука практически продолжено исследование опубликованных в 1978 г. документов архива Музея Топкапы. Их публикация дала новый толчок поискам ответа на вопросы о внутренней истории и политической организации Крымского ханства, которые доныне остаются спорными. Предложены новые ответы (Ш. Лемерсье-Келькеже настаивает на том, что это была диархия, В. Манц оспаривает это[284]).

В серии статей и монографии[285] Ж. Мартин предложила новую концепцию русско-крымских и русско-татарских отношений. В основе последних лежало стремление Московского княжества подчинить народы Европейского севера с целью получения от них дани в виде мехов, служивших основным экспортным товаром и исполнявших роль своеобразной валюты в сношениях с Крымом и Османской империей, что, по Мартин, и обнаружили конфликты 1467–1468 гг. и 1486–1487 гг. Вторая цель Московского княжества заключалась в установлении прямых связей с северными землями через Чердынь и Пермь, минуя Казань. Установив союзные отношения с Крымом, Московское княжество заботилось также о том, чтобы и Казанское ханство присоединилось к ним в противостоянии Большой орде. Именно в этом свете Ж. Мартин рассматривает женитьбу Менгли-Гирея на вдове умершего в 1486 г. казанского хана Ибрагима — Нур-Султан, замену нового хана Ильгама Мухаммед-Эмином, сыном Нур-Султан в 1487 г., новую смену хана — в 1499 г., на этот раз его младшим братом Абдул-Латифом и возвращение Мухаммед-Эмина в 1502 г. на казанский престол. Конфликты Руси и Казани в самом конце XV – начале XVI вв. были редки и случайны. Московское вмешательство в казанские дела преследовало якобы лишь цель сохранения тройственного согласия — московско-казанско-крымского. С разрушением русско-крымского союза завершился и период дружбы с Казанью.

---

[282] Introduction // KCAMPT. P. 5.

[283] *Ostapchuk V.* 1982. P. 501; *Ostapchuk V.* 1987.

[284] *Manz B. F.* The Clans of the Crimean Khanate. 1466–1533 // HUS. Vol. II. № 3. September 1978. P. 282–307.

[285] *Martin J.* Muscovite Relations with the Khanates of Kazan' and the Crimea (1460s to 1521) // CASS. Vol. 17. 1983. № 4. P. 435–453; *Id.* The Land of Darkness and the Golden Horde. The Fur Trade under the Mongols. XIII–XIVth Centuries // CMRS. Vol. XIX. 1978. № 4. P. 401–421; *Id.* Muscovite Travelling Merchants: The Trade with the Muslim East (15th and 16th Centuries) // Central Asia Survey. Vol. 4. 1985. № 3. P. 19–85; *Id.* Treasure of the Land of Darkness. The Fur Trade and Its Significance for medieval Russia. Cambridge, 1980.

Теперь, после 1515 г., усилия крымского хана были направлены на покорение Астрахани, в которое Мухаммед-Гирей пытался втянуть и русские войска. Ж. Мартин была первой, кто обратил внимание на эту сторону русско-крымских отношений. Упорный отказ Василия III помочь Мухаммед-Гирею Ж. Мартин объясняет стремлением великого князя противопоставить два ханства друг другу и тем самым отвлечь Крымское ханство от набегов на Русь. В 1512 г. в Городце был посажен Шейх-Авлияр, родственник астраханского хана, а в 1516 г. — его сын Шигалей, который вскоре стал казанским ханом. В ответ Мухаммед-Гирей способствовал его низвержению в 1521 г. и совершил поход на Москву, дабы предотвратить очередное вмешательство Руси в казанские дела. В статье, специально посвященной Тюменскому ханству, автор обращает внимание на отдаленные — и географически и хронологически — последствия освобождения Руси от ига[286].

Если концепция русско-крымско-казанских отношений Ж. Мартин содержит определенный интерес к их экономической подоплеке[287] и представляет довольно широкую картину взаимоотношений в пределах бывшего улуса Джучи, то ее статья об организации трехсторонней торговли и участии московского купечества в ней написана исключительно на базе исследования В. Е. Сыроечковского.

В 70–80-е гг. история Крыма интересовала турецких историков по преимуществу в связи с историей Золотой орды или Османской империи.

---

[286] *Martin J.* The Thumen Khanate's Encounters with Muscovy. 1481–1505 // Passe turco-tatar... P. 79–97.

[287] Что, впрочем, не редкость. Помимо вышеназванных работ можно назвать статью Д. Эндрюса, который занимался происхождением сурожан (*Andrews D.* Moscou and the Crimea in the Thirteenth to Fifteenth Centures // *Αρχεῖον* Πόντογ. Athènes. Vol. 35. 1978. P. 261–281), и М. Бериндеи, который выяснил роль пушнины в сношениях Руси с Османским султанатом (*Berindei M.* Le role des fourrures dans les relations commerciales entre la Russie et l'Empire Ottoman avant la conquete de la Siberie // Passé turko-tatar, présent soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen / Publ. par Ch. Lemercier-Quelquejay, G. Veinstein, E. E. Wimbush. Paris. 1986. P. 89–98).

Так, период с середины XV в. вплоть до поглощения Русью и Россией тех или иных политических образований, сформировавшихся на территории Золотой орды, У. Шамильоглу в 1984 г. выделил как время «поздней Золотой орды». Он подчеркнул единство основных традиций, в частности, функционирование института карачи в сфере политического устройства, существовавшего во всех государствах «поздней Золотой орды»[288].

Х. Иналджык в 70-е гг. обратился к вопросу о роли рабства в экономике Османской империи, в том числе конца XV – начала XVI вв., и роли Крыма, как поставщика русских рабов, используемых в качестве военной силы, ремесленников и в домашнем хозяйстве[289]. «Рабство, — пишет он, — ...было жизненно важным для Османской империи институтом. Не только государственные организации, но также различные сегменты экономики — шелкоткачество, чифтлик, аграрное хозяйство, дальняя торговля, как и обширное домашнее (семейное) хозяйство высшего класса — все основывалось на рабстве. Должно подчеркнуть, что все это зависело от регулярного широкомасштабного поступления рабов извне, поскольку рабство в мусульманском обществе могло поддерживаться лишь с помощью ввоза»[290].

В 1986 г. Х. Иналджык обратился к очень популярной в 80–90-е гг. теме — отражении в титулатуре положения тех или иных государей. Он же разработал эту тему применительно к русско-крымским отношениям, исходя из наблюдений над титулатурой московских и русских князей, которые сделали М. Шефтель и М. Чернявский[291]. Вслед за первым из них Иналджык связывает принятие титула государя с независимостью от Золотой орды. Что же касается крымских ханов, то их внешняя политика в какой-то степени была определена теми условиями, которые предъявлялись к «великим ханам татарского мира». Они включали принадлежность к Чингизидам (действительно, крымские ханы происходили от Тохтамыша (1377–1395), так что этому условию вполне соответствовали), вассальную зависимость улуса (имеется в виду улус Джучи) или могущественных родов во главе с четырьмя карачи-беями, реальное владение столицей улуса — Сараем или Улуг-юртом (включавшим зимние и летние пастбища вверху и внизу реки или священную гору Алтын-таг, с которой связывалось освящение власти хана). Менгли-Гирею не удалось выполнить все названные условия, он не мог переехать в Сарай, разоренный еще Тимуром в 1395 г. Ни ему, ни его сыну Мухаммед-Гирею, подчеркивавшему свое родство с великим ханом Тохтамышем и великим ханом Хаджи-Гиреем и принявшему титул «великого хана Великой орды и падишаха Кипчакской степи со всем могольским народом», не удалось объединить все племена, в частности, за пределами ханства осталась Ногайская орда[292]. Соображения Х. Иналджыка следует иметь в виду при оценке новой концепции истории Крымского ханства в первой четверти XVI в., выдвинутой Л. Коллинз (см. ниже). Если титулатура крымских ханов отражала их борьбу за господство в пределах Джучиева улуса, то русские князья, по Иналджыку, претендовали в первой половине XVI в. на власть над крымскими и прочими ханами, апеллируя к тому факту, что они пожаловали «царям», как именовались ханы на Руси, их резиденцию — Городец, в будущем Касимов[293].

---

[288] *Schamiloglu U.* The Qaraci Beys of the Later Golden Horde: Notes of the Organisation of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden, 1984. № 4. P. 283–295. Характеристика работы принадлежит А. М. Некрасову.

[289] *Inalcik H.* Servile Labor in the Ottoman Empire // The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds. The East European Patterns / Ed. by A. Ascher, J. Halasi-Kun, B. K. Kirale. Brooklin, 1979. P. 25–52.

[290] *Inalcik H.* Servil Labor... P. 34.

[291] *Szeftel M.* The Title of the Muscovite monarch up to the End of the Seventeenth Century // CASS. T. XIII. 1979. № 1–2. P. 59–81; *Czernlavsky M.* Khan or basileus. An Aspect of Russian Medieval Political Theory // The Structure of Russia History. N. Y., 1970. P. 65–79.

В последней по времени появления работе Х. Иналджык обобщил все свои предшествующие наблюдения не только об Османской империи, главной теме данной работы, но и относительно Крымского ханства. Здесь особое место заняли экономические отношения Крыма с Османской империей. Первый поставлял в метрополию соль, продовольствие и рабов (используемых в домашнем хозяйстве, в военной и экономической сферах) в обмен на шерстяные и шелковые ткани, которые поступали оттуда на Русь, в Польшу, Молдавию, Швецию[294]. Иналджык подчеркнул, что в Крыму существовало несколько таможенных зон с центрами в Азаке (Азове), Кафе, Керчи, Тамани и Копе, где взимались более высокие пошлины, нежели в других частях Османской империи — 4,2 % от стоимости товаров сравнительно с 4 % в остальных[295]. Именно в торговле он видит прочную основу дружественных русско-османских отношений, несмотря на все злоключения, которые происходили с русскими послами в Османском султанате. Обращает он внимание и на заинтересованность крымского хана в этой торговле вплоть до 1512 г., когда, по его мнению, прекратился русско-крымский союз[296].

Сравнительно недавняя работа М. Юрекли о первых полутора столетиях истории Крымского ханства практически не затрагивает русско-крымских отношений. Говоря о Менгли-Гирее, автор между делом замечает, что разгром Большой орды был «одной из его крупных ошибок, так как эта победа оказалась на руку ждавшим удобного случая русским», ибо с того времени и начинается усиление России. Лишь кратко упоминаются русско-казанско-крымские отношения времени Мухаммед-Гирея[297].

Проблемы истории дипломатической практики во времена Ивана III обсуждает Р. М. Кроски в специально посвященных сношениям с Крымом статье и монографии, затрагивающих весь круг вопросов этой темы[298]. Р. Кроски основывается преимущественно на русских материалах посольских книг. Вслед за советскими историками он считает, что договор 1474 г. был действительно заключен, хотя его окончательный вариант не дошел до нашего времени, что сношениями с Крымом ведала казна, получившая собственное помещение по завершению строительства Благовещенского собора[299]. Р. Кроски установил, что посольские документы по сношениям с Крымом распадаются на две группы — исходящие из Москвы и из Крыма, выяснил число направленных инструкций с послом (русских 27 и крымских 5) или с гонцами (крымских 21 и 13 русских хану и 5 русских хану и русскому послу) и особенности формуляра. Отметил он и изменение датировок (с 1486 г. стали отмечаться год, месяц, число). В факте скрепления крымских грамот, как указано в документах, «печатью с синим нишаном», в «нелепой», по его мнению, формуле, где дважды повторяется слово «печать», автор предполагает ошибку переводчика[300]. Чрезвычайно интересны его наблюдения о применении печатей Иваном III в сношениях со всеми соседними государями.

---

[292] *Inalcik H.* Power Relations between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature // Passe turco-tatar... P. 177–182.

[293] *Inalcik H.* Power Relationships... P. 182–1837.

[294] An Economic and Social History of the Ottoman Impire, 1300–1914 / Ed. by H. Inalcik with D. Quataert. Cambridge, 1994. P. 63, 179, 195, 283, 284.

[295] An Economic and Social History... P. 195–196.

[296] An Economic and Social History... P. 278–279.

[297] *Urekli V.* Kirim hanliginin kurulusu ve Osmanli himayesinde yukselisi (1441–1569). Ankara, 1989. S. 23–25. Характеристика работы М. Ю. Юрекли принадлежит А. М. Некрасову.

Автор правильно оценил роль церемоний в дипломатическом протоколе средневековья. Послам предписывались различные формы приветствий: с 1479 г. и все 80-е гг. — челобитье хану, его родственникам и приближенным — поклон, а после 1490 г. — поклон и ему. Он очень тонко подметил разницу между «челобитьем» и «поклоном», точно указал реакцию Ивана III на выполнение различных церемоний, унаследованных от золотоордынского времени, как унижающих его достоинство[301]. В связи с этим ему удалось сделать и изящное наблюдение об этнической принадлежности Андрея Шамцева, дьяка посольства апреля 1500 г. – мая 1502 г.: возникшая под его пером формула «много челом» объединяет и русскую, и крымскую традицию, что естественно для обрусевшего татарина[302]. К сожалению, говоря о разнице «челобитья» и «поклонов», автор прошел мимо очень полезной в сравнительно историческом плане работы Ю. М. Бардаха на эту же тему[303]. Разновидности документов, занесенных в посольские книги, зависели, по Р. Кроски, от типа посольства. Полномочным представителям выдавались инструкции о требуемых от них в разных обстоятельствах действиях — так называемые памяти. Кроме того, послов снабжали подорожными, обидными списками[304].

---

[298] *Croskey R. M.* The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. Vol. 42. № 2 (July 1984). P. 257–269; *Id.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.—London, 1987.

[299] *Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice... P. 9. В последнем случае он опирается на мнение С. В. Бахрушина (История Москвы. Т. I. М., 1952. С. 113, 104).

[300] Там же. С. 32–33, 50.

[301] Там же. С. 366 117–120.

[302] Там же. С. 53.

[303] *Bardach J.* Czolobicia i poklony. Kartka z dziejów administracji Wielkiego księstwa Litewskiego w XV–XVI w. // *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970. S. 379–390.

[304] *Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.—London, 1987. C. 38–43.

Наконец, нельзя не отметить интерес Р. Кроски к финансовой стороне русско-крымских отношений. В девятных поминках он не видит политической подоплеки, считая их обычным поздравительным подарком по случаю занятия престола новым государем[305)], но в целом считает, что дары крымскому хану преподносились на регулярной основе с целью обеспечить и укрепить политический союз[306)].

В целом это первая работа иностранного автора, всецело основанная на материалах русских посольских книг. Чрезвычайно плодотворен его подход к изучению дипломатики посольских книг, теме, успешно разрабатываемой Н. М. Рогожиным. К сожалению, крымская дипломатика, насколько она отразилась в русских посольских книгах, Кроски не заинтересовала. Для автора настоящей работы прискорбен факт запоздалого на 12 лет знакомства с его монографией. Радуясь тому, что мы с английским автором идем параллельными путями, нельзя не огорчаться отсутствием указаний на его интересные наблюдения в разделе о гербе в коллективной монографии «Герб и флаг России» 1997 г.[307)]

Сравнительно хорошая изученность истории Крымского ханства создала базу и для обобщающих, сугубо компилятивных сочинений, например, Л. Подгородецкого, и для исследовательских работ об участниках дипломатических переговоров[308)]. Наряду с работами, посвященными непосредственно русско-крымским контактам, заслуживают упоминания и исследования по истории формирования Русского государства[309)].

В 1991 г. была предложена и новая концепция о «разгроме» Большой орды. На основе преимущественно русских посольских книг — и это второй в зарубежной историографии подобный факт — Л. Коллинз написал серьезное исследование о Большой орде последней четверти XV в. и ее взаимоотношениях с ВКЛ, Русью и Крымом. В борьбе последнего и Большой орды автор увидел лишь династический аспект. Орда, де, сохранилась, лишь изменив правящую династию — сменив Наманганскую на Чингизидскую (т. е. Гиреев). Менгли-Гирей же вслед за отцом пытался восстановить улус Батыя. Л. Коллинз развивает точку зрения А. А. Малиновского, который утверждал, что после 1502 г. крымцы стали опаснейшим врагом Руси. В соответствии с этим Коллинз спорит как со своими зарубежными коллегами, так и с К. В. Базилевичем[310)], не соглашаясь с утверждением последнего, что 1502 г. был триумфом русской внешней политики, поскольку Русь и позднее выплачивала дань

[305)] *Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.—London, 1987. C. 179, 180.

[306)] Там же. С. 183, 186.

[307)] *Хорошкевич А. Л.* Герб // Герб и флаг России / Под ред. Г. В. Вилинбахова. М., 1997.

[308)] *Rasmussen K.* The Muscovite Foreign Policy Administration during the Reign of Vasilii III, 1515—1525 // FOG. Bd. 38. 1986. S. 152—167.

[309)] *Giraudo G.* Alle origini dello stato russo da Ivan III a Pietro Grande. Venezia, 1984.

[310)] *Grousset R.* The Empire of the Steppes. A History of Central Asia. New Brunswick—N. J., 1970. P. 472.

в Орду[311]. Эта весьма интересная точка зрения, думается, не вполне обоснована, поскольку наряду с Крымским ханством, действительно изменившим свое наименование, сохранились и осколки Большой орды «Ахматовых детей», вполне обоснованно претендовавших на преемственность от Золотой и Большой орды.

В сборнике статей «Монголы в Азии и Европе» П. Ниче и Я. Кусбер возвращаются к теме разгрома Большой орды и ее влияния на дальнейшее развитие Руси. П. Ниче характеризует начало иноземного господства на Руси, Я. Кусбер — его конец, и оба — особенности ордынского господства[312]. Специальную работу Я. Кусбер посвятил истории Казанского ханства, оказавшегося в тисках между Русью и Крымом. В русско-крымских отношениях Кусбер увидел динамику — от партнерства к вражде, определенной не только внешней политикой обоих государств и их отношением к Литовскому княжеству (прежде всего русско-литовским противоборством за земли Древней Руси), но и торговыми интересами Русского государства. Посредничая между султаном и великим князем всея Руси, Крыму удалось содействовать русской торговле на Черном море. После поворота крымской политики в 1514 г. ханство, напротив, стало препятствовать торговым связям. После 1518 г. на первый план, по Кусберу, вышло соперничество Крыма и Руси из-за Казани, где в 1518 г. умер последний потомок хана Большой орды Улуг-Мухаммеда — Мухаммед-Эмин[313].

Итак, в 60-е – начало 90-х гг. нашего столетия наблюдается бурный рост интереса к проблемам истории Крымского ханства, появление новых концепций его развития, усовершенствование методики и введение в круг используемых источников не только новых турецких документов, но и давно обнародованных русских.

Российская и украинская историография 90-х гг.

В России за это время появилось сравнительно мало специальных исследований на интересующую нас тему. Продолжалось переосмысление отношений средневековой Руси с «кочевыми степями», которым занимается по преимуществу В. В. Трепавлов в рамках исследования проблемы государственной традиции[314]. В одной из своих работ он сгруппировал различные факторы, воздействовавшие на характер отношений оседлого населения лесных и лесостепных территорий и кочевнического в пределах Восточной Европы. Фактор политический — завоевание кочевниками земледельческих территорий, экономический — «обмен товарами и достижениями культуры» «в мирные времена» и «насильственное изъятие материальных богатств» «в периоды военного противостояния», а также взимание дани в различных видах (выход, ясак и пр.). В качестве социального фактора В. В. Трепавлов отмечает «большую сложность, разветвленность и, в конечном счете, развитость российской государственной структуры по сравнению с тюркской кочевой». Наконец, к этнодемографическим факторам автор относит «взаимонаправленные миграционные потоки»[315].

---

[311] *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Lepanto. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571. Amsterdam, 1991. Byzantinische Forschungen. Bd. XVI. 1991. P. 361–399.

[312] *Nitsche P.* Mongolensturm und Mongolenherrschaft in Russland // Die Mongolen in Asien und Europa / Hrsg. von S. Conermann. Frankfurt a. M., 1997. S. 65–79; *Kusber J.* Ende und Auswirkungen der Mongolenherrschaft in Russland // Ibid. S. 207–229.

[313] *Kusber J.* Um das Erbe der Goldenen Horde: Das Khanat von Kazan zwischen Moskauer Staat und Krimtataren // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas im Mittelalter und Früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag / Hrsg. von E. Hubner, E. Klug und J. Kusber. Stuttgart, 1998. S. 293–312.

[314] Понятие государственной традиции В. В. Трепалов разработал на материалах исследования о Монгольской империи XIII в. См.: *Трепалов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблемы исторической преемственности. М., 1993.

В. В. Трепавлов предлагает свою схему периодизации отношений Руси и кочевой степи. XV – середину XVI вв., т. е. период существования русских земель во главе с Московским княжеством в системе государств-наследников Джучиева улуса, он называет «послеордынским» и считает, что в это время еще «сохранялась иерархическая, все более номинальная подчиненность великих князей ханам Большой орды и в определенном отношении владетелям Крыма»; существовала «практика выдачи ханских ярлыков на великое княжение»; продолжалась выплата дани в Большую орду и Крым, а также до 1487 г. — в Казань[316]. Некоторые утверждения В. В. Трепалова, в частности, об уплате дани в Крым, вызывают сомнения, которых, однако, не разделяют другие исследователи.

Для характеристики положения Руси в системе ханств — наследников Золотой орды существенна гипотеза В. Д. Назарова относительно уплаты даней во все эти ханства[317].

Для истории русско-крымской торговли весьма важны работы С. П. Карпова и А. С. Мельниковой, посвященные в основном предшествующему периоду. Последняя убедительно показала, что в сфере торговли с югом складывался особый «денежный рынок», на котором обращались акче — серебряные монеты Гиреев, бывшие в два раза тяжелее московских — «ординские» деньги, генуэзско-татарские аспры — «кафинские», чеканившиеся до 1475 г. и во второй половине XV в. ставшие равноценными московкам (по татарским источникам симам и тенге). А. С. Мельникова высказала гипотезу, что знаменитые монеты с надписью «Орнистотель» (имеются другие варианты написания) — дело рук не хорошо известного Аристотеля Фиораванти, но иного мастера — одного из итальянцев из г. Кафы, покинувших эту колонию после ее захвата османами в 1475 г.318)

---

[315] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 49–50. Ср.: *Он же.* Восточные элементы российской государственности: к постановке проблемы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1992. С. 57–59; *Он же.* Статус «белого царя». Москва и татарские ханства в XV–XVI вв. // Там же. С. 59–62. *Он же.* Государственная традиция в России: вопросы типологии, периодизации, источников происхождения // Историческое познание, традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Ч. I. Ижевск, 1993. С. 173–176.

[316] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи... С. 51, 54.

[317] *Назаров В. Д.* Становление Российского централизованного государства // История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 1996. С. 317.

К сожалению, попытки пересмотра советской концепции средневековой истории Восточной Европы еще не сопровождаются появлением серьезных исследовательских трудов и обнаруживают склонность к восприятию идей современной турецкой историографии. Так, Р. Фахрутдинов в своей брошюре, посвященной 700-летию Золотой орды, подчеркивает идею единства «татар», которых в то время объединяли общие корни происхождения в рамках Золотой орды, общность этноса, его этнонима и языка, наличие одних и тех же главных родов: Ширин, Барын, Аргын и Кипчак, связанных своим происхождением с Золотой ордой319).

Украинская историческая наука пока не пошла далее многочисленных научно-популярных сочинений по истории Крыма (в одной из них — В. П. Дюличева — сделана попытка представить в виде схемы политическую структуру Крымского ханства320)), переиздания и перевода старых работ (в том числе, Тунманна 1784 г.321) и Х. Иналджыка322)), отдельных историографических экскурсов323).

Завершая обзор литературы, следует признать, что несмотря на большие успехи в области издания источников — русских, литовских, крымских, турецких, польских и изучения политической истории отношений Руси и Крыма, Руси и Османской империи остаются не выясненными конкретные формы политико-экономических отношений Руси и Крыма, неясна история их социальных связей, совершенно не разработана проблема юридического оформления отношений, что невозможно сделать без применения методов современной дипломатики. Этим сторонам русско-крымских отношений и будет посвящена данная работа.

---

318) *Мельникова А. С.* Московия и Италия (русско-итальянские связи в эпоху средневековья по нумизматическим данным) // Деньги и кредит. 1995. № 4.

319) *Фахрутдинов Р.* Золотая орда и татары. Что в душе у народа. Набережные челны, 1993. С. 14.

320) *Дюличев В. П.* Рассказы по истории Крыма. Симферополь, 1996. С. 163.

321) *Тунманн.* Крымское ханство. Примечания, предисловие и приложения Н. Л. Эрнста. Симферополь, 1991.

322) *Іналджик Г.* Боротьба за Східно-Европейську Імперію, 1400–1700 р. Кримський ханат, османи та піднесення російськоі Імперіі // Кримські татари в минулом и сучасніcьти. Київ, 1997. С. 116–129.

323) *Хаяі В. О.* Кримські татари в науковій спадщині академіка Кримського // Проблеми історичного і географічного краэзнавства Чернігівщини // Вип. III. Чернігів, 1995. С. 67.

Глава 2

Русь и Крым. Общая характеристика

§ 1. Русь в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв.

Важнейшим политическим процессом в Европе конца XV – начала XVI вв. было формирование национальных государств, становление которых отвечало не только интересам городов, но и нации в целом. Этот процесс охватил все районы Европы, за исключением Центральной, Южной и Юго-Восточной ее частей[1]. В период формирования национальных государств одним из важнейших вопросов межгосударственных отношений был территориальный. Для Руси он стоял очень остро. Огромная часть русских земель находилась в составе Великого княжества Литовского, ближайшего соседа Руси на Западе. Если в период собирания ранее независимых русских земель — Тверского княжества, Новгородской феодальной республики и др. — задача русской дипломатии сводилась к обеспечению нейтралитета со стороны Великого княжества Литовского[2], то в конце 80-х гг. XV в. ситуация изменилась. На повестку дня встал вопрос о возвращении русских земель, находившихся в составе Великого княжества Литовского, не только дипломатическим путем, но и военным. В результате пяти военных кампаний на западной границе Русского государства 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1514 и 1517–1518 гг.[3] были присоединены территории северских земель и Смоленск.

---

[1] *Hassinger E.* Das Werden des neuzeitlichen Europa 1300–1600 / Geschichte der Neuzeit Hrsg. von G. Ritter. Braunschweig, 1955.

[2] Московская дипломатия успешно справилась с нею. В период первого похода на Новгород в 1471 г. в начале июля и в середине декабря в Кракове при дворе короля польского и великого князя литовского Казимира дважды побывали московские послы (Rachunki wielkorządowe krakowskie z r. 1471 / Przyg. R. Grodecki. Kraków, 1951. № 6–9. S. 401; Rachunki królewskie z lat 1471–1472 i 1476–1478 / Oprac. S. Gawęda, Z. Perzanowski, A. Strzelecka. Wrocław—Kraków, 1960. S. 88, 41). По-видимому, благодаря первому посольству удалось обеспечить нейтральную позицию по отношению к Новгороду, которому Казимир ранее обещал свою поддержку. Окончательное присоединение Новгорода в 1478 г. сопровождалось новой дипломатической акцией Ивана III, направившего летом 1478 г. своего посла в Сандомир (Rachunki królewskie z lat 1471–1472, 1476–1478. S. 250).

Накануне присоединения Твери перед Рождеством 1483 г., по сообщению гданьского хрониста К. Вейнрейха, было достигнуто 10-летнее перемирие Ивана III с Казимиром. (*Weinreich C.* Danziger Chronik // Scriptores rerum Prussicarum. Bd. IV. Leipzig, 1870. S. 749.)

[3] О ходе их см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972; *Он же.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Однако и в это время важная роль принадлежала дипломатическим контактам. Первым союзником Руси в борьбе с Великим княжеством Литовским стал венгерский король Матвей Корвин, сношения с которым Иван III завязал в 1482 г. В 1487 г. был заключен русско-венгерский союз, направленный против Ягеллонов. Корвин, однако, не оказал действенной помощи Ивану III, поскольку главное его внимание было поглощено удержанием Австрии, наследственного владения Габсбургов, борьбой против короля Чехии Владислава Ягеллона4). Смерть Корвина и переход Венгрии под власть чешского короля положили конец этому союзу.

Более длительными были сношения России с Молдавией, в русских источниках называвшейся Валахией. Оплот православной культуры, прибежище славянской (из Болгарии и Сербии) и греческой эмиграции, Молдавия времени Стефана III (1457–1504) переживала эпоху расцвета. Несмотря на непрекращавшиеся с 1473 по 1487 гг. молдаво-турецкие войны и попытки Польши и Венгрии подчинить это государство, Молдавии удалось отстоять независимость. Начало русско-молдавских отношений приходится на 1471 г., следующий после отказа Молдавии от признания вассальной зависимости от Короны Польской, год первого похода Ивана III на Великий Новгород. В конце 70-х гг. Стефан Великий выступил с проектом династического брака его дочери Елены и сына Ивана III — Ивана Ивановича Молодого. Внучка киевского князя Александра (Олелько) и наследница «старых» римлян, от которых, согласно славяно-молдавской летописи, произошел ее отец, стала великой княгиней московской в 1483 г. Этот брак давал основание великим князьям московским претендовать на звание государей всей Руси, обосновывал претензии на возвращение «матери» городов русских — Киева не только правом старины, но и силой династических связей, столь прочных в позднее средневековье5). Уже в 1490 г. Иван III говорил послу кайзера Максимилиана I Георгу фон Турну о желании вернуть свою «отчину — Киевское великое княжество»6).

Сложность международного положения Молдавии, теснимой Османской империей, которой в 1484 г. удалось захватить Килию и Белгород, последние порты на Черном море, и Короной Польской, зависимость от которой Стефан Великий признал в 1485 г., первое время затрудняла совместные действия Руси и Молдавии. Лишь в 1489 г. русско-молдавские отношения снова стали на прочную почву антиягеллонского союза. В связи с заключением польско-османского договора в 1489 г. Стефан

---

4) Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 249–255; *Karge P.* Kaiser Friedrich's III und Maximilians I ungarische Politik und ihre Beziehungen zu Moskau // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. 9. Hf. 2. Freiburg und Leipzig, 1895.

5) *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // АЕ за 1963 год. М., 1964; *Мохов Н. А.* Зарождение экономических, политических и культурных связей молдавского народа с русским и украинским // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. Т. XXVI, 1957; *Черепнин Л. В.* Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков // Вековая дружба. Кишинев, 1961. С. 87–110.

6) Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. 1. СПб., 1851. Стб. 37–38.

III признал венгерский сюзеренитет, и Молдавия вошла в систему антиягеллонских отношений[7]. В период 1489–1496 гг. был заключен русско-молдавский договор[8]; стороны ежегодно обменивались посольствами (1490, 1491, 1492 гг. и др.[9]).

Несмотря на то, что с 1490 г. Молдавия стала объектом соперничества между Владиславом Ягеллой, королем чешским, Яном Олбрахтом, королем польским, и Максимилианом Габсбургом, что закрепил конгресс Ягеллонов в Левоче в 1494 г., положивший начало дипломатической изоляции Молдавии в Европе[10], а также на заключение Иваном III договора с одним из Ягеллонов — Александром, великим князем литовским[11], русско-молдавские отношения продолжались. В это время русско-молдавский союз был направлен не столько против Ягеллонов, сколько против Османского султаната. В 1496–1497 гг. Молдавии с помощью России удалось овладеть «местом сильнейшим» — одним из портов на Черном море в устье Дуная — Монкастро. Победа Стефана Великого под Монкастро трактовалась как огромное достижение в борьбе с османами во всей Европе.

1497-й год стал кульминацией дружественных русско-молдавских отношений. В целях подчинения Молдавии польский король Ян Ольбрахт решился на вооруженное вторжение в страну. Польские войска сначала осадили Сучаву, потом двинулись в Буковину, где в Козминском лесу потерпели сокрушительное поражение от войск Стефана III[12]. В ходе этих событий Россия оказала дипломатическую поддержку Молдавии. Иван III настойчиво требовал от Александра, чтобы литовское войско не участвовало в польско-молдавском конфликте[13]. Естественным следствием и продолжением дружественных русско-молдавских отношений было провозглашение 4 февраля 1498 г. внука Стефана III и Ивана III Дмитрия великим князем московским и государем всея Руси. Однако 1497 г. оказался не только кульминационным, но и последним годом русско-молдавского союза. Согласно новому договору Молдавия, сохранившая неприкосновенность территории и власть своего государя, поступала под покровительство Ягеллонов, обязавшихся помогать ей в случае османского нападения[14]. Последнее не заставило себя ждать. Осенью 1498 г. – в начале 1499 г. на Молдавию и Южную Русь двинулось многочисленное османское войско[15]. У Молдавии не оставалось другого выхода, кроме признания вассальной зависимости от Польши. Договор Молдавии и Польши был заключен в июле 1499 г. После его утверждения союз с Молдавией почти терял всю свою привлекательность для России. Отныне Молдавия входила в коалицию Ягеллонов и могла представлять интерес для России только как территория, по которой должны были передвигаться русские послы, направлявшиеся на юг или юго-запад Европы.

---

[7] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 254–255. *Boldur Al. V.* Politica externa a lui Stefan cel Mare intro lumina nona. Jasi, 1943. P. 15–20; *Costachel V.* Relatiile dintre Moldova si Rusia in timpul lui Stefan cel Mare // Studii cu privire la Stefan cel Mare. Bucureşti, 1956. P. 190–191.

[8] Н. А. Мохов предлагает более широкие хронологические рамки заключения договора: 1487–1498. См.: *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1964. С. 192–193.

[9] ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 273–276.

[10] *Finkel L.* Zjazd Jagiellonów w Lewoczy r. 1494 // KH. 1914; *Papée F.* Jan Olbracht. Kraków, 1956. S. 64–77; *Papacostea S.* De la Colomela la Codrul Cosminului. Pozicia internationala a Moldovei la Sfîrşitul secolului al XV-lea // Romanoslavica. T. XVII. Bucureşti, 1970. P. 541.

[11] *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 254–255.

[12] ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 42.

[13] Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 35. СПб., 1892. С. 238, 253.

Четвертой державой, отношения с которой для России определялись первоначально борьбой против Великого княжества Литовского, была Священная Римская империя, с 1474 г. получившая название Священной Римской империи германской нации. Она включала одно королевство — Чехию, одно эрцгерцогство — Австрию, несколько герцогств, курфюршеств, архиепископств и епископств, две республики — Флоренцию и Сиену, десятка два имперских городов и ряд иных государственных образований в Центральной, отчасти Южной и Северной Европе. Во главе этого лоскутного государства — конгломерата почти ничем не соединенных территорий, разъедаемых бесконечными войнами и раздорами князей, рыцарства и городов, — стоял император, вершина всей средневековой иерархии европейских государей. Власть его была почти номинальной, поскольку имперская казна пустовала, а имперское войско практически отсутствовало.

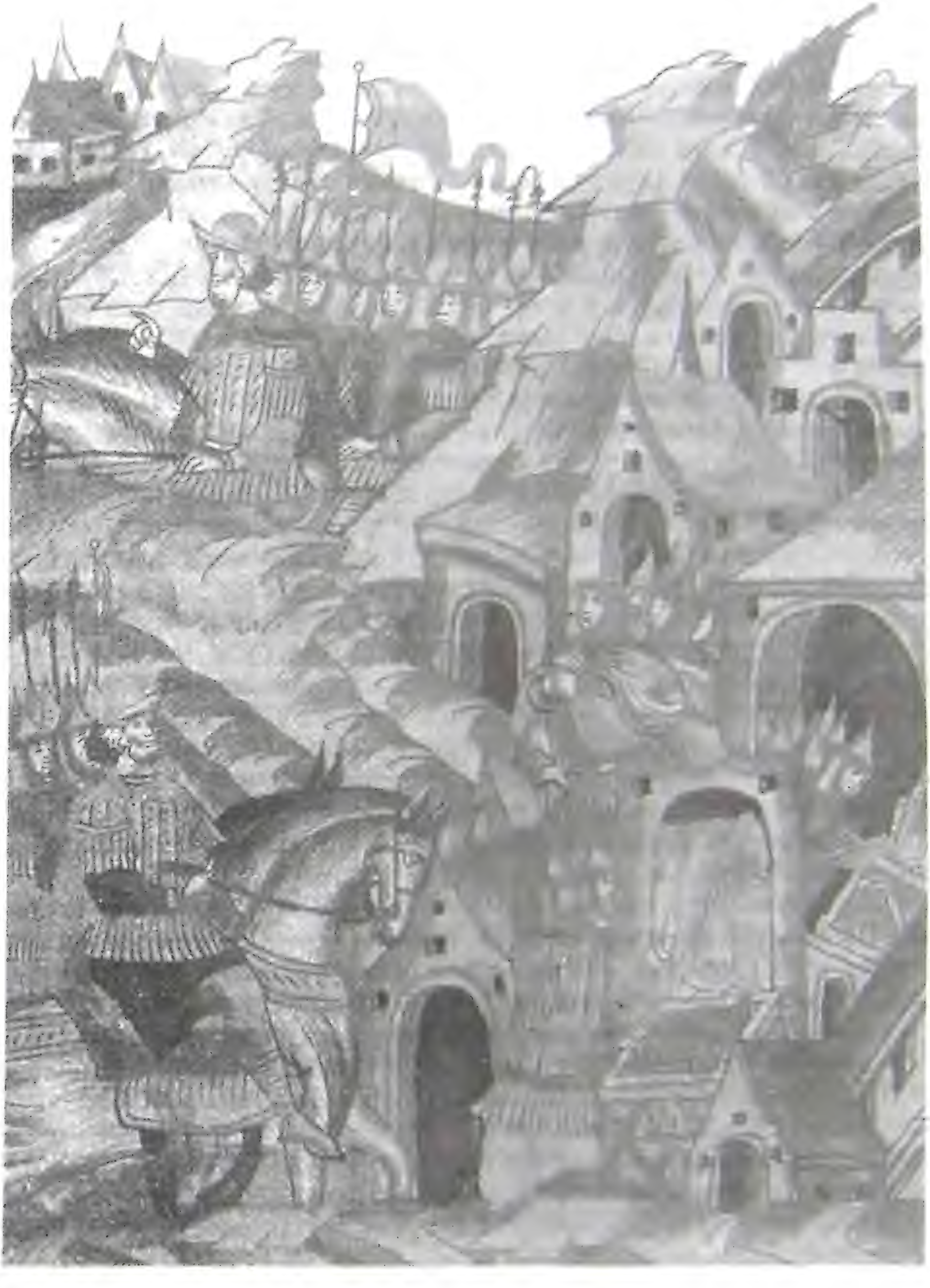
Отношения Руси и Империи завязались во второй половине 80-х гг. XV в., когда возникла серьезная опасность потери Империей Венгрии, Чехии и части земель австрийского эрцгерцогства, на которые претендовала Венгрия. Чехия же оказалась в руках одного из Ягеллонов — Владислава. Возможно, именно поиски союзников против Ягеллонов и привели в Москву посланника императора Фридриха — Николая Поппеля. Во время второго приезда в Москву в 1486 г. он предложил России союз маркграфа баденского Альбрехта или саксонского курфюрста Иоганна с одной из дочерей Ивана III. С целью включения Руси в политическую систему Священной Римской империи Н. Поппель предложил Ивану III королевский титул. В результате посольства в Империю Ю. Траханиота с ответным визитом и проектом договора в Москву прибыл Георг де ла Торре (фон Турн), который предложил заключить союз короля Максимилиана и великого князя Ивана III, особо оговорив помощь России королю Максимилиану для возвращения ему Венгерского королевства. Противниками были названы чешский король Владислав Ягеллон и король польский Казимир.

Проект договора, выработанный в Москве в 1490 г., вносил некоторые поправки к имперскому тексту: стороны обязались помогать друг другу, «где будет... мочно», не конкретизируя направленности союза

---

[14] *Уляницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. М., 1887. С. 151.

[15] *Sanuto M.* I diarii. T. II. Venezia, 1879. P. 504–508, 544.



Нападение крымских татар на г. Алексин (РНБ. Миниатюра Лицевого свода XVI в. Шум. том. Л. 471 об.)

и подчеркивая взаимность обязательств помощи. Русско-имперский договор был заключен 23 июня 1491 г., когда уже ясно определился исход войны за Венгрию, ставшую после смерти Матвея Корвина объектом соперничества Империи и Чехии.

Война началась успешно для Максимилиана. Осенью 1490 г. ему удалось захватить Вену и Буду. Этим его успехи и ограничились. К середине лета 1491 г., когда прибыли русские послы, Венгрия уже фактически была в руках Владислава. Не довольствуясь утверждением «докончальной грамоты», Максимилиан выдвинул проект северного блока против Казимира, в который должны были войти великий князь всея Руси, гроссмейстер Тевтонского ордена, прусские города и магистр Ливонского ордена. Союз Руси с крымским ханом Менгли-Гиреем и господарем Стефаном угрожал Казимиру и с южной стороны. Итогом заключения подобного союза, по мысли Максимилиана, должен был стать отказ Казимира от поддержки Владислава, а Владислава — от Венгрии.

Однако этому союзу в 90-е гг. XV в. не суждено было осуществиться. Иван III, оказавшийся осведомленным о Прессбургском мире Империи и короля чешского и венгерского Владислава, 7 ноября 1491 г. отказался поддерживать Максимилиана военными силами и вступать в предложенный им союз.

Итогом войн с Великим княжеством Литовским оказалось не только территориальное приращение за счет Северских земель и Смоленска, благодаря чему значительно увеличилось и население Русского государства, и его размеры, но и распространение мнения о Руси как серьезной военной силе. Особенно внимательно за успехами Руси следили в Италии. Об этом можно судить по многочисленным записям в дневниках Марино Сануто, секретаря венецианской синьории16), свидетельствующих о том, как тщательно собирались сведения о русско-литовских военных действиях, об участии Руси в борьбе Молдавии против Османской империи.

Как ни парадоксально, но распространению военной славы Руси в Европе немало способствовали польские политические деятели. Посвященное войне 1507–1508 гг.17) сочинение польского хрониста Б. Ваповского было опубликовано в Риме в 1508 г. О ходе военных действий в 1512–1514 гг. Венецию и Рим оповещали многочисленные польские послы и гонцы. Поражение русских войск под Оршей осенью 1514 г., не изменившее ни хода, ни результатов войны, послужило предлогом для посланий польского короля Сигизмунда I18), канцлера Матвея Джевицкого, Яна Дантишка и Б. Ваповского, в которых они наперебой восхваляли успехи польско-литовского оружия в борьбе с могущественнейшим и сильнейшим противником. Преувеличенные цифры численности русского войска, сообщаемые в многочисленных польских реляциях о победе под Оршей, должны были произвести впечатление на всю Европу. Ведь

---

16) *Sanuto M.* I diarii. T. III. 1880. P. 867, 883; T. XVI. P. 112–115; T. XIX. 1887. P. 314, 345–347; T. XXI. 1887. P. 308–309.

17) *Wapowski B.* De bello a Sigismundo I. R. P. contra Moscos. Roma, 1908.

18) Epistola ad Leonem X. Pont. Max. de victoria contra haeretico cos et schismaticos moscovienses. Roma, 1514.

даже Максимилиану не удалось бы собрать 100-тысячное войско, приписываемое Василию III в послании Сигизмунда I Владиславу, королю чешскому.

Шум, который подняли поляки по поводу сражения под Оршей, заставил всю Европу уважать силу самого восточного государства, а Руси — поставить вопрос о титулатуре главы государства[19]. Он был одним из важнейших в период образования единого Русского государства как внутри страны, так и за ее пределами. В конце 70-х гг. в титуле Ивана III появился термин «государь», показывавший неограниченность власти великого князя внутри страны и независимость ее от кого-либо извне. Употребление этого титула по отношению к новгородцам вызвало хорошо известный конфликт 1477 г.[20]

Формирование понятия «государь» в качестве неограниченного в правах главы нового государства вызвало к жизни и новый термин для обозначения самого этого объединения. Представление о Руси, как о сумме княжений, вытесняется новым — как о едином политическом организме — «государстве». Наряду с термином «государь» в титулатуре Ивана III в 80-е гг. спорадически появлялся и другой термин — «царь», причем «царь всея Руси». Последние слова подчеркивали право русских государей на все этнографически русские земли, в чьем бы подчинении они не находились. Приращение титула великого князя в 1483–1484 гг. вызвало переполох в Великом княжестве Литовском. В 1483 г. распространился слух, исходивший из Польши, будто Иван III потребовал у папы «королевскую корону во всей Русской нации». Получение королевской короны поставило бы Русь в один ряд с владетелями Польши, Венгрии, Дании, Франции, Англии, Неаполя, Кастилии и Арагона, Шотландии и Чехии, то есть лишь на ступеньку ниже главы средневековой иерархии европейских государей — императора Священной Римской империи. По-видимому, к 1483–1484 гг. относятся переговоры Казимира с папой, которого польский король просил, чтобы тот не «уделал великого князя кралем»[21].

Несмотря на противодействие великого князя литовского и короля польского, который в своей «верющей грамоте... великого князя Ивана имя» писал «без титлы ж и всея Русии не написан» (как отмечала русская посольская книга о переговорах 1488 г.[22]), к 1487 г. относится широкое употребление полной титулатуры великого князя во внешних сношениях с другими странами. Русские послы в Италии в 1488 г. были приняты как послы русского «короля»[23].

В 1488 г., то есть в самый разгар русско-польского конфликта вокруг титула русского государя, в Москве появился Николай Поппель, предложивший Ивану III королевский титул от имени римского короля.

---

[19] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 867–868.

[20] ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 312.

[21] ПДС. Т. I. СПб., 1851. Стб. 11.

[22] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 1, прим. 1.

[23] *Шмурло Е. Ф.* Научный отчет 1907–1908 гг. // Россия и Италия. Т. III. СПб., 1911. С. 23–24.

Федор Курицын по поручению великого князя заявил: «...мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы..., а поставления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[24]. В словах Ф. Курицына нашла выражение «идея политического суверенитета Русского государства и его равноправия с другими великими державами» (Я. С. Лурье[25]), которая давно уже была основанием дипломатической практики русского правительства. Отстаивая идею политического суверенитета Руси, поднимая престиж страны и возглавлявшего ее государя, правительство Ивана III лишь один раз допустило ошибку, не внушив своим послам в Литву в 1494 г. идею важности вопроса о титуле[26]. Посольство С. И. Ряполовского и В. И. Патрикеева должно было подвести итоги победоносной войны: заключить договор, закреплявший переход в состав Руси части Северских земель, окончательно договориться о браке великого князя литовского Александра с княжной Еленой Ивановной. В проекте договора титул Ивана III был указан полностью: «государь всея Руси» и многочисленных русских земель.

Литовским дипломатам удалось подписать договор, в котором Иван III не имел указанного титула. Венчание Дмитрия-внука в 1498 г., совершенное по правилам венчания наследника византийского императора, позволило деду выступить в роли царя, подобного византийскому императору передающего царство своему преемнику, и тем самым поднять свой престиж. Это, несомненно, обострило вопрос о титулатуре в русско-литовских отношениях. Отказ Александра и на этот раз признать претензии своего тестя на титул «государя всея Руси» послужил дополнительной причиной развязывания русско-литовской войны 1500–1503 гг. Победа Руси и в этой, и в двух последующих войнах с Великим княжеством Литовским привела к признанию новой титулатуры великого князя не только в странах, дружественных Руси, таких как Дания, но и во многих других (в Ливонии, в Империи, в ганзейских городах). Впрочем, в последних великого князя давно именовали «кайзером». Наибольшим дипломатическим успехом было заключение договора с императором Максимилианом в 1514 г. В нем Василий III был назван «царем». Отныне официально признавался суверенитет русского государя, равного императору Священной Римской империи, в решении общеевропейских дел.

Главным из них на протяжении конца XV – начала XVI вв. оставалось отражение османской угрозы. Султанат, овладевший всеми славянскими территориями юго-восточной Европы, быстро продвигался на запад. В 1463–1479 гг. Венеция потеряла о-ва Лемнос и Скутари. В 1475 г. пала Кафа, крупный торговый пункт на Черноморье, где осуществлялись непосредственные контакты русских и итальянских (по преимуществу генуэзских) купцов.

---

[24] ПДС. Т. 1. Стб. 12.

[25] *Лурье Я. О.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.–Л., 1960. С. 374.

[26] См. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в Руси в конце XV века // История СССР. 1974. № 5.

Отныне и Русь косвенным образом становилась жертвой османского ига[27]: Находившиеся в непосредственной близости от Руси Крымское и Казанское ханства стали вассалами Османской империи, хотя и с некоторыми элементами самостоятельной политики[28]. Впрочем посольство М. А. Плещеева 1498 г. открыло период длительных мирных сношений Руси с Турцией[29].

Однако прочные связи Руси с государствами и народами (в частности, сербским)[30], ведшими борьбу против Турции, «давали европейским политикам основание предполагать, что Русь принадлежала к антиосманскому лагерю, который не оформился в коалицию ни в конце XV, ни в начале XVI в. Некоторые попытки в этом отношении предпринимались. Прощупывалась почва для вовлечения Руси в антиосманский союз»[31]. Сношения Руси с папством, итальянскими городами, Молдавией и Венгрией казались на западе удобной почвой для вовлечения Руси в антиосманскую лигу. Попытки привлечения Руси к антитурецкому лагерю делали римские папы, используя для этого любой удобный повод. Первый из них дала женитьба Ивана III на Софье Палеолог. Денежная поддержка Зои Палеолог, отправка на Русь вместе с невестой папского легата Ант. Бонумбре свидетельствуют о том, что папа всерьез надеялся на успех в деле привлечения Руси к антиосманской коалиции и окатоличения страны.

Некоторые историки переоценивают роль папской поддержки Ивану III. И. Б. Греков полагает, что договоренность о браке Ивана III с Зоей Палеолог послужила причиной охлаждения римского престола к Казимиру, что, в свою очередь, делало пассивной его политику на востоке в период присоединения Великого Новгорода[32].

В русской и зарубежной историографии XIX в. была распространена идея переноса византийского наследства. Софье приписывалась ведущая роль во внешней политике Русского государства — от освобождения от иноземного ига до введения герба в виде двуглавого орла. Историки XX в. показали, что роль Софьи в становлении идеологии Русского государства была значительно меньше, чем ей приписывалась ранее[33]. Однако в Италии начала нового времени идея переноса византийского наследства на Русь была распространена. Там надеялись, что коль скоро великий князь предъявит свои права на константинопольское наследство, на которое он по праву брака может претендовать в связи с отсутствием мужского потомства у византийских императоров[34], он вынужден будет выступить против Османской империи. На Руси эта идея не нашла отклика. И хотя Софья в 1499 г. после победы партии ее сына Василия над Дмитрием-внуком называла себя «царевной царьгородской великой княгиней московъской Софьей великого князя московъского»[35], русские летописи титуловали ее значительно скромнее: «великой княгинею» или «грекиней». Попытка Венеции использовать Русь как кратчайший путь для сношений с Золотой Ордой натолкнулась на противодействие Ивана III. Венецианский посол Тревизан после годовой задержки на Руси был, наконец, отправлен на юг к «царю» Ахмату, которого он намеревался склонить к выступлению против Османской империи[36].

---

[27] *Ламанский В. И.* Могущество турок-османов в Европе (1396–1739). Речь, читанная на годичном акте С.-Петербургского университета 8.11.1880. СПб., 1880. С. 22–23.

[28] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 148–153; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

[29] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. I. М., 1946; *Babinger Fr.* Ein weiteres Sultansbild von Gentile Bellini aus russischen Besitz // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse, Sitzungsberichte. Bd. 240. Abt. 3. Wien 1962. S. 9, 19. Иной точки зрения придерживается Дж. Феннел, *Fennell J. L. I.* Ivan the Great of Moscow. L., 1961. P. 186.

[30] Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Русско-славянские связи конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. М., 1973.

[31] *Hösch E.* Die Stellung Moscoviens in den Kreuzzugsplänen des Abendlandes. Bemerkungen zur griechischen Emigration in Moskau des ausgehenden 15. und beginnenden 16. Jahrhunderts // JGO. 1967. Bd. 15. Hf. 3. S. 321–340.

[32] *Греков И. Б.* Очерки... С. 169–171. Ср.: *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego. Warszawa, 1930. T. I. S. 313.

Более гостеприимный прием нашел у Ивана III Амвросий Контарини, побывавший в Москве на обратном пути от Узун-Гассана[37]. Пользуясь получением «от папы от Павла... листов, что послом великаго князя волно ходити до Рима по всей земли Латынской, и Немецкой, и Фрязьской, и по всем тем земълям, которые земли под его папежство присягают, даждь и до скончания миру»[38], доставленных на Русь Антонио Джислярди, Иван III в 1474 г. отправил в Рим и Венецию Семена Толбузина с поручением сообщить синьории о благополучном продолжении путешествия Тревизана на юг, а заодно привезти «мастера на церковь»[39].

Действительно, 26 марта 1475 г. Толбузин вернулся с первой партией итальянских архитекторов[40], среди которых был и знаменитый Аристотель Фиораванти, архитектор, строитель Успенского собора в Москве, инженер, литейщик, ведавший московской артиллерией в начале 80-х гг. XV в.[41]

Укрепление отношений с папским престолом и итальянскими городами правительство Ивана III умело использовало для привлечения на русскую службу прославленных мастеров Итальянского Возрождения. Специалисты с универсальными дарованиями, поступившие на службу «великому князю Московскому», способствовали повышению авторитета великого князя, совершенствованию его армии, облегчая тем самым дело создания единого Русского государства. Политику привлечения на русскую службу итальянских мастеров русское правительство продолжало и в 80-е гг. После некоторого ослабления дипломатических связей Руси с Италией в конце 70-х – первые годы 80-х гг., в 1483–1484 гг. в Италию ездил Мануйло грек, вероятно Ралев. Мастеров, нанятых им, он оставил в Валахии «со своим человеком» Степаном Стаматом, который должен был вернуться через Орду[42].

---

[33] Подробнее см.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике. С. 346–375; *Fennel J.* Ivan the Great... P. 320.

[34] Эту идею высказала венецианская синьория в письме «одному из первых» ее друзей Ивану III, присланном с Антонио Джислярди (*Schafarik J.* Acta archivi veneti spectancia ad historiam serborum et reliquorum slavorum meridionalium. Belgrad, 1862. Vol. 2. P. 541).

[35] *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971. Илл. 29; см. также с. 21.

[36] ПСРЛ. Т. 25. М.–Л., 1949. С. 303.

[37] Барбаро и Контарини о Руси. К истории итало-русских связей в XV в. / Подг. Е. Ч. Скржинская. Л., 1971. С. 226.

[38] ПСРЛ. Т. 28. М.–Л., 1963. С. 129.

[39] ПСРЛ. Т. 25. С. 303; Т. 24. Пг., 1921. С. 194.

[40] Подробнее см.: *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XIII–XV вв.). М., 1970.

[41] *Снегирев В.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935; *Beltrami L.* Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912.

Следующее посольство в Италию возглавлял Юрий (Георг) Траханиот, посетивший Милан, Рим, Венецию. Предметом его переговоров с главами итальянских городов-государств, по Дж. Барбьери, опубликовавшему многочисленные свидетельства об этой поездке Траханиота, была османская опасность и совместная борьба с нею[43]. Тотчас по возвращении Траханиота в Италию отправились послами Дмитрий и Мануил Ралевы[44]. Их сообщение в Венецианском сенате о сокрушительной победе русских над казанскими татарами, войско которых достигало 120 000 человек, произвело сильное впечатление[45]. Итальянцы, слабо знакомые с политической географией Восточной Европы, несмотря на имевшиеся описания этого района, могли легко предположить, что русское войско окажется в состоянии справиться и с османскими войсками.

Целью посольства Ралевых была, однако, не только и не столько информация о сокрушительной победе над татарами, которая подняла международный авторитет Руси на юге Европы, но и очередной набор мастеров[46]. По-видимому, Ивана III заботили не переговоры об антиосманском союзе, но проблема обеспечения Русского государства мастерами различных специальностей. Это последнее поручение Ралевы выполнили блистательно, вернувшись на Русь в 1490 г. с целой свитой итальянских и немецких мастеров. Что было темой переговоров Ралевых с папой, неизвестно. По следам этого посольства побежала молва о каком-то сговоре папы с Иваном III и предстоящей коронации великого князя всея Руси, напугавшая его основного внешнеполитического соперника великого князя литовского Казимира, упорно сопротивлявшегося признанию Ивана III князем всея Руси.

---

[42] Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 11. С. 42. Июнь 1482 г.

[43] *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca Sforzesca. Bari, 1957.

[44] ПСРЛ. Т. 27. М.—Л., 1962. С. 288; *Скржинская Е. Ч.* Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию? (К истории итало-русских связей в XV в.) // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти акад. Е. В. Тарле. М., 1972. С. 267–268.

[45] Доменико Малипьеро поместил в свои «Венецианские анналы» подробное изложение речи русских послов в сенате (*Хорошкевич А. Л.* Итальянская хроника XV в. о Казани // Материалы по истории Татарии. Т. V. Казань, 1973). Кстати в изложении Малипьеро отсутствовало упоминание о Казани. Говорилось о победе над «татарами», государственная принадлежность которых не была определена.

[46] *Шмурло Е. Ф.* Научный отчет 1907–1908 гг. // Россия и Италия. Т. III. СПб., 1911. С. 22–27.

Следующее русское посольство Данилы Мамырева и Мануила Ангелова прибыло в Милан в мае 1493 г. Оно побывало также и в Венеции и всюду встречало торжественный прием. Впервые в источниках упоминается о присутствии русских на торжественной мессе в соборе св. Марка. Впрочем, послы быстро покинули собор, сочтя для себя оскорблением намерение послов неаполитанского короля встать впереди них. Обычно данный инцидент рассматривается как проявление заботы русских послов о поддержании высокого престижа великого князя всея Руси. Очевидно и стремление как можно скорее покинуть католический храм, дабы не внушать иллюзий о склонности их православного государя к заключению унии. Результатом поездки было приглашение «стенных и палатных мастеров».

Для истории политических и культурных связей России и Италии представляет большой интерес последняя на протяжении XV в. поездка русских дипломатов Дмитрия Ивановича Ралева и Митрофана Карачарова в Италию в 1499–1503 гг. Их посольство посетило Венецию и попало на юбилейные торжества в Рим по случаю празднования нового, 1500 г. В источниках сохранились противоречивые сведения о целях посольства. Традиционный текст верительной грамоты и речи послов[47] свидетельствуют о том, что и эта поездка имела целью приглашение мастеров и укрепление дружественно нейтральных отношений.

Однако в хронике, составленной около двадцати лет спустя, правда, по документам, современным описываемым событиям, в самый разгар нового антиосманского движения в Италии, Д. Малипьеро в оглавление первой части занес: «1499 г. Русский посол пытается заключить союз с синьорией против турок»[48]. К сожалению, в самой хронике об этом нет ни слова. Не исключено, что до Д. Малипьеро дошли слухи о намерении папы Александра привлечь Россию к антитурецкому союзу. Впрочем, в верительной грамоте папе об этом также не говорится[49].

О том, как обстоит дело с защитой «христианского дела», русские послы могли составить себе довольно точное представление во время обсуждения речи папы в консистории в марте 1500 г. Здесь перед весьма представительной аудиторией, составленной из послов Франции, Испании, Венгрии, Англии, Португалии, Неаполя, Венеции и Флоренции папа держал речь о «христианском деле». Однако вместо поддержки намерений объединения христианских государей против Османского султаната раздались голоса, призывавшие к объединению самой Италии, на что последовала суровая отповедь Александра VI[50]. Неизвестно, какую позицию заняли русские послы. Проекты привлечения Руси к антиосманской борьбе исходили не только от папы. Отзвуком пребывания русских послов в Италии может служить проект Алексея Челидонио (1517 г.), грека из Мореи по происхождению[51], в конце XV в. бывшего епископом в одном из самых южных городов Италии — Галлиполи. После завоевания турками Модона он подал неаполитанскому королю проект от 1 ноября 1500 г. «De ratione in Turcum ineundi». Проект предусматривал вовлечение в антитурецкую войну Ивана III, названного по имени, и передачу ему в случае победы понтийских городов, на которые русские, как потомки скифов, имеют полное право[52].

---

[47] *Sanuto M.* I diarii. T. III. P. 61, 136. XI.1499. 29.II. 8.V.1500.

[48] *Malipiero D.* Annali veneti dall' anno 1457 al 1500 // Archivio storico italiano. Firenze, 1843–1844. T. VIII. P. I, XXXVIII.

[49] Фотокопия опубликована: *Babinger Fr.* Ein weiteres Sultansbild, Tafel IV; *Казакова Н. А.* Грамота Ивана III папе Александру VI // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 26–28.

[50] *Sanuto M.* I diarii. T. III. P. 149.

Попытки вовлечения Руси в антиосманскую борьбу папа продолжал и в 1501 г. В разгар русско-литовской войны он выступил с предложением примирения Русского государства с Великим княжеством Литовским ради того, чтобы принять участие в общей борьбе против турок[53]. Этот заключительный эпизод русско-итальянских связей конца XV – рубежа XVI в. еще раз подчеркнул их особенности. Несмотря на частый обмен посольствами между Русью и папским престолом, до заключения союза или договора дело не дошло. Стремление папы использовать военную мощь крепнувшего государства в борьбе против османов не находило поддержки у великого князя всея Руси. Отношения с Римом и итальянскими государствами русское правительство использовало для привлечения к себе на службу иностранных мастеров самых разных специальностей.

Итальянские города рано осознали тщетность усилий в борьбе против Османского султаната и в конце XV в. перешли на позиции нейтралитета по отношению к нему. В 1483 г. Венеция заключила перемирие с ним, ее примеру в том же году последовала Венгрия, а на следующий год и Молдавия. В 1489 г. на путь установления дружественных отношений с султанатом встали и восточноевропейские государства. В 1489 г. был заключен польско-османский договор: семью годами позднее, в 1496 г., еще два государства — Русь и Милан — сделали попытки налаживания дипломатических контактов с Османским султанатом. Миланский герцог Лодовико Моро при этом преследовал собственную цель — он надеялся с помощью союза разрушить дружбу Венеции с французским королем[54]. Вслед за тем Максимилиан, женатый на Бьянке Марии Сфорца, племяннице Лодовико Моро, в 1498 г. отправил в султанат свое первое посольство с целью заключения мира или перемирия. В 1503 г. десятилетнее перемирие заключили Венеция, Венгрия и Польша.

В Европе оставалось лишь одно государство, которое постоянно подчеркивало турецкую опасность и под флагом борьбы с ней пыталось сплотить все остальные. Это был Ватикан, которому захваты султаната и распространение мусульманства угрожали сокращением сферы влияния и уменьшением источников дохода. Одновременно лозунг антитурецкой борьбы папство использовало для укрепления собственных позиций в Европе.

---

[51] *Babinger Pr.* Alessio Celidonio (1517) und seine Türkendenkschrift // Beiträge zur Südosteuropa-Forschung anlässlich des I. Internationalen Balkanologenkongresses in Sofia 26. August bis 1. September 1966. München, 1966. S. 326–330.

[52] Опубликовано: *Jorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV-e siècle. Bukarest, 1915. S. 315–330.

[53] Сигизмунд I упорно пытался придать своим войнам с Русью религиозный характер, сравнивал русских с сарацинами, крестовые походы против которых некогда объединяли Европу. АТ. Т. III. № 288. P. 231. 18.X.1514. *Babinger Fr.* Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südosteuropas und der Levante. München, 1962. S. 256.

[54] *Babinger Fr.* Op. cit. S. 256.

Само папство не отставало от европейских соседей в установлении контактов с султаном. В 1494 г. перед лицом угрозы со стороны французского короля Карла VIII оно обратилось за помощью к султану Баязиду II. В инструкции папскому послу содержалась просьба о воздействии на Венецию с тем, чтобы она отказалась от союза с французским королем. Таким образом, папство эпохи ренессанса было «широко мыслящим»: интересы сохранения собственной государственности оно ставило выше конфессиональной чистоты.

Начало XVI в. казалось более спокойным временем в истории европейско-османских отношений. Османы не предпринимали никакого серьезного наступления в Европе, поскольку направили все свои силы на восток. Тактика их в самом конце XV – начале XVI в. была тактикой обескровливания мелкими набегами соседних с ними балканских и славянских областей, пока эти области не переходили полностью в их руки[55]. Для тех государств, которые раньше находились под непосредственной угрозой вторжения, османский вопрос на время утратил остроту. Поэтому в течение первого десятилетия XVI в. идея антитурецкой лиги не находила активных сторонников. В середине второго десятилетия XVI в. турецкая опасность вновь стала осознаваться в качестве вполне реальной угрозы. В 1517 г. антиосманское движение возглавили папа Лев X, французский король Франциск I и Максимилиан I, обратившиеся с посланиями ко всем европейским государям[56]. Наибольшую активность в привлечении Руси проявил Максимилиан I, пославший в Москву Сигизмунда Герберштейна. Почти одновременно с ним в Москву по поручению Николая Шонберга, папского легата в Империи, Венгрии, Польше и Руси, прибыл его брат Дитрих Шонберг[57]. Предлагая Руси церковную унию, папа сулил ей массу преимуществ: свободу торговли по всей Европе, возвращение по приказу папы русских земель, превращение русской митрополии в патриаршество вместо константинопольского и венчание самого великого князя в «христианского царя».

Идея антитурецкого союза с участием Руси была распространена не только в правительственных кругах Европы. Один из проектов создания антитурецкой лиги принадлежал жителю североитальянского города Удине, расположенного в непосредственной близости от славянских земель — некоему Григорио Амазео «поэту, оратору, юристу и философу», как он сам себя называл. Летом 1518 г. он выступил с проектом, который предусматривал объединение под руководством папы Льва X и императора Максимилиана всей Европы. Союз включал бы Русь, Польшу, Венгрию, Чехию, Германию, Францию, Испанию, Шотландию, Англию и Италию. Амазео мог быть осведомлен о моши Руси и из Венеции, и от своих славянских соседей, и от представителей рода де ла Торре, живших в соседнем Фриуле и на протяжении конца XV – начала XVI вв. представлявших Максимилиана в Руси.

---

[55] *Fisher S. N.* The Foreign Relations of Turkey, 1481–1512. Urhana, 1948. P. 55.

[56] Русь, как отметил Э. Винтер, упоминалась только в послании императора Максимилиана. *Winter E.* Russiand und das Papsttum. S. 188–189; *Балязин В. Н.* Русско-имперские отношения в первой трети XVI в. // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 147–175.

[57] Сб. РИО. Т. 53. СПб., 1887. С. 85, 86; *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский Орден // ВИ. 1963. № 6. С. 60–72; *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Bd. II. Beilage № 12. S. 175.

Разговоры о проекте антитурецкой лиги вели в Москве представители императора Максимилиана и в 1517 г. — Франческо да Колло торопил с заключением русско-литовского договора в связи с тем, что он назначен руководителем морского отряда против турок, а император уже готовит поход на Османскую Турцию[58]. Под флагом антитурецкой борьбы папа Лев X упорно действовал в интересах заключения церковной унии с Русью[59], которая казалась ему особенно привлекательной в связи с ростом реформационного движения во всей Европе. Русь же представлялась оплотом благочестия. Однако ни о перемене веры, ни о присоединении к антитурецкому блоку Русь и не помышляла. В то время, как генуэзец Паоло Чентурионе излагал эти проекты в Москве, в Стамбуле находились русские послы во главе с Б. Я. Голохвастовым, имевшие целью наладить регулярные торговые и дипломатические отношения между странами[60]. Несмотря на проявленное послами упорство, своей цели они не добились.

С приходом к власти Сулеймана Великолепного временное равновесие в османо-европейских отношениях закончилось. В феврале 1521 г. османское войско двинулось на Белград, крепость. охранявшую проход к Дунаю. Ни один из предполагаемых союзников не оказал помощи венгерскому королю Людовику II: папская казна была пуста, император Карл V вел очередную войну с Францией. 28 августа 1521 г. Белград пал. Путь в Австрию, Германию, Италию был открыт.

Тем временем на востоке Европы разыгрывались не менее драматические события. Летом 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей совершил опустошительный набег на Русь, подойдя к самой Москве. Лишь обязательство Василия III быть «вечным данником царя, какими были его отец и предки», спасло город[61]. Эти два события изменили расстановку сил в Европе. С 20-х гг. XVI в. участились сношения Руси с Османским султанатом. В ответ на прибывшее в Москву в 1522 г. посольство Скиндера русское посольство побывало в Турции. Второе посольство Скиндера последовало в 1524 г. Польше 18 октября 1525 г. удалось заключить мирный договор с Турцией, который, по мнению Вл. Почехи, стал краеугольным камнем польской восточной политики на протяжении всего XVI в.[62] Под непосредственным впечатлением от падения Белграда император Карл V заключил оборонительный и наступательный союз с папой и английским королем Генрихом VIII, предложив присоединиться к нему Польше, Венгрии, Дании, Португалии и Савойе.

---

[58] ПДС. Т. I. СПб., 1850. Стб. 397.

[59] См. посольство епископа Захарии Феррери: *Sanuto M.* I diarii. Vol. XXVIII. 1890. P. 134. 24.XII.1519; Historica Russiae Monumenta. SPb., 1836. T. I. № CXXIV. P. 128; Сб. РИО. Т. 53. № 14. С. 152.

[60] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 197.

[61] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. 1988. С. 114, 174; *Зимин А. А.* Россия… С. 244; *Sanuto M.* I diarii. Vol. XL. 1896. P. 5–6.

Однако и в начале 20-х гг. своекорыстные интересы победили слабое стремление к заключению антитурецкой унии. Попытки ее создания показали лишь высокий международный престиж Руси, на силу и авторитет которой постоянно рассчитывали авторы многочисленных проектов подобной интеграции.

§ 2. Крымское ханство и его международные отношения

Среди государств-наследников Джучиева улуса Крымское ханство занимало особое место. Удобное географическое положение Крымского полуострова, самой природой защищенного от нападений[63], казалось бы, создавало предпосылки для формирования независимого политического организма. Однако Крымское ханство сложилось довольно поздно — в 30-е гг. XV в.[64], в 1456–1465 гг. подчинялось Золотой орде и в качестве самостоятельного просуществовало очень недолго, хотя, как подчеркивают новейшие исследователи — французские, и отечественные[65] — процесс потери Крымом самостоятельности и превращения в вассала Османской империи был весьма длительным.

Причины недолговечности существования Крымского ханства объясняются его политической и экономической слабостью. Оно представляло собой не чисто кочевое государство с незначительным числом городов[66], а полукочевое-полуоседлое государственное образование, приближавшееся по своему типу к Казанскому ханству или государству Тимуридов в Средней Азии. Экстенсивное кочевое скотоводство, сочетавшееся с кочевым земледелием, было недостаточным для удовлетворения потребностей населения[67]. Грабительские набеги на соседние страны служили не только источником пополнения ханской казны, но и способом извлечения доходов феодальной верхушкой и родовой знатью, включая поступления в виде предметов ремесла, практически отсутствовавшего в Крыму.

---

[62] *Pociecha Wł.* Królowa Bona (1494–1557). Poznań, 1949. T. II. S. 210.

[63] Это было заметно и современникам: *Литвин Михалон.* Трактат о нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 63.

[64] *Колли Л.* Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические отношения Кафы с татарами в XV в. // ИТУАК. Вып. 50. 1913. С. 99–139.

[65] *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI вв. М., 1990. С. 36–53. Здесь же и литература вопроса.

[66] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой орды. М., 1973. С. 165.

[67] О роли экстенсивного кочевого земледелия и кочевого земледелия на третьей стадии кочевничества см.: *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 77–80.

Территория ханства разделялась на две части: постоянную территорию зимнего пребывания — собственно Крым и прилегавшую к ней территорию летних кочевий[68]. Ханам принадлежал степной Крым, северные склоны Крымских гор[69]; побережье же с 1475 г., т. е. с того самого времени, с которого русско-крымские отношения документированы, перешло под власть Османской империи. Впрочем, и до этого оно было независимым от ханства, принадлежа генуэзским колониям.

Северные сухопутные границы собственно ханства, а не территории его летних кочевий, были предельно малы — это узкий перешеек Перекопа. В начале XVI в. после разгрома Большой орды, когда в распоряжении Менгли-Гирея оказалось значительное количество рабочей силы, с одной стороны, а с другой, представлялась серьезной угроза нападений потомков Ахмата, было предпринято укрепление Перекопа, после чего территория к югу от вала и крепости получила название Старого Перекопа. Между 1504–1507 гг. была воздвигнута крепость Феррах-Кермен или Феррах-сарай (Фаряг-Кермень в русских переводах). Вплоть до 1502 г. в степях Причерноморья и Приазовья господствовали улусы Большой орды[70]; после 1502 г. сюда стали отваживаться выходить и крымцы, особенно в период недородов (как, например, в 1517 г.)[71]. Однако даже в 20-е гг., когда территория ханства значительно увеличилась, северным пределом ханства была река Конские воды[72].

На западе после строительства Ислам-Керменя на Таванском перевозе через Днепр (1504–1506 гг.) ханство стало контролировать все южное течение этой реки[73]. Борьба за него началась еще раньше, когда в устье реки Тягинки воздвигли городок, уничтоженный в 1493 г. в результате набега черкасского воеводы Богдана Федоровича Глинского[74] и царевича Издемира (Уздемира, брата Менгли-Гирея), находившегося в то время в Великом княжестве Литовском. Несколько южнее этой крепости в 1492 г. возник Ак-Чакум — Очаков[75], ставший основным опорным пунктом крымцев на южном течении Днепра[76]. Этот район в 1510-е гг. стал местом постоянных кочевий крымцев. На крайнем западе владения ханства простирались до бассейна р. Синяя вода, при ее впадении в Буг. Восточной границей ханства был бассейн р. Миусс (Молочная вода), однако до самого Миусса постоянные обиталища крымцев, как правило, не доходили.

---

[68] План Крыма А. Ф. Бюшинга конца XVIII в. см.: *Тунман*. Крымское ханство. Крымгосиздат, 1936. Карта № 2. Ср. план средневекового Крыма: *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л., 1964. Между с. 150 и 151.

[69] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 63. История (Т. 2). М., 1940. С. 4–8.

[70] В октябре 1490 г. русскому послу, находившемуся в Крыму, была дана инструкция: в случае кочевки Орды (имеется в виду Большая орда) «между Дона и Крыма» послу не возвращаться (Сб. РИО. Т. 41. № 27. С. 102).

[71] Сб. РИО. Т. 95. С. 358–360, 364, 370.

[72] Крымцы обычно должны были провожать русских послов из Крыма по Мерли, притоку Ворсклы (Сб. РИО. Т. 41. № 10, 14. С. 39, 52. 14.III.1484). Местом же встречи служили Оскол, Сев. Донец и та же Мерль недалеко от Коломак (Там же. № 14. С. 52). Захария же Гвизольфи ожидали «на усть Миюша и на Тайгане» (Там же № 21. С. 77. IX.1489). Изредка местами встреч послов назначались другие места: «на Семи ниже Гусина брода на усть Ревута реки против Курского городнища» (Там же. № 16. С. 58. III.1487). Впрочем, эти места были уже не очень безопасными. В 1489 г. русских ограбили и на Поле, и на Донце в устье Оскола (Там же. № 21, 22. С. 79. X.1489).

[73] «Первых людей Перекопской орды» И. Г. Мамонов в 1516 г. встретил на расстоянии дневного перехода и семи верст от Ислам-Керменя. Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 269. IV.1516.

[74] О нем см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 139; *Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Linthuania for Moscow 1377–1514. Lawrence, Kansas, 1957. P. 139.

Столицей ханства был Киркор (Кырк-Ер) — типичный кочевой феодальный замок[77], бейлик (княжество) беков Яшлавских (Сулешевых), который в начале 60-х гг. XIV в. имел своим главою татарского князя Хачибея, потом попал в зависимость от хана Тохтамыша, а на рубеже XIV–XV вв. — от Тимур-Кутлуга. Последний, провозглашенный золотоордынским ханом, правил лишь в Крыму. Позднее во главе княжества находились ставленники Едигея[78].

Хан Менгли-Гирей жил по преимуществу в Кырк-Ере[79]. Замок из камней, бревен и глины был не только местопребыванием ханов, но и местом хранилища их казны и темницей. Старый Крым — резиденция рода Ширинов — к этому времени полностью потерял свое значение[80]. Зато быстро рос Сарай-Даулет (Счастливый); название его иногда переводилось как Веселый город, Счастливый город, Счастливый Кермен или Сарай. После строительства замка в 1503 г. Бахчи-сарай становится главной резиденцией крымских ханов.

Государство чингизидов Гераев (достойных, почтенных)[81] и на Руси, и в ВКЛ первоначально именовалось не иначе, как «Орда», иногда отдельно[82], а иногда в сочетании с именем хана — Орда Менгли-Гирея, Хаджи-Гиреева сына. Употребление слова «орда» (ставка хана, в значении всей земли, народа-государства-правительства кочевников) характерно именно для русскоязычных источников[83]. В начале XVI в. Крымское ханство приобрело новое наименование — «Великой орды»[84] или «Великого улуса». Улус, по Б. Я. Владимирцову, это объединение родов, племен, зависимых от хана или любого представителя знати, т. е. государство[85]. В то же время, по Г. А. Федорову-Давыдову, — это народ, переданный во владение[86]. Л. Коллинз предлагает иное толкование данного термина: улус — административно-экономическая общность рядового населения Орды, занимавшегося производительным трудом — коневодством, земледелием и т. д., однако частично остававшегося кочевым. Улусы находились под непосредственным руководством «князей» — представителей ханского семейства и высшей знати[87]. Наряду с вышеперечисленными в Крымском ханстве употреблялся и термин юрт, в собственном значении слова — территория кочевок улуса[88]. Его применяли по отношению не только к соседним кочевым государствам, но и к Великому княжеству Литовскому. Обращаясь к царевичам Уздемиру и Девлешу, Менгли-Гирей писал: «В чужом юрте стоишь»[89]. К вопросу о политическом значении нового крымского самоназвания государства придется вернуться несколько ниже.

---

[75] Начальный этап строительства З. Абрахамович относит к 1494 г. (*Абрахамович З.* Старая турецкая карта Украины. С. 91). В XVIII в. было известно, что строительство крепости прошло 3 этапа, за Днепровским — Озю-городом был сооружен средний Орта, а затем Новый (Ян-Керман), известный уже в 1516 г. (Сб. РИО. Т. 95. С. 309). О строительстве см: *Весела Зд.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. II. М., 1969. С. 115.

[76] В XVII в. здесь жили буджакские татары, платившие ушр (десятину) с захваченного во время набегов имущества как прибрежному аге крымского хана, так и османскому вали (управителю области) Очаковского эйялета (крупной административно-территориальной единицы) (*Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. I. С. 40).

[77] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 77.

[78] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство. С. 119–122, 105; *Малицкий Н. В.* Заметки по этнографии Мангупа // ИГАИМК. Вып. 71. 1933. С. 11–13; *Радлов В. В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. Т. III. 1889; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая орда. 1937. С. 84–85.

[79] Впрочем, А. Л. Якобсон (*Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. С. 128) вслед за В. Д. Смирновым (*Смирнов В. Д.* Крымское ханство. С. 120) считает, что Гиреи лишь изредка пользовались городом как своей резиденцией.

[80] *Старокадомская М. К.* Солхат и Кафа в XIII–XIV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 162–173.

[81] *Скворцов М. И.* Древние титулы в чувашской ономастике // Диалекты и топонимика Поволжья. Вып. 2. Чебоксары, 1973. С. 33–34.

Русские же переводы крымских посланий упоминают и другой термин — «земля», соответствовавший, вероятно, улусу[90]. Наиболее же расхожими наименованиями ханства на Руси и в ВКЛ были Крым[91] и Перекоп; последнее большее распространение получило в ВКЛ[92]. Однако и русские дипломаты иногда употребляли этот термин. Так, сообщая о своем передвижении в Крым, Гр. Мамонов писал: «Пришли к первым людем Перекопъские орды»[93].

---

[82] Сб. РИО. Т. 41. № 8. С. 32. 14.V.1482; ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 55. 27.VI.1492. Так же называлась на Руси и Большая орда (Сб. РИО. Т. 41. № 7, 12, 13, 29, 30. С. 44, 49, 1485 и 1486 гг.). Ср.: *Collins L.* 1991. P. 381.

[83] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй... С. 64; *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Lepanto. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571. Amsterdam, 1991. Byzantinische Forschungen. Bd. XVI. 1991. P. 381–382; *Аракин В. Д.* Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 118.

[84] Сб. РИО. Т. 95. № 19. С. 165, 166. VII.1515.

[85] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 98–99.

[86] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой орды. М., 1973. С. 43.

[87] *Collins L.* 1991. P. 385.

[88] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой орды... С. 44. Этот термин С. Ф. Фаизов ошибочно считает единственным официальным самоназванием ханства (*Фаизов С. Ф.* Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой ордой и крымским юртом: к вопросу о типологии связей // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 50).

[89] Сб. РИО. Т. 41. № 27. С. 100. X. 1490. Ср.: Там же. С. 66.

[90] Сб. РИО. Т. 41. № 6.

[91] *Самойлович А. Н.* Объяснено ли название «Крым»? // ИТО ИАЭ. Т. III (60). Симферополь, 1929. С. 61–62. Новейшая гипотеза о происхождении названия «Крым» принадлежит Э. М. Мурзаеву, который возводил этот топоним к монгольскому слову «кырым херем, херен» = толстая стена (*Мурзаев Э. М.* Опыт объяснения названия «Крым» // Изв. ВГО.

Абсолютные цифры населения Крымского ханства восстанавливаются с большим трудом. Лишь изредка в посольских книгах указаны размеры войска, направляемого ханом для военных действий. Разумеется, к таким цифрам следует относиться с осторожностью, ибо сообщения крымских послов имели своей целью преувеличить численность населения ханства. Данные о размерах войска колебались от 15 до 100 тыс. (15, 25, 30, 40, 60, 90 тыс.) человек[94]. 5 августа 1506 г. в битве с литовцами под Клецком полегло, по утверждению Михалона Литвина, 27 тысяч татар[95]. 12 сентября 1509 г. крымские послы сообщали, будто хан «250 тысяч рати, переписав, направил на ногаев»[96].

Плотность населения в Крымском ханстве, по-видимому, намного превышала обычный для средневековой Европы уровень. Во времена Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея плотность не только не уменьшилась, но увеличилась. По-видимому, после захвата Османским султанатом южного побережья Крыма часть греческого населения переехала на север в пределы Крымского ханства, южное же побережье, как считают археологи, опустело[97]. Количество населения не было стабильным. В конце 60-х – начале 70-х гг. XV в. Большая орда Туки Тимурида покинула наследников Хаджи-Гирея и двинулась на восток к Астрахани под контроль Наманганов[98]. Вторая волна переселений относится к началу XVI в. Перетекание населения из Большой орды приняло особенно заметные размеры с 1500 г. Три тысячи человек из Орды, откочевавшей под Черкасы к Пяти-Горам (ее, по словам И. Г. Мамонова «голодну кажут и безконну добре»), привели в Крым улан Ебага с братом Ченбулатом и Кирей Менгли-Шиков сын Китай («голодны и наги добре»); ордынцы приходили в Крым мелкими группами — человек по 50 вместе с семьями. Холодная зима 1501–1502 гг. напомнила Менгли-Гирею время, когда его отец «взял Орду». В мае 1502 г. к Перекопу двинулись целыми улусами.

Т. 80. № 3. 1948. С. 295–298). Так первоначально обозначался Старый Крым — Солхат с его крепостью, а потом и весь полуостров.

[92] 27 июня 1492 г. Менгли-Гирея в ВКЛ называли «царем перекопским». ЛМ. Кн. 5. № 4. С. 55. См. также: Там же. № 72. 1. С. 122. 1497 г.

[93] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 269. IV.1516.

[94] Сб. РИО. Т. 41. С 368, 430, 444, 445; Т. 95. С 70, 392, 396, 399, 517.

[95] *Литвин Михалон.* Трактат. С. 65, 67.

[96] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 77. О том, насколько преувеличены эти данные, можно судить по сведениям 80-х годов XVIII в., когда общее население Крыма достигало лишь 260–280 тысяч чел. (*Вологдин Б. П.* К вопросу о численности населения в Крыму // Крым. № 1 (3). 1927. С. 105).

[97] *Домбровский О. И.* Средневековые поселения и исары Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 12–13.

[98] Сб. РИО. Т. 41. С. 270–271; *Collins L.* 1991. P. 377.

В конце июня в Москве стало известно, что Менгли-Гирей взял все улусы Ших-Ахмата[99].

В начале XVI в. в Крымском ханстве нашла прибежище часть большеордынской знати и рядовых жителей этой орды[100]. В присяжной грамоте Тювикеля Сигизмунду I со всей очевидностью обнаруживается, что количество подданных Менгли-Гирея после разгрома Большой орды Шиг-Ахмата значительно увеличилось. Князь заволжский Тювикель, перешедший на службу крымскому хану, приносил ему клятву от имени разных категорий населения «обеюх тых орд Заволское и Перекопъское, которые ж подъданы ему мает»[101]. В данном случае, видимо, имел место второй вариант «переразвития», выделяемый С. А. Плетневой, когда при завоевании основная масса жителей продолжает существовать под властью новых орд, теряя удобные угодья, политический престиж и собственное имя[102], однако существует и иная оценка произошедших перемен.

Население Крымского ханства было далеко не однородным в социальном и в этническом отношениях. Татары являлись не единственной этнической единицей, велика оставалась прослойка караимов, итальянцев и греков-христиан[103]. Со времени завоевания Крыма особые подати накладывались на христиан (греков, армян) и евреев, в связи с чем они, несмотря на ярлыки Хаджи-Гирея, Нурдаулета и Менгли-Гирея[104], оставались на положении податных иноверцев[105]. По-видимому, османское завоевание Крыма не уничтожило старого распределения «улусов», так что крымцы могли иметь свои улусы там, где жили их подданные, например, караимы — в Кырк-Ере (Чуфут-Кале), Гезлеве (Козлове), Евпатории, Кафе, Мангупе[106].

Возможно, в состав каждого улуса входили и инородцы. Вызывая из Русского государства или Великого княжества Литовского живших там крымцев, Менгли-Гирей или его сын сообщали, что ближайший родственник вызываемого умер, а его улус остался бесхозным. Так, в 1504 г. хан извещал Ивана III, что брат касимовского Али-улана Берю-улан умер, и «иные слуги его и ясачники его порожжи стоят». Менгли-Гирей просил прислать в Крым Али-улана, отъехавшего в Москву к царевичу Саталгану, для получения наследства: «А он бы слуги свои взял и малой свой ясак ел, да тем бы жил». После смерти Тевекеля-улана оказалось, что «его слуг и людей его никто не держит»[107].

---

[99] Сб. РИО. Т. 41. С. 323, 356, 358, 381, 416, 417, 419, 420.

[100] *Сафаргалиев М. Г.* Разгром Большой орды // Зап. Мордовского НИИ. Саранск, 1949. № 11.

[101] Посольская книга Великого княжества Литовского. 1506. С. 29.

[102] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья... С. 129.

[103] *Домбровский О. У.* Указ. соч. С. 51; *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. München. 1992. S. 48.

[104] *Смирнов В. Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. № 54. 1918. № 1–3. С. 7–14.

[105] Аналогичным было и положение покоренных народов в Золотой орде (*Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой орды. М., 1973. С. 38–39).

[106] События, случившиеся в Крыму в царствование Шаин-Гирей-хана (перевод с еврейской современной рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азарья, сыном Или) // ВМОИДР. Кн. 24. М., 1856. С. 103, 130. Ср.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство. С. 119–120.

Социальную структуру Крымского ханства с его суюргальной военно-ленной системой[108], иерархией царевичей, князей и слуг хорошо изучил В. Е. Сыроечковский на основании русских посольских книг. К картине, нарисованной им, можно добавить немногое. Пожалуй, некоторым преувеличением является его вывод, сделанный на основе анализа ярлыков Хаджи-Гирея[109] о том, что все население Кыркора, независимо от его этнической принадлежности, было «тарханами» и, в соответствии с этим, освобождалось от уплаты податей и исполнения повинностей[110]. По-видимому, тарханами являлись только жители Верхнего города. В целом, можно говорить о привилегированном татарском населении[111]. Положение же «слуг» изменялось во время походов. Тогда они самостоятельно выбирали себе начальников. «Таков их обычай, когда они выходят в поход», — писал Мухаммед-Гирей султану в 1521 г. Особое положение занимали «кочевники, люди степи» (biabani), которые не были «слугами» (muvazaf qullari) и лишь условно подчинялись хану: в походах они, по существу, были совершенно самостоятельными[112].

Несколько больше данных, нежели приводит В. Е. Сыроечковский, содержат посольские книги о рабском населении Крыма. В начале 1487 г. Тевекель-улану и Лухбердей-дувану были переданы люди «юрта» Менгли-Гирея, ошибочно захваченные «под Ордою» в 1486 г. ханским братом Нурдаулетом, перешедшим на службу к Ивану III, и русскими воеводами. Из 23 человек (14 женщин, 4 детей и 5 мужчин) пятеро наверняка оказались рабами: раба тархановой внуки Сиуни с двумя детьми, девочка-раба Сарыки, один холоп чагадаянин, которым владел Саргул[113]. Неясно, к какой категории относились «паробок» с женою, принадлежавшие, как и «мужик» с семьею, некоему Тюбетею. Если сам Тюбетей может быть причислен к непривилегированному населению, именовавшемуся «черные» — кара-татарами, простым народом[114], то его «мужик» и «паробок» должны были стоять на социальной лестнице еще ниже. Отметим, кстати, что тот и другой термин посольской книги, в особенности «мужик», обнаруживают влияние старобелорусской лексики. В Северо-Восточной Руси термин «мужик» получил распространение позднее.

Неоднородным был и «этнический» состав самих крымцев, в том числе и политической элиты, объединенной в несколько родов или кланов[115]. Коренными крымскими родами были Ширины (улус которых находился в Старом Крыму от Карасу до Керчи и соседствовал с Османской Кафой[116]), Кипчаки — наместники в Киркоре (в 1496 г. — Мамыш-улан, в 1516 г. — его сын Аппак, в 1524 г. — его внук Магмед-Ага)[117]. В Карасубазарском каймаканстве располагались улусы Барынов (Абдуллы, его брата Казыя, сына Казыя Довлет-Бахты и брата последнего Исенека)[118].

---

[107] Сб. РИО. Т. 41. С. 545; Т. 95. С. 72.

[108] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой орды. С. 109–117; *Петрушевский И. П.* К истории института сойургала // Средние века. Вып. VI. 1949. С. 226–246.

[109] Ярлыки Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея // ИТУАК. № 54.

[110] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 16.

[111] В частности, о роде Яшлавских-Сулешевых, взимавших подать с жителей города деньгами и натурой (*Лашков Ф. Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. № 22. Симферополь, 1895. С. 73).

[112] *Lemercier-Quelquejay Ch.* 1971. P. 488.

[113] Сб. РИО. Т. 41. № 16. С. 58.

[114] События... С. 101, 104.

Особенно важную роль в политической жизни ханства играли Ширины, в частности Эминек, в османских документах — beylerbeg[119], сын бея Тэгене, в свое время поддерживавшего Улу-Мухаммеда. Эминек наследовал роль «делателя» ханов, был главной, по мнению В. Е. Сыроечковского, пружиной переворота в пользу Менгли-Гирея, хотя его брат Хаджика поддерживал кандидата Большой орды Джанибека[120]. Судя по посланию Ивана III, Эминек стал правой рукой хана. Великий князь московский писал: «Приказал ко мне царь со своими послы, да и ты»[121]. Велика была роль Ширинов и в 1475 г., когда поддержка ими султана привела к подчинению Крымского ханства Османской империи[122], равно как и в 1480 г., при заключении русско-крымского договора[123]. Одновременно, впрочем, Эминек участвовал и в переговорах с литовским великим князем Казимиром[124]. Значение Эминека в политической жизни ханства подчеркивает и тот факт, что султан Мухаммед II обращался с ним, как с равным самим ханам Гиреям[125]. Позиция Эминека внутри ханства не отличалась особой устойчивостью. В 1482 г. он покинул Крым и отправился в Большую орду, которую начал «наводить» на Крым, однако уже в следующем, 1483 г., вернулся в Крым, где занял прежнее положение[126]. После смерти Эминека ему наследовал его брат Азика, после 1486 г. — сын Эминека Бараш, затем другой сын — Довлетек-мурза. В иерархии крымской знати все они последовательно занимали первое место после царевича[127]. Мухаммед-Гирей I выдал дочь замуж за Мемеша из этого рода. Тем не менее в XVI в. ширинские беи пытались воздействовать на султана в целях свержения Мухаммед-Гирея I[128]. В начале столетия они располагали около 20 000 воинов[129]. По словам Мухаммед-Гирея, половину войска, двинувшегося на Москву в 1521 г., составляли ширинские татары, однако в 1543 г. все крымское войско, отправившееся на Черкасские земли, насчитывало лишь 10 000 человек: из них 5 000 вывели Ширины, 3 000 — Аргыны и Кипчаки, 2 000 — Мангыты[130].

---

[115] *Manz B. F.* The Clans of the Crimean Khanate. 1466–1533 // HUS. Vol. 33. № 3. September 1978. P. 282–307.

[116] *Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray 3 // HUS. Vol. III–IV. 1979/80. P. 450.

[117] Наместники Перекопа, в качестве которых выступали то царевичи, то представители рода Кипчаков, получали половину доходов, в том числе и торговых, которые в этом городе достигали значительных размеров. См. подробнее: *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 27.

[118] Там же. С. 32.

[119] *Lemercier-Quelquejay Ch.* 1971. P. 481–482.

[120] Introduction. P. 11; Ср. E 3179 // KCAMPT. P.

[121] Сб. РИО. Т. 41. № 1; *Inalcik H.* The Khan... 1979/80. P. 449.

[122] *Inalcik H.* The Khan... 1979/80. P. 450; *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 39–41.

[123] Сб. РИО. Т. 41. С. 8, 20, 24.

[124] РИБ. Т. 27. Стб. 331, 335, 338.

[125] KCAMPT. E 3179, E 6495.

[126] Сб. РИО. Т. 41. С. 31, 33, 34, 36, 40, 49, 54, 56 и др.

[127] Там же. С. 352, 375, 387, 425, 460, 484, 535. См. подробнее: *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 31.

К служебным, а не улусным князьям принадлежали Кипчаки, занимавшие важные административные должности в ханстве. Наиболее известным представителем этого рода был многолетний сторонник сближения с Русью Аппак[131]. Аргыны играли меньшую роль в ханстве.

Политическая организация Крымского ханства имела много общего с ордынской[132]. Элита состояла из хана, его старшего и прочих сыновей-султанов, остальных членов ханской семьи — огланов, бегов — карачей, глав четырех важнейших родов, мирз — сыновей бегов, нукеров — ханских слуг[133]. Из ведущих родов Крыма выходили карачи, главные советники хана. Х. Иналджык называет ханство своего рода федерацией четырех родов под главенством старшего карачи из ведущего рода Ширинов[134]. Ш. Лемерсье-Келькеже полагает даже, что политическая власть в Крыму была разделена между династией Гиреев и кочевнической знатью — четырьмя родами, восходящими к окружению Батыя[135].

Периодически собирался совет, на котором присутствовали все карачи, представители родовой знати и улусов. На Руси после 1502 г. эти советы называли «Земской думой»[136]. При участии карачей проходила и церемония поставления хана. Так, Агыш говорил о Мухаммед-Гирее:

---

[128] КСАМРТ. Е 6474.

[129] *Collins L. J. D.* The Military Organisation and Tactics of the Crimean Tatars, 16–17-th Centuries // War, Technology and Society in the Middle East. London, 1975. P. 260. Ср.: *Ищенко С. А.* Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону. 1989. С. 139.

[130] *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les Khanates de Kazan et de Crimée... P. 488.

[131] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 31, 35.

[132] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах // Труды Вост. отд. имп. РАО. Т. 10. СПб., 1864; *Веселовский Н. И.* Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству // Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 34. СПб., 1900. С. 525–536; *Schamiloglu U.* The Qaraci Beys of the Later Golden Horde. Notes on the Organisation of the Mongol World Empire // Archiwum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4. P. 283–297.

[133] Русские источники почти также называют все эти прослойки элиты, добавляя к ним сейидов — наследников Пророка, глав улем. Нукерам в посольских книгах соответствуют ички-беглеры. *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 38–39.

[134] *Inalcik H.* The Khan... P. 448. См. подробнее работу О. Акчоракли (Гл. 1, прим. 231).

[135] *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les Khanates de Kazan et de Crimée... P. 481–482.

[136] Сб. РИО. Т. 95. С. 358; *Collins L.* P. 387.

«Сего царя Бог царем учинил, да яз в головах с карачи сам-четверт царем его учинил»[137]. Ссылка Агыша на Бога тем более уместна, что выборы хана происходили в святом месте Кайялар-Альт, где на камне были вырезаны родовые тамги[138].

Борьба за господство в Крыму представителей отдельных родов была основной политической проблемой этого государственного образования[139]. Ситуация особенно обострилась после появления в Крыму представителей рода Мангытов. Их кочевья располагались в Ногайской степи. Мангыты возводили себя к Едигею, к старшей ветви потомков которого принадлежали ногайские князья, к младшей — крымские мангыты[140]. Как убедительно показал В. Е. Сыроечковский[141], род Мангытов был ведущим в Большой орде. Князь Темир, сын Тенсобуя и отец Нур-салтан (жены казанского хана Ибрагима, с 1485 г. — Менгли-Гирея), был правой рукой Ахмата, к которому в 1471 г. обращался Казимир, пытаясь направить Большую орду на Московское княжество[142]. После смерти Темира его место в Заволжской орде занял его брат Азика, судьба которого сложилась крайне неудачно. Заключив в 1491 г. союз с Крымом, нарушенный осенью того же года, он в 1494 г. был изгнан из Большой орды вместе с сыном последнего хана Орды Шиг-Ахмата — Муртазою, долго скитался на Тереке и лишь в 1504 г. был принят Ахматом, сыном Менгли-Гирея, в Крымское ханство[143]. После 1494 г. (по Л. Коллинзу — после 1498 г.[144]) место главного князя в Большой орде перешло к его племяннику — сыну Темира и брату царицы Нур-салтан — Тювикелю. Черед его скитаний пришел в 1502 г. Весной 1503 г. его принял в Крым Менгли-Гирей[145]. Здесь юрт Тювикеля занял равнину от Перекопа до Днепра. В Крымском ханстве влияние рода Мангытов временно сравнялось с влиянием Ширинов. В 1516 г. сын Тювикеля, требуя увеличения поминков от русского великого князя, заявлял, что у него, кроме отцовских слуг «Ординского юрта, да и Ногайского уланы, и князи, и мурзы, и добрые люди — мои холопи и слуги»[146]. Род киятов, возможно, был связан с литовскими татарами. Выходцы из Большой орды, они еще в XV в. разделились. Одна ветвь ушла в ВКЛ (где от князя Лексы якобы пошли Глинские[147]), другая оказалась в Крыму и в изучаемое время была представлена кн. Скиндером[148].

---

[137] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 313. Ср.: *Inalcik H.* The Khan... P. 449.

[138] *Inalcik H.* The Khan... P. 448. См. подробнее работу О. Акчоракли (см. прим. 231 главы 1).

[139] *Inalcik H.* The Khan... P. 445.

[140] *Абуль-Гази.* Родословное древо тюрков // Изв. Общ. археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. XXI. Вып. 5–6. С. 156, 188, 203; МОИДР. Т. X. М., 1851. С. 130.

[141] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 32–33.

[142] ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 158, 216; Т. XII. С. 124; Т. XXIV. Пг., 1921. С. 193.

[143] Сб. РИО. Т. 41. С. 108, 211, 358, 385, 515, 520.

[144] *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde... P. 384.

[145] Сб. РИО. Т. 41. С. 467, 471, 518.

[146] Там же. Т. 95. С. 298.

Полная победа крымцев над Большой ордой или, по мнению Л. Коллинза, прекращение династической борьбы за овладение Ордой коренным образом изменили всю ситуацию в регионе. Крымский хан превратился в «великого хана Великой орды». Однако изменение титулатуры Менгли-Гирея произошло еще в конце XV в. Тогда он стал именовать себя «великим царем татарским», а свое государство эпизодически «Великой ордой», как, например, 14 июля 1485 г. Великий князь литовский писал Менгли-Гирею как «могущественному господину... великому хану земли татар»[149]. Еще ранее, в 1471–1472 гг., чешский король обращался к нему как «хану Татарской земли... великому императору» («Thartarorum terre imperator Mengli Giray, magnus caesar»)[150]. Видимо, эта общеевропейская традиция была усвоена Менгли-Гиреем. В начале XV в. «Великой Татарией» в Византии именовали Крым, который, по словам Иоанна Галонифонтийского, граничит на севере с Россией, предположительно с Сибирью (Yhabri), и имеет весьма пестрое население: много христиан — греков, армян, зиков, готов, татов, валахов, русских, черкесов[151]. Изменение титулатуры крымского хана точно соответствует изменению его внешнеполитической ориентации, особенно заметному по сравнению с первой половиной XV в., когда он признавал династийное старшинство золотоордынского престола. В конце же XV столетия его основная внешнеполитическая деятельность была направлена на утверждение главенства среди наследников Золотой орды и на борьбу с конкурентами в Подонье, Приднепровье и Поволжье.

После 1502 г. «ханство Гиреев, — по словам М. А. Усманова, — поставило под вопрос существование самой Большой орды в качестве основной наследницы Золотой орды»[152]. С начала XVI в. Крым в собственных глазах превращается в «Великую орду» или «Великий улус», а хан — в «великого хана Великой орды». Ханские послания дополнились развернутой формулой адресанта: «Великие орды великого царя Менгли-Гиреево слово»[153] или инскрипции: «Великого улуса правящим огланам и бекам туменов, тысяч, сотен, десятков». Нельзя сказать, что наименование Великой орды или Великого улуса закрепилось исключительно за Крымским ханством. В течение первых двух десятилетий XVI в. приближенные хана кн. Азик и «богомолец» Бабаших, пользовались той же формулой по отношению к Василию III[154]. В латиноязычных грамотах, направленных в ВКЛ, титул крымского хана еще более пышен: «хан Татарской и Хазарской орды»[155]. С притязаниями хана согласились и ближайшие соседи Крымского ханства — ВКЛ и Русское государство. Уже 28 июня русские и 3 июля крымские послы в Москве сообщали о победе Менгли-Гирея над ордынцами. 15 июля Иван III признал, что Менгли-Гирей получил «отцовскую орду»[156]. 8 июля 1502 г. татарский посол объявил великому князю литовскому и королю польскому Александру о победе Менгли-Гирея над Шах-Ахматом и о том, что Менгли-Гирей стал «ханом двух орд» («sic factus duplicis hordae imperator»)[157]. Прилив великоордынских устремлений заставил Менгли-Гирея в 1507 г. гордо заявить панам Рады ВКЛ: «...и мы станем великими, не в лихом месте живем, на отца своего столце»[158]. Менгли-Гирей постоянно подчеркивал преемственность от Хаджи-Гирея. На мавзолее отца в 1502 г. он велел высечь слова «Помощь Бога и быстрая победа»[159]. Очень показательна и ктиторская надпись на «Железных вратах» Бахчисарайского дворца 1503 г.: «Приказал построить этот величественный порог и эту возвышенную высочайшую дверь султан обоих материков и хакан обоих морей султан, сын султана, Менгли-Гирей хан, сын султана Хаджи-Гирея»[160] Обращает на себя внимание факт почитания Менгли-Гиреем именно отца; в ктиторской надписи он упомянут дважды. О преемственности от основателей Золотой орды хан умалчивает.

---

[147] Их родословие таково: Мамай-Мансур-Олекса, Иван, Борис, Лев-Михайло-Елена-Иван IV (Вр. МОИДР. Т. X. М., 1851. С. 195; ЛМ. Кн. 5). Не исключено, впрочем, что это родословие — изобретение середины XVI в., призванное лишь обосновать претензии Ивана IV на Астрахань. Ср. *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. отдела рукописи ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 107–125.

[148] Сб. РИО. Т. 95. С. 144; Врем. МОИДР. Т. X. С. 84, 195; *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 31–34.

[149] *Смирнов В. Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1917. № 3. С. 11–12; ЛМ. Книга записей 5. № 72. 1. С. 122. 1497 г. Ян Олбрахт, польский король, именовал хана «цесарем перекопским» (Там же. № 742. С. 128. 1497). На титул хана еще в конце XVIII в. обратил внимание Тунманн. Он приводит такую формулу титула: «Великий хан Великие орды и престола Крыма и степей Кыпчака» (*Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь. 1991. С. 23). Вероятно, формула «хан престола Крыма» соответствует другой — «хану трона», которая восходит к ордынской традиции середины XIV – конца XV вв. (*Collins L.* Op. cit. P. 380–381) и включает власть над «ордой» с людьми и над улусами.

[150] *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde... P. 391.

[151] *Tardy L.* The Caucasian Peoples and Their Neighbours in 1404 // AOH. Vol. XXXII (1). 1978. P. 90–91.

[152] *Усманов М. А.* Жалованные акты... С. 61.

Как же оценивать все эти перемены в Крымском ханстве? Л. Коллинз считает 1502 г. завершением династической борьбы, увенчавшейся победой Гиреев. По его мнению, Большая орда продолжила свое существование, но уже под главенством Крыма, а Менгли-Гирей действительно стал ордынским ханом. В качестве доказательства он приводит факт устойчивой традиции употребления титула крымского, вернее ордынского хана («великий царь Великой орды») вплоть до 1783 г., т. е. до потери ханством самостоятельности[161]. Думается, речь шла не только о династической борьбе, но о борьбе двух государственных образований, одно из которых, пусть не сразу, но в течение двух десятилетий потеряло свое имя, политический престиж, территории кочевий с удобными угодьями. Видимо, в данном случае имел место тот вид «переразвития», который С. А. Плетнева назвала «вторым вариантом» (см. выше).

---

[153] Сб. РИО. Т. 95. С. 19–30, 70–76; Книга посольская Великого княжества Литовского. С. 67, 70, 71; *Усманов М. А.* Жалованные акты. № 12. С. 36.

[154] Сб. РИО. Т. 95. С. 39, 172. IX.1508; VII.1515.

[155] *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502. P. 390.

[156] Сб. РИО. Т. 41. С. 420, 426, 444; ПСРЛ. Т. XX. С. 262.

[157] *Papée F.* Acta. № 3105–3106. Дмитрию Путятичу посол Менгли-Гирея объявил, что «цара отца столец взял» (ЛМ. Книга записей 5. № 107.4. С. 181).

[158] РГАДА. Ф. 389. Книга записей 7. Л. 15 об.

[159] *Домбровский и Борзенко.* Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. Т. II. Одесса, 848. С. 526.

[160] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. С. 181. Прим. 92. См.: *Эрнст Н. Л.* Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III Алевиз Новый // ИТОИАЭ. Т. II (59). Симферополь, 1928. С. 39–54.

Изменился и территориальный раздел Восточной Европы: владения Орды продвинулись на запад. Ногаи, жившие за Яиком, во главе с Мангытами, также переселились западнее — к Волге[162]. Это создало, по Л. Коллинзу, более серьезную угрозу для Руси, нежели при Наманганской династии. Князья Мангыты по традиции считали московских князей «улусниками», т. е. зависимыми от хана, но равными себе, а посему при сношениях с ними принимали во внимание лишь возраст. Темир Мангыт, сын Тенсобуя, отец Нурсалтан, обращался к Ивану III как к сыну, а тот звал его отцом. Племянник Темира — Янкуват, живший в Крыму[163], звал князя всея Руси «братом»[164].

Главной внешнеполитической задачей крымских ханов стало создание огромного государства Золотой орды (Takht Memleketi в крымских документах) под эгидой Крыма, которое бы включало все территории кочевки ее бывшего главного соперника Большой орды. Место последней заняла орда сыновей Ахмата, гораздо более аморфное образование, нежели Большая орда, сохранившее в ВКЛ прежнее наименование Заволжской орды. В низовьях Волги утвердился хан Абд аль-Карим астраханский (сын или брат дяди Шиг-Ахмета — Махмуда). Территория Заволжской орды почти соответствовала Астраханскому ханству середины XVI в. Однако вплоть до этого времени у современников сохранялось представление о враждебности соседних «орд»-«народов»: ногаев, астраханцев, заволжских — к «перекопцам», т. е. крымским татарам[165], что, пожалуй, опровергает мнение о превращении Крымского ханства в Великую орду, равнозначную Большой, или даже Золотой орде[166]. Борьба за «наследие» продолжалась, и довольно долго[167].

---

[161] *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde… P. 370.

[162] Сб. РИО. Т. 95. С. 7, 12.

[163] Временный отъезд Янкувата в Большую орду в 1488–1489 гг. на юрт дяди Темира не отразился на его положении в Крымском ханстве, куда он вернулся уже в 1490 г. В 1491 г. на его дочери женился царевич Ямгурчей (Сб. РИО. Т. 41. С. 54, 56, 74, 103, 122, 144, 145, 203. См. подробнее: *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 32).

[164] Сб. РИО. Т. 41. С. 74, 108, 252, 518.

[165] *Литвин Михалон.* Трактат. С. 62.

[166] *Collins L. G.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde… P. 361–399.

[167] *Інальджик І.* Боротьба за Східно-Европейську імперію 1400–1700: Кримський Ханат, Османи та піднесенняя Російськоі імперіі // Кримські татарі: минуле та суча снисть. Збірник матеріалів. Київ, 1995. С. 116–129.

Наряду с межгосударственными связями вплоть до конца изучаемого времени существовали межродовые и внутриродовые. Поскольку большинство ведущих родов Крымского ханства представляло собой отпочковавшиеся ветви общетюркских родов, возводивших свое начало ко временам Чингис-хана или Тохтамыша, в пределах ордынского мира сохранялось единство. Переходы из одного ханства или орды в другое или в другую облегчались общими родовыми корнями. Общеродовые корни облегчали и переход не только отдельных представителей, но и целых улусов из одного государства в другое.

Разделение прежних единых родов между различными государствами кочевников создавало предпосылки для ожесточенной борьбы за территории, которые каждый род считал своими собственными. Так, напряженная борьба с потомками Ахмата определялась претензиями Мангытов, часть которых осела в Крыму, на Ногайские степи. Несмотря на глубочайшие противоречия, раздиравшие мир наследников Джучиева улуса, родовые связи между отдельными ордами и ханствами обнаруживали необычайную крепость, когда речь шла о противодействии общим противникам, некогда бывшим данниками целостного государственного образования — Золотой орды.

Этого постоянства, однако, не было в отношениях с Османской империей[168]. В связи с войнами за большеордынское наследие и в условиях смены хана на крымском престоле, Османский султанат, казалось бы, всецело погруженный в войну с Ираном[169], предпринял усилия для упрочения своего положения в Крыму. В 1516 г. царевич Ахмат ожидал «больших послов» и «дворян» османского султана[170]. Положение вассала Османской империи не вполне удовлетворяло крымского хана Мухаммед-Гирея, и идея турецкого посла Кемала о всевластии султана в Крыму казалась ему весьма далекой от истины: «Кемал бредил... будто сь турской говорит: "Царь Махмет-Кирей вся Орда в моей воле, яз во всем волен"»[171].

Особенностью стратегического положения Крымского ханства было не только то, что оно практически не имело собственного выхода к морю, и в этом отношении полностью зависело от Османской империи, но и то, что его границы нигде непосредственно не подходили к землям соседних государств. Между Русью и Крымским ханством простирались огромные территории пока все еще ничейного, но постепенно сужавшегося Поля, неосвоенные части которого в конце XVI в. стали именоваться Диким. Эти степи в начале XVI в. были объектом притязаний то остатков Большой орды, то Ногайской, то возникшей в середине второго десятилетия Казацкой орды. Несколько ближе границы ханства подходили к территории ВКЛ, хотя и здесь районы южнее Киева и Черкасс оставались малонаселенными. Их освоение тормозилось непрерывными набегами и стычками с крымскими татарами, которые видели в землях Поля бесплатную житницу для себя. В случаях нехватки хлеба они устремлялись на южные районы ВКЛ и Короны Польской — Волынь и Подолье. Набеги — обычное в жизни ханства явление. С их помощью крымская знать обеспечивала себя предметами роскоши[172)], все воинство — рабами, постоянным предметом продажи в Османский султанат. Подобные набеги были условием существования кочевых обществ. В Крыму с участников набегов взимался особый налог «за так называемых полоняников-рабов»[173)].

---

[168] Там же.

[169] Уже в октябре 1516 г. в Москве было известно, что султану будет «валка» с «кизылбашем». Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 370. Х. 1516.

[170] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 305.

[171] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 368. Х.1516.

Для Крымского ханства характерны несколько типов международных связей: с главенствовавшим над ханством Османским султанатом; полусюзеренные отношения с государствами, зависевшими в той или иной степени от самого ханства или государств, ему предшествовавших, в частности, Золотой орды; конкурентные с другими ханствами и ордами, их наследниками. Отношения с Османской империей, как явствует из обзора историографии, не получили однозначной оценки. Вопросы о степени и характере вассалитета Крымского ханства до сих пор остаются спорными в исторической литературе. Тем не менее, можно отметить главные особенности этих связей. Они строились на политическом верховенстве султаната, сопровождались полунезависимыми-полуконкурентными отношениями в области военных начинаний ради овладения новыми территориями — Османской империей в Венгрии и Иране, Крымским ханством — на юге Восточной Европы. В экономической сфере их основой было распределение между вассалом и сюзереном доходов от торговли в Кафе, заинтересованность в которой прочно цементировала эти связи.

Сохранившиеся источники не позволяют в полной мере охарактеризовать степень зависимости Крымского ханства от Османской империи. Еще в октябре 1469 г. Менгли-Гирей обращался к султану Мехмеду II как к «своему брату»[174)]. Установление власти Менгли-Гирея в Крыму в 1478 г. не сопровождалось появлением османских представителей в качестве султанских наместников или советников крымского хана. Проникновение турецких по происхождению писцов (ханским был Ибре-хозя турчин) отмечено лишь в 1516 г., после того как крымский престол занял Мухаммед-Гирей, поставленный на него, впрочем, безо всякого участия султана[175)]. Впрочем, «османизацию» языка крымских делопроизводственных и актовых документов В. П. Остапчук относит к более раннему времени[176)].

Ко временам правления султана Селима современный комментатор сочинения Эвлии Челеби возводит передачу чтения хутбы (торжественной пятничной молитвы) на имя османского султана, что означало офици-

---

[172)] Крымцы проявляли интерес и к иконам. Царевич Ахмат в 1512 г. вывез «больше 12 тысяч парсун» (РГАДА. Ф. 389. Книга записей 7. Л. 221).

[173)] *Смирнов В. Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1917. С. 13.

[174)] КСАМРТ. Е. 11. 776/11. Р. 41.

[175)] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 290. IV.1516.

[176)] *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources for the History of the Black Sea Basin // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. VI. № 4 (далее — *Ostapchuk V.* 1982).

альное признание его верховенства над ханом[177]. Для царицы Нур-салтан турецкий султан — высшая власть. Требуя возвращения в Крым Абдул-Латифа, она в разговоре с Аппаком угрожала: «Не возьмешь ты у великого князя сына моего, ино не сором ли ти будет? Яз бью челом турьскому, а турской прикажет тебе — велит сына моего просити, и тебе и турьского не слушати ли?»[178]. Однако искушенным русским послам и дипломатам при всей их осведомленности не всегда был заметен вассалитет крымского хана по отношению к Османской империи. В. Г. Морозов, согласно наказу, должен был узнавать, «как Менгли-Гирей царь с литовским и с волошским и с турским и с угорским, и как турской с угорским и с волошским и с литовским... и где ныне турской и што его дела»[179]. Примечательно, что отношения крымского хана с османским султаном поставлены на одну доску с его отношениями с независимыми Молдавией и Великим княжеством Литовским. Материалы архива Музея Топкапы дают основание полагать, что отношения зависимости ханства от султаната, которые установились далеко не сразу, были весьма своеобразными. Даже в 1521 г. Мухаммед-Гирей счел возможным отказать султану в помощи и участии в походе последнего на Венгрию[180].

Султан и в начале XVI в. располагал сравнительно незначительными воинскими контингентами в Крыму — в Кафинском санджаке. Приведем некоторые статистические сведения:

	Кафа	Тамань	Азак	Темрюк	Другие	Всего
Охрана крепостей	131	68	196	76	153	624
Азебы[181]	104	61	111	73	30	379
Всего	235	129	307	149	183	1 003

Эти цифры включают и глав отрядов, и простых азебов (воинов), и ремесленников (в первую очередь, кузнецов), содержание которых в 1520 г. обходилось в 1 728 336 акче[182], т. е. свыше 22 тыс. золотых дукатов.

Экономические отношения установились с 1484 г. и были, по-видимому, более стабильными, нежели политические или военно-политические. С 1484 г. крымские ханы получали ежегодные отчисления от таможенных доходов Кафы (saliyane) как возмещение за утраченную дань с генуэзцев, а также Стамбула, Измира и других городов, достигавшие весьма значительной суммы в 1–1,5 млн акче, причем сам кафинский эмин — глава таможни Яхья в 1487 г. собирал 1 млн акче[183]. Все поступления из Стамбула, как полагает А. Фишер, были ничтожной долей того дохода, который ханство получало от торговли пленными. Кроме того, по случаю возведения хана на трон ему самому, калге и нуреддину шли денежные подарки от султана (tesnifat). За участие в походах полагалось возмещение (tirkes baha), впервые полученное Менгли-Гиреем I в 1484 г. Изгнанники или заложники из числа Гиреев получали содержание (хаш)[184]. В Стамбул же, Белгород и Кафу из Крыма отправлялась часть поминков, поступавших из Московского княжества (после 1485 г. княжества всея Руси)[185] и Северного Кавказа[186]. Вероятно, именно с необходимостью переправлять в Стамбул эти «дары» связаны и путешествия туда крымского казначея Синан-аги («подскарбия и писаря царева»), загружавшего ими целые корабли. К середине XVII в. Крым, по-видимому, не платил поминков в Турцию. Эвлия Челеби рассказывает лишь об обмене роскошными дарами султана и крымского хана, причем в дарах последнего преобладали пленники[187].

---

[177] *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Вып. I. С. 217.

[178] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 291. IV.1516.

[179] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 65. II.1509.

[180] КСАМРТ. Е. 1301.

[181] Об этом термине см.: *Inalcik H.* The Customs Register of Caffa, 1487–1490. Harvard, 1996. P. 189.

[182] *Berindei M.*, *Veinstein G.* La présence ottomane au sud de la Crimée en mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle // CMRS. 1979. Vol. 20. P. 398–399, 414; *Inalcik H.* 1996. P. 99.

В целом можно согласиться с характеристикой политического статуса ханства, данной В. П. Остапчуком. «Хотя Крымское ханство, — пишет он, — было вассалом Порты, вместо уплаты дани оно получало ежегодные дотации от Порты, взамен за которые крымские военные силы должны были присоединяться к османским во время военных компаний. Династия Гиреев из-за своего чингизидского происхождения занимала более высокое место в тюрко-монгольском обществе, нежели выскочки из османской династии. Тем не менее многие послания ханов Гиреев были адресованы визирю и другим официальным лицам, занимавшим высокое положение, но не самому султану», что свидетельствовало о ранговом превосходстве последнего[188].

Связь османских владений с метрополией была затруднена расстоянием и системой двойного подчинения. Так, азовский бурган подчинялся кафинскому ших-заде и не имел, по-видимому, права непосредственного сообщения с султаном. Поэтому информация в Азов о деятельности султана очень запаздывала[189]. В. Коробов, находясь в Азове, не мог сообщить в Москву, ходил ли султан на «кизилбаша»[190].

---

[183] *Inalcik H.* 1996. P. 100.

[184] *Fischer A. W.* Les rapports ottomans avec la Crimée. L'aspect financier // CMRS. Vol. 13. № 3. P. 368–382; Introduction // КСАМРТ. P. 4–5.

[185] Сб. РИО. Т. 41. № 28. С. 105. 25.IV.1491; РГАДА. Ф. 389. Кн. зап. 7. Л. 7 об.

[186] *Lemercier-Quelquejay Ch.* La structure sociale, politique et religieuse du Caucase du Nord au XVI-e siècle // CMRS. Vol. XXV. № 2–3. IV–IX.1984. P. 125–148.

[187] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. I. С. 95–100.

[188] *Ostapchuk V.* 1982. P. 249.

[189] Русские послы в Крыму получали сведения о внешнеполитической активности Османского султаната не только и не столько от крымцев, но от русских купцов, ездивших в Стамбул. Так, в 1501 г. Мамонов рассказывал о военных действиях османов в Италии и Венгрии со слов ярославца Михаила Ярцова, вернувшегося из Стамбула. Сб. РИО. Т. 41. № 72. С. 357. VII.1501.

[190] Сб. РИО. Т. 95. № 13. С. 229–210. 2.VIII.1515.

По-видимому, османам приходилось прикладывать некоторые усилия для того, чтобы упрочить свою власть в Азове, крайней северо-восточной части черноморских владений Османского султаната. Особенно сложной ситуация в Азове стала с тех пор, как сформировалась прослойка азовских казаков, существование которой угрожало турецкой власти. Поддерживая своего сюзерена, крымский хан выполнял административные функции по отношению к Азову. В 1503 г. Баязид направил посла к Менгли-Гирею и кафинскому султану Мухаммеду и «велел... в Азове паш и турков и казаков всех лихих переимати, иных... велел лихих казнити, а иных... в тюрму пометати». Для выполнения этой карательной миссии Менгли-Гирей повелел сыну Бурнашу-салтану выйти в поход с 1 000 человек; какими силами располагал кафинский султан, неизвестно. «А в Азове... быти царевым Менгли-Гиреевым людем, а на шубашстве... быти в Азове Алакозю»[191)].

Историки порой подчеркивают важную роль «сотрудничества» Крымского ханства с Османской империей в области агрессивной внешнеполитической деятельности в Восточной Европе, утверждая, что вся внешняя политика Крыма диктовалась интересами Османского султаната, а сам Крым был послушным орудием в руках турок. При этом главным доказательством являются не показания источников относительно непосредственного руководства внешней политикой Крыма из Османской империи или общей координации усилий крымского хана османским султаном, которых в распоряжении исследователей пока нет. Наоборот, имеются свидетельства, хотя и более поздние — времени Эвлии Челеби — о предоставлении султаном Селимом полной самостоятельности Крыму в области крымско-русских отношений. Анонимный автор вставки сокращенного списка «Книги путешествия» Эвлия Челеби пишет об отсутствии зависимости османо-русских и крымско-русских отношений: «И столь же был бы прочен мир дома Османова с Москвой, крымские ханы в этом мире не принимали участия. С крымским ханом Москве нужно было иметь особый мирный договор»[192)].

В качестве же доказательства того, что Крым и в конце XV – начале XVI вв. был послушным орудием в руках османов, используются ссылки (из книги путешествий Эвлии Челеби) на многочисленные последствия внешнеполитической активности Крыма, расшатывание системы взаимоотношений восточноевропейских государств, ослабление Русского государства и т. д.

Что касается последствий крымской внешней политики, то в их оценке историки правы, хотя приписывать все агрессивные выступления Крымского ханства османской инициативе, на наш взгляд, нет никаких оснований. Мнение об этом высказал неизвестный автор вставки в сокращенном списке «Книги путешествия» Эвлии Челеби. Он писал: «...почитая закон Селима хана (т. е. султана. — *А. Х.*), крымских ханов

[191)] Сб. РИО. Т. 41. № 89. С. 471, IV.1503.

[192)] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. I. С. 218.

не назначали в набеги на другие земли, а направляли их на борьбу именно с этими неверными»[193].

Обычно не обращают внимания на цикличность и прерывность агрессивных устремлений Османского султаната в Восточной Европе. Промежуток между 70–80-ми годами XV в. и 20-ми годами XVI в. — это период относительной пассивности султаната в данном регионе. В это время сфера военных действий султаната находилась в Средиземноморье и отчасти Иране, не достигая северных берегов Черного моря. Пожалуй, некоторым исключением был район Подолья[194] и устьев Днестра, куда были направлены турецкие походы конца XV в.

По сообщению Эвлии Челеби, именно крымской помощи (Менгли-Гирей якобы привел войско в 200 тыс. чел.) султан Баязид обязан успехами в осаде Аккермана (Белгорода Днестровского) в 1484 г.[195] Памятником победы осталась мечеть Менгли-Гирея, построенная за счет «отказа» хана (в пользу вакфа)[196]. По датировке З. Абрахамовича, к 1495–1504/6 гг., или точнее 1497 г., относится проект нападения османского флота на Киев, изображенный проводником Ильясом в виде карты-схемы низовьев Днепра[197].

Султан рассчитывал на помощь крымского хана в упрочении позиций в районе Белгорода Днестровского, куда сам он направлял весьма значительные воинские соединения («1 000 янычар в десяти судех» в 1491 г., и какие-то силы в 1515 г.)[198]. Однако интересы Крыма и Османского султаната в этом регионе не совпадали полностью. Можно даже предполагать, что здесь соперничали Крым и Османская империя. Соперничество имело весьма своеобразный характер, являясь одновременно и сотрудничеством. Помощи у османского султана искал и царевич Ахмат[199], находившийся в состоянии постоянной конфронтации с Мухаммед-Гиреем.

И позднее феодальные распри в Крыму имели своим следствием ориентацию части крымской знати на султанат. После убийства Ахмат-Гирея царевичем Алпом племянник убийцы и сын убитого — Геммет-Гирей нашел прибежище в Стамбуле[200]. Вместе с Саадат-Гиреем «у Асманова сына в службе» находился Магметша (по его словам, он «нас держит на алафе (жаловании. — *А. Х.*) у своих ворот») из рода Кипчаков. По ходатайству Магметши, сторонника сближения с Русью, в Москву был послан Кемал, «в Манкупе татских князей сын»[201], первый представитель османского султана. Ранее Русь поддерживала связи лишь с кафинским султаном, в качестве посла которого на Русь приезжал Алакозь[202]. По-видимому, не без его участия Саадат-Гирей просил у султана рати, чтобы «с турки... Литовскую землю воевати»[203].

---

[193] *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Вып. I. С. 219.

[194] Походы на Подолье были предприняты в 1493 г. Сб. РИО. Т. 41. № 40. С. 181, 1493.

[195] *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Вып. 1. М., 1961. С. 34.

[196] Там же. С. 38.

[197] *Абрахамович З.* Старая турецкая карта Украины. С. 76–88. В связи о этим проектом, вероятно, и был послан в Черное море османский флот в июне 1497 г.

[198] Сб. РИО. Ф. 41. № 28. С. 105. 25.IV.1491.

[199] Ахмат утверждал, что султан Селим — его друг и настоятельно требовал от русских дипломатов присылки ему поминков, предназначенных столь высокому «другу». Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 382, 384, X.1516; № 30. С. 520. VIII–1518; № 37. С. 670.

[200] Там же, № 36. С. 631, III.1519.

[201] Там же. № 10. С. 171. VIII–XII.1515.

Позднее Саадат-Гирей настаивал на поездке Аппака на Русь, чтобы «делать дела» против Мухаммед-Гирея. Нельзя сказать, что положение царевичей, находившихся в Стамбуле, было особенно устойчивым. Поддерживая связи с Русью и Аппаком, они одновременно вели переписку («обсылались») с Бахтияр-мурзой Ширином, уверяя его, что «турской хочет доставать им отчины»[204]. Текст перевода послания царевичей не очень ясен, поэтому трудно с определенностью решить, чью отчину собрался «доставать» султан — царевичей, т. е. Крым, или Ширинов, т. е. Мещеру, находившуюся во владении великого князя всея Руси.

Однако выше шла речь о связях с Османской империей крымских «оппозиционеров». Поддерживал эти связи и сам крымский хан, особенно в начале века. Менгли-Гирей обращался в Стамбул с просьбой о помощи против Большой орды. Османский султан в 1501 г. обещал ему такую помощь. По ходатайству крымского хана и кафинского «салтана» Баязид предложил Менгли-Гирею не вступать в бой с Ордой одному; в случае, если Большая орда пересечет Днепр, он обязался выслать своих людей из Белгорода с тем, чтобы крымцы ударили по Орде с тыла[205]. Однако реальной помощи от османов не последовало, как не последовало ее и на просьбу в начале XVI в. овладеть Астраханью. В целом, можно сказать, что султаны поддерживали или обещали поддержку крымским ханам в военных начинаниях последних, не проявляя, однако, собственной инициативы на большей части юга Восточной Европы.

Сферой наиболее постоянного и прочного «сотрудничества» Крыма с османским султанатом был Западный Кавказ[206]. Именно сюда направлялись агрессивные устремления османских султанов и крымского хана, их вассала. Османские походы 1475 и 1479 гг. (во втором участвовал и крымский хан) открывают, по справедливому мнению А. М. Некрасова, серию османских завоевательных походов на земли адыгов[207]. Эти походы особенно участились в конце XV в., когда стала ясной недолговечность существования Большой орды, и интересы османского султаната переместились из Центральной Европы в Иран. В 1498 г. Менгли-Гирей совершил очередной набег на земли адыгов, а в 1501–1504 гг. его войска неоднократно участвовали в османских походах на Западный Кавказ. В связи с борьбой Сефевидского государства против Османского султаната усилилась и крымско-османская агрессия против адыгов. В 1518 г. был предпринят новый крымский поход на Западный Кавказ, и хотя крымцы потерпели поражение, часть адыгских племен признала верховенство Крыма. Одновременно началось строительство двух османских крепостей — Темрюк и Кызыл-Таш[208]. Этим временем и следует датировать крутой поворот в русско-крымских отношениях, окончательное изменение их характера, полное подчинение крымской политики по отношению к Руси османским интересам.

---

[202] Там же. С. 283–286, 390–398, 402–404. 411–413, 415. Ср. также: с. 298, 300, 361, 388, 433, 462.

[203] Там же. № 10. С. 171.

[204] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 670.

[205] Там же. Т. 41. № 72. С. 356–357. VII.1501.

[206] *Lemercier-Quelquejay Ch.* La structure sociale, politique et religieuse. P. 125–148.

[207] *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. С. 42, 52–53.

Раздел прибылей от торговли между османским султаном и крымским ханом, по-видимому, был традицией, унаследованной султаном от генуэзских времен. Татарское население Южного берега Крыма (Готия) и 18 деревень, расположенных на ней, — так называемой «кампании», уступленной ханом Тохтамышем генуэзцам в 1387 г.[209], управлялись «троном» — представителем крымской знати. Накануне османского завоевания в этой роли выступал Эминек: он-то и сыграл значительную роль в захвате Кафы, оказав помощь османским войскам, осаждавшим ее[210]. Вероятно, в качестве платы за оказанную услугу султаном и была дарована хану привилегия на право получения половины торговых доходов в Кафе. Единственный конфликт османских войск с русскими произошел, по-видимому, лишь в 1475 г.[211], в остальное же время русско-османские отношения сохраняли характер торгового сотрудничества. Поддерживались и тесные торговые связи Крымского ханства с различными частями Османской империи, как, вероятно, и культурные, отразившиеся даже в пословицах. «Расспрашивая, отыщешь Стамбул»[212], — говорили в Крыму.

Отношения с равными по рангу государствами — с другими ханствами (в частности, Казанским и Астраханским) и ордами, такими, как Большая, Заволжская, Ногайская, по преимуществу выливались в конкурентную борьбу за территории кочевий или обитания. Особое место в международных сношениях Крымского ханства занимал Мисюрь — Египет. Крым и Египет связывали традиции взаимной поддержки. Египетский султан в 1490 г. или в начале 1491 г. напоминал Менгли-Гирею о том, что первый крымский хан оказал гостеприимство султану («яз у отца твоего Ази-Гирея царя есми его видел и хлеб есми его ел»), а также помощь в получении престола. В 90-е годы XV в. он предлагал возобновить традиции былой дружбы и без ложной скромности перечислял «добрые поминки», которые он направлял в Крым — кони, товар, сабли с золотом. В ответ Менгли-Гирей решил отправить со своими дарами

---

[208] Там же. С. 88–89.

[209] *Кеппен.* Крымский сборник. СПб., 1837. С. 85–87.

[210] *Колли Л.* Исторические документы о падении Кафы // ИТУАК. № 45. Ч. 25. Симферополь, 1911. С. 4–5.

[211] Сб. РИО. Т. 41. № 56. С. 254. VIII.1498. Последствия конфликта рассматривались еще в 1498 г. «А что царевы Менгли-Гиреевы люди поимали великого князя людей в Перекопском в устье, и царь отвечал: те люди побили ещо турков, и тех людей турки собрали да и попродали».

[212] Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные гг. Боданинским, Мартино и Мурасовым / Под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалеева // ИТУАК. № 52 (год 28-й). Симферополь, 1915. С. 56.

«молну» (муллу) Багавадына вместе с послом египетского султана, находящимся в Кафе[213]. К тому же к 1491 г. относятся и сведения о сношениях Крыма с тевризским князем Ягупом, посол которого Усеин посетил Кафу, но до самого хана, кажется, не добрался («недруги пришли»)[214].

Наконец, третьим типом международных связей ханства являлись отношения с некогда зависимыми государствами. К ним следует причислить Великое княжество Литовское, объединенное личной унией с Короной Польской. Несмотря на то, что Хаджи-Гирей сумел создать ханство лишь благодаря поддержке Казимира, о чем Александр ему неоднократно напоминал[215], «прысяга» отцов не действовала. В отношениях с ВКЛ и Короной также присутствовали территориальные споры (в частности, из-за Тягини), однако не они выступали на первый план.

Крым рассматривал соседние славянские государства как источник поступления доходов в виде «выхода». И если в последнюю четверть XV в. ВКЛ и КП принадлежали к активным противникам Крымского ханства, и отношения этих государств, несмотря на ряд договоров, оставались, в основном, враждебными; в силу чего «выход» в Крым оттуда не поступал, то в первые десятилетия четверти XVI в. ханству удалось добиться получения регламентированного ежегодного «выхода», хотя и носившего менее ущемлявшее престиж государя этих земель наименование «поминков».

В отношениях как с равными по рангу государствами, так и с государствами, некогда зависевшими от Золотой орды, преобладали войны, набеги, грабежи, сопровождавшиеся разделом добычи, пожалованиями денег, платья, оружия[216].

Чем определялась агрессивность Крымского ханства? Прежде всего демографическим фактором, усугубляемым чрезвычайными событиями, недостатком пищи в результате сравнительного слабого развития земледелия и, в особенности, пашенного[217]. Так, после ликвидации Большой орды значительная часть ордынских феодалов, и, соответственно, всего их многочисленного окружения, нашла прибежище в Крымском ханстве, что, несомненно, вызвало его перенаселение. Уровень развития земледелия становился уже недостаточным для того, чтобы прокормить всех. Призывая Сигизмунда I «не ленитися», собираясь в поход на Русь, крымские послы откровенно объясняли ему ситуацию: «Ест ли ж в том деле лениво будете ступати, царю господару нашему людей своих не мочно на весне будет вняти. Зануж люди голодьны, мусят (должны. — *А. Х.*) кормится, въседшы на конь, там поедут, где поживенье могут мети»[218].

---

[213] Сб. РИО. Т. 41. № 28, 29. С. 107, 111. 25 и 26.IV.1491.

[214] Там же. № 28. С. 106. 25.IV.1491.

[215] ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 56. 27.VI.1492; № 12. С. 66. 19.XII.1492.

[216] *Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай*. С. 45.

[217] В. Е. Сыроечковский выделил три района пашенного земледелия в Крыму, два из которых связаны, по его мнению, со старинными греческими традициями, и лишь один — результат земледельческих начинаний самого Крыма. Описание Барбаро дает представление о хаотическом земледелии в степях Причерноморья.

[218] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 28.

Идеология Крымского ханства восходила к временам Тохтамыша, непосредственно к которому возводили свою власть крымские ханы[219], Тимур-Кутлуга, даже Чингис-хана[220]. «Летопись Кипчакской степи» Ризван-паши 1638 г. возводит крымских ханов непосредственно к Чингису[221].

Первая половина правления Менгли-Гирея отмечена целым рядом начинаний в области строительства. В предместье Бахчисарая — Салачине, вблизи Кырк-Ера, был воздвигнут первый ханский дворец, сооружавшийся до конца XVI в., с мечетями, гробницами и банями[222]. Доныне сохранились медресе 1500 г. и дюрбе (мавзолей) 1501 г. хана Хаджи-Гирея[223] и знаменитый Бахчисарайский дворец 1503 г.[224] К древнейшим фрагментам дворца относятся так называемые «железные ворота», сооруженные Алевизом Новым в 1503 г. — типично ренессансная постройка (портал с двумя пилястрами, увенчанными коринфскими капителями и полукруглым фронтоном[225]).

Широкое привлечение иностранцев различных специальностей — отличительная черта Крымского ханства начала XVI в. Хорошо известно задержание в Крыму архитекторов, набранных в Италии русскими послами[226]. Плодом их деятельности стал всемирно знаменитый Бахчисарайский дворец. Менее известно, что казной ханства некоторое время заведовал «слуга» Менгли-Гирея Августин Гарибальди, имевший родственников далеко за пределами Восточной Европы — в Испании[227]. Один из его братьев прислал в 1506 г. из Испании Авъкгуштину (Августину) «на котором завъжды (всегда. — *А. Х.*) скарбы и дела наши лежат», «лист» с приглашением «приехать до Въшпанеи». С просьбой о пропуске Августина Менгли-Гирей обратился к Сигизмунду I. Возможно, Августин — это тот самый Устин-фрязин, который в 1496 г. покинул Русь. Одновременно с Августином Гарибальди в Крыму важное положение заняли Винцент Баптиста (Бальтиста), Потестин, сын Захарии Гвизольфи, выходцы из Великого княжества Литовского (Коморник Яков) и др.[228].

---

[219] *Pulaski K.* Stosunki Polski z Tatarszyzną od. połowy XV wieku. T. I. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Acta i listy. Kraków, Warszawa, 1881, № 76. S. 290; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой орды. С. 175; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй. С. 165. Ср.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование. Т. I. С. 95, 229–230; *Григорьев А. П.* Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // УЗЛГ. № 383. Сер. востоковедч. наук. Вып. 19. Востоковедение. № 3. Л., 1977. С. 144.

[220] В XVI в. Эвлия Челеби в качестве великих называл именно этих лиц, добавляя к ним Менгли-Гирея. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 1. С. 192.

[221] *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» (Теварих- и Дешт-и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. II. М., 1969. С. 17.

[222] *Броневский М.* Описание Крыма 1578 г. / Пер. с лат. Г. Шершеневича // ЗООИД. Т. VI. 1867. С. 344.

[223] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. С. 141–142.

[224] *Гернгросс* (*Всеволодский*) *В.* Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912, апрель. С. 3–32; *Никольский Н. В.* Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1927. С. 28–47.

[225] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. С. 143. Их изображение см.: там же, табл. XXXVIII.

[226] Сб. РИО. Т. 41. № 100. С. 55; см. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980. С. 195, 244.

[227] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 26–27.

Несмотря на привлечение иностранцев и широкий размах крепостного, дворцового и государственного строительства, в иные области иностранные воздействия не проникли. Базовой оставалась культура скотоводов и, вернее, коневодов, что роднило Крымское ханство с другими ордами. Даже переводы московских писцов бакшеев[229] дают почувствовать стилистику речи скотоводов. Крымские послания изобилуют идиоматическими оборотами такого типа, как «конь потен» (что означает оказаться в стесненных обстоятельствах, когда необходима помощь или убежище). Да и пословицы, употребляемые крымцами, живо рисуют быт кочевников и скотоводов («две бараньи головы в один котел не лезут» и др.)[230].

Данных о грамотности крымцев сравнительно немного, тем не менее, весьма показательно, что ханы умели писать, и вполне сносно, как об этом свидетельствуют подписи их, их ближайших родственников (например, Бурнаш-Гирея), виднейших беев (Эминека, в частности)[231].

Современные исследователи признают, что Крымское ханство было центром высокой культуры, не только татарской, но и османской. Бахчисарайский двор — гибрид прежнего золотоордынского в Сарае и современного османского в Стамбуле — привлекал высокообразованных людей из крымских медресе, равно как и из разных частей Османской империи[232]. О появлении в Крыму последних убедительно свидетельствуют лингвистические данные крымских посланий султанам: «кипчакизированный тюркский» середины и конца XV в. в начале XVI в. сменился «кипчакизированным османским» или просто «османским». Писцы Менгли-Гирея владели арабским и персидским, Эминека — арабским[233].

Тем не менее, в Крымском ханстве традиции мусульманской золотоордынской культуры в значительной степени были растеряны, хотя и в ханстве существовало значительное количество священнослужителей. Сравнение послания одного из последних ханов Заволжской орды — Муртазы к Нурдовлату, изобилующее ссылками на «Магатметову молитву», «милосердие божие», милость «Сотворителя всей вселенной» и т. д., с крымскими посланиями явно свидетельствует в пользу того, что культура мусульманства в Большой и Заволжской орде, остатке Золотой орды, была гораздо выше, нежели в Крыму. Цветистые обороты послания Муртазы («бранный огонь любовною водою угасили», «кои потоки кровью текли, те опять... молоком протекли»[234]) — отголоски той средневековой литературы, причем литературы художественной, о бытовании которой в Крыму посольские документы не дают никакого представления.

---

[228] Там же. О деятельности Авг. де Гарибальди сохранились документальные свидетельства 1512 г. Его рукой после 19 марта 1512 г. был записан пышный титул Менгли-Гирея (РГАДА. Ф. 389. Книга записей 7. Л. 206 об.).

[229] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1911. Стб. 1446.

[230] Сб. РИО. Т. 41. № 61. С. 288. X. 1499.

[231] КСАМРТ. Р. 66, 76–77, 99.

[232] *Ostapchuk V.* The Publication of Dokuments on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue des etudes turques. T. XIX. № 65–66. 1987. P. 254.

[233] КСАМРТ. Р. 41, 64, 67, 70, 77, 88, 89, 93, 95, 97, 99, 83, 59, 80. Известно в Крыму было и «русское писмо» (Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 8).

События начала XVI в. отразились и на культурных сношениях Руси и Крыма. Отныне в Крыму возобладала идея о «неверных», о «поганые земли», которую проводил Муртаза в послании Нур-Даулету. Если идеи мусульманства о борьбе с неверными в конце XV в. отступили на второй план сравнительно с целями упрочения собственной власти Менгли-Гирея, то позднее, в конце его правления и при Мухаммед-Гирее данные идеи, проповедуемые выходцами из Большой орды, стали обоснованием политики Крымского ханства по отношению к Русскому государству.

---

[234] Сб. РИО. Т.41. № 19. С.69. X.1489.

Глава 3

Дипломатические отношения

§ 1. Борьба Руси за упрочение своего престижа в русско-крымских отношениях 70–80-х гг. XV в.

Начало русско-крымских отношений восходит ко времени, когда Московское княжество, уже превратившись в основную силу объединения Северо-Восточной Руси, еще не сумело освободиться от иноземного ига. Правда, формы зависимости в середине XV в. изменились. Даннические отношения с Большой ордой, а вероятно, и другими ордами — часто эфемерными образованиями — оставались. В. В. Трепавлов полагает, что московский государь в XV – середине XVI вв. имел промежуточный статус между ханами Чингизидами Сарая (до его разгрома), Крыма, Казани и, очевидно, Узбекской державы, с одной стороны, и ногайскими, касимовскими, возможно, астраханскими и сибирскими правителями, с другой. Пожалуй, В. В. Трепавлов напрасно объединяет в одну группу ханов Сарая, Крыма, Казани и т. д., ибо их права, как наследников Золотой орды, в XV в. не были вполне равны. Главенствовала Большая орда, выплаты в которую отмечены в летописи. На Руси в XV в. находились по-преимуществу большеордынские чиновники — даруги. Продолжим мысль В. В. Трепавлова: «...если по отношению к первой группе сюзеренов формальный вассалитет великого князя практически не оспаривался и подтверждался выплатой дани, то с "царями" и "князьями" так сказать младших ханств шла скрытая полемика о старшинстве»[1].

Положение главы Московского княжества и глав других княжеств Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси определялось словом «холопство» (о международном престиже в отношениях с Золотой ордой говорить не приходится). Даже после 1480 г. для южных, юго-восточных и восточных соседей Руси титул Ивана III оставался долгое время неизменным. Для хана Большой (Заволжской, по польско-литовской терминологии) орды и его окружения князь Иван III — это Иван Московский, разумеется, даже без упоминания титула князя, тем более великого князя, не говоря уж о государе всея Руси[2], или просто Иван, «холоп наш Иван»[3]. Таким же холопом большеордынский хан Шиг-Ахмат считал и тверского князя в бытность его главою независимого княжества. Излагая в 1501 г.

---

[1] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 56.

[2] ЛМ. Книга записей 5. С. 176.

[3] ЛМ. Книга записей 5. С. 175.

послам литовского князя Александра свои планы, он говорил о Михаиле Тверском: «Хочу на его отъчыну опять князем вчынити», этот князь «мои холоп был»[4].

Процесс дезинтеграции Золотой орды не мог остаться без последствий для отношений Московского княжества со вновь формировавшимися на ее территории государственными образованиями. Чтобы понять сущность новых отношений Крымского ханства с Московским княжеством, нужно проследить их эволюцию хотя бы с конца 60-х – начала 70-х гг. XV в.

Московское княжество завязывало связи с ведущими родами и их главами в Крымском, и, вероятно, в Казанском ханствах. Русские посольские книги сохранили данные о контактах московских князей с крымской знатью задолго до установления между ними официальных дипломатических отношений. Еще при Василии II, т. е. до 1462 г., а стало быть, и при первом крымском хане Хаджи-Гирее, умершем в 1466 г., Эминек (Именек в крымских посольских книгах) из рода Ширинов приезжал в Москву: «Коли еси был у нашего отца, — писал Иван III, — и отец наш да и мы тобе добро свое чинили». Иван III продолжил политику своего отца только тогда, когда Эминек стал пользоваться благоволением Менгли-Гирея: «А как еси почал быти на своем месте у царя в жалованье, и мы к тебе добро свое чинили»[5]. Другой Ширин — князь Агиш в 1508 г. напоминал Василию III, что его дед, великий князь Василий II, «отца моего Когуша сыном себе назвал и в казну его в свою ввел, и тое правости нам много»[6]. Стало быть, традиция сношений и этой ветви Ширинского рода восходит ко времени до 1462 г. В то же время в Москве бывал и Карач-мурза, сын Темир-хози, который также, как писал Иван III в 1484 г., «наше жалованье видел»[7]. В 1474 г. Иван III иначе оценивал свои связи с ним: «моя дружба тобе была»[8].

Однако сношения с самим крымским ханом, а не его приближенными документированы русскими материалами только с 1474 г., спустя 6 лет после того, как Менгли-Гирей занял крымский престол, свергнув с него своего старшего брата Нурдовлата[9]. За эти годы Менгли-Гирей сумел возобновить докончание с великим князем литовским и королем польским Казимиром, «в котором» был отец хана Хаджи-Гирей, по-видимому, в 1472 г., и дать Казимиру грамоту на все его земли — будущие украинские, белорусские и часть великорусских. Однако из-за молодости крымского хана, как тот объяснял впоследствии в начале XVI в., Казимир разорвал сношения с ним и вступил в союз с Ахматом. «Ино, деи, по грехом апосле Ачъж-Кгирея (Хаджи-Гирея. — *А. Х.*) Казимер король, опустивши нас малых в сиротьстве нашом, почал искати Тимир-Кутлуевых детей

---

[4] ЛМ. Книга записей 5. № 104. 97. С. 174.

[5] Сб. РИО. Т. 41. № 9. С. 36. III.1483.

[6] Там же. Т. 95. № 2. С. 39. I.1508.

[7] Там же. № 10. С. 38. 14.III.1484.

[8] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 6. III.1474.

[9] *Некрасов А. М.* Международные отношения. С. 38.

Ахъмата и сынов его Муртузу а Шигъ-Ахмата»[10]. Вероятно, именно измена Казимира побудила ширинского князя Мамака начать сношения с Иваном III. «И мы, деи, теж нашли есмо холопа и вашого и нашого московского (т. е. Ивана III. — *А. X.*) и с ним, деи, дела нашого доводили есмо и столца нашого никому з божью помочью не поступили есмо»[11]. Таким образом, Мамак рассматривал союз с московским великим князем Иваном III как возможность сохранить ханство за собой. Сам же великий князь московский не решался в 1479 г. утверждать это так категорично, как крымский хан спустя четверть века. «Бог тебя помиловал, на отца твоего месте и на твоем юрте осподарем учинил», — писал он 30 апреля 1479 г.[12]

В жизни Менгли-Гирея были годы, когда он оставался без своего «столца». «Через несколько месяцев», по свидетельству Ибн-Ризвана, после восхождения на трон, а по мнению А. М. Некрасова, — в 1475 г.[13] Менгли-Гирей его потерял и вплоть до 1478 г. находился в османском плену. Крымским ханом же в 1475–1478 гг. был его старший брат Нурдовлат (Нурдаулет в русских источниках).

В 1476 г. Большая орда дважды нападала на Крым, от чего сильно пострадал Эминек, потерявший половину своих подданных и всех лошадей[14]. На крымском престоле или в части ханства утвердился ордынский «царевич» Джанибек. Осенью 1476 г. ордынское войско откочевало на север в степь. А весной или летом 1477 г. «крымский царь» Джанибек (Зенебек) просил убежище в Москве. 5 сентября 1477 г. к нему отправилось московское посольство. Задолго до весны 1480 г. Джанибек оказался в Москве[15]. Не с этим ли эпизодом связано мнение Менгли-Гирея о помощи ему Ивана III в сохранении «столца»? В Москве же нашли приют и его братья — старший Нурдовлат и младший Айдар (Хайдар). Когда в 1478 г. Менгли-Гирей уже был поставлен султаном на крымский престол, они бежали в Литовское княжество, откуда Иван III в 1479 г. и пригласил их в Москву. Айдар пробыл здесь около года[16].

Возможно, в начале 70-х гг. в установлении сношений с Крымом участвовали не государственные «чиновники», но частные лица. Еще до 1474 г. ширинский князь с кафинцем Исупом (Юсуфом), шурином Хози-Кокоса, прислал грамоту великому князю. Первым московским посланцем, известным по имени, был некий Иванча Белый. Его «паробок» поехал в Крым после окончательного занятия Менгли-Гиреем отчего престола[17]. Вслед за ним в Кафу был направлен и сам толмач Иванча. На обратном пути он привез с собою Ази-Бабу (Хаджи-бабу), снабженного верющим ярлыком крымского хана с предложением «братства и дружбы».

---

[10] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 27–28.

[11] Там же. С. 26.

[12] Сб. РИО. Т. 41. № 4. С. 5. 30.IV.1479.

[13] *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 41, 43.

[14] КСАМРТ. Р. 62, 65. Подробнее см.: *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 46–47.

[15] Сб. РИО. Т. 41. С. 13–14. Ср.: *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 47–48.

[16] Сб. РИО. Т. 41. С. 15: *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 51.

[17] Сб. РИО. Т. 41. № 4. С. 15. 15.IV.1479.

Дата начала дипломатических переговоров знаменательна: до потери независимости генуэзской колонии в Крыму оставались считанные месяцы. Вероятно, дальнозоркие представители интернационального купечества, концентрировавшегося в Кафе, чувствуя приближающуюся опасность, в поисках союзника обратили свои взоры на север.

Был ли случайным выбор союзника Менгли-Гиреем в 70-е гг.? Крымский хан не имел другого выбора, ибо союз хана Большой Орды и Казимира угрожал не только Руси, но и Крымскому ханству. Казимир, по-видимому, всерьез обратился к услугам Ахмата, он только что пренебрег интересами части феодалов Новгорода, настроенных сепаратистски, которая стремилась к союзу с ним и охотно шла на потерю ряда прерогатив суверенного государства ради сохранения своих привилегий. Победа на Шелони не могла не вызвать отклика во всех государствах Восточной Европы. Посредник в русско-крымских переговорах Хозя-Кокос, судя по имени, принадлежал либо к армянам, либо к караимам, образовывавшим в средневековом Крыму весьма заметную прослойку. Хорошее знакомство с ним великого князя послужило гарантией для возможности установления отношений и с покровительствуемым Хозей-Кокосом крымским мурзой. Во всяком случае, так представлял дело Иван III, сообщая кафинцу, что отправил послом Никиту Ивановича Беклемишева[18) «...поверя Ази-бабиным речем, цареву ярлыку, а болшое веря твоим грамотам».

В середине XV в. складывались и формы, в которые облекались русско-крымские связи. Складывались по уже готовым образцам дипломатического протокола отношений Московского княжества с Золотой ордой, осуществлявшей верховную власть над всеми русскими княжествами. Этот тип отношений русские летописи с конца XIV в. определяли как «жалование». После похода Тохтамыша на Москву в 1382 г. он прислал своих послов «о мире и с жалованьем»[19). «Жалованием», вероятно, именовались и те ярлыки на княжение, которые получали русские князья, ибо именно «жалование» — это та форма, в которую облекалась воля сюзерена по отношению к его вассалу. Полярно противоположной по значению являлась «казнь». Сопряженность этих двух понятий приобрела афористичную форму в устах Ивана Грозного: «а пожаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»[20).

Первоначально на Руси обращение крымского хана к московскому князю воспринимали если не как милостыню, то как благодеяние. Дипломаты Ивана III неоднократно подчеркивали, что от крымского хана исходит «жалование». По их словам, Менгли-Гирей хочет «жаловати, в братстве и в любви и в дружбе держати, по тому как... с королем в братстве», он «приказал... свое жалование и ярлык прислал»; Иван III

[18) Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 8.

[19) ПСРЛ. Т. 25. М.—Л., 1949. С. 210.

[20) Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1950. С. 127.

заявлял: «ярлыком ми докончальным хочешь жаловати»[21]. Во всех этих выражениях и дипломаты, и сам великий князь употребляли слова «ярлык» и «жалование», подчеркивая тем самым, что речь идет об обращении нижестоящего к вышестоящему. Стоит вспомнить о жалованных грамотах, выдававшихся сюзереном своим подданным[22], чтобы понять оттенок неравноправности во всех вышеприведенных терминах. Между тем в практику входила терминология, уже несколько отличавшаяся от прежней. «Докончальный ярлык» — это не просто результат акта пожалования, но акта согласованных действий двух глав государств. Итак, в начале 70-х гг. XV в. терминология русско-крымских дипломатических отношений приобрела отличия от стандартной русско-ордынской.

Второе выражение — «вольный человек» — в устах Ивана III и его дипломатов применительно к крымскому хану еще более определенно, нежели первые два, оно обозначало подчиненное положение будущего государя всея Руси по отношению к крымскому хану. Р. Кроски, основываясь на записи инструкции Т. И. Скрябе от 26 апреля 1481 г.[23], отметил употребление этого выражения по отношению к послу Ивана III, как признание его знатности и высокого дипломатического ранга. Однако, видимо, данное мнение ошибочно, так как оно относится не к русскому послу, но к крымскому хану. Впервые это словосочетание в дипломатической переписке Ивана III появляется перед 1475 г., т. е. незадолго до потери Крымским ханством самостоятельности, в формуле салютацио: «Князь велики послал видети твое здоровье, волного человека»[24]. Несмотря на подчинение ханства Османскому султанату в 1475 г., московская сторона и позднее не отказалась от употребления этой формулы. В документе от 16 апреля 1480 г., т. е. того самого года «стояния на Угре», которым обычно датируется освобождение Руси от пут иностранного ига, снова читаем эту формулу[25].

Что же скрывалось за ней не только в 70–80-е гг. XV в., но и применительно ко всему средневековью? «Вольный человек» — лицо, облеченное властью жаловать своих подданных[26]. Передавая Бежецкий Верх галицкому князю Юрию Васильевичу согласно докончанию 1433 г., великий князь московский Василий II писал: «А у кого будут в Бежиском Версе грамоты жаловалные отца моего, великого князя, или мои, у бояр, или на слободы, или у иного у кого, и в тех грамотах волен ты, брат мои, князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочешь жаловати»[27]. Вероятно, тот же смысл вкладывали в это слово и новгородцы. В 1397 г. они отправили в Москву своих послов, которые «били челом» великому князю. Глава посольства владыка Иоанн просил Василия II, чтобы тот «от Новагорода от своих мужии от волных нелюбье бы отложил»[28]. Далее шли просьбы о возвращении земель, отнятых Василием II, которыми новгородцы в качестве «вольных людей» владели ранее. Этот же термин по отношению к Новгороду зафиксирован в проекте его докончания с великим князем литовским и королем польским Казимиром в 1471 г.[29]

---

[21] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 1.

[22] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.

[23] Сб. РИО. Т. 41. № 6. С. 25; *Croskey R. V.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N.Y.—London, 1987. P. 120.

[24] Сб. РИО. Т. 41. С. 10.

[25] Там же. № 5. С. 17.

[26] Такого значения И. И. Срезневский не знает (*Срезневский И. И.* Т. I. Стб. 297–298). Близкое к предложенному выше толкованию дают Г. Я. Романова («обладающий властью, правом поступать по собственной воле». Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 17), и В. И. Даль («независимый, свободный, самостоятельный, властный». Даль. Т. I. С. 239).

[27] ДДГ. № 30. С. 79.

В 70–80-х гг. XV в. термин «вольный человек» для «русаков» (русских) применительно к русско-крымским отношениям имел совершенно особый смысл. Не исключено, что анализируемое выражение — калька старинного и даже древнего титула монгольского происхождения, перешедшего к тюркам. Специалисты возводят его к имени собственному VII в. Позднее «дархан — тархан — вольный человек» вошел в «титулатуру» буддийского божества (Махакала Дархан Гуджир Тенгри)[30]. В XIII в. в словаре Махмуда Кашгарского оно обозначало «князь», равно как и у Абул-гази Бахадур-хана[31]. В формировании терминов интитуляции русских посланий, вероятно, некоторое значение имела и практика оформления крымских тарханных грамот, где перед интитуляцией стояло слово «азад» — вольный[32].

Русское словосочетание «волный человек» включало в себя не только и не столько независимость от кого бы то ни было, но и право — «волю» предоставлять княжение на Руси тому или иному претенденту. Еще памятны были события 1432 г., когда Иван Дмитриевич Всеволожский, защищая интересы Василия II против его дяди Юрия Васильевича, говорил в Орде, будто последний «хочет взяти великое княжение... не по твоему жалованию волного царя, а ты волен в своем улусе, кого восхочешь, жаловати по своей воле». Относительно же Василия II Васильевича он заявлял, что тот «которои год седит на своем столе, а на твоем жаловании, тебе, своему осподарю, волному царю, правяся»[33].

Естественно, в Москве крайне болезненно воспринимали употребление этого термина по отношению к крымскому хану. Обращение к нему как к «вольному человеку» было в ходу с 1480 г., вплоть до 23 октября 1487 г.[34]

---

[28] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 390.

[29] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. № 77. С. 130. 1471.

[30] *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953. С. 303–304.

[31] Родословное древо тюрков. Сочинение Абул-гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906. С. 50.

[32] В ярлыке золотоордынского хана Темир-Кутлуга 1397 г. и крымско-ханских ярлыках перед словом «тархан» стоит персидское слово «азад», за которым следует арабско-персидское выражение «муафнаме» — «простительная, освободительная грамота» (*Шапшал С. М.* Указ. соч. С. 314).

[33] ПСРЛ. Т. 27. М.—Л., 1962. С. 103.

[34] Сб. РИО. Т. 41. № 6, 8, 9, 12, 14. С. 25, 32, 35, 44, 52. 21.IV.1481; 4.V.1482; 19.V.1483; 31.VII.1485; 8–9.VI.1486. Последний раз — 23 апреля 1487 г. Там же. № 19. С. 62.

Поскольку в дипломатических посланиях в Крым формула «вольный человек» возродилась в 1480 г., уместно поставить вопрос, почему это произошло. Думается, еще действовала инерция сознания политической неполноправности, унаследованная со времен зависимости княжеств Северо-Восточной Руси от Золотой орды. Возобновлению ее употребления в 1480 г. могло содействовать и появление в Москве осенью 1479 г. двух крымских царевичей Нурдовлата и Гайдера. Поскольку их путь сюда лежал не прямо из Крыма, а через Великое княжество Литовское — по русским летописям «ис Поля»[35], они и могли принести с собой знакомство с литовской дипломатической практикой. Наконец, даже стояние на Угре формально не отменило даннических отношений с Большой ордой, и заинтересованность великого князя всея Руси в продолжении союза могла сыграть свою, пусть и не очень большую роль.

После апреля 1487 г. в русских посольских документах нет ни термина «вольный человек», ни односторонней формулы салютацио. В 1487 г. крымские послы «сказали (сообщили о... — *А. Х.*) нам твое здоровье. И мы, слышев твое здоровье, тому есмя ради»[36]. По-видимому, присоединение Твери, которое может рассматриваться как второй этап объединения русских земель Северо-Востока (первый — ликвидация самостоятельности Новгорода), и окончательное утверждение титула «государя всея Руси» за Иваном III, освободившимся от иноземного ига, послужило предпосылкой отказа от формулы, утверждавшей неравноправие партнеров. Государь всея Руси не мог допустить никакого умаления собственной чести и возвышения чести своего партнера. Для него мысль о вольности хана, а соответственно, и собственной «невольности» была непереносима.

Непосредственным же толчком к отказу от применения в дипломатической практике этого термина, на наш взгляд, послужило взятие Казани, которое на Руси рассматривалось не просто как успех, но как триумф внешней политики Русского государства[37]. «В 1487 г., с водворением на казанском столе Мухаммед-Эмина и превращением ханства в протекторат, Иван III смог уже формально, а не только фактически повысить свой государственный статус. Выплата дани в Казань была прекращена; московский государь добавил в титул формулу "царь болгарский", в переписке казанский хан Чингизид стал называться "братом" его, т. е. равновеликим монархом»[38]. Весьма показательно, что этот титул возник именно в 1487 г. В. В. Трепавлов делает естественный вывод:

---

[35] ПСРЛ. Т. 27. С. 281.

[36] Сб. РИО. Т. 41. № 16, 20, 77. 4.III.1487. В 1490 г. В. В. Ромодановский должен был сказать хану: «Князь велики велел видети твое здоровье». Там же. № 27. С. 98. 28.X.1490.

[37] См. подробнее: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конце XV – начала XVII вв. М., 1980.

[38] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи. С. 56; *Он же.* Восточные элементы российской государственности: к постановке проблемы // Россия и Восток: проблемы взаимопонимания. М., 1993. С. 47. К сожалению, этот факт остался не отмеченным нами в 1997 г. (*Хорошкевич А. Л.* Герб).

«Царский титул Ивана III нельзя однозначно расценивать как перехват самодержавной эстафеты от Византии, как выдвижение претензий на главенство над христианским миром»[39]. Вместе с тем нельзя упускать из виду того факта, что в сношениях с ливонскими городами термин «кайзер», соответствовавший «царю», употреблялся уже в конце 80-х гг. XV в.[40] Таким образом, повышение государственного статуса главы Руси происходило одновременно в сношениях с южными и западными — европейскими и восточными — странами. В отказе от употребления формулы «вольный человек» или «вольный царь» в отношениях с крымским ханом не исключено и личное участие татарского писца Абляза-бакшея, деятельности которого в формировании и в изменении характера ведения самой дипломатической документации М. Н. Бережков придавал огромное значение[41].

В литовской же практике обращения к крымскому хану словосочетание «царь вольный» сохранилось и позднее. Даже в ноябре 1500 г. Александр обращается к Менгли-Гирею: «господине царю, царь вольный». Блистательное прошлое Крымского ханства и государств, предшествовавших ему, под (т. е. во времена. — *А. Х.*) «первыми царями», по мнению Александра, характеризовалось тем, что «тогды вольными цари слыли и многие земли и государьства им ся кланивали, пошлины и выходы их им давали»[42]. Сами крымцы, судя по имеющимся переводам их посланий, крайне редко употребляли это словосочетание по отношению к литовским князьям и польским королям. В 1501 г. в качестве «вольного человека» фигурирует Александр[43]. Средний сын Менгли-Гирея Ахмет-салтан в 1507 г. писал Сигизмунду I: «Вольному человеку Жикгимонту королю, отцу моему, его милости»[44].

Крымцы при обращении к Ивану III или его сыну Василию III, князьям владимирским и московским, государям всея Руси подобного словосочетания практически никогда не употребляли. Исключение составляет ревностный сторонник Руси князь Аппак, занимавший, несмотря на свое не очень знатное происхождение, высокое место при ханском дворе[45]. В 1516 г. он осмелился так обратиться к Василию III: «Тебе, государю, волному своему человеку, челом бью»[46]. Правда, здесь стандартное словосочетание дополнено притяжательным местоимением «свой», которое снижает уровень самого этого определения — «свой»=«мой», а не «всеобщий». Однако крымского хана, в особенности Мухаммед-Гирея, его приближенные часто называли «вольным человеком», идя, по-видимому, навстречу спесивому ханскому нраву. Так, в 1516 г. царица Нурум-салтан, жена Мухаммед-Гирея, Богатырь-салтан и Алп-Гирей-салтан именовали хана «вольным человеком». Инскрипцио в грамоте Богатыря-салтана звучало так: «Вольного человека, отца нашего любовному брату великого князя величеству»[47]. Показательно, однако, что если Мухаммед-Гирей — «вольный человек», то в титулатуре Василия III появился термин «величество»... Для ногайского мурзы Шигима в 1516 г. Мухаммед-Гирей тоже был «вольным человеком»[48].

---

[39] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи. С. 57.

[40] *Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 224–226; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 102, 104.

[41] *Бережков М. Н.* Древнейшая книга. С. 41–42.

[42] АЗР. Т. I. № 183. С. 210. 27.XI.1500.

[43] Сб. РИО. Т. 41. С. 369. 1501 г.

[44] РГАДА. Ф. 389. Книга записей 7. Л. 29.

[45] О нем см. подробнее: *Сыроечковский В. В.* Мухаммед-Герай и его вассалы.

[46] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 295. IV.1516.

Еще один компонент дипломатического этикета, а соответственно и формулы грамот был выдержан в уничижительном стиле. Это элемент «салютацио», который звучал: «князь великий Иван челом бьет»[49]. Термин «челобитье» имел очень большое количество значений: приветствие, поклон, жалоба, дароприношение, прошение, заявление, и т. д.[50] Одним из наиболее ранних был поклон — приветствие с принесением даров, в связи с чем Ю. М. Бардах считает челобитье повинностью поданных[51]. Польский исследователь строго разграничивает «поклон», с которым обращались к местным властям, и «челобитье», адресованное господарю Великого княжества Литовского. Сам литовский князь обращался к крымскому хану лишь с поклоном («велел поклониться»)[52].

Существует точка зрения, согласно которой факт появления термина «челобитье» связан с установлением иноземного господства на Руси. Ее высказал еще в 20-е гг. XIX в. А. Ф. Рихтер: «Цари (так назывались на Руси ханы. — *А. Х.*), следуя азиатским обыкновениям, заставляли послов повергаться перед троном на землю, от чего произошло и ныне еще употребляемое выражение челом бить, говорить речи, стоя на коленях»[53].

---

[47] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 306–308. Цитату см.: С. 306.

[48] Там же. С. 295. IV.1516.

[49] Сб. РИО. Т. 41. № 1–2. С. 1, 9. 1474. 23.III.1475.

[50] По И. И. Срезневскому, челобитье — это поклон, приветствие, просьба. Для словосочетания *челом бить*, *ударить* и пр. он указывает больше значений: жаловаться, принести в дар и т. д. (*Срезневский И. И.* Указ. соч. Т. III. Стб. 1488–1490). И. А. Голубцов «челобитие» расценивает то как «прошение» «в службу с вотчиной» (АСЭИ. Т. I. М.—Л., 1952. С. 760), то как прошение, заявление (Там же. Т. III. С. 649). Одним из наиболее хронологически ранних значений этого термина в юридических памятниках было жалоба (АСЭИ. Т. I. № 5, 6, 7, 229, 248, 291а, 373, 472), вторым — просьба: о приеме на службу, о наделении землей (ДДГ. № 39. С. 118, 1442 г.; АСЭИ. Т. III. М.—Л., 1964. № 37, 45, 272 и др.). Термин «бить челом» употреблялся и для обозначения и признания вины (Данила Дмитриевич Холмский «повинился» Ивану III в 1474 г. (АСЭИ. Т. III. № 18. С. 14; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 31, 112)), и доклада (см. докладную купчую 1464–82 (АСЭИ. Т. III. № 365. С. 387)), и передачи (данная в форме челобитной 1407–17 гг. (АСЭИ. Т. III. № 483. С. 267)).

[51] *Bardach J.* Studia z dziejów i ustroju Wielkiego księstwa Litewskiego. Warszawa, 1970. S. 386–387.

[52] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 // Сборник князя Оболенского. № 1. М., 1838. С. 30.

[53] *Рихтер А. Ф.* Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. Ч. XVII. СПб., 1822. С. 252–253. Это мнение разделяет и исследователь челобитных С. С. Волков. См.: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Л., 1974. С. 36.

Филологи полагают, что само выражение — калька тюркского (находят полное соответствие в бухарских и хивинских челобитных XVII в., сохранившихся на языке подлинника)[54].

В доказательство справедливости указанного мнения можно привести два факта: сравнительно позднее появление данного фразеологизма (первые его упоминания относятся к позднему XIV в.) и географическая ограниченность ареала его распространения. Он известен лишь в пределах Руси, как со временем вошедшей в состав Русского государства, так и находившейся длительное время в границах Великого княжества Литовского. В последнем оно широко употреблялось в составе договора — «ряда» западно-русских, будущих белорусских городов с князьями: «А чоломъбитье нам (великим князьям. — *А. Х.*) в полочан (или витьблян. — *А. Х.*) приимати»[55]. Исследователь уставных грамот Я. Якубовский относит статьи договора к концу XIV в.[56]

В дипломатической практике внутрирусских отношений термин «челобитье» встречается в Новгородской первой летописи младшего извода в тексте 1375 г., когда наместник великого князя[57], посадник и тысяцкий обратились с челобитьем к владыке Алексею о возвращении «на свой архиепископьскый степень»[58]. В 1380 г. новгородцы таким же образом просили Алексея о посольстве в Москву[59]. Обращение в 1398 г. двинян с просьбой к новгородцам о прощении за переход на сторону московского князя характеризуется как «челобитье»[60], равно как и обращение неких Герасима и Родивона, видимо, тоже сторонников московского князя, связанных с Заволочьем[61]. Наконец, с 1393 г. термин «челобитье» появляется в этой же летописи для характеристики отношений Новгорода с великим князем во время распри из-за Торжка, Волока Ламского и Устюга — в 1393 и 1397 гг.[62]

Из приведенных данных можно заключить, что челобитье выражает некоторую неполноправность нижестоящего к вышестоящему лицу. Но повторим вопрос М. А. Усманова: «Разве была Москва этого периода политически зависима от Крымского ханства, возникшего лишь в 40-х гг. XV в., а в 70-х гг. того же столетия ставшего своеобразным вассалом Турции?»[63]. М. А. Усманов склонен видеть в употреблении термина «челобитье» результат сложного дипломатического маневра Руси только на том основании, что в 1474 г. (как и в 1480, и 1516 гг.) она сама предлагала проект шертной грамоты. Признание рангового превосходства крымского хана, равно как и золотоордынского, сделано было для противопоставления Менгли-Гирея хану Большой Орды Ахмату. Первый в результате стал союзником Руси против Орды и ВКЛ. «...применяя оборот “челом бьет”, — продолжает М. А. Усманов, — великий князь... приобретал тройную выгоду — подрывал союз Литвы и Крыма, подливал масла в огонь крымско-ордынской вражды, уменьшал опасность экспансии со стороны Крыма»[64].

---

[54] *Кулмаматов Д. С.* Старые русские переводы хивинских и бухарских челобитных XVII в. как лингвистический источник. М., 1983, АКД. С. 8–9. Благодарю И. Г. Добродомова, указавшего мне на эту работу.

[55] Полоцкие грамоты XII – начала XVI вв. [Вып.] III. М., 1980. С. 91.

[56] *Якубовский Я.* Земские привилегии Великого княжества Литовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. VI. С. 272.

[57] До 1375 г. в том же значении употреблен термин «поклон». НПЛ. С. 56, 57, 89, 90, 100, 191, 254, 258, 321, 324, 328, 334, 362.

[58] Там же. С. 373.

[59] Там же. С. 376.

[60] Там же. С. 392.

[61] Там же. С. 393.

[62] Там же. С. 386, 390.

[63] *Усманов М. А.* Жалованные акты. С. 199.

Вернемся, однако, к событиям 1474–1475 гг. В дипломатической практике сношений с Крымом этих лет отчетливо прослеживаются остатки неизжитых традиций сношений с Ордами. На сочетание терминов «бить челом» и «жаловать» уже обратил внимание С. М. Соловьев, описывая посольство Н. И. Беклемишева[65]. Последний должен был сказать Менгли-Гирею: «Князь великий Иван челом бьет: посол... твои Ази-баба говорил мне... что хочешь меня жаловати, в братстве и в дружбе и в любви держать»[66]. Три выражения: «жалование» (применительно к действиям крымского хана), «челом бьет» (по отношению к великому князю московскому) и «вольный человек» (в формуле салютацио грамот, направленных Менгли-Гирею) свидетельствуют, на наш взгляд, о некоторых элементах неравноправия в восприятии великим князем московским русско-крымских отношений (подчеркиваем, именно восприятии, ибо на самом деле они были весьма далеки от неравноправия). Ази-баба приехал в Москву на следующий год после заключения великим князем московским брачного союза с Софьей-Палеолог, представительницей византийского императорского дома, оказавшегося жертвой Османской империи, главы которой страшился и крымский хан. Это обстоятельство так же, видимо, склоняло крымского хана к союзу с московским князем. Тем не менее первоначально Ази-баба появился в Москве не с докончальным ярлыком, а лишь с верительной грамотой, что, впрочем, не помешало ему принести присягу великому князю московскому[67].

О характере присяжной грамоты Ази-бабы можно судить по более поздним образцам подобного рода документов. Так, Тювикель в конце 1506 г. присягал от имени крымского хана[68]. Присяжная начинается с обозначения лица, от которого она дается (адресанта). В интитуляцио указано лишь, что он «влан» (улан), присяга же дается «государя моего царя Менъдли — Кгиреевою душою». Впрочем, обозначения частей формуляра в известной мере условны, так как трудно полностью отождествить присягающего с «адресантом». В присяге Тювикеля нет обычных для русских пересказов присяги выражений «пить роту», отражающих древний обычай подтверждения клятвы[69]. Вместо этого Тювикель ссылается «на вышънего бога и тот святый куран». Последняя ссылка, видимо, явилась мусульманским нововведением в христианских государствах. Во всяком случае, в миниатюрах лицевого свода, на которых изображено принесение присяги, как правило, нет корана, всегда стоит чаша, а возле нее неопознанный предмет, который А. В. Арциховский трактовал как кусок земли с дерном или груду земли[70] Далее в присяжной грамоте следует диспозицио, состоящее из краткого пересказа договорной грамоты с ее собственным начальным протоколом и диспозиционной частью. Конечный протокол договорной в пересказе опущен.

---

[64] *Усманов М. А.* Жалованные акты. С. 201.

[65] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III. Т. V. М., 1960. С. 83.

[66] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 1.

[67] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 7–8. III.1474.

[68] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 22, 29–30.

Присяжная грамота содержит изложение второй части присяги — обещания от имени крымского хана принести присягу перед послами и «держать ее до смерти»: «...я, Тювикель-влан присегаю, што ж государь мои царь Менгли-Кгиреи мает тую мою присягу брату своему королю и великому князю Жигкгимонту до смерти держати, перед его милости послы сам своею душею тую присягу ему подтвердить и без лести и без хитрости полнити его милости панъством его, Коруне и Великому князству». Завершается присяжная санкцио: «К естли справедъливе присягаю, Боже помози, а естли несправедъливе, Боже с нас выменит[71] на душы и на теле». Такого же рода грамоту должен был дать и Ази-баба в свой приезд в Москву в 1474 г. Как записано в московском своде 1493 г., Ази-баба приехал к великому князю «о докончании с любовью и з братством». Беклемишев отправился в Крым также с теми же «чувствами», он уже «взял» «докончание» с крымским ханом, «братство и любовь»[72].

Чтобы понять, что именно скрывалось за терминами, в наше время выражающими чувства, а в конце XV в. служившими для обозначения различных типов международных отношений, обратимся к самому тексту докончания.

§ 2. Крымско-русский союз 70–80-х гг. и его значение

В статье, посвященной характеристике шертных грамот МГАМИД, Ф. Ф. Лашков довольно точно определил смысл данных документов. Он назвал четыре типа обязательств, принимаемых крымской стороной по отношению к Московскому княжеству: дружбы, прекращения враждебных действий и дальнейшего сохранения мира, возвращения пленных и, наконец, свободного пропуска послов, гонцов и торговых людей без пошлин и без задержания[73]. Отличия более поздних грамот от первой основополагающей грамоты 1474 г. очень заметны. К русским послам добавились гонцы и торговые люди, о которых первая грамота умалчивала.

---

[69] *Иомудский Н. Н.* Присяга у закаспийских туркмен // Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 220.

[70] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1947. С. 128.

[71] Текст плохо читается. М. Оболенский прочитал в данном случае: «Бо Вышний забий» (Сборник князя Оболенского. №1. СПб., 1838. С. 30).

[72] ПСРЛ. Т. 27. С. 279.

Поскольку в поле зрения Ф. Ф. Лашкова находились более поздние грамоты XVI–XVII вв., он справедливо отмечает в них элемент шаблонности, действительно присутствующий в данных документах. Впрочем, в шаблоне крымских грамот, пишет он, «нельзя не видеть исторического смысла, мотивов, выработанных предшествующим ходом обстоятельств и исторической необходимостью их»[74]. Ранних грамот и их истории Ф. Ф. Лашков не касается, поэтому им осталось неотмеченным принципиальное новаторство этих грамот, практически разрыв с традициями предшествующих русско-ордынских отношений. Хронологическими рамками исследования определяется и круг тех причин, которые вызывали пересоставление грамот. Он считает их результатом торга Москвы и Крыма после конфликтных ситуаций в результате неуплаты запрашиваемых поминков и дополнительных платежей.

Было бы неверным полагать, что московско-крымский союз 1474 г. — самый первый договор, заключенный московскими князьями с руководителями и главами Орд. Ему предшествовал договор Дмитрия Ивановича Донского с беглярбеком Мамаем, именуемый в русских летописях «докончанием»[75]. Последние же, как известно, заключались суверенными государствами или, вернее, их главами (что, впрочем, не исключает некоторых оттенков неравноправия договаривающихся сторон). В 1380 г. Дмитрий Иванович, «не хотя кровопролития, и хоте ему (Мамаю. — *А. Х.*) выход дати по христианской силе и по своему докончанию, как с ним докончал, он же не восхоте»[76].

Однако докончание Дмитрия Ивановича с Мамаем отличалось от московско-крымского союза двумя обстоятельствами: во-первых, Дмитрию Ивановичу даже при частой смене ордынских ханов удалось заключить союз лишь с беглярбеком, а не самим ханом. Уже Тохтамыш круто повернул московско-ордынские отношения вспять, прислав своих послов «о мире и о жаловании», т. е. выдав Дмитрию Ивановичу ярлык на княжение. Во-вторых, докончание с Мамаем лишь регулировало размеры «выхода» в Орду, не уничтожая его совсем, хотя и низводило до более низкого уровня, в особенности сравнительно со временами Джанибека. Московско-крымский же союз 1474 г. исходил из финансового равенства партнеров. В этом коренное отличие двух рассматриваемых докончаний.

Были и хронологически, и типологически более близкие аналогии договора 1474 г. В 1516 г. Асан-мурза, сын ординскаго бея (князя) Темира, брат царицы Нур-салтан, писал Василию III: «Отца вашего Темира князя твой отец Иван князь отцем себе его назвал, и роту и правду межи себя учинили»[77]. Асан-мурза в своем послании не сообщил более точных данных о времени заключения «правды», но можно предполагать, что это произошло до 1474 г., ибо в крымских посольских книгах Нур-салтан постоянно именуется «Темиревой дочерью». Впрочем, здесь аналогия не полная — докончание и на сей раз было заключено с князем, пусть даже влиятельным, но не главой Орды или ханства. Имеются основания полагать, что договор Ивана III с Менгли-Гиреем — это первый русско-крымский договор. В литературе неоднократно подчеркивалась роль Хози-Кокоса как посредника в переговорах крымского хана с Иваном III. Меньшее внимание уделялось содержанию договорной грамоты, поэтому ее стоит рассмотреть подробнее.

---

[73] *Лашков Ф. Ф.* Крымские шертные грамоты XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве МИД // Труды XIII Археологического съезда в Москве. 1890. Т. II. М., 1895. С. 191–208.

[74] Там же. С. 196.

[75] Основное значение этого термина — договор, соглашение, Сл. РЯ XI–XVII вв. М., 1977, Вып. 4. С. 292.

[76] ПСРЛ. Т. 23. С. 145; Т. 25. С. 202; Т. 27. С. 73; Ф. 28. С. 81.

Условия будущего договора были изложены крымским послом Азибабой (Хаджи-бабой). Прежде всего хан признавал великого князя «братом себе и другом», обещал его «жаловати, в братстве и в дружбе и в любви держати, по тому как... с королем в братстве, а другу другом быти, а недругу недругом». Хан соглашался на отмену даражских пошлин и пошлин с посла, который получал право непосредственно проходить к хану[78].

В ответ Иван III направил в Крым Никиту Ивановича Беклемишева, снабдив его тремя проектами (списками) договорной грамоты. Они отличались формулировкой диспозиции: в первом и третьем проектах использовалась формула: «взяли есмя любовь и братство и вечный мир от детей и на внучат», во втором — ей предшествовали слова «пожаловал есмь», которые точно соответствовали крымскому предложению, где употреблен термин «жаловати». Третий проект конкретизировал обещание быть «заодин»; в нем единственном точно по имени и титулу были названы враги хана и великого князя. Первым в качестве врага крымского хана был упомянут большеордынский хан Ахмат: «А на моего (т. е. хана. — *А. Х.*) недруга на Ахмата царя быти ти со мною заодин: коли пойдет на меня царь Ахмат, и мне к тебе весть послати, и тобе, моему брату великому князю Ивану, отпустити царевичей своих на Орду». Затем речь шла о том же Ахмате, но уже как о враге великого князя. В этом случае Менгли-Гирей должен был выступить против Ахмата сам или «брата своего отпустити со своими людьми». Иной была формулировка обязательств крымского хана в связи с отношениями великого князя с польским королем: в случае похода Ивана III или нападения короля хан обещал выступить «на его землю».

Инициаторами военных действий в третьем русском проекте предусматривались большеордынский хан Ахмат, сам Иван III, король польский и великий князь литовский Казимир. Менгли-Гирею отводилась лишь роль пособника и союзника, который должен был участвовать в военных действиях против Ахмата сам, или, на худой конец, отправить брата. Иван III обещал предоставить помощь царевичей, видимо, касимовских. На Казимира — вне зависимости от инициатора военных действий — хан тоже должен был выступить сам, притом двинуться «на его землю». Таким образом, цели внешней политики Ивана III и активность его внешнеполитических устремлений выражены достаточно ясно.

---

[77] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 312.

[78] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 1–2.

Во втором проекте имелась статья, отсутствовавшая в первом и третьем проектах — о поминках. «А поминки ко мне, к Менли-Гирею царю, тобе, великому князю Ивану, слати. А поминков ти моих не умаливати». Таким образом, во втором проекте договора имелись статьи, унижавшие достоинство великого князя и возлагавшие на него определенные финансовые обязательства.

Заключение договора сопровождалось сложной дипломатической борьбой. Беклемишеву вменялось добиваться того, чтобы в договорную грамоту не было внесено упоминание о «пожаловании» («Я, Менгли-Гирей, царь пожаловал, заключил с своим братом»). Предполагаемым пунктом разногласий мог стать и вопрос о поминках. Окончательный текст договора можно восстановить лишь на основании нового русского проекта шертной грамоты, отправленного в Крым 23 марта 1475 г. с Алексеем Ивановичем Старковым[79]. Видимо, проект 1475 г. составили с учетом докончания крымской шертной грамоты 1474 г. Диспозитивная часть открывается формулой «Менли-Гиреево слово»; заключение договора выглядит как пожалование хана. Из этого можно заключить, что договор 1474 г. был наиболее близок ко второму русскому проекту того же года.

Поскольку на переговорах с Ази-бабой, равно как и в ярлыке Менгли-Гирея, присланном с послом, прозвучало сравнение русско-крымского союза с крымско-литовско-польским, целесообразно анализировать их параллельно. Это необходимо, чтобы понять истинное место и значение русско-крымского договора для развития международных отношений конца XV в.[80]

Сохранность крымско-литовских договоров очень плохая. Первое полностью дошедшее до нашего времени докончание — это грамота 1506 г.; русско-крымские договоры или их проекты известны с 1474 г. И тем не менее, несмотря на довольно значительный хронологический промежуток, считаем возможным сопоставить эти документы. В первую очередь потому, что русско-крымские грамоты имели неизменявшийся в главном формуляр. О давности традиций, положенных в основу докончания 1474 г., говорится в самом этом документе.

Итак, рассмотрим русские проекты докончаний с Крымом 1474 и 1475 гг.[81] и крымско-литовский июля 1506 г.[82] Обратимся к их самоназванию. Во всех документах оно восходит к тюркской терминологии.

---

[79] Там же. № 2. С. 11–12; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 89. Выбор А. И. Старкова, служившего кн. Юрию Васильевичу Дмитровскому, унаследовавшего от отца двор в Кремле, в качестве посла не случаен. Правнук выходца из Орды Андрея Серкиза (конец XIV в.), он, вероятно, еще владел языком прадеда (*Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 243).

[80] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. Т. V.

[81] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 4–6; № 2. С. 11–12.

[82] АЗР. Т. II. № 6. С. 4–5.

В конечном протоколе всех трех русских проектов договора 1474 г. читаем: «Тобе, брату своему, великому князю Ивану, молвя крепкое слово, шерть есми дал, жити нам с тобою по сему ярлыку». В русском проекте противня 1475 г. записано: «По своей правде молвя, и с нишаном ярлык послал есми». В диспозитивной части докончания Менгли-Гирея с Сигизмундом I «ярлыком» назван не только сам документ, но и все ему предшествовавшие аналогичные акты. Термину «ярлык» с русской стороны соответствовал термин «правда», употребленный в 1475 г.[83], а с литовской — старобелорусский термин «запись»[84], который очень широко употреблялся в Литовском княжестве для обозначения самых разных актовых и делопроизводственных документов. Позднее крымские противни русско-крымских грамот стали называть «шертными», что Ф. Ф. Лашков предлагал переводить как «клятвенные»[85]. Таким образом, в ходе русско-крымских отношений утвердилось крымское наименование договоров.

Все три русских проекта договора 1474 г. открываются богословием (инвокацио) — «Вышнего Бога волею». В литературе высказано предложение относить данный элемент формуляра не к начальному протоколу, а к основной диспозитивной части документа, и, соответственно, не рассматривать его как «богословие»[86]. Тем не менее считаем возможным квалифицировать этот компонент начального протокола именно как инвокацио, он полностью соответствовал традициям оформления ярлыков в Золотой орде. Подобным же образом начинались ярлыки московским митрополитам[87]. Перевод точно передает особенности идеологического оформления власти ханов в Джучиевом улусе и в государствах — его наследниках[88]. Наряду с вышеприведенной формулой («Вышнего Бога волею») позднее встречались и другие: «Предвечного Бога силою»[89], «Вышнего Бога силою», «Всевышнего бога изволением»[90]. Литовско-крымский же договор лишен «инвокацио», возможно, потому, что он носит характер присяжной грамоты (об этом см. ниже).

Инскрипцио проектов русско-крымских грамот очень кратко: «с своим братом, с великим князем Иваном». Важно, что русская сторона настаивала на равенстве глав обоих государств — Московского княжества и Крымского ханства и, судя по проекту 1475 г., добилась желаемого.

---

[83] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 42–43, 51. 21.XII.1508 и 14.I.1509 гг.

[84] Там же. Т. 95. № 2. С. 45.

[85] *Лашков Ф. Ф.* Крымские шертные грамоты. С. 192.

[86] *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Монгке-Темюра // Уч. зап. ЛГУ. № 374. Сер. востоковедч. наук. Вып. 187. 1974. С. 188–189.

[87] Там же. С. 192–193.

[88] *Веселовский Н. И.* О религии татар по русским летописям // ЖМНП. Н. с. Ч. 64. Пг., июль 1916. С. 93.

[89] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1940. С. 79 (перевод). Ср.: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978. С. 18–19.

[90] Рашид-ад-дин приводит многочисленные высказывания Чингис-хана, начинавшиеся этой формулой (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. О. И. Смирновой. М.—Л., 1952. Ч. 1. Кн. 2. С. 209–261). Ср.: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика С. 19–31.

Признание крымским ханом московского великого князя равным себе выражено термином «брат», который употребляли по отношению друг к другу и другие европейские государи. Таким образом, иерархическое положение Ивана III приравнивалось к статусу государя одного из новообразований на базе Джучиева улуса — Крымского ханства. Этот же титул Менгли-Гирей употреблял и по отношению к Сигизмунду I.

В интитуляции тех же русских проектов двустороннего докончания 1474 и 1475 гг. коротко указано: «Менгли-Гирей, царь». В крымско-литовском договоре 1506 г. в соответствии с особенностями XVI в. Менгли-Гирей именует себя развернуто: «Великое орды великим царем». Интитуляции практически несравнимы из-за большой хронологической разницы и изменения положения хана. Главное, пожалуй, заключается не в степени пышности и развернутости титула лица, дающего ярлык, но в отличиях диспозитивной части.

Русские проекты русско-крымских договоров имеют отчетливые черты двустороннего соглашения, литовско-крымский договор лишен их:

Проекты 1474 г.		Проект 1475 г.
Проект 1, 3	Проект 2	
с своим братом, с великим князем Иваном взяли есмя любовь и братство	пожаловал есмь, взял любовь и братство и вечный мир от детей и на внучата	братом и другом собе учинил литовско-крымский договор присягнули есмо, што ж Жигимонту королю, брату нашому, и Литовское земли в головах князю бискупу и паном...

За исключением слова «пожаловал», которого не сумел «отговорить» посланный в Крым для заключения договора Беклемишев, подобным образом оформлялись договорные грамоты Ивана III и с другими государями. Однако термин «пожаловал» низводит московского князя на положение нижестоящего. Тему продолжает фраза проекта 1475 г.: «братом и другом собе учинил». В ней обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, инициативной стороной выступает хан, обладающий властью делать князя своим братом и другом. Во-вторых, крайне скупо говорится о характере новых отношений крымского хана и московского князя: в проекте 1475 г. нет речи о «любви» и «вечном мире от детей и на внучата». В крымско-литовском договоре эта статья диспозицио о характере отношений и их длительности вообще отсутствует.

Следующая статья — о единой позиции по отношению к внешнеполитическим союзникам и противникам — имеет лишь стилистическую разницу, зависящую от перевода на старорусский или старобелорусский языки.

Проект 1474 г.	Проект 1475 г.	Литовско-крымский договор
быти нам везде заодин: другу другом быти, а недругу недругом быти	то же (за исключением термина «за одно»)	приятелю приятелем, неприятелю неприятельство чинити заодно станем

Эта достаточно неопределенная формула далее раскрывается по-разному:

I (1–3)	II	III
хто будет друг мне, Менгли-Гирею, царю, тот и тобе друг, великому князю Ивану А хто будет мне, Менгли-Гирею, царю, недруг, тот и тобе, великому князю Ивану, недруг А хто будет друг тобе, великому князю Ивану, тот и мне друг; а хто будет тобе недруг, тот и мне недруг	[отсутствует]	а з неприятелем естли ся змирим, с одного змиримся. А кому приятелем будем, один без одного ведома ни с кем ся не зъеднаем, а один без одного ведома неприятелем не будем

Группа статей, уточняющих позиции договаривающихся сторон по отношению к третьим государствам, имеет весьма существенные различия. В проектах русско-крымской грамоты с необычайной последовательностью были оговорены обязанности каждой из сторон в случае «дружбы» и «недружбы» с третьим государством. В литовско-крымской грамоте указана лишь необходимость совместного заключения мира с третьим государством. Подобные соглашения или просто договора или переход к «неприятельству» должны осуществляться лишь «с ведома» союзной стороны, и не более того. Таким образом, крымско-литовский договор практически предусматривал лишь консультации, в целом оставляя каждой стороне полную свободу действий, причем как в пределах враждебных, так и в пределах союзных отношений.

Отказ Менгли-Гирея от включения статей, уточняющих обязанности сторон по отношению к третьему государству, развязал руки крымскому хану, ибо формы, в которых должно было осуществляться сотрудничество «союзников», не назывались. Это придало пункту о «дружбе-недружбе» с третьим государством некоторую аморфность, в которой, по-видимому, была заинтересована крымская сторона.

Подтверждение пожалования Тохтамыша, Хаджи-Гирея и предшествующего пожалования Менгли-Гирея — в высшей степени примечательно. Крымский хан, продолжая традиции ордынских ханов по отношению к Великому княжеству Литовскому, выступает в качестве сюзерена короля польского и великого князя литовского. Менгли-Гирей утверждает, что городки русской окраины Великого княжества Литовского «прислухали» (т. е. принадлежали) его предкам, и, соответственно, должны принадлежать и ему самому.

I	II	III
Нет	Нет	Теж от предков наших от царя Тохтамыша и до отъца моего Ачъкгирея царя и теперь сам жаловал есми Жикгимонта короля, брата своего, и литовскому столцу с князем бискупом в головах и паном пожаловал: под золотою печатью и под алым нишаном лист есмо дали. Русскую вкраину городъки, которые к нам *прислухали* з землями и з водами, з выходы, и з данми пожаловали есмо, и на то есмо лист наш дали. Ино мы тую данину подлут пожалованья нашого иначей не вчинили

Обратимся к рассмотрению ярлыка Менгли-Гирея, который сохранился в списке 1492 г. Это был подтвердительный ярлык Александру, выданный крымским ханом по просьбе литовского князя после смерти его отца Казимира Ягеллона. Инвокация ярлыка переведена так: «Починаю, Господи, у твое имя». Формулы, подобной этой, предшествующая дипломатическая традиция государств Джучиева улуса не знала.

Как самоназвание ярлыка здесь появляется самый знаменитый термин «слово», который был и остается предметом оживленных дискуссий русских и зарубежных, советских и буржуазных востоковедов XIX–XX вв. Поскольку основная литература рассмотрена в монографии М. А. Усманова (за пределами его внимания, естественно, осталась новейшая литература, равно как и литература на некоторых европейских языках[91])), ограничимся самым главным: как бы ни трактовать термин «слово», в нем присутствует оттенок приказа, указа, повеления. «Слово», как правило, обращено к лицам, стоящим ниже адресанта на иерархической и социальной лестнице.

Дальнейшее оформление ярлыка Менгли-Гирея князю литовскому и королю польскому Сигизмунду I почти дословно совпадает с оформлением ярлыков золотоордынских ханов московским митрополитам XIII–XIV вв., или тарханных ярлыков Тохтамыша и ярлыков крымских ханов их собственным вассалам. Сравним инскрипцио с персидскими грамотами ильхана Махмуда Гасана, написанными арабским алфавитом (1298–1304):

---

[91] См. подробнее: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. Л., 1978.

правое руки и левое руки Великого улуса темником, и тысячником, и сотником, и десятником, вланом	князьям, темникам, тысячникам, сотникам, десятникам[92]

В инскрипцио встречаем географо-политическое понятие «Великого улуса», по словам А. П. Григорьева, общее для всей империи Чингизидов до конца ее существования. Это выражение инскрипции полностью соответствует традициям крымской дипломатики. Даже в ярлыке Саадат-Гирея 1532 г. встречаем то же перечисление[93]. Последующая часть инскрипцио более своеобразна: «князем, и всим русским людем, бояром, митрополитом, попом, чернцом и всем чорным людем и всему посполству».

Однако и в этой части инскрипцио есть черты, роднящие ее с другими монгольскими грамотами. Так, «попы» имеют аналогию (разумеется, условную) с «даосами» (даосским духовенством) монгольской грамоты хана Аюрбарибады от 1314 г., написанной квадратным письмом[94]. Термин «посполство» — вероятно, калька термина «ирген», который мог обозначать и «простой народ», и «весь народ». В переводе ярлыка Менгли-Гирея учтены оба значения[95].

Адресат в ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду I имеет много частных особенностей, которые объясняются и характером перевода (об этом приходится постоянно напоминать, так как подлинников нет), и сравнительно поздним временем составления ярлыка (поэтому его протокол обладает большей близостью к ярлыку Саадат-Гирея), и учетом традиций «русской» культуры ВКЛ. Последним фактором, на наш взгляд, объясняется включение и сравнительно полное перечисление социальных категорий населения в русских терминах. Думается, ко второй части инскрипцио можно отнести представителей светской верхушки общества — князей, бояр (важно, что в данной формуле князья открывают русскую часть инскрипцио, тогда как в обычных ярлыках «князья» относятся к представителям кочевой аристократии), духовных феодалов — митрополитов, попов, чернецов. Анахронизмом выглядит термин «бояре», ибо к началу XVI в. «бояре» стали представлять среднюю часть привилегированного сословия. Их место на верхних ступенях иерархической лестницы к этому времени заняли «паны». Чем объясняется включение «бояр» в перевод ярлыка Менгли-Гирея, трудно сказать. Либо термин «бояре» именно в такой форме (но, разумеется, тюркизированной) был в самом ярлыке, либо опять можно видеть здесь руку переводчика. Из двух предположений более правдоподобным представляется первое. В формуле есть и некоторые другие анахронизмы — митрополиты указаны во множественном числе, тогда как в начале XVI в. в ВКЛ остался только один митрополит. В целом, однако, начальный протокол ярлыка Менгли-Гирея свидетельствует о его древности. Устоявшиеся формулы монгольских грамот конца XIV – начала XV вв. находят соответствие в ярлыке 1492 г.

---

[92] Там же. С. 19.

[93] Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея. С введением, переписью, переводом и примечаниями издано И. Березиным. Казань, 1851. С. 21.

[94] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика. С. 35–36, 43.

[95] Там же. С. 36, 43; о грамотах улусных ханов см. подробнее с. 55.

В ярлыке же Сигизмунду I имеется и наррацио. Оно открывается обычной для публичных грамот ВКЛ формулой: «Даем вам ведати». В наррации повествуется о двух этапах крымско-литовских отношений: при Витовте и при Казимире. Первый этап связан с именем Хаджи-Гирея: «великие цари, деды наши и великий царь Ачжи-Гирей, отец наш, коли их потны кони были, до великого князя Витовта, до Литовское земли в гостиное поехали, великую ласку и честь видели». Здесь употребляются некоторые идиоматические обороты, к которым придется обратиться несколько ниже, говоря о социальных аспектах русско-крымских отношений («коли... потны кони были» и «гостиное»). Предварительно же укажем, что пребывание Хаджи-Гирея в ВКЛ характеризуется весьма нейтрально, просто как «гостиное», не связанное с его трудностями в Орде. К первому же периоду относится и реакция — благодарность за «ласку» и «честь»: «и за то... пожаловали Киевом, в головах, и многие места дали». Таким образом, судя по ярлыку Менгли-Гирея июля 1507 г., установление союзно-подданических отношений ВКЛ и Крымского ханства относится ко времени до 1490 г.

Второй этап крымско-литовских отношений, согласно ярлыку, связан с деятельностью Казимира и самого Менгли-Гирея: «Литовское земли великий князь Казимир, брат наш, з литовскими князи и паны просили нас, и мы, их прозбу ухвалив... как нас Бог на столцы отца нашого посадил,... што великие цари, дяды наши, и великий царь, отец наш... дали потому ж». Следовательно, второй этап Менгли-Гирей относит ко времени не ранее 1466 г., когда он после смерти отца занял крымский престол. Несколько странно отсутствие упоминаний о сношениях Хаджи-Гирея и Казимира, ведь именно к этим двум государям историография обычно возводит начало крымско-литовского союза. Впрочем, некоторый намек на это содержится в перечислении предшественников Менгли-Гирея: «великие цари, дяды наши» и «великий царь, отец наш». Упоминание, впрочем, настолько неотчетливое, что на его основе трудно говорить и о крымско-литовских отношениях 1440–1452 гг., времени, предшествовавшем занятию Хаджи-Гиреем нового крымского стола. Далее в ярлыке следует перечисление пожалований Менгли-Гирея Казимиру в ответ на просьбу последнего. А. П. Григорьев полагает, что в ярлыках русскому духовенству русский термин «волость» соответствует тюмену⁹⁶⁾. Если он прав, то термин «тьма» в ярлыке Менгли-Гирея может быть переведен на русский язык как «волость».

Выделяют два типа пожалований. Одни «волости»-«тьмы» передаются «со всими выходы и данми, и з землями». Это многочисленные

---

96) *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Уч. зап. ЛГУ. № 403. Сер. востоковедч. наук. Вып. 23. Востоковедение. 7. Л., 1980. С. 163.

«тьмы». По-видимому, термин «тьма» в данном контексте — искаженное тюркское «тюмен» (tümän, тысяча воинов). Позднее термин приобрел территориальное значение области, управляемой темником. Второй тип пожалования: «тьмы» просто «з водами и землями». К первому типу пожалований относятся «волости»-«тьмы»: Киевская, Владимирская, Великолуцкая, Смоленская, Черкасская, Черниговская, Рыльская, Курская, Миролюбская, ко второму — «Хачибиев маяк», Путивль. Некоторые территории перечислены группами, к последнему топониму в каждой группе отнесена их характеристика по первому типу. Таких групп пять или шесть: после указания «Хачибиева маяка» следует «инь почонши от Киева и Днепром и до устья», и «Снепорож, и Глинеск со всими их людьми, Жолваж (далее следует Путивль — по второму типу. — *А. Х.*), Бирин, Синеч, Хотен, Лосичи, Хотмышль». Может быть, этот список также следовало бы разделить на две группы. Вторую (или третью) образуют Мужеч, Оскол, Стародуб, Брянеск, третью (или четвертую) — Мченеск, Любoтеск, Тула, четвертую (или пятую) — Берестей и Ратно, Козелеск, Пронск, Волконск, Испаш, Донец, пятую (или шестую) — Яба городок, Балаклы, Карасун, городок Дашов, городище Тушинь, Немир, Мушач, Ходоров. Наименования топонимов встречаются преимущественно в архаичной форме: Брянеск, Мчененск, Любoтеск, Козелеск, Глинеск, наряду с которыми есть и более современные — Пронск, Волконск.

Однако данным списком не ограничивается число пожалований крымских ханов. Особо упомянута «Сараева сына Егалтаева тма». Что ярлык Менгли-Гирея имел в виду под нею, трудно сказать. Отдельно выделены и собственные пожалования Менгли-Гирея, результат дополнительных переговоров Казимира с крымским ханом: «Ино великий князь Казимир, брат наш, з Литовское земли князи и паны... штобы доброта множила: для того и мы теж с уланы и князи порадив... а брат наш, великий князь Казимир, Андреева сына маршалка, а с ним пана Ивашков сын, пана Ивашенцо... коли от мене от брата моего в посолстве приехали, ино мы, повышая брата нашого,... Псков и Великий Новгород пожаловали дали есмо, и Резань, и Переясловль в головах, люди, тмы, города и села, и дани, и выходы, и з землями и з водами и с потоками, к литовскому столцу придали есмо». Это пожалование Менгли-Гирея резко отличается от всех предшествующих. Даруются города со всеми прилежащими к ним землями, населенными и ненаселенными, люди и «тьмы».

В характеристике «тем» и городов обращает на себя внимание различие «дани» и «выхода». Последний термин — полная аналогия того, которым обозначались платежи в Джучиев улус в XIII–XIV вв. Если принять толкование И. Г. Добродомовым термина «выход»[97], то можно сделать вывод, что еще при Витовте все указанные территории были подвластны Орде, а Хаджи-Гирей и Менгли-Гирей считали себя вправе получать с них «выход» или жаловать их с тем же «выходом» великим князьям литовским.

В диспозитивной части ярлыка Менгли-Гирея Сигизмунду I Старому содержится приказ всем подданным литовских великих князей и польских королей «служить» Сигизмунду, «как» «вышеписаныи городы, князи и бояре,... наперед сего великому князю Витовту, а потом великому князю Жигимонту,... и великому князю Казимиру», и давать им дани и выходы. Правда, последнее требование выражено крайне неопределенно: «колко городов дани и выходы сполна давали». Выделены и жители нового пожалования Менгли-Гирея, т. е. Новгорода, Пскова, Рязани и Переяславля: «А которые люди напотом, повышая, дали есмо, не молвите: "Перво того не служивали есмо, дани и выходы давайте, от нынешнего часу служите"». По-видимому, этот раздел диспозитивной части полностью повторяет диспозитивную часть предшествующей грамоты — той самой, которая лежала в ее основе.

---

[97] *Добродомов И. Г.* Выход, туска, харадж и другие фискальные термины в языках Среднего Поволжья // Диалекты и топонимика Поволжья. Вып. 3. Чебоксары, 1975. С. 43–44.

Диспозитивная часть перемежается с нарративной, которая относится уже к ярлыку 1506–1507 гг. В ней повествуется о приезде литовского посольства в Крым в составе Юрия Зиновьевича, маршалка, Якоба Ивашенцовича и татарского писаря князя Ибрагима, сына Темирчина. Диспозитивная часть ярлыка 1506–1507 гг. очень кратка. В ней содержится подтверждение силы всех прежних ярлыков, полученных литовскими князьями от ордынских и крымских ханов. О своей собственной воле Менгли-Гирей выразился — разумеется, на языке перевода — так: «в Литовской земли столец ему дали есмо». Диспозитивная часть завершается строгим наказом «служити и давать выходы и дани», за нарушение которого в санкцио звучит угроза: «будете воеваны и граблены».

Анализ структуры ярлыка Менгли-Гирея 1506–1507 гг. с очевидностью доказывает, что основа его восходит ко времени Тохтамыша, скорее всего, к 1397–1398 гг. Позднее — вне зависимости от конкретного соотношения сил Крыма и ВКЛ — крымский хан чувствовал себя вправе «жаловать» литовскому князю и королю польскому то, что ему уже принадлежало. Международная обстановка начала XVI в. определялась и особым менталитетом крымских ханов: они причисляли себя к вершителям судеб Восточной Европы, хотя уже давно не были и не могли стать таковыми, как и все новообразовавшиеся ханства Джучиева улуса. Если ярлык литовскому великому князю составлен в традициях дипломатики Орды, то в договоре Менгли-Гирея с Иваном III проявились черты воздействия русской дипломатики, хотя сами условия передавали конкретные особенности русско-крымских отношений.

Дальнейшие тексты русско-крымского и русско-литовского докончаний весьма заметно разнятся. В русско-литовском договоре стоит обязательство совместных военных действий против общего неприятеля: «А еще Жигимонту королю брату нашему хто будет неприятель, я, Менъдли-Кгирей, брат его, брата або сына своего пошлю з великим войском поспол, а теж Жыкгимент, король, брат мои, на моего неприятеля, я або сын мой коли поидеть, тогды под присягою доброго пана або доброго маршалка з литовским великим войском к нам прислати, з нами поспол пошод, неприятелю нашему неприятельство вчинити, с одъного став».

В русско-крымском договоре подобная статья, как уже отмечалось, отсутствует. Следующие статьи договора 1474 г. направлены на обеспечение безопасности и целостности Московского княжества. Провозглашалось не только единство международной внешнеполитической позиции, но и регулировались внутренние отношения между двумя договаривающимися сторонами:

I	II
А мне, Менгли-Гирею, царю, твоей земли и тех князей, которые на тобя смотрят, не воевати, ни моим уланом, ни князем, ни казаком	То же (отличие: не воевать)

В этой статье, принятой в совершенно точной русской формулировке, обращает на себя внимание обязательство сохранять в неприкосновенности не только земли московского князя, но и «князей, которые на тебя смотрят». Хотя она не имеет уточнений и о составе князей можно лишь догадываться, ясно, что московский великий князь в глазах Менгли-Гирея представлял главу определенного лагеря, устоявшейся коалиции, включавшей зависимых от него в той или иной форме князей. Их имена становятся известными из более поздних документов русско-крымских отношений. Это новгород-северский князь Василий Иванович Шемяка, князь Семен Иванович Стародубский, князья Трубецкие и Масальские[98]. Вероятно, некоторая, пусть и не очень действенная, защита жителей данного региона от крымских набегов сыграла свою роль в переходе этих князей из Литовского княжества в княжество всея Руси несколько позднее — в конце XV в.[99]

Обязательство «не воевати» крымский хан брал и от имени своих уланов, князей и казаков. В отношении последних его выполнить было особенно трудно. Казаки мало подчинялись власти как крымского хана, так и русского государя. Дальновидные дипломаты Ивана III предусмотрели возможность нарушения условия договора. Они деликатно сформулировали, что подобное нарушение может произойти «без... ведания» — в проекте, «без ведома» — в договоре крымского хана. В этом случае крымский хан должен был казнить нарушителей договора, «а взятое отдати и головы людские без откупа... отдати» (проект), «без откупа выдать». Таким образом, декларировались безопасность русского населения, принцип возмещения убытков в результате самостийных набегов крымцев, безвозмездный возврат пленных. Ничего подобного с 1238 г. Русь в отношениях с кочевыми народами юга и юго-востока не знала. Разумеется, союзные обязательства не гарантировали на самом деле безопасности русского населения, но об этом речь еще впереди.

Однако эта статья предусматривала возвращение пленников, сохранение их жизни и свободы, хотя бы на бумаге. Включение ее в русской редакции — большая дипломатическая победа Московского княжества. Отныне набеги[100] становились, так сказать, вне международного закона, а их нарушители подлежали каре. Забота о безопасности населения собственного княжества — характерная черта крымской политики Русского государства, контрастировавшая с крымской политикой княжества Литовского, правящие круги которого боролись только за удержание земель Древнерусского государства.

---

[98] Сб. РИО. Т. 41. № 65. С. 318. VIII.1500; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 137–141.

[99] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI вв. М., 1995. С. 67–68.

Состав диспозиции в русско-крымском договоре имеет значительные отличия от докончаний с другими государями. Здесь речь идет о взимании поминков и пошлин, т. е. о таких вопросах, которые в отношениях с западными соседями не вставали так остро, чтобы быть уже в это время занесенными в договоры (пошлины) или не вставали вообще (поминки).

Группа принятых в русской редакции статей посвящена вопросам взимания пошлин в Крыму и в Московском княжестве. В первой из них говорилось, что крымский посол должен был ехать в Москву без сопровождения пошлинных людей и не должен взимать пошлины: «А коли мой посол от меня пойдет к тобе, к великому князю Ивану, и мне его к тобе послати без пошлин и без пошлинных людей». Согласно второй, посол, которого отправляли из Москвы в Крым, должен был прямо следовать к хану: «а твои посол ко мне придет, и он идет прямо ко мне». Третья статья отменяла все виды пошлин, в том числе и даражские: «А пошлинам даражским и иным всем пошлинам никоторым не быти».

Обратимся к более детальному рассмотрению «пошлинных статей» договора. Согласно первой статье, дипломатический представитель Крымского ханства лишался всяких фискальных прерогатив. Таковыми не должны были обладать и лица из посольского окружения. Таким образом, строго разграничивались функции дипломатические и административные; этими последними, по договору, представители крымского хана в Московском княжестве не должны были пользоваться. Подобный принцип также был новшеством в отношениях русских княжеств с ордынцами. О существовании, причем более длительном, нежели с 1474 г., фискальных обязательств по отношению даже к такой быстро терявшей силу орде, в которую превратилась орда Большая (Заволжская), убедительно свидетельствует ордынская тамга на одной из древнейших полных грамот (ею оформлялись отношения полного холопства) 1494 г. На обороте этой грамоты стоит тамга, причем написанная уйгурским письмом, распространенным в Золотой орде в течение XIII–XV вв.[101]

Несколько странно наименование в договоре 1474 г. финансовой зависимости — «пошлина», а не «выход». По-видимому, речь шла именно об удостоверении различных сделок имущественного характера и взимании с них тамги. Пошлинные люди являлись не данщиками, а выполняли ряд функций, аналогичных функциям ямских дьяков, которые организовывали поступление в холопство.

---

[100] Именно набеги, а не войны. См.: *Бережков М. Н.* Крымские шертные грамоты. Киев, 1894. С. 10, 11, прим. 24.

[101] *Автократова М. И.*, *Буганов В. И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 138.

На первый взгляд, вторая из «пошлинных» статей не имеет к пошлинам никакого отношения. Между тем это не так. Жилище хана, и хана-язычника, и, в особенности, хана-мусульманина, считалось священным. Во всем мусульманском мире существовали особые должности привратников царского «шатра величий и великолепия», «врат вечности и величия» (в государстве Тимуридов XV в. они именовались «хаджеби»)[102]. Неверный или язычник у входа в жилище хана-мусульманина должен был платить определенную пошлину, так называемую посошную.

Чтобы понять значение статьи о посошной пошлине в договоре 1474 г., обратимся к рассказу В. Г. Морозова о его посольстве в Крым в 1509 г. После того, как Аппак-мурза позвал его на прием к хану, Морозов направился к Менгли-Гирею и, «приехав... к воротам, да с коня ссел, да пошел в городные ворота... в воротех сидят Агыш князь и все лучшие князи да и Казимер князь тут жо сидит. И князи... со мною карашевалися по обычаю, да как дошло до Кудаяра мурзы и он... со мною не карашевался, да стал толмачю говорити: молви боярину, кое ты холоп. И толмачь... мне тут не говорил, и он... на толмачя с ножом, и толмачь... мне сказал у царевых дверей. И яз... ко царю пошел, да и девяти понесли за мною как... царь велел. И в ту пору... Кудаяр мурза у поддиачево шубу отнял белилну хрептову. И яз... пошел ко дверям ко царевым и ясаулы...[103] покинули посохи да стали говорить толмачю: давай пошлины. И яз через посохи пошел, яз, реку, тово не ведаю. И Апак мурза... мне молвил: не потакай тому, поди прямо ко царю»[104].

Вторая статья «пошлинной» группы утверждала достоинство русского посла как тархана. Право свободного входа в жилище хана — одно из важнейших прав знатного человека. Согласно определению Абулгачи Бахадур-хана, тархан — это «человек, который не платит никакой пошлины, имеет право свободного входа в жилище хана в любое время, ему до девяти раз прощаются вины»[105]. По позднему свидетельству Сеида Мухаммеда-Ризы, тарханство, даваемое за доблесть и подвиг, было сопряжено с получением ряда прав: безнаказанности за 9 преступлений, освобождения 9 поколений от государственных налогов, освобождения от взимания десятины добычи, называемой сауг, беспрепятственного входа в жилище хана, участия в ханском собрании, права пить из рук хана 9 чарок вина, находиться в походе в авангарде войска вместе с ханом, жениться на любой, кроме ханской дочери, без разрешения ее отца, дойти «до девяти небес почета и славы», удостоившись пожалования конями, коврами и другого рода девятью предметами[106]. Если сравнить эту характеристику с положениями шертной русско-крымской грамоты, то бросается в глаза необычайное сходство. Посол великого князя трактуется как тархан. Ему дается право непосредственного входа к хану и не оговаривается время посещения. Он освобожден от уплаты любых пошлин. Таким образом, посол на положении тархана — это, разумеется, посол такого же вольного человека.

---

[102] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика. С. 49.

[103] Ясаул (есаул) — исполнитель повелений, капрал дворцовой стражи (Хива) // *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. С. 215–216; *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов русского языка. Алма-Ата, 1976. С. 135.

[104] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 81–82. 12.IX.1509.

[105] Абулгачи Багядур хан. Родословная история о татарах. СПб., 1768. Ч. I. С. 182, см. также с. 50, 118; Ср. перевод: Desmaison. Genealogia turkow. S. 55. Цит. по: *Zajączkowski A.* Dyplomatyka Zlotej Ordy. S. 216.

[106] Сеид Мухаммед Риза. Ассе-оссейяр или Семь планет, содержащих историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I до Менгли-Гирей-хана II, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Казань, 1832. С. 34. Цит. по: *Шапшал С. М.* Указ. соч. С. 310.

Какую же смысловую направленность заключали признаки тархана? Только ли освобожденного от пошлин или высшего представителя власти — в частности, у хазар. Если в Крымском ханстве, как справедливо указал А. Зайончковский, тарханство в конце XV в. рассматривалось как система экономических освобождений[107], то на Руси оно имело по преимуществу политический смысл.

Третья обобщающая статья пошлинной группы акцентирует внимание на одном из видов пошлин — даражских[108]. Термин «дарага» («даруга», «дорога»), как ни один другой вызвал обширную полемику среди ученых. Бытовало мнение, будто баскаки были сменены даругами. Этой точки зрения придерживалось большинство исследователей XIX в. и нашего времени, как русских, советских, так и зарубежных. Не менее аргументированным представляется мнение А. П. Григорьева относительно того, что одно и то же социально-политическое явление имело разные наименования, восходящие к половецко-тюркскому (баскак) или монгольскому (даруга) языкам. Он отметил, что половецкий термин «баскак» присутствует в персидских грамотах ильханов Ирана конца XIII – начала XIV вв., но в персидских же грамотах Тимуридов XV в. встречается термин «даруга», равно как в монгольских и в китайских («даругачи»). По его мнению, оба термина (монгольский утвердился в середине XIV в.) имели одинаковое значение — оттискивающий (от глагола давить), буквально — «давящий» печать, т. е. печатник, лицо, располагавшее и судебной властью[109]. Примечательна и эволюция самого обозначения дарут: «князья — даруги городов и селений, позднее князья — даруги городов»[110]. Лицо, облеченное полномочиями представителя хана, его наместника, получало различные виды пошлин, объединенных наименованием «даражских». Можно лишь догадываться, каковы были эти пошлины по сравнению с теми, которые получали московские и русские наместники в различных областях государства, так как в сохранившихся монгольских ярлыках пошлины даругам появляются крайне редко.

Группой «пошлинных» статей устраняется всякая возможность вмешательства крымского хана во внутренние дела Московского княжества, а позднее и Русского государства, признается полная суверенность московского князя в пределах его владений. Для Руси XV в. это было если и не полным новшеством, то впервые утверждалось в качестве правовой нормы международных отношений. Из окончательного текста договора удалось исключить статью, предусмотренную разработанным в Москве вторым вариантом проекта: «А поминки ко мне, к Менгли-Гирею, царю, тобе, великому князю, слати; а поминков ти моих не умаливати». Данную статью Н. И. Беклемишев сумел «отговорити». В результате «поминки» приобретали характер полной добровольности, их поступление регулировалось лишь обычаем, не закрепленным в письменном договоре[111)].

---

[107] *Zajączkowski A.* Dyplomatyka Złotej Ordy. S. 216.

[108] *Бережков М. Н.* Крымские шертные грамоты. С. 15–16.

[109] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках. С. 157; *Он же.* Монгольская дипломатика. С. 7, 124. Прим. 42.

[110] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика. С. 41.

Если несколько забежать вперед и сравнить отсутствующую статью о поминках в русско-крымском договоре 1474 г. с обязательством Александра высылать нормированное количество поминков, то разница в позиции по отношению к Крымскому ханству между Русским государством и Великим княжеством Литовским станет еще нагляднее. Последнее вступило в даннические отношения к Джучиеву улусу в период борьбы за русские земли в конце XIV в. В условиях, когда значительная часть феодалов ВКЛ охотно переходила на сторону Руси, великий князь литовский Александр снова был готов признать свое положение данника относительно Крымского ханства, одного из наследников Золотой Орды, дабы сохранить территориальную целостность княжества. Ради этого он соглашался на огромную дань с трех русских земель (Киевское, Волынское и Подольское княжества) — по три деньги с любого человека мужского пола, вне зависимости от его социального положения, только ради того, чтобы превратить Крымское ханство в своего союзника против Русского государства. Целостность Литовского княжества, его восточных территорий покупалась ценой потери безопасности населения Киевщины, Волыни и Подолии, попадавшего в рабство Крымского ханства. Александр соглашался на обложение Волынской земли дополнительными налогом, не взирая на то, что она еще не оправилась от нашествия Менгли-Гирея. Епископ луцкий Кирилл, князья, паны и земяне в 1503 г. жаловались на то, что «вси именья их велми скажоны и обраны от поганства от татар». Литовский князь в 1503 г. вынужден был продлить освобождение от «воловщины» еще на 14 лет, хотя 10 уже прошло[112)].

Программа русско-крымского договора 1474 г. — это программа последовательного утверждения равенства сторон, программа, которая оказалась выполненной много десятилетий спустя. Проницательность русских дипломатов проявлялась в том, что они стремились заключить договор и «на внучат», его же условия были действительными и для правнучат Ивана III и Менгли-Гирея.

Итак, русско-крымский договор открывал новый период в сношениях княжеств Северо-Восточной Руси с их южными и восточными соседями, преемниками славы Золотой Орды.

Естественно, сосуществование разных принципов в отношениях к восточным и южным ханствам отныне становилось полным анахронизмом. Прежние принципы подданства и зависимости были несовместимы с новыми принципами суверенности и независимости. Русско-крымский

[111)] *Бережков М. Н.* Крымские шертные грамоты. С. 9, 19.

[112)] АЗР. Т. 1. № 201. С. 350–351. 13. III.1503.

договор, безусловно, явился огромной победой русской, в частности, московской дипломатии. Подобный успех поднял роль московского князя как главы княжеств Северо-Восточной Руси, продемонстрировав — уже в который раз — политическую дальновидность и умение использовать подходящий момент для поднятия престижа Руси в пределах всего мира ордынских властителей.

Возвращаясь к оценке акта 1474 г. в предшествующей историографии, стоит еще раз подчеркнуть, что за «однотонностью» русско-крымских шертных грамот основной исследователь Ф. Ф. Лашков не увидел одной самой главной их особенности. Договор 1474 г. — крупнейшая дипломатическая победа Московского княжества. В дальнейшем Русское государство сумело упрочить эту победу, несмотря на многие весьма неблагоприятные обстоятельства, сохранить принципы равенства и равноправия. В отношениях с государствами — наследниками Орды, при случае вспоминавшими о невозвратно минувших временах зависимости Руси от них, это был первый случай установления нормальных дипломатических связей двух суверенных политических организмов.

§ 3. Формирование территории Русского государства и русско-крымские отношения конца XV в.

Следующий этап русско-крымских отношений оказался тесно увязанным с территориальным вопросом.

В советской литературе высказаны два взаимно противоположных взгляда относительно того, какое из восточных или юго-восточных государств было наиболее непримиримым и опасным противником Русского, какое в большей степени унаследовало агрессивные устремления Большой орды по отношению к Руси. И. И. Смирнов таковым считал Казанское ханство113), В. В. Каргалов — Крымское114). Именно ему В. В. Каргалов приписывал ведущую роль в «коалиции татарских ханств», воодушевленных «агрессивной мечтой о торжестве мусульманского мира и господстве татарской силы над Русью». Последнее высказывание принадлежит К. В. Базилевичу, который ошибочно полагал, что «обломки Золотой орды стремились к сближению»115).

Целью настоящего раздела работы является установление истинной роли Крымского ханства во вновь создававшейся политической ситуации в Восточной Увропе, восстановление системы отношений, утвердившейся на территории Золотой орды в конце XV – начале XVI вв., характеристика военного противостояния Руси и Крыма, изучение причин крымского похода на Русь в 1521 г. и его последствий.

Изучаемый период отчетливо делится на два этапа: первый — с 70-х гг. XV в. до уничтожения Большой орды, и второй — с 1502 г.

---

113) *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III // ИЗ. Т. 27. С. 18.

114) *Каргалов В. В.* На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 7.

115) *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 539.

до 1521 г. Если первый период прошел под знаком совместной борьбы против Большой орды, то на втором обнаружились противоречия между союзниками.

Главным вопросом внешнеполитической жизни Русского государства с конца XV – начала XVI вв. было объединение земель бывшего Древнерусского государства и освобождение от иноземной зависимости. Если в освобождении от ордынской зависимости, вернее, в антиордынской борьбе Русь и Крым могли быть союзниками, то формирование государственной территории оказывало противоречивое влияние на ход русско-крымских отношений, расширение территории Русского государства потенциально могло происходить в разных направлениях — и на запад, и на юг, и на восток, и на север. Положение северных земель мало волновало Крым, судьба же остальных в той или иной мере могла задеть и его интересы. Северо-западные, западные и юго-западные земли Крым рассматривал как своих данников, а Менгли-Гирей не останавливался перед тем, чтобы пожаловать .Новгород, Смоленск, Рязань и Одоев польскому королю[116]. Юго-западные русские земли действительно были данниками Орды, восточные же (Казань) принадлежали к тем остаткам Джучиева улуса, которые были связаны с Крымским ханством тысячей различных нитей. Поэтому картина русско-крымских связей далеко не так безоблачна и одноцветна, как ее представляют польские историки (в частности, Л. Колянковский), видящие в союзе с Крымом лишь источник силы и удачи великого князя Ивана III.

Внешнеполитические задачи Крымского ханства на протяжении изучаемого времени менялись коренным образом. Если в первую половину этого периода главной целью ханства было устранение основного соперника — Большой орды, то в начале XVI в. речь уже шла не только о ликвидации ее остатка — Заволжской орды, но и об установлении гегемонии ханства на всем пространстве, на котором ранее кочевала орда. В зависимости от смены приоритетов менялся и характер отношений ханства и Русского государства.

Последовательной внешнеполитической программе Русского государства противостояла постоянно колеблющаяся политика лавирования Крымского ханства между княжеством всея Руси и Литовским.

Заключение союза с Московским княжеством обеспечило успех в борьбе ханства против гегемонии Большой орды. В политике хана Ахмата происходило возрождение великодержавных устремлений, восходящих ко временам Чингис-хана[117].

Русско-крымский союз 1474 г. обеспечил благоприятные условия для завершающего этапа создания Русского государства. Если первый этап его формирования — с 1471 г. — проходил в условиях еще не ликвидированной зависимости от Большой орды, при отсутствии внешнеполитических союзников, то последующие этапы — в уже изменившейся международной обстановке.

---

[116] АЗР. Т. II. № 6. С. 4–5. VII.1506; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 309. Note 2; *Pulaski K.* Akta. S. 392–393. Одоевские князья Федор Львович еще с 1447 г., а Иван Юрьевич, Федор и Василий Михайлович — с 1459 г. били челом Казимиру о принятии их на службу (ЛМ. Кн. зап. 5. № 130, 137. С. 247–248, 254–255. См. подробнее: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 39–42, 87).

[117] *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10. С. 109, 114.

Договор 1474 г. не включил того, на чем настаивал Иван III в третьем проекте, то есть точного обозначения общих врагов. Сперва крымский хан «у своей шерти и у ярлыка выговорил твоего (т. е. Ивана III. — *А. Х.*) недруга короля, затем сам великий князь, "правду даючи" перед моим послом перед Довлетеком, выговорил моего (т. е. Менгли-Гирея) недруга Ахмата царя». Направляя в Крым в марте 1475 г. нового посла А. И. Старкова, Иван III опять настаивал на единой позиции по отношению к королю и соглашался на отправку на помощь Менгли-Гирею «на Орду» царевичей Даньяра и Муртазу в случае нападения Ахмата на Крымское ханство. Однако в статье о взаимопомощи против короля нет ни слова о походе Ивана III в пределы его земли. Исход посольства Старкова неизвестен. Скорее всего, из-за неустойчивости власти крымского хана в период турецкого продвижения в Крым Менгли-Гирей вынужден был принять условия шерти, предложенные Иваном III, тем более, что последний также пошел на уступки. Русский проект завершался словами: «По своей правде, молвя, и с нишаном ярлык послал есмя»[118].

Думается, заключением союза с крымским ханом, вскоре потерявшим свой стол, и приходом к власти Джанибека можно датировать и прекращение выплат «выхода» в Большую орду. В. Д. Назаров, полагая, что «выход» поступал туда вплоть до 1476 г., сбрасывает со счетов сообщение Вологодско-Пермской летописи о 9-летнем сроке невыплаты «выхода»[119]. Срок, предлагаемый В. Д. Назаровым, представляется слишком коротким. Едва ли можно полагать, что реакция Ахмата была столь быстра; в ответ на одно- или двухгодичную заминку в отправке «выхода» трудно было организовать грандиозный поход, представлявшийся русским равным Батыеву нашествию. Сведения Яна Длугоша об освобождении Иваном III Руси от «варварского» «жестокого и омерзительного ярма», восходящие к информаторам из Короны Польской или Великого княжества Литовского[120], также противоречат этой концепции. Говорить об освобождении можно лишь в том случае, если речь шла либо о длительном прекращении выплаты «выхода», либо об изменении самого его характера. Сравнение «выхода» с поминками показывает, что в их основе лежат разные принципы. «Выход» имел в своей основе побор с земли и подданных хану и крымской знати, им же шли и поминки, размеры которых определялись отчасти традицией, отчасти реальным соотношением сил, но не были связаны ни с размерами территории страны, ни с количеством ее населения. Весьма возможно, что попыткой заменить «выход» поминками и объясняется неудача посольства Д. Лазарева в Большую орду. Посол выехал из Москвы 19 августа 1474 г. и, пробыв там больше года, «прибежал» обратно[121]. Временное свержение Менгли-Гирея с трона Крымского ханства и передача власти в ханстве ставленнику хана Большой орды Ахмата — Джанибеку в 1476 г. сопровождалась обострением отношений Московского княжества и Большой орды. С требованием приезда в Орду великого князя Ивана III 11 июля 1476 г. в Москву явился ордынский посол Бочук. Хотя Большая орда занимала в это время уже сравнительно скромную территорию в нижнем течении Волги — так называемое престольное владение (Тахт эли)[122], но ее претензии были велики. Ордынский посол уехал вместе с русским послом Михаилом Бестужевым и, как полагает В. Д. Назаров, с очередным выходом[123].

---

[118] Сб. РИО. Т. 41. № 2. С. 12. Март 1475 г.

[119] ПСРЛ. Т. 26. С. 265.

[120] Ioannis Dlugossii opera omnia. T. XIV, Cracoviae, 1878. S. 697–698. Цит. по: Лимонов Ю. А. Польский хронист Ян Длугош о России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 268. О датировке записи см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 14.

Правление Джанибека длилось недолго. В мае 1476 г. ему пришлось выдержать нападение на Крым хана Ахмата, по-прежнему боровшегося за подчинение этого ханства. Уже в 1477 г. Джанибека сменил старший брат Менгли-Гирея Нурдовлат, удерживавший власть не дольше Джанибека, и в 1478 г., т. е. в тот же самый год, когда завершилось создание основной территории Русского государства, в Крымском ханстве в третий раз и уже окончательно на треть столетия утверждается старый союзник Ивана III — Менгли-Гирей. А через год на Руси появляются в качестве беженцев его прежние соперники — Нурдовлат и Айдар, которые присоединились к Джанибеку, осевшему здесь еще раньше. Именно тогда Казимир окончательно склонился на сторону хана Ахмата, к которому он отправил своих послов[124], но в 1480 г. не оказал ему реальной помощи. Его сын Ших-Ахмат жаловался на то, что пользуясь его молодостью, польский король и великий князь литовский, забыв прежние клятвы и договоры с отцом, не оказал ему поддержки в 1480 г.[125] Этим, вероятно, и можно объяснить быстрое заключение договора с Русью. Согласно заключенному весной 1480 г. соглашению, союзники должны были совместно выступать и против Большой орды, и против Великого княжества Литовского. Отправляя весной 1480 г. Ивана Звенца в Крым, Иван III дал ему такой наказ: «Если Ахмат покочюет под Русь», то следует просить крымского хана выступить против Ахмата. Если же Менгли-Гирей не согласится, то направить его или его брата «на Литовскую землю»[126].

Проекты договора по форме почти не отличались от предыдущих. Здесь и «Менгли-Гиреево слово», и воспоминание о предшествующем договоре в наррации («крепкое слово молвя... ярлык дал и шерть... учинил»), и обещание единства действий против короля Казимира и хана

---

[121] ПСРЛ. Т. 25. С. 302–304.

[122] *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Уч. зап. ЛГУ № 417. Сер. востоковедч. наук. Вып. 27. Востоковедение. 11 1985. С. 177. *Он же.* Письмо Менги-Гирея Баязиду II. (1486) // Там же. 3148. Вып. 29. № 13. 1987. С. 129–132.

[123] ПСРЛ. Т. 25. С. 308–309. *Назаров В. Д.* Указ. соч.

[124] РИБ. Т. 27. СПб., 1910. № 25. Стб. 326. Датировано концом 1482 г.

[125] ЛМ. Книга записей 5. № 73.2, 104.1. С. 125, 170, 172. 1497, 18.XII.1501.

[126] Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 19–20. 16 апреля 1480 г.

Ахмата в диспозиции. Правда, в проектах этой статьи имелись отличия. Согласно первому проекту, в случае похода Ахмата на Русь Менгли-Гирей должен был выступить против него, согласно второму — двинуться «на Орду», т. е. это могло быть выступление на территорию Орды, а не только взятие походной ставки хана. Последнее, несомненно, больше отвечало завоевательным планам крымского хана. Следующее же условие было исключительно в пользу великого князя: в случае «какова дела... с королем» Ивана III хан обещал королю «шерть сложити»[127]. В какой бы форме не был заключен договор, акт 1480 г. можно считать крупной победой дипломатии Ивана III[128].

26 апреля 1481 г., когда еще не совсем ясна была судьба Ахмата, русские дипломаты предлагали крымцам следующее: в том случае, если хан Большой орды не выступит в поход на Русь, а туда отправится король, просить Менгли-Гирея, чтобы «царь сам всел на конь» (а не посылал своего брата, как предусматривала шерть 1480 г.) «да пошол на короля»[129]. Ожидаемый поход литовских сил не состоялся, Ахмату уже не суждено было двигать войска на Русь. А вскоре крымский хан и литовский великий князь нашли общий язык. К концу 1480 г. – началу 1481 г. можно отнести посольство Ивана Борисовича Глинского в Крымское ханство[130], увенчавшееся подтверждением прежней шертной грамоты и пожалования Тохтамыша.

Не исключено, что тогда в ярлык, данный Тохтамышем Витовту, и было включено новое условие — о пожаловании Пскова и Новгорода (его нет в ярлыке на имя Казимира, выданного Хаджи-Гиреем в 1472 г.). Польские историки, в частности А. Прохазка, считают упоминание Новгорода и Пскова дополнением 1514 г.[131]. о чем, однако, нельзя говорить с полной уверенностью. Пожалование могло относиться и к 1426 г., очередной попытке Витовта захватить русские северо-западные земли. Как бы то ни было, возобновление договора с Казимиром послужило базой для предъявления Ивану III литовским послом, полоцким наместником Богданом Андреевичем Саковичем почти фантастического требования: «король прислал Богдана, прося Новагорода Великого и Лук Великих»[132]. Однако в поздних высказываниях Менгли-Гирея много неясного. В 1507 г. панам Рады Великого княжества Литовского крымский посол должен был нарисовать картину развития отношений двух государств, начиная с рубежа XIV–XV вв., когда Витовт и Тохтамыш «присяжные братья были»[133], и Тохтамыш дал Витовту ярлыки на Киев и Смоленск. «О тых же вышеписаных городех» литовские послы взяли ярлык и у Хаджи-Гирея. Затем к Нурдовлату приехали послы Ян Кучукович и пан Ивашенцов, и также получили ярлык. К самому Менгли-Гирею приезжал воевода троцкий, вероятно, Иван Борисович Глинский. Установка Менгли-Гирея изменилась: якобы «по слову» Ивана III, крымский хан «с королем помирился», как стало известно 15 марта 1482 г. Однако послы Ивана III упорно настаивали на том, чтобы Менгли-Гирей «крепкое слово молвил и ярлыки дал, что ему с королем не мириться». Такое требование звучало 15 марта и в мае 1482 г., 19 марта 1483 г., 14 марта 1484 г.[134]

---

[127] Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 20–21.

[128] АЗР. Т. II. № 6. С. 4 (Ярлык Менгли-Гирея Сигизмунду I); Посольская книга метрики Великого княжества Литовского. 1506 // Сборник князя Оболенского. М., 1838. С. 27–28.

[129] Сб. РИО. Т. 41. № 6. С. 27. IV.1481.

[130] РИБ. Т. 27. № 293. Стб. 330–335; Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego XIV-XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994. S. 72.

[131] *Prochaska A. Z.* Witoldowych dziejów. I. Uklad Witolda z Tochtamyszem 1397 г. // PH. 1912. T. XV. Z. 3. Warszawa. S. 261.

[132] ПСРЛ. Т. VI. С. 234.

[133] Книга посольская княжества Литовского. 1506. С. 45.

«По слову великого князя Ивана Василиевича» крымский хан «землю Киевскую учинил пусту за неисправление королевское, что приводил царя Ахмата Болшиа Орды со всеми силами на великого князя»[135]. Отсутствие соответствующей посольской «инструкции» Ивана III привело А. М. Некрасова к мысли о том, что «связь похода 1482 г. с просьбами великого князя московского в действительности не была столь прямой и непосредственной, как это представлено в летописях»[136]. Иного мнения придерживались украинские историки. Так, М. Грушевский указывал, что в 1482 г. Менгли-Гирей подарил Ивану III дискос и золотую чашу из Софийского собора[137]. Современные украинские историки (в частности, Г. Ю. Ивакин) подчеркивают роль крымского хана в разгроме и последующем упадке Киева, превосходящим разорение города в результате Батыева нашествия[138]. Действительно, поход Менгли-Гирея на Литовское княжество увенчался взятием и разграблением Киева. Во время нашествия крымского войска на Киев в окрестностях города собрались князья Одоевский, Вяземский, Можайский, Трубецкой, Воротынский, Козельский со своими отрядами, «вся земля» Смоленская, Витебская, Полоцкая, Волынская, Подольская, Брестская и т. д.[139] Однако им не удалось противостоять нашествию.

Неспособность войска княжества Литовского противостоять набегам крымцев подрывала веру в целесообразность пребывания православных князей в этом политическом образовании. Пожалуй, 1482 г. можно рассматривать как переломный в сознании православной элиты восточных районов Литовского княжества и в их отношении к этому государственному образованию. Несколькими годами позднее большая часть перечисленных выше князей оказалась на стороне князя всея Руси Ивана III[140].

---

[134] Сб. РИО. Т. 41 № 7. С. 29; № 8. С. 33; № 9. С. 35; № 10. С. 39.

[135] ПСРЛ. Т. VI. С. 234; С. 214; Т. VII. С. 215; Т. XVIII. С. 270; Т. XXIV. С. 194. Ср.: *Pelenski J.* The Sack of Kiev in Contemporary Chronicle Writing // HUS. Vol. 3–4. 1979–1980.

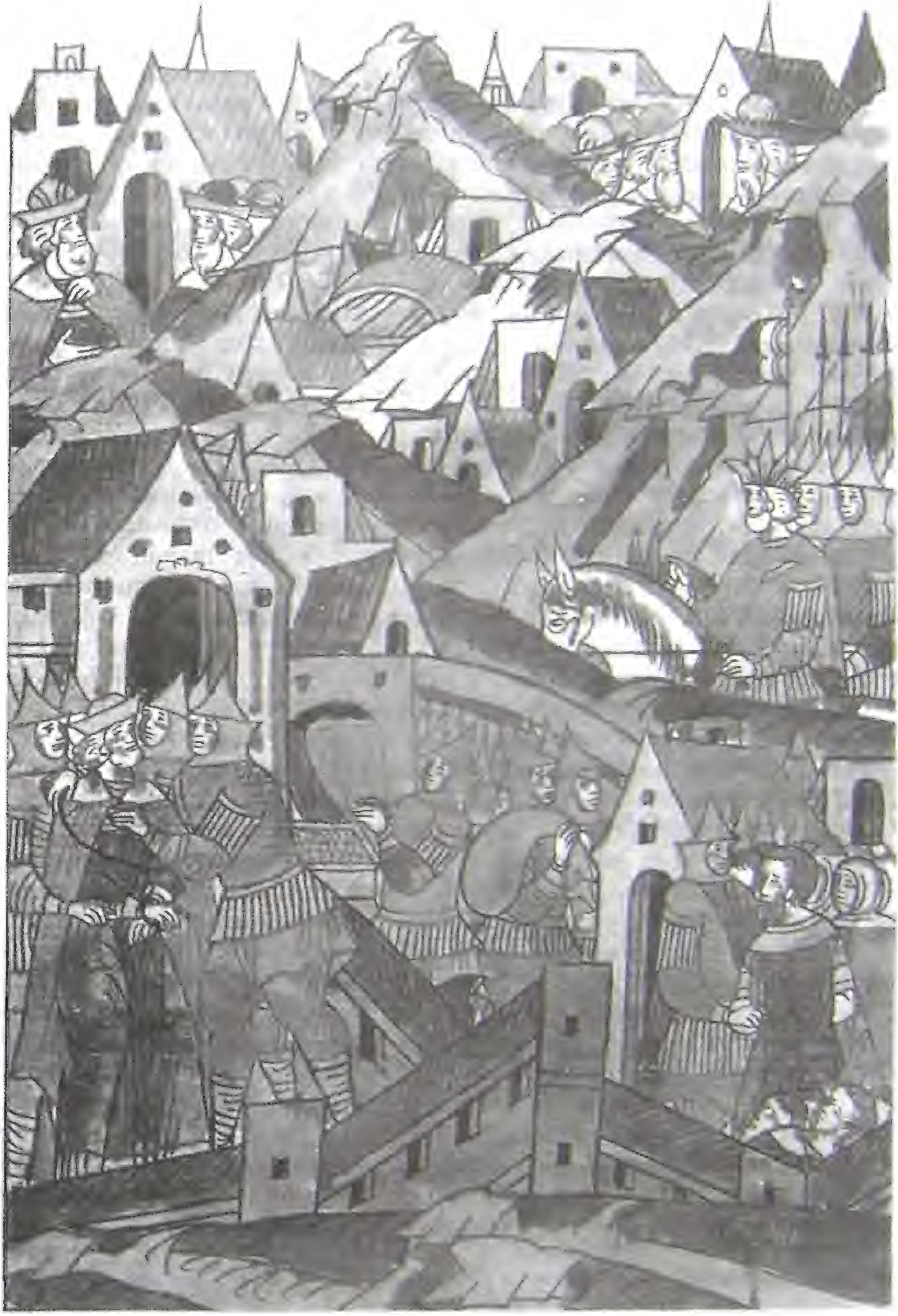
[136] *Некрасов А. М.* Международные отношения… С. 58–59. М. В. Кутузов, однако, получил наказ говорить хану, «чтобы пожаловал царь послал рать свою на Подольскую землю или на Киевские места» (Сб. РИО. Т. 41. № 8. С. 34. Май 1482 г.).

[137] *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. Київ, 1992. С. 169; *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII–XV вв. Киев, 1982. С. 86.

[138] *Ивакин Г. Ю.* Указ. соч. С. 15–16, 49–51, 69, 76, 79, 86.

[139] *Каманин И.* Указ. соч.

[140] *Базилевич К. В.* Указ. соч.



Поход крымского хана Менгли-Гирея на Киев в 1482 г. (РНБ. Миниатюра Лицевого свода XVI в. Шум. том. Л. 377)

Правда, по мнению последнего исследователя вопроса М. М. Крома, движущим мотивом подобного перехода была надежда сохранить свой имущественный и социальный статус[141].

В связи с событиями 1482 г. заслуживает внимания позиция литовской стороны. О ней можно судить по одному из документов Литовской метрики. В четвертой книге записей Литовской метрики находится грамота, приписанная редактором соответствующего тома издания И. И. Лаппо «ордынскому раде» Абдулле[142]. Грамота в копии Литовской метрики открывается словами: «Князь Абъдула, рада». Содержание документа давало бы возможность присоединиться к мнению И. И. Лаппо, если бы не обращение «цару». Ордынский «рада» так называть Казимира не мог. Скорее речь идет об ответе литовской рады, которая была весьма снисходительна к крымцам, князю Абдулле. «Хотя бы и ты, цару, к тому помочником не был, однак было тому городу гореть и тым людем погинуть, коли на них Божии гнев пришол», — читаем в грамоте. Ссылка на «Божий гнев» полностью реабилитировала крымского хана. «А з Божъее ласки у нас ест городов и волостей и людей досыть»[143], — гордо продолжали анонимные собеседники Абдуллы. Набег на Киев не изменил позиции литовской рады. Она предлагала крымскому хану продолжение тех же отношений, что были при его отце, Хаджи-Гирее, но выставляла условием присылку в Литовское княжество ханского сына в качестве заложника. Формулировка союза в этом документе несколько отличается от стандартной: «...будем за одно: што будуть твои люди, то мои, а што мои, то твои». Ответ содержал и обещание решить вопрос о городе «Тыкене» (Тягине), чего упорно добивался Менгли-Гирей.

Этот район привлек внимание хана, поскольку был очень важен в стратегическом и экономическом отношении. «Тягинин замок» стоял на р. Тягинке (впадавшей в Днепр в 30 верстах от его устья) недалеко от перевоза на Тавани. Каждая из сторон рассматривала его как свою собственность. Для Крыма это был плацдарм, откуда было удобно совершать набеги в среднее Поднепровье, Волынь и другие прилежащие районы. В 1492 г. Менгли-Гирей воздвиг здесь замок, разоренный в 1493 г.[144]

В период русско-литовской войны 80-х – начала 90-х гг., названной А. А. Зиминым «странной»[145], позиция Менгли-Гирея не отличалась особой последовательностью. Она определялась борьбой с Литовским княжеством из-за низовьев Днепра, с одной стороны, нежеланием усиления Русского государства, процесс расширения которого уже набирал темп, с другой, и ожесточенной войной с «Ахматовыми детьми», с третьей. Крымско-литовские противоречия выливались в форму набегов на Киев, Черкасы, Чернигов, Браславль, Венев, которые несли основную тяжесть расходов на оборону и поддержание дипломатических сношений со всеми ордами[146]. Другой «фронт» военных действий Крыма находился на Нижней Волге, где располагались улусы большеордынских царей, и противостояние с ними естественным образом превращалось в борьбу за Астрахань. К. В. Базилевич, анализируя записки И. Барбаро, обратил на это внимание, датируя столкновение Менгли-Гирея с Муртазой 1484–1485 гг. Значение событий середины 80-х гг. XV в. он видел в том, что «Турция окончательно становится на сторону Менгли-Гирея, создавая благодаря своей помощи значительный перевес его сил над противниками»[147].

---

[141] *Кром М. М.* Указ. соч. С. 70–83.

[142] Та же характеристика Абдуллы дана и в указателе (РИБ. Т. 27. С. 44).

[143] РИБ. Т. 27. № 25. Стб. 326. Конец 1482 г.

[144] *Сыроечковский В. Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом. С. 219–220.

[145] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 93.

Русь, в свою очередь, видела в Крыме союзника. Осенью 1489 г. Менгли-Гирей известил Ивана III о новом походе Муртазы и Сеид-Ахмата на Крым. Весной 1490 г. Иван III направил племянника Менгли-Гирея Сатылгана на Орду, куда тот, однако, не пошел[148]. 2 сентября 1490 г. Менгли-Гирей был вынужден заключить мирный договор с Ордой, ханы которой послали в Крым войско, опустошившее земли Барынских беев[149]. Крымский хан в долгу не остался. С помощью 1 000 турецких янычар, прибывших на 10 судах, он разбил ордынское войско и отогнал коней. Итак, поддержка Османской империи обеспечила равновесие сил Орды и Крыма.

Однако эти события знаменовали и новый поворот в политике Крымского ханства, нацеленность ее не только на разгром орд, но и на захват Астрахани, где правил Абдул-Керим. Один из сыновей Ахмата Муртаза в мае 1491 г. отправился к Астрахани в надежде на поддержку ногаев, союз литовского князя с главой одной из орд становился для Крыма особенно опасным, даже несмотря на то, что главные ордынские силы Муртазы и Сеид-Ахмата 25 января 1491 г. были разбиты литовскими войсками под Заславом у р. Горыни. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Менгли-Гирей захватил коней: «...нынеча как бы им отойти, ино силы нет, велми нынечи охудели, рать их королев сын побил»[150]. После двукратных посольств к султану Баязиду Менгли-Гирей получил новое турецкое подкрепление — 2 тыс. пеших воинов[151]. Ивану III удалось привлечь ногайских мурз Мусу и Ямгурчея. Султанский посол прибыл «ко царем в Орду о том, чтобы цари с того поля пошли прочь». Наконец, русское войско напало на Абдул-Керима, его отряд был разбит, сам хан бежал в Астрахань. Таким образом, в 1491 г. Крым победил Большую орду «благодаря поддержке, оказанной Менгли-Гирею как Русским, так и Османским государствами. Ивану III необходимо было, — пишет А. М. Некрасов, — сохранить союзника в борьбе с Великим княжеством Литовским, а султан не мог допустить поражения своего вассала»[152].

---

[146] ЛМ. Книга записей 5. С. 73, 99, 118 и др.

[147] *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 210–211.

[148] Сб. РИО. Т. 41. С. 77, 88, 98.

[149] Сб. РИО. Т. 41. С. 108–109.

[150] Сб. РИО. Т. 41. № 28. С. 105, 25.IV.1491.

[151] Сб. РИО. Т. 41. С. 105, 110–112; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 63–64.

[152] *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 63–64.

Интересы Менгли-Гирея не ограничивались одним только перевалочным пунктом на пути с Волги к Каспийскому морю. Здесь в 1492 г. крымский хан начал создавать город Очаков, который должен был передать в его руки контроль над еще одной торговой артерией[153].

Угроза турецко-татарского нашествия заставляла феодалов Великого княжества Литовского стремиться к союзу с Короной Польской. После смерти короля Казимира 7 июня 1492 г. литовская рада срочно направила предложение панам Рады Короны Польской о совместных действиях против Османской империи и Крымского ханства. Повторное предложение было направлено на защиту Литовского княжества от «перекопского» царя[154]. Ту же инициативу поддержал и новый польский король Ян Ольбрахт. Поздравляя своего брата с занятием королевского престола, Александр, подобно панам Рады, предложил польскому королю совместные действия против Менгли-Гирея, вышедшего в январе 1493 г. из «Перекопа» и двигавшегося вместе с османским войском во главе с Месих-пашой (из Белгорода) к Тягинину замку на Днепре[155].

Самому же Менгли-Гирею Александр пообещал наказать виновников ограбления корабля под Тягиней, захвата людей и лошадей. Вместе с тем Александр потребовал давать «украинным людям» суд и управу со стороны татар. Действительно, как сообщал Александр Менгли-Гирею (вероятно, на следующий год) все захваченное его подданными под Тягинею, было возвращено крымцам[156].

Возможно, для того, чтобы обезопасить себя от возможных конфликтов с Литовским княжеством, 26 июня 1492 г. Менгли-Гирей отправил к Казимиру своего посла Камбар-Али, вместе с которым в Крым выехал Иван Борисович Глинский, снабженный инструкцией, содержавшей предложение Менгли-Гирею возобновить договор, заключенный с его отцом. Ни напоминания о прежней «дружбе» Хаджи-Гирея и Казимира, ни предложения возместить расходы по постройке Очакова не достигли цели[157]: посол был заключен в темницу, а строительство крепости, призванной контролировать часть побережья Черного моря, продолжалось. Вскоре после отъезда посла из Литовского княжества нападению ширинского князя Бараша подверглись окрестности Киева[158]. Уже в это время территориальные устремления Менгли-Гирея простирались довольно далеко. Он предлагал Ивану III план раздела Литовского княжества, оставляя себе Киев, а Ивану III — Вильно[159]. Ответом Ивана III было предложение о прекращении строительства крепости в Очакове (на том же настаивал и Александр). Иван III предлагал хану новый поход на Великое княжество Литовское[160]. Тем не менее основным объектом внимания крымского хана оставался район Очакова. В 1493 г. Менгли-Гирей вел переговоры с белгородским пашой Меситом, целью которых было разделение сфер влияния в этом районе.

---

[153] Непосредственным толчком для этого могла быть стычка с войсками Литовского княжества на Тавани. Сб. РИО. Т. 41. № 29. С. 114. 26.IV.1491.

[154] *Малиновский А.* Указ. соч.

[155] АЗР. Т. I. № 104. См. подробнее: *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 67–68.

[156] Там же. Л. 142 об.

[157] ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 55–56; АЗР. Т. I. № 102. С. 118–120. 27.VII.1492.

[158] ЛМ. Книга записей 5. № 22. С. 73; АЗР. Т. I. № 107. С. 125. Начало 1493 г.; Сб. РИО. Т. 41. № 40. С. 182–183; см. подробнее: *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 244–245, 303.

[159] СБ РИО. Т. 41. № 35. С. 153.

Крымско-литовским отношениям препятствовали непрекращавшиеся попытки использования Заволжской орды в интересах Великого княжества Литовского. Так, литовского посла Лютавора Хребтовича, отправленного в Корону Польскую, Александр извещал о том, что орда в 1493 г. кочует вблизи Литовского княжества, и литовские дипломаты стремятся направить ее на Русское государство[161]. Лютавор Хребтович одновременно с переговорами должен был нанять пеших и «ездных» — конных жолнеров.

В ответ на предложение возобновить отношения, сделанное Александру Шиг-Ахматом, возглавлявшим Орду, литовский князь в 1496 г. отправил свое посольство с целью заключения откровенно антикрымского союза. Одновременно Александр просил ордынского хана помочь находившемуся в Литве царевичу Уздемиру-салтану получить отцовский престол[162].

Русско-крымский союз и в середине 90-х гг. был весьма серьезным препятствием на пути установления, а точнее, восстановления дружественных литовско-заволжских (большеордынских) отношений. Посольство Василия Борисовича Глинского не добралось до Шиг-Ахмата, на пути оно было захвачено Менгли-Гиреем[163]. Новые контакты были отложены до тех пор, пока, как писал заволжский хан, Орда не прикочует поближе к ВКЛ, чтобы можно было без страха перед Менгли-Гиреем вести дипломатические переговоры.

Не прекращались и прямые нападения крымцев на ВКЛ. Литовский великий князь в 1496 г. расценивал крымского хана Менгли-Гирея и волошского воеводу Стефана как «великих непрыятелей», так как «ойчине нашой Великому князству знаменитыи шкоды почынили, городы нашы пожъгли и многии люди головами в полон повели»[164].

Упрек Александра в том, что Русь состояла в союзе с этими государствами («тыи твои послы там у них были, а их послы у тебе были и не однова», — писал он Ивану III), тем самым нарушив договор 1494 г., безоснователен. Стороны трактовали его совершенно по разному: Александр полагал, что в докончании «межи нами записано, што... быти заодин на всякого нашого недруга и на татар»[165]. То же писал Александр и с послом Ивашкой Сапежичем: в докончании записано, што «быти тебе с нами на всякого нашого неприятеля а на поганство заодин»[166]. Дьяк Третьяк Долматов, отправленный в конце 1495 г. в ВКЛ, оповещал Александра, что Иван III «приказал» Менгли-Гирею быть с Александром «в любви и в одиначестве, другу бы нашему друг был и недругу бы недруг». Иван III, обещая помощь Александру, разузнавал, какая именно поддержка требуется[167]. Между тем Менгли-Гирей еще не приблизился к Днепру[168].

---

[160] СБ РИО. Т. 41. № 35. С. 159–160.

[161] ЛМ. Книга записей 5. № 18. С. 71. 1493 г.

[162] Там же. № 51.1. С. 98–99.

[163] Там же. № 65. С. 118.1496; № 66.2. С. 118. 29.I.1497.

[164] Там же. № 63.1. С. 114. [1496].

[165] Там же.

В конце 90-х гг. литовско-крымские отношения не улучшились: продолжалась пограничная война, по-прежнему удерживался в Крыму Василий Борисович Глинский (в 1496 г. направленный в «Заволжскую орду» для заключения антикрымского и антитурецкого союза), равно как и захваченные в плен жители соседних земель; крымцы продолжали строительство крепости на правой, так называемой «литовской» стороне Днепра. Требования Александра о возвращении посла и прекращении строительства не были удовлетворены, хотя за союз с Менгли-Гиреем ратовал кафинский паша Мухаммед-салтан[169]. Александр же натравливал хана Большой (Заволжской) орды Шиг-Ахмата на Крым[170]. В 1495 г. наместником Кафы становится сын султана Баязида — шах-заде Мухаммед. В историографии оценка этого события различна, однако несомненно, что османское влияние на жизнь Крымского ханства в результате появления а Кафе ближайшего родственника султана должно было усилиться.

Посредником между союзником Русского государства — Крымским ханством и его противником — Литовским княжеством выступил Мухаммед-Гирей, сын Менгли-Гирея, воспитывавшийся в Стамбуле при дворе османского султана. Он предложил свою дружбу Александру и посредничество между литовским князем и крымским ханом в том случае, если последний возместит убытки и вернет пленных. То же предложение повторил кафинский наместник султан Мухаммед-паша[171].

В 1497 г. позиция Менгли-Гирея стала несколько меняться, и он начал склоняться к заключению договора с польским королем, о чем сообщил литовскому князю. Хан обратился к нему с жалобой на пассивность киевского воеводы Дмитрия Путятича в вопросе о возвращении «литовских» «нятцев», с предложением прекратить сношения с Заволжской ордой, направить крымского посла в случае получения им «глейта» (опасной грамоты)[172]. Однако Александр не торопился принимать окончательное решение, отложив его до возвращения В. Глинского и приезда крымского посла[173]. Литовскому князю более перспективным союзником казался хан Заволжской орды, который в 1497 г. предлагал Александру выбрать подходящее время — весну или осень для нападения на Крым и дожидаться на окраине со своими войсками сообщения из Заволжской орды[174].

---

[166] Книга записей 5. № 69. С. 120. 1497.

[167] ЛМ. Книга записей. № 41. С. 91. [1495].

[168] Там же. № 47. С. 96. [1495].

[169] Там же. № 71.1, 72.27. С. 120–121. 1497.

[170] Там же. № 66.2. С. 118. 29.I.1497.

[171] Там же. № 65. С. 117; № 71.2. С. 122.

[172] Там же. С. 122–123.

[173] Там же. № 72.1, 72.3, 72.4. С. 123–124. [1497].

Великий князь литовский уже однажды, в 1480 г., показал себя неверным союзником. И память об этом была жива в Заволжской орде вплоть до конца ее существования. Так, Шиг-Ахмат писал Александру в 1500 г.: «По тому братству ваш отец король и наш отец Ахмат царь, зодиначывшыся межы себе, тверъдо оба прысягнули и, на конь свои въседши, мели на Ивана поити. Ино мои отец з воиском своим на него пошол, а твои отец не шол»[175]. Хан Большой орды прочно держался за этот союз. «Братство и прыязнь» царили в отношениях Орды и ВКЛ «от великого цара Батыя»[176]. Временно потеряв контакты с ВКЛ, Шиг-Ахмат в середине 90-х гг. просил уведомить его о расстановке сил, о союзниках и противниках Литовского княжества. Вероятно, Александр после своего прихода к власти не удосужился восстановить контакты с Ордой, разгромленной в 1481 г. Ордынский посол Тагир был задержан в ВКЛ на целых 8 лет[177], младший брат Шиг-Ахмата Хожак-султан не был признан литовским князем[178].

В 1497 г. инициативной стороной литовско-ордынских отношений выступил хан Заволжской орды Шиг-Ахмат[179]. Посольство от Шиг-Ахмата, Хожак-султана, князей Хаджи-Гирея и Аеги выдвинуло предложение помочь Литовскому княжеству в борьбе против Менгли-Гирея. Александр выразил благодарность ордынским представителям и пообещал информировать о результатах переговоров с Крымом[180]. Шиг-Ахмат не отказался от своей идеи и в дальнейшем. В 1498 г. он упрекал литовского князя в несоблюдении обещания совместно воевать против Менгли-Гирея, и приглашал на свадьбу своего брата с дочерью князя Шемахи (и, естественно, по этому случаю вымогал подарки от Александра, а его примеру следовал и князь Хаджи-Гирей). Одновременно хан Муртаза просил Александра о хлебокормлении, где-нибудь на «украине» себе, брату и детям[181].

Между тем положение Большой орды ухудшалось. По сообщению русского посла Бориса Челищева от июля 1498 г. «приходили черкасы на Большую орду да побили... татар Большой орды добре много». «Ахматовы дети истомны учинилися, и нынеча хотим их искати», — сообщал Менгли-Гирей Ивану III. Он собирался прибегнуть к помощи султана и, взяв у него 60–70 тыс. рати, дойти до Вильны и Кракова[182]. Шиг-Ахмат в 1500 г. просил у шах-заде Мухаммеда разрешения перекочевать из Предкавказья к Днепру, но не получил его. «Орду... сказывают, — доносил из Крыма Иван Кубенский, — в Пяти горах под Черкасы, а голодну кажут и безконну добре»[183].

---

[174] ЛМ. Книга записей. № 72.4. С. 124; № 73.2, 3. [1497].

[175] Там же. № 104.1. С. 172. 18.XII. 1501.

[176] ЛМ. Книга записей 5. № 391.

[177] Там же. № 48.1–3, 51.1. С. 97, 98. 22.XII.1495, 1496.

[178] Там же. № 48.3, 51.3. С. 197–199. 1495, [1496].

[179] Там же. № 106.16. С. 175. 1501.

[180] Там же. № 73.1–4. С. 124–126. 1497.

[181] Там же. № 81.6. С. 138 [1498].

[182] Сб. РИО. Т. 41. № 58. С. 263. 9.VII.1498.

К началу второй русско-литовской войны 1500–1503 гг. (первой в XVI столетии) — лагерь противников Русского государства пришел в состояние относительного единства. Заволжская орда достигла временного соглашения с ногайскими князьями, что было закреплено свадьбой дочери Шиг-Ахмата с одним из ногайских князей[184], на которую приглашали и литовского князя. Воспользовавшись этим, Александр поспешил просить ногайских князей о нападении на Русское государство в том же 1500 г., таком тревожном для Великого княжества Литовского[185], когда в качестве союзника Ивана III выступил и Менгли-Гирей[186]. Однако последним было очень трудно поддерживать отношения друг с другом. Послу Ивана III Ивану Кубенскому не удалось благополучно достигнуть Крыма. Его караван был разграблен в степи ордынцами, 11 человек было убито, 7 попали в плен, «рухлядь» (соболи, горностаи, лисьи горла, шубы, ювелирные изделия и др.) на сумму 3000 руб. потеряна. Несколько лучше сложилась судьба посольства Ивана Мамонова, выехавшего в Крым в августе 1500 г. Азовские татары отняли у него товара только на 700 руб., погиб один священник и еще четыре человека[187]. Мамонов известил хана об успехах в русско-литовской войне.

Одновременно литовская дипломатия сделала попытку разрушить крымско-русский союз. Киевский воевода Дмитрий Путятич 23 ноября 1500 г. был направлен послом к «вольному царю» Менгли-Гирею, чтобы напомнить ему о давних традициях времени Тохтамыша и Ольгерда, Казимира и Хаджи-Гирея, когда предки Менгли-Гирея «вольными цары слыли и многии земли, господаръства им ся кланивали, пошлины и выходы царские их им давали». Распад союза между Литовским княжеством и Крымским ханством был, по словам посла, причиной ослабления ханства: «Честь твоя царская не по тому стоит и понижела, и пошлины тыи вси... отошли... А хто перед тым твоим предком холопом писывал, тот нине тобе вжо братом ся называеть». Этим пассажем, направленным против Ивана III, Дмитрий Путятич должен был убедить Менгли-Гирея разорвать союз с прежним «холопом» и вступить в традиционно дружественные отношения с Литовским княжеством, где раньше находили приют крымские ханы, гостеприимно там встреченные («А хлеба им и соли не боронивало»[188]). Александру не удалось привлечь на свою сторону Менгли-Гирея, но зато на Шиг-Ахмата подействовали уговоры («холопа своего сказнишь»)[189] и выплата значительной «ордынщины» — 15 сороков соболей, 7 поставов лунских, 14 махальских, 46 троцких,

---

[183] Сб. РИО. Т. 41. № 66. С. 323. VIII.1500.

[184] Сб. РИО. С. 323, 332–333.

[185] ЛМ. Книга записей 5. № 87.1, 4. С. 143, 144. 1500.

[186] Там же. № 90.1. С. 147. [1500].

[187] Сб. РИО. Т. 41. С. 405–407.

[188] ЛМ. Книга записей 5. № 95.1–12, 98.1–3. С. 156–159, 163–167. 1500.

[189] ЛМ. Книга записей 5. № 94.2. С. 155. 27.XI.1500.

4 новогонских сукон[190]. Планы Шиг-Ахмата отнюдь не поддерживали его братья, как старшие (Муртаза и Абдыл-Керим), так и младший — Сеид Ахмед. «Вси тыи мене, — писал хан, — за повод иняли, рекучи: Не ходи тамо»[191]. Но хан не внял уговорам.

Ранней весной 1501 г. орда пересекла Дон у р. Чир, поднялась по Дону почти до русских границ. Летом 1501 г. Шиг-Ахмат вместе с Сеид-Мухаммедом расположился на Дону у Тихой Сосны, чтобы поставить там крепость[192], откуда соединенные силы Большой орды (численностью до 20 тыс. человек)[193] могли угрожать и Крыму, и южным окраинам Руси. Ему навстречу к Мстиславлю вышло значительное литовское войско, с которым, однако, ордынцы не встретились. Крымцы, поставившие свою крепость напротив ордынской, после пятидневного стояния внезапно ушли с устья Тихой Сосны[194]. Казалось, успех сопутствовал ордынскому хану: он отогнал крымские войска от пределов Литовского княжества и не дал возможность Менгли-Гирею полностью выполнить обязательства по отношению к Ивану III, хотя хан для борьбы с Большой ордой требовал от него, как от своего союзника, подкрепления в 10 000 всадников, а также пушек и пищалей[195]. Русские же военные силы не вмешивались в ордынско-крымский конфликт, в связи с чем Л. Коллинз ставит вопрос о том, хотел ли Иван III полного подчинения Большой орды Крымскому ханству[196]. После этого Шиг-Ахмат двинулся к Стародубу, Рыльску и Новгород-Северскому, взял два последние и с гордостью писал Александру: «Для тебе их есми не рушил»[197]. Иван III претендовал непосредственно на литовские владения — Киев, Слуцк, Туров, Пинск, но отнюдь не на Путивль, Чернигов, Рыльск, Новгород-Северский, Стародуб, Гомий, Любич, Трубческ, Брянск, которые уже вошли в состав Русского государства.

Яблоком раздора в литовско-ордынских отношениях послужил Киев. Крупнейший стратегический и торговый центр на Днепре в конце XV в. стал предметом пристального внимания различных государств. Большая орда, хану которой («царю завольскому и перекопскому») вскружил голову небольшой и временный успех в борьбе с Менгли-Гиреем в 1501 г., направила своего посла Довлетека к Александру «просити Киева»[198]. Кроме того, Шиг-Ахмат собирался «своего холопа» князя Михаила Тверского «на его отьчину опять князем вчынити»[199]. Планы ордынского хана нельзя назвать реалистичными. Шиг-Ахмату следовало заботиться о себе.

---

[190] ЛМ. Книга записей 5. № 102. С. 170–171. 1501.

[191] ЛМ. Книга записей 5. № 98.4. С. 165. 1500. № 103. С. 171–172. 20.IX.1501.

[192] ЛМ. Книга записей 5. № 102.2, 104.1. С. 170, 172. 1501. 18.XII.1501.

[193] Сб. РИО. Т. 41. № 72. С. 359, 356, 358.

[194] Там же. С. 367.

[195] Там же. С. 361.

[196] Там же. С. 368–369.

[197] ЛМ. Книга записей 5. № 104.23. С. 176. 1501.

[198] Там же. № 104.4. С. 173. 1501.

[199] Там же. № 106.1. С. 178. VII.1502.

Летом в устье Тихой Сосны Большая орда противостояла Крыму. Каждая сторона воздвигла остроги, но не решилась дать сражения. Шиг-Ахмат отошел сначала к Рыльску, а осенью 1501 г. после 40-дневного стояния под Каневым двинулся на Чернигов, где умер его брат Жонай-салтан[200].

К личным бедам («сам есми в тузе и в мысли остал») добавились и другие: «Зима тверда стала, снег велик напал, люди ходити не могли, слуги и влусы далеко стали», — жаловались и хан, и Тювикель[201]. В этих обстоятельствах один из представителей ордынской знати князь Тювикель вспомнил об Иване «Московском» и в послании Александру напоминал о прежнем «приятельстве» с ним, несколько упрекая литовского князя: «...мы есмо для вас от него разлучылися»[202].

Между тем Иван III при известии о нападении большеордынского войска на Рыльск и Новгород-Северский направил к Шиг-Ахмату посольство, о котором сообщают весьма пристрастные политики — сам хан и его правая рука Тювикель. Последний извещал Александра: «нашого цара холоп Иван мовить так: “Ратай и холоп его буду”»[203]. Просьба Ивана III о прекращении военных действий на границах Русского государства подкреплялась материально: он «прыслал к нам тые датки, чого ж отцу нашому и братьи нашои не давал у вашом щастьи». В декабре 1501 г. в Москву прибыл большеордынский посол с предложением союза (о «дружбе и о любви»)[204]. В ответ в марте 1502 г. в Орду выехал Давыд Лихарев[205]. Переговоры посольства в декабре 1501 г. – июле 1502 г. проходили в сложных условиях. Все это время, несмотря на просьбы великого князя, постоянно излагавшиеся его послом Алексеем Заболотским, Менгли-Гирей бездействовал, не оказывая поддержки Ивану III.

Однако и положение Большой орды оставляло желать лучшего. Зимовать ей пришлось на р. Сейм. Лишь весной 1502 г. она откочевала на юго-запад, к р. Суле. Опасения перед двумя неприятелями — крымским ханом, который «зъдавна» был таковым, и Иваном III, «сильным неприятелем», четко выразил Тювикель: «Межы дву воин стоим: любо Менъдли-Кгерея воевати, а любо холопа Ивана... Естли боръзо воиском не прыидете, тогды межы дву воин не можем постояти»[206]. Свои переговоры с Иваном III, который де «издавна холоп был и после отца нашого смерти и вашого непрыятелем стал», Шиг-Ахмат объяснял необходимостью вызволить своих соотечественников из русского плена: «Нашы добрыи люди Ивану в неволю впадали, и сеит ест и попы ордынъскии и мещане ест, и харторахаицы. Штобы с того греха не было, Махметев закон ест перед Богом, штобы ми за то не терпети»[207]. Кроме

---

[200] ЛМ. Книга записей 5. № 102.4. С. 171. 1501.

[201] Там же. № 103. С. 171–172. 20.III.1501.

[202] ЛМ. Книга записей 5. № 106.1, 3. С. 178–179. VII.1502.

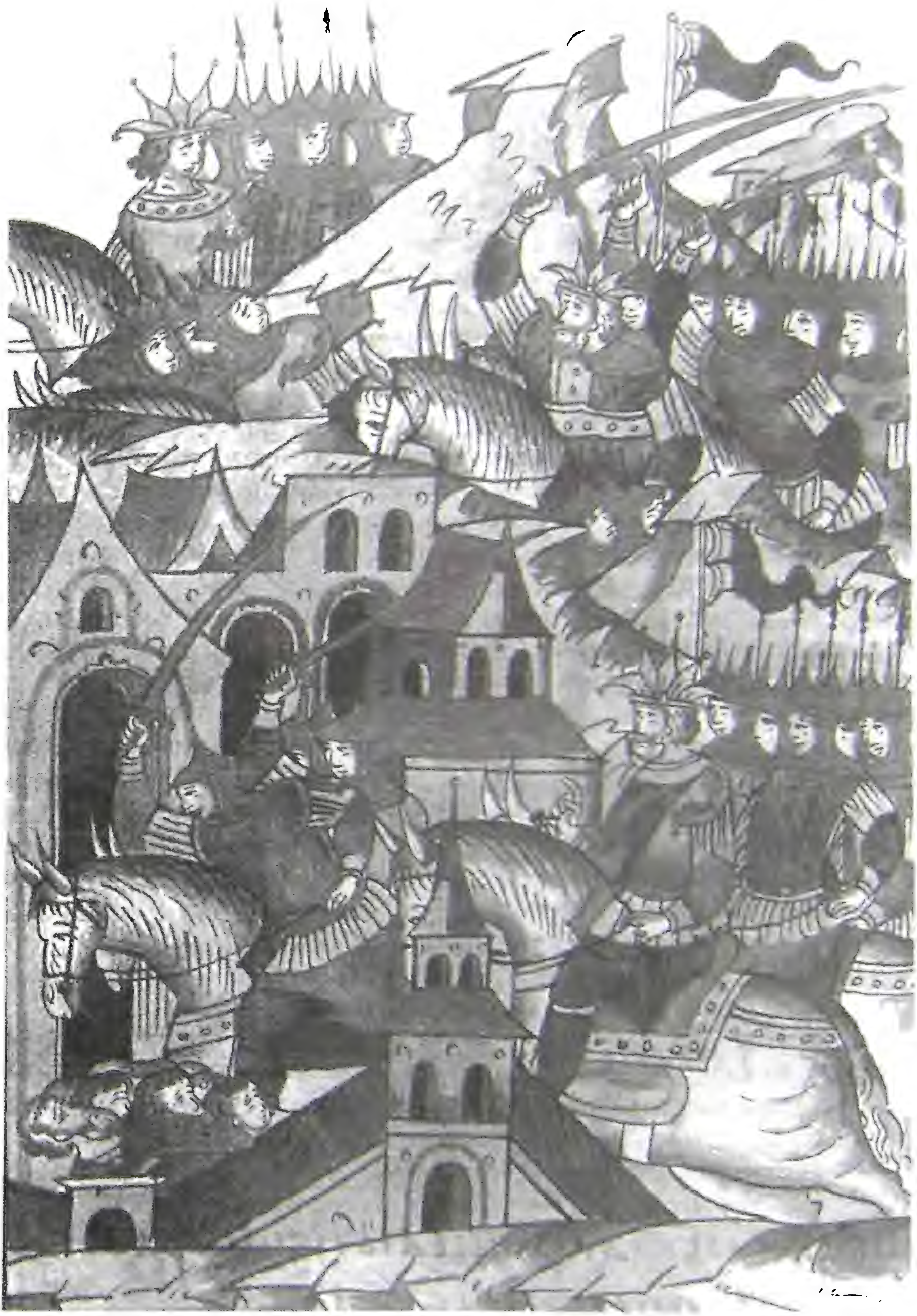
[203] Там же. С. 178.

[204] Там же. № 108.1, 2 С. 181–182. 1502; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 143.

[205] Уже в июне 1502 г. в Крыму стало известно, что Лихарев был начисто ограблен в Орде. Сб. РИО. Т. 41. № 83. С. 418–419.

[206] Там же. № 106.1,2. С. 178–179. 1502.

[207] Там же. № 108.1. С. 181. 1502.



Разгром Большой орды крымским войском в 1502 г. (РНБ. Миниатюра Лицевого свода XVI в. Шум. том. Л. 623) того, ордынский хан утверждал, что заволжцы ведут переговоры с Русью лишь для обмана[208]. В ином свете представлял позицию своего государя князь Тювикель. Он обещал поддерживать антимосковскую политику хана: «На Ивановы великии скарбы смотра, вас не оставим».

Отношения Литовского княжества и Большой орды не успели окончательно оформиться. Уже в конце 1501 г. – начале 1502 г. совершенно очевидной стала неизбежность гибели Заволжской орды. Однако лишь в мае 1502 г. в присутствии А. Заболотского крымское войско двинулось на Орду, обессилевшую после суровой и очень тяжелой зимы. Вопреки традиционному взгляду, Л. Коллинз полагает, что Менгли-Гирей сам не участвовал в походе на Орду, он де мог совершить его только в августе–сентябре 1502 г., но в это время, как свидетельствуют его послания Ивану III, был болен и оставался в пределах ханства[209].

В июне 1502 г. крымское войско без решительного сражения покончило с Большой ордой, находившейся между реками Самара и Сула. Победа Гиреев, по мнению Л. Коллинза, положила конец Наманганской династии, но не Большой орде. Иначе оценивает события 1502 г. К. В. Базилевич: уничтожение Орды «явилось большим торжеством московской внешней политики. Русское государство навсегда освобождалось от врага, являвшегося прямым наследником Золотой орды»[210]. Л. Коллинз рассматривает события 1502 г. как эпизод в длившейся с XIV в. династической борьбе[211]. В ней участвовали потомки трех братьев Батыя — Намангана, Шибана и Туки Тимура. Каждый из этих трех родов считал себя вправе претендовать на земли, «народ» и доходы[212]. Шибаниды в XIII в. утвердились к западу от Волги, но в XIV в. часть их территории захватил Темир-Кутлук, представитель рода Наманган. Об этом и рассказывал Ивану III шибанид Ибак[213], обосновывавший свои претензии на Поволжье и оправдывавший борьбу против потомков Темир-Кутлука, к которым и принадлежал Ахмед-хан. Его родословная выглядела так: Наманган-Кутлуг-Тимур-Тимур-Тимур-Кутлуг, у последнего было два сына: Кучук и Мухаммед, у Кучука сын Ахмед, у Мухаммеда — сын Махмуд и внук Ахмед[214]. В XV в. Большой ордой, занимавшей Нижнее Поволжье, управляли наряду с потомками Намангана и Шибаниды. Наманганам принадлежала Астрахань, где утвердились дети Ахмеда — Ак-Керек и Ямгурчей[215].

После разгрома Большой орды крымско-литовские отношения стали стремительно набирать темп. Менгли-Гирей вступил в непосредственные контакты с Александром и его наместниками. Он просил киевского воеводу Дмитрия Путятича пропустить его послов[216]. Хан как бы унаследовал традиции Большой орды.

---

[208] ЛМ. Книга записей 5. № 108.1, 2. С. 181–182. 1502.

[209] *Collins L.* On the Alleged «Destuction»... P. 369.

[210] *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 490.

[211] *Collins L.* On the Alleged «Destuction»... P. 372–373, 379.

[212] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. С. 627.

[213] Сб. РИО. Т. 41. С. 198–199.

[214] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. Т. II. М.—Л., 1941. С. 62.

[215] *Collins L.* On the Alleged «Destuction»... P. 377.

Некоторую роль в установлении литовско-крымских отношений, возможно, сыграла и ошибочная позиция русских дипломатов. Накануне русско-литовской войны с ее решающим событием — битвой на Ведроше[217], в тот кратковременный период, когда мирные сношения Русского государства и Великого княжества Литовского отодвинули проблему русско-крымско-литовских отношений на второй план, во внешней политике Руси была допущена ошибка. В Крым был отправлен Семен Ромодановский (до 1500 г.) с предложением заключить мир с Александром, а к последнему поехал И. Г. Мамонов с тем же поручением. Пусть условия мира были неприемлемы для Литовского княжества (возвращение крымцев, «что потягли наши люди к нашей Орде», выплата ясаков и восстановление должности даруг, существовавших при Сеид-Ахмеде[218]), самый факт ориентирования русской дипломатией крымского хана на мирные отношения с Литовским княжеством был ошибкой. Не в этом ли заключается еще одна причина опалы Дмитрия-внука и Елены Волошанки, окружение которых руководило внешней политикой Руси накануне кризиса в русско-литовских отношениях[219], приведшего к войне 1500–1503 г.? Не в этом ли одна из причин успеха литовской дипломатии, не без усилий которой Менгли-Гирей покинул свою крепость на Дону?

Вслед за посольством Станислава Петряшковича Кишки и «дьяка» Ивашки Сапегина, которые настаивали на примирении крымского хана и литовского князя, аналогичное поручение было дано Семену Ромодановскому. Несколько дивясь ему, Менгли-Гирей велел ответить своему послу Ази-Халилю: «И нынеча что ты велел воевати, и мы ратью их воевали, чтобы и тебе и нам недруг. И нынеча ты велишь помиритись, велми добро, яз ся помирю, и възверишь, и ты бы ему крепкое слово молвил»[220]. При этом хан сообщал, что есть один спорный вопрос. Действительно, в 1499 г. Менгли-Гирей потребовал от Александра возвращения людей, данных его отцом Хаджи-Гиреем, князю Семену Киевскому[221].

В ответе на посольство князя С. Ромодановского предыстория вопроса изложена более подробно. «Нашие орды данщики отца моего князю Семену Киевскому князю отданые люди есть; коли Сеит Ахметя царя отвезли в Литовскую землю, и тех ордынских данщиков наших людей нам отдаст»[222]. При внешней понятности этого рассказа социальный статус людей, отданных Хаджи-Гиреем князю Семену, остается неясным. Важно подчеркнуть, что истоки конфликта по поводу «данщиков» восходят ко времени до 1466 г., когда умер Хаджи-Гирей. В течение 33 лет или более спор оставался неурегулированным, но проявился лишь в октябре 1499 г. в речи Ази-Халеля, произнесенной в присутствии Ивана III по поручению хана: «А что потягли наши люди к нашей орде, те бы он наши люди отдал, и как наши люди нам отдаст, после того лихо межи нас отступит»[223].

---

[216] ЛМ. Книга записей 5. № 107.1–4. С. 180–181. 1502.

[217] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России начала XVI в. М., 1970; *Herbst St.* Bitwa nad Wiedroszą 1500 roku // Wieki średnie. Medium aevum. Prace ofiarowane Tadeuszowi Manteuffelowi w 60 rocznice urodzin. Warszawa, 1962. S. 275–282.

[218] ЛМ. Книга записей 5. № 93. С. 151–152; Сб. РИО. Т. 41. С. 288; Т. 35. С. 290. Подобный тип отношений Литовского княжества с преемниками Золотой Орды К. В. Базилевич относил ко второй четверти XV в., к кратковременному правлению хана Синей орды (*Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 445).

[219] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980.

[220] Сб. РИО. Т. 41. № 61. С. 288. VIII–X.1499.

[221] Там же. 57. С. 257–258. VIII.1498; ЛМ. Книга записей V. № 71. 2. С. 121–122. 1497.

Возрождение Менгли-Гиреем, «Великое орды... великим царем» (как он называл себя сам) или «Великое орды царем» (как именовал его Александр в 1504 г.[224]) программы времен Тохтамыша (а требования Менгли-Гирея повторяли условия ярлыка этого хана: «из старины к Перекопской орде тянули Киев в головах почен; а опроче Киева по тем городкам дараги были и ясаки с тех людей имали, Канев да Нестобрат, да Дашко, да Яро, да Чонам, да Болдав, да Кулжан, да Бирин Чябаш, да Черкаской городок, да Путивль, да Липятин, те городки и з селы все царевы люди»[225]) обосновывало притязания крымского хана на огромную территорию будущих украинских земель. О своих притязаниях на Киев Менгли-Гирей объявил как в начале 90-х гг., так и на рубеже XV–XVI столетий.

Дальнейшая предполагаемая судьба Киева и Черкасского городка изложена настолько туманно («...Киев и Черкаской городок твои будут, и какое лихое дело будет, кочевав к Киеву и к Черкаскому городку близко придем, твои люди наши люди будут, а наши люди твои люди будут... Киев и Черкаской городок добром и лихом не мочно будет взяти, в то место иные люди давши не мочно ли взяти?»)[226], что это дало основание К. В. Базилевичу думать, будто города предназначались крымским ханом Ивану III. Однако и за собой хан оставлял право кочевки на данной территории, а Ивану III вменял в обязанность участвовать в их захвате. Пожалуй, его главной целью было отторжение этой территории от Литовского княжества при непосредственной поддержке русских войск[227]. Русский же государь делал акцент не на способах добывания «отчины», а на своих якобы законных правах на нее: «А что писал еси нам о Киеве и о Черкаском городке, чтобы нам их достати, и мы у Бога того просили и велми того хотим, чтобы нам дал Бог своей отчины достати, а с тобою бы с своим братом быти нам блиско»[228]. Вопрос о разделе

---

[222] Сб. РИО. Т. 41. № 61. С. 287. X.1499.

[223] Там же. № 95. С. 288.

[224] ЛМ. Книга записей V. № 124. 1–4. С. 231, 233. 1505 г.

[225] Сб. РИО. Т. 35. № 62. С. 291.

[226] Сб. РИО. Т. 41. № 61. С. 288. X.1499. Одновременно Менгли-Гирей писал: «И толко возмешь, и твоему брату, мне, и моему сердцу велми упокой, и твоему имяни великое добро».

[227] *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 446.

[228] Сб. РИО. Т. 41. С. 302.

Киева и Черкасского городка, сам по себе глубоко противоречивый, был пока для обоих союзников вполне умозрительным.

Что касается крымско-литовских отношений, то вопрос о доходах крымского хана с территории, уже вошедшей в состав Русского государства, стоял как практический. Отправляя 27 ноября 1500 г. киевского воеводу Дмитрия Путятича в Крым, великий князь Александр соглашался уступить хану часть дани с Путивльских земель в том случае, если тот поможет вернуть ему эти земли. Ради сохранения в составе Литовского княжества древнерусских земель Александр готов был не только к уплате ежегодной дани по три деньги с человека — как с господарских, так и с панских и боярских людей в Киевской, Волынской и Подольской землях, но и к обложению их населения дополнительной данью[229]. Не менее острым был вопрос о платежах с других земель Русского государства. «Взимки» с Одоева стали предметом долгих переговоров между ханом и русским государем, вызвали вторую серьезную трещину в отношениях соседних государств, усугубленную переходом В. И. Шемячича на сторону Ивана III, присоединением Брянска и Путивля к Русскому государству[230]. Однако до формального разрыва отношения Руси и Крыма еще не дошли. Напротив, историки полагают, что в ходе первой русско-литовской войны XVI в. Крымское ханство и Русское государство выступили союзниками. Результатом их совместной деятельности было окончательное сокрушение Большой орды, вовлеченной усилиями Александра в русско-литовское противоборство. В роли наследника Джучиева улуса после разгрома Большой орды стало выступать Крымское ханство, и прежде всего это отчетливо почувствовало Великое княжество Литовское.

Дело не только в том, «что война давала ему (Крымскому ханству) возможность пограбить города и волости в землях противника (имеется в виду ВКЛ) и заставить его уплачивать дань»[231], хотя и эта мысль, высказанная К. В. Базилевичем, совершенно правильна. В 1502 г. речь снова зашла о восстановлении регулярных даннических отношений, существовавших в конце XIV в. Войско царевичей Фети-Гирея и Бурнаша, достигавшее 90 тыс. человек, в августе–ноябре 1502 г. совершило дальний поход, достигнув Кракова; окрестности Луцка, Львова, Люблина, Турова, Киева подверглись разграблению. Да и сам хан зимовал под Киевом. Не был возвращен и «полон лонский (прошлогодний. — *А. Х.*) и нынешний»[232]. После этого похода соотношение сил резко изменилось. Король шел на уступки по вопросу о спорных землях и соглашался на выплату колоссальных ежегодных поминков всей знати Крымского ханства (царевичам, князьям, уланам). Одним только царевичам предназначалось по 10 тыс. алтын[233]. Можно считать, что поход царевичей в глубь Литовского княжества и Короны Польской достиг своей цели, приведя к временному установлению даннических отношений ВКЛ к Крымскому ханству.

---

[229] ЛМ. Книга записей 5. № 94.2. С. 155; № 97.3. С. 162.

[230] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж 1991. С. 37–38.

[231] Сб. РИО. Т. 41. С. 430, 432, 469; ЛМ. Книга записей 5. № 104.1–30. С. 172–178.

[232] В 1503 г. Александр упрекал Менгли-Гирея в неожиданном нападении крымцев в тот момент, когда литовцы ожидали приезда заложника, «граничные места показили и люд великий в полон повели» (ЛМ. Книга записей 5. № 120. С. 220. 1503) Тювикель позднее объяснял: «...без царева ведома и без моего голодные и худые коньные и пешые люди вашым людем украиньным шкод вделали, што которые ездечы, жыта искали» (Там же. № 106.3. С. 279. 1502).

Первый этап русско-крымских отношений, внешне вполне удачный для обеих сторон, был чреват глубокими противоречиями. Владения крымского хана и Русского государства впервые получили общую границу. Сфера влияния крымского хана начала сокращаться. Первый конфликт из-за Одоева показал, что крымский хан не собирался так легко отказываться от тех источников дохода, которые он имел в независимых или полунезависимых княжествах юга Руси. Обнаружились и противоречия из-за русских земель Великого княжества Литовского, вошедших в состав Русского государства.

Сложились предпосылки для установления союзнических отношений Крымского ханства и Великого княжества Литовского, в результате чего после тридцатилетнего перерыва был возобновлен крымско-литовский договор, приведший в дальнейшем к обострению русско-крымских отношений. Родственные же связи Менгли-Гирея (он был отчимом тимурида Абдул-Латифа, «царя» казанского, Мухаммед-Эмина касимовского)[234] с главами Казанского и Касимовского ханства, на которые хан претендовал как на свою «отчину»[235], также оказали воздействие на русско-крымские отношения более позднего времени. Гибель или трансформация Большой (Заволжской) орды существенно изменила политическую географию юго-восточного региона Восточной Европы. Усиление Крымского ханства, унаследовавшего от Большой орды великоулусные настроения и претензии, сопровождалось борьбой с остатками Большой орды, оформившимся в этот период Астраханским ханством и попытками объединения с Казанским. Все выше перечисленные факторы создавали базу для нового клубка противоречий, завязавшегося здесь в начале XVI в. — предпосылок вражды Крыма и Руси и борьбы за союз с Крымским ханством двух великих княжеств — Русского и Литовского.

§ 4. Русско-крымские отношения первой четверти XVI в.

Ликвидация одного из самых мощных государственных образований на базе Джучиева улуса круто переменила обстановку в регионе[236].

Отныне главным преемником традиций Джучиева улуса выступало Крымское ханство. Под влиянием вхождения в него огромного числа улусов Большой орды, изменилась структура ханства, увеличилось его население, сформировалась великоордынская идеология. В литературе уже неоднократно отмечалось, что с этого времени изменилось и само название ханства. Если ранее оно по преимуществу именовалось просто ордой[237], то теперь, согласно ордынской традиции XV в., превратилось в Великую орду или Великий улус. Крымский хан, ранее в основном удовлетворявшийся титулом сына собственного отца (Менгли Гирей-Ач-Гиреев сын, или бин Хаджи-Гирей и т. д.)[238], стал «великим царем».

---

[233] Сб. РИО. Т. 41. С. 448–449.

[234] *Collins L.* On the Alleged «Destruction»... P. 391.

[235] Сб. РИО. Т. 95. № 22. С. 388.

[236] Отдельные исследователи датируют эти события 1504–1507 гг. (*Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 46).

Перемены произошли не только потому, что Крымское ханство почувствовало себя единственным властелином причерноморских и приазовских степей, хотя, несомненно этот фактор был решающим. Дело еще и в том, что вхождение в него огромного числа улусов Большой орды, включая и князя Тювикеля, практически направлявшего всю внешнюю политику Большой орды, оказало сильнейшее воздействие на идейное оформление власти крымского хана, его внешнеполитическую доктрину.

Что скрывалось за краткими, но весьма емкими словами — Великая Орда или Великий улус? Это словосочетание применительно к кочевым сообществам вполне соответствовало имперским вожделениям стран запада. Идея империи или Великого улуса будоражила мир средневековых кочевников Восточной Европы и соседних степей в течение длительного времени. Ориентировались ли в Крыму на империю Чингис-хана или на более скромные государственные образования на базе Джучиева улуса, трудно сказать. Скорее, однако, последнее. В ряде посланий представителей крымской знати мелькает такое выражение: Менгли-Гирей заявлял, что он будет либо Тохтамышем, либо Темир-Кутлуем, а получатель его милостей — великим князем. Подобные высказывания можно трактовать, по крайней мере, двояко: либо он сравнивал своих слуг с великим князем всея Руси, либо каждому из них предлагал место великого князя в собственном ханстве (о существовании таких великих князей в ханстве подробно писал В. Е. Сыроечковский). Несомненно одно: с кем бы ни сравнивал своего слугу и собеседника Менгли-Гирей, пример для самого себя он видел в тех ханах, которые правили не в Крымском ханстве, а в Орде, неограниченно властвуя над Русью.

Таким образом, великоордынские или великоулусные настроения Менгли-Гирея были направлены в прошлое, имея целью реставрацию прошлого, когда орда простиралась на огромных территориях Восточной Европы и осуществляла власть над значительной ее частью.

Каким же образом великоордынская идеология воздействовала на внешнюю политику ханства и, в частности, на русско-крымские отношения? Раздел наследства Большой орды не способствовал консолидации ханств ее наследников, как полагал К. В. Базилевич, а вслед за ним и В. В. Каргалов. Напротив, этот раздел сопровождался ожесточенной борьбой между ханствами, перевес сил в которой переходил от одной стороны к другой. В роли противников крымцев выступали то Астрахань, то Ногайская орда (государство полностью кочевого типа).

---

[237] *Смирнов В. Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. № 54. 1918. С. 9, 11, 14 (ярлыки Хаджи-Гирея, Нур-Даулета и Менгли-Гирея (последний выдан в июле 1485 г.)).

[238] На синем нишане, оттиснутом на послании султану Баязиду II 1486 г., он именовал себя «султаном величайшим хаканом... ханом, сыном Хаджи-Гирей хана» (*Григорьев А. П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486 г.) // Уч. зап. ЛГУ. № 419. Сер. востоковедч. наук. Вып. 29. Востоковедение. № 13.1987. С. 130).

Тенденции перехода к оседлости на территориях Джучиева улуса в конце XV – начале XVI вв. проявлялись крайне неравномерно. Наиболее долго кочевыми оставались те государства, которые располагались в степной части Дешт-и-Кипчака, удаленной от всех крупнейших торговых центров. Кочевой образ жизни вела Большая орда, его же унаследовала и Ногайская. Окраинные государства — Крымское, Астраханское, Казанское ханства, и государства, находившиеся ближе к торговым путям и более населенные, вели полукочевой, полуоседлый образ жизни. Дополнительным фактором ускорения социального развития этих ханств была неоднородность населения, во всяком случае в двух из них — Крымском и Казанском. В обоих существовали широкие слои этнически неоднородного населения, эксплуатируемого крымской или казанской знатью. В ином положении находилось Астраханское ханство. Его жители, даже привилегированные, не имели иных источников доходов, кроме войны и отчасти, вероятно, торговли. Поэтому степень агрессивности государств на территории Джучиева улуса уменьшалась по убывающей в зависимости от уровня оседлости: Ногайская орда, Астраханская, Крымское и Казанское ханства.

Начиная с 1502 г., крымские ханы пытались изменить характер русско-крымских отношений. Если в начале, когда складывался союз Крыма и Московского княжества, Крыма и Русского государства, т. е. в 1474 и 1480 гг., речь шла о союзе равных партнеров, то в XVI в. крымские ханы этим не удовлетворялись. Они требовали, чтобы Русь признала свой вассалитет от Крымского ханства, с целью направить ее внешнюю политику на укрепление не собственных позиций, но позиций ханства.

Крымско-литовско-русские отношения любопытны еще и тем, что расширение территории Русского государства в отдельные периоды ставило его на время в зависимые от Крыма отношения. Так, включение Одоева сопровождалось сохранением одоевской пошлины — «взимка (взимания) выхода» в пользу Крыма. С этим же связан и вопрос о русско-крымском дипломатическом протоколе, который был подвергнут различным изменениям. Требование признания вассалитета от посла Ивана III Мамонова в 1500 г. (его принуждали сказать: «Царево слово на голове держу» — «уш баштанды», т. е. повинуюсь) — не случайность, а выражение в дипломатической форме коренного требования Крымского ханства. В целом, русско-крымские отношения становились глубоко противоречивыми.

Можно отметить несколько линий противоречий между Крымским ханством и Русским государством. Здесь и противоречия в связи с отношением к Великому княжеству Литовскому, включавшие в себя целый комплекс вопросов — территориальный и финансовый, общеполитический и частные (например, в связи с М. Л. Глинским), которые тесно переплетались с позицией Крымского ханства по отношению к Казани, ее ханство рассматривало в качестве естественного союзника, претендуя на право установления там хана по собственному усмотрению (эта сторона русско-крымско-литовских взаимосвязей основательно изучена в работе И. И. Смирнова). Дополнительные сложности создавала позиция Крымского ханства по отношению к Городку, где, как полагали в Крыму, должны были сидеть только их выходцы. Вопрос о хане Городка, в свою очередь, переплетался с другим спорным объектом русско-крымских отношений — вопросом о судьбе Абдул-Латифа.

С повестки дня русско-крымских связей не сходили и другие проблемы (финансовые — количество поминков, финансовый статус Русского государства по отношению к Крымскому ханству; вопросы дипломатического протокола, в которых находили отражение представления русской и крымской сторон о международном престиже обоих государств). Эта сторона русско-крымских отношений довольно хорошо изучена в литературе, поэтому ограничимся сказанным в разделах работы, посвященных поминкам и дипломатическому протоколу.

Как советские ученые, так и их предшественники обошли вниманием такой аспект русско-крымских взаимосвязей, как политика обоих государств по отношению к Астраханскому ханству. Крымское великодержавие упорно толкало Русское государство к участию в овладении Астраханью, то суля ему территорию ханства, то просто принуждая выступить на стороне крымского хана, мечтавшего захватить Астрахань. Поскольку эта сторона русско-крымских отношений совсем не изучена в русской литературе, на ней остановимся несколько подробнее. Место астраханского конфликта в русско-крымских отношениях начала XVI в. можно понять лишь в контекст других линий противоречий. Одна из них касалась отношения к Великому княжеству Литовскому. Литовская политика Крымского ханства была крайне неустойчивой. В польской историографии подчеркивалось стремление крымских ханов увеличить количество поминков, получаемых с обоих восточноевропейских государств. В советской, равно как и в современной польской литературе, акцент делался на стремлении Крымского ханства держать Русь и Литву в равновесии, не давая преимуществ ни тому, ни другому государствам. Вся история русско-крымских отношений конца XV в. логически приводила Крым к пониманию необходимости более тесного контакта с Великим княжеством Литовским, что, впрочем, не снимало противоречий в отношениях ханства и Литовского княжества. Задержание в 1505 г. в Литовском княжестве Шиг-Ахмата и ногайских послов создавало постоянную угрозу восстановлению его в положении хана Большой орды. Страх перед этой перспективой и острая ненависть к соперникам на Поле заставляла Менгли-Гирея преследовать их даже в Великом княжестве Литовском. В течение 1506–1507 гг. он неоднократно напоминал Сигизмунду об обещании великого князя «развести» по разным городам бывшего хана Большой орды Шиг-Ахмата, его брата Халиля и ногайских послов, присланных для установления союза между Ногайской ордой и Великим княжеством Литовским. Он настаивал на том, чтобы крымский посол Батуш мог сам убедиться в выполнении требования крымского хана[239]. Позднее Менгли-Гирей требовал смерти бывшего хана Большой орды, но не добился исполнения своего желания. Шиг-Ахмат оставался в течение двух десятилетий постоянной угрозой для крымского хана[240].

Неисполнение этого требования, возможно, было одним из побудительных мотивов колоссального похода под предводительством крымских царевичей Бети и Бурнаша на Киевщину, Подолье и Волынь летом и осенью 1506 г.[241] Некоторую роль в развитии событий по такому сценарию, возможно, сыграл и очередной договор Русского государства с Крымом, на котором присягнули приехавшие в Москву 1 августа 1506 г. вместе с возвратившимся на родину послом Наумовым крымские послы Казимир Кият и Магметша[242]. После смерти 20 августа 1506 г. Александра и восхождения на польский и литовский престолы Сигизмунда I Старого Крым быстро установил с ним сношения. На венчании его литовским князем в Вильно присутствовали крымский и казанский послы. Целью переговоров с ними литовская дипломатия ставила, по словам Л. Колянковского[243], разрушение русско-крымского союза. По-видимому, удалось достичь некоторых успехов в этом направлении. В новом ярлыке Менгли-Гирея от 2 июля 1507 г. состав «пожалований» Великому княжеству Литовскому со стороны крымского хана был расширен за счет Новгорода, Пскова, Рязани, Переславля. В него оказались включены и только что потерянные княжеством города — Чернигов, Путивль, Рыльск, Стародуб, Брянск, Мценск, Козельск, Тула, Пронск и др.

Поэтому во время русско-литовской войны 1507–1508 гг. для Русского государства вновь сложилась критическая ситуация. Менгли-Гирей обвинил Василия III в нарушении присяги, выразившемся, по его мнению, в походе на казанского хана Мухаммед-Эмина в 1506 г.[244] Поход в ответ на казанские события был совершен летом 1505 г. Казанский хан Мухаммед-Гирей («безбожный зловредный», по словам летописца) разорвал вассальные отношения с Русью.

Восточный сосед — Казанское ханство развило бешеную дипломатическую активность, торопясь присоединиться к складывавшейся антирусской коалиции. Позиция, занятая Мухаммед-Эмином по отношению к Василию III, которого он не желал признавать законным наследником скончавшегося 27 октября 1505 г. Ивана III (поскольку «целовал роту за князя великого Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего и не хочю быти за великим князем

---

[239] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. № 1. С. 20.

[240] *Kolankowski L.* Polska Jagellonów, Lwów, 1936. S. 178.

[241] *Herbst St.* Wojna moskiewska 1507/8. Warszawa, 1935.

[242] ПРСЛ. Т. VI. С. 51–52. С. 245–264; Т. VIII. С. 247; Т. 26. С. 298; Т. 28. С. 339–340. Послы покинули Москву в декабре 1506 г. вместе с К. Г. Заболоцким.

[243] *Kolankowski L.* Op. cit. S. 186–187.

[244] «Василий не удержал присяги, на казанского без нашие воли войско пустил, и мы за тот его выступ присягу к себе зложили есмо» (Посольская книга Великого княжества Литовского. 1506. С. 22–23).

Васильем Ивановичем»[245]), естественно, ставила его в ряды внешнеполитических противников Русского государства.

Еще при жизни Александра в Великое княжество Литовское прибыл казанский посол, который должен был напомнить о традициях вечной дружбы и союзничества Казанского ханства и Великого княжества Литовского, существовавших еще во времена Витовта, когда самого ханства фактически еще не было. Это обстоятельство не смущало Мухаммед-Эмина, напомнившего, что его предок «гостил» в Литовском княжестве: «наш предок Магахмет царь с вашим дядею Витовтом приятели были». Длительный перерыв в сношениях Мухаммед-Эмин объяснял дружбой-«приязнью» с московским князем Иваном, кончившейся, когда тот «некоторые начал вчынки чинити». Хан с торжеством рассказывал о событиях недавней русско-казанской войны конца мая – начала июня 1506 г. В казанских реках нашли смерть 10 000 русских воинов. Неудачей закончился поход брата великого князя Дмитрия Васильевича, с которым под Казань прибыло 50 000 человек, а с другим братом, не названным им, еще 60 000 «конъного люду»[246]. Сначала, де, была разбита «чолновая» рать, а через 6 дней и конная[247]). Успех так окрылил Мухаммед-Эмина (тем более, что свидетелем его триумфов был крымский посол), что он вознамерился присоединиться к антирусской коалиции. Как и крымский хан, Мухаммед-Эмин предлагал помощь в походе на Русское государство весной 1507 г.[248]) В связи с этим представляется неточным мнение А. А. Зимина, будто «сам победитель Мухаммед-Эмин понимал временный характер своих успехов и стремился только к тому, чтобы добиться сохранения завоеванных позиций, и не помышлял о дальнейшем развитии событий»[249]). Напротив, Мухаммед-Эмин весьма энергично добивался продолжения своих военных успехов, видя в крымском хане и великом князе литовском надежных союзников.

В ответ на это предложение Сигизмунд Старый отправил к нему своего посла — некоего Сороку, который должен был предложить Мухаммед-Эмину вместе «всесть на конь на московского».

В результате крымский хан занял прочную пролитовскую позицию. Между Литовским княжеством и Крымом происходил усиленный обмен посольствами; в Крым ездили и Петр Фурс, и пан Якуб Ивашенцович, перед которым «всею душою» присягнули и сам хан, и Тювикель, и Довлетек; ждали присяги и литовского князя. Менгли-Гирей торопил с этим, обещая прислать послов «по синему леду», а весной 1507 г. выступить против «Иванова сына»; он призывал литовского князя «не ленитися». К увещеваниям крымского хана поспешили присоединиться паны рады литовские, а равно и польские: «Краковский бискуп радил, чтобы король доводил свое дело с перекопским и казанским напротивку московскому»[250], а вслед за ним подняли свои голоса «князья бискупы» куявский, перемышльский, воеводы каменецкий, познаньский, серадзский. Великое княжество Литовское и Корона Польская устами литовской и польской рад обнаружили полное единодушие с крымским ханом. Делалась и попытка присоединить к антирусской коалиции ливонского магистра и шведского губернатора.

---

[245]) ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 134; Ср.: *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III // ИЗ. 1948. С. 22–23.

[246]) Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. С. 33, 37–39, 43–44; *Довнар-Запольский М. В.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской // ИТУАК. 1898. № 28. С. 52, 55.

[247]) О событиях русско-казанской войны 1506 г. и недостоверности приводимых Мухаммедом-Эмином данных см. подробнее: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 77–78.

[248]) Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 37.

[249]) *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 78.

Убеждая крымского хана принять предложение о совместном выступлении, Сигизмунд тем не менее не оставлял надежды на возможность мирного урегулирования конфликта с великим князем всея Руси. Он настаивал на том, чтобы крымский хан отправил посла к Василию III с требованием о возврате в пределы Литовского княжества всех тех городов, которые Иван III «зрадъне (изменнически. — *А. Х.*)... забрал». Обосновывая права на потерянные города, Сигизмунд I не ссылался на старину, не претендовал на то, чтобы считать их своей «отчиной» и «дединой», нет, он ссылался на «ярлыки твоих (Менгли-Гирея. — *А. Х.*) предков великих вольных царей нашим предком». Сам факт пожалования городов, уже находившихся в составе ВКЛ, унизительный для главы государства, Сигизмунд охотно приводил в качестве доказательства прав на бывшие древнерусские земли. Не скупился он и на посулы: «Если очистишь нашы городы, потому же будет от нас, брата твоего, впоминки, а от холопа твоего (т. е. Василия III. — *А. Х.*) суполная дань».

В сношения с Менгли-Гиреем вступил и стародубский и новгород-северский князь Василий Шемячич. Крымский хан был в затруднении, не зная, что с ним делать. Сигизмунд I охотно брал его к себе. В конце июля 1507 г. крымцы напали на земли Белева, Одоева и Козельска[251]. Развертывавшаяся тогда же русско-литовская война 1507–1508 гг. еще раз убедительно показала очевидное преимущество Русского государства[252]. Крымский набег был успешно отражен, «полон» отбит, татары бежали, преследуемые русскими до р. Рыбница (правого притока р. Оки). Военные успехи русских отрезвляюще подействовали на крымского хана. Ему вновь показалось целесообразным поддержание дружественных связей с Василием III. То же воздействие оказало и налаживание отношений с ногайскими князьями в 1508 г.[253] Именно из-за нападения ногайских войск Менгли-Гирей не смог выполнить данное Сигизмунду I обещание совершить еще один поход на Русь в 1507 г.[254] Возможно, дело не обошлось без интриг М. Л. Глинского, стремившегося с помощью крымцев утвердиться в Киеве[255]. Как бы то ни было, в августе 1508 г. Менгли-Гиреем была подписана шерть Василию III на тех условиях, на которых был заключен договор этого хана с Иваном III: «И какову яз отцу твоему, великому князю Ивану, брату своему, написав, дал золотую свою докончальную грамоту, и ты с того же образца написал потому же, с золотом написав». Вслед за Менгли-Гиреем шертовало и окружение хана: «на куране роту и правду учинив». Одновременно хан пообещал: «И ныне бы нам ахметовых и махметовых детей, недругов наших, и Жикгимонта короля, недруга нашего, божиим смилованьем и силою потребити с нами тебе, брату моему». Взамен хан надеялся, что «и сын наш князь Михайло (т. е. М. Л. Глинский. — *А. Х.*) желательного своего дойдет в нашем здоровье»[256]. К этому же времени относится и заключение шерти с Абдул-Латифом. Крымский посол Касим был на подворье у Федора Карпова, где и была написана шертная грамота[257]. Отметим, кстати, что специального помещения для решения посольских дел с востоком в Москве, видимо, еще не существовало.

---

[250] Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. 1506. С. 22–24.

[251] ПСРЛ. Т. XIII. С. 5. *Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974. С. 38–39; *Назаров В. Д.* В Диком поле // ВИ. 1970. № 2. С. 97 (1508 г.); *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 84–85; *Загоровский В. П.* Указ. соч. С. 50–51.

[252] *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 84–85.

[253] Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489–1508 гг. М., 1984. С. 64–88.

Во исполнение шерти осенью 1510 г. крымский хан совершил набег по направлению Подолья, Волыни, Руси, однако без особого успеха. Шерть с Русским государством делала на время невозможными нападения на территорию Русского государства, но не остановило крымцев от расправы над ногайскими мурзами, союзниками Василия III[258].

Летом 1508 г. Ногайская орда подверглась нападению крымцев, предлогом послужило якобы неуважение к крымскому хану со стороны Агыш-мурзы. Ногайская орда, хозяйство которой основывалось на кочевом скотоводстве, проводила лето («летовала») в районе Нижней Волги на обоих ее берегах. Несколько мурз во главе с Агышем, сыном Ямгурчея, Ахмет-ага, Шидяк и еще 40 других в союзе с Абдыл-Керимом, ханом Астрахани, направились на Крым. В ответ «Магмед-гирей-салтана... и иных детей и ...уланов... и Мангыта Азику князя, и Ширина Агиша князя и Довлет-Барына, и воевод своих князей 250 рати, переписав изготовили». Успех сопутствовал крымцам: «Рати нашие рука над нашим недругом высока учинилася, мурз пограбили, улусы и куны, кони и верблюды, овец и животину, ничего не оставив, взяв, привели». Разгром Ногайской орды был сокрушительный. Более двадцати дней крымцы перегоняли полон в Перекоп[259]. Поражение Ногайской орды сделало на время Крымское ханство почти единственным властителем Прикаспия. За пределами его влияния оставалась Астрахань, которая отнюдь не теряла надежды сохранить независимость.

---

[254] Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. 1506. С. 70, 71, 84, 85; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений. М., 1980. С. 120.

[255] Высокое положение Ивана, Василия и Михаила Глинских, которых Ших-Ахмат сравнивал со своими карачами, привлекало к ним внимание и ордынского, и крымского ханов (ЛМ. Книга записей 5. Л. 235. XII.1501–VII.1502). Посол первого из них еще в начале XVI в. пытался посеять рознь между Менгли-Гиреем и Глинским, но это ему не удалось. Переписка убедительно свидетельствует, что крымский хан надеялся использовать Глинского для воздействия на ордынскую политику ВКЛ.

[256] Уже в 1506 г. Менгли-Гирей решился открыто вмешаться во внутреннюю жизнь этого княжества, настаивая на том, чтобы Сигизмунд I, едва вступив на престол, дал М. Л. Глинскому маршальство под угрозой разрыва отношений с Литвой (Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. 1506. С. 66).

[257] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 20–21. 9.IX.1508.

[258] *Sanuto M.* I diarii. T. II. Venezia, 1878. P. 673.

Новую трещину в русско-крымских отношениях образовало «дело Глинского». В пользу этого литовского магната Менгли-Гирей, связывавший с ним планы создания буферного Киевского княжества, выступал неоднократно, но безуспешно. Неудача ходатайств за «милого приятеля своего» охладила русско-крымские отношения, чем не замедлили воспользоваться в Великом княжестве Литовском. В 1510 г. туда прибыли давний руководитель внешней политики Крымского ханства Августин Гарибальди и Ахмет-мурза. Литовская сторона предложила им 30 тыс. золотых за вечный мир и союз. Уже в 1511 г. В Крым было отправлено более 4,5 тыс. золотых, литовская сторона настаивала на скорейших совместных действиях против Руси, «поки бы еще московский... не прислал посла своего». Однако переговоры затянулись. Крымский хан не желал восстанавливать связи с Молдавией. Для давления на ВКЛ крымцы хотели использовать поход на его земли, но поражение 28 апреля 1512 г., нанесенное им польско-литовскими войсками под предводительством Каменецкого и Острожского, ускорило переговоры. К 1512 г. Л. Колянковский относит разрыв союза с Русским государством[260]. Обещание помощи в возвращении земель, вошедших в состав Русского государства из ВКЛ, данное Менгли-Гиреем Сигизмунду I, крымский хан начал исполнять довольно быстро. В 1512 г. одно нападение на русские окраины сменялось другим (всего их было четыре): Белев, Одоев, Воротынск, Путивль, Брянск, Стародуб, Рязань — весь юг Руси подвергся нападению со стороны тридцатитысячного войска крымцев. Это нашло отражение и в османских документах. Менгли-Гирей писал султану Баязиду II о походе одного крымского отряда на «Русь» (имея ввиду ВКЛ), который окончился неудачей, и против «неверных русских», на сей раз — на Русское государство[261]. Это вторжение, истолкованное в Москве как предпринятое «по наводу» Сигизмунда I, стало предлогом для новой русско-литовской войны 1512–1514 гг.

«Дело Глинского» и взятие Смоленска вызвали резкую реакцию протеста со стороны крымского хана. Упрек крымского хана заключался в том, что о походе на Смоленск Крым не был оповещен («шед без нашего ведома»), и лишь после его захвата великий князь «приказал» (вернее, сообщил) об этом хану. Мухаммед-Гирей обвинял Василия III в обмане; тот якобы сообщил, что «пошел стояти на свою украйну», а о походе ничего не писал. Великий князь всея Руси не только «учинил недружбу» королю без ведома крымского хана, но и нарушил его «жалование». «Великий царь отец наш которой год пожаловал, им дал Смоленск, и ты тот город взял, а с нами которая твоя рота и правда и братство и дружба была, и нам ся видит, как бы еси порушил ее». В упреках Мухаммед-Гирея ясно обнаруживается старая тенденция рассматривать оба крупнейших восточноевропейских государства как вассалов крымского хана, одно — как получателя его пожалования, другое — как обязанное соблюдать это пожалование. Потеря Смоленска для крымского хана означала не просто усиление Русского государства за счет Великого княжества Литовского, но и возникновение угрозы лишиться части доходов с города и Смоленской земли. Подобный прецедент к этому времени уже был. Вхождение Одоева в Русское государство сопровождалось потерей выхода и даражских пошлин, не говоря уже обо всех остальных доходах. В течение почти целого года после взятия Смоленска русские посольства в Крым не приезжали. Послание Менгли-Гирея, датированное декабрем 1514 г., достигло адресата лишь в следующем году — 1 сентября 1515 г.

---

[259] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 70–80. 12.IX.1508.

[260] РГАДА. Ф. 389. Книга записей 7. Л. 174, 177 об.; *Herbst St.* Obraz bitwy pod Orszą // Rozprawy Komissii historii i sztuki. Warszawa, 1949. T. 1. S. 33–48; *Kolankowski L.* Op. cit. S. 198.

[261] РК. 1475–1598. М., 1966. С. 46; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 160; Сб. РИО. Т. 95. С. 104–105, 159; ПСРЛ. Т. XIII. С. 15; Т. 24. С. 217; РГАДА. Ф. 389. Книга записей 7. Л. 216, 218 об.; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 149; *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья. С. 55–58; *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources for the History of the Black Sea Basin // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. VI. № 4. P. 507.

Менгли-Гирей несколько раз подчеркивал, что взятием Смоленска великий князь порушил шерть, «с нами учиненную роту и правду». Крымскому хану тем легче было упрекать Василия III, что он прекрасно был осведомлен о том, как «Жигимонт король многую свою рать послав и с твоею ратью бились и рать твою побив и прогонили»[262]. Поражение под Оршей, конечно, несколько сгладило эффект от захвата Смоленска и подорвало престиж Русского государства, дав возможность союзникам-противникам оказывать давление на его международные дела. Русско-крымский конфликт из-за Смоленска в 1514 г. стал прообразом будущей расстановки сил в Восточной Европе. Претендуя на право сюзерена по отношению к Великому княжеству Литовскому, крымский хан потребовал возвращения этому княжеству городов, которые якобы «тянут» к Крымскому ханству: Брянска, Стародуба, Почапа и Нового городка, Рыльска, Путивля, Карачева, Радогоща. Положение осложнялось тем, что крымский хан не только заключил договор с великим князем литовским, но и отправил в Литовское княжество своего сына. Поэтому в его глазах вина Василия III была особенно велика. Поход Мухаммед-Гирея 1515 г. по своим целям, масштабу и характеру отличался от всех предыдущих выступлений. Это был уже не обычный беш-баш, а классический поход, направленный ханом и возглавлявшийся калгой-наследником[263].

В XV–XVII в. путешественники очень красочно описывали крымские походы. В начале XVI в., как и в середине XVII в., в которому относятся сообщения Эвлии Челеби, существовали значительные различия в составе, количестве и построении войск в зависимости от того, под чьим предводительством они двигались. По свидетельству Эвлии Челеби, хан возглавлял войско в 100 тыс. человек, лошади двигались колоннами по 12 в ряд, если же в поход выступал калга, то войско насчитывалось вдвое меньше — 50 тыс. человек, в колонне же лишь 8 лошадей, еще меньшее войско подчинялось нуреддину — 40 тыс., в одну линию строилось 6 лошадей и, наконец, султаны имели под своим началом 30 тыс. человек, передвигавшихся по 5 лошадей в ряду[264)]. Особо Эвлия Челеби выделяет беш-баш — летучие шайки (точный перевод «5 голов»), во главе с мурзами и беями совершавшие набеги отрядами до 10 тыс. человек, не соблюдавшие никакого строя. Они устраивали набеги почти каждый месяц — грабя, захватывая добычу, после чего возвращались на свою территорию. Такие набеги он противопоставлял походам представителей ханского дома[265)].

---

[262] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 152–154. XII.1514–IX.1515.

[263] Там же. С. 168. VII.1515.

Для понимания характера военных действий крымцев и последствий, которые они оказывали на развитие Русского государства, очень существенно различать походы и набеги, равно как и определять участие в них представителей ханского дома, с одной стороны, или отдельных мурз и князей, с другой. За все полустолетие с момента заключения русско-крымского договора состоялся лишь один поход во главе с самим ханом, несколько раз выступали царевичи и калга; подавляющая же масса набегов была совершена представителями крымской знати, выходившими в поисках добычи на «украины» Русского государства и Великого княжества Литовского. Разными были и последствия таких набегов, походов и нашествий. Набеги, как правило, совершались на окраины, нашествия разрушали наиболее густо населенные территории.

В марте 1515 г. Мухаммед-Гирей, калга (наследник) Менгли Гирея, скончавшегося в апреле того же года, выступил в поход против северских городов. Это был совместный поход крымских и литовских сил. Во главе последних стояли Андрей Немирович и Остафий Дашкович. Поход увенчался успехом. Союзники увели огромное число пленных, хотя и не сумели захватить ни Чернигова, ни Стародуба, ни Новгорода-Северского. В совместных действиях литовско-крымских сил впервые была применена артиллерия — «тяжелый наряд огнестрельный». Отсутствие подобного опыта в прошлом не позволяло эффективно использовать артиллерию. Разорение Северских городов литовско-крымскими войсками облегчило упрочение власти Русского государства на территории Северщины.

Крымские царевичи в течение лета 1515 г. собирались в новый поход на русскую «украину». Царевич Али намеревался вновь напасть на Северщину. Сам Мухаммед-Гирей летом был отвлечен войной с ногаями, поэтому не смог участвовать в данном предприятии. В сентябре двое мурз — Андышка (Айдешка) и Айга совершили набег на Мещерские и Мордовские места[266)]. Зиму 1515–1516 гг. они провели под Азовом и в феврале снова двинулись «под Мордву, на те же места, что имали летом». «Безголовые», т. е. не имевшие предводителя, «немногие» крымцы

[264)] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 1. М., 1961. С. 216.

[265)] Там же. Ср.: Там же. Вып. 2. М., 1979. С. 37.

[266)] Сб. РИО. Т. 95. С. 186.

отправились «на зимовники» под Рязань, Путивль и Белев. Пока главные силы крымского хана были отвлечены борьбой с ногаями, царевич Богатырь в июне 1516 г. «пришел на великого князя украину на Рязанскую и на Мещерскую». Неожиданное нападение застало жителей врасплох, царевичу удалось увести много пленников и поживиться за счет грабежа. Нападениям 1516 г. в основном подвергалась Мещера — осенью туда уже в который раз совершил набег Айдешка (Jedişke) мурза. Расположенная у самой границы территория Мещеры постоянно привлекала внимание крымских феодалов.

В 1517 г. Крым постиг страшный голод, отдельные группы вооруженных крымцев — «немногими людьми» постоянно нападали на «украины», «потому что наги, и босы, и голодны». Одновременно царевичи Богатырь и Али, а также князь Ад-Рахман, наиболее последовательный и воинственный сторонник Великого княжества Литовского, уже зимой предприняли попытку нападения на Русское государство, но вернулись с Сулы, не добившись успеха. Весной же отощавшие за зиму от бескормицы кони не позволили им выйти в поход. В ожидании, пока «кони наедятся», прошла весна.

20 июля царевич Али, сын Ахмата — Геммет-Гирей и Озибяк-царевич выступили из Крыма. В походе приняли участие и калга Богатырь-царевич, и Ахмат-Гирей. Последний пытался направить поход на Литовское княжество, но встретил сопротивление Богатыря, который не только словом, но и силой принуждал («иных князей, которые не послушали, начал стрелять») принять свое предложение. В результате разногласий часть войска, под предводительством самого Али, вернулась в Крым. Однако четыре мурзы во главе 20-тысячного войска «без царева ведома и без царевичева», тем не менее, двинулись на Русь в районе Тулы. Их постигла неудача, а Мухаммед-Гирей позднее подчеркивал свою непричастность к набегу 1517 г.[267)]

О готовящемся походе русские были оповещены заблаговременно. Поэтому и оборона была организована заранее. Навстречу татарам вышли войска во главе с большими воеводами Василием Одоевским, Иваном Воротынским и другими. Ока, в данном случае не служила, как обычно, линией обороны. Наоборот, русские войска вышли далеко на юг. Небольшие отряды Ивана Тутыхина и князей Волконских совершали неожиданные нападения на крымцев, отбивая у них полон, отнимая захваченное имущество. Услышав о приближении основного русского войска, крымцы устремились в обратную сторону, но из 20 тыс. человек вернулось только 5. Существенным оказалось то, что дело обороны взяли в свои руки «пешие люди украинные», которые зашли по лесам «наперед им» и «им дороги засекли, и многих татар побили». Совместный удар великокняжеских войск и местных крестьян оказался удачным: «А спереди люди от воевод, подоспев, конные начали татар топтать, и по бродам и по дорогам их бить, а пешие люди украинные по лесам их били». Был полностью отбит «алексинский» полон, «много татар побили на Глутне,

---

[267)] Там же. С. 500–506.

и по селам и по крепостям, и на бродах... а иные многие татары в реках потонули, а иных живых поимали»[268]. Уцелевшие 5 тысяч человек, «да и те пешие и нагие», вернулись в Крым[269].

Опыт 1517 г. показал эффективность совместных действий конницы и «пеших людей», необходимость устройства засек для того, чтобы сдержать натиск агрессоров[270], в результате в фундамент борьбы против кочевников, в развитие той традиции, которая полстолетие спустя нашла выражение в создании так называемой Засечной линии, был заложен еще один кирпичик.

Слабым звеном в цепи обороны Русского государства оставалось полунезависимое княжество Василия Ивановича Шемячича. На это княжество падала львиная доля постоянной сторожевой службы в степи, оттуда же Василий III требовал проводников для сопровождения своих гонцов в Крым. Василию Ивановичу Шемячичу принадлежала особая роль в организации русско-крымских дипломатических сношений. Он должен был обеспечивать сопровождение крымских послов и посланцев до Крыма, а фактически лишь до определенного места (так, его слуга Деменка провожал их до р. Сулы). Князю вменялось в обязанность снабжать послов и в Поле: «корм бы дал, сколко пригоже»[271].

На княжество Василия Шемячича обрушивались и первые удары крымских походов. Вокруг его Стародубского и Новгород-Северского княжества развертывалась сложная дипломатическая борьба. В 1515 г. Сигизмунд I обратился к Менгли-Гирею с просьбой посредничать между ним и Василием Шемячичем с тем, чтобы уговорить его перейти на сторону Великого княжества Литовского. Литовский князь сулил ему в случае взятия Москвы (а он надеялся добыть себе лавры не хуже Ольгердовых) вдвое увеличить территорию его княжества («А коли король Москву возьмет, и сколко ныне за ним, и он ему вдвое даст»)[272]. Повторялась история с Юрием Дмитровским 1507 г., закончившаяся бесславно для Великого княжества Литовского. Отличие заключалось в том, что Шемячич не знал, какие планы связывал с его переходом на службу к себе Сигизмунд I («и толко те речи королевы до него (Шемячича. — *А. Х.*) донести велишь, то король как бы Москву взял»). Усомнившись в дружественной позиции Василия Шемячича («нечто князь Василей Иванович свою братство и дружбу, которая межи нас была, у себя из мысли отставил по знатью»), Менгли-Гирей направил своего сына «со многою ратью» на его княжество.

Второй узел русско-крымских противоречий завязался вокруг Астрахани[273]. Ханство, наименование столицы которого «Хаджи-Тархан», как считает Й. Хаммер-Пургшталь, означает «паломник тархана»[274], образовалось во второй половине XV в. В начале XVI в. тема Астрахани впервые прозвучала в русско-ордынских отношениях. Поднял ее хан бывшей Большой орды Ших-Ахмат. Через два месяца после поражения хан обратился к Ивану III с просьбой «достать» ему Астрахань[275]. В это время он кочевал близ устья р. Камы[276]. Просьба была доведена до сведения великого князя дважды. Интересна и важна для будущего русско-крымских отношений реакция Ивана III: он согласился выполнить просьбу Ших-Ахмата при условии заключения последним мира с Менгли-Гиреем и отказа от союза с Великим княжеством Литовским.

---

[268] ПСРЛ. Т. XIII. С. 26.

[269] Сб. РИО. Т. 95. С. 503–504.

[270] *Загоровский В. П.* Указ. соч. С. 63–64.

[271] Сб. РИО. Т. 95. № 11. С. 187.

[272] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 167. VII.1515.

[273] *Сафаргалиев М. Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Сб. статей преподавателей пед. ин-та / Морд. гос. пед. ин-т. Саранск, 1952; *Хорошкевич А. Л.* Русь, Крым и Астрахань

До осуществления предложения хана дело не дошло. Несмотря на сложные политические комбинации Ших-Ахмата с братьями и ногайскими мурзами, вместе с которыми он летом 1503 г. откочевывал к Волге[277], ему не удалось закрепиться ни на Нижней Волге, ни в Белгороде, куда он двинулся осенью 1504 г.: султан запретил белгородцам принимать Ших-Ахмата, и политическая карьера бывшего ордынского хана прервалась заключением в киевском Вышгороде, затем в Вильне и, наконец, завершилась пожизненным пребыванием в Троках.

Однако тема «добывания Астрахани», поднятая ханом Большой орды, у крымского хана превратилась в навязчивую идею с начала XVI в., когда остатки Большой орды «осели» в низовьях Волги[278]. Можно предполагать, что, с одной стороны, ограничение сферы кочевок, а, с другой, приобретение крупного торгового и стратегического пункта, каким была Астрахань в начале XVI в., отчасти изменило характер государственного образования. Место «Орды», кочевавшей в низовьях Волги, заняло «ханство», где соотношение источников получения доходов стало иным: доходы от военной добычи были несколько потеснены торговыми — получением разного рода таможенных платежей. В столице ханства — Астрахани, уже в это время прочно защищенной (в городе существовала крепость), сложились благоприятные условия для торговли[279].

Борьба с Астраханью для Крыма стала продолжением борьбы с Ахматовыми и Махмутовыми детьми. Начиная ее, крымские ханы исходили из идеи покончить с возможными претендентами из числа ханов Большой орды и соперничавших с Крымом ногайских орд, получить верховенство над устьем Волги, прикаспийскими и причерноморскими степями и де-факто приобрести тем самым статус ханов Великой орды. Последнее

в начале XVI века // Центральна і Східна Европа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії. Львів, 1998. С. 168–173.

[274] *Hammer-Purgstall J., von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak. Das ist die Mongolen in Russland / Etwa 1200–1500. Amsterdam, 1970 (Pest, 1840). S. 411.

[275] Сб. РИО. Т. 41. С. 435. ПСРЛ. Т. VIII. С. 242.

[276] Сб. РИО. Т. 41. С. 433.

[277] *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 505–506.

[278] В Астрахани утвердились царевичи — Ахматовы дети. В начале это был Абдыл-Керим (Сб. РИО. Т. 95. С. 70, 71).

[279] Сб. РИО. № 37. С. 669–670. 1519 г.

обстоятельство было довольно существенным. Борьба с Астраханью представлялась жизненно важной и для развития самого Крымского ханства. Набеги астраханцев делали небезопасным пребывание крымцев в Поле, равно как и угрожали осуществлению нормальных дипломатических связей Крыма и Руси. Так, летом 1518 г. на Самаре, по пути из Крыма в Москву нападению со стороны астраханцев подверглись крымский посол Кудаяр и русский посол Илья Челищев. Правда, Челищева отпустили несколько раньше, и он «утек», а крымцы отделались потерей поминков для Василия III 280).

Особой активностью астраханцев отмечены 1516–1518 гг. Астраханцы, пользуясь отсутствием крымцев, в течение трех месяцев ходивших на Русь и обратно, сами явились в Крым осенью 1516 г.; объектом их нападения стали улусы Асан-мурзы. Его, по словам крымцев, «топтали и ограбили, только что сам ушел» 281). В 1518 г. Богатырь-салтан собирался отправиться в поход на Литовское княжество, но, узнав о нападении астраханцев, вернулся на Дон искать Бебея-салтана, стоявшего во главе нападавших. Вновь местом действия оказалось Самарское устье 282). Однако Богатырю не удалось обнаружить астраханского войска. В 1519 г. посол в Османскую империю А. Голохвастов сообщал в Москву, что «крымской бережется от Азсторокани, улусы все свел с Поля в Перекоп, а Бахтияр мурзе прислал, чтоб пошел к Орбату стояти, беречи от азстороканцев» 283). В это же время османский султан стал проявлять живой интерес к устью Дона. 21 июня 1519 г. санджак (сенчак) Кафы велел снарядить три «косопы... со всем нарядом, с пушками и с пищалми донского для бережения» 284).

Хотя Крымское ханство и поддерживало некоторые дипломатические отношения с этим приволжским государством (так, И. Г. Мамонов, согласно наказу, должен был указать крымскому хану на то обстоятельство, что и его, Мухаммед-Гирея, посол находился в Астрахани одновременно с представителем Василия III Иваном Головой Федоровым Елизаровым 285)), их в основном разделяли территориальные споры, прежде всего из-за Поля, где до 1502 г. кочевала Большая орда. По-видимому, по традиции Астраханское ханство претендовало на право кочевки там и получения тех выгод, которыми ранее пользовалась Большая орда. Помимо «Поля», астраханцев и крымцев разделяли и территориальные споры относительно адыгских земель, на них Крымское ханство претендовало постоянно и упорно. Можно предполагать, что упрочение Астраханского ханства повлекло за собой и претензии на земли адыгов 286).

Наконец, не следует сбрасывать со счетов и идеологические факторы — переход в состав Крымского ханства огромного хорошо укреплен-

---

280) Сб. РИО. Т. 95. С. 508, 512. VIII.1518 г.

281) Там же. № 21. С. 365. X.1516.

282) Сб. РИО. Т. 95. № 30. С. 516–517. VIII.1518.

283) Там же. № 37. С. 669–670. 1519.

284) Там же. № 37. С. 669.

285) Там же. № 12. С. 223. XI.1515–I.1516.

286) См. подробнее: *Некрасов А. М.* 1990. С. 87–88.

ного города. Ради его покорения крымские ханы готовы были на более тесное сотрудничество с султаном, поскольку не располагали в это время собственной артиллерией. Однако Османский султанат, на помощь которого ханству следовало бы рассчитывать в первую очередь, если бы оно, как полагал И. Б. Греков, действительно было послушным орудием в руках Порты, не стремился оказывать поддержку своему вассалу, отнюдь не желая его усиления, с одной стороны, и будучи слишком занятым войнами в Причерноморье, с другой. У Крымского ханства оставался единственный возможный союзник — Русское государство, обладавшее современной по тем временам артиллерией и войском, на протяжении конца XV – начала XVI вв. продемонстрировавшем высокую мобильность, отменные боевые качества и т. д. Именно поэтому Менгли-Гирей настойчиво требовал помощи Руси в борьбе Крыма против Астрахани.

Для Русского же государства начала XVI в. это далекое ханство было по преимуществу торговым контрагентом[287)], хотя нельзя сказать, чтобы торговое партнерство сторон было особенно активным. Во всяком случае, ни в русско-крымских посольских делах, ни в летописях сведения о нем почти не запечатлелись. В русско-крымских посольских книгах о торговом сотрудничестве Руси с Астраханским ханством речь идет лишь однажды: «государя нашего гости, — говорилось в наказе И. Г. Мамонову, — во все земли ходят и в Астаракань и в Нагаи, и которые дела государя нашего гостем в которых землях ставаются, и государь наш о тех гостех посылает своих молодых людей управы деля. А в Астаракани был государя нашего молодой человек Иван Голова Федоров сын Елизарова о тех же обидных делех»[288)]. Переговоры Елизарова, по-видимому, не ограничивались одними торговыми делами. Вместе с Елизаровым из Астрахани в Москву пришел и «царев посол». Возможно, в 1515 г. русские дипломаты пытались противопоставить блоку Крымское ханство — Великое княжество Литовское иной: Русское государство — Астраханское ханство. Однако настаивать на этом предположении в силу отсутствия источников невозможно[289)]. Значительно больше данных имеется о попытках заключения союза с Ногайскими ордами, самому существованию которых угрожало Астраханское ханство.

Осенью 1508 г., когда в Москве появилось посольство Магметши, Менгли-Гирей просил «изготовить» рать и суда к весне. Он требовал участия судовой рати Василия III в своем военном начинании — походе на Астрахань, на «астораханских Ахметевых и Махмутовых детей»[290)]: «...на зиме много судов понарядив, во всяком бы судне посажено было по пяти человек и многих бы мастеров городовых, которые камень делати

[287)] *Фехнер М. В.* Торговля России со странами Востока в XVI в. М., 1956.

[288)] Сб. РИО. Т. 95. № 12. С. 221. XI.1515–I.1516.

[289)] Впрочем, А. М. Некрасов вслед за И. И. Смирновым утверждает, что «с Астраханью Василию III удалось установить дружественные отношения» (*Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 87; *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 23–24).

[290)] Подготовка к походу на Астрахань велась очень основательно: предусматривалось снаряжение трубами (назначение которых неясно) — и тоже за счет Русского государства (Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 26).

умеют, послал, а в трех судех бы по одной пушке, да по 2 тюфяка, и со многим кормом послал бы еси. ...И мы о том судовом деле дополна уведав, по тому свои наряд учиним»[291].

В Крымском ханстве очевидно предполагали, что Русское государство, несмотря на все сложности международной обстановки, в состоянии снарядить подобную рать и в столь далекий поход. Впервые в русско-крымских отношениях шла речь о комбинированном походе — судовом и конном, причем снаряжение первого должно было быть возложено на великого князя. Крымцы были уверены, что материальное снабжение подобной рати не составит сложностей для Руси.

Все ближайшее окружение крымского хана прониклось идеей «добывания» Астрахани, поэтому и мулла (молна) Баба-ших подтверждал твердое стремление крымского хана исполнить задуманное. «Толко азстараханское дело учинишь, и он, — писал Баба-ших о крымском хане, — и до смерти не отстанет, на том роту и правду учинил». При заключении шерти 1508 г. вся крымская знать во главе с Мухаммедом-Гиреем надеялась на поход в Астрахань. «Воевав Асторокань, и опосле того и нашь и твой недруг король, оба нас вместе, — молвит царь (по словам Бабашиха. — *А. Х.*) — учнем его воевати, как жито поспеет». Баба-ших неоднократно подчеркивал, что у крымцев остался один враг — Астрахань[292].

Однако бывшие союзники явно говорили на разных языках. Василий III настойчиво внушал Менгли-Гирею мысль о необходимости совместного похода на «литовского», на его землю «на Лятцкую». В памяти послу В. Г. Морозову в феврале 1509 г. на неизбежный вопрос: «Брат мои князь великий зачем к Астрахани рати своеи судовые не послал?» надлежало отвечать: «А к Азтарахани, господине, государю нашему рати своеи ныне и посылати не мочно, как судов там в тех местех и при отце его не делывали, да и и ныне не делают и наряду служебного ныне допроводити туды не мочно. А... где будет ему мочно... послати рать свою, и государь наш... пошлет»[293]. Ссылка великого князя на отсутствие волжских судов, по-видимому, не полностью состоятельна. К Казани задолго до 1508 г. «конные рати» направляли обычно водным путем. Так, известен факт появления судовой рати под Казанью в 1506 г.[294] Конечно, струги, предназначенные для плавания по Средней и Нижней Волге, должны были отличаться от «верхневолжских» и размерами, и «судоходными» качествами. Более серьезным мотивом отказа участвовать в походе на Астрахань являлись сложности международного положения на западе и северо-западе страны: «Государь наш... по которой год стоял против недругов своих литовского и немец один без пособи,... и люди ся... государя нашего потомили, а немцы и ныне с государем нашим не в миру»[295].

---

[291] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 20–21. Х.1508.

[292] Там же. С. 79–80.

[293] Там же. № 3. С. 64.

[294] РК. С. 28.

[295] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 64.

Результат войны 1507–1508 гг. с ВКЛ счел нужным заметить и крымский посол Магмедша. «Видел твои люди пришли, потомився»[296].

Осенью 1509 г. Менгли-Гирей снова обратился к Василию III с просьбою «нам помочи деля, на Астрахань пойдем, водою суды пошли»[297], сославшись на данное Василием III обещание — «в преидущую зиму суды и рати изготовлю». О том, какое место во внешнеполитических планах Менгли-Гирея занимала Астрахань, писал Баба-ших: «Нынеча и толко то и есть чаяния на Астарахань, как ты ему, брат его, князь великии, помочь учинишь, да пошлого братства доведешь»[298]. Однако и в 1509 г. Руси оказалось не до крымских «чаяний». Отсутствие посольских книг по сношениям с Крымом за последний период правления Менгли-Гирея не позволяет установить, какое место вопрос о походе на Астрахань занимал в русско-крымских отношениях того времени.

Первой же внешнеполитической акцией Мухаммед-Гирея оказался поход на Астраханское ханство летом 1515 г., завершившийся безрезультатно. Свидетелем этого похода Мухаммеда-Гирея был посол Василия III Михаил Тучков. Дойдя до Дона, крымцы узнали, что астраханский царь и Шыгим-мурза «перелезли» на «ту», т. е. левую, сторону Волги. Все окружение крымского хана — уланы и князья уговорили его подождать до весны, когда все они снова будут на крымской стороне Волги, «а у нас тогда кони тучны будут, а сами мы опочинем». Они же потребовали сообщить о своем намерении воевать Москву, чтобы Василий III, «рекою суды изготовив, прислал... по прежнему слову». Мухаммед-Гирей настаивал, чтобы «те суды сее зимы были приготовлены к вешнему моему делу, а на весне бы на недруга моего пошли... В судовой рати голову кого пошлешь, и ты бы еси к нам приказал, и кого туде наших людей похочешь, и ты б к нам и то отказал, и мы к твоим послам пошлем»[299].

В ноябре 1515 г. русские, указывая на многие десятилетия «недружбы» с «литовским» государем, уговаривали крымского посла, что не могут воевать — «делать дело» с астраханским ханом: «И ты, царь, положи на своем разуме, лзе ли нам ныне на сей весне с теми твоими и с своими недруги с Астороханью свое и твое дело делати?»[300]. Михаил Тучков также ссылался на то, что для похода нужно построить много кораблей, но для этого не было возможности («было суды коли мне велети делати, а судов надобе много, а о недругом с своим литовским, снявся, стою»)[301].

В 1516 г. вопрос об Астрахани приобрел особую остроту. В Крыму началась междоусобная распря. Против Мухаммед-Гирея выступил его брат Ахмат. Перипетии этой борьбы хорошо изучены В. Е. Сыроечковским. В данной связи важно подчеркнуть, что Ахмат предлагал Василию III союз с Ногаями и Астраханью. Он советовал великому князю всея Руси отозвать своего посла из Крыма и предупредить хана: «яз себе другов поищу в Нагаех и в Азторокани». Мамонова это предложение так поразило, что он переспросил: «А то, государь, Ахмат молвил имянно Ногаи и Азтороканью»[302], поскольку миролюбивых отношений между ханствами не было. Зимой Ногайская орда подверглась нападению астраханцев[303]. В апреле 1516 г. ногайский мурза Агиш-князь просил у Василия III 20–30 тысяч рати для похода на Астрахань, к которому обещал присоединиться и Кудояр-мурза[304].

---

[296] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 81. 12.IX.1509.

[297] Там же. № 4. С. 71. IX.1509.

[298] Там же. С. 30.

[299] Там же. № 10. С. 150. 3. VIII.1515.

[300] Там же. № 12. С. 196. XI.1515.

[301] Там же. № 16. С. 270. IV.1516.

Проект был нереалистичным потому, что после междоусобных распрей между ногайскими мурзами в Крым приехали главы спорящих сторон — Ал-Чагир и Шыгим-мурза, которые вину за «сварбы и бои» возлагали на астраханцев и предлагали Мухаммед-Гирею свои услуги в борьбе против этого ханства. Ногайские мурзы изъявляли полную покорность (Ал-Чагыр и Шийдяк-мурза, а вместе с ними еще 12, пали в ноги крымскому хану, «холопом ся назвал и бив нам челом, слугами ся учинили»[305]). Мухаммед-Гирей сообщил Василию III о предложении Шыгим-мурзы прислать к нему в заложники хотя бы одного сына, «и он мне ялся Азторохань взяти»[306]. Несмотря на это, мирные крымско-ногайские отношения были недолговечны. Союз Крымского ханства с ногайскими мурзами представлялся тамошней знати достаточно обременительным. По словам Халеля, «ест... Ал-Чагыр на десять день тысячю алтын, опричь что ему царь дает, а братье его харч и дачка в опришнину идет. И царь не домыслится, как им путь и место учинити»[307]. В то же время в русско-крымских отношениях ногайские мурзы выступали в качестве противовеса крымцам. Летом 1516 г. угроза со стороны Ногайской орды удержала крымцев от похода на русские окраины[308].

Судьба Астрахани в течение всего 1516 г. оставалась предметом оживленных русско-крымских переговоров. В инструкции послу И. Г. Мамонову, направленной ему с Байкулою Олферовым, послу следовало отговариваться: «если царь заговорит об астороканском деле, отвечать по моему наказу»[309], а именно — переводить разговор на иной конфликт — русско-литовский: сына Богатыря посылать «на Литовскую землю»[310]. Пытаясь добиться своей цели, т. е. реального участия Руси в походе на Астрахань, крымский хан пошел даже на шантаж и подлог. В случае отказа идти на Астрахань и давать поминки «выше королевы казны или пак столько» хан угрожал вступить в союз с «королем» и выступить с ним «заодин» на великого князя Василия III. В таком случае

---

[302] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 364, 366. 1515–1516.

[303] Там же. С. 311. IV.1516.

[304] Там же. С. 313–314.

[305] Там же. С. 291, 297, 310, 311.

[306] Там же. № 21. С. 378. X.1517.

[307] Там же. № 21. С. 364. X.1516.

[308] Там же. С. 361. X.1516.

[309] Сб. РИО. Т. 95. № 15. С. 264. III.1516.

[310] Там же. С. 262. 14.III.1516.

«меж их, государей наших, — говорил посол Мухаммед-Гирея, — сабля легла на дети и на внучета, доколе Бог дасть»[311].

Весной 1516 г. Мухаммед-Гирей шлет гонца в ВКЛ с сообщением, что не может прийти на помощь, так как вышел в поход на Нагаев и Астрахань и просит, чтобы Сигизмунд I также не нападал на «украины» великого князя, поскольку тот собирается в поход в том же направлении — на Астрахань. Попытка Мамонова внести ясность в вопрос об участии Василия III в военном начинании хана ни к чему не привела[312]. Аппак снова и снова внушал послу, что в том случае, если Василий III не предпримет требуемого похода, «царь великому князю недруг будет»[313].

Даже поход Богатыря на пока еще самостоятельную Рязань Мухаммед-Гирей устами Авель-шиха объяснял поступившим известием о договоре Василия III с Астраханью и Ногаями[314]. Ногайцы же в это время также не получили искомой поддержки от Василия III: «А ныне с тем с своим недругом с королем с литовским сцепяся стоим», хотя, казалось бы, союз с Ногаями был установлен прочно и враг на тот момент был у них общий: «а дай Бог, и вперед наши недруги к нам в ноги падали»[315].

Наряду с самим крымским ханом судьбой Астрахани живо интересовались казанцы. Они вынашивали план самостоятельно захватить Астрахань и посадить там в качестве царя одного из царевичей, «а опричь того, — писали они Мухаммед-Гирею, — у нас надежи нет»[316]. По словам Ян-Сеита, человека Абдыл-Летифа, у хана был план послать Ширина Авлеяр-мурзу Довлетекова сына из Москвы «с великого князя ратью и с пушками и с пищалми на судех итти под Астрахань». Крымский князь Берючек должен был отправиться в Казань с просьбой к казанскому хану послать свою рать на Астрахань. Именно с этим войском Берючек и должен был отправиться на Нижнюю Волгу[317].

После смерти Мамонова Аппак снова обещал Дм. Александрову, что хан даст шертную грамоту и «правду по той грамоте учинит, что на сю весну однолично царю итти самому на Астрахань. А князь бы великии, испрямя, сам жо пошел на Хасторокань со царем, а не своротить ему никуды и инако не учинити»[318]. Хан настаивал на походе самого великого князя, его брата или воевод «с пушками и с пищалми». Он обещал передать Астрахань великому князю, рисуя такую идиллическую картину: «А как возмет Азторакань, ино в ней ведь великого же князя людем сидети тысячи три или четыре с пушками и с пищалми, и рыба и соль что надобное, то брату моему великому князю, а моя только бы слава была, что город мой». «Обема нам Хасторокань надобе», — уверял он[319].

---

[311] Сб. РИО. Т. 95. № 25. С. 436–437. 1516.

[312] Там же. № 16. С. 281. IV.1516.

[313] Там же. С. 291, 270. Аппакову грамоту Федору Карпову отдали «на подворье» (Там же. С. 312).

[314] Там же. № 22. С. 386. XI.1516.

[315] Там же. № 17. С. 318. 10.VI.1516.

[316] Там же. № 22. С. 388. XI.1516.

[317] Там же. № 12. С. 372. X.1516.

[318] Там же. № 21. С. 376. X.1516.

Практически Мухаммед-Гирей предлагал великому князю участвовать в захвате города, в котором на вассальных началах находились бы русские воеводы и войска. Суля Василию III Астрахань как подвассальную территорию, Мухаммед-Гирей хотел добиться активного привлечения русских сил для завоевания этого важного стратегического и торгового пункта. Отказ Василия III от участия в походе на Астрахань Мухаммед-Гирей рассматривал как отказ от союза[320]. Одновременно Мухаммед-Гирей пытался привлечь к завоеванию Астрахани и ногайских мурз, в частности, Шыгим-мурзу. Тот предлагал взять в заклад сына Мухаммед-Гирея и обещал захватить Астрахань. На все эти предложения, как и раньше, был один ответ: «Оттовариваться по великого князя наказу и не давать правды ни в чем»[321].

8 июня 1517 г. в Москве появился Кудояр с теми же инструкциями, старым предложением (отправить русскую рать в «судех» на Астрахань) и новыми обещаниями — после ее завоевания выйти в поход на любого врага, «где твой недруг ни будет, и яз сам на него пойду»[322].

Вопрос об Астрахани возникал все время при обсуждении условий шертной грамоты. На протяжении всего двадцатилетия русская сторона настаивала на том, чтобы в грамоту не включать обязательство относительно Астрахани, ограничиваясь упоминаниями об общих врагах, со следующей мотивировкой: «шертная на Ахметовых детей и на Махмутовых и на литовского... Ино, господине, в Астаракани Махмутовы дети, а у твоего и у государя нашего недруга у Литовского наш же недруг Ахматов сын Ши-ахмет, ино, господине, чего деля Астаракань писати имянно?»[323].

Аппак по поручению хана передавал Мамонову, что если Василий III не отправит рать на Астрахань «в судех», тогда и «шертная грамота в грамоту и правда в правду». Но тотчас после совместного крымско-русского похода на Астрахань «и хоти и с конь не оседая, царева вся рать пойдет на Литовскую землю». Аппак, как всегда, угрожал, что, если помощи от великого князя не будет, «ино царева шертная грамота не в грамоту, а шерть не в шерть», и тогда «князь великий живи себе, а царь себе». Спор из-за направления похода был одновременно и спором из-за престижа и ранга, «а царю велит рать послати на Литовскую землю, ино князь великий боле или царь боле»[324]. В этой же связи Аппак заявлял, «царя князь великий не послушав сам, а царем наряжает!»[325].

Если до середины 1517 г. великий князь отговаривался общими фразами от участия в походе на Астрахань, то в это время позиция

---

[319] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 377–378. X.1516.

[320] Там же. С. 378.

[321] Там же. № 17. С. 326, 329, 332, 342; № 23. С. 408–409. XI.1517–I.1518.

[322] Сб. РИО. Т. 95. № 25. С. 443.

[323] Там же. № 12. С. 206–207. 15.XI.1515.

[324] Там же. № 16. С. 287. IV.1516.

[325] Там же. С. 270.

Василия III переменилась. С Байкулой Олферовым он передал свое новое обещание участвовать в походе, столь вожделенном для хана: «А коли брат наш пойдешь на своих недругов на Азторакань, и мы тебе тогды в помочь своих людей дадим и рать свою на Азторокань пошлем и дело свое с твоими и с своими недруги с Астороканью хотим делати с тобою заодин, сколко нам Бог поможет»[326].

О конкретных же деталях похода («как нам то твое и свое дело азтороканьское с тобою делати и коим обычаем рать своя послати на Азторокань») стороны должны были договориться при участии Аппака и Магмет-паши, «Халилева сына», которые собирались на Русь в это время[327].

То же самое сообщал Василий III и Аппаку — «в помочь людей своих дадим и рать свою на Асторакань пошлем». «А мы также с его и с своими недруги с Астороканью его дело хотим делати с ним заодин, сколко нам Бог поможет»[328]. В середине 1517 г. исчезла отговорка об отсутствии русского речного флота на Волге.

Уже к 1517 г. вопрос о русском речном флоте на Волге, причем на среднем, по-видимому, ее течении, стал решаться с помощью мещерских казаков. Когда отправленный на ногаев Богатырь-салтан пошел на «украину» великого князя, «которых людей вперед себя послал отведывати на Волзе, и они кажут, что и берегом и в судех все мещерские казаки ходят, ино нелзе за Волгу. И сын мои чаял, что то князь великии велел так казакам мещерским беречь, и он того для ходил на Рязань»[329].

В 1518 г. в русско-крымских отношениях впервые возникли территориальные проблемы. От Василия III, по словам Богатыря-царевича, Мухаммед-Гирей потребовал: «которые городы при великом царе при Тактамыше к нам тянули, и он бы те три украинные городы, взяв, нам дал»[330]. Одновременно Мухаммед-Гирей обещал отдать Василию III все эти города, но при условии, «толко бы моим землям которого убытка бы не было»[331]. Условие продиктовано требованием крымского хана уплатить все «взимки», которые шли в казну Тохтамыша, т. е. уплатой [«выхода»]. Внимание его к финансовым вопросам русско-крымских отношений обнаруживается и в требовании калажских поминков (предназначенных для калги) для Богатыря[332].

В связи с интересом к бывшим «владениям» Тохтамыша в августе 1518 г. планы Мухаммед-Гирея переменились: «яз любо на Азсторокань, а любо на Киев пойду... и ты бы суды и тюфяки и пушки велел изготовити, и толко на Киев пойдем, и твои бы суды Десною рекою шли. А ныне бы еси многие суды и тюфяки и пушки изготовил»[333].

---

[326] Сб. РИО. Т. 95. № 26. С. 457. VI.1517.

[327] Там же. С. 458.

[328] Там же. С. 466–467.

[329] Там же. № 21. С. 376. X.1517.

[330] Там же. № 34. С. 609. I–III.1518.

[331] Там же. № 36. С. 641. IV–V.1519.

[332] Там же. № 34. С. 609. I–III.1518.

[333] Там же. № 30. С. 514, 519. VIII.1518.

Таким образом, крымский хан унаследовал идеи Ахмата, который в качестве способа перемены направления внешнеполитической активности Крымского ханства предлагал организовать свой собственный поход на Киев. «А Черкасы и Киев мои суседи, те яз городы наперед возьму»[334]. С аналогичными просьбами о выступлении на Астрахань, Киев и Черкасы[335] выступил ногайский мурза Кудаяр. Однако отправленный в Крым Останя Андреев не должен был вести переговоры с Мухаммед-Гиреем ни об Астрахани, ни о Киеве. Они откладывались до приезда в Крым великого посла Ю. Пронского. Но и этому послу предписывалось не «давать правды» в том, что Русь намеревается оказать Крымскому ханству помощь в добывании Астрахани, Киева или Черкас. Хотя от самой помощи Пронский не должен был отказываться[336].

Крымцы проявляли удивительную настойчивость в организации совместного похода на Астрахань. По словам Богатыря-царевича, поход на Астрахань — это обязательное условие заключения договора Крыма с Русью[337]. Прибывший в Москву Аппак-мурза высказал те же мысли: «брат мой князь великий, — передавал он слова Мухаммед-Гирея, — дает мне помочь на Астарокань, и Асторокани от нас негде ся деть». Аппак предлагал послать «люди под Киев и под Черкасы, а возметь брат мои князь великий Кыев и Черкасы, отдаст ли мне, занже то городи наши испокон века». На этих условиях крымский хан и просил правду[338]. Наконец, Василий III во время посольства Аппака обещал участие русских сил в походе на Астрахань, тем более что Аппак сообщил, что пока крымский хан не идет на Астрахань, а собирается на Литву и просит «учинить пособь на Киев» («послал бы еси своих людей к Киеву»)[339].

Итак, на протяжении первых двух десятилетий XVI в. крымцы вынашивали множество планов по разделу Литовского княжества. Они никак не могли решить судьбу Киева — то ли забрать его себе, то ли отдать Михаилу Глинскому, то ли подарить Руси.

Такие же хитроумные планы существовали в отношении Астрахани, которую крымские ханы то любезно преподносили русскому великому князю, то не скрывали собственных алчных устремлений, оказавшиеся в начале XVI в. столь же бесплодными. В спор из-за низовьев Волги в 1519 г. вступило новое политическое образование — Казацкая орда. Эта новая сила обратила ногайских мурз на путь союза с Астраханью. «...Нагаем пришла теснота от Казатцкой орды и полезли были на сю сторону Волги, и царь их азстороканский не пустил; коли хотите полезти на сю сторону Волги, и вы возмите с нами мир, да посла нам крымского дайте»[340]. Именно так им и пришлось поступить: заключив мир с астраханским ханом, они передали астраханцам крымского посла Аликича

---

[334] Сб. РИО. Т. 95. № 30. С. 528.

[335] Там же. № 31. С. 554. VIII–IX.1518.

[336] Там же. № 33. С. 594. XII.1518.

[337] Там же. № 34. С. 609. I–III.1518.

[338] Там же. № 36. С. 631. IV–V.1519.

[339] Там же. С. 661–662. III–V.1519.

[340] Там же. № 37. С. 669–670. 1519.

Татарова, которого те посадили в крепость. Думается, дальнейшая судьба Астрахани в немалой степени решалась именно этой силой.

Помимо противоречий из-за Киева и Астрахани, вытекавших из имперских великоулусных амбиций крымцев, были и другие. Смерть Абдул-Латифа в 1517 г. и казанского хана Мухаммед-Эмина в 1519 г. не решила спора из-за судеб Казани и Городца.

Попытка урегулировать отношения Крыма и Руси с помощью заключения договора в 1518 г. (см. об этом подробнее ниже) натолкнулась на достаточно сильные противоречия. Освободившийся казанский стол занял русский ставленник касимовский царь Шах-Али (Шигалей в русских источниках), что вызвало крайнее раздражение крымского хана. С приходом к власти кандидата «московского бея» (Mosqov begi), как Мухаммед-Гирей презрительно называл Василия III, в Казани, по его словам, началось строительство христианских церквей, из города были изгнаны мусульманские священники — gadi, место которых заняли христианские (ruhban), силой заставлявшие мусульман соблюдать обычаи «неверных». Василий III якобы действовал вопреки законам Корана. В результате 15 доверенных представителей казанской знати обратились к Мухаммед-Гирею с просьбой дать им другого хана. В ответ на такую просьбу он послал своего брата Сахиб-Гирея, который вошел в город и стал казанским ханом. Так излагал события 1519 г. Мухаммед-Гирей в послании султану341).

Итак, противоречия Крыма и Руси, несмотря на заинтересованность Мухаммед-Гирея в поддержке его наступления на Астрахань русскими войсками, оставались достаточно сильны. Они привели к восстановлению 20 октября 1520 г. договора Крымского ханства с ВКЛ, во исполнение которого и был предпринят в июле 1521 г. поход на Москву.

Однако прежде на Северном Причерноморье в качестве новой военной силы выступило еще одно государство — Османская империя. Летом 1520 г. османы прислали на Дон три каюка (военных корабля) с командой в 80 человек на каждом судне, 50 пушками и 50 пищалями. Глава отряда Синан-ага начал османо-русские переговоры о разграничении сфер охраны посольского судоходства на Дону. Русская сторона была готова отвечать за путь от верховьев реки вплоть до устьев Хопра или Медведицы, но никак не до Переволоки, т. е. до излучины реки, где она максимально близко подходила к Волге. Туда-то весной 1521 г. Сулейман велел продвинуться Синан-аге с его отрядом. Тем не менее в 1520 г. османо-русские отношения еще не выходили за пределы торгово-дипломатических. Общих границ эти государства пока не имели. Василий III даже не решался взять на себя охрану Среднего Дона. Однако усиление позиций азовского гарнизона, в чем А. М. Некрасов видит смысл акции Сулеймана, направленной против донских казаков342), в потенции могло привести стороны и к территориальным спорам.

---

341) *Lemercie-Quelquejay Ch.* Les Khanats de Kazan et de Crimée face à la Moskovie en 1521 // CMRS. 1971. V. 12. №4. P. 488.

342) *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 90–91; *Смирнов И. И.* Внешняя политика...; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 3. Т. V. С. 87.

Пока же традиционно дружественная Русскому государству османская политика нашла выражение в попытках султана направить военную активность Мухаммед-Гирея в выгодное для себя русло и тем самым удержать хана от похода на Русь.

Зимой 1520 г. – весной 1521 г., когда Мухаммед-Гирей собирался «подняться в седло, чтобы положить конец возмутительным мятежам идолопоклонников, ожесточенных против ислама»343), т. е. готовился к походу на Русь, Сулейман обратился к хану с требованием присоединиться к его походу на Венгрию и совершить нападение на Польшу. Турецкий поход состоялся в мае 1521 г. и завершился взятием Белграда.

Мухаммед-Гирей отказался, поскольку был союзником Польши, которая только что выложила 15 000 флоринов ради сохранения территории и населения в целости и сохранности. В послании султану он указывал на то, что поляки ежегодно исправно платят эту точно назначенную сумму. Гарантами сохранения мира выступали заложники, которыми крымская и литовская сторона обменивались согласно договоренности. В Польше в это время находился мурза Эвлия, сын Довлетека из рода Ширинов, и он не мог вернуться на родину, пока его не сменит какой-либо другой представитель того же рода. В случае нападения на Польшу, продолжал хан, поляки могли заточить в тюрьму Эвлию или даже убить его, что, как опасался Мухаммед-Гирей, вызовет возмущение всего рода Ширинов, всех беев и мурз против хана, приведет к нарушению порядка, утрате спокойствия и гибели страны344).

Наконец, Мухаммед-Гирей ссылался на другую опасность, которая могла бы возникнуть в результате его похода на Польшу. «Нашего старого врага Шейх Ахмеда хана, властителя Такт Мемлекети» («страны столицы»), т. е. Сарая, удерживает у себя польский король. В случае нападения на Польшу король, де, его отпустит, а это опасно для Крыма. Речь шла о Шиг-Ахмеде, сыне последнего хана Большой орды. В 1502 г. он бежал к Ногаям, затем бросился в Стамбул, но султан отказался его принять. Тогда Шиг-Ахмед направился в Киев и нашел «гостеприимство» у Александра Ягеллона, создав тем самым «вечную угрозу Менгли-Гирею»345). Видимо, угроза существовала и в 1521 г.

Еще одно соображение, которое удерживало Мухаммед-Гирея от похода на Польшу, — это состояние дел в Казани. Узнав о свержении Шигалея, «московский бей» послал значительные войска с целью прервать сношения между Крымом и Казанью, что весьма «опечалило» нового казанского хана. Мухаммед-Гирей решил помочь брату. Половина войск из рода Ширин уже вышли и дожидались хана в окрестностях Шют (Sut), местности, которую Ш. Лемерсье-Келькеже идентифицирует с Молочными водами346). Таким образом, борьба за Казань оказалась главной причиной похода Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г.

---

343) *Lemercie-Quelquejay Ch.* Les Khanats de Kazan et de Crimée... P. 488.

344) Там же.

345) *Соловьев С. М.* История России. Кн. 3. Т. V. С. 87.

346) *Lemercie-Quelquejay Ch.* Les Khanats de Kazan et de Crimée... P. 488.

И последнее соображение, которое заставило крымского хана воздержаться от похода на Польшу — новая угроза со стороны Казацкой орды, которая организовалась на территории, населенной ногаями и недавно завоеванной крымцами. Эту орду Мухаммед-Гирей именовал «многочисленной бандой, названной Qazaq». В случае похода на Польшу «они соединятся с астраханским ханом, который также наш давний враг, и погубят нашу страну»[347].

Издатели материалов архива Музея Топкапы под «Казацкой ордой» понимают донское казачество. В. Остапчук обратил внимание на указание Мухаммед-Гирея о том, что эта «банда» имеет «хана». Употребление последнего термина[348], по его мнению, возможно было лишь в том случае, если во главе этой группы «казаков», среди которых несомненно находились беглецы из Крыма, с Кавказа и, разумеется, с севера, стоял татарин и, скорее всего, Чингизид. В. П. Остапчук полагает, что Казацкая орда еще не соответствовала представлению о донском казачестве, сложившемуся в более позднее время[349].

Отказавшись от участия в османской военной акции, Мухаммед-Гирей предпринял свою, вернее, общую с казанским ханом Сахиб-Гиреем. Участие последнего в военных действиях против Руси оспаривалось А. А. Зиминым. Однако А. М. Некрасов вслед за И. И. Смирновым и В. В. Каргаловым настаивает на этом, поддерживая мнение последнего, будто именно Сахиб-Гирей в 1521 г. разорил Владимирскую землю[350]. Кроме того, в походе на Москву участвовали и литовские силы во главе с О. Дашковичем, «и черкасы, и нагайские татары», о чем рассказывает повесть о походе 1521 г., сохранившаяся в Шумиловском томе Лицевого свода и в Степенной книге.

О походе Мухаммед-Гирея великого князя всея Руси предупреждали азовский «бурган» и наместник Кафы Мухаммед-паша. 24 июня 1521 г. Василий III получил послание «бургана»: «Крымский царь на конь всел, на тебя на самого хотел итти и многую свою рать сбирал, и счастливый хандикерь чауша посылал, чтоб деи еси на Московскую землю, да на Черного Богдана (т. е. Молдавию. — *А. Х.*) не ходил». Запрет похода на Москву прозвучал довольно грозно: «...ты ся береги на свой живот и не ходи на московского, занже ми есть друг велик, а пойдешь на московского, и яз пойду на твою землю». Реакция хана была легко предсказуема: «И царь осердился, а рать его собрана, а злобен добре, и государствие бы твое берег, свою землю»[351], — увещевал бурган Василия III. Однако уже было поздно. Поход состоялся[352] и привел к катастрофическим для Москвы последствиям...

---

[347] *Lemercie-Quelquejay Ch.* Les Khanats de Kazan et de Crimée... P. 488–489.

[348] Даже в XVII в. крымские ханы очень осторожно употребляли этот титул. Царя Михаила Федоровича они именовали «падишахом многих христиан, имперским ханом и великим бегом» (*Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. С. 34).

[349] *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources or the History of the Black Sea Basin // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VI. № 4. 1982. P. 509.

[350] *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Северного Кавказа. С. 90–91; *Смирнов И. И.* Внешняя политика... С. 42–43.

[351] Сб. РИО. Т. 95. С. 681, 682.

Итак, великоордынская политика крымских ханов начала XVI в., несомненно, препятствовала процессу собирания территории Русского государства, но одновременно и ставила перед внешней политикой Руси совершенно определенные и новые задачи, которые та еще не в силах была решить, в частности, участия вместе с Крымским ханом в овладении Киевом и Астраханью. Последняя задача, в свою очередь, обостряла вопрос о положении Казани — промежуточной территории между Русью и Астраханью. Поползновения крымских ханов прибрать к рукам Астрахань диктовали Руси в конце изучаемого периода необходимость овладения Казанью.

§ 5. Договор 1518 года

Присоединение Смоленска и успешный поход на Опочку в 1518 г. — реванш за поражение при Орше — высоко подняли престиж великого князя Василия III в глазах крымских властителей[353]. Как и в сношениях со Священной Римской империей германской нации крымцы стали именовать Василия III «белым царем»[354]. Все чаще крымцы использовали полный титул Василия III, включавший слова «всея Руси», употреблению которого долго и упорно сопротивлялись литовский князь и литовские дипломаты, равно как и их союзники. Иногда по ошибке переводчиков или самих составителей в посланиях крымского хана появлялся даже термин «царь»[355], который русские давно употребляли в сношениях с Захарией (1484–1488), Хаджой Асаном (1485), ливонскими городами (1474, 1477, 1489), папой (1492, 1493), городами Священной Римской империи (1490, 1492, 1493) и др.[356]

По отношению к мурзам и князьям Василий III стал внедрять термин «слово». М. А. Усманов, обратив главное внимание на употребление термина «слово мое», подчеркнул, что Василий III, активно применяя не только свой более развернутый титул великого князя «всея Руси», но также ярлыковое «слово мое», начал по отношению к простым султанам и мирзам утверждать себя в ранге хана[357].

Смена хана на крымском престоле поставила перед русской дипломатией задачу возобновления союзных отношений с наследником Менгли-Гирея Мухаммедом-Гиреем. Первый проект шертной грамоты был предложен крымской стороне зимой 1515–1516 гг. Он был послан в Крым с И. Г. Мамоновым[358]. Однако Мамонову не удалось добиться согласия нового хана на заключение союза с Русью. Это, как известно, был период резкой активизации усилий литовской стороны, не жалевшей средств для подкупа не только хана, но и всего его окружения. Кроме того, как увидим ниже, проект новой шерти значительно отличался от договоров 1474 г. и 1480 г., поскольку расширял сферу обязанностей сторон, и в особенности Крыма, по отношению к Руси. По-видимому, в неудачном исходе миссии И. Г. Мамонова повинна и та шумиха, которая была поднята литовским князем и польским королем Сигизмундом и его многочисленными панегиристами после победы при Орше.

---

[352] *Зимин А. Л.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 240–249. История его подробно изложена В. П. Загоровским на основе русских источников (*Загоровский В. П.* Указ. соч. С. 66–71).

[353] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 129–130, 160–161.

[354] Сб. РИО. Т. 95. № 37. С. 671–672.

[355] Там же. С. 150. 3.VIII.1515.

[356] Сводку этих данных за конец XV в. см.: *Croskey R. V.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.—London, 1987. P. 299–300.

[357] *Усманов М. А.* Жалованные акты. С. 198.

Лишь поход 1518 г. на Опочку вынудил Мухаммед-Гирея пойти на все предложенные ему условия. Проект шертной грамоты 1518 г., отправленный из Москвы 16 сентября 1518 г.[359], весьма незначительно отличался от проекта 1515 г. Он учитывал лишь территориальные изменения, происшедшие за три года: среди князей, которые «служат» великому князю, вместо Василия Семеновича Стародубского названы князья Трубецкие; запрещение «стояти и воевати» распространено на «украинные» города — Стародуб, Чернигов, Почап, Гомей[360]; учтен и обобщен в виде отдельной статьи и добавления о статусе посла печальный опыт посольства И. Г. Мамонова, подвергавшегося различным унижениям в Крыму, задержанного там и умершего неподалеку от Перекопа 12 июня 1516 г.; сравнительно с проектом 1515 г. имелось добавление, касавшееся запрета чинить «грабеж» и «нечть» — «нечесть» послу, включена и отдельная статья: «задержания твоему послу и твоим людем никак не быти».

Эти поправки, либо фиксировавшие территориальные изменения, либо обобщавшие опыт дипломатических контактов с Мухаммедом-Гиреем, отнюдь не обладавшим ни выдержкой, ни мудростью своего отца[361], относились все же к частностям. Основной же смысл проекта, а позднее и договора 1518 г.[362], ратифицированного великим князем Василием III весной 1519 г.[363], заключался в установлении единой внешнеполитической линии обоих государств, как по отношению к Великому княжеству Литовскому, так и по отношению к «Ахматовым детям».

Заключение договора потребовало огромной настойчивости и выдержки со стороны русских послов. Больше года добивался подписания его И. Г. Мамонов. Эстафету от Мамонова принял сначала подьячий

---

[358] Сб. РИО. Т. 95. № 12. С. 199–200. XI.1515–I.1516.

[359] Там же. С. 549–550.

[360] О. Андреев так должен был объяснить появление списка этих городов: «Божия воля ссталась — слуги его князя Василия Семеновича в животе не стало, и те городы вотчина государя нашего ныне за государем за нашим, и государь наш того деля ныне написал, что те городы за ним» (Там же. № 31. С. 554).

[361] По словам О. Андреева, «и как к тебе приехал боярин Иван и его ближнис люди, и боярину... и ближним его людям от царевичев и от князей и от иных людей много силы и грабежу и нечти ссталось» (Там же).

[362] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 380, 553–554. VIII–X.1516, 6.IX.1518.

[363] Там же. № 34. С. 616. I–III.1519.

Гаврило (Гаврик), потом Останя (Остап) Андреев. Они упорно требовали, чтобы договор был принят в русской редакции «слово в слово». «А нечто прибавишь перед тем списком или убавишь что из того списка, и государю нашему та грамота будет нелюба», — говорил Останя; «тое грамоти не возмет», — утверждал Гаврик.

Ради заключения договора с Крымом Василий III соглашался на передачу Астрахани и наследия Стародубского князя Крыму: «А взмолвит волной человек о Астрокани, и яз ему и Астрокань, взяв, дам; а взмолвит мне, что и те три городы дай мне, и яз и те три городы, взяв, дам ему, толко бы деи моей земле убытка на было, а царь бы деи ко мне толко посла своего прислал, а с королем се яз сам ведаю», — так выглядели инструкции Андрееву в интерпретации князя Аппака.

Ради этого русская сторона совершенно сознательно пошла на применение ярлыкового термина «слово», которое, как было указано выше, отражало некоторое неравенство партнеров, впрочем, его выражение несколько смягчалось наименованием Василия III «братом» крымскому хану. Уравновешивалось употребление термина «слово» и одинаково пышными титулами заключавших договор государей: «Великие орды великому царю» противостоял «великий князь всея Руси», из чего следовало, что территории, подвластные каждому из них, были равны размерами и величием, хотя в это время Русское государство уже в несколько раз превосходило по обоим параметрам Крымское ханство. В договоре 1518 г. исчезло упоминание о «пожаловании» крымского хана. Обязательство «быти в доброй любви» также свидетельствовало о равном положении партнеров.

В диспозитивной части договора несколько сокращена характеристика условий союзничества: вместо «любви и доброго мира» 1474 г. в договоре 1518 г. упомянута только «добрая любовь» и обещание «братом и другом быти впрок»[364]. Несколько расширена следующая фраза первого докончания: *«где ни будем* — другу другом быти, а недругу недругом быти, *на всякого нашего недруга обема* нам заодин быти». Неясно, чем определялась необходимость включения географических указаний о местонахождении государей.

В договор 1518 г. полностью вошла статья об одинаковой позиции сторон по отношению к третьей стороне, которая была опущена Менгли-Гиреем в 70-х гг., но, разумеется, с поправкой на Мухаммед-Гирея и Василия III. «А хто мне, Магмед-Гирею царю, друг, тот и великому князю Василью брату друг» и т. д. Заканчивается же эта статья дополнением, которого не было в проекте 1474 г.: «А на Ахматовых детей и на Казимировых королевых детей, Жикгимонтом королем почениши, или кто иной будет на Великом княжестве на Литовском и на Польском королевстве — на них оба нас будем за один». Далее эта статья, центральная для Руси, да и для Крымского ханства, раскрывается по типу предшествующей. Правда, крымский хан и русский государь ставятся в неравные условия в период открытой борьбы с Ахматовыми царевыми детьми. В случае похода на них договор не предусматривал обязательства Василия III выступать против Ахматовых детей самому, крымский хан должен был двигаться против них сам.

---

[364] Сб. РИО. Т. 95. № 36. С. 664. I.V.1519.

Обязательство Василия III Мухаммед-Гирею	Обязательство Мухаммед-Гирея Василию III
и ты, брат мои князь великий Василеи салтанов и уланов и князей пошлешь на их улусы недружбы чинити.	и яз, Магмед-Гирей, царь, на Ахматовых детей сам пойду или с братьею своею и с детьми своими рать пошлю.

На Великое же княжество Литовское Василий, судя по договору, мог выйти в поход сам, обязательства же крымского хана были такими же, как и в первом случае («А ты брат мой князь великий Василей на вопчего нашего недруга на литовского сам пойдешь или рать свою пошлешь, ино яз сам пойду на его землю и на люди братью и детей своих с своей ратью пошлю»). То же самое предусматривалось в случае нападения литовского князя на Русь. Очевидно, позиция Руси по отношению к Великому княжеству Литовскому была более активной, нежели по отношению к «Ахматовым детям». Договор предусматривал лишь оборонительный союз от Ахматовых детей, но и оборонительный, и наступательный — против Великого княжества Литовского.

Крымскому хану, смыслом внешней политики которого были присоединение Астрахани и отчасти борьба за Киев, вероятно, подобные условия казались неприемлемыми. Заставить принять их могли только победа Руси над Великим княжеством Литовским и распри внутри самого Крымского ханства[365]. Новой была и группа следующих статей: обязательство расторгнуть отношения («сложить шерть» или «правда сложити») с Великим княжеством Литовским в случае войны с ним одного из союзников. И в данном случае позиция сторон разная:

Мухаммед-Гирей	Василий III
А хоти яз с литовским и с королем польским с Жигимонтом и в правде буду, а тебе… князю Василью *с ним каково* дело будет, и яз тогды… Жигимонту… шерть свою сложу.	*А нечто пойдет наш недруг* Жигимонт… *с нашим же недругом с Шыг-Ахметем на меня* на Магмед-Гирея царя придет, а хоти ты с ним и в правде будешь, и тебе тогды правда сложити.

Крымский хан, по точному смыслу шерти, не собирался проводить активную политику по отношению к Великому княжеству Литовскому, —

---

[365] О распре в среде Гиреев в 1517–1518 гг. см. подробнее: *Сыроечковский В. Е.* Мухаммад-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 61. История (Т. 2). М., 1940. С. 53–57.

такая возможность предусматривалась для Руси, великий князь которой брал обязательство выступить с братьями и «людьми» в случае наступления литовского князя на Крым. Кроме того, шерть подчеркивала роль Шиг-Ахмата, злейшего врага Крымского ханства.

В расширенной и переработанной редакции помещена статья о неприкосновенности русских земель: «а мне Магмед-Гирею царю *и моей братье и нашим детям* и уланом и князем нашим и нашим казаком твоих брата моего великого князя Василья земль и *братьи твоей земль* не воевати, также и князей, которые тебе *служат и твоим детем, князь Василей Шемячич и князи Трубецкие, и нам на их землях не стояти и не воевати*». Далее следует перечисление украинных городов — Стародуба, Чернигова, Почапа и Гомья и, наконец, дело доходит до князей, «которые князи тебе *служат* и твоим детем и на вас которые смотрят». Последняя категория князей известна и договору 1474, 1480 гг. Статья расширена за счет перечисления членов дома Гиреев, которым, равно как и самому хану, запрещалось нападать на русские «украины». Это дополнение весьма существенно, особенно если учесть, что организаторами подобных нападений во втором десятилетии XVI в. выступали именно они — то Ахмат, то Богатырь, то Алп. Наряду с запретом «воевати» запрещалось использовать русские земли в качестве плацдарма для нападения («стояти» на этих землях). И это дополнение — результат переговоров о предоставлении права «стояти», которого требовали крымские царевичи от русского государя по образцу, действовавшему в Великом княжестве Литовском для тамошних татар. Однако даже «стояние» крымского воинства чревато было серьезными последствиями для населения, не говоря уже о возможности разнообразных конфликтов, необходимости снабжать пищей воинство и кормом лошадей, ложившихся тяжелым бременем на население тех мест, где располагалось мирное крымское войско.

Статья показывает огромные успехи в формировании государственной территории в пограничных с Крымом или прилегавших к Полю районах. Вместо князей, которые «смотрят», вернее, наряду с ними появляются князья, которые «служат». И их, судя по договору, большинство.

Статья о возврате пленных дополнена указанием способа разрешения конфликтов в случаях нападения отрядов, независимых не только от крымского хана, но и от его братьев и детей: «без нашего веданья *без нашеи братьи* веданья и *без наших детей* веданья». В остальном статья сформулирована по-прежнему. В ней, как и раньше, отсутствует пункт о возвращении пленников русской стороной; можно, однако предположить, что он находился в русском противне статьи.

Следующая новая группа статей связана с обеспечением безопасности послов и купцов, не только русских, но и иных государств, двигающихся на Русь Доном или Полем под страхом казни нарушителей этого запрета, возврата имущества и «людских голов без окупа». Аналогичная статья предусматривала безопасность послов и гостей Крымского ханства:

Мухаммед-Гирей	Василий III
Также и твои брата моего послы или гости пойдут от тебя Доном или Полем, также отколе пойдут к тебе твои послы или гости, также и от иных государей, от кого на буди пойдут к тебе... послы или гости, и нашим людем и твоих послов и гостей и тех послов и гостей не имати, ни грабити	А которые люди на нас смотрят и тем нашим людем или гостем торговцом твои люди или царевичевы люди убыток учинят, да к тебе придут, и тебе про то тех людей казнити, а взятое куны, головы то ни нам отдати, ни инако не учинити
А кто наших людей твоих послов или гостей и тех послов и гостей, которые пойдуть к тебе от иных государей, от кого ни буди, пограбят, а к нам придут, и нам их казнити, а взятое велим отдати, а головы людцкие без окупа тебе отдати	

В статье, касающейся наказания грабителей крымцев, не указаны послы. По-видимому, в сношениях с Казанью Крым был настолько уверен в справедливом решении споров, что ханские советники не сочли нужным дополнять эту статью упоминанием своих послов в Казань. В качестве же возможных источников имущественных споров упомянуты «царевичевы люди», т. е. жители Касимова.

Указание на точный маршрут послов и гостей — Доном и Полем — свидетельствует о том, что к концу второго десятилетия XVI в. на второй план начал отходить традиционный и ранее наиболее безопасный путь по Днепру. Ослабление Большой орды способствовало некоторой стабилизации ситуации на Поле, что позволило в большей степени пользоваться сухопутными дорогами в Крым.

Разительные перемены обнаруживает, вернее, фиксирует и группа статей о пошлинах. В первую из них занесено дополнение: «А пошлина твоим людем и тебе все пошлины отстали». Таким образом, обе стороны официально признают институт пошлин изжившим себя.

Вторая статья пошлинной группы сформулирована, как и прежняя. Третья же коренным образом переработана:

1474	1518
А пошлинам даражским и иным всем пошлинам никоторым не быти	*А дарагам* и пошлинам даражским иным пошлинам никак не быти, *ни силе, ни наступанью, ни грабежу*,

> *и не чти от меня, от брата твоего*
> *от царя и от моей братьи и от моих*
> *детей и от иных царевичев и от сеитев*
> и от уланов и от князей и от всех
> наших людей никоторому над твоими
> послы и над твоими людьми не быти,
> ни задержания твоему послу и твоим
> людем никак не быти

Думается, включение в третью пошлинную статью упоминания о «дарагах» связано с многолетними спорами об Одоеве, даражскую пошлину с которого упорно требовали Бахшеиш и его наследники. Фактически Василий III давно избавил население Одоева от уплаты даражских пошлин, однако официально упразднение должности дараг произошло в 1518 г. Весьма конкретное перечисление возможных форм неуважения к послам и другим представителям Русского государства («сила», «наступанье», «грабеж», «неч[ес]ть») возникло как обобщение предшествующего опыта, оно связано с трудным путем утверждения тех форм дипломатического протокола, которые с большими усилиями пытались внедрить русские дипломаты. Опять приходится ссылаться на плачевный опыт посольств И. Г. Мамонова, К. Заболоцкого, В. Наумова и др. В статье важно указание не только этих форм, но и лиц, которым запрещалось проявлять неуважение к представителям Русского государства, — царевичей, сеитов, уланов, князей. Конечный протокол договора 1518 г. отличается от конечного протокола ранних договоров лишь в деталях: кроме хана указаны и царевичи Ахмат, Багатырь, Алп, братья и дети. Все они, таким образом, становились ответственными за соблюдение шерти.

Если оценивать значение третьего договора Русского государства с Крымом, то и его, равно как и два первых, следует причислить к большой дипломатической победе Руси. Неуклонное очищение русско-крымских отношений от всех и всяческих остатков ордынского времени, официальная гарантия нормального развития торговых и дипломатических сношений Русского государства с Крымом и с другими странами Азии и Европы, фиксация одинаковой внешнеполитической линии по отношению к Великому княжеству Литовскому и Ахматовым детям — все это должно было служить не только дальнейшему упрочению международного престижа Русского государства, но и установлению более живых и разнообразных связей с другими странами, а соответственно, и ускорению его экономического развития.

Именно этот договор лег в основу всех последующих русско-крымских шертных грамот, стал фундаментом, на базе которого русские дипломаты добивались права свободной и беспрепятственной торговли на Черном море, безопасности границ и неприкосновенности жителей. Однако договор не мог ликвидировать противоречий внутри крымского общества, не мог изменить великодержавную политику Крымского ханства, результатом чего и явился поход 1521 г.

1 мая 1519 г. в Москве была утверждена не только эта грамота. Крымская великодержавная политика нашла выражение в другом документе, так называемой «посыльной» грамоте, в которой было сформулировано единственное условие ввода в действие шертной грамоты. В качестве его Мухаммед-Гирей выдвигал помощь в овладении Астраханью: «а писал к брату своему к великому князю в той грамоте, чтоб ему князь великий на Азсторокань пособь учинил. А не учинит ему князь великий на Азсторокань пособи, и что он учинил шерть на шертной грамоте... и та шерть не в шерть». Послы же отказались от подтверждения этой «посыльной грамоты»: «и то слово государю нашему Магмед-Гирею царю отставити». От имени крымского хана послы дали шерть в том, что тот будет соблюдать лишь договор, на котором хан давал шерть перед русским послом: «и ему на той шертной грамоте и на той шерти ныне и вперед крепко стояти и по той ему шертной грамоте брату своему своему великому князю Василью правити». Таким образом, послы пошли на уступки русскому государю. Представитель крымского хана Аппак в Москве забыл свой же собственный наказ предполагавшемуся послу в Москву — Азике: «с чем тебя царь пошлет и что ти велит царь, то и говори, а про то хоти тебя князь великий на кол всадит, а ты свой приказ знай».

И Василий III со своей стороны также сделал некоторые уступки. В его речи «у целования» прозвучало обещание поддержать поход крымских войск на Астрахань, которого не было в договоре: «А о Азсторокани именно в грамоте не написано, и мы и на том брату своему правду даем, что в Азсторокани брату нашему недрузи, и похочет брат наш на них пойти и с ними свое дело делати и как будет нам пригоже, и мы ему, брату своему на Азсторокань пособь учиним и хотим с ними его и свое дело делати заодин, сколко нам Бог поможет, и на вопчих недругов на Ахматовых и на Махмутовых детей с ним есмя с братом своим на них заодин». Ради поддержки «собирательной» политики Руси и лишения Великого княжества Литовского такого союзника, как Крымское ханство, Василий III, покривив душой, дал обещание содействовать крымской великоордынской политике в Астрахани. К оказанию такой помощи Русь была совершенно не готова. Между нею и Астраханью располагалось Казанское ханство. В каких бы ни было оно отношениях с Русским государством, но представляло из себя в начале XVI в. еще непреодолимое препятствие для развития русского судоходства на Волге. Без решения «казанской проблемы» было невозможно и урегулирование крымско-русских отношений.

Поход Мухаммед-Гирея 1521 г. на Москву — это вершина его великодержавной политики. Он ясно и четко продемонстрировал зависимость русско-крымских отношений от русско-казанских и русско-астраханских. И эту взаимосвязь руководители Русского государства сумели понять. Не случайно после 1521 г. основное внимание начинает уделяться проблеме отношений с Казанью, что, на первый взгляд, выглядит парадоксом. Обращение к казанскому вопросу после сокрушительного поражения от крымских войск вне связи с крымской великодержавной политикой в низовьях Волги выглядит нелогичным только на первый взгляд. Оценить такой шаг можно, лишь внимательно присмотревшись к расстановке сил в Причерноморье и Прикаспии, определив основную направленность крымского великодержавия.

Влияние «крымского смерча» на внутреннее развитие Руси огромно. Бегство во время нападения татар рязанского князя Ивана Михайловича, ориентировавшегося то на крымского хана, то на Литву[366], продемонстрировало отсутствие консолидации в среде правящей верхушки Северо-Восточной Руси. «Крымский смерч» подорвал значение и престиж великого князя, который вынужден был стремиться к консолидации правящего сословия, апеллировать к авторитету своих братьев и Думы. Если в начале правления он решал вопросы внешних сношений вместе с боярами (об этом говорит формула «князь великии... приговорил... з бояры» в посольских документах, относящихся к заключению шертной грамоты с Менгли-Гиреем и возвращению Абдул-Латифа в 1508 г. и 1509 г.[367]), в середине правления, во втором десятилетии XVI в., — практически единолично, то после 1521 г. он снова вынужден был прибегнуть к помощи бояр. Изменились и формулировки разрядных книг: если в 1507–1508 гг. о назначении воевод говорилось, что великий князь «велел быти», «послал», а в 1514 г. — «приговорил», то в 1522 г. он «приговорил с своею братьею и з бояры». Лишь спустя десятилетие, в мае 1530 г., возрождается старая формулировка: «посылал воевод к Казани»[368]. Изменилась и великокняжеская ориентация на военную силу во время международных акций. Если до 1521 г. он активно привлекал к участию в военных действиях отряды выезжих татар, в том числе и крымских, то на протяжении 1521–1527 гг. их участие в подобных акциях не зафиксировано. Правда, следует учесть, что в древнейшей разрядной книге отсутствуют данные за 1523, 1525 и 1527 гг.

§ 6. Дипломатический протокол

После работ Л. А. Юзефовича и Р. М. Кроски, в которых посольский обычай Русского государства рассмотрен с завидной скрупулезностью, пожалуй, не стоило бы обращаться к этой теме[369]. Первому удалось выделить основные три типа русского посольского обычая в зависимости от контрагентов Русского государства, подчеркнуть особенности приема крымских дипломатов в Москве. Второй, ограничившись концом XV и первыми годами XVI в., сосредоточился на выяснении характерных черт русского посольского обычая по приему крымских представителей, восходящих, по его мнению, к предшествующему времени зависимости Руси. Ни тот, ни другой автор, видимо, не разделяют мнение Н. И. Веселовского, который в увлечении своими восточными изысканиями отказал русскому посольскому обычаю в оригинальности, полностью возводя его к восточным образцам[370]. Все три вышеназванные автора занимались в основном особенностями дипломатического протокола в Москве.

---

[366] Розыск о побеге из Москвы князя рязанского 1521 г. // Сборник князя Оболенского. № 2. М., 1838. С. 6, 9–10.

[367] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 42–43, 51. 21.XII.1508 и 14.I.1509.

[368] РК 1495–1598 гг. С. 37, 38, 53, 68, 74.

[369] *Юзефович Л. А.* Посольский обычай Российского государства конца XV – начала XVII в. Пермь, 1981; *Он же.* Из истории посольского обычая конца XV — начала XVII в. (Столовый церемониал московского двора) // ИЗ. Т. 98. М., 1977. С. 331–340; *Он же.* Русский посольский обычай XVI века // ВИ. 1977. № 8. С. 114–126; *Croskey R. M.* The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // Slavic Studies. Vol. 42. № 2. July 1984. P. 257–269; *Id.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.—London, 1987. P. 117–120, 299–300.

Именно этим обстоятельством и определяется, отчасти, новое обращение к теме. В отличие от Юзефовича и Кроски, основное внимание будет сосредоточено не на приеме крымцев в Москве, а на приеме русских послов и посланцев в Крыму. Без рассмотрения этой темы история борьбы Руси с пережитками ордынского ига в русско-крымских отношениях была бы неполна. Без ее освещения нельзя получить и представление о конкретной деятельности русских дипломатов в Крыму, о трудностях, которые им встречались на каждом шагу, об их стойкости и выдержке. Эволюция посольского обычая, трансформировавшегося весьма существенно, но отнюдь не равномерно или прямолинейно, была заслугой этих государевых «холопов»[371].

Очевидно, что дипломатический протокол, как и русско-крымские отношения в целом, испытал огромное воздействие менявшейся международной ситуации и международного положения Московского княжества в подобных акциях, Русского государства и самого Крымского ханства (в особенности в результате ликвидации Большой орды и целеустремленной борьбы русских дипломатов за уравнение ранга их государей с крымскими ханами).

В середине второго десятилетия XVI в. вопрос о титулатуре встал особенно остро для Василия III во взаимоотношениях с Крымом. Сделав попытку принять титул царя, он и в сношениях с «восточными» государями настаивал на признании своего нового «имени». И действительно добился определенных успехов на этом поприще, но в сношениях не с ханом, а с некоторыми из приближенных Мухаммед-Гирея I. Бахтияр-мурза и Казы-Гирей салтан со своими челобитьями обращались первый к «великой почести Великого улуса государю великого князя величеству», а второй — к «Великого улуса государю великому князю». Богатырь-салтан адресовался к «волного человека, отца нашего, любовному брату великого князя величеству». «Великого князя величеством» именовал Василия III и его брат Алп-Гирей, но, как и Богатырь-салтан, не забывал подчеркнуть, что «волным человеком» был только сам Мухаммед-Гирей. О статусе мужа как «волного человека» напоминала и царица Нурум, подчеркивая, что Мухаммед-Гирей «великой царь с тобою, с братом своим, ротной и шертной»[372].

---

[370] *Веселовский Н. И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.

[371] Кроме работ В. И. Саввы, следует назвать и статью Е. И. Индовой (*Индова Е. И.* Русская посольская служба в конце XV – первой половине XVI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972).

[372] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 314, 306, 307. IV.1516.

В цитированных обращениях ясно обнаруживаются весьма противоречивые тенденции. С одной стороны, некоторые салтаны и мурзы «бьют челом» Василию III, называя его государство «великим», однако лишь «улусом», как это было во времена Золотой орды, а с другой, никто из них не желал, а соответственно и не решался назвать Василия III «волным человеком», оставляя подобное определение лишь для крымского хана. Примечательно, что и Василий III в последние перед 1521 г. годы широко использовал формулу «челобитья», от которой в предшествующее время пытался отказаться.

Состав посольства определялся в зависимости от важности задачи, поставленной перед отправлявшимися в Крым представителями Москвы. Для заключения шертных грамот или их переприсяги-подтверждения в связи со сменой хана высылалось великое посольство, во главе которого стоял либо боярин, либо лицо, которому «придавалась» боярская честь на время выполнения дипломатической миссии373). Однако от этого правила были отступления. Для утверждения Мухаммед-Гиреем шерти в 1518 г. в Крым был отправлен Останя Андреев — «ближний человек» великого князя374), который, судя по имени, не был даже боярским сыном. Так же именовались сопровождавшие посла лица, в том числе и Илья Микулин Челищев375). Термин «ближний человек», как правило, не подразумевал высокого чина фигурирующего под ним лица, а лишь указывал на его влиятельное положение. В данном случае, вероятно, имел значение опыт дипломатической службы О. Андреева, который бывал в Крыму и раньше, при Менгли-Гирее376). Авторитет великого князя к 1518 г. был достаточно высок, чтобы дать такое ответственное поручение просто своим «ближним людям», тем более что Василий III вообще имел склонность к выдвижению незнатных людей.

В составе великого посольства в Крым отправлялись: сам посол, дьяк, толмач и сопровождавшие их лица, обычно 5–7 человек. Кроме того, ехали «ординцы», которые везли «казну» великого князя, сокольники, в ведении которых находились ловчие птицы, наконец, охрана посла, состоявшая из казаков. Если же ехал гонец377), то его сопровождение было гораздо меньше, оно ограничивалось лишь казачьей охраной.

К сожалению, о дипломатическом протоколе в Крыму можно судить лишь по великокняжеским наказам и отчетам И. Г. Мамонова, представлявшего государя в 1516 г. в экстремальных условиях обострения отношений Крыма и Руси. В такой же ситуации до него оказывались в 1492 г. боярин К. Г. Заболоцкий и в 1508 г. В. Наумов, сведений о пребывании которых в Крыму не сохранилось.

---

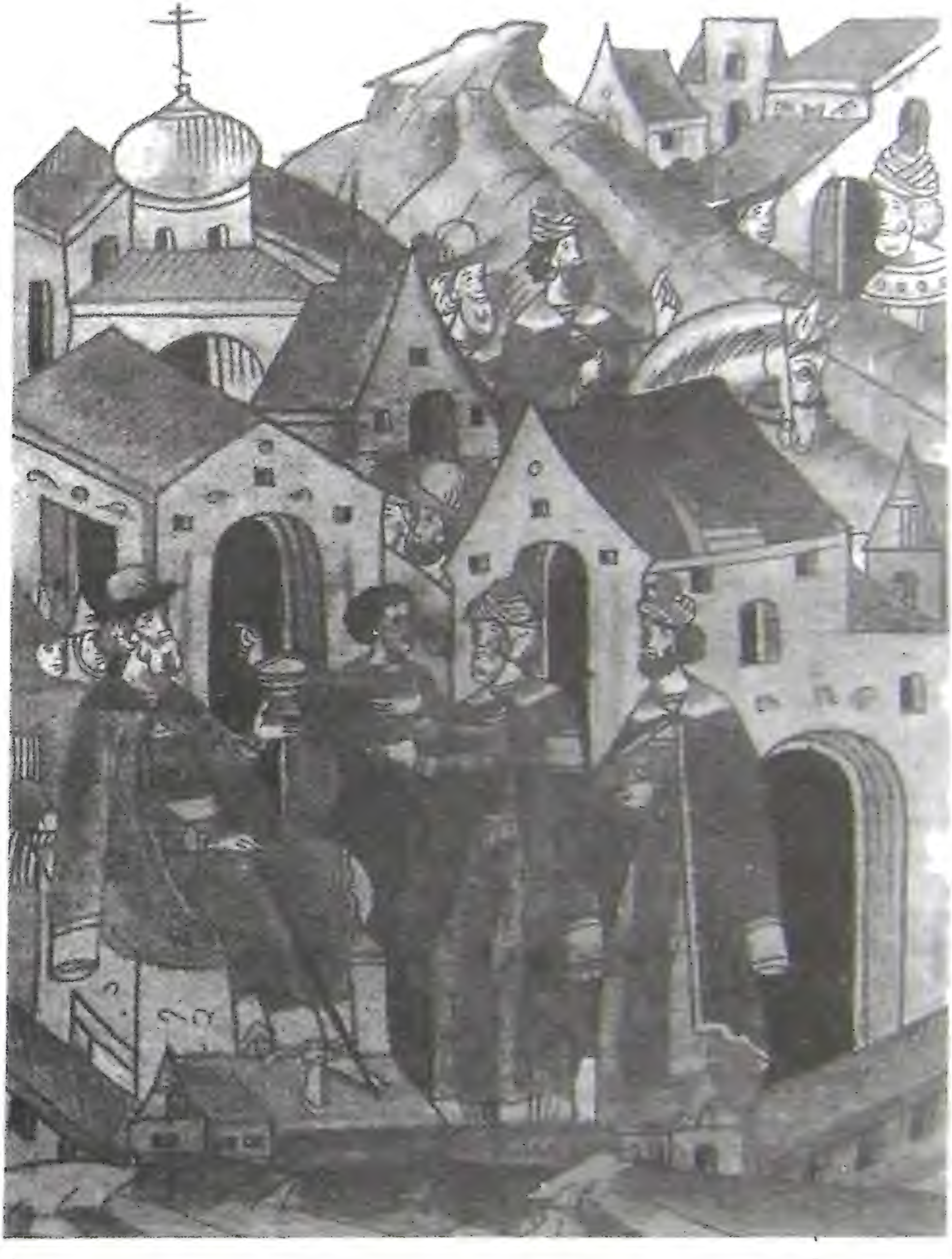
373) О «придании чести» см. наблюдения В. Б. Кобрина и Р. М. Кроски (*Хорошкевич А. Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // Советские архивы. 1984. № 5. С. 30; *Croskey R. M.* The Moscovite Diplomatic Practice. P. 100–102, 125).

374) Сб. РИО. Т. 95. № 31.

375) Там же. № 26. С. 469. VI.1517; № 23. С. 493. 30.XI.1516; № 31. С. 560. XI.1518.

376) Там же. С. 117, 131, 139, 149, 143, 173.

377) Об отличии гонца от посла см.: *Индова Е. И.* Указ. соч. С. 295–296.



Отправление посла кафинского шах-заде и русского посла А. С. Лапенка в 1496 г. (РНБ. Миниатюра Лицевого свода XVI в. Шум. том. Л. 577)

Обязанности между членами посольства распределялись очень четко. Так, «финансовую политику» в посольстве Мамонова проводил подьячий Гаврило (Гаврик). Недаром после смерти посла Аппак «много на Гаврика сердитовал и лаял ему: а молвит: "Тебя, страдника, слушал Иван, чего царь у Ивана ни просил, а ты не велел давати, ино было Ивану колко ни жити здесь, а без дела ему было ехати"»[378]. Он повторил обвинения в адрес Гаврилы и двумя годами позднее: «Иван Мамонов на твоем дворе в неге взрос, да лихово человека языка послушал, мало некаково слово молвил, и твои дела все для того замотчались»[379]. В феврале 1518 г. Гаврило оправдывался: «Яз здесе бывал, да боярину твоему думал не гораздо, того для ужь были твои дела и поделалися, да опять ся замотчали. И ты б ныне такова человека послал, которая бы и недобра дума, и он бы ее добру доспел»[380].

Посольство И. Г. Мамонова, с самого начала обреченное на неудачу, завершилось смертью посла недалеко от Перекопа 12 июня 1516 г. Тотчас после смерти посла Ахмат «силою» взял серого аргамака, купленного Мамоновым для великого князя, посольских коней отогнали в «царево стадо, а людей Ивановых всех переписали». По распоряжению Мухаммед-Гирея кадый, аминь и царев ага (дьяк) Еферь «живот пересмотрили, переписали и опять запечатали и отнесли в цареву казну, а на царя взяли из Иванову живота одну камку»[381]. Утверждая неприкосновенность имущества посла и его сопровождения, в XVI в. русские люди ссылались на практику предшествующих дипломатических отношений Руси с Крымом. Требуя возврата имущества сопровождавших Мамонова лиц и протестуя против захвата посольского скарба, «говорил царю Митя (Д. И. Александров. — *А. Х.*) из старины... то не старина, при отце твоем того не бывало»[382].

По-видимому, снаряжение посольства в какой-то степени производилось за счет самого посла. Об этом писал С. Герберштейн, побывавший в Москве в 1517 и 1526 гг., об этом же свидетельствует и заявление Мухаммед-Гирея. Реквизировав имущество посла, хан проявил трогательную заботу о его вдове: «Мы велели взяти твоего посла Ивана Григорьева сына Мамонова кун, бурской с золотом товар, да камку алу, да конь, да ещо иную лошадь. И яз ныне у тебя у брата своего прошу, чтоб еси за то своего посла Иванове жене денги дал, а им бы то было от тебя в жалование»[383].

Встречали послов, если они двигались западным путем, у Путивля[384]. Здесь соблюдали определенный ритуал. Мамонова за версту до Перекопа встретил-«наехал царев человек из Ислама городка да, сшед с коня, мне от царя поклон правил», также поступил и пристав Бетюка: «сшед с коня, мне царево здоровье сказывал и меня от царя про здоровье спросил»[385].

---

[378] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 375. VII–X.1516.

[379] Там же. № 30. С. 518. VIII.1518.

[380] Там же. № 29. С. 497. II.1518.

[381] Там же. № 21. С. 513.

[382] Там же. № 36. С. 631. III.1519.

[383] Там же. № 22. С. 389. XI.1516.

[384] *Сыроечковский В. Е.* Пути и формы сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. Сер. VII. № 3. 1932. С. 217.

[385] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 269. IV.1516.

Встреча русских послов в Крыму принципиально ничем не отличалась от встреч иностранных дипломатов на Руси. Крымский представитель и пристав спешивались с коня, спрашивали о здоровье великого князя и сообщали о здоровье своего хана[386].

Дальше послов сопровождали крымские представители[387]. Русские дипломаты называли их «приставами», по образцу отечественной охраны. В обязанности пристава входила защита чести и неприкосновенности послов. С этим они не всегда справлялись, поскольку распри между «пролитовской» и «промосковской» партиями в окружении хана были крайне острыми.

При встрече происходил обмен подарками. Послу по прибытии в ханство полагался подарок; как правило, это был аргамак, вероятно, в полной сбруе, подобно тому, как и на Руси. Конь и только конь, по понятиям любого средневекового воина и, в особенности, кочевника, достоин человека, и только такой подарок возвышает его[388]. Поэтому «подведением» коня русскому послу крымцы демонстрировали уважение как к личности посла, так и к главе государства. Даже в 1516 г., когда русско-крымские отношения переживали не самые лучшие времена, этот обычай был выполнен, что подробно описал Мамонов в своем отчете[389].

Русский посол должен был «отдарить» встречавших его крымцев. В наказе Ю. Д. Пронскому 1518 г. отмечалась обязанность посла почтить встречавших его лиц. Послу разрешалось взять от них, «что ему приведет от царя или привезет», отдарить «попригожу», но не так, как дарили К. Г. Заболоцкий в 1492 г., В. Г. Морозов в 1509 г.[390] или как силой брали «на» И. Г. Мамонове. Ю. Д. Пронский должен был сослаться на старый порядок: «Как прежние послы государя нашего наша братья у царя бывали и честь царевым людем чинили на встрече, и яз вам ныне дам по тому ж»[391]. Традиционным «жалованием» от великого князя на встрече послов была шуба. Так, мурзу Кудаяра пришел приветствовать («здоровье царево спросити») князь И. Ф. Тать Хрипунов с «ествой» и с шубой[392].

Одновременно послу предлагался хоир — корм[393]; татарский термин был хорошо известен в Москве: 11 ноября 1515 г. крымский посол Янчура был принят Василием III, «и ели того дни у великого князя, и того дни им князь великии и хоир дал»[394].

---

[386] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 49–53.

[387] Чтобы набить цену своим услугам, пристав Мамонова Бетюка сообщал ему: «Отселе (от Перекопа. — *А. Х.*) живу далеко в Кыркоре, а против тебя приехал есми по цареве грамоте» (Там же. С. 270).

[388] *Веселовский Н. И.* Татарское влияние. С. 16, 9–10.

[389] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 269–270.

[390] У В. Г. Морозова Поплевина в 1509 г. Кудаяр-Мурза отнял белильную шубу из «девяти», предназначенных для хана. Кроме того, у него требовали казенный список, согласно которому распределялись дары хану и его окружению.

[391] Сб. РИО. Т. 95. № 33. С. 586. XII.1518.

[392] Там же. № 30. С. 513. XII.1518.

[393] Там же. № 36. С. 630; № 16. С. 269.

[394] Там же. № 12. С. 191. 11.XI.1515.

Встречей пристава и передачей подарков встречавшим ограничивались первые формальности. В Крыму послы передвигались на своих лошадях и пользовались своими подводами, даже «харчевались» за собственный счет[395], дополнительно привозя для этого различные товары, которые вынуждены были продавать сопровождавшие посла лица. Неясен вопрос о корме для лошадей, обеспечение его брала на себя, по всей вероятности, крымская сторона[396]. Послы размещались «во дворех». В том случае, если послу не предоставляли отдельное подворье, он должен был настойчиво требовать этого, «как давывали наперед того иным великого князя послом». Наказ Пронскому гласил: «и князю Юрью однолично у князя ни у которого, ни у ближнего ни у какова человека, ни у мурзы никак не стати, ни у Аппака ему однолично не стати»[397].

Время между прибытием посольства и его приемом у хана зависело от многих причин, прежде всего от наличия или отсутствия хана в «столице». Так, Мамонову весной 1516 г. пришлось довольно долго дожидаться возвращения Мухаммед-Гирея из очередного похода. Это время русские послы использовали для установления контактов с представителями промосковской партии. В XVI в., наряду с князем Аппаком, наиболее верным сторонником великого князя всея Руси, таковыми время от времени являлись царевичи Алп, Азбек (последний посещал Москву с царицей Нурсалтан), несколько представителей рода Ширинов — кн. Агыш и Бахтеяр-мурза, сын Довлетека, много уланов и др. Официальному приему мог предшествовать и неофициальный. Так, первая встреча Мамонова с Мухаммед-Гиреем произошла под покровом ночи («в середу ночи наедине»), когда русский посол «посольство твое государево правил», втайне от всего ханского окружения передал хану запросные поминки и «помочь» казною[398].

Лишь после такого рода встреч происходил официальный прием посольства. После 1503 г. местом церемоний, вероятно, служил Посольский зал Бахчисарайского дворца, который в XVIII в. находился на втором этаже[399]. Затруднения возникали уже при пересечении порога жилища хана. Н. И. Веселовский, ссылаясь на Марко Поло и Ибн-Абдез-Захвара XIII в., возводит обычай охраны порога людьми, вооруженными посохами, к древним монгольским ритуалам. В обязанности стражи входило наблюдение за тем, чтобы никто не наступал на порог, а перешагивал через него[400]. Монгольский обычай охраны порога был унаследован у китайцев, по их представлениям порог считался местом пребывания бога земли Ту-шеня, поэтому стояние на пороге рассматривалось оскорблением божества и грозило бедствиями дому. У киргизов вплоть до XX в. бытовало представление, что счастье и благополучие текут в юрту как река по руслу, поэтому стояние на пороге и даже прикосновение к нему может помешать этому движению. Отсюда произошло тюркское выражение «счастливый порог»[401]. «Посохи» охраны, изредка именовавшиеся «батогами», дали название особой пошлины, которую пыталась взимать ханская стража, — посошной пошлины. У Мамонова на этом рубеже произошли длительные пререкания с ханской стражей, о чем он писал позднее следующее: «Да тут мне, государь, посох положили, да у посоха, государь, много истомы мне было не на мал час, чтоб яз их послушал о посошной пошлине... назад есми, государь, хотел итти, и они меня не пустили»[402].

---

[395] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 269, 271. IV.1516. Ср.: *Веселовский Н. И.* Указ. соч. С. 7.

[396] Сб. РИО. Т. 95. № 33. С. 595, 586. XII.1518.

[397] Там же. С. 586.

[398] Там же. № 16. С. 273. «Тайные речи» предусматривал и наказ Пронскому (Там же. № 33. С. 586).

[399] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. С. 143.

[400] *Веселовский Н. И.* Татарское влияние... С. 17.

Вопрос о пересечении порога обсуждался и в наказе Ю. Д. Пронскому. В инструкции значилось: «Итти ему прямо к царю по тому ж, как наперед того великого князя послы ко царю хаживали, а пошлин никоторых не бывало. В том случае, если кинут батог, пошлины не давать, хоти будет и назад итти, толко не мочно царя дойти, ино назад итти, а пошлины никак не дати»[403].

На ханском дворе, как отмечал В. Е. Сыроечковский, имели место и факты «ничем не прикрытой дикости». Когда Космак, князь из рода Кипчаков, гонялся за послом с плетью, пристав не помогал послу[404]. По оценке В. Е. Сыроечковского, и мнению Н. И. Веселовского, это был один из приемов дипломатического давления на посла, принятый на востоке. «Унижением прибывшего посла, — считалось в Крыму, — можно поднять в глазах народа значение своего государя»[405].

После длительного препирательства из-за посошной пошлины Мамонову предложили: «А ты молви хоти одно то: царево слово на голове держу». Этот несовершенный перевод буквально передает выражение «баш устенды», что значит «повинуюсь»[406]; оно применялось в тюркоязычных странах лишь по отношению к вышестоящему представителю власти[407]. Произнести подобное для Мамонова — значило признать собственную зависимость от ханских слуг, а своего государя — от хана. Естественен поэтому его ответ: «хоти ми без языка быти, а того никако не молвлю»[408]. На этот раз ханские слуги должны были отступиться от посла, который с такой выдержкой отстаивал честь своего государя.

На официальном приеме посол должен был приветствовать хана и передать ему «здоровальные», «девятные» поминки в соответствии с «записями» самого хана[409].

---

[401] *Веселовский Н. И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских. [Отд. оттиск] // Живая старина. 1912. Год XXI. С. 27–33.

[402] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 280. IV.1516.

[403] Сб. РИО. Т. 95. № 33. С. 587. XII.1518.

[404] Там же. С. 270–279. С. 3.

[405] *Веселовский Н. И.* Татарское влияние. *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 26.

[406] Объяснение переводного на русский выражения принадлежит Д. С. Комиссарову, которому и приношу благодарность за помощь.

[407] О. А. Юзефович справедливо видел в этом форму признания вассалитета (*Юзефович Л. А.* Русский посольский обычай. С. 114–115).

[408] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 280. IV.1516.

[409] Там же. № 33. С. 586. XII.1518.

Обряд приветствия как в Крыму, так и на Руси, в посольских книгах именуется «карашеванием»[410]. Встречая Магмедшу, Василий III «всех послов звал к себе да руку на них (по-видимому, коленопреклоненных. — *А. Х.*) клал»[411], а затем приглашал на пир. Такое приглашение было настолько обычным[412], что если посла не звали к великокняжеской «естве», то давали объяснение причин отказа от обычного ритуала, например, «поветрием» (эпидемией) в Кафе[413].

На великокняжеских трапезах провозглашались здравицы в честь обоих государей. На приеме Кудаяра 24 августа 1518 г. «опосле стола подавал князь великий чашу цареву. Да после того и свою чашу велел подавати»[414]. В порядке этого чествования Л. А. Юзефович видит пережиток былой зависимости Руси от Орды[415]. Думается, однако, что это обычное правило гостеприимства, распространенное повсеместно не только в средние века, но и в наше время — сначала величать гостя, а потом уже и хозяина.

В литературе ошибочно считается, что русские послы не пользовались личным гостеприимством крымского хана и не участвовали в его трапезах. Этот факт расценивается как отличие крымского дипломатического ритуала от посольского обычая на Руси. Инструкция С. В. Ромодановскому с очевидностью свидетельствует об обратном[416].

От послов требовалось строжайшим образом соблюдать честь своего государя, не допуская ни в чем ее умаления, даже если это противоречило восточным обычаям. Наказ С. В. Ромодановскому подчеркивал, чтобы «ему ни под которым послом у царя не садитися, ни останка у него опосле их не имати»[417]. В Крыму от послов требовалось соблюдение тех же обычаев, что и в других странах: русским послам запрещалось ходить на пиры вместе послами других государств, тем более, если коекому из тех оказывалась честь сидеть ближе к государю. Второе же требование к послу шло, очевидно, вразрез с восточными традициями. А. Н. Самойлович рассказывал об актах дружелюбия в свой адрес во время этнографической и лингвистической экспедиции в Таджикистане, когда хозяева предлагали ему недоеденные ими лепешки, которые тот с благодарностью доедал. Впрочем, Я. Е. Водарскому представляется, что это был акт дружелюбия не к равному, но к низшему.

Дипломатическая борьба по поводу ритуала приема послов происходила и на Руси, хотя порядок приема крымских послов имел много общего с посольскими обычаями крымцев. На Руси также торжественно встречали послов, приставы заботились о «корме» людям и лошадям

---

[410] Сб. РИО. Т. 41. № 57. С. 259. VIII.1498.

[411] Там же. Т. 95. № 2. С. 19. 24.X.1508.

[412] Там же. Т. 95. № 11, 30, 36. С. 528, 633, 666.

[413] Там же. № 22. С. 385. 1517.

[414] Там же. № 30. С. 528. Ср.: *Хорошкевич А. Л.* Величание государя // В печати.

[415] *Юзефович Л. А.* Из истории посольского обычая. С. 337.

[416] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 980. VII.1516.

[417] Там же. С. 370–371.

(так, у Кудояра приставом был подъячий Шаршава), лиц более высокого звания «ставили» на подворье (того же посла в Москве, получив весть с Останочного яма, выехал приветствовать ясельничий Иван Суков)[418].

На подворье происходили беседы с великокняжескими советниками. Об одной из них остались очень подробные сведения в связи с тем, что крымский посол Аппак мурза перед отъездом на Русь «положил на себя чалму», едва «учал царь к великому князю отпущати». Ивану Федоровичу Палецкому, которому было положено отнести «жалование» послу — «еству» и шубу, велено было «колпака» не снимать. Когда И. Ф. Палецкий, приехав на подворье, стал «на коленки» и начал говорить приветственную речь, Аппак упрекнул посланника: «Князь Иван, речь государскую говоришь, а колпака с себя не соимешь». Палецкий возразил ему, сказав, что предшествующие послы «против государского жалования колпаки снимали, а про тебя слышим, что еси княжого роду, а не азейского, ни молнин, и того есмя не слыхали, чтоб еси у Магметева гроба бывал, а ныне против государьского жалованья чалмы не соимешь». По-видимому, Аппак специально надел чалму, чтобы не исполнять обязательного для послов обряда снимания головных уборов, и здесь у себя на подворье он упорствовал — «чалмы не соиму», так как якобы он надел ее по распоряжению крымского хана, обещавшего отправить его в Мекку по возвращении с Руси. Второй член посольства, Ахмет-паша, став на колени, обнажил голову, «а князь Иван ему речь говорил от великого князя, также став на коленях, да колпак с себя снял»[419].

Вопрос о ношении чалмы оказался болезненным для самого Аппака. Он бил челом казначеям Юрию Траханиоту и Петру Головину, чтоб «государь пожаловал, не подержал на меня себе мнения никоторого, что яз в чалме еду». Головин по распоряжению великого князя успокоил посла: «еси нам о том не бил челом, и мы себе на мысли были о том подержали, что еси у Мяки (Мекки. — *А. Х.*) не бывал, ни роду еси не азейского, ни молнина, а ныне еси положил на себя челму. А коли... на тебя брат наш челму положил, ино то на твоей воле»[420]. Инцидент был исчерпан, однако, думается, что ситуация сложилась не в пользу посла, и его претензиям был поставлен предел. На приеме у великого князя Аппак, «отшед, стал на коленех да правил от царя великому князю поклон и говорил речь и подал грамоту шертную и посыльную»[421].

Встреча крымских послов «во дворе» великого князя по пышности значительно уступала приему представителей всех остальных государств. Лишь при переговорах с Аппаком 1 и 5 мая 1519 г. в них участвовали боярин Григорий Федорович Давыдов, Юрий Малый Траханиот, Федор Карпов, Шигона Поджогин, дьяки — Меньшой Путятин, Труфан Ильин[422]. В остальных случаях дело ограничивалось меньшим составом лиц. Того же Аппака представлял великому князю Василий Яковлевич Захарьин, а встречали его в непосредственной близости от великого князя, находившегося в «середней палате», у ее угла на верхнем крыльце от храма Благовещения тот же Захарьин и Меньшой Путятин. Такая поздняя встреча — несомненный признак обыденности этого приема. Еще более заурядным было посещение великокняжеского дворца Кудояром 18 августа 1518 г. Его встречал «на переходах» лишь Федор Карпов[423)], а для переговоров 31 августа Василий III высылал к нему Юрия Малого, Федора Карпова, дьяков Ивана Телешова, Меньшого Путятина, Труфана Ильина[424)]. Многолюдности крымских посольств[425)] на Руси противопоставлялась деловая сдержанность немногочисленных руководителей внешней политики.

---

[418] Сб. РИО. Т. 95. № 30. С. 513. VIII.1518.

[419] Там же. С. 632–633. III.1519.

[420] Там же. С. 633, 661, 663. Вероятно, в переговорах участвовали толмачи Василий Андрюшев и Савастьян. Там же. С. 634.

[421] Там же. С. 530.

[422] Там же. С. 513. 18.VIII.1518.

Дипломатический протокол, подобно самим шертным грамотам, складывался из русских и крымских компонентов, при этом главной целью крымцев являлось утверждение престижа собственного государя и подрыв престижа гостя. Русские дипломаты, утверждая свой дипломатический протокол в общении с крымцами, ссылались на давние обычаи: «послы осподарей наших великих князей от отцов и от дед и от прадед слали своих послов к прежним царем к ординским, и они своих послов посылали к великим князем»[426)]. На старинные обычаи ссылались и при утверждении шертных грамот. Порядок их оформления был многоступенчатый. Сначала в Москве дал «роту» крымский посол Ази-(Хаджи)-баба, потом в Крыму шертовал Менгли-Гирей. В шертной 1474 г. значился такой порядок утверждения грамоты крымским ханом: сначала он «молвил» крепко слово, потом дал шерть[427)] или, по русской терминологии, «правду»[428)]. Наконец, на шертном ярлыке Иван III «по своей вере правду дал перед твоим послом, перед Довлетеком»[429)].

Крымские послы в Москве в конце 1508 г. – начале 1509 г., когда речь шла о судьбе и дальнейшем статусе задержанного там царевича Абдул-Латифа, его окружения и самих послов, действовали иначе. «Записи» (т. е. договорные грамоты) скрепили печатью, потом крымцы должны были на них дать шерть, однако они, «шерти не давши по записям, пошли прочь». Наконец, 1 января 1509 г. послы согласились дать шерть; один противень документа на русском языке они увезли в Крым, другой — на татарском остался в Москве. 14 января 1509 г. Василий III, наконец, целовал крест.

Довольно сложный порядок заключения договора с Крымом сохранялся и позднее. В 1518 г. сначала крымский хан «пил роту», затем

[423)] У великого князя правили поклон не только от царя, но и от царицы, царевичей и князей их «люди» // Сб. РИО. Т. 95. № 30. С. 513. VIII.1516.

[424)] Сб. РИО. Т. 41. № 2. С. 10.

[425)] Там же. Т. 41. № 1. С. 5.

[426)] Там же. № 19. С. 63. 23.X.1487; «Правда межи нас учинилася». Там же. № 9. С. 35. III.1483.

[427)] Там же. № 2. С. 10.

[428)] Там же. Т. 95. № 2. С. 45, 51.

[429)] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 45–51.

великий князь целовал крест, и крымские послы в Москве давали шерть, затем на московском списке крымский хан должен был приложить свою печать и прислать этот экземпляр в Москву[430]. Акт принесения присяги крымцами был, по-видимому, таким же двусторонним, как и позднейшие присяги других тюркских народов (мусульман по вероисповеданию), равно как и христиан. В данном случае присягу крымского хана принимали русские послы, присягу крымских послов — великий князь. В описании всех этих действий обращает на себя внимание выражение «пить роту»[431]. Видимо, и тогда, как и в более позднее время, насколько можно судить по миниатюрам Лицевого свода, созданным более полстолетия спустя, сохранялся обычай «пить» присягу. Он восходит к древним арабам, которые при этом пили кровь. Что пили крымцы, трудно сказать; давали ли они клятву на коране, как это было позднее, тоже неизвестно[432]. Присяга великого князя и русских послов ограничивалась клятвой на евангелии и целованием креста. Церемония присяги Василия III подробно описана С. Герберштейном[433].

В соответствии с такой многоступенчатой процедурой заключения договоров составлялось множество списков докончальных грамот. Так, с Останей Андреевым было отправлено два списка договора: один «татарским», другой — «русским» письмом. Первый из них посол должен был вернуть в Москву после его утверждения ханом, второй оставить в Крыму. Кроме того, Андреев привез «черный» список того, на чем шертовал Мухаммед-Гирей.

И хан, и великий князь активно участвовали в обсуждении всех проблем русско-крымских взаимоотношений. Так, 21 декабря 1508 г., после того, как основные вопросы были уже решены, Василий III обратился к Абдул-Латифу и послам с речью, правда, отнюдь не с такой пространной, как имел обыкновение произносить его сын Иван IV послам литовского князя и польского короля. Василий III, объявил, «яз ту грамоту (которую хан прислал вместе с послами. — *А. Х.*) себе вычел, на чем нам царь шерть дал, и яз на той же грамоте царю правду учиню». Грамоту держал дьяк Меньшой Путятин, крест на грамоту положил Федор Карпов. После речи, в которой великий князь изложил содержание договора, он целовал крест.

В состав дипломатического протокола в Крыму входила такая особенность, как раздача поминков ханскому окружению. Внешне, казалось бы, вполне добровольный акт, восходящий, однако, к ордынским временам, когда он носил принудительный характер и осложнялся актами довольно резкого насилия. В 1509 г. посол Морозов Поплевин жаловался на предъявленные ему крымцами требования. Крымская знать настаивала на увеличении объема подарков: от него требовали столько же, сколько привозил боярин К. Г. Заболоцкий в 1492 г.: «Костянтин нам привез много, а ты мало». При этом крымцы засчитывали в число поминков и то, что было отобрано у Заболоцкого силой. Добиваясь своего, они оскорбляли посла и угрожали ему. В особенности усердствовал царевич Ахмат-Гирей. Он заявлял, что в случае неполучения таких же поминков, как от Заболоцкого, он повелит, «оцепивши ужищем да привести» представителя Василия III. Но посол упрямо стоял на своем: «А што на Костянтине взяли силою, и мне того не давывать»[434]. Такая же ситуация сложилась и в апреле 1516 г. У посла Мамонова крымцы по ночам отнимали подарки. Требовали их, причем в изрядном количестве, и те знатные лица, что служили Сигизмунду I. Среди них был царевич Алп, который хотел получить сначала три «девяти» (набор из девяти разных предметов), потом — одну (две ему обещал сам Мухаммед-Гирей): сорок соболей, кунью шубу крытую камкой, куньи и белильные шубы. Этого он добивался с помощью крымского пристава. Ограбили и ордынцев, сопровождавших посла, и великокняжеских сокольников. Слуги царевича Богатыря-салтана, который не получил четырех «девяти», как хотел, сами сорвали печать с казны и самовольно взяли несколько шуб и другие предметы[435].

---

[430] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 553. IX.1518.

[431] Там же. № 31. С. 613. XII.1519. В переводе грамоты Аппака июня 1517 г. встречается еще более колоритное выражение «роту и правду аз пью». Там же. № 25. С. 451. V–VI.1517.

[432] *Иомудский Н. Н.* Присяга у закаспийских туркмен // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. С. 220, 222.

[433] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 103, 225–226.

Акты насилия, допускавшиеся крымцами по отношению к русским дипломатическим представителям, — вовсе не нарушение традиционного протокола. Это, пожалуй, его органическая часть, восходящая ко временам иноземной зависимости, некоторый пережиток эпохи неравноправия русской стороны. Подобный анахронизм — не единственная особенность русско-крымского протокола. Сравнительно с дипломатическим протоколом, применявшимся русской стороной при сношениях с западными соседями, были и другие особенности, в частности, переговоры и приветствия коленопреклоненных друг перед другом дипломатов.

§ 7. Вопрос о возврате пленных в русско-крымских отношениях

Войны периода средневековья сопровождались постоянным угоном населения, грабежами или уничтожением имущества. Это в равной степени касается войн на территории как европейской, так и азиатской частей континента. Грабеж рассматривался в качестве неизбежного приложения к войне; добыча служила средством возмещения причиненного ущерба[436]. В Европе сосуществовало несколько принципов дележа награбленного. Венцеслав IV Чешский (1378–1419) и глава гуситов Ян Жижка в 1423 г. ввели принцип распределения добычи по приказу командира. Богемские статьи гуситов разрешали пользоваться добычей и пленными победителю, если он снаряжал поход за собственный счет437). В Испании, Франции, Англии знатные люди могли поступаться лишь государю — сюзерену, если же войско снаряжалось за счет последнего, то и добыча считалась его собственностью, хотя частично она распределялась между участниками войн в соответствии с римским военным правом438). Ричард II Английский (1377–1399) установил, что каждый воин одну треть добычи должен отдать капитану, в противном случае он может быть лишен своей доли439).

---

[434] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 83. IX.1509.

[435] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 271–288. Этот казус вопреки мнению С. Ф. Фаизова свидетельствует о живучести «девяти» — девятных.

[436] *Vanderpol A.* La doctrine scolastique du droit de guerre. Paris, 1919; *Id.* Le droit de guerre d'après les théologiens et les canonistes du Moyen âge. Paris, 1911. См. подробнее: *Redlich Fr.* De praeda militari. Looting and booty 1500–1815. Wiesbaden, 1956. S. 2, 28, 32, 38.

Регулирование «норм» военной добычи в Европе началось лишь при короле Генрихе V (1413–1422) и эрле Шрусбери Джоне Талботе (1388–1453): грабежи были ограничены непосредственными потребностями войска, запрещено было брать животных, рубить плодовые деревья. Приблизительно в это же время, в 1427 г., Габсбурги установили принцип раздела продовольственных продуктов и ввели запрет поджигать имущество и жилища врага. А сто лет спустя, в 1527 г., Фердинанд I уточнил это правило: о начале грабежа извещал командир, не захваченный полностью город не подлежал разграблению. Артиллерийские же орудия и все вооружение, а также колокола, рассматривавшиеся как сырье для литья пушек, должны были передаваться в имперскую казну440). В том же самом году Мартин Лютер объявил, что «добычу и жалование мы возьмем у недостойных людей благодаря божьей милости и доброте»441). Средневековые схоласты и гуманисты XVI в., не оспаривая самого принципа грабежа и увода населения и скота в плен, настаивали лишь на том, чтобы не страдали «невинные» — священники, монахи, пилигримы, иноземцы и торговцы, оказавшиеся в зоне военных действий, а также женщины и дети, которых брали в плен ради получения выкупа, и крестьяне, имущество которых, впрочем, не охранялось никакими законами442).

Пограничье Европы и Азии, совпадавшее в средние века с рубежом территорий кочевников и оседлого населения, было ареной бесконечных войн, сопровождавшихся грабежами и захватом пленных. В русско-крымских войнах грабежи имущества находились на втором плане. Главный материальный интерес представлял захват пленных, хотя пограничье было крайне мало заселено. Полоса «Поля» весьма долго оставалась нейтральной.

Особенности социально-экономического строя как самого Крымского ханства, так и Османской империи обуславливали и некоторые особенности в отношениях ханства с соседями. И ханство, и тем более империя нуждались в непрерывном поступлении рабочей силы — будущих рабов,

---

437) *Redlich Fr*. Op. cit. S. 8, 28.

438) Ibid. S. 38.

439) Ibid. S. 43.

440) Ibid. S. 8–9, 12–13.

441) *Luther M*. Ob kregsleute auch ynn seligen Stande seyn kunden (Wittenberg, 1527) // *Luther M*. Samtliche Werke. Erlangen, 1832. Bd. XXI. S. 281, 285. Цит. по: *Redlich Fr*. Op. cit. S. 25.

442) *Nys E*. Le droit de la guerre et le précurseurs de Grotius. Bruxelles. 1882. P. 118–119; *Redlich Fr*. Op. cit. S. 36.

как военных, так и ремесленников и домашних слуг[443]. Несколько иначе использовались рабы в Крыму. Здесь их заставляли трудиться в сельском хозяйстве, выращивая отправляемое в Стамбул зерно[444].

«Торговля рабами была основой крымской экономики. Существенная экономическая необходимость в результате иммиграции или неурожая и голода, часто случавшихся в этом регионе, принуждала тысячи людей, как знатных, так и рядовых, отправляться в рейды на Русь и в Польшу», — пишет крупнейший исследователь этого вопроса X. Иналджык[445]. В конце XV в. (после захвата османами генуэзской Кафы) и в начале XVI в. Крымское ханство явилось основным поставщиком рабов, добываемых в ходе непрерывных набегов с целью грабежа и угона пленных. Последние распределялись между участниками военных походов — добыча была формой вознаграждения за военные подвиги. Часть ее, в виде преимущественно рабов и котлов, выделялась победителями хану, его старшим родственникам или ханскому окружению в знак почета. Термин, обозначавший подобные подарки — «сайгат» (savgha) рано вошел в русскую письменность[446].

Главным источником сведении о захвате пленных — бедствия, которое регулярно постигало русские земли, в особенности южные и юго-восточные, являются посольские книги. Их данные были тщательно проанализированы А. А. Новосельским, выводы которого безоговорочно приняты современными историками X. Иналджыком и А. Фишером. Последний подчеркивает, что после 1475 г. в крымском экспорте преобладали славянские рабы[447]. Следует, однако, иметь в виду, что посольские книги дают извращенную картину угона пленных в изучаемое время. Дело в том, что и русские, и крымские власти требовали возвращения своих пленных[448]. Уже договор 1474 г. предусматривал безвозмездный обмен пленниками. В соответствии с этим, просьбы о возврате пленных сопровождали почти каждое посольство в Крым и в Москву, в особенности в XVI в. Крымцы, располагавшие, по-видимому, хорошей разведкой в Русском государстве, точно указывали местонахождение своих соотечественников, попавших в плен во время военных действий, преимущественно мужчин. Пусть число последних было незначительным, переписка о возврате отдельных людей продолжалась годами, настойчивость, с которой крымцы требовали выдачи своих родственников или слуг, отчетливо проглядывается в материалах посольских книг.

---

[443] *Inalcik H.* Servile Labor in the Ottoman Empire // The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds. The East European Patterns / Ed. A. Ascher, J. Halasi-Kun, B. K. Kiraly. Brooklin, 1979. P. 25–52.

[444] Там же. С. 39.

[445] Там же. С. 38.

[446] *Мелиоранский П. М.* Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода // ИОРЯС. Т. IX. Кн. 4. СПб., 1905. С. 125.

[447] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948; *Inalcik H.* Servile Labor. P. 38–39; *Fisher A. W.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade / CASS. 1972. P. 241–268. *Id.* Azov in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // JGO. Vol. 21. 1973. № 2. P. 168.

[448] *Лохвицкий А.* О выкупе пленных у татар // Московские ведомости. 1855. № 124–126; *Он же.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII вв.). М., 1855.

Списки пленных составляла и русская сторона. Среди попавших в Крым были и воины, и мирные жители пограничных районов, в том числе женщины и дети. Трудно сказать, насколько точны были эти списки русских полоняников, а самое главное, насколько они были полны. Центральные власти хорошо знали район, откуда было уведено население, иногда и знатных людей той или иной местности. Вероятно, за пределами их внимания оставалось непривилегированное трудовое население русских «украин», холопов и рабынь. Кроме того, подобные списки составлялись с большим опозданием. Так, И. Г. Мамонов в 1516 г. сетовал на то, что в представленные им списки, не вошел «мещерский полон», т. е. полоняники, уведенные в Крым задолго до его посольства[449)].

К сожалению, в посольские книги эти списки вообще не вносились. О жертвах набега Ахмата 1512 г. — «50 тысячей люду, мужиков и невест», «больше 50 тысячей мужиков и женок» известно лишь из литовских посольских книг[450)]. Поэтому приходится выискивать случайные упоминания о количестве пленных, не надеясь узнать их имена. Установление имен особенно затруднялось получением частью русских пленников мусульманских прозвищ. Так, в Бурсе среди ткачей вельвета значится некий «Аваз... русского происхождения»[451)]. Однако даже при таком уточняющем сообщении нельзя быть уверенным, что пленник происходит из Северо-Восточной, а не Юго-Западной Руси, т. е. территории будущей Украины.

Сложности в установлении численности и происхождения пленников усугублялись еще и тем, что их, в особенности мужчин, зачастую даже не пригоняли в Крым, а сразу направляли в Азов или Кафу, т. е. в те порты, которые принадлежали османам[452)].

Основным центром торговли рабами была Кафа. О размахе работорговли можно судить по тому, что только за три года (1474–1477 гг.) таможенные доходы от торговли рабами, лошадьми и т. д. достигли 360 000 акче или 8 000 золотых дукатов[453)]. На протяжении XVI – середины XVII вв. (1514–1654 гг.) здесь продавалось в среднем ежегодно 17 000 рабов. К концу XV в. цена раба-славянина достигала 250 акче или около 4 золотых дукатов[454)]. Пошлина за рабов, ввозимых из Азака (Азова) и Тамани, была вдвое ниже (105 акче), нежели за рабов из Сухума, главного центра северо-кавказской работорговли. Однако если раба оттуда продавали в Кафе, то следовало платить и вторую половину[455)]. Списки

[449)] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 292. IV.1516.

[450)] РГАДА. Ф. 389. Книга записей 7. Л. 218 об., 221.

[451)] *Inalcik H.* Servile Labor. P. 28.

[452)] *Бережков М. Н.* Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе. Т. II. Одесса, 1888. С. 342–372.

[453)] *Inalcik H.* Servile Labor. P. 52.

[454)] *Berindei M., Veinstein G.* Reglements de Suleyman Ier concernant le Liva' de Kefe // CMRS. Vol. 15. № 1. 1975. P. 57–104.

[455)] *Inalcik H.* Servile Labor. P. 93.

должников кафинской таможни за 1487–1491 гг. показывают, что все должники пошлин за рабов из Азова и Тамани являлись официальными лицами. Это был либо сам паша г. Кафы, либо люди, непосредственно связанные с Месих-пашой; часть торговцев входила в состав османского воинства, которое активно включилось в работорговлю в Крыму уже вскоре после завоевания Кафы[456]. В самом же Крымском ханстве, судя по суюргалу Хаджи-Гирея от 5 марта 1453 г.[457], при торговле рабами, котлами и лошадьми не взимались никакие пошлины, — ни «тамга» (bac), ни «дары» (harc, haracat), ни «весчее» (tartnak, tartinak)[458], что создавало благоприятные условия для процветания этой торговли. О том, какой доход извлекали из этого крымцы, можно судить по более поздним данным, когда была введена таможенная пошлина. В 1533 гг. у знатных людей из окружения Сахиб-Гирея было по 15–20 «голов» полона, т. е. по 40–50 тысяч денег, «а у иных, всее нашей рати, на всякую голову по пять, по шесть голов твоего полону в руках»[459]. Лишь одна тамга хану от продажи пленников составила 100 000 денег[460].

Ни в Кафе, ни в других османских портах Крыма русские пленники не задерживались. Их продавали в Османскую империю, где самой лучшей перспективой было попасть в шелкоткацкую мастерскую, где производились тонкие и роскошные ткани на продажу в Италию, Польшу, на Русь. Хозяева мастерских заключали со своими рабами договор (mukataba в исламском праве), согласно которому по выполнении определенной работы и уплаты согласованной суммы они получали свободу[461].

Судьба женщин была иной. Лишь часть их поступала на невольничьи рынки Кафы и Азова, большинство же, как можно предполагать, оставалась в Крыму в качестве наложниц. Во время распрь Гиреев Ахмат говорил брату: «лзе ли тому быти, наги все улусы покачевали за Перекоп, и наши бы люди, оставя свои улусы, пошли чужих жен добывати, а в ту бы пору своих жен и детей остали»[462]. Поэтому, даже находясь в Крыму, русские дипломатические представители с трудом могли выяснить действительное местонахождение пленных соотечественников. Тем более трудно это сделать сейчас, спустя века. Даже мобилизация археологических данных помогает мало, ибо находки предметов православного религиозного культа — крестиков, иконок и др. дают лишь самое общее представление о том, куда судьба заносила православную русь из Литовского и Московского княжеств[463].

---

[456] *Inalcik H.* Servile Labor. P. 57.

[457] *Kurat A.* Topkapi Sarayi Muzesi Arcivindeki Altin-ordu, Kirim ve Turkestan Hanlarina ait Yarlik ve Bitikler. Istanbul, 1940. P. 62–80, 173–184; *Hinz W.* Zwei Steuerbefreiungs-Urkunden // Documenta Islamica Inedita. Berlin, 1952. S. 211–220, bes. S. 215.

[458] *Смирнов В. Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1917. С. 8–15; *Inalcik H.* Servile Labor. P. 99.

[459] РГАДА. Ф. 123. Книга записей 7. Л. 69.

[460] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 15–16.

[461] *Inalcik H.* Servile Labor. P. 27–29.

[462] Сб. РИО. Т. 95. № 23. С. 420.

[463] *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1975.

В связи со всем вышеизложенным, требования русских послов в Крыму о возвращении пленных соотечественников были, как правило, неконкретными, в них отсутствовали сведения об именах и местонахождении отдельных лиц.

Посольские книги и летописи дают наиболее четкие сведения о том, какие территории подвергались грабительским крымским набегам. Прежде всего это были «украинные» районы. Понятие русской «украины» на протяжении изучаемого полустолетия изменялось. Границей, так сказать, «государственной», по прежнему оставалась Ока, однако с одной стороны, присоединение части русских земель Великого княжества Литовского способствовало выходу территории княжества всея Руси за пределы Оки, с другой — та более или менее мирная обстановка, которая установилась на Поле после разгрома ордынцев в 1502 г., вызвала его быструю колонизацию. Во время переговоров в конце 1516 г. Ильи Челищева с царевичем Ахматом об отправке его сына в Москву русскому посланнику надлежало заявить Ахмату: «Коли, господине, хочешь сына своего послати ко государю нашему, и ты его вышли на Поле, и как он, вышед на Поле, да со государем нашим обошлется, и государь наш... велит сыну твоему к себе ехати»[464]. Очевидно, предполагалось, что Поле отнюдь не пустовало. Действительно, судя по опасной грамоте Василия III гонцу царевича Ахмата Качиму, Поле было населено подданными великого князя. Правда, их социальное положение несколько неопределенно. Грамота адресована: «Князем нашим украинным всем и наместником нашим по украинным городом и братьи нашей наместником и всем нашим людем украинным и братьи нашей людем и всем нашим людем и братьи нашие людем тем, которые пойдут на Поле в свои ухожаи и на добычи»[465]. Таким образом, Поле во втором десятилетии XVI в. стало ареной промысловой колонизации, причем колонизации народной[466]. Именно в это время и увеличилось количество крымских набегов с целью захвата пленных[467].

Забота об охране «украин» — один из приоритетов русских дипломатов. В частности, И. Г. Мамонов незадолго до смерти, в 1516 г., просил Мухаммед-Гирея соблюдать прежнюю шерть, он говорил ему, «чтоб твои люди без твоего ведома на брата на твоего украинах лиха никакова не учинили»[468]. Это требование было тем более уместно, что ходили «слухи... что им (всем царевичам, вышедшим за пределы Перекопа. — *А. Х.*) быти на твоей государевои украине»[469]. После смерти Мамонова действительно оказалось, что царевич Богатырь вместе с царевичем Алпом[470] отправился на «украины» Русского государства, хотя, по утверждению Мухаммед-Гирея, был направлен на ногаев. Богатырь объяснял изменение маршрута набега тем, что «и берегом и в судах все мещерские казаки ходят, ино нелзе за Волгу»[471]. Из переговоров Дмитрия Ивановича Александрова с ханом выяснилось, что под «украиной» крымцы в данном случае имели в виду Рязань[472].

---

[464] Сб. РИО. Т. 95. № 23. С. 420.

[465] Сб. РИО. Т. 95. № 20. С. 352. 6.X.1516.

[466] *Бережков М. Н.* Крымские шертные грамоты. С. 18.

[467] ЛМ. Кн. 5. № 94.1, 3. С. 155–156, 162. 27.X.1500.

[468] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 363. X.1516.

[469] Там же. С. 370.

[470] Там же. № 27. С. 475. См. подробнее: № 29. С. 503. II.1518. Геммет-Гирей, располагавший 40-тысячным войском, несмотря на настояния царевичей, не присоединился к ним.

Во время этого похода Богатырь, по признанию самого крымского хана Василию III, «твоей земле убыток учинил». Весь же полон (знатных лиц, во всяком случае) хан забрал себе: «А которые у него были и у слуг его у больших и у менших твои добрые люди, тех есми всех поимал». Среди них оказался и Василей Иванов сын Шадрин, «доброй твой боярин»[473]. Мухаммед-Гирей обещает собрать и отправить на родину остальных знатных лиц, «которых твоих людей добудем»[474].

Зимой 1516–1517 гг. царевичи Богатырь и Алп, князь Ад-Рахман направились «на твои государьские украины на князи», но вернулись от устья Сулы. Весной следующего года Илья Челищев и Василий Шадрин сообщали, что «царевичи и болшие люди ждут того, как ся у них кони наедят, и царевичем, государь, и болшим людем быти на той украине, которое им пригоже, на литовской или на волошской». В случае же неудачи переговоров с русскими послами «им... быти однолично на твоей государьской украине». Заслугу в этом приписывал себе Геммет-Гирей, он объяснял причину зимнего похода тем, что царевичи получили от короля «золотые (имеются в виду угорские золотые монеты. —*А. Х.*), сукна, горла, горностаи, соболи»[475].

Предупреждение Ильи Челищева и В. Шадрина было нелишним. Крымцы — мурза Токузак, сын Агыша Ширина, князь Удем Мангыт, мурза Телет Мангыт, мурза Кудаш Ширин, брат Берючека, мурза Кочкар Зезеут, сын Мамыша совершили нападение «на великого князя украину на тулские места». «Да поимав были и прочь пошли». Однако часть полона людям великого князя удалось отбить, часть крымцы увели с собою. Посольство великокняжеских казаков во главе с Кельдишем, сыном карача Мурадина, согласно инструкции от 30 ноября 1517 г., должно было требовать: «И ты, царь, по своей правде и по своему крепкому слову тех наших людей всех, которые наши люди твоим людем на украине в руки попали, сыскав, к нам прислал, а тех бы еси своих мурз и людей велел казнити, чтобы вперед промеж нас с тобою лихово дела не чинили и украйнам бы нашим лиха никоторого не чинили»[476]. Зачисление Тулы в «украины» великого князя, вероятно, связано с переходом части рязанских территорий в состав Русского государства еще до окончательного присоединения Рязани[477]. Об этом же процессе территориального расширения княжества всея Руси свидетельствует появление на дипломатической службе великого князя Василия III Юрия Дмитриевича Пронского, отправленного в качестве великого посла в Крым в декабре 1518 г.[478] На «украине» Русского государства «в державе» великого князя сидели, как видно из преведенных выше цитат, независимые или полузависимые «князи»[479]. Один из них находился в Путивле[480].

---

[471] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 376.

[472] Там же. С. 377.

[473] Позднее хан «чтил его у себя». Шадрин, по договоренности с Д. И. Александровым, после отъезда членов посольства И. Г. Мамонова остался в Крыму в качестве полуофициального дипломатического представителя Русского государства. По возвращении в Москву в 1521 г. стал членом Думы кн. Юрия Ивановича Дмитровского. Сб. РИО. Т. 95. № 22. С. 399–400; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 161, 292.

[474] Там же. № 22. С. 386–387. XI.1516.

[475] Там же. № 25, 27. С. 441–442, 475.

[476] Там же. № 28. С. 477, 480, 490. IX–XI.1517.

Таким образом, территория, чаще всего подвергавшаяся в XVI в. мелким набегам крымцев, принадлежала к новым, недавно вошедшим в состав Русского государства землям. Среди них был и Белев, переживший нападение в 1507–1508 гг. Основные же территории княжества всея Руси в течение 44 лет не разорялись ни крымцами, ни ордынцами, ни казанцами. Можно сказать, что договоры 1474 г. и 1480 г. сыграли в этом отношении весьма важную роль. Активность ордынцев постоянно угрожала связям Руси и Крыма. Ордынцы нападали даже на русских послов в Крым. Так, «людей и гостей», которые отправлялись весной 1475 г. с А. И. Старковым в Крым, «всех перерабили, сами толко сухими головами до меня дошли, а иных и продали»[481].

Набеги сопровождались не только разорением, но и угоном населения. Русско-крымские посольские книги открываются переговорами с Хозей-Кокосом относительно возмещения его убытков за совершенный им якобы выкуп семи русских людей. Хозя-Кокос утверждал, что он выпросил их у Мамака и дал за это «вздарья» на 4 000 алтын, «да на те люди положил на 1 000 алтын платья», что оказалось явным преувеличением. Освобожденные «сказывают... денег на них не дал Мамаку ничего», а они «от себя посул сами 700 алтын да 100 алтын... тому дали, у кого сидели пойманы». Кроме того, с них потребовали «на царевых дворян» 300 алтын. Что же касается платья, то пленные у Хози-Кокоса «взяли 7 однорядок, да 7 сорочек, да 7 колпаков», за что некоторые уже выслали ему «вздарие»[482].

По вопросу об отпуске русских пленников (вероятно, речь шла о пленниках в Кафе, захваченных османами), московские дипломаты обращались к Эминеку, его сыновьям Бурашу и Довлетеку, брату Азике[483].

---

[477] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 148–149.

[478] Сб. РИО. Т. 95. № 33. С. 572–605.

[479] Ср.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 407–410.

[480] Сб. РИО. Т. 95. № 29, 30. С. 498–499, 527. Февраль и август 1518. Впрочем, район Путивля, перешедшего в состав княжества всея Руси в 1500 г. (*Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 116, 138–141 и др.), еще был в сфере влияния Литовского княжества. Во всяком случае, на Халиля, гонца царевича Ахмата, в 1517 г. под Путивлем «рать... пришла», во время стычки он «четыре беглецы литовские холопи свои поимал был», они убежали от него в Путивль и нашли приют у тамошнего князя. Сб. РИО. Т. 95. № 29. С. 498–499.

[481] Там же. Т. 41. № 4. С. 16.

[482] Там же. № 1. С. 8. Май 1474.

[483] Там же. № 6. С. 26. IV. 1481.

Русская сторона честно выполнила обязательство их возвращения. После очередного налета на «украину Руси» пленные были отправлены в Крым, одновременно русская сторона требовала передать послу русских пленников[484]. Когда Нурдаулат по ошибке напал на крымцев, а ходил он «под Орду», «улусы имали и головы поимали», Иван III также распорядился отпустить крымцев на родину[485]. Между тем Менгли-Гирей в этом вопросе придерживался иной позиции. Во время русского похода «под улусы под Муртозины и под Седехматовы» на р. Псле на них напали крымцы, они ограбили русских воинов, «кони и доспех и платье у них поимали, а 5 человек, поимав, с собою повели»[486]. Через два года, отвечая на жалобу Ивана III, что «сторожей, изымав, свели», крымский хан не сообщил о судьбе пленных вообще, а относительно «лихих людей» ограничился заявлением, будто все они умерли[487]. Ради того, чтобы добиться взаимного обмена пленными, Иван III применял и «экономические санкции». Так, мурза Карач, сын Темира-хози, был лишен поминков за то, что задержал русский «полон». «Он ся тебя (Менгли-Гирея. — *А. Х.*) ослушал да и меня, полону не отдал»[488], — писал Иван III крымцам.

В русско-крымских отношениях XV в. вопрос о пленных возникал лишь эпизодически; для Крыма в ту пору он был более существенным в сношениях с Большой ордой и Великим княжеством Литовским, равно как и в ордынско-литовских отношениях.

Возвращение пленных являлось постоянной темой переговоров с ордынцами и крымцами: то ордынский князь Тювикель требовал вернуть татар, «побитых» на Копострыне (Врус-влана (Урус-улана) и Козяша), и пленных Кгатя и Алемана, находившихся у виленского воеводы, то сам Шиг-Ахмат в 1501 г. добивался возвращения пленных, которые находились у виленского епископа и писаря Януша (Кобая, Муртузу, Бортеры, Елкича, Кулсчыта и других). Менгли-Гирей настаивал то на выдаче некоего Шукуд-Али («послышу, иж тот слуга в пана Юрья Зеновъевича») и на присылке его с великим послом, то на отпуске целой семьи «вязней» (пленных) от черкасского наместника Семена Романовича, то на освобождении своих купцов-«базарцев», попавших в плен, угрожая в случае отказа явиться под Киев и Черкасы[489].

Обращает на себя внимание распределение пленных между важнейшими государственными деятелями ВКЛ. По-видимому, и в ВКЛ существовал неписанный порядок отчисления части полона в пользу панов рады или воевод. Среди владельцев пленников встречаем и виленского воеводу, и Юрия Зеновьевича, и черкасского князя Семена. Существовавшее и в Великом княжестве Литовском, и в Русском государстве, и в соседних ханствах холопство различалось лишь сферой его применения. Ханства специализировались на продаже пленных в Османский султанат, а использование пленников в христианских государствах ограничивалось собственными хозяйствами панов, бояр и дворян.

---

[484] Сб. РИО. Т. 95. № 5. С. 18. Осень 1479.

[485] Там же. № 16. С. 58. III.1487.

[486] Сб. РИО. Т. 41. № 28. С. 106. 25.IV.1491.

[487] Там же. № 21. С. 79. X.1489.

[488] Там же. № 10. С. 29. 14.III.1484.

[489] ЛМ. Книга записей 5. № 104. 10–13; № 106; № 124.4; 107.3, 4. С. 170, 171, 174, 177, 179–181.

Условия же договора о взаимном обмене пленными соблюдались далеко не всегда. Когда в феврале 1509 г. крымская сторона ставила вопрос о причинах невозвращения своих полоняников[490)], В. Г. Морозов ответил, что это — реакция на несоблюдение договора крымским ханом. «Приходили, господине, — должен был сказать В. Г. Морозов, — твои люди на государя нашего украины к Белеву и на иные места, Яксей мурза с товарищи, и тех твоих людей поимали туто на украине, а которые люди государя нашего попали к твоим людем», о тех вел переговоры, видимо, неудачные, боярин К. Г. Заболоцкий[491)].

В июле 1518 г. царевич Ахмат просил о возвращении еще пяти человек (Исень-Темира, Карамышева сына, Саул Мала, брата Ширмерденя, Кул-Кары, сына Арыка, Ибана, сына Узун-Суюндюка, и Хозям Кулы). Кроме того, к этой же грамоте приложен был «списочек», «а писаны в нем имена жь: Тини-Бек-Каип-Бердиев сын, Исен-Келди-Али-Курман». Кроме пленников, взятых русскими войсками, Ахмат хлопотал и о выдаче беглецов из Великого княжества Литовского. Так, некий «паробок Махмет» попал в плен к Константину Острожскому, затем «розбив на себе железа да от Острожского бежал» к Василию III. Ахмат требовал отпуска на родину и тех полоняников, которых «изымал» его слуга Халиль, «на дорозе едучи к Москве», и тех, которые «четыре паробки в твою державу попали», вернее, к князю Василию Шемячичу[492)]. Судьба Махмета известна. Он был возвращен в Крым. Объясняя причины отправки Махмета в Крым, тогда как остальные полоняники еще оставались на Руси, Илья Челищев говорил: «тот человек был пойман в Литве, да из полону вышел во государя нашего отчину, и государь наш дал ему волю, потому что тот человек волной вышел из полону, а иного человека государь наш никакова не отдал»[493)]. Одновременно с отцом царевичем Ахматом о возвращении полоняников пекся и царевич Геммет-Гирей: «мой паробок Атманаш... пошел был прочь, а ныне князю Ивану (скорее всего, Воротынскому. — *А. Х.*) в руки попал»[494)].

Не менее настойчив в вопросе о возвращении пленных был и великий князь всея Руси. 30 ноября 1516 г. в Крым был отправлен И. Челищев, который получил весьма детальный наказ относительно освобождения пленных. Посол должен был заявить, что до тех пор, пока не будут возвращены русские полоняники, не вернутся и крымские[495)]. Такая жесткая

[490)] Это были Ширин Казы-Мансырь с женой, Бахтияр-улан, сын Даулата-Берди и, наконец, кафинский армянин Абетюк, которого Менгли-Гирей называет своим «холопом». Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 26. X.1508.

[491)] Там же. № 3. С. 68. 1509.

[492)] Там же. № 30. С. 511. С. 523, 527. VIII.1518.

[493)] Там же. № 31. С. 559. VIII–IX.1518.

[494)] Там же. № 16. С. 309. 1516.

[495)] Там же. № 3. С. 68. II.1509.

постановка вопроса не всегда оказывалась оптимальным способом решения болезненной и жгучей проблемы возврата русских пленных. По настоянию И. Г. Мамонова хан обещал принять меры по розыску русского полона в Кафе и Азове: «А что которой полон в Азове и яз (Менгли-Гирей. — *А. Х.*) к санчаку к кафинскому посылаю грамоту, чтобы послал в Азов грамоту, да которой будет в Азове Адышкина (мурзы Айдешки, Адишки, сына Мамака из рода Ширинов. — *А. Х.*) полону русаки и бесерменья, и яз велел у своих людей отнимати, да их велел пускати»[496]. Речь идет лишь о тех «русаках», которые еще оставались в руках крымцев, те же, которые были проданы, находились уже вне ведения крымского хана. Нельзя сказать, чтобы Мухаммед-Гирей проявил рвение по розыску русских полоняников.

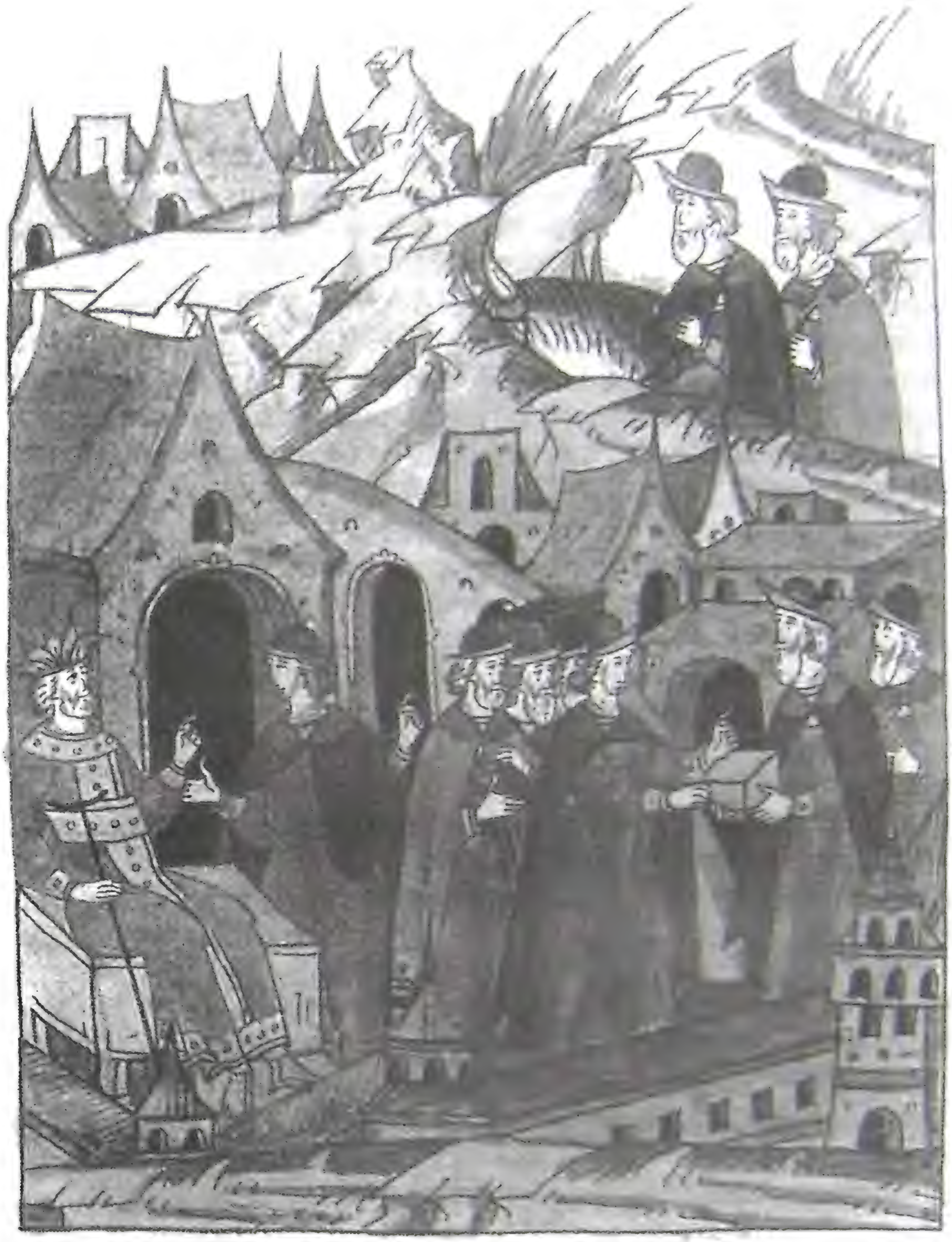
Мамонов жаловался: «здесе... царь не собрал твоего полону ни одной головы». Принесли результаты розыски самих членов посольства. Двух детей Иванчи Аристова хан отдал, поскольку они находились в списке пленных, представленном послом. «А тех, которые мещерского полону, а в списке не написаны, тех не отдал»[497]. Между тем, в «полоне», явившемся результатом набега мурзы Айдешки («опричь худых людей шестьдесят добрых голов взял»), оказались «бояре и княгини». Мухаммед-Гирей ограничился копированием старого списка русских пленных, в который эти люди не были включены. Один человек был возвращен великокняжескому казаку Чюре, один — Неболсе, однако взамен них всех (двух сыновей Ивана Аристова посол нашел сам), переданных Мамонову, Мухаммед-Гирей требовал возвращения 24 человек. После набега царевича Ахмата 1512 г.[498] в плену у князя Василия Семеновича Стародубского оказались Абдыл-Резяк, Афыз-Келдей и Манмуш — паробки царевича. Из литовского плена на Русь во время похода Василия III на Смоленск бежали ханский слуга Ян-Чюра, Темешов и паробки Кара и Ян-Суфа, «надеяся на то, что ты мне друг и брат». Хотя положение их отличалось от прочих («у себя держишь, да и жалуешь их, ино те наши робята добром к тебе пришли»), хан просил об их возврате. Остальные пленники распределялись таким образом: три человека (Булат и два паробка) были в городе Калуге у некоего боярина, три — у великого князя (Атманаш, ехавший из Азова, и два паробка), четыре — в Стародубе (есаул Ак-Чюра у Андрея Шеина, его младший брат Кутлуяр и паробок Кокей — у Василия Сем. Стародубского, паробка Бетюку князь прислал в Москву), у Федора Карпова и некоего Андрея, возможно тоже Шеина, — по два (у первого конюх Ян-Келдей и Ул-Кара, в у второго — два паробка), два — в Почапе (у Игната Спячего паробок Баиш, отданный в 1518 г., и мурза Алей — у Салтанака), один — в Мещере в Бастанове селе (Ашманов сын Курбан Али, участвовавший в походе на ногаев), один — у Михаила Воронцова (Абды-ла, Абдалов сын), еще один — у Юрия Малого Траханиота. Двое — Ян-Келдей и второй, чье имя неизвестно, —

---

[496] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 293. IV.1516.

[497] Там же. С. 292, 302, 310.

[498] Там же. № 6. С. 103–105. 27.11.1515.



Царьжекрымьскiипопелѣспоимъвинѣем
икаꙁакомъпто ѿкыскати. играбле
ноеѿдати. ѿнижесыскапыламаш
ѿпосылаша. ако
лшое и
ꙁги

Возвращение крымцами награбленного русского имущества (РНБ. Миниатюра Лицевого свода XVI в. Шум. том. Л. 540) бежали из Стародуба и были пойманы в «Гомье» (Гомелс)[499]. О возвращении Идрыса, Ак-Чюры и Дербыша просил и Ахмат[500]. Со времени его похода на Русь 70 человек крымцев оказались в русском плену, из них 57 к июлю 1515 г. уже умерли, оставшиеся в живых, по свидетельству соотечественников, «ныне в тюрьме сидят»[501]. Об их отпуске в Крым Мухаммед-Гирей начал хлопотать, едва заняв отцовское место. Долго продолжались переговоры о выдаче жены Хозяк-Сеита Налби с двумя ее дочерьми[502].

Несмотря на существование договора о безвозмездной выдаче пленных, на самом деле русским представителям в Крыму приходилось, в основном, выкупать полоняников. После смерти И. Г. Мамонова русскому послу Д. И. Александрову пришлось приложить немало усилий для того, чтобы уберечь всех выкупленных Мамоновым людей. «А что Иван полону покупил, и они (крымцы. — *А. Х.*) были тот полон весь поотнимали, да одва у них до царя на поруку взяли». Позднее «царь Ивановы животы и остатки все себе поимал и кони... а люди Ивановы голодны остались, ино им розойтися розно»[503]. Трудно сказать, касались ли эти высказывания и пленников. Их окончательная судьба неизвестна. Мухаммед-Гирей, едва забрав русских пленников, выкупленных И. Г. Мамоновым, требовал возвращения некоего Абляза, попавшего в плен под Почапом и находившегося у Ф. Карпова, а на следующий год — Маная, сына дербиша Бахтеяра, находившегося на Руси уже 5–6 лет. По данным хана, Маная «видели... в татарском селе»[504]. Богатырь заботился об освобождении Менгличека, попавшего в плен под Рязанью во время похода Бурнаша[505]. Царевич Ахмат одновременно настаивал на возвращении своего слуги Афыз-Келдея, с 1512 г. находившегося «в руках» у кн. Василия Стародубского[506], Кул-Кары, пребывавшего у «боярина» Федора Карпова, и Юз-Яшара, который был у Юрия Малого Траханиота. «И ты бы наш полон у своих бояр поимав да ко мне пожаловав прислал: ...братству примета то». Со своей стороны Ахмат обещал: «А которые твои брата моего люди сюде к нам в нашу землю попали, и яз по своей правде и по своему братству взяв да к тебе пришлю: так бы еси ведал»[507]. Весть-то царевич подавал, но о возврате пленников от Ахмата не было известно до самой его смерти. О судьбе пленных крымцев, «которые... люди на его украине и на бою попали в руки его (Василия III. — *А. Х.*) людем», посланник должен был отвечать: «приказал... государь мой, которые... люди на его украине попали в руки твоим людем, и ты б... тех государя нашего людей всех сыскав, ко государю нашему отпустил». Лишь после этого могли быть отпущены и крымцы, которые «...в его земле живы будут».

---

[499] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 300–302. В этом списке крымских пленников обращает на себя внимание преобладание молодых людей или слуг — «паробков».

[500] Там же. С. 300–301. IV.1516; № 33. С. 577. XII.1518.

[501] Там же. № 10. С. 158. 14.VII.1515.

[502] Там же. № 10. С. 161, 195. VII и 15.XI.1515.

[503] Там же. № 21. С. 371. X.1516.

[504] Там же. № 12, 22. С. 160, 180, 220, 391. XI.1516, VII.1515.

[505] Там же. № 12. С. 160, 164, 182.

[506] Там же. № 393. О нем см.: Там же. № 16. С. 300.

[507] Там же. С. 395. О Кул-Каре и Юз-Яшаре см.: Там же. № 16. С. 300.

Особые условия выдвигались относительно «окупа». Лишь в том случае, если крымский хан не требовал окупа, Челищев должен был взять пленников. «А нечто царь (или, как сказано в особом пункте наказа, “князи”. — *А. Х.*) взмолвит: яз вам полон даю, а о окуп напишу грамоту ту великому князю, и Илье полону не имати, а отговариватись Илье по великому князю наказу»[508]. Такими жесткими мерами русское правительство пыталось провести в жизнь одну из статей договорных грамот 1474 и 1480 гг. о взаимном обмене крымцами и русскими, оказавшимися в неволе в результате военных действий.

Между тем, в Москве были собраны крымские пленники. По словам Остани Андреева, посла в Крым в августе–сентябре 1518 г., «которые люди попали в руки на украине государя нашего людем, и тех людей государь наш не отпустил ни одного, а собрал их государь наш всех в одно место, да держит у себя готовых». Препятствием для отпуска крымских пленных на родину была неурегулированность русско-крымских отношений. «А как, — продолжал посол, — поделается меж царя и государя нашего их болшее дело, и о тех людех тогды слово будет»[509].

Действительно, едва крымский посол принес шерть, как из Москвы с русским представителем Ю. Д. Пронским были отправлены люди царевича Ахмата (Ит-Бакмас, Асан-Темир, сын Карамышев, Савмала-Шыр, брат Мердеки, Абыз-Келдей), царевича Алпа (Кутлу-Яр), князя Аппака (Баиш), мурзы Кудаяра (Юз-Шар, Олло-Бердей, сын Сердяков, и Клыч-Кулу). Передача пленных производилась там же, где происходил обмен посольствами — на пограничье в Ливне, на Валуйке, в Переволочне на Днепре[510].

По-видимому, часть пленников осталась в Москве в качестве своего рода «обменного фонда». Наказ Ю. Д. Пронскому предусматривал возможность упреков со стороны крымцев в том, что «князь великий не весь наш полон ко царю прислал». Пронский должен был дать обещание о возврате крымских пленников в том случае, «коли... ты (Мухаммед-Гирей) государя нашего полон, сыскав, пошлешь к нашему государю». Пронский был обязан настаивать на том, чтобы Мухаммед-Гирей «ныне однолично тот полон государя нашего сыскав, весь послал со мною к моему государю». Более того, сам посол должен был «сведать», «у кого у царя или у царевича или у князя у которого или у мурзы или у какова у царева человека ни буди полон великого князя сына боярского или молодых людей какова человека», и требовать их возвращения[511].

Однако вплоть до января 1519 г. вопрос о крымских пленниках не был решен. С князем Аппаком Мухаммед-Гирей отправил «великое прошенье»: «наших людей колко к тебе попало и колко которых твоих городех будет, или где в далних твоих землях и ты б, тех всех сыскав, Аппаку князю в руки дал». Особо упоминал хан двух паробков Ян-Чуру и Исеньяра, о судьбе которых он заботился и раньше[512].

---

[508] Сб. РИО. Т. 95. № 23. С. 411–412. 30.01.1516.

[509] Там же. № 31, 33. С. 559, 577. VIII–X.1518; XII.1518.

[510] Там же. № 33. С. 476–577. XII.1518.

[511] Там же. С. 598.

Согласно специальной грамоты о полоне, посланной с тем же Аппаком, крымский хан требовал возвращения не только тех полоняников, которые хотели вернуться, но и тех, которые, возможно, уже поступили на службу к великому князю. Так, в этой грамоте ясно разделяются две группы крымцев: «полон», который не возвращен хану (Ян-Чура, Янусень), «да и по иным городом и по селом которой полон... к рукам не пришел же». Среди этих новопоселенцев в иных городах и селах — два татарина у кн. И. М. Воротынского в селе на р. Зене, у него же еще 9 человек во главе в Дервишем и Асаном Бахты. Возможно, ему же принадлежали 11 человек «в городе на Туле», трое — в Коломенском селе и пятеро — в с. Олнищево. У дьяка Стромилы, видимо, Стромилы Александрова сына, дворцового дьяка 1508/1509 г. и, возможно, родственника своих современников Александровых — Василия, Верещаги, Григория Великого и Ивана Горбатого Малого, трех дворцовых и одного ямского дьяка[513], находился один полоняник. В Шемякине селе, скорее всего, кн. Василия Ивановича Шемячича[514], жил Иван, Сююндюков сын, в с. Карачево в Рязанской земле у Оботура — еще 5 человек[515]. Некоторые из крымцев уже настолько ассимилировались на Руси, что носили русские имена — Иван в «Шемякине селе» и Иванча — в Карачеве. Думается, Мухаммед-Гирей требовал своих полоняников с явным запросом. Выдает отца и Богатырь-салтан. По его мнению, на Руси находилось только пять человек Мухаммед-Гирея, еще два его же собственных паробка: Адий, Балаш Афызов брат, и Девлет-Хозя, брат Ураз-Келдия[516].

Сведения о востребовании крымцами своих полоняников показывают, как медленно и трудно происходил процесс обмена пленными. По крайней мере в течение трех лет велись переговоры о возвращении части крымских пленников. Еще медленнее и труднее происходило возвращение русских пленников[517].

Основная масса известий о выкупе и возвращении полоняников связана с деятельностью официальных представителей Русского государства, которые, однако, не всегда были в состоянии выкупать пленных[518]. Наряду с ней (конечно, не в таких масштабах) велся самостоятельный поиск и выкуп русских людей их соотечественниками. Когда в Перекопе умерли два человека («молодые люди Богдановы дети Кривого»), аминем и афызом (дьяком) было реквизировано их имущество, в том числе и «жонка»: «а окуп за ту жонку прислали с Руси отец ее и брат ее, а не своим животом те люди окупили ее, которые померли». Этой безымянной русской женщине было не суждено обрести свободу. Мухаммед-Гирей из «животов» и «статков» детей Богдана Кривого не вернул ничего. В Крыму осталась и выкупленная ими женщина[519].

---

[512] Сб. РИО. Т. 95. № 36. С. 636. III.1519.

[513] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVIII вв. М., 1975. С. 498, 14; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 87. М., 1971. С. 270, 221–222.

[514] Впрочем, в конце XV – начале XVI в. известно и другое село с тем же названием в Дмитровском уезде и сходным (Шемякинское) в Ярославецком уезде (ДДГ. № 95, 86. С. 391, 345).

[515] Там же. С. 639. III.1519.

[516] Там же. С. 642.

[517] В связи с этим понятно сожаление исследователя XIX в. В. Лохвицкого по поводу того, что «Россия не достигла в своих сношениях с крымцами даже и того, чтоб сделать обязательным для них возвращение наших пленных за окуп по заключении мира» (*Лохвицкий А.* О пленных. С. 27).

Крайне мало сведений об освобождении русских пленников по истечении срока их невольничества в Крыму. Согласно сообщению С. Герберштейна, пленники «принуждены служить рабами шесть лет подряд, по истечении которых они делаются свободными, но не могут удаляться из страны»[520]. В. Е. Сыроечковскому удалось найти лишь одно упоминание о «московском» казаке, который в 1525 г. «отработался» и получил свободу[521].

Был и еще один способ освобождения из крымского плена — переход на службу к крымцам. После смерти И. Г. Мамонова в 1516 г. толмач Федор и подъячий Гаврило узнали, что азовский казак Бусут с мурзой Адышкой, собираясь походом на Мещерскую «украйну», «хотят в Кафе хоти дорого окупити мордвина Пиркина сына Темирева сотника, чтобы их вел на Цну, которые места не воеваны, а только деи он нас изводит, и мы его пустим»[522]. Увенчался ли успехом этот замысел, неизвестно.

Подведем некоторые итоги. В первый период официальных русско-крымских отношений, т. е. в конце XV в., когда основные усилия союзников были направлены на ликвидацию Большой Орды, а крымцы не имели общей границы с русскими землями, вопрос о «полоняниках» вставал крайне редко. Лишь в XVI в. он приобрел актуальность в связи с тем, что в результате набегов крымцев, которым уже не препятствовала Большая Орда, к ним попадали жители самых южных окраин Русского государства, а на Русь — крымцы.

В отличие от русской стороны, крымцы, которым могли помогать находившиеся на русской службе татары, были хорошо осведомлены о местонахождении своих соотечественников. Это и понятно. Русские полоняники поступали на невольничьи рынки Кафы, крымцы — частично — в руки знати и «управленцев». На основе материалов посольских книг прослеживается некая закономерность: пленные из Крыма оказывались во владении князей и воевод, непосредственно участвовавших в военных действиях, а также высших чинов администрации (самого великого князя, казначея, дворцового дьяка в княжестве всея Руси, виленского воеводы — в ВКЛ). Каким образом пленные попадали в их руки — в результате безвозмездной передачи или с помощью покупки, неясно.

---

[518] Когда паробок великого князя бежал из Балаклавы, его поймал Азика Чмут и предлагал за выкуп русскому послу Константину Малечкину. Тот отказался платить 100 алтын. Турчанин, от которого бежал паробок, потребовал его возврата. «Русин», попавший к нему вторично, снова бежал (Сб. РИО. Т. 41. № 56. С. 255).

[519] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 380. VII.X.1516.

[520] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 151.

[521] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Гирей. С. 15–16.

[522] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 292. 1516.

В целом линия внешней политики в вопросе о пленных была задана договорами 1474 и 1480 гг., которые предусматривали взаимный безвозмездный обмен ими. Однако если в конце XV в. русская сторона неукоснительно исполняла эту статью договора, то в XVI в., когда крымцы все чаще и чаще уклонялись от ее выполнения, русские вынуждены были временно задерживать пленных ради того, чтобы добиться получения своих полоняников.

Позиция Крымского ханства в вопросе о пленных, претерпевшая изменения к худшему после 1502 г., все-таки предполагала дифференцированный подход в зависимости от социального статуса лица, попавшего в плен. Особенно отчетливо это заметно на примере В. И. Шадрина, «доброго боярина» великого князя. Хан не только отобрал его у людей Богатыря-салтана, но и держал у себя «в чести»: Шадрин, в конце концов, исполнял обязанности дипломатического представителя великого князя. Рядовые же жители окраин княжества всея Руси, не пользовавшиеся вниманием крымского хана, поступали на рынки Кафы и Азова. Набеги крымцев на украины Великого княжества Литовского и Русского государства бесперебойно питали невольничьи рынки Османского султаната живым товаром[523)].

Крымские разбойничьи набеги были условием существования и процветания не только итальянских колоний в Крыму, но и опорных пунктов Османской империи на этом полуострове.

Невозвращение русских пленников тормозило освоение Поля, оказывало сковывающее воздействие на развитие экономики Русского государства, формировало или закрепляло сложившийся ранее менталитет русских, подпитывая их ощущение неполноправности. Борьба за неприкосновенность южных границ Руси становилась общенациональным делом.

[523)] С 1665 по 1670 гг. существовал особый Полоняничный приказ, что свидетельствует о массовости плена.

Глава 4

«Экономические» отношения

§ 1. Выход, проторы

В дореволюционной литературе была выдвинута идея о том, что поминки являлись формой дани, правда, при этом считалось, что поминки служили и для выкупа пленных из «мусульманской» неволи[1]. Так, А. Лохвицкий писал: «При Иоанне III не прекратились трибутарные (даннические. — *А. Х.*) отношения Московского государства к татарским ордам: они перешли от Золотой орды к Крымской». Впрочем, он отмечал, что обязательство уплаты поминков зафиксировано лишь в договоре 1670 г.[2] в виде точно определенной дани. «Унизительный окуп» платился, по его мнению, за безопасность тысяч окраинных жителей. А. Лохвицкий утверждал, что отношения «Москвы» и «Литвы» к «татарам» были вполне тождественны.

Это не вполне отвечает действительности. ВКЛ даже в самом конце XV в. платило «дань путивльскую», или даже «дани». В 1500 г. Александр, в принципе не отказываясь от уплаты, пытался уклониться от нее, ссылаясь на нападения русских, которые сожгли город, увели в плен и наместника, и горожан[3].

Существовали ли и каковы были в действительности пережитки экономической зависимости Руси от одного из наследников Золотой орды — Крымского ханства, можно выяснить, изучая реальное бытование в русско-крымских отношениях тех форм, которые сложились в практике русско-ордынских отношений XIII – первой половины XV в.

Условием подобного изучения является выяснение точного смысла различных экономических терминов, которыми обозначались отправки в Орду и в Крым. Эти термины были в высшей степени неопределенны и разнообразны. В Константинопольском трактате с Турцией от 3 июля 1700 г. сказано: «А понеже государство Московское самовластное и свободное государство есть, дача, которая по се время погодно давана была крымским ханам и крымским татарам... впредь да не будет должна от его священного царского величества московского даватись, ни от наследников его»[4].

---

[1] *Лохвицкий А.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. С. 19–23.

[2] ПСЗ. Т. I. № 469.

[3] Литовская метрика (1427–1509) (далее — ЛМ). Книга записей 5. Vilnius, 1993. № 94.1, 3. С. 155–156, 162. 23.XI.1500.

[4] ПСЗ. Собр. 1. Т. 4. СПб., 1830. № 1804. С. 70.

Русско-крымский договор 1670 г. говорит о «казне», «поминках» и «жалованьи»: «А впредь казна посылать по вся годы по росписи, по которой ныне поставлено, к... царю и к казне, к... царевичам и к царицам их поминки, а к ближним людям его царского величества жалованье, а больше того им на себя и на цариц, и на детей и на ближайших людей не просить ничего; и на посланниках, которые с казною в Крым присланы будут, ничего не спрашивать, и бесчестье и тесноты никоторыми мерами не чинить»5).

Итак, в этих наиболее поздних сведениях о характере отправляемого в Крым имущества встречаем термины: «дача», которая выдавалась «ежегодно» в 1700 г., «казна», состоявшая из «поминков» членам царского дома и «жалованья» их приближенным «по вся годы» — в 1670 г.

Первый из этих терминов известен и в изучаемое время. Он встречается в переписке великого князя литовского и его послов с крымским ханом в 1502 г. Так назван платеж, поступивший в Большую орду от великого князя всея Руси Ивана III, правда, там этот термин употреблен в уменьшительной форме и во множественном числе — «датки»6). В контексте этой дипломатической переписки с большеордынским ханом, где Иван III рассматривается в качестве «холопа» и ордынского, и крымского, очевидно, термин «даток» (?) — синоним «дани». Указание на регулярность уплаты этой «дачи» в 1700 г. также свидетельствует о том, что речь идет о форме дани.

Термин «казна» встречается в русско-крымской переписке, когда упоминаются ордынцы, доставлявшие «казну» великого князя в Крым7). В данном случае термином «казна» обозначается совокупность всех товаров и денег, поступавших в Крым8). В договоре 1670 г. привлекают внимание сведения о различии в социальном назначении этой «казны». То, что идет членам царского дома, носит название «поминков», то, что идет их слугам, — «жалования». Как уже указывалось выше, термин «жалование» применялся там и тогда, где и когда речь идет об отношениях сюзерена и его вассала, во всяком случае, об отношениях лиц разного социального положения. Хотя в термине «казна» 1670 г. нет оттенка «дани», очевидно, речь шла о регулярных «по вся годы» платежах, регулируемых «росписью».

Терминология конца XVII и начала XVIII вв. в основном соответствует терминологии конца XV – начала XVI в. и резко отличается от той,

---

5) ПСЗ. Собр. 1. Т. 4. СПб., 1830. № 469. С. 836. 27.V.1670.

6) ЛМ. Книга записей 5. № 108. 1. С. 181. [1502].

7) Сб. РИО. Т. 41. С. 406; Т. 95. С. 284, 285, 414. *Сыроечковский В. Е.* Гости — сурожане. М., 1935. С. 85, 86.

8) В этом термине ни один из словарей не отмечает связи с налогами и обложением. По К. И. Срезневскому, это либо само имущество, либо кладовая для его хранения (*Срезневский*. Т. 1. Стб. 1176, 1177), по О. И. Смирновой, первое значение несколько расширено: «имущество, документы, денежные и иные средства, составляющие собственность государя, государства, или церкви, а также учреждение, ведающее этими средствами» (Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 21). Между тем, в духовных и договорных, грамотах, на которые опирается, в частности, И. И. Срезневский, казна — это место, куда поступала дань (ДДГ, по указателю).

что применялась для наименования поборов в пользу Орды. Освобождая русских митрополитов, а соответственно и всю русскую церковь от различных поборов в пользу Орды, ханы в своих ярлыках перечисляли следующие их виды: дань, пошлина, подвода, корм, питье, запрос, дар, почестье. Правда, в самом раннем ярлыке Менгу-Темира 1267 г. встречается несколько иной набор повинностей: дань «или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, воина, кто чего ни просить», «подвода», «корм», «кто ни будеть, да не просять»[9]. В более поздних грамотах перечень повинностей и податей тот же, но назван иначе. В ярлыке ханши Тайдулы митрополиту Феогносту 1351 г. (подтвердительному ярлыку Джанибека) митрополит освобождался от пошлины, подводы, корма, питья, запроса, даров, почестья[10]. В ярлыке Бердибека митрополиту Алексею 1357 г. названы дань, пошлина, подводы, кормы, питье, запросы, почестье[11]. В ярлыке хана Мамаевой Орды Тюлякбека митрополиту Михаилу 1379 г. последовательность тех поборов, от которых освобождался митрополит, такова: дань, пошлина, подвода, корм, питье, запрос, дары, почестье[12]. «Дань» и «пошлина» превратились в собирательные понятия. Второе из них детализируется перечислением конкретных податей. Иную эволюцию проделали русские эквиваленты первого термина. В духовных Василия I и в докончаниях Василия II с Юрием Дмитриевичем Галицким термин «выход» заменен термином «дань», как и в докончании рязанских князей Федора и Ивана Васильевичей 1496 г.[13]

Думается, в процессе складывания окончательных форм экономической зависимости Руси от Орды сложилась и терминология обозначающих эти формы понятий (замена описательных оборотов весьма емкими существительными; так, «иное что ни будеть» превратилось в «пошлину», «кто чего не просить» в «запрос»), на протяжении второй половины XIII – первой половины XIV в. происходила замена отдельных форм иными (так, исчезла «воина» ярлыка Менгу-Тимура, т. е. повинность поставлять воинов в ордынские войска; не упоминается в XIV в. «поплужное», возможно, смененное «выходом»; в XIV в. появились «дары» и «почестие» — формы повинностей, характерные и для внутренней жизни Руси). Несомненное смягчение форм экономической зависимости — результат героической борьбы Руси против ордынского ига. Однако вплоть до последних десятилетий зависимости оставались такие тяжкие формы, как уплата дани, запросы, корм, пошлины и т. д.

В русско-крымских отношениях с самого начала ни о каких формах данничества не было и речи. Экономические отношения этих государств складывались на совершенно иной основе, нежели русско-ордынские. Упорные попытки Великого княжества Литовского вернуть отношения Руси с Крымом в разряд зависимых, возродить холопью зависимость

---

[9] Памятники русского права (далее — ПРП). Вып. III. М., 1955. С. 467; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века (далее — РФА). Вып. III. М., 1987. С. 588.

[10] ПРП. Вып. III. С. 468; РФА. Вып. III. С. 590.

[11] ПРП. Вып. III. С. 469; РФА. Вып. III. С. 591.

[12] ПРП. Вып. III. С. 465–466; РФА. Вып. III. С. 587, 588.

[13] Там же. № 84. С. 336, 340, 341.

Русского государства от «вольного человека» или «вольного царя» — крымского хана — оказались бесперспективными.

Однако в ноябре 1503 г.[14] в духовной грамоте Ивана III было записано: «А дети мои... дают сыну моему Василью с своих уделов в выходы в ординские, и в Крым, и в Азтарахань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в-ыные цари и во царевичи, которые будут у сына моего у Василья в земле, и в послы в татарские... и во все татарские проторы, в тысячу рублев»[15]. Обязательство расходовать средства в пользу различных орд и ханств содержалось и в докончании Василия Ивановича, будущего Василия III, с князем Юрием Ивановичем Дмитровским. Последний обещал: «А в выходы ми, господине, въ-рдинъские, и в Крым, и в Асторокань, и в Казань, и в Царевичев городок и в-ыные цари и царевичи, которые будут у тобя в земле... и в все татарские проторы давати ми тобе... по тому, как отец наш, князь велики, в своеи духовнои грамоте написал»[16].

По документам 1503–1504 гг. трудно понять, что конкретно скрывалось за термином «выход». А. А. Зимин, комментируя эти же документы относительно Царевичева городка — Касимова, пишет, что «выход» — это денежный корм[17]. Однако термин «выход» для обеспечения денежного корма не употреблялся. В посольских книгах по сношениям с Крымом термин «выход» не встречается.

Прежде чем объяснять тот факт, что и в духовной Ивана III, и в докончании его сыновей употребляется термин «выход», следует остановиться на содержании этого термина. Один из наиболее вдумчивых исследователей общественно-политической терминологии XV–XVI вв. А. Н. Шиловский определяет выход как «внешнюю государственную натуральную повинность в виде разового сбора, предназначенного для какого-либо выкупа от татар», и противопоставляет его «татарщине» — «внешней государственной натуральной повинности в виде дани, собираемой для татар»[18]. Русские исторические словари дают самую общую характеристику: В. И. Даль — дань, которую наши владетельные князья платили ханам[19], И. И. Срезневский — дань, подать[20], им вторит и З. К. Турцевич в Историческом словаре белорусского языка — данина, падаток[21].

---

[14] Датировка С. М. Каштанова. См.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 198–200.

[15] ДДГ. № 89. С. 362; это условие повторено в докончании Василия III с Юрием Ивановичем Дмитровским 24. VIII.1531. Там же. № 90, 101. С. 365, 367, 369, 417, 419.

[16] Там же. № 90. С. 365. 1504 г.

[17] *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович. С. 143.

[18] *Шиловский А. Н.* Исследование общественно-политической терминологии периода образования и укрепления Русского централизованного государства (на материалах письменных памятников XV–XVI вв.) М., 1972. С. 32.

[19] *Даль.* Т. I. С. 324.

[20] *Срезневский.* Т. I. Стб. 456.

[21] Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 6. Мінск, 1985. С. 190.

На основании хроники Быховца[22] и других памятников можно предположить, что термин «выход» употреблялся не только в сфере русско-ордынских отношений, а имел значительно более широкое распространение. На бытование его в сфере церковных отношений обратил внимание и Е. Е. Голубинский. Характеризуя отношения русской митрополии с константинопольским патриархатом в XIV в., в особенности после собора 1324 г., Е. Е. Голубинский пишет: «...по отношению к исключительной русской митрополии, вероятно, уже и прежде служившей помощницею патриархов если не постоянно, то очень нередко, начала быть считаема обязательною такая добровольная помощь, которая создала в бюджете нашего митрополита и наших епископов немаловажную статью расхода под именем "константинопольского выхода"»[23].

Однако одна из составительниц «Словаря русского языка XI–XVII вв.» О. В. Малкова этот термин толкует лишь применительно к русско-ордынским отношениям. «Выход — название поземельного разового сбора, который в виде подношений, подарков брали с собой русские князья при выезде в Орду за получением ханских ярлыков»[24]. Свое определение она подкрепляет ссылками на текст духовных и договорных грамот русских князей, летописи и Казанскую историю XVI в.

Трудно согласиться с мнением О. В. Малковой и А. Н. Шиловского в том, что «выход» носил разовый характер. Сообщения в договорных грамотах о льготе на один, два года или пять лет, об освобождении тех или иных князей от уплаты дани, шедшей в «выход», равно как сведения об «одоевском выходе», заставляют думать, что выход был ежегодной податью. О. В. Малкова при толковании термина ссылается на арабский термин «хараджъ» — налог, дань, от хараджа — выходить[25].

Это примечание соответствует, по-видимому, мнению И. Г. Добродомова, который считает термин «выход» калькой арабского «хараджа», понимает его как поземельный налог на немусульман, взимавшийся на Руси в пользу Золотой орды и говорит о его отличии от «джизьи» — подушного налога. Возникновение самого термина в Золотой орде И. Г. Добродомов связывает с принятием мусульманства при хане Узбеке (1312–1340)[26]. Поздним появлением этого термина в самой Орде, а соответственно и его русской кальки[27], объясняется, вероятно, отсутствие его в ханских ярлыках русскому духовенству[28].

---

[22] «Давали новгородцы выходу князю великому Витольту на каждый год десять тысяч золотых». ПСРЛ. Т. 35. С. 521.

[23] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Период второй, московский. Т. II. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1910. С. 132.

[24] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 271.

[25] Там же.

[26] *Добродомов И. Г.* Выход, туска, харадж и другие фискальные термины в языках Среднего Поволжья // Диалекты и топонимика Поволжья. Вып. 3. Чебоксары, 1975. С. 43–44. Видимо, в Крымском ханстве, судя, например, по ярлыку Сахиб-Гирея 1535 г., термин «харадж» потерял религиозный оттенок (*Вахидов С. Г.* Ярлык хана Сахиб-Гирея // Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1925. № 1–2. С. 33).

Таким образом, выход (в сфере отношений Руси с востоком) — это совокупность ежегодных выплат в Орду русскими князьями, состоявшая из поступлений от поземельного налога, пошлин и др. поборов с немусульманского и неотарханенного населения Руси[29].

В конце XV в. термин «выход» на территории Северо-Восточной Руси переживал свои последние годы[30]. Дольше продержался он в Великом княжестве Литовском, поскольку служил целям искусственной консервации зависимых отношений Руси по отношению к наследникам Золотой орды. На этой территории даже в середине XVI в. еще знали значение этого термина, правда, применяя его не к русско-ордынским, а к новгородско-литовским отношениям, тоже с целью доказать былую зависимость Новгорода от Великого княжества Литовского.

Кроме того, и те выплаты, которые были адресованы из Великого княжества Литовского в Заволжскую орду, по своему смыслу приближались к «выходу». Известен был этот термин и польско-турецко-крымским отношениям. После почти года нападений на территории Короны Польской, последовательно совершаемых Мухаммед-Гиреем и Ахмет-Гиреем с частью крымского воинства через Белгород, польский король по совету с великим князем литовским направил своих послов в Османский султанат, просил Баязида запретить крымцам нападения на земли Короны, суля за это «полчетвертатцать тысячь золотых выходу». Султанский посол сообщил хану о своем согласии: впредь крымский хан должен был получать «выход», а молдавского воеводу Стефана «ввели порукой по хане» (заставили поручиться), что тот уведет свои войска[31].

О «данях» в Крымское ханство шла речь и в литовско-крымской переписке 1499 г. Менгли-Гирей настаивал на получении дани со всех земель, что «тянули» к Киеву, «а опроче Киева, — писал он, — по тем городком дараги были и ясаки с тех людей имали: Канев да Нестобрат, да Дашко, да Яро, да Чонам, да Болдав, да Кулжан, да Бирин Чялбаш, да Черкасской городок, да Путивль, да Ляпятин, — те городки и с з селы все царевы люди». После восстановления сгоревшего Путивля Александр в 1500 г. «тых даней не отмовляет вделити тобе, брату своему»[32].

---

[27] До 70-х годов XIV в. (впервые встречается в 1375 г. ДДГ. № 9. С. 26) в договорных грамотах не было термина «выход», вместо него употреблялся термин «ордынская тягость». ДДГ. С. 20, 31, 38. Впрочем, производное от хараджа «харч» появилось в русском языке во второй половине XV в. (*Отин Е. С.* К истории и этимологии слова харч(и) // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI. М., 1968. С. 114–133).

[28] Возможно и другое. Выходом обозначалась совокупность платежей в пользу Орды; дань, упоминаемая в ярлыках, имела более узкое значение. Дань — то, что собиралось, выход — то, что отправлялось.

[29] Оттенок совокупности, суммы, итога в слове «выход» остался и до нашего времени (ср. выход продукции). В том, что выход нельзя сводить к одному какому-либо побору, хотя основным была дань, убеждает пример выхода с Одоева (см. с. 259–261).

[30] Об изменении значения термина «выход» свидетельствует его употребление в своде 1497 г. в сообщении под 907 г. о том, что византийские императоры Лев и Александр «давати почаша и на гради руские выход: на Киев, и на Смоленск, и Ростов, и Любеч». ПСРЛ. Т. 28. С. 14.

[31] Сб. РИО. Т. 41. № 46. С. 209. 1494. Перевод настолько неуклюж, что отдельные детали могут быть не столько поняты, сколько домыслены.

Александр, по словам московского посла, в 1502 г. предлагал хану волости и «выход», неуплаченный за предшествующие годы: «а сверх того, что будет тебе, и царице твоей, и детем твоим, и твоим князем, Барашу и Довлетеку, колко тысячь рублев денег вперед выходу давати, и ты бы, о том о всем написав свою грамоту, да прислал бы еси»[33].

Таким образом, Корона Польская и Великое княжество Литовское оказались не только хранителями старой терминологии, но и сферой реального применения даннических отношений. Правда, в этих государствах выход скорее приближался к откупу за безопасность, чем к совокупности даней и поборов, как на Руси.

В 1503 г. выход и все татарские проторы определялись суммой в 1 000 рублей. Какова доля «выхода» и какая часть этой суммы приходилась на «проторы», сказать нельзя. Неясно даже, что имел в виду составитель великокняжеского завещания 1503 г. под словом «проторы». В языке XIX в. оно обозначало расходы, издержки[34]. И. И. Срезневский приводит несколько значений этого слова: *расход*, *иждивение*, *ущерб*, *судебные издержки*, наконец, *повинность*, причем последнее значение этого термина И. И. Срезневский обнаруживает в договорных и жалованных грамотах XIV–XV вв.[35], а И. А. Голубцов переводит его, как *мирские повинности крестьян*[36]. В жалованных XV в. он действительно часто употребляется именно в этом смысле.

Однако наиболее ранние грамоты начала XV в. связывают проторы с расходами, издержками и убытками, обусловленными переездами. Так, запрещение Михаилом Андреевичем Верейским ездить по «непошлой» дороге через кирилловское село Улому предусматривало возможность убытков — протор от нарушения этого запрета[37]. Даже тогда, когда речь шла о мирской повинности, ясно, что эта повинность по обслуживанию транспортных работ. Так, в жалованной льготной Василия II архимандриту симоновскому Геронтию на село и варницы у Соли Галицкой читаем: «...соцкои, ни дворьскои, ни пятидесятник на тех христианех яму на них не емлют, ни мечют никоторых проторов, ни подвод»[38]. Проторы здесь поставлены в один ряд с ямом и подводой. То же, хотя и менее определенно в его же жалованной Спасо-Евфимьеву монастырю на деревню в Мещерске 8 февраля 1425 г.: «ненадобе им... ни ям, ни подвода, и ни иные никоторые пошлины, ни татарский проезд, ни городское дело, никоторый протор, ни розмет»[39]. Аналогичную связь можно установить и в жалованных Троице-Сергиеву монастырю[40]. При этом проторы иногда сочетались с татарским ямом. В жалованной тарханной и несудимой Ивана III игумену Троице-Сергиева монастыря на село Присецкое в Бежецком Верхе сказано о статусе жителей этого села: «А ни к сотцкым, ни к дворским, ни в розметы,... не тянут, никакие пошлины им не надобе, опроче одного татарьского яму»[41]. Наряду с «проторами» специально указывается освобождение от обязанности кормить великокняжеского коня и косить на него сено[42]. Черные крестьяне говорили о своей земле, что она «в дань... и в проторы тянула... к волости»[43]; староста же на такую «землю... метал пометы и дань, и проторы поводил»[44].

---

[32] АЗР. Т. I. № 211. С. 12.

[33] Сб. РИО. Т. 41. № 87. С. 450. Ср.: АЗР. Т. I. № 165.

[34] *Даль*. Т. III. С. 518.

[35] *Срезневский*. Т. II. Стб. 1597–1598.

[36] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. (далее — АСЭИ). Т. I. М., 1952. С. 756; Т. II. С. 687.

[37] АСЭИ. Т. II. М., 1958. № 88. С. 53. 1435–1437.

[38] Там же. № 351. С. 347. 25.III.1451.

[39] Там же. № 437. С. 481.

Хотя в большинстве жалованных «протор» обозначал общее понятие мирской повинности, по некоторым из них можно судить, что сам термин первоначально был связан с дорожной повинностью и различным обслуживанием транспорта и ездоков.

В договорных грамотах князей этот термин имел значение денежного расхода, сопряженного в конце XIV в. в какой-то степени то с «ординьской тягостью»[45], то с приемом послов («А володимерьскии послы... а тот ти протор не надобе»[46]), то с «выходом»[47]. В середине XV в. он был употреблен в странном словосочетании «выход в Орду и в ординьские протори». Смысл его приоткрывает докончание Василия II с Михаилом Андреевичем Верейским и Белозерским 19 июня 1447 г.: «А коли придет посол татарьскои в Ярославль, и мне, — писал Михаил Андреевич, — ...с тое отчины з Заозерья давати ярославьскым князем в выход и во все пошлины, в ординьские проторы, по старине, как давали заозерьские князи ярославьским князем»[48]. Стало быть, «проторы» — это все виды натуральных повинностей и денежных поборов, которые были связаны с передвижением и пребыванием ординских послов, т. е. подвода, корм, питье[49].

В том же значении, что и «протор», в духовных Василия I, в докончании Василия II с Юрием Дмитриевичем Галицким 1428 г. и 1433 г., с внуком князя Владимира Андреевича Серпуховского и Боровского

---

[40] АСЭИ. Т. I. № 49. С. 53. 1425–1427.

[41] Там же. № 304. С. 214. 17.V.1462. Ср.: № 323. С. 232. 1462–1466.

[42] Там же. № 527. С. 405. 30.III.1486.

[43] Там же. № 584. С. 466. 1495–1499.

[44] Там же. № 585. С. 470. 1495–1499. Ср.: № 591. С. 483.

[45] ДДГ. № 5. С. 20. 60-е годы XIV в., 25.III.1389.

[46] Там же. № 13. С. 38. 1390.

[47] Там же. № 35, 38. С. 90, 93, 96, 99, 108, 111, 113, 116. 13.VI.1436, 1441–1442.

[48] ДДГ. № 44. С. 128.

[49] В Великом княжестве Литовском в пользу крымского хана также существовала подобная повинность. Так, во времена Казимира с жителей г. Черкас ежегодно поступало по 30 кадей меда, причем черкасцы же обеспечивали вывоз этой дани в Крым, предоставляя «колеса и клячи». В 1506 г. Менгли-Гирей напомнил Сигизмунду I об этой дани, он потребовал, чтобы киевский воевода Иван Львович Глинский прислал бы ему мед, а в Черкасах дали бы лошадей и телеги под него. (Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 23.)

Василием Ярославичем 1433 г., 1447 г., 1450 г., 1454–1456 гг. использован термин «ям»⁵⁰⁾.

В духовной Ивана III, о которой уже шла речь выше, слова «протор» и «ям» разошлись в своих значениях. «Протор» приобрел более широкое значение. После расчета долей каждого из наследников в выход и в проторы сказано: «А будет того боле или менши татарскои протор, и сын мои Василеи, и мои дети, Юрьи з братьею, и братанич мои Феодор, дают по розочту». В этой фразе исчезло упоминание о выходе, остался лишь «протор» в значении всех расходов на татар. «Ям» же не связан с иноземцами. Иван III вменял в обязанность своим детям «держать» «ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы на дорогах» при нем⁵¹⁾.

Таким образом, в середине XIV в. произошла смена терминов, которыми обозначались финансовые и имущественные обязанности русской светской власти по отношению к Орде: место «ордынской тягости» в 70-е гг. XIV в. занял «выход», в ряде актов начала XV в. — духовных Василия I и в докончаниях его сына с Юрием Дмитриевичем Галицким 1428 и 1433 гг. — он временно был сменен «данью», в середине XV в. термин «дань» исчез, уступив место «выходу». «Выход» был не единственной формой экономической зависимости. Все остальные поборы и повинности, связанные с передвижением и пребыванием ордынских послов на Руси, первоначально покрывались словом «протор», в начале и середине XV в. в том же значении употреблялся термин «ям». Наконец, в духовной Ивана III «протор» приобрел более широкое значение, сохраняя обозначение экономической зависимости от татар.

Вернемся, однако, к термину «выход» в духовной Ивана III и в докончаниях его сыновей. Чем же определялось употребление этого термина применительно к русско-крымским отношениям? Можно назвать несколько главных причин.

Одна из них — консервативность мышления. В течение двух с половиной веков отчисления в пользу Орды, выплачиваемые русскими князьями, носили название «выход». В течение двух с половиной столетий делом доставки «выхода» в Орду ведали великокняжеские холопы, так называемые ордынцы, которые участвовали и в поездках русских дипломатов в Крым. Часто оказывалась и «казною помочь»⁵²⁾, которую легко было по традиции назвать «выходом».

Возврату к употреблению этого термина, его искуственному реанимированию в 1503 г. содействовало то, что в предшествующий составлению духовной Ивана III год — 1502 — Русское государство было вынуждено в последний раз выплатить выход в Большую орду. В условиях русско-литовской войны, когда все военные силы были стянуты на запад страны, нападение Большой орды, инспирированное Великим княжеством

---

⁵⁰⁾ ДДГ. № 20. С. 56, 58, 61, 66, 71, 76, 79, 131,134, 137,139, 171, 174. 1406–1407, 1423, 1433.

⁵¹⁾ Там же. С. 362.

⁵²⁾ Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 273. 1516.

Литовским, казалось такой серьезной опасностью, что великокняжеское правительство сочло возможным пойти на уплату выхода ради гарантии безопасности южных границ государства. Воспоминания об этой странице русско-заволжско-ордынских отношений, которые не могли прибавить славы великому князю Ивану III, были в 1503–1504 гг. еще достаточно сильны.

В термине «выход» наиболее емко выражалась необходимость отчисления в пользу Орды ежегодной определенной суммы. Консервативность мышления, преданность великокняжеских слуг старой терминологии заставила объединять прежним словом «выход» все их основные расходы, связанные со сношениями с ордами. Пожалуй, последнее утверждение не совсем точно. В цитированных выше документах 1503–1504 гг. выделяются «выход» и «татарские протори»; последнее словосочетание имело и более четкий смысл, покрывая такие понятия ярлыков XIV в., как «корм», «питье», «дары», «почестье» и даже «запрос».

Другая область применения этого термина касалась сферы отношений великого князя с удельными. Прежний расчет распределения повинностей, которыми Русь была обязана ордынцам, был благоприятен для великих князей и нарушать сложившийся порядок взимания денег с удельных князей было не в интересах великого князя.

Тем не менее были и другие причины упоминания выхода в духовной Ивана III. Они связаны с сокращением территории Великого княжества Литовского, за счет которого прирастала территория Русского государства. Переход ряда древнерусских земель, временно находившихся в составе ВКЛ, с точки зрения крымского хана, автоматически приводил к перенесению на Ивана III обязанностей по выплате старых традиционных поборов.

12 июля 1515 г. (921 г. хиджры) Менгли-Гирей напоминал Василию III о территориальных спорах: «область наша к нам тянет — Брянеск, Стародуб, Почап, Новый Городок, Рылеск, Путивль, Карачев, Радогощ, те писаные восмь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему их слову, взял Одоев в головах, тридцать и пять городов из старины деда нашего были; а, и в дефтери посмотрив, уведаешь. А с нами, с братом с твоим, отец твои и князь великий Иван как учинился в дружбе и в братстве, на всякой год дараги наши князи, наши взимки взяв, к нам привозят с них. И ныне ту восмь городов, о которых писали есмя, отдашь нам»[53].

В ярлыке Менгли-Гирея выделяют две группы городов: одна — города, перешедшие из ВКЛ, которые были «даны» Ивану III «по... слову» крымского хана (так под пером его дипломатов выглядело присоединение их к Русскому государству), и другая — Одоев (про которой без лишней дипломатии было сказано, что Иван III его попросту «взял») и, предположительно, группа «Одоевских городов». Под «Одоевскими городы» крымский хан, вероятно, имел в виду Перемышль (Воротынск). В 1487 г. «Иван

---

[53] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 154. 12.VI.1515.

Васильевич с братьею» и Петр Семенович Одоевские вместе с Иваном Михайловичем Перемышльским (Воротынским) нападали на Мезецк[54].

Менгли-Гирей ссылается на дефтери его деда (вероятно, он имел в виду Тохтамыша), правда несколько забывая, что дефтери были даны отнюдь не прадеду Василия III — Василию I, а великому князю Витовту, в связи с чем государю всея Руси было бы затруднительно ознакомиться с ними (см. подробнее гл. 3, § 2 «Крымско-русский союз»).

Важно, однако, отметить, что с этих восьми городов ежегодно поступали платежи в Крым, что их получением и доставкой ведали крымские же чиновники, названные «дарагами нашими князьями» (термин «князья дараги» установился, по наблюдениям А. П. Григорьева, в XV в.[55]). Таким образом, на население этих земель по-прежнему падала та «ординская тягость», которая лежала на них и в Великом княжестве Литовском[56].

То, что в посольских книгах обозначалось собирательным термином «взимки», могло входить отчасти и в состав платежей, которые шли в Крым из Руси. Из чего складывались эти «взимки», можно судить, анализируя переписку относительно князей Одоева, находившегося на особом положении[57]. 9 июля 1498 г. Менгли-Гирей в отдельном ярлыке писал Ивану III следующее: «Из старины Одоевских городов князи по старине к нам, что давали ясаку тысячу алтын, а дарагам — другую тысячю алтын давали, по той пошлине дарагу их Бахшеиша послал есми; как сесь писан ясак наш две тысячи алтын пошлину нашу безубыточно и дати нам не похотят, и ты бы, взяв на них, да дал... А Одоевских князей Иван в головах, а люди его учнут лычити[58], сам свое крепкое слово молвил сполна, что се и писано, Бахшеишу, взявши, велишь отдати, братство твое ведает»[59].

Иван Семенович Кубенский, отправлявшийся в Крым в апреле 1500 г., должен был сказать об Одоевских князьях: «что которую тебе подать давали, и они бы тебе и ныне потому же ту подать давали. Ныне Одоевских князей больших не стало, а отчина их пуста, а иные князи Одоевские нам служат, наши слуги, мы их кормим и жалуем их своим жалованием; а иных князей Одоевских жеребьи за нами, и что тебе давали и твоему человеку, ино их яз же тем жаловал, а им нечего давати, отчина их пуста. А и ныне твоего человека яз же пожаловал, а им нечего давати. И ты бы Одоевским князем вперед свою пошлину отложил, да и дараг бы еси их к ним не посылал по свою пошлину, меня деля»[60].

---

[54] Сб. РИО. Т. 35. С. 3, 48, 51, 136.

[55] *Григорьев А. П.* Обращение в золотордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Уч. зап. ЛГУ. № 407. Сер. востоковедч. наук. Вып. 23. Востоковедение. 7. Л., 1980. С. 156–161.

[56] Ср. роспись ордынщины 20 сентября 1501 г. АЗР. Т. I. № 193. С. 343.

[57] «Особом» сравнительно со всем Русским государством, но на таком же, как многие другие князья мелких княжеств на юге и юго-востоке Руси. См., например, сообщение о пронском князе под 1339 годом: «Александр Михайлович Пронскии пошел... в Орду с выходом царю» (ПСРЛ. Т. XV. Ч. I. С. 51; Т. XV. С. 42).

[58] По-видимому, то же, что «лытати», т. е. уклоняться от дела, лодырничать, праздно бродить, скитаться (Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 318).

[59] Сб. РИО. Т. 41. №. 58. С. 269.

[60] Сб. РИО. Т. 41. № 64. С. 306. IV.1500.

Присмотримся внимательнее к податной терминологии этих двух посланий — крымского и русского. И в том, и в другом упоминается «пошлина». В крымском послании «пошлина» объединяет «ясак» крымскому хану и, вероятно, ясак же в пользу дараг. В русском «пошлина» соответствует «подати». Ни тот, ни другой документ не упоминают слова «выход», ему соответствуют «ясак»[61] и «подать». Можно думать, что в крымской терминологии «ясак» полностью вытеснил «харадж», арабский термин, бывший в употреблении в Джучиевом улусе в течение XIII–XV вв. А Василий III, умышленно избегая термина «выход», заменял его нейтральным «подать», который был распространен и внутри государства. Более того, подать князей Одоевских в пользу крымского хана и его наместников именуется «жалованием» великого князя: «и что тебе давали и твоему человеку, ино их яз же тем жаловал». О тех же жеребьях, которые за великим князем, и о платежах с них послание Василия III полностью умалчивало.

Судя по крымскому ярлыку, ясак состоял из двух частей — части, предназначенной самому крымскому хану, и второй, шедшей его наместнику — дараге. Примечательно, что обе части были равны. Если распространить способ разверстки одоевского ясака на всю Русь, то можно полагать, что так же делился на две равные половины и «выход» в предшествующее время. Взимание обеих половин ясака крымский хан по традиции поручал дарагам.

Пояснения относительно состава пошлин, поступавших с Одоева, содержит следующая посвященная этому грамота. Менгли-Гирей сетует на то, что Василий III не выполняет его просьбы и поступления с Одоева уменьшились: «А и в сяков же год сполна не дали, не по тому прислали» и указывает, какого рода поступлений он ожидал. «Которые наши городовые поминки, да и Бакшаишу, которое ему идет езду, то еси к нам прислал», — итак, два вида податей крымский хан получил: городовые поминки и езд бакшаишу. В 1508 г. появляются два новых вида платежей — поминки и езд. Возможно, городовые поминки ярлыка Менгли-Гирея 1508 г. — это трансформировавшийся в поминки ясак ярлыка 1498 г. Езд, по-видимому, в ярлыке 1498 г. скрывается в понятии «даражская пошлина».

Остались неполученными пошлины бакшаишу: «а из старины, при великом князе Иване, потому ж (т. е. также, а именно городовые поминки и езд. — *А. Х.*) с одоевских князей, которые посылали к вам наши поминки (опять поминки, а не ясак. — *А. Х.*), и тому бакшеишу на подовши (так в тексте публикации. — *А. Х.*) шло, посылал там, да взявши тамо, да с Бакшеишом к нам посылал». Стало быть, уже при жизни Ивана III дараги (монгольские, ордынские и крымские чиновники, сборщики податей)[62] перестали ездить в Одоев, всеми расчетами с крымским ханом стал ведать великий князь. В 1508 г. снова в Русское государство двигался Бакшаиш, однако не в Одоев, а в Москву. В связи с этим хан обращался с просьбой, чтобы все собранное и переданное Бакшаишу было бы написано «на список, да тот список к нам прислал с своим послом, который к нам с Магмедшою идет». Особо Менгли-Гирей подчеркивал, что содержание Бакшаиша на пути должно производиться за счет Одоевских волостей[63]. Перечисление повинностей в пользу бакшаиша, т. е. подать в пользу его («бакшаишово»), корм ему и его лошадям, очень напоминает подводу, кормы, питье ханских ярлыков русским митрополитам XIV в.

---

[61] Видимо, это одно из наиболее ранних упоминаний термина «ясак» в русском языке (*Срезневский И. И.* Указ. соч. Т. III. Стб. 1665). Употребление его в значении дани с «инородцев» в Устюжском летописном своде и Никоновской летописи относится уже к XVI в. (*Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов русского языка. Алма-Ата, 1978. С. 441; *Аракин В. Д.* Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языка. М., 1974. С. 131).

[62] *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов... С. 118.

Однако хан (или переводчик его ярлыка) понимал, что политический статус этой территории изменился. Речь шла уже не об одоевских князьях или Одоеве, но конкретно об «одоевских волостях», новой административной единице в княжестве всея Руси. Впрочем, возможно и иное толкование: хан получил «городовые поминки», т. е. то, что шло с города Одоева, неполученными остались пошлины с волостей (корм Бахшаишу и его коням).

Таким образом, можно утверждать, что вхождение в состав Русского государства земель и мелких княжеств, прежних данников Крыма, оказало неблагоприятное воздействие на характер русско-крымских отношений, превратив русского государя в ответственное за сбор и поступление «взимков» в пользу Крыма лицо. С другой стороны, это было чисто временное явление. Как показал анализ ярлыков 1498–1508 гг., крымцы (хотя не исключено, что и переводчики их ярлыков) постепенно отказывались от терминов, выражавших данническую зависимость. Ясак сменился городовыми поминками и «бакшеишевым». Дальнейшую эволюцию «взимков» с Одоева обнаруживает ярлык Мухаммед-Гирея от июля 1515 г.: «бакшеишева сына Девлетьяра, по отца своего по жалованию... и яз его пожаловал одоевскою пошлиною. А наперед того Девлетьяр на отца нашего и на наше дело ездил и зде был у нас; и мы бы с болшим с своим послом послали к тебе: при отце нашем которую ему пошлину с Одоева давали, и ты б и ныне ему велел ту пошлину давати»[64]. В ярлыке, написанном вскоре после смерти Менгли-Гирея, еще упоминается термин «пошлина», под которым скрываются все виды повинностей в пользу крымского хана и его наместника с Одоева.

Однако и этот термин исчезает в следующем ярлыке Мухаммед-Гирея. Отправляя на Русь племянника Девлет-Яра, хан просил прислать не только белого ястреба, но и «одоевской годовой взимок, как еси наперед того присылывал»[65]. В ярлыке от конца января 1519 г. Мухаммед-Гирей сообщал: «бедной Бакшеишев сын Девлетьяр на божью волю пошел, и мы пожаловали ныне сю грамоту, взяв, пошел брат его меншей Алдияр тою пошлиною его. И ныне у тебя, у брата моего, прошенье мое то, что бедному Девлетьяру шло твое жалование, то бы еси пожаловал, тому ныне велел дати, занже мои да и твой, брата моего холоп и слуга...»[66]. И в данном ярлыке есть «пошлина», однако теперь ее получение Мухаммед-Гирей связывал не только с отцовским и собственным жалованием, но и с жалованием великого князя всея Руси Василия III. Эволюция представлений крымского хана, отчасти соответствующая переменам в реальной действительности, налицо. Правда, в посольской книге содержательная часть ярлыка предварена заголовком, написанным, вероятно, в то же время, когда составлялась сама посольская книга, т. е. в 60–70-е гг. XVI в.: «А се грамота седмая царева о Одоевском ясаке». Наличие этого заголовка, на наш взгляд, довольно позднего, не изменяет основного содержания ярлыка: «одоевская пошлина» стала результатом жалования и крымского хана[67], и русского великого князя.

---

[63] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 29. Получено в октябре 1508 г.

[64] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 158.

[65] Там же. № 30. С. 5.22. VIII.1518.

«Одоевской пошлины» или «одоевского ясака» оказалось достаточно для того, чтобы в духовной Ивана III и в докончании его наследников был упомянут «выход».

Комплекс документов, связанный со взиманием «одоевской пошлины», показывает, как медленно и трудно Русское государство освобождалось от фактической экономической зависимости даже от Крымского ханства, юридически равного ему, как присоединение некогда зависимых от Крымского ханства земель ставило Русское государство в определенную зависимость от Крыма, меняя тем самым характер отношений обоих юридически суверенных государств.

Были ли другие территории, с которых поступал ясак или пошлина в пользу Крыма, сказать трудно. В дальнейшем приращение территории Русского государства за счет русских же земель Великого княжества Литовского сопровождалось выдвижением требований об уплате платежей в пользу Крыма.

История с Одоевым, присоединение которого повлекло за собой возложение на Русь выхода с этих земель, повторилась в XVII в., но уже в другом масштабе. В связи с присоединением Левобережной Украины в русско-крымский договор от 27 апреля 1670 г. впервые — что весьма существенно — впервые было включено обязательство отправки «любительных поминков», составлявших «казну»[68]. Этот факт, отмеченный еще А. Лохвицким в 1855 г.[69], не нашел объяснения. Общепринятым считается мнение, будто подобное обязательство было зафиксировано и более ранними договорами. Дело в том, что присоединение территорий, на которых, согласно жалованной Тохтамыша, с 1397/98 г. лежала обязанность уплаты дани в Орду и в Крым, повлекло за собой перенесение этой обязанности с короля польского и великого князя литовского на русского царя.

---

[66] Сб. РИО. Т. 95. № 36. С. 638.

[67] В. Е. Сыроечковский подчеркивал наследственный характер жалования крымского хана. Получателями одоевских «взимков» выступала одна и та же семья: Бахшаиш, его сын Девлетъ-яр, умерший в 1519 г., затем его младший брат Алдияр, в 1531 г. — брат последнего. *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 47; РГАДА. Ф. 123. Кн. VI. Л. 276 об., 370 об.

[68] ПСЗ. Собр. 1. Т. I. СПб. 1830. № 469. С. 836. 27.IV.1670.

[69] *Лохвицкий А.* О пленных по древнему русскому праву. С. 19–23; С. Ф. Фаизов, не приводя конкрстных данных, относит изменение «правового статуса дани-откупа», который «поднялся на договорный уровень», к началу XVII в. (*Фаизов С. Ф.* Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом: К вопросу о типологии связей // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 52).

При включении этого условия в русско-крымский договор 1670 г. главную роль сыграла не традиция, восходящая к концу XIV в., но соотношение сил. Россия вынуждена была считаться с реальной мощью Османской империи, вассалом которой давно уже стало Крымское ханство. Его интересы в экономической области Османская империя защищала упорно. Потребовались походы конца XVII в., чтобы Россия смогла сбросить с себя это позорное обязательство.

В течение 30 лет после заключения договора 1670 г. Россия действительно уплачивала обязательные поминки, по своему характеру приближавшиеся к дани, в Крым. Она была освобождена от них лишь согласно Константиновскому трактату с Турцией от 3 июля 1700 г.: «А понеже государство Московское самовластное и свободное государство есть, дача, которая по се время погодно давана была крымским ханам и крымским татарам... впредь да не будет должна от его священного царского величества московского даватись, ни от наследников его»[70].

В связи с данью и выходом следует более подробно остановиться на термине «ясак». В докончании рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей от 19 августа 1496 г. определен порядок выплаты «царевичева ясака Сатылганова»[71].

Очевидно, из владений рязанских князей в Царевичев городок шел не «выход», но ясак. Правда, в докончании рязанских князей не сказано, что Сатылган находился в Царевичеве городе. Думается, предположение В. В. Вельяминова-Зернова о том, что Сатылган уже в начале 90-х гг. стал царем в Городке[72], не совсем точно. В связи с этим трудно приравнивать «выход» великокняжеских московских грамот к «ясаку» рязанского докончания 1496 г. Теоретически допустимо, что из Русского государства в Городок шел «выход», а из Рязани на содержание сына царя Нурдаулета — лишь «ясак». Практически, по-видимому, дело обстояло иначе. Рязанские деятели употребляли новое и более точное слово для обозначения обеспечения жителей и государей Царевичева городка деньгами и кормом.

Разумеется, нельзя приравнивать положение Царевичева городка, цари которого находились на положении почти служебных князей, к положению Крымского ханства, игравшего весьма заметную, а иногда даже самостоятельную роль в истории юга Восточной Европы.

Можно утверждать с полной определенностью, что ни выход, ни ясак (до присоединения Одоева) в пользу Крыма с основных территорий Московского княжества, как и Русского государства, не шли.

Судя по самому первому договору Московского княжества с Крымским ханством 1474 г., Русь не выплачивала ханству и никаких пошлин, в том числе и даражской (см. подробнее гл. 2. Крымско-русский союз).

---

[70] ПСЗ. Собр. I. Т. 4. СПб., 1830. № 1804. С. 70.

[71] ДДГ. № 84. С. 333, 338.

[72] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863. С. 150–151.

§ 2. Поминки, тешь

Для обозначения отправляемых в Крым подарков в Крым чаще всего употребляется слово «поминки», иногда говорится о «тешении» хана, причем существительного «тешь» посольские книги не знают, они ограничиваются лишь глаголом «тешить». В 1516 г. царевич Ахмат объяснял Василию III, что «ныне уланом и князем... не доходит ничего», и просил: «и ты б и ныне сею дорогою поминком своим их потешил»[73]. В том же 1516 г. князь Аппак, весьма влиятельное лицо при дворе крымского хана, уговаривал русского посла не скупиться с поминками: «чего у тебя царь ни попросит, и ты царю ни за что не стой, тешь его»[74].

В обоих вышеприведенных случаях глагол «тешить» связан с «поминками». По-видимому, результат от передачи поминков и выражался этим словом. Иногда, впрочем, слово «тешить» не связано с поминками. Слуга царицы Нурсалтан рассказывал И. Г. Мамонову, что Мухаммед-Гирей отнял у нее все ясаки в Крыму и отдал их Алпу-царевичу. «И царица посылала ко царю бити челом, что отца твоего (т. е. Менгли-Гирея. — *А. Х.*) царево было жалование за мною, то все перед Богом да перед тобою, а то все царица царя тешит»[75].

Наиболее раннее употребление этого глагола встречается в Рогожском летописце — в Повести об убиении тверского князя Александра под 1339 годом. Здесь он применен дважды. После раздумий, идти ли ему в Орду или нет («аще поиду, то и разлучен с животом, аще ли не поиду, то много будет пакости христианом»), князь решается: «И тако оставле вся мысли и поиде в Орду, тешася о слове божием», и далее: «И пришед в Орду князь великий Александр, царя тешевав по обычаю своему и рядец»[76]. По-видимому, аналогичным образом вел себя в Орде в 1315 г. и Михаил Тверской, однако о нем сказано иначе: «по обычаю одари князи и царицы, последи же самого царя»[77]. Можно предполагать, что в Рогожском летописце термин «тешить» — синоним глагола «дарить», «радовать». В том же значении выступает глагол и в подложном ярлыке хана Узбека, датированном 1315 г.: «А митрополит правым путем ходит да правым путем пребывает и тешится»[78]. Существительное от этого глагола — «тешь» — известно житию Петра Беркина, выходца их Орды XIII в., составленному в XVI в. «Взем тешь царскую: кречеты и шубы куньи и лисьи, и питие». «Ты тешь подаеши мне, а си кто суть... еда сещися с нами хощет»[79]. Упоминается оно в Устюжском летописном своде под 1481 г., правда, не по отношению к крымцам, а по отношению к одному из участников убийства Ахмата — ногайскому князю Иваку[80]. Еще один случай употребления глагола «тешить» в крымских посольских книгах вполне соответствует значению, закрепившемуся в русском языке позднее. Князь Аппак, сетовавший на то, что из Москвы приходит слишком мало поминков, говорил в начале 1518 г.: «Восе от короля черленое золото, белое серебро льется... А он всех тех обычаи тешит, а нам чего сухим языком домазати»[81]. Оборот «тешить свой обычай», по В. И. Далю, означает «норовить прихотям своим»[82]. «Тешь» — вероятно, «дар» или «почестье», известные в ханских ярлыках русским митрополитам[83], причем не просто «дар» как собирательное понятие, а дар определенному лицу согласно занимаемому им в Крыму социальному положению.

---

[73] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 305.

[74] Там же. С. 275.

[75] Там же. С. 290.

[76] ПСРЛ. Т. XV. 2-е изд. Вып. 1. М., 1965. Стб. 49.

[77] Там же. С. 38.

[78] *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 13, 32, 34, 43, 45, 47–50.

[79] Великие минеи-четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. 29 июня. Л. 446–447. Ср.: *Иосиф, арх.* Подробное оглавление Великих четиих-миней всероссийского

Можно предполагать, что слово «тешь» — тюркизм, происходящий от термина «тыш, тийишь, тишь», восходящего еще к ордынским временам и обозначающего «дачу», т. е. «поминок» определенному лицу. Этот термин вызвал длительную полемику в русской дореволюционной и советской литературе. По В. Д. Смирнову — «тыш» — это эквивалент поголовной подати, распределявшейся между получателями, причем «головы» считались крымские, а считал их писец, прибывавший из Москвы[84]. Н. И. Веселовский излагал мнение В. Д. Смирнова следующим образом: «Тыш значит замена, то, что придется, или достанется такому-то». Однако сам он полагал, что тыш обозначает лишь одну из форм распределения «поминков» и касается только рыбьего зуба[85]. Особое мнение высказал по этому поводу А. Н. Самойлович. Обратившись к анализу русской заметки — дополнению к шертной грамоте 27 апреля 1670 г., где значится: «4-х человек дачи головные куньи, на 3-х человек дачи головные ж бельи хрептовые, на 3-х человек дачи головные бельи черевьи»[86], — он приходит к выводу, что «тыш» — означает «дача», то, что достанется определенному лицу[87]. Связь «теши» с «поминками», очевидная по крымским посольским книгам начала XVI в., показывает, что в ордынское время «тешь» была лишь дополнительным и эпизодическим источником доходов ордынцев от эксплуатации Руси. В конце XV — начале XVI в.

митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеке. М., 1892. Стб. 246.

[80] ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 95.

[81] Сб. РИО. Т. 95. № 29. С. 497. II.1518.

[82] *Даль*. Т. IV. С. 450.

[83] И. И. Срезневский давал другой перевод этого термина — потеха, забава (*Срезневский*. Т. III. Стб. 1096), явно соответствовавший понятиям XIX в. (Ср.: *Даль*. Т. IV. С. 450). Однако и в XIX в. существовало иное значение анализируемого глагола — доволить, угождать, уступать, мирволить, веселить, доставлять удовольствие, делать приятное.

[84] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 428.

[85] *Веселовский Н. И.* О турецко-татарском слове *тыш* («зуб») в дипломатических документах // ЖМНП. н. с. 1915. Апрель. Ч. VI. С. 329–331.

[86] *Лашков Ф. Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. // ИТУАК. № 12. 1891. С. 25.

[87] *Самойлович А. Н.* Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков // Изв. РАН. 1917. 6-я серия. № 14. С. 1277–1278.

она стала основным и почти единственным, если не считать «запросов». Даже Девлет-Гирей после своего победоносного похода на Москву получил от русского царя не «дань», а лишь «тешь»[88], т. е. «дары-поминки». Получателями «выхода» были и ордынские послы[89], и ордынские ханы. Ранние же сообщения о «теши» связаны с ханами. Это лишний раз убеждает в том, что имелись в виду именно дары хану.

Легенда о происхождении поминков изложена Гр. Котошихиным: их установил митрополит Алексий после своего освобождения из плена, он заклял «Московское государство, чтоб они сами на крымских людей воевать не ходили, а утешали б нечестивого дарами»[90]. А. Лохвицкий, обративший внимание на это сообщение, считает его нелепостью, любопытным выражением народного ужаса перед татарами[91].

В историографии «поминки» рассматриваются по-разному. Одни исследователи видят в них пережитки ордынской зависимости — своеобразную форму дани[92], другие расценивают как просто дары. Новейший отечественный исследователь международных отношений этого времени А. М. Некрасов вслед за С. М. Соловьевым и В. А. Артамоновым пишет: «Важным аспектом отношений Крыма как с Русью, так и с Великим княжеством Литовским была уплата (так! — *А. Х.*) "поминков", являвшаяся по сути данью, откупным за отказ от крымских набегов на пограничные земли». Близка к мнению А. И. Некрасова и точка зрения С. Ф. Фаизова. Напротив, Р. М. Кроски не придавал им никакого политического значения[93]. Обе эти точки зрения восходят к представлениям современников, относящимся даже не всегда к Руси, а к Короне Польской и Великому княжеству Литовскому, где бытовал аналогичный термин «упоминки». Литовский публицист, известный под псевдонимом Михалона Литвина, знал «упоминки» как «ежегодные дар царю перекопскому»

---

[88] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 6. М., 1989. С. 590.

[89] Юрий Данилович, «поимав сребро у Михайловичев Константина и Дмитрия Тверских выходное по докончанию, не шел противу царева посла, нъ ступил с сребром в Новъгород Великыи». ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 41. 1321.

[90] *Котошихин Гр.* О Русском государстве в царствование Алексея Михайловича. М., 1884. С. 65; Вряд ли речь шла о «девятных поминках», с одной стороны, и Крыме, с другой. У Котошихина понятие Орды было заменено Крымом (ср.: *Фаизов С. Ф.* Поминки-«тыш»... С. 51; *Он же.* Эволюция дани-откупа во взаимоотношениях Русского государства и Крымского ханства в последней четверти XV–XVII вв.: терминологический, юридический и функциональный аспекты // Славяне и их соседи. Тезисы XI конференции. М., 1992. С. 64–67).

[91] *Лохвицкий А.* Указ. соч. С. 22. Прим. 44.

[92] Любопытно мнение Е. Тышкевича относительно поминков Короны Польской и Великого княжества Литовского в начале XVI в. Он пишет, что «в начале XVI в. Польско-Литовское государство находилось, как некогда Русь, под татарским ярмом: признавало верховенство татар над своими землями в Южной Руси; 11 раз платило полную дань» (*Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 167). Думается, это некоторое преувеличение. Положение Литвы и Польши в начале XVI в. весьма отдаленно напоминало времена ига.

[93] *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 80; *Фаизов С. Ф.* Поминки-«тыш»... С. 50, 58–59; *Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.—London, 1987. P. 180.

(т. е. крымскому хану. — *А. X.*) польского короля[94]. В Крыму же, однако, эти «дары» именовались исключительно данью[95].

Одновременно с утверждением равноправных отношений между Московским Великим княжеством и Крымским ханством изменились и представления относительно форм экономических связей восточноевропейских государств как с последним наследником Золотой орды. Равенство государств-контрагентов выражалось в принесении подарков главе государства. Таким образом, посольский обычай того времени требовал обмена подарками. И в Московском княжестве, и в Русском государстве, равно как и в Великом княжестве Литовском, для обозначения подарков главам государств использовался один и тот же термин — «поминки». Молчаливо предполагалось, что обмен послами предполагает и обмен подарками[96].

Термин «поминки» сравнительно поздно появляется в источниках в значении дара главе одного государства от главы другого. Особенно часто встречается этот термин в Никоновской летописи, созданной, как утверждает Б. М. Клосс, между 1526 и 1530 гг.[97] В рассказе о дипломатических усилиях новгородцев сохранить независимость говорится, что новгородцы отправили королю «поминки», он же «прият... дары их с любовью»[98]. Здесь термины «поминки» и «дары» — синонимы. В остальных случаях, рассказывая о посольстве папы, или венецианского дожа с Тревизаном, Пскова или «свейского короля Герстура», летопись последовательно употребляет только один термин — «поминки»[99]. Так же именуются в крымских посольских книгах и дары других государей крымскому хану — Молдавии, Черкас (адыгов) и т. д.[100]

Однако «поминки» — не только дары государей друг другу. В 1475 г. Ивану III челом ударили степенный посадник и тысяцкий «и от всего Великого Новгорода 1 000 рублев явили поминки». В рассказе о пирах «на великого князя» вновь фигурируют дары, но их давали великому князю только на самих пирах («те все з дары приходили бити челом великому князю, что было им на пирех дарити чем великого князя»). В этих рассказах передача «поминка» сопровождается челобитием («многие люди с поминки многие у него с челобитьем были»)[101]. Сочетание «поминков» с «челобитьем» наблюдается и в рассказе о событиях в Новгороде в 1478 г.: «владыка являл поминки и пред столом и перед обедней

---

[94] *Литвин Михалон*. Трактат о нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 75, 93.

[95] КСМРТ. Р. 111. Регулярность литовских поминков подчеркивал и Р. М. Кроски (*Croskey R. M.* Op. cit. P. 183, 186).

[96] Так, в летописных рассказах о событиях 20-х гг. XIV в. этот термин еще не встречается. Под 1223 г. читаем: «...Кьтяк, князь половецьки... принес дары многи...». ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910.

[97] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 51.

[98] ПСРЛ. Т. XII. С. 126. По-видимому, то же читалось и в протографе сообщения. Ср.: ПСРЛ. Т. 28. С. 133 (свод 1497 г.).

[99] ПСРЛ. Т. XII. С. 151, 156, 166, 142, 152.

[100] Сб. РИО. Т. 41. № 39. С. 175.

[101] ПСРЛ. Т. XII. С. 159, 163, 167.

21 января и 12 февраля, он ходил с поминками и к Андрею Меньшому: “а били челом, чтобы ся печаловал великому князю”»[102].

Термин «поминки» не ограничивался сферой дипломатических отношений, но употреблялся и во внутрицерковных. Приезжавшие в Новгород митрополиты, раздававшие свое благословение многочисленной пастве, получали от нее за это «поминки». Подчиненное духовенство также преподносило митрополиту поминки или дары. По мнению Е. Е. Голубинского, «относительно... взимания поминков и даров весьма вероятно думать... что, быв превращены в регулярную и определенную подать, они взимаемы были не только, когда приезжали митрополиты сами, но и когда присылали уполномоченных»[103].

Важен не только факт широкого распространения поминков в различных сферах русской общественной жизни, но и существовавшая в русско-крымских отношениях тенденция превращения поминков в пошлину, то есть в обязательную повинность. На Руси конца XV в. придавалось очень большое значение тому, чтобы «поминки» не стали чем-то постоянным и обязательным. Строго разграничивались «поминки» и «пошлина», обязательный оклад. «А пошлинам даражским и иным пошлинам всем никоторым не быть», — таков был строгий наказ русским дипломатам, отправляемым в Крым, начиная с 1474 г.[104] Между тем, мысль о равенстве поминков пошлине не исчезала в Крыму вплоть до второго десятилетия XVI в. Кипчакский князь Касмак в апреле 1516 г. требовал от И. Г. Мамонова: «Дай мою пошлину, что мне князь великий прислал». Посол сверился с казенным списком и не обнаружил там «государского поминка»[105]. Хотя в данной ситуации ни у посла, ни у крымского князя не было разногласий в понимании термина «пошлина», Мамонов как бы становился на точку зрения Касмака, при том что теоретически разница между этими понятиями существовала.

Поминки последовательно противопоставлялись прежнему «выходу», и это легко объяснимо, если вспомнить, что дар, генетический предшественник поминков, сопровождался «поклоном», подобно тому, как «поминки» — «челобитьем»[106]. Сигизмунд I, как уже указывалось, противопоставлял их «суполной дани». В 1516 г. Богатырь-султан упрекал Василия III в том, что тот якобы «в своем слове не устоял» и заявлял, что «нам от тебя доходило поминков и доходу, и то нам по нашей мысли не пришло»[107]. В переводе его ярлыка единственный раз «поминки» приравниваются к «доходу», да и сам этот термин впервые появляется в русско-крымской переписке.

---

[102] ПСРЛ. Т. XII. С. 188, 175.

[103] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. II. С. 313.

[104] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 1–2. III. 1474.

[105] Там же. Т. 95. IV.1516. В «казенных книгах у поминков» записывались и «речи» послов (Там же. № 12. С. 217. XI.1515). Какая-то система учета поминков существовала и в ордынско-литовских отношениях. Так, Тювикель прислал к великому князю литовскому Александру своего слугу «со счетом» (Книга посольская Великого княжества литовского 1506. Л. 132 об.).

[106] Сб. РИО. Т. 95. № 30. С. 510. VIII.1518.

[107] Там же. № 22. С. 397. XI.1516.

В практике русско-крымских отношений преподнесение поминков носило двусторонний характер: их привозили как русские послы в Крым, так и крымские послы на Русь. Однажды поминки от крымского хана были так велики, что их размеры оказались отмеченными в летописи. Никита Беклемишев вернулся из Крыма в 1474 г. с крымским представителем Довлетеком-мурзой, который прибыл «со многими поминки»108), что лишний раз показывает степень заинтересованности крымского хана в поддержании добрососедских отношений с Русью накануне османского нападения на Крым и в условиях борьбы против Орды. В последующее время поминки из Крыма были весьма скромными и носили чисто символический характер. В крымских ярлыках-посланиях существовал соответствующий специальный оборот «тяжелый поклон с легким поминком» («агир селям иингиль болек»), который был унаследован крымской дипломатикой от золотоордынской109). В качестве поминков от крымского хана и его слуг на Русь часто пригоняли аргамаков, высоко ценившихся как в Крыму, так и на Руси110). Царица Нурсалтан присылала в 1491 г. «зерно жемчюжно». Довлетек, собираясь продать великому князю «лал добр», послал ему «гнед иноходец в черкесском седле»111).

Основной поток поминков направлялся из Москвы в Крым. Был ли поток постоянным или «пересыхал», как только в Крым переставали ездить послы, сказать трудно. Казалось бы, поминки должны были доставляться именно послами и именно с той периодичностью, с какой ездили туда представители Русского государства. Однако калга Менгли-Гирея 90-х гг. XV в. князь Ямгурчей обратился с просьбой: «ежегод наперед которые поминки ко мне приходят, того бы еси свыше на харчь прислал»112). Аналогичное пожелание содержал и ярлык Довлетека о ежегодной отправке поминков: «Как ежелет было, и жалованье твое дойдет». Думается, вряд ли эти свидетельства Ямгурчея и Довлетека — и притом единичные — можно считать доказательством ежегодности доставки поминков в Крым.

Поминки, предназначавшиеся только хану, именовались термином «болек»113); по-видимому, они соответствовали той их разновидности, которая по-русски имела определение «девятные» или просто «девять», поскольку дары состояли из девяти предметов. Состав этих поминков

---

108) ПСРЛ. Т. XII. С. 188, 175. Взаимность поминков опровергает представление о них как о «дани-откупе» (*Фаизов С. Ф.* Поминки-«тыш»... С. 50).

109) Он присутствует и в послании золотоордынского хана Мухаммеда султану Мухаммеду Завоевателю от 10 апреля 1446 г. (*Zajączkowski A.* Dyplomatyka Złotej Ordy. S. 215).

110) «Головного коня» послал Василию III Мухаммед-Гирей в 1508 г. (Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 32. X.1508). Казначей крымского хана Синан-ага отправил Василию III одного гнедого аргамака, червчатый щит, одни «белы тебеньки», узду и «червчат» ковер (РИО. Т. 95. № 2. С. 40–41. X.1508). Аппак обещал привести Василию III аргамака в 1518 г. (Там же. № 3. С. 528. VIII.1518).

111) Сб. РИО. Т. 41. № 45. С. 142, 180, 206. III.1492; № 34, 39. I.1493; XI.1493.

112) Сб. РИО. Т. 41. № 39. С. 179–180. I.1493.

113) *Самойлович А. Н.* Тийишь (тишь) и другие термины крымскотатарских ярлыков // Изв. РАН. 1917. 6-я серия. № 14, 15; Сб. РИО. Т. 95. № 33. С. 586. XII.1518.

неизвестен, так как не сохранились записи, которые велись в казне. Однако в отдельных случаях, когда крымский хан сам предопределял их состав, можно установить размеры. Так, в 1508 г. Менгли-Гирей просил «на поминки» 5 кречетов, три сорока добрых соболей, 6 великих зубов рыбьих, горла черных лисиц или 40 черных лисиц, 5 одинцов добрых соболей[114]. Размеры поминков царевичам были довольно велики. Так, в 1516 г., когда посол отказывался — в соответствии с инструкцией — выдать поминки царевичу Алпу, Мухаммед-Гирей предлагал разделить выдачу поминков следующим образом: две девяти он требовал от посла и одну готов был дать сам[115].

Наряду с поминками хану привозились и так называемые «здоровальные» («мубарек бад»)[116]. В наказе И. Г. Мамонову была записана речь, которую тот должен был произнести, дабы «на государстве здоровати» нового крымского хана Мухаммед-Гирея: «...на отца своего юртех царем ся учинил. Ино, дай Бог, ты, брат наш, на отца своего юртех и на своих здоров был и с своею братьею и с детми и со всеми своими людми». Подобное же пожелание посол должен был высказать и в адрес собственного государя: «А мы б, дал Бог, здесь здоровы были, а наши недрузи под нашими ногами были». После этого Мамонову надлежало передать «здоровальные поминки» — красного кречета, черную соболью шубу, серебряные ковши, черпало и чару. Остальные поминки передавались «по записи»[117].

На особом положении находился наследник престола — калга. Так, при Менгли-Гирее Иван III посылал Ямгурчею, «опричь десяти» (именно «десяти», а не «девяти»), «портищо соболье да 2 тысячь белки, да 300 горностаев, не убавливая»[118]. На получении «калажских» поминков в начале 1518 г. настаивал новый калга Богатырь-султан[119]. «Опришные» поминки получал от Ивана III Хаджи-салтан[120].

Особой разновидностью поминков были «запросные». Хотя иногда они передавались вместе с прочими (как это было летом 1492 г.)[121], их следует рассматривать отдельно и потому, что они занимали особое место в системе русско-крымских отношений, и потому, что состав сведений о них совершенно иной, нежели о других видах.

Полностью размеры поминков установить очень трудно, так как документы, которыми оформлялись выдача и передача их по назначению, оказались полностью утраченными. Они погибли вместе со всеми материалами Казны в пожаре 1626 г. Можно предполагать, что в Казне составлялись списки, подобные тем, что были сделаны при подготовке приданого дочери Ивана III, великой княжны Елены Ивановны, перед ее отъездом к будущему супругу великому князю литовскому Александру[122]. Эти списки 21 июня 1491 г. Иван III послал В. В. Ромодановскому, именуя документы так: «запись на поминки и на запрос царю, темиревой дочери царице большой (Нурсалтан. — *А. Х.*)»[123]. Списки поминков скреплялись печатью казначея, что явствует из сообщения 1517 г., когда подобный документ, отправленный В. Шадрину, послал «казначей... Юрьи Дмитреев (Траханиот. — *А. Х.*) с товарищи за своею печатью»[124].

---

[114] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 25. X. 1508.

[115] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 273–274. Ахмат царевич получил в 1516 г. одну «девять» (Там же. С. 305). Приведенные факты противоречат гипотезе С. Ф. Фаизова об исчезновении «девяти», якобы разделившихся на «жалованье» беям, мурзам и знати и «поминки» (*Фаизов С. Ф.* Эволюция дани-откупа... С. 65).

[116] *Самойлович А. Н.* Указ. соч. С. 1278.

[117] Сб. РИО. Т. 95. № 12. С. 193. 1515. Ср.: № 16. С. 280. IV.1516.

[118] Там же. № 4. С. 75. IX.1505.

[119] Там же. № 2. С. 31. IX.1508.

[120] Там же. № 34. С. 609. I.1518.

[121] Сб. РИО. Т. 41. № 35, 38. С. 149, 170. VI.1492; XII.1492–I.1493.

Об упомянутых и аналогичных списках часто шла речь в посольских материалах. Так, в инструкции великому послу Ивана III Ивану Мамонову, посланной с гонцами в мае 1501 г., значилось: «А что есми ныне послал с теми татары поминков соболей царю и царицам, и царевичем, и князем, и яз тем поминком послал к тебе список, за Дмитреевою печатью Володимерова (бывшего в ту пору казначеем. — *А. Х.*). А которые с ними соболи посланы, и те соболи все подписаны ж, кому которыи соболь дати: а печать у соболей Дмитреа ж Володимерова. И ты бы те поминки царю, и царицам, и царевичем, и князем по списку велел роздати перед собою, кому которой соболь подписан дати»[125]. Эта инструкция позволяет представить реальную деятельность Казны, ее дьяков. И, вероятно, вновь напоминает о способах хранения пушнины, известным по изобразительным материалам — в частности, миниатюрам Радзивилловской летописи, западно-европейской гравюре, изображающей русское посольство в Регенсбург, — и возвращает к вопросу о тех деревянных цилиндрах XI–XII вв., открытых Новгородской археологической экспедицией и определенных В. Л. Яниным как замки, крепившиеся на мешках с пушниной. В их отверстия продевались веревки, на которых и укреплялись печати в виде пломб[126]. Археологи не могут утверждать, были ли эти мешки закрытыми, или подобными тем, что сохранились на изображениях XV–XVI вв., т. е. с открытым низом, из которого живописно свисали хвосты связанных шкурок. По этому поводу не дают никакой информации и посольские книги. Возможно лишь, что транспортировалась пушнина в закрытых мешках, а преподносились дары именно так, как эти меха запечатлены художниками — русским и немецким.

Но вернемся к спискам. Об их существовании, как и о «казне», знали и сами крымцы. Мухаммед-Гирей, недовольный качеством присланного ему панцыря, в 1509 г. требовал другой: «из своей казны взяв, добр пансырь... прислал бы еси»[127]. Во время посольства В. Г. Морозова 1512 г.

---

[122] *Хорошкевич А. Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // Советские архивы. 1987. № 4. С. 32–33.

[123] Сб. РИО. Т. 41. С. 30, 117.

[124] Сб. РИО. Т. 95. № 26. С. 470. 21.VII.1517. Ср.: Там же. № 28. С. 491. 30.XI.1517.

[125] Сб. РИО. Т. 41. № 71, 73. С. 352, 365. V, VIII.1501.

[126] *Янин В. Л.* Археологический комментарий к «Русской правде» // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138–155; *Он же.* Я послал тебе бересту. 3-е изд. М., 1998. С. 332–344.

[127] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 79. IX.1509.

они, недовольные количеством подарков, присланных им Василием III, неоднократно требовали «списка казенного» (ради этого к Морозову приходили и Апак, и Алп, и Магметша). В дело вмешался сам Менгли-Гирей: «Да и сам... царь говорил о том же списке о казенном. Толко бы мне дал список, и яз бы ведал, што кому дать, с тобой поговоря»[128]. Посол же, как он уже доносил своему государю («...те поминки... отдал все по записи, а не додано... трема ли, четырма ли молодым людем... на службе были»), отвечал Менгли-Гирею достаточно жестко: «А чево государь мои со мною к тобе не прислал, тово мне взять негде»[129]. Речь шла не только о «недоборе», как может показаться, но и о лишении великого князя московского и всея Руси права вести самостоятельную «финансовую» политику в ханстве и полном подчинении ее ханской воле. Разумеется, раздача поминков имела особое значение и, может быть, даже являлась козырной картой в сношениях великого князя и ханского окружения.

Размер поминков русская сторона ставила в зависимость от ранга направляемого в Крым представителя. Выезд в Крым большого посла (И. Г. Мамонова, Ю. Д. Пронского и др.) сопровождался отправкой «добрых» поминков; с гонцом отправлялись «легкие поминки», что нередко приводило к дипломатическим осложнениям. «...Твоего посла замотчание оттого ся остало: коли Илья (имеется в виду Челищев), твой слуга[130], гонцом пригонил в Крым, и ты царю легкие (зуб рыбий и черную лисицу. — *А. Х.*) поминки прислал еси. И царь так говорил: "Меня уж ни за что почел". И разгневался и посла твоего за тем держал», — объяснили задержку русского посла крымцы[131].

В конце XV – начале XVI в. складывалась социальная стратификация поминков. Если раньше все дары в Крым именовались одинаково — поминки, то в XVI в. наряду с поминками появилось и «жалование», обязательным условием которого была служба[132]. Ширинский князь Довлетек, отличавшийся преданностью Руси, в 1493 г. жаловался: «Сего лета поминок твой прямо к нам не пришли,... и нынеча жалованье твое дойдет...»[133]. В 1493 г. последовательности в переводе, а возможно, и в употреблении этих терминов еще не было[134]. Различие между ними ясно обнаружилось в посольских речах 1509 г. И царевичам, и князьям, и дувану (судье[135] или казначею) посол должен был говорить: «Добра нашего смотрил и дела нашего бы еси берегл и делал», но царевичам за поддержку интересов Руси при крымском дворе великий князь обещал дружбу, а прочим — «жалование» за службу: «И нам бы еси тем служил, а мы, ож даст Бог, за твою службу и вперед жаловати хотим»[136]. Однако в посольском наказе противопоставление поминков и жалованья отсутствует: «А еси говорити от великого князя Василья тем, которым поминки посланы, а великому князю их служба была»[137]. И для рядовых военных слуг обычным вознаграждением за службу была раздача денег, платья, оружия и т. п.[138] В Крыму не делали различия между «поминками» и «жалованьем». Менгли-Гирей именовал «жалованье» своим слугам — 20 мурзам и князьям — «поминками» и даже «запросом», а поминки своим родственникам и слугам — «жалованьем». Так же делал и Ахмат-Гирей, прося «жалованье» на свадьбу сына Геммет-Гирея.

---

[128] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 82. 12.IX.1512.

[129] Сб. РИО. Т. 95. С. 81, 83.

[130] Там же. № 26. С. 462. VI.1517. Опыт был учтен, и состав «легких поминков» с О. Андреевым значительно увеличился (Там же. № 31. С. 542. VIII.1518).

[131] Там же. № 10. С. 166–167. VII.1515.

[132] Сб. РИО. Т. 95. № 31. С. 548. VIII.1518.

[133] Сб. РИО. Т. 41. № 39. С. 180. I.1493.

[134] Там же. № 45. С. 208. XI.1493.

[135] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. Стб. 1778–1779, 1782.

В глазах ханов, царевичей да и всех крымских феодалов Москва и Литва должны были служить хану источниками материальных благ для раздач князьям, уланам и простым военным слугам. Поминки рассматривались в качестве основной формы ожидаемых поступлений. При этом тщательно следили за тем, чтобы поминки присылались всем, у кого, по мнению получателей, были для этого основания. В пространные списки лиц, которым не доходят поминки, вносили крупных и мелких князей, избных и надворных, слуг избных и задворных, и служащих ханского двора, вплоть до писцов и поваров[139].

В 1516–1518 гг. великий князь Василий III пытался провести принцип службы великому князю как условие получения поминков из Москвы и по отношению к царевичам. Однако это нововведение натолкнулось на ожесточенное сопротивление крымского хана. Об этом убедительно свидетельствует эпизод с поминками для царевича Алпа. В 1516 г. он был лишен поминков, поскольку «нынеча... служил государя нашего недругу литовскому, стоал во Мстиславе, а на государя нашего украину, на смоленские места, рать свою посылал»[140]. Тем не менее, Мухаммед-Гирей силой взял для него поминки: хан по-прежнему считал необходимым сохранение наследственного принципа в их распределении. Со своей стороны, он пытался утвердить принцип наследования поминков, подобный зауморщине[141]. Мухаммед-Гирей настаивал на том, чтобы получать поминки, предназначенные его покойным родственникам. Устами пристава Бетюки он объявил, что поминки Махмуда и Кемелеша, умерших в отсутствие русских представителей, должны быть переданы ему. Аппак уговаривал посла подчиниться, приводя примеры К. Заболоцкого, В. Морозова, М. Тучкова: «...и ты бы царю не стоал ни за что, чего у тебя царь ни попросит добром, а сорома бы ти ни дождатися»[142].

---

[136] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 59–60. При этом крымские «слуги» Василия III били ему челом (Там же. № 30. С. 510. II.1518).

[137] Там же. С. 60; Там же. № 4. С. 75. IX.1509; № 16. С. 300. IV.1516.

[138] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 63. История. Т. 2. М., 1940. С. 45; Сб. РИО. Т. 95. № 27. С. 474. VIII.1517.

[139] Там же. С. 32, 34, 158, 298; Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай. С. 46.

[140] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 272.

[141] Зауморщина — имущество лица, умершего без наследников, на которое претендует государь. Ср.: Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 329.

[142] Сб. РИО. № 16. С. 275.

Распределение поминков и жалования между ханом, его семейством и его приближенными производилось согласно исстари существовавшей в Орде традиции. И в XVI в. ориентиром внешнеполитической и внутриполитической иерархии были ордынские времена, к которым в Крыму очень многие возводили свои корни. Так, князь Азика утверждал, что он происходит от Едигея, т. е. великого князя, на что крымский хан отвечал ему: «Темир-Кутлуем яз буду, а как отец твой был князь великий, ты буди, молвя, пожаловал и великим князем учинил». В соответствии с его положением он требовал и поминков себе: «изначала поминки хаживали царю два жеребья, а нам третий жеребий, а старцы твои и большие люди то ведают, а зде нам мера и место на Айдар-князем месте есмя. А поминки нам зде идут те ж, что Айдар-князю хаживали...»[143]. В Крымском ханстве существовали почти те же нормы распределения доходов, что и в империи Чингис-хана и Золотой Орды. По различным свидетельствам, 1/3 доходов с каждой завоеванной области поступала дому Берке, 1/3 — Чингис-хану, 1/3 — Чингис-хану и войску, или 2/5 — великому каану, 1/5 — Батыеву дому, 2/5 — войску. Таким образом, доля доходов, предназначенных для войска, колебалась от 1/3 до 2/5. В Крымском же ханстве она составляла 1/3 всех доходов[144].

На протяжении 70-х гг. XIV в. – 30-х гг. XV в. в русских княжеских грамотах происходила смена терминов, обозначавших финансовые и имущественные обязанности светской власти по отношению к Орде: место «свертков», согласно которым производилась разверстка «ордынской тягости», заняли «дефтери». Примечательно, что документы межкняжеских соглашений, касавшихся их обязательств по отношению к Орде, утратили русское наименование и получили заимствованное из тюркского — дефтери. Тем самым им придавалось такое же значение как «спискам» — дефтерям, поступавшим из Орды. В 1516 г., когда весьма остро стоял вопрос о размерах поминков в Крым, крымский хан упрекал Василия III за недостачу поминков: «иным ся достало, а иным ся недостало, а иным ся не послал, сказываешь, в дефтере у тебя не писано». Собственной властью Мухаммед-Гирей раздал своим слугам то, что им, по его мнению, следовало, и направил свой «дефтерь» в Москву: «а что есмя которые поминки у посла твоего... взимали и кому давали, и тех людей имена в сем дефтере писаны»[145]. С 1516 г. переводчики крымских дел стали отказываться от термина «дефтерь», заменяя его русским — «поминочные списки» или просто «списки»[146].

---

[143] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 312. IV.1516.

[144] *Тизенгаузен В. Т.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб., 1884. С. 73, 188. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа, пер. с кит., коммент. и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 68.

[145] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 298, 299. IV.1516.

[146] Сб. РИО. Т. 95, 21. С. 359. X.1516: просто списки — Там же. № 26. С. 470. VI.1517; № 28. С. 491. IX–X.1517.

Распределение поминков в Крыму носило наследственный характер[147]. Роль ханского богомольца от Баба-шиха унаследовал его сын Ази-Магмед ших-заде. Об этом считал нужным сообщить Василию III Мухаммед-Гирей, ставя его в известность об отправке Ази-Магмедом своего слуги Исень-Тюгеля с целью получения такого же жалования для сына, каким пользовался «отца моего пошлой богомолец Баба-ших». Заботился хан и о слуге нового богомольца[148]. О других наследниках, имевших якобы право на получение поминков, писал он и в ноябре 1516 г.: место князя Кипчака-Магмуда занял князь Изсмак, улана Кудояра — Исмаил, князя Ятлаир-Хуббы-хози — князь Аувка. О каждом из них хан просил Василия III: «...и ты б ему вперед посылал поминок свой без ущерба»[149]. Особенно подробно излагал он биографию князя Девлет-Бахты, сменившего барынского князя Агиша. Несмотря на его участие в походах Сигизмунда I на Русь, хан требовал, чтобы Василий III «нас для Девлет-Бахтыю князю мнение свое отложил, а жаловал бы еси его по старому»[150]. В 1516 г. Мухаммед-Гирей старательно подчеркивал, кто кому наследовал, начиная с членов Гиреева дома и кончая мелкими слугами. При этом в списке Мухаммед-Гирей выстроил слуг по рангу — «по месты»: «и которых хоти не стало будет, и мы теми месты детей их или братью их жалуем или кто их роду будет». Отправляя свой дефтерь, Мухаммед-Гирей требовал: «И после бы сего по местам без ущерба посылал бы еси».

Подобная ранговость, в том числе и в распределении поминков, характерна для всех средневековых обществ. Была присуща она и Золотой Орде[151]. Представления же Мухаммед-Гирея о том, какому «месту» соответствовал какой поминок, можно выяснить на основе того же ярлыка «о поминках» от 8 марта 1516 г.: «месту» царевича соответствовала «девять», «сорокью соболями почен», «месту» улана — шуба и однорядка (верхняя шерстяная одежда без подкладки), «месту» салтана из рода Гиреев (сыну Мухаммед-Гирея — Шаг-Гирею) — три поминка, князю Азике — девять, другим князьям — по два, сеиту — два[152]. В 1492 г. «жалование» князю Бурашу состояло из панциря, портища соболя и 100 белок[153]. Для некоторых «людей», «надобных» крымскому хану и сторонников Василия III — в том числе писцу и равным ему по рангу людям Мухаммед-Гирей требовал «легких» поминок[154].

Особое место занимал Аппак. Полученные защитником интересов Руси 7 поминков показались ему и Мухаммед-Гирею недостаточными[155].

---

[147] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай... С. 28–35, 47 и др.

[148] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 33. X.1508.

[149] Там же. № 22. С. 389. XI.1516.

[150] Там же. № 36. С. 639. III.1519.

[151] Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / Пер. с кит., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 68.

[152] Сб. РИО. Т. 95. № 16. С. 298. IV.1516.

[153] Сб. РИО. Т. 41. № 39. С. 179. I.1493.

[154] Сб. РИО. Т. 95. № 34. С. 616. I.1519.

[155] Там же. С. 311.

К. Заболоцкий давал по соболю тем, кто приносил шерть. Осталось 20 человек, которым не хватило соболей, и в 1512 г. Менгли-Гирей просил, чтобы таковым было прислано по сукну, чтобы они «от счета не остали». При этом передавалась и угроза этих двадцати человек: «А толко не пришлешь, и они молвять: “Шерть с нас доловь”»[156].

Поскольку поминки и жалование, распределенные уже в Москве, раздавались послами непосредственно крымцам, это реально давало в руки русских представителей довольно мощное дипломатическое оружие. Поэтому, с одной стороны, существовали так называемые раздававшиеся украдкой потайные поминки[157], с другой — раздача поминков, как правило, играла роль подкупа в тех или иных политических комбинациях. Н. И. Беклемишеву, послу в Крым в 1474 г., была дана инструкция: «и восхотят дати шерть (князья Эминек и Абдула), да захотят... от того поминков, а без поминка не захотят шерть дати. И Миките им молвить: осподарь мой, князь великий, поминков со мною о том не прислал, а коли дружбы для своее моему осподарю на том ярлыке шерть дадите, и яз вам от себя поминков дам, а вы шерть дадите»[158]. Великий князь соглашался лишь на то, чтобы дать им «за шерть» по сороку, в крайнем случае, по двум сорокам соболей. Но если Эминек и Абдула не согласятся и на это, то следовало их вообще оставить в покое[159].

И в дальнейшем великие князья определяли размеры поминков, посылаемых слугам хана. В 1516 г. Мухаммед-Гирей сделал попытку пересмотреть этот порядок и взять дело распределения поминков в свои руки. «А брат мой великий князь посылает моим людем поминки, а не ведает, кто у меня каков». Поэтому Мухаммед-Гирей требовал у посла И. Г. Мамонова, «чтоб ты мне тот поминочный список прочел, и хоти и послан худому, и яз тому не дам, а доброму дам; а брат мой князь великий и худым людем шлет, а доброму не пошлет». Мухаммед-Гирей объяснял свое требование тем, что люди, не получившие поминков от посла, «ему докучают», предполагая, что и им поминки посланы, но скрыты крымским ханом[160].

В борьбе за сохранение прежнего порядка раздачи поминков, независимого от крымского хана, Мамонову пришлось претерпеть немало мучений и «насильств». Однако порядок распределения поминков остался прежним. В наказе В. Шадрину, посланном с Бад-кулою Олферовым 21 июля 1517 г., особо оговаривалось, что посол должен раздавать поминки строго в соответствии со списком, скрепленным печатью казначея Юрия Дмитриевича Траханиота: «А почему вам царю и царевичам и царицам и князем поминки велети раздати, и тому вам послал список каначей наш Юрий Дмитриевичь за своею печатью»[161]. Восстановить полностью размеры и количество поминков представляется затруднительным. Однако материалы посольских книг содержат сведения о численности свиты крымского посла, что в какой-то мере свидетельствует о круге лиц, получавших поминки и жалование от великого князя всея Руси. Обычно состав свиты колебался от 30 до 40 человек. В Казань из Крыма в 1509 г. направилось 20 человек, содержание которых легло дополнительным грузом на население Руси[162]. Круг лиц, которым были адресованы поминки, как правило, стандартен. В 80–90-х гг. XV в. он включал самого хана, одну или двух его жен, калгу, царевичей, сеита, одного или двух уланов, пару князей, двух печатников.

---

[156] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 75. 26.III.1509.

[157] В 1500 г., когда прошел слух о болезни Менгли-Гирея, русскому послу в случае кончины хана было указано «потайные поминки схоронити, а девятные поминки поменяти». Сб. РИО. Т. 41. № 94. С. 311. IV.1500.

[158] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 3. III.1474.

[159] Там же. Т. 95. № 4. С. 75. 26.VII.1509.

[160] Сб. РИО. Т. 95. № 21. С. 359. X.1516.

Поминки

Имена	В июне 1486 г.	В августе 1486 г.
Менгли-Гирею	соболь черн.	корабелник
жене, «Едегереве дочери Зизувидове»	—	корабелник
двум женам	по корабелнику	—
Ямгурчею, калге, брату	соболь черн.	корабелник
Ахмат-Гирею и Махмет-Гирею царевичам	по золотому	золотой
Бурашу, «что на Азикином месте»	золотой	—
Довлетеку	золотой	золотой
Янкувату	золотой	золотой
Казыю, «что на Барынове месте»	золотой	золотой
Кирей-Сииту, тестю царя	золотой	золотой
Собак-дувану	золотой	золотой
Хозе-Асану, «гостю»	золотой	золотой
Бери улану	—	золотой
Хозяшу	—	золотой
Туйпару	—	золотой[163]

Примечателен состав даров: за исключением двух соболей Менгли-Гирею и его брату, калге Ямгчурчею, все остальные приближенные хана, в том числе и царевичи, и карачи, и «гость», т. е. ханский купец получили золотые (венгерские — «угорские» монеты), изредка корабленики — нобели (английские золотые монеты с изображением корабля). Очевидно, это определялось двумя обстоятельствами. Посланцы Ивана III отправлялись в Крым налегке (Шемердень в июне 1486 г. и Васильевские татары — Резяк и его брат Курман в августе того же года) и наскоро. Они не могли везти с собой серьезную поклажу, кроме того, их положение как гонцов не требовало бо́льших поминков, чем были отправлены. Изобилие же золотых (угорских) и корабленииков характеризует состояние казны Ивана III вскоре после присоединения Новгорода, откуда, возможно, по преувеличенным свидетельствам иностранцев, было вывезено 300 возов всякого имущества[164]. Одновременно крымский хан получил и некоторое количество мягкой рухляди: «шубу черева рысьи голу, шубу хребты белилны голу, шубу кунью голу»[165].

---

[161] Сб. РИО. Т. 95. № 26, 28. С. 470, 491. 21.VII и 30.XI.1517.

[162] Там же. № 4. С. 76. 12.X.1509.

[163] Сб. РИО. Т. 41. № 15. С. 54–56.

С промежутком в 10 лет сохранились росписи русских 1486 г. поминков и «литовских» 1496 г. даров. В 1496 г. в Литовском княжестве были собраны дары для Менгли-Гирея, которые должен был отвезти посол великого князя Александра Каспар Германович. Но в связи с упрочением русско-крымских отношений и временной бесперспективностью литовско-крымского союза подношения были переадресованы «царю заволжскому», послом к которому направили Александра Халецкого. Разумеется, дары выходили за традиционные рамки. Они были рассчитаны на возобновление союза Крыма с Великим княжеством Литовским, а потому несколько превосходили обычные. Во всяком случае, царю предназначались три девяти, в первом из которых было 3 шубы (соболья, кунья, и лисья, причем все три крытые аксамитом, лунским и фрелинским сукном), сорок соболей, 2 сорока куниц, еще 4 портища (куска, в списке бламы. — *А. Х.*) мехов, во втором — 9 поставов сукна, в третьем — 5 сукон лунских и 4 фрелинских[166]. Дары остальным членам ханского двора были значительно скромнее: калге Ямгурчею — кунья шуба под лунским сукном и два сукна — фрелинское и махальское, двум царицам — тоже по куньей шубе, лунскому и новогонскому сукну, другим двум — по фрелинскому и махальскому[167], двум старшим карачам — по крытой завыйковой шубе, фрелинскому и махальскому сукну, младшим — по лунскому и махальскому сукну и т. д. В целом, в Крым направлялось 9 «крытых» шуб (1 соболья, 4 куньих, 4 лисьих), сорок соболей, 3 сорока куниц, 9 поставов сукон («полустучков») и 40 сукон (по 11 лунских и махальских, 9 фрелинских и 2 новогонских)[168]. Однако приведенными цифрами отнюдь не исчерпывается весь объем даров из Великого княжества Литовского в орды и ханства. В 1501 г., в период ожесточенной и совершенно бесперспективной борьбы великого князя Александра за союз с Заволжской ордой, для отправки туда с крупнейших городов Великого княжества Литовского было собрано 12 сороков соболей, 6 поставов лунского сукна, 13 — махалского, 2 — новогонского и 44 трицких[169], т. е. значительно больше, нежели предназначалось в Крым в 1496 г. Еще больше даров отправлялось в Крым в XVI в.

---

[164] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М., 1988. С. 67.

[165] Сб. РИО. Т. 41. № 15.

[166] Для сравнения укажем, что от Богдана, волошского воеводы, Мухаммед-Гирею зимой 1517–1518 г. в качестве поминков были доставлены два коня и две шубы «с бархатом» (Сб. РИО. Т. 95. № 29. С. 504. II.1518).

[167] Царица Нур-салтан, если можно доверять ее словам, получала от Ивана III горностайную шубу с «венедицким» атласом или с «шамарханский» тафтой, «а любо добрых черных куниц шубу». Поэтому, обнаружив в поминках Мамонова в 1515 г. сорок серых соболей, шубу хребтов «белилных» (т. е. беличьих) и беличью же облячную шубу, в приложение к которым были даны два сукна, она гневно выговаривала Василию III за столь скромный, по ее мнению, дар: «Ино ты и плохому человеку столко своего жалования посылаешь, ино безлеп меня себе сестрою зовешь» (Сб. РИО. Т. 95. № 22. С. 39. XI.1516).

[168] АЗР. Т. 1. № 142. С. 165. 8.VIII.1496.

Возможно, под влиянием практики литовско-крымских отношений Менгли-Гирей в 1498 г. сделал попытку увеличить число лиц, получающих поминки. Он направил список, «сколько уланом и князем моим поминков не доходит». В нем значились 5 уланов и 5 князей, которым раньше поминки поступали, но потом их присылка прекратилась, и еще 3 князя, по-видимому, раньше не получавшие поминков, хотя среди последних назван князь Мусека, занявший место Тумпара, известного по дефтерю 1486 г. Среди лиц, не получавших поминки, упомянут и улан Мамыш, который бывал в Москве («знаешь ты его», — писал хан Ивану III)[170]. За 1486–1498 г. действительно, число слуг Менгли-Гирея увеличилось. Предчувствуя крах Большой Орды, в Крым со своих «юртов» начали перебираться наиболее дальновидные представители ордынской знати, в частности, Янкуват-мурза Мангит[171].

В начале XVI в. после увеличения состава приближенных крымского хана за счет выходцев из Орды в 1502 г. и за счет слуг Мухаммед-Гирея, пополнивших штат ханских слуг в 1515 г., крымская сторона упорно проводила курс на увеличение общего объема поминков. По настоянию Мухаммед-Гирея в подписании шерти в 1508 г. участвовали все его слуги, уланы, и князи, и ички, и «добрые дятки» — всего 40 человек (1 сеит — знатный человек, потомок Мухаммеда, 1 ших-заде, 8 улан, 8 князей, 6 мурз, 4 аталака, 1 казначей — дуван, 1 бакши (писец), 6 «богатырей», 1 печатник, 3 лица неуказанного статуса); всех их Мухаммед-Гирей называл, разумеется, в русском переводе, «чиновными головами»[172]. В особенности остро вопрос об увеличении поминков стоял в 1509 г. во время посольства Морозова. Поскольку К. Заболоцкий, его предшественник, вынужден был давать поминки по соболю тем, кто приносил шерть великому князю, на высокой норме поминков крымцы настаивали и в 1509 г.: «...И ты бы им прислал по сукну, чтобы они от счета не остали»[173].

В начале XVI в. порядок передачи поминков неоднократно нарушался. С послов К. Заболоцкого, а затем и В. Г. Морозова поминки брали силой. Хан неоднократно требовал казенного списка, а Ахмат царевич прислал своего казначея — дувана, который угрожал, «оцепивши ужищем», привести посла к своему господину. Достойный ответ посла, решительно протестовавшего против насильственных действий («...ужища ся, государь, твоего не блюдуся, а тово ми, государь, на давывати, и тово у меня нет; а блюдуся Бога, да государя своего великого князя да волнова человека царя»)[174], не спас положения. Посла не допустили на корнюш (или курмыш — ряд изб, поселок, порядок, одна сторона улицы[175]) к царевичам, а поминки все-таки взяли.

---

[169] АЗР. Т. 1. № 142. С. 343. 20.IX.1501.

[170] Сб. РИО. Т. 41. № 58. С. 267. VII–VIII.1498.

[171] Там же. № 27. С. 103. X.1490.

[172] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 33. X.1508. Многие термины не поддаются точному переводу, например, «ших-заде». Первая часть восходит к персидскому «шейх», вторая обозначает принадлежность к знатному роду. О других терминах см.: *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 127, 382.

[173] Там же. № 4. С. 75. IX.1509.

Кроме того, весьма существенной для определения размеров взимавшихся с Руси поминков была позиция Великого княжества Литовского. Отрицая суверенность русского государя, настаивая на его даннических отношениях ко всем ордам и ханствам, литовские господари стремились вернуть те времена, когда Русь платила именно дань — выход. 9 июля 1507 г. Сигизмунд I, обращаясь в прошлое, когда ярлыками золотоордынских ханов утверждались права литовских князей на бывшие древнерусские земли будущих Украины, Белоруссии и Западной Руси, писал: «а с того предъки наши и отец наш своими великими послы предъков твоих и отъца твоего впоминками навежал, а московский холоп ваш в кожъдый год выход давал, а в том ваш царский котел полон бывал». Как плату за возвращение русских городов, вошедших в состав Русского государства в результате войн 1487–1494 гг. и 1500–1503 гг., он обещал от себя «впоминки», «а от холопа твоего суполную (т. е. полную. — *А. Х.*) дань». «Тогды не толко нам, але и собе двое добрь вчинишь: от холопа своего выход сполна на кожъдый год будеш брати, а от нас, брата своего, впоминки и послы великие не мешканные будеш мети»[176].

В июле 1515 г. Мухаммед-Гирей в своем 19-м ярлыке — послании Василию III («о поминках людем его») известил об увеличении своего двора, упомянув четыре категории слуг: «Отца нашего все избные и надворные любовники и верные и добрые слуги все мои ся учинили, а опричь того еще старые мои избные и надворные добрые слуги, и уланы, и князи, и мурзы, да ещо опричь тех Ордынского юрта, да и Ногайского уланы, и князи, и мурзы, и добрые люди»[177]. К старым и новым избным и надворным слугам добавились выходцы из Ордынского и Ногайского «юртов». Хан отправил в Москву «слово» с перечислением 21 слуги своего отца, которым великий князь «иным поминки посылывал..., а иным таки не посылывал еси». В их числе 4 князя, 2 улана, 3 мурзы, 1 салтан, 1 ученый священник афыз, 1 ших, 1 сын князя, 2 сына писца, 1 паша и 6 лиц неопределенного статуса[178].

К вымогателям поминков присоединились и выходцы из Большой Орды. Достойных себе поминков требовал в 1516 г. брат царицы Нурсалтан, сын Темира, Асан-мурза. Он ссылался на прежнюю «роту» — правду отцов: «отца нашего Темиря князя твой отец Иван князь отцем себе его назвал, ... и другом и братом учинился», и на высокое положение при крымском хане: «и как в сю землю есмя пришли, и государь парь меня пожаловал — зятем и холопом себе учинил»[179]. Мухаммед-Гирей в 1515 г. не удовлетворился тем, что причислил к лицам, которым полагаются поминки, собственных слуг, но подчеркивал, что и у его сына — Богатыря-Гирея имеются «5 человек, которые твоему делу пригожи»[180].

---

[174] Сб. РИО. Т. 95. С. 82–83. 12.IX.1509.

[175] Даль. Т. III. С. 223.

[176] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 84.

[177] Там же. С. 70.

[178] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 161–162. VII.1515. О термине афыз (абыс) см.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893. Стб., 629.

С середины второго десятилетия XVI в. резко усилилось давление Великого княжества Литовского на политику Крымского ханства, в том числе экономическое. Поток поминков оттуда определял позицию Крымского ханства. В 1517 г. крымский хан заявлял: «...князь ли великий, король ли — кто меня боле почтит, того яз боле и дело стану делати»[181]. За два года до этого от короля польского и великого князя литовского хан получил, по словам князя Аппака, 500 поставов сукна и 30 тысяч золотых, а кроме того, запросы[182]. Аппак настаивал на том, чтобы великий князь присылал в Крым столько же, сколько литовский князь, обещая: «царь великому князю будет друг и брат и от литовского царь отстанет»[183].

Илье Челищеву же вменялось в обязанность передать и внушить Мухаммед-Гирею, что с послом Мамоновым было послано «столко, сколко от отца от государя нашего и от нас к отцу его и к нему поминков не бывало»[184]. Сравнение со сведениями 80-х гг. XV в. подтверждает это заявление: поминки, доставленные послом О. Андреевым летом 1518 г., превосходили все, что было отправлено в 1486 г. (серебряный ковш, рыбий зуб, сорок соболей, 300 горностаев, черная лисица)[185].

Получением недостаточного количества поминков — «не по своей мысли» — Богатырь-салтан в 1516 г. объяснял нападения на русские украины. На самом же деле причины похода были иными: Сигизмунд прислал царевичу «многие куны», да тем ему «уноровил»[186]. Царевич Алп, совершив набег на Великое княжество Литовское, требовал незамедлительно поминков «без ущерба»; при этом он равнялся на тех, кто «королевою саблею сек», и кому за это последовали поминки из Литовского княжества[187]. Князь Аппак в число лиц, которые Василию III «холопство свое чинят», занес и нескольких князей (улана Девлета, мурзу Мемеша Ширина, князей Ебелека, Ибрагима, конюшего Елюку) и требовал, чтобы великий князь «не грешал их поминки своими» за то, что они «и в естве и питье твое слово говорят, а недруга твоего королево слово назад отметывают»[188]. Летом 1518 г. Мухаммед-Гирей в своих требованиях от Василия III такого же количества поминков, как и от литовского князя («больших поминков»), перешел к угрозам нападения на Русь[189]. Царевичи же в 1519 г. спешили сообщить Василию III о количестве своих слуг: Богатырь — 8 слуг и 6 «надобных людей», Алп — 10 слуг-уланов[190].

---

[179] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 312.

[180] Там же. № 10. С. 151. 3.VIII.1515.

[181] Там же. № 21. С. 358.

[182] Там же. С. 367, 379. В 1518 г. Аппак характеризовал поступления короля как «золотые», девятные поминки и запросы (Там же. № 30. С. 519. VIII.1518).

[183] Там же. С. 372.

[184] Там же. № 23. С. 424. XI.1517.

[185] Там же. №. 31. С. 542. VIII.1518.

[186] Там же. № 22. С. 397, 399. XI.1518; Ср.: № 30. С. 521. VIII.1518.

[187] Там же. № 29. С. 506. II.1518.

На протяжении изучаемого пятидесятилетия поминки претерпели весьма значительную эволюцию. Хотя в основном их структура (девять — хану, калажские поминки — калге, просто поминки — ханскому двору) осталась неизменной, последняя составная часть превратилась в «жалование» великого князя своим крымским «слугам» и «холопям». Таким образом, социальная значимость этой части поминков изменилась. Что касается их распределения, то оно в целом осталось неизменным — таким, каким было во времена Орды. Борьба русской стороны за утверждение принципа службы как условия выдачи поминков, причем не только «слугам», но и представителям ханского дома Гиреев, наталкивалась на упорное сопротивление крымского хана. Если принцип «службы» удалось утвердить в отношениях с подданными хана, то в отношениях с царевичами это не получилось.

В течение конца XV – начала XVI вв. общие размеры поминков заметно увеличились в связи с расширением состава ханского двора после перехода части ордынской знати на службу в Крым, с одной стороны, и политики Литвы и Польши в борьбе за сохранение русских земель в составе Литовского княжества, не скупившейся на раздачу поминков Крыму, с другой.

Нельзя не отметить влияния русско-крымских экономических отношений на внутриполитическое положение. О роли казны, как главного органа, ведавшего русско-крымскими связями, в посольских книгах говорилось часто. Здесь хранились родословные списки крымской знати, в соответствии с которыми в Крым направлялись поминки, здесь изготовлялись те «списки казенные», по которым дары и раздавали. Трудно сказать, насколько казна была самостоятельной в определении размера поминок и числа лиц, которые выступали их получателями. Можно, однако, предположить, что проводившаяся при Ю. Д. Траханиоте (Юрии Малом) политика максимальной экономии поминков, жалобы на которую поступали в Москву из Крыма уже с середины второго десятилетия XVI в., потерпела крах в 1521 г. «Крымский смерч» привел к весьма значительным последствиям и в кадровом составе казны. А. А. Зимин видит причины смены казначея и падения Юрия Малого Траханиота в неудаче его проекта женить Василия III на своей дочери. Возможно, некоторую роль в отказе великого князя от этой невесты сыграла и неудача ее отца в сфере финансовых отношений с Крымским ханством.

---

[188] Сб. РИО. Т. 95. № 30. С. 525. VIII.1518.

[189] Там же. № 30. С. 520. VIII.1518; № 36. С. 641. III.1519.

[190] Там же. № 36. С. 641–642. III.1519.

§ 3. Запросы

Медленность процесса изживания экономической зависимости наглядно обнаруживается в сохранении так называемых «запросов»[191]. Г. Е. Кочин определяет запрос как экстренную подать[192], И. И. Срезневский — просто как особую подать[193], Г. П. Смолицкая — как «разовый побор для подношения и подарков, представляемых кому-либо по просьбе, требованию»[194]. Все вышеприведенные определения ограничиваются сферой внутренней жизни Руси; запрос — заказанное заранее подношение.

В крымских посольских делах этим термином характеризуется та часть поминков, которая первоначально не входила в состав обычных, а в XVI в. слилась с ними, превратившись, так сказать, в «заказанные поминки».

Практика запросов восходит ко временам ордынской зависимости. В многочисленных ярлыках золотоордынских ханов русскому духовенству запросы упоминаются довольно часто; в иерархии поборов, возлагавшихся на русское население в XIV в., запрос занимал одно из последних мест, будучи почти приравнен к дарам, почестью. Однако в самом раннем ярлыке Менгу-Темира 1267 г. данный термин еще отсутствует — есть только описательное выражение «кто чего ни попросить». Он появляется лишь в более поздних ярлыках[195]. В летописях он упоминается в 1339 г. в связи с требованием Ивана Даниловича Калиты «другого выхода» от новгородцев после получения первого: «аще дадите ми запрос царев, что у меня царь запросил»[196]. В летописных текстах, касавшихся новгородско-московских отношений 1339 г., выход как бы приравнивался к запросу.

Однако в Рогожском и Владимирском летописцах в тексте, помещенном под 1357 г., картина иная. Летописи содержат весьма краткое сообщение: пришел «посол из Орды от царя именем Иткара по запрос всем княземь русским»[197]. В данном случае «запрос» не связывается с выходом, а как бы заменяет его.

Запросы как экстраординарный побор — обычное явление в русско-ордынских отношениях XIII–XV вв., один из наиболее прочных пережитков времен ордынской зависимости. Сохранился он и в русско-крымских отношениях конца XV – начала XVI вв.

---

[191] Запрос — колтка (*Самойлович А. Н.* Тийишь (тишь). С. 1278). По мнению С. Ф. Файзова, «запросные поминки — привезенные для выдачи сверх регламентированной нормы, но с учетом заранее объявленного крымцами запроса» (*Файзов С. Ф.* Поминки-«тыш»... С. 51).

[192] *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1987; Близко к этому определение А. А. Зимина: экстраординарный побор (ПРП. Вып. III. С. 501).

[193] *Срезневский И. И.* Материалы... Т. 1. М., 1958. Стб. 939.

[194] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 280.

[195] ПРП, Вып. 3. С. 456–470.

[196] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 117; Т. 26. М.—Л., 1959. С. 172; Т. 27. М.—Л., 1962. С. 64; Т. 28. М.—Л., 1963. С. 69; Т. 33. Л., 1977. С. 81.

[197] ПСРЛ. Т. XV. Ч. 1. С. 66; Т. 30. С. 113. Во Владимирском летописце «посол из Орды на запрос князем всем русским».

Сам термин активно бытовал лишь в последней четверти XV в. — первом периоде русско-крымских отношений. Менгли-Гирей и его приближенные, направляя своих послов и ходатаев, точно называли качество и количество просимого, определяя его как свой запрос.

Запросы направлял в Крым и Иван III. В. Ромодановский от его имени должен был просить «лал велик да красен», как «толко Минли-Гирей хлеб свой возмет, а рати на него не будет», т. е. не вполне рассчитывая на успешное удовлетворение просьбы, Иван III требует от посла, чтобы тот дожидался благоприятного стечения обстоятельств[198].

В начале XVI в. термин «запрос», живо напоминавший о временах ордынской зависимости, исчез из посольских книг, вместо него появляется термин «приказ». В марте 1501 г. в ответе Ивана III Менгли-Гирею читаем: «Приказывал еси ко мне о платие о соболье и о горностайном и о рысьем»[199] или говорится просто о «поминках» без уточнений их особенностей[200].

В январе 1519 г. Мухаммед-Гирей прислал очередной дефтерь, содержавший имена тех лиц, которым, по терминологии того времени, не «доходило» поминков. В предшествующее время подобный список зачислялся по разряду просто «поминков». Люди же, ведавшие переводом крымских грамот и перепиской их в книги, в том числе, вероятно, и Федор Карпов, охарактеризовали этот дефтерь как запись, первую запись о «запросе»[201]. Таким образом, представления русских относительно «запроса» изменились. Всякое увеличение поминков казалось им отныне запросом. Термин этот, временно исчезнувший в первом и начале второго десятилетия XVI в., возродился в 1519 г. вместе с новыми притязаниями крымского хана.

За эволюцией терминов скрывался долгий и трудный процесс изживания пережитков ордынского ига, темп и ритм которого зависел от конкретного соотношения сил государств — «союзников», партнеров, конкурентов и противников.

С помощью запросов покрывались самые разнообразные потребности крымских ханов и знати. Им в первую очередь требовались предметы вооружения, особенно защитные доспехи — панцыри и шлемы. Их просили сам хан[202] и его царевичи, просили настойчиво, иногда с точным указанием качества. В 1489 г. Менгли-Гирей получил панцирь и шлем, а Ямгурчей — панцирь. Царевич получал панцирь и в 1490 г.[203], и в 1491 г. (на этот раз он был послан с его человеком, Курденичем, уехавшим в Крым вместе с послом Грибцом Ивановичем Клементьевым)[204]. В 1492 г. панцыри были отправлены царевичам Мухаммед-Гирею, князю Бурнашу, князю Барашу, сыну Эминека[205]. На следующий год Менгли-Гирей просил для своего слуги Карача и панцырь, и шлем, и саблю[206]. После смерти Айдара его брат Менгли-Гирей требовал вернуть не только панцырь покойного, но и в 1491 г. добавить к нему «добрый шолом»[207]. В 1493 г. Мухаммед-Гирей выразил желание получить в качестве запроса «мелкий доспех»[208]. В том же году Менгли-Гирей вновь просил панцырь[209]; в 1498 г. ему понадобился «легкой панцырь»[210], в 1504 г. — «краковский, немецкий панцырь», «какой был у Нурдовлата»[211], а в 1508 г. — легкий панцырь, «а стрела бы его не иняла»[212].

---

[198] Сб. РИО. Т. 41. № 30. С. 117. VI.1491.

[199] Сб. РИО. Т. 41. № 70. С. 341.

[200] Там же. Т. 95. С. 384, 445, 459, 524, 614.

[201] Там же. № 36. С. 636.

[202] Там же. Т. 41. № 21. С. 79, 80. IX.1489.

[203] Там же. № 27. С. 103. X.1490.

[204] Там же. № 32. С. 122. IX.1491; № 34. С. 143. IX.1492.

Постоянным предметом «запроса» были также меха и меховые изделия. Летом 1486 г. Менгли-Гирей желал иметь 3 портиша рысьих черев и 5 черных соболей, 3 куньи шубы, 3 тысячи белки «деланой»[213]. Караче, оставшемуся без сабли, шлема и панцыря, потребовалась в 1491 г. и «шуба соболья, на верх камка голуба была»[214], а Менгли-Гирею — 3 портища соболей[215], 10 соболей одинцов[216]. Особый заказ на 60 соболей Менгли-Гирей отправил в марте 1492 г., а вслед за ним, в июне, на два сорока добрых соболей, в октябре — на черных лисиц и соболей («запрос мой стоит: черных бы лисиц горла добывши, прислал еси; а не добудешь, и ты бы черных лисиц с двадцать ли с тридцать ли прислал еси с тем с моим паробком Касымом»[217], «добрые соболи, пригожие портища два–три от добрых соболей, черных лисиц горла»). Последнюю просьбу Менгли-Гирей повторил и в октябре 1493 г.[218] Ассортимент запрашиваемых мехов расширялся: в 1494 г. крымскому хану потребовались «черева рысьи, 6 рысей браных», снова 2 портища соболей, и 3–4 «одинцов» соболей[219]. Кроме того, он просил прислать в поминки 2 шубы собольи, 2 шубы куньи, 2 — горностаевых, 5 белых хребтовых, 6 — бельих черевов, а в 1498 г. ему понадобилось «2 сорока соболей с ноготки, 5–6 одинцов черных соболей с хвосты»[220]. По приказу Менгли-Гирея весной 1501 г. ему было отправлено 3 сорока соболей, пятьсот горностаев, шуба кунья «гола», две шубы «хрепты белилны голы», две шубы «черева белилны голы» да 10 шкур рыси[221]. Запрос 1504 г. включал «одну черных соболей шубу голу, самому носити ми, да два соболя черных в поминки послати, да сорок соболей добрых черных, да зиме носити шубу горлатну добру до одну горностаеву шубу, да три шубы бельи добры хребтовы с тем бы еси бояриным тот запрос весь прислал, а не убавил ничего»[222]. Ахмет-Гирей утверждал в 1509 г., что раньше он получал «по портищу по соболью запроса»[223]. Ахмет-паша, Кулюков сын, просил для своей жены, племянницы хана, «хребтовую шубу»[224]. Наконец, Довлетек-мурза был озабочен устройством свадьбы, «на пособь» которой великий князь тоже должен был что-нибудь прислать[225].

---

[205] Сб. РИО. Т. 41. № 34, 39. С. 143, 144, 179. III.1492, I.1493.

[206] Там же. № 28. С. 106. IV.1491.

[207] Там же. № 32. С. 124. IX.1491.

[208] Там же. № 39. С. 178. I.1493.

[209] Там же. № 43. С. 197. X.1493.

[210] Там же. № 58. С. 267. VII–VIII.1498.

[211] «Один пансырь легок, крепок, чтобы его стрела не яла, немецкой краковской; а нечто такова не добудешь пансыря русского, ино брата моего болшего царев панцыръ, кой к тебе после его принесли, а тот пансырь яз же брату своему послал, знаю его, тот пансырь ко мне пришли, знаю его» (Там же. № 97. С. 517. VIII.1504).

[212] Там же. Т. 95. № 2. С. 25. X.1508.

[213] Там же. Т. 41. № 15. С. 5–56. VIII.1486.

[214] Там же. № 28. С. 106. IV.1491.

[215] Там же. № 28. С. 106, 124. 1489, 1491.

[216] Там же. № 29, 32. С. 111, 123. V.1491. Портище — шкурки, сшитые в кусок, возможно, в виде палантина (ср.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 130–131). Одинец — шкурка высшего качества (Там же. Вып. 12. М., 1987. С. 279).

[217] Там же. № 35, 37. С. 151, 168.

[218] Там же. № 39, 43. С. 173, 197.

[219] Там же. № 46. С. 211. I.1494.

Поскольку соколиная охота в Крыму, как и в других государствах средневековья, была любимым занятием тамошней знати («князья и главнейшие мурзы выезжают верхом и с почетной свитой, где все вооружены луками и стрелами, с борзыми собаками и соколами, так как татарское дворянство очень любит охотиться»[226]), то постоянной темой запросов хана были и ловчие птицы: в 1489 и 1491 г. — 5 кречетов и 10 кречетов[227] (еще один был послан Мухаммед-Гирею), в 1492 г. — кречеты, в 1493 г. — «ловца бы белого кречета, два кречета ловцов от птиць да от белово ястреба», в октябре того же года — «красной кречет, кое лебеди ловит», в 1494 г. — 4–5 кречетов, в 1498 г. — кречет ловчий или белый ястреб и еще «6 кречетов: один бы лебеди ловил да два высокие соколы и с сокольником прислал бы еси, наших бы соколников научив, поехал»[228]. В 1503 г. Иван III отправил крымскому хану красного кречета в «запрос»[229]. Перевоз и содержание ловчих птиц были сложным делом как на Руси[230], так и в Крыму. Как правило, их сопровождали сокольники либо крымского хана, либо великокняжеские. Особенно часто ездил в Москву сокольник Шавал, при этом Менгли-Гирей просил принять его должным образом: «и конем его корм, а ему ести жалование твое будет». Мало того, что сокольник и его кони во время пребывания в Русском государстве переходили на содержание русских, Менгли-Гирей просил снарядить его в дорогу: «давши судно, на Азов отпустишь, Шавалу корм давши»[231]. В 1508 г. Менгли-Гирей хотел получить в качестве запроса двух-трех кречетов («одного белого, что ловит лебедей, одного серого “дикомыта”, одного высокого) и белого ястреба»[232]. В июле 1515 г. Мухаммед-Гирей требовал у Василия III, чтобы ему был прислан «кречет, узорочье с рукавицы» самого великого князя и один белый ястреб. Кроме того, он ждал и «три девять кречетов молодиков» для раздачи поминков другим государям. Всех их должны были привезти великокняжеские сокольники[233].

---

[220] Сб. РИО. Т. 41. № 58. С. 267. VII–VIII.1498.

[221] Там же. № 70. С. 341. III.1501.

[222] Там же. № 97. С. 517. VIII.1504.

[223] Там же. Т. 95. № 4. С. 75. IX.1509.

[224] Там же. Т. 41. № 34. С. 614. I.1519.

[225] Там же. Т. 41. № 22. С. 80. 1489.

[226] Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч. 1634 г. / Пер. Н. Н. Пименова. Изд. с прим. А. Л. Бертье-Делагарди // ЗООИД. Т. XXIV. С. 114; *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 16.

[227] Сб. РИО. Т. 41. № 21, 28, 32. С. 79, 106, 124; № 34. С. 138, 149. 1489, 1491.

[228] Там же. № 43, 48, 58, 59. С. 197, 220, 278, 267. X.1493, 1495, 1498, VII–VIII.1498.

[229] Там же. № 93. С. 502. 1503.

[230] АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 363. С. 266. 1467–1474.

Подобные поручения несколько напоминали времена ордынской зависимости, когда все приезжавшие на Русь в любом качестве представители ордынской администрации или частные лица поступали на содержание русских. Изменилась лишь форма: вместо обязанности населения поставлять корм и еду Менгли-Гирей просил о «жаловании» великого князя. Впрочем, сокольники и ловчие и во времена ордынской зависимости принадлежали к привилегированному населению. Они, как и духовные лица, были освобождены от повинностей в пользу ханов[234], хотя некоторые из них в конце XV в. являлись холопами[235].

Среди предметов запроса встречается «рыбий зуб», т. е. моржовые клыки[236]. В запросах Менгли-Гирея они упоминаются весьма часто: в 1491 г. хан просил прислать 3 рыбьих зуба, в 1493 г. — добрый рыбий зуб, в 1494 г. — 4–5 рыбьих зуба, в 1498 г. — 5–6 добрых рыбьих зубов. в 1504 г. — 3 рыбьих зуба[237]. Изредка запрашивал Менгли-Гирей и ювелирные изделия: «в два ведра доброво дела серебряны чары да наливки серебряны»[238] — обязательные атрибуты не только каждого мусульманского праздника, но и акта присяги[239], в 1498 г. — «кубок великий»[240].

Назначение некоторых просьб остается неясным. В 1493 г. крымский хан просил прислать бересту («берест»), причем просьба высказана в контексте сообщения о строительстве города: «Город есми нарядил двадцать с тысячь стрел будет, да тридцать кантарей берест с тем Шавалом пришлешь будеш»[241]. Не исключено, что береста в ханстве использовалась, как и в Орде[242], в качестве материала для письма, в первую очередь, оформления финансовых обязательств зависимого населения. Нередки, особенно во втором десятилетии XVI в., и запросы на трубы, «медяные добрые» или «добрые в ножнах»[243]. Военные музыканты — «трубники» встречали крымских представителей и в Москве[244].

---

[231] АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 39. С. 175. I.1493. Крымский хан неоднократно просил, чтобы кони его слуг, пребывающих или путешествующих на Руси, кормились и поились за счет великого князя, однако в Кафе с сопровождения русского посла Михаила Плещеева «с их коней пасеб взяли», то есть плату за пользование пастбищами (Сб. РИО. Т. 41. № 62. С. 291).

[232] Там же. Т. 95. № 2. С. 25. X.1508.

[233] Там же. Т. 95. № 10. С. 155–156. VII.1515.

[234] *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // УЗЛГУ. № 407. Вып. 23. Востоковедение. Вып. 7. Л., 1980. С. 163.

[235] АСЭИ. Т. I. № 499. С. 377. До 22.VIII.1482 г.

[236] *Самойлович А. Н.* Тийишь (тишь) и др. термины крымско-татарских ярлыков // Изв. Российской АН, 1917. С. 1277–1278; *Веселовский Н. И.* О турецко-татарском слове *тыш* («зуб») в дипломатических документах // ЖМНП. IV.1915. Ч. VI. С. 328–331; *Abrahamowicz Z.* The Expression «Fish-tooth» and «Lion-tooth» in Turkish and Persian // Folia orientalia. T. XII. Kraków, 1970. S. 25–32.

[237] Сб. РИО. Т. 41. № 32, 35, 43, 48, 58, 97. С. 124, 151, 197, 220, 260, 517.

[238] Там же. № 48. С. 220. 1495.

[239] *Иомудский Н. Н.* Присяга у закаспийских туркмен // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. С. 220–222.

[240] Сб. РИО. Т. 41. № 58. С. 267. VII–VIII.1498.

Иногда в Москву прибывали запросы на лошадей. Так, Абдул-Латифу в начале 1492 г. Иван III послал «лошадь иноходу в седле»[245]. Сын князя Аппака Тахталдый просил его пожаловать «челобитье мое то... лошадь русскую мне дал, которая бы борза, да и рожаем пригожа, а и ездом бы была добра, чтобы яз межи другов и недругов хвалился, что меня государь пожаловал князь великий»[246]. Должно быть русские кони уже могли конкурировать с теми, на которых так молниеносно совершали свои набеги крымцы.

Значительная часть запросов Менгли-Гирея была адресована османскому султану. В 1491 г. он просил белого кречета и шубу горлатную («о черных горлах»), а доброму человеку — тезику Махмету — 10 кречетов[247]. Для него царица Нурсалтан просила у Мухаммед-Эмина из Казани «кречета, портище черных соболей, рыбьего зубу и ролдуг (“ролдуга” — ровдуга — “замша из оленьей кожи”). В сей земле чего нет, и я у великого князя да у тебя прошу»[248], — писала она.

Размеры запросов для отправки в Османский султанат увеличились при Мухаммед-Гирее: в 1516 г. он просил «соболей портище, да рыбей зуб, да кречет, да от горнастаев, да от соболей, и от всего того, которые б к поминком пригоже»[249]. На будущий, 1517 г., хан для той же цели просил: «9 кречетов, 9 портищ соболей, третью девять горностаев, рыбья зубу»[250]. При этом хан ставил условия: первое — о качестве поминков: «да те тридевять поминков запросных чтоб было узорочье...», второе — о способе их передачи: «соболи бы и горностаи и рыбьи зубы о потай мне подавали»[251]. В 1516 г. Аппак просил для Саадат-Гирея, который «стоит в Турского земле», шубу черных соболей. «Тевризскому князю» Егупу предназначались 5 кречетов, 3 портища соболей и 3 рыбья зуба[252].

---

[241] Сб. РИО. Т. 41. № 39. С. 175. I.1493.

[242] *Хорошкевич А. Л.* Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 69–73.

[243] Сб. РИО. Т. 95. № 2, 10. С. 26, 164.

[244] Там же. № 6. С. 95. 1515.

[245] Там же. № 34. С. 143. III.1492.

[246] Там же. № 36. С. 657. III.1519.

[247] Там же. Т. 41. № 42. С. 121. 16.XI.1491. Ср.: с. 168, 173 и др.; *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. Стб. 1294.

[248] Там же. № 28. С. 109. 25.IV.1491. О термине «ролдуга» см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Т. III. М., 1987. С. 488.

[249] Там же. Т. 95. № 22. С. 384. XI.1516.

[250] Там же. № 25, 26. С. 445, 459. V, VI.1517.

[251] Там же. № 16. С. 312.

[252] Там же. № 16. С. 312. IV.1516.

Часть запросов крымского хана направлялась в Египет. В 1491 г., отправив «мисюрскому салтану» дары, Менгли-Гирей снова просил для него «пригожих поминков от соболя, от рыбьих зубов»[253]. В 1508 г. салтан Хаджи-Гирей, брат Менгли-Гирея, запрашивал у Василия III рысью шубу специально для отправки в Египет[254].

Особенно много поминков потребовалось Мухаммед-Гирею, когда он занял отцовское место: «от арапов и от азямов, и от мисюри, и от Царягорода отовселе к нам от государей добрые люди на государство здоровати идут»[255]. Вот им-то на поминки и предназначал Мухаммед-Гирей «три девять» кречетов. Запрос этот, нужно сказать, намного превосходил все предшествующие, касавшиеся ловчих птиц. Видно, Мухаммед-Гирей не хотел сознавать, что времена ордынской зависимости для Руси давно уже миновали.

Запросы предметов роскоши, как правило, приурочивались к торжественным семейным событиям крымских ханов — их собственным свадьбам и свадьбам их многочисленных сыновей и внуков, а также приближенных к хану лиц, восшествию на «престол». В связи с последним Мухаммед-Гирей просил: «добру чару серебряну да и наливку серебряну, да ковш серебрян», «чтобы мне, как пригоже из чего перед уланы и перед князями пити»[256]. Менгли-Гирей передал серебряную чару с серебряным черпальцем, присланную ему Иваном III, сыну султана Баязида Шахзаде. Поэтому в 1508 г. он обратился к Василию III с просьбой о присылке аналогичных предметов: «серебряну чару, в которую бы два ведра вмещались, да и с черпальцем серебряным», а также два ковша[257].

Наряду с ханами о своих запросах писали и крымские царицы, заботясь прежде всего о тканях для одежды: Нурсалтан в 1489 г., в 1491 г., в марте 1492 г. просила «камку белоголубу», в 1492 г. одна из царевен к ней присоединилась, сетуя, что ей «на себя положитя платна нету»; тем не менее, чтоб ее «поклон не был сух», прислала камку с золотом[258]. Прекрасно разбиравшаяся в русских мехах царица Нурсалтан в 1491 г. забраковала два черных соболя, присланных ей «на окол к шапке» («те осисты пришли») и заказала «двух соболей ниже тех шерстью, а черны бы были», и белок на шубу[259]. Царица Ханыке в августе 1518 г. просила у великой княгини «шубу черевну черных лисиц»[260].

По случаю свадьбы сына Мухаммед-Гирей просил у Василия III в 1508 г. четыре шубы: «шубу камка ала на соболех, шубу бархат з золотом на горносталех, шубу кунью, шубу хребты белилны»[261]. В 1515 г. Василий III пытался отделаться «легкими» поминками, однако присылка двух сороков соболей вместо «добрых шуб и доброго товару» к свадьбе Мухаммед-Гирея с султанской дочерью вызвала ярость хана и его наследника. Послу Менгли-Гирей выговаривал: «Дружба так ли живет, обеих нас во гневу учинил»[262].

---

[253] Сб. РИО. Т. 41. № 28. С. 106, 107. 25.IV.1491.

[254] Там же. Т. 95. № 2. С. 31. Х.1508.

[255] Там же. Т. 95. № 10. С. 155. VIII.1515.

[256] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 155.

[257] Там же. № 2. С. 25. Х.1508.

[258] Там же. № 22, 30, 39, 80, 117, 179.

[259] Там же. № 28. С. 108. 25.IV.1491.

[260] Там же. Т. 95. № 30. С. 524. VIII.1518; Там же. № 34. С. 614. I.1519.

[261] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 32. Х.1508.

Иногда запросы не переписывались в книгу, что, например, имело место в 1502 г.: «А дети Менгли-Гиреевы царевы, Махмет-Кирей да Ахмат-Кирей, да Махмет, и брат царев Емгурчей писали ярлыки о запросех; и те ярлыки в книге не писаны, а отданы те ярлыки все Абляз бакшею вместе со царевыми ярлыки»[263].

Представляется невозможным определить денежный эквивалент включавшихся в запросы ценностей: к сожалению, известны цены лишь отдельных предметов, отправляемых крымцам из Русского государства. Так, при конфликте из-за поминков во время посольства К. Заболоцкого 1492 г. у русской стороны были отобраны шубы и соболя, оценившей четыре «белилны» шубы в 17 руб., а соболей — в 20. По мнению Менгли-Гирея, соболь был «худ» и больше чем на 12–13 руб. сорок не тянул[264]. Обычный панцырь стоил 7 руб., а седло — 3 руб.[265] К запросу может быть приравнено требование вместо 9 560 грошей, которые занял — «позычил» — литовский посол Петр Фурсович, снарядить ханского купца Карача — сначала проводить его до Киева «на возу», а затем до «нашого места» Елям-Кермена в «чолне» с гребцами[266]. Царица Нурсалтан просила денег, чтобы уплатить долг, сделанный во время сборов Абдул-Латифа на Русь[267]. Ямгурчей в 1493 г., вероятно, сверх поминков просил денег «на харч»[268], а Менгли-Гирей — 70 тыс. денег на строительство храма[269]. Всех превзошел царевич Ахмат — в ожидании больших послов и «дворян» от османского султана он потребовал золотой ковш, золотое блюдо, золотую мушерву: «С тобою есмя одна душа, и брат у брата чего не просит»[270]. В июне 1492 г. Менгли-Гирей просил передать его «паробку» Койняку

---

[262] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 166–167. VII.1515.

[263] Там же. № 83. С. 422. VI, VII.1502.

[264] Там же. Т. 41. № 49. С. 22. 1496; № 56. С. 254. 1498. Приблизительно те же цены (11, 12, 15, 18 руб.) за сорок указывал и представитель магистра Тевтонского ордена Д. Шенберг на 1517–1518 гг.; *Потин В. М.* Малоизвестный иностранный источник о монетах, ценах и мерах в России начала XVI века // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Сб. ст. Л., 1977. С. 206.

[265] Там же. № 64. С. 310. IV.1500.

[266] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 78, 26.

[267] Сб. РИО. Т. 41. № 39. С. 177. I.1493.

[268] Там же.

[269] Там же. № 58. С. 268. VII–VIII.1498. На строительство днепровских крепостей деньги поступали не только из русских земель, но из того самого Великого княжества Литовского, против которого их мощь была обращена.

[270] Там же. Т. 95. № 16. С. 305. 1516. Мушерва — вероятно, от тюркского слова «мушаббак», обозначавшего серебряный сосуд и вышивку золотом и серебром (*Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1911. Стб. 2209). В данном случае более уместно второе значение, соответствующее русскому термину «вошва».

10 золотых[271)], правда, эти золотые были предназначены «на пошлины», какие — неясно[272)].

С денежным запросом Мухаммед-Гирей неоднократно обращался к Василию III. Свои материальные трудности в начале 1519 г. он объяснял помимо прочего расходами на слуг, которые достигли 30 тыс. алтын московскими деньгами. Хан не был уверен в согласии Василия III расплачиваться за его долги, а посему просил, «то наше прошенье о том запросе примешь ли, не примешь ли... и ты бы о том нам грамотою своею ведомо учинил»[273)]. В 1515 г., объявив, что Менгли-Гирей «истощил» свою казну и ничего не оставил наследнику, новый крымский хан просил «казны поболе» прислать[274)].

Запросы — пережиток некоторой неравноправности отношений с Крымом характерен и для взаимосвязей Великого княжества Литовского с Крымским ханством. Оттуда в Литву, также как и в Русское государство, направлялись «заявки» на самые различные предметы быта, деньги. Так, Мухаммед-Гирей, готовясь к свадьбе, просил Александра Литовского прислать «на страву тую свадбу подъняти». Для той же свадьбы Менгли-Гирей требовал три шубы («черных соболей», «рысьих брюшек», «горностайную»), а на покрытие их («поволоку») — «аксамиту доброго на золоте чечерского и доброго сукна фрязского и чечерского». Кроме того, на организацию («на обиход») этой свадьбы ему требовалось 10 тыс. грошей[275)].

Бесконечный поток запросов обрушился на Василия III в 1519 г.[276)] По-видимому, Василий III не спешил удовлетворять претензии крымского хана. Вероятно, отказы в денежных запросах на протяжении 1515–1520 гг. — одна из многих причин, приведших к катастрофе 1521 г. Хотя запросы, как можно предположить, отчасти стимулировали развитие промыслов (охоты на животных, обитавших на суше и в море) и некоторых отраслей ремесла (в частности, изготовления оружия), они ложились тяжелым бременем на великокняжескую казну, а соответственно и на население Руси. Запросы — это пережиток ордынской зависимости, избавиться от которого Русскому государству в изучаемый период не удалось.

Особое место в запросах занимали просьбы о присылке мастеров (то ювелира в 1495 г., то каменщиков в 1508 г.[277)]). Менгли-Гирей требовал вернуть одного из каменщиков Якуба, «его холопа», который «прибежал» из Казани и был задержан в Москве[278)]. Насколько велика была потребность в каменщиках, можно судить по просьбе прислать

[271)] Сб. РИО. Т. 41. № 35. С. 154. VI.1492.

[272)] Там же. № 36. С. 158. VIII.1492.

[273)] Там же. № 36. С. 636. III.1519.

[274)] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 155. 12.VII.1515.

[275)] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 64.

[276)] Сб. РИО. Т. 95. № 36. С. 641–660. III–IV.1519.

[277)] Сб. РИО. Т. 41. С. 220; Т. 95. С. 21. Просьба о присылке каменщиков связана со строительством укреплений Перекопа, куда ранее прибыло 1 000 человек с мастерами из Кафы и Мангупа (Сб. РИО. Т. 41. С. 540).

[278)] Сб. РИО. Т. 95. № 4. С. 74. 12.IX.1509.

в Крым «многих... мастеров городовых, кои камень делати умеют»[279]. Взаимную заинтересованность в «лекарях очных» проявляли обе стороны. В 1509 г. Василий III ждал лекаря для Василия Львовича Глинского[280]. 12 сентября 1512 г. Менгли-Гирей сообщал: «Один великий лекарь есть — Сеит Махмутом зовут... кое поеди»)[281]. Человек Михаила Глинского вновь приезжал в Крым за лекарем «брату его очей лечити»[282].

Еще одним источником доходов для крымцев, вполне традиционным с ордынских времен, было пожалование гонцу, принесшему радостную весть о победе[283]. В китайском «Полном описании монголо-татар» подробно описываются встречи ордынских послов, которые у них (т. е. монголов) назывались «сюань-чай». Когда прибывают послы, их встречают в далеком предместье, все приходят выразить почтение, правители лично преклоняют перед ними колени, устраивают послов в своих резиденциях и т. д.[284]

В Крымском ханстве название «сююнчя» (сеунча, сюунча, суюнча) приобрело смысл и пожалования за добрую весть, и приветствия, а в своем вторичном значении закрепилось исключительно за гонцами — вестниками сеунчей (побед и радости)[285] — «сеунчниками», «сеунчиками», «сеунщиками». Как справедливо писал В. Е. Сыроечковский, пожалование гонцу (со стороны государя той страны, куда он был послан. — *А. Х.*) официально признавалось одной из целей, а иногда и самодовлеющей целью его посылки[286]. Частые поездки слуг хана, царевичей, цариц и калги[287], рассчитывавших на подарки великого князя, были обычным явлением в практике русско-крымских отношений. Из Крыма для этой цели посылались и «паробки»[288]. Их приезд предшествовал обычно появлению больших послов[289]. Сеунч, кажется, был постоянным занятием для некоторых крымцев. Одного из них даже звали Суунчюй. Отправляя его в Москву по случаю победы над Ордой в 1502 г., Менгли-Гирей извещал Ивана III: «И ты бы, брат мой, то доброе наше дело и те добрые наши вести слышев, весел бы еси был и обрадовался»[290].

---

[279] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 21. IX.1508.

[280] Там же. № 3. С. 68–69. II.1509.

[281] Там же. № 4. С. 72.

[282] Там же. № 16. С. 315. IV.1516; Между тем, еще до 1508 г. человек «моршалка» остался должен хану Менгли-Гирею 2416 алтын, занятых им у ордобазарцев (Там же. С. 302).

[283] *Сороколетов Ф. Н.* История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970. С. 255.

[284] Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / Пер. с кит., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 78.

[285] *Даль.* Т. IV. С. 179. Термин сложился к концу XV в. (см.: ЛМ. Кн. зап. 5. № 6. С. 27. IV.1481). В XVII в. вели даже специальные книги сеунчей (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII в. Т. I. М.—Варшава, 1995).

[286] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай. С. 46.

[287] В январе 1519 г. Богатырь-салтан, в ту пору калга, отправил своего слугу Ази-Махметя (Хаджи-Мухаммеда) именно с этой целью (Сб. РИО. Т. 41. № 34. С. 617).

[288] Прозрачный намек о «жалованьи» содержался и в верительных грамотах гонцам, посланным просить сююнчея у казанского хана Мухаммед-Эмина по случаю отправки на Русь Абдул-Латифа: «жалованье твое ведает» (Там же. № 39. С. 177. 1498).

[289] «Из старины, как большой наш посол к тебе пойдет, и мы наперед его к тебе добрых вестей гонца посылали сказывай» (Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 26–27. X.1508).

Менгли-Гирей пользовался любым случаем, чтобы отправить за сеунчем своих слуг. Так, в 1492 г. достаточным поводом ему показалась победа над одним из сыновей хана Большой орды Ахмата — Елигеем. Подробно рассказывая о том, как «Елигея царевича голову привезли, недругов наших изнедобили», крымский хан послал своего паробка, чтобы тот «тебя бы брата моего взвеселил», при этом он не забыл сказать: «Как взрадовавшися, доброе жалованье свое сам ведаешь»[291]. После подписания шерти в 1508 г. он отправил Девлет-Келдея «с царевым ярлыком» «сюунча просити»[292].

30 ноября 1517 г. из Москвы была отправлена грамота, аналогичная крымскому сеунчю. Так она и названа в посольских книгах: «А велено им (Кельдишу Карачаеву с товарищами. — *А. Х.*) от великого князя сеунчь говорити по записи да грамота подати». После челобитья в грамоте были подробнейшим образом изложены военные победы русской рати, которые она одержала над войсками Константина Острожского, а завершалась грамота подобно крымским, фразой: «И мы ныне к тебе к брату своему с сеунчем послали казаков своих… и ты бы, брат наш, слышав то, как нас от нашего недруга бог помиловал, много о том порадовался»[293]. Особое значение русские дипломаты придавали концовке сеунча. В наказе послам особо было оговорено, чтобы последняя фраза прозвучала именно так, как было написано в грамоте: «Да царю и царевичам и царице говорили бы казаки по тому же все, как в сей грамоте написано, и конец: чтоб тому порадовалися». Лишь русскому доброхоту того времени — князю Аппаку следовало завершить речь в иной редакции: «и тебе бы то ведомо было»[294]. Этому сеунчу на Руси придавали особое значение в связи с тем, что предшественник Кельдиша Карачаева сеунчик из Великого княжества Литовского объявлял в Крыму о возвращении Смоленска под власть Сигизмунда I[295].

Лишь один из адресатов Василия III, царевич Ахмат, отреагировал на сеунч, присланный с Кельдишем Карачевым. Он отвечал: «…грамоту… вычетши уведали, что в ней писано, и мы ублажаем победу, а послышев есмя, и сами радостны ся учинили»[296]. По-видимому, на Руси подарки сеунчу, или, как его именовали, сеунчику, приравнивались к любым другим пошлинам. Поэтому Иван III настаивал на том, чтобы на Русь ездило как можно меньше таких крымских добрых вестников. «А учнет царь посылати сеунчика к великому князю… говорити царю о том, что пожаловал царь, братство и дружбу учинил с великим князем, а пошлины все отставил; и царь бы пожаловал, сеунчьника не посылал»[297].

---

[290] Сб. РИО. Т. 41. № 83. С. 420. 6.VI.1502.

[291] Там же. № 36. С. 150. VI.1492.

[292] Там же. Т. 95. № 2. С. 42. X. 1508. Его мужество крымские дипломаты расписывали очень ярко: «Довлет-Келдея, который ходит по вестям», «и он свою голову на смерть давши… борзо до вести пошол» (Там же. С. 25).

[293] Там же. № 28. С. 480–481, также с. 484, 492, 493.

[294] Там же. С. 493.

[295] Там же. Т. 95. № 10. С. 167. VII.1515.

[296] Там же. № 30. С. 509. VIII.1518.

Одновременно великий князь всея Руси пытался сократить численность свиты крымских послов, содержание которой обременяло великокняжескую казну. В связи с этим в 70–80-е гг. XV в. он часто обращался к хану с просьбами присылать посла «не во многих людех», «лишних» или «бездельных людей не посылать»[298]. Численность свиты, как и многие другие вопросы, зависела от реального соотношения сил русских и крымцев. После победоносного похода на Москву в 1521 г. свита посла Чжабык-мурзы и князя Яныша насчитывала «добрых людей со 100, а всех их человек с 300 и с 400»[299], достигнув, по-видимому, рекордных размеров. Впрочем, по масштабам русских посольств в Великое княжество Литовское приблизительно того же времени (начала XVI в.), после победоносных войн с этим княжеством, указанная цифра покажется не такой значительной. В ордынские времена посольская свита, как правило, значительно превышала 500 человек.

* * *

Если в целом сравнивать характер экономических отношений Руси с Крымским ханством и экономической зависимости Руси от Золотой орды, то можно сказать, что некоторые виды обложения, характерные для ордынского времени, исчезли полностью. Особенно наглядно об этом свидетельствует сообщение Симона Сен-Кентского, сохранившееся в передаче Винцента Бовэзского. Он писал об ордынских порядках: «данников... отягчают налогами» и далее перечислял, какими именно. Повторим их вслед за Сен-Кентским, указав предполагаемые параллели — ордынские и крымские[300]:

Орда (по Симону Сен-Кентскому)	Золотая орда	Крымское ханство
1) «хан получает свою долю»	выход	
2) «областной владелец»	дань?	
3) «областной владелец»	даражские пошлины	даражские пошлины
4) «торжественные послы»	дар, почестье	
5) «частые подносы даров»	тешь	поминки
6) «Должно давать проезжающим гонцам лошадей и содержание»	корм, подвода, питье, проторы	проторы

---

[297] Сб. РИО. Т. 41. № 6. С. 27. IV.1481.

[298] Там же. № 3. С. 14. IX.1477; № 19. С. 65. X.1487.

[299] Мэн-да бэй-лу. С. 189–190.

[300] *Языков Д.* Собрание путешествий к татарам. Т. 1. СПб., 1825. С. 107–109. На этот очень интересный памятник обратил внимание Г. А. Федоров-Давыдов (*Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой орды. С. 34–35).

«Сверх того, от каждого крестьянина — работника берут по 3 аспра, от каждого быка и от 6 овец — 3, т. е. дань»[301].

Экономические отношения Русского государства с Крымским ханством при всей своей традиционности строились на иных основах, нежели с Золотой и Большой ордами. Исчезли выплаты в пользу хана как верховного владетеля Руси (за исключением земель, находившихся ранее в составе Литовского княжества), исчезли пошлины в пользу его наместников и всей даражской администрации. Сохранились лишь расходы по приему послов, которые, впрочем, были настолько распространены в средневековье, что вряд ли их можно считать специфической особенностью русско-крымских отношений. Остались «частые подносы даров», именовавшиеся то тешью, то поминками; остались и расходы на гонцов.

Дальнейшая эволюция экономических отношений происходила в зависимости от конкретной исторической обстановки. Используя поминки как средство политического давления на хана и его окружение, русское правительство добивалось благоприятного решения спорных вопросов и хотя бы временного сохранения безопасности своих границ. Однако тогда, когда требования хана относительно поминков становились чрезмерными, возвращаясь к давно ушедшим порядкам, и русское правительство отказывалось их удовлетворять, наступали кризисы, периодичность которых также зависела от соотношения сил в Восточной Европе.

Одним из главных внешнеполитических факторов, способствовавших увеличению поминков, была политика Великого княжества Литовского. Оно, в целях сохранения древнерусских территорий в пределах своего государства, охотно шло на уступки Крымскому ханству, создавая тем самым прецедент и для Русского государства.

Другим важным фактором, роль которого с течением времени возрастала, была Османская империя. В борьбе за Иран и Северный Кавказ она создавала свои базы в Северном Причерноморье и использовала силы Крыма в собственных интересах, прежде всего, в борьбе с адыгами. Взамен Османская империя следила за сохранением экономической мощи Крыма. Борьба за воссоединение древнерусских земель, находившихся в пределах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, ведшаяся при неблагоприятных условиях, вынудила Российское царство ради сохранения мира на своих южных рубежах пойти на значительные уступки Крымскому ханству и включить в 1670 г. в договор с ним пункт об обязательности выплаты поминков, что сближало поминки с прежней данью. Однако такое положение просуществовало лишь 30 лет. С 1700 г. всякие формы экономического неравноправия Русского государства и Крымского ханства были ликвидированы.

---

[301] Об этом же упоминается и в «Полном описании монголо-татар» («Мэн-да бэй-лу». С. 78, 189–190).

Глава 5

Социальные связи

Пожалуй, особой сферой русско-крымских отношений являются социальные связи, прежде всего переход на службу к великим князьям московским и государям всея Руси выходцев из Крымского ханства, царевичей, князей и уланов, которые вливались в той или иной форме в состав господствующего сословия страны, участвовали в ее обороне, получая за это возмещение в разных видах. Это явление следует рассматривать особо потому, что ликвидация Большой орды и ее остатков, династические распри в самом Крыму сопровождались вымыванием части господствующего сословия и вхождением ее в привилегированное сословие соседних государств, в том числе и Русского. В сношениях Руси с другими странами Европы аналогичные тенденции присутствовали и в области русско-литовских отношений[1]. Однако, при некотором сходстве, в целом эти явления мало сопоставимы. В последнем случае речь шла о переходе лиц близких или даже общей этнической принадлежности, сохранивших древнее этническое наименование «руси», в состав государства, рассматривавшего себя преемником колыбели русской государственности — Древней или Киевской Руси, о переходе из княжества, конфессиональная терпимость которого до 1498 г. являлась одной из его главных черт, при том, что большая часть населения ВКЛ исповедовала православие, как и явное большинство населения Русского государства[2].

В случае с Крымом и другими ханствами и ордами рассматриваемое явление приобретало совершенно иную окраску. В Русское государство приезжали лица иной национальности, иного вероисповедания, иной культурной традиции. Мусульмане, по преимуществу тюркского происхождения, привыкшие к иным способам эксплуатации зависимого населения, находившие иные источники доходов, нежели политическая и социальная элита Московского и других княжеств Северо-Восточной Руси, были здесь в большей степени инородным телом, нежели выходцы из ВКЛ. Имелись и другие черты различия в положении выезжих крымцев-выходцев из ВКЛ. Последние (как правило, знать этого княжества) переходили на службу в Русское государство со своими собственными вотчинами, родовыми землями, которые оставались их собственностью, с которой они получали прежние доходы. Поэтому для них вопрос о материальном обеспечении в Русском государстве стоял в меньшей степени, нежели в случае перехода крымской знати. Пожалуй, наиболее близкой к положению выезжих крымцев была ситуация служилых людей, вотчины которых оставались за пределами Русского государства, в первую очередь Глинских[3]. Внедрение крымско-ордынской знати сопровождалось новым налоговым гнетом на коренное население их нового местопребывания. Поэтому вопросы перехода на Русь представителей крымской и ордынской знати вызывали необходимость строгой регламентации прав и обязанностей выходцев изо всех орд и ханств, в том числе и Крымского. Положение ордынцев и крымцев в пределах княжества всея Руси было, по-видимому, сходным, поэтому считаем возможным привлечь цикл документов 1508 г. относительно «царя» Абдул-Латифа для характеристики положения крымских выходцев.

---

[1] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. Сб. статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975. С. 28–56; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 122–153; *Backus O. P.* Motives of the West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow. 1377–1514. Lawrence, 1957.

[2] *Хорошкевич А. Л.* О международных аспектах религиозной политики Великого княжества Литовского времени первого статута 1529 г. // Первый Литовский статут 1529 г. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 450-летию Первого Статута. Вильнюс, 1980. С. 28–37; Ср.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 68–70.

Борьба за власть в Крыму в 60–70-е гг. выбросила за границы этого ханства двух претендентов на крымский престол — Хайдера и Нурдаулета, а вместе с ними и ту часть крымской знати, которая на том или ином этапе поддерживала их. Потеряв надежду на возможность продвижения по иерархической лестнице, не выдержав хитросплетений мятежей и усобиц в Крыму, они охотно устремились на Русь, известную своим гостеприимством по отношению к несостоявшимся претендентам на престол в Золотой Орде.

Условия появления крымских царевичей на Руси в конце XV в. отличались от тех, что предлагал в 1438 г. ордынский хан Махмуд. Его послы — зять и, вероятно, калга Елбердей и дараги князья Усеин Сараев и Сеун-хозя на «зговорке» с русскими послами Василием Ивановичем Собакиным и Андреем Федоровичем Голтяевым предложили: «Царево слово к вам: даю вам сына своего Мамутека, а князи своих детей дают в закладе на том: даст ми Бог, буду на царстве, дотоле ми земли Руские стеречи, а по выходы не посылати, ни по иное ни по что»[4]. Уже в 1438 г. взаимность в обмене заложниками отсутствовала. Ни московский князь, ни государь всея Руси в XV в. не отправляли своих сыновей заложниками — «в заклад» ни в Орду, ни в Крым. Кроме того, крымские царевичи находились в Русском государстве в качестве гарантов мира и ненападения ханского войска на Русь, но без условия невзимания «выхода», уже отчасти являвшегося пережитком в то время. Разумеется, все правовые международные нормы в условиях русско-крымских отношений далеко не всегда выполнялись в действительности, однако сам факт их существования был показателем зримых перемен в международных отношениях на крайнем востоке и юго-востоке Европы.

Первым в 1474 г. попросился в Москву Джанибек, но Иван III отказал «недругу» Менгли-Гирея, вероятно, племяннику хана Большой орды Ахмата[5]. Однако в марте 1475 г. великий князь по просьбе Менгли-Гирея послал «в Орду про него отведати», но безрезультатно. Лишь осенью 1477 г. тот попросил «опочива» в Москве. Наконец, в 1479 г. Ивану III удалось исполнить желание крымского хана. Великий князь его «взял... и вперед есми хотел его у себя држати твоего для дела»[6]. Однако удалось ли Джанибеку преуспеть на Руси, сведений нет.

---

[3] *Зимин А. А.* Служилые князья. С. 28–56.

[4] ПСРЛ. Т. 12. С. 24; Т. 26. С. 193; Т. 27. С. 106 и др.

Иван III представлял дело приглашения Нур-Даулета и Хайдера как инициативу Менгли-Гирея, который просил забрать их у его недруга короля; Казимир де «взял их к собе и держал их в своей земле в Киеве, а на твое (Менгли-Гирея. — *А. Х.*) лихо». Иван III подчеркивал, что ради дружбы с крымским ханом он «чинит... истому своей земле и своим людям», великому князю московскому «корысти с них мало»[7]. Менгли-Гирей некоторое время колебался, оставлять ли старшего брата на Руси или вызвать к себе. В соответствии с этим Иван III то якобы отпускал его, то «осадил» у себя, «истому своей земли чинит тобя деля». В 1482 г. Нур-Даулет имел право непосредственных сношений с Менгли-Гиреем; вместе с послами Ивана III в мае 1482 г. были отпущены в Крым и люди Нур-Даулета[8]. В 1483 г. – начале 1484 г. он сам собрался в Крым, но великий князь «унял его»[9]. В 1489 г. Менгли-Гирей выдвинул проект переезда Нур-Даулета в Крым. При этом он просил Ивана III «привести» своего старшего брата к «правде» и «укрепити, как бы он... царства не хотел». Иван III весьма резонно возражал: «Пригоже ли брату твоему Нурдовлату царю у тебя быть? Ино тебе ведомо из старины, от отцов и от дед ваших: на одном юрте два осподаря бывали ли? А где и бывали... ино которое добро меж их было?». Иван III объяснял крымскому хану, что «правда», данная ему на Руси, не сможет воспрепятствовать стремлению Нур-Даулета вернуть себе власть в Крыму («ему под тобою царства не хотети»), напоминал ему о годах царствования Нур-Даулета в Крыму после смерти Хаджи-Гирея, предупреждал его о возможной привязанности к старшему сыну Хаджи-Гирея людей, которые служат нынешнему хану. «Ино почему ведати, у всех ли у твоих людей одна мысль, все ли тобя хотят на твоем осподарьстве, или которые захотят брата твоего Нурдовлата царя на том юрте?»[10], — вопрошал он. И посеял сомнения в душе крымского хана — Менгли-Гирей навсегда оставил идею приглашения Нур-даулета в Крым[11]. В начале 90-х гг. брат Менгли-Гирея заболел, а к 1502 г. его болезнь «пушше доспелася»[12].

Что принуждало великого князя московского приглашать на службу крымцев? Прежде всего соображения политическо-династического характера — ханские родственники были вероятными претендентами на ханский престол, а в соответствии с этим могли рассматриваться как возможное орудие активной внешней политики великого князя московского и всея Руси, который стремился иметь особые рычаги давления на крымского хана; претендент на ханский трон мог сделать хана сговорчивее. Были и другие мотивы — желание великого князя обеспечить себя более верными слугами, чем соотечественники, уважение к их высокому аристократическому положению на родине. Москва настолько нуждалась в воинах, что активно привлекала любые воинские соединения[13].

---

[5] Introduction // КСАМРТ. Р. 2–3.

[6] Сб. РИО. Т. 41. № 2–4. С. 9, 14, 15. 23.III.1475, 5.IX.1477, 30.IV.1479.

[7] Сб. РИО. Т. 41. № 5, 8. С. 17. До 16.IV.1480.

[8] Там же. № 7, 8. С. 30–32. III.1484.

[9] Там же. № 10. С. 38. III.1484.

[10] Там же. № 21. С. 76.

[11] Там же. № 22. С. 78. X.1498.

[12] Там же. № 87. С. 446. XI.1502.

Если соображения политико-династического порядка выступали на первый план в отношениях с родственниками казанских ханов, в частности, сыновьями Ибрагима (Алегамом, Малек-даиром и Кудайкулом-Петром от царицы Фатимы, и Мухаммед-Эмином и Абдул-Латифом от царицы Нур-салтан), то в отношениях с крымскими царями и царевичами в конце XV – первые годы XVI вв. несомненно преобладали военные интересы. Возможно, для казанско-русских отношений политико-династические соображения вообще были самыми главными. Недаром борьба за Казань в 20-е годы XVI в.[14] сопровождалась возвышением сыновей Мелех-Даира.

§ 1. Правовые основы жизни крымских выходцев на Руси

Переезд на Русь выходцев из высшего слоя ордынской, в том числе и крымской знати предварялся своего рода приглашениями, так называемыми крепкими или крепостными грамотами, в которых великий князь московский или всея Руси гарантировал не только безопасность царевичей на Руси, но и их соответствующий социальный статус. В связи с этим в сфере русско-крымских отношений, принципиально отличавшихся от русско-ордынских, возникли особые типы документов, подобных которым не создавалось ни в одной другой области международных отношений Руси. К таковым принадлежат так называемые «крепостные» или «крепкие» грамоты, как называли их дьяки, ведавшие посольскими сношениями с Крымом[15]. Смысл подобных грамот заключался в обещании предоставить убежище («опочив») и средства существования приезжавшим на Русь выходцам из Крыма, в большинстве своем представителям династии Гиреев, гарантируя их безопасность при условии верности великому князю и участия в его военных начинаниях.

На заре русско-крымских отношений инициативной стороной в переезде на Русь выступали сами крымцы. «Опочивом» на Руси первым воспользовался хан Джанибек, «коли... был казаком». В сентябре 1477 г.

---

[13] *Stökl G.* Die Entstehung des Kosakentums in Russland. Wiesbaden, 1956. S. 72.

[14] См. работы С. О. Шмидта, Э. Киннана и Я. Пеленского, посвященные присоединению Казани.

[15] Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 5. С. 22. 16.IV.1480. В этой же инструкции послу в Крым И. И. Звенцу употреблены термины «крепость», «крепостная» грамота.

он вторично получил обещание убежища у Ивана III: «А каково придет твое дело, а похочешь у меня опочива, а яз тобе опочив в своей земли дам и истому твою подойму»[16]. Не только Джанибек сам пекся о собственной судьбе, но и его противник Менгли-Гирей, поддержавший идею Ивана III «твоего (т. е. хана. — *А. Х.*) для дела к собе его взяти»[17]. Иногда крымцы же присылали и образец подобных грамот, которые могли гарантировать их безопасность на Руси. В результате в Москве в сентябре 1477 г. были составлены посольская речь для передачи Джанибеку и несколько грамот: в апреле 1480 г. — Менгли-Гирею[18], в апреле 1481 г. — мурзе Довлетеку, сыну князя Эминека[19], и, наконец, две грамоты в октябре 1490 г. — Уздемиру и Девлешу[20]. Все эти грамоты были написаны по-татарски Абляз-бакшеем, в посольскую же книгу были занесены их русские переводы. Джанибек, видимо, не получил письменных гарантий благоденствия на Руси. Речи русского посла на тему «опочива» кратко изложены в посольской книге[21].

Начальный протокол грамот различен. Грамота Менгли-Гирею открывается благопожелательной формулой («Дай, Господи, тобе лиха не было, брату моему Менгли-Гирею, царю»), намек на такую формулу можно увидеть в изложении устной речи Ивана III Джанибеку («Нынечи есми твоему добру рад везде»). Остальные акты лишены этой формулы. В них непосредственно следуют интитуляцио и инскрипцио. В грамоте Довлетеку это — «великого князя Иваново слово княжу Именекову сыну Довлетек-мурзе». Обращает на себя внимание термин «слово», в котором есть несомненный оттенок приказа, повелительного распоряжения вышестоящего к нижестоящему[22], что, с одной стороны, являлось свидетельством разноранговости великого князя и крымского мурзы, а с другой — следствием влияния крымской дипломатики. В связи с первым обстоятельством не может не удивлять отсутствие этого термина в грамотах брату Менгли-Гирея Уздемиру и племяннику хана Девлешу; в них просто присутствует следующая формулировка: «от великого князя... царевичу»[23].

---

[16] Сб. РИО. Т. 41. № 3. С. 14. До 5.IX.1477.

[17] Там же. № 4. С. 15. До IV.1479.

[18] Там же. № 5. С. 22. До 16.IV.1480.

[19] Там же. № 9. 28. До 26.IV.1481.

[20] Там же. № 27. С. 100. X.1490.

[21] Там же.

[22] *Усманов М. А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева улуса // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 223–226; *Он же.* Жалованные грамоты Джучиева улуса. Казань, 1982. С. 186–196.

[23] Грамота Менгли-Гирею переведена с его «списка». Там же. С. 22. С просьбой о предоставлении убежища обращался к Ивану III и Довлетек: «Писал еси ко мне грамоту свою о том: каково дело състанется, и тобе бы ко мне приехати» (Там же. № 6. С. 28). Неоднократно настаивал на этом и Джанибек, когда был «казаком» (по-видимому, так посольские деятели характеризовали его статус до борьбы за крымскую «юрту») (Там же. № 4. С. 16). Г. Штекль, кажется, заблуждался, приписывая во всех подобных случаях инициативу Москве (*Stökl G.* Op. cit. S. 78. Anm. 60). Он полагал, что формуляры подобных приглашений составлялись в Москве.

Наррация в изложении речи 1477 г. и грамотах 1481 и 1490 гг. содержит предысторию отношений Ивана III с претендентами на «опочив». Великокняжеский посол напоминал Джанибеку о прежнем пребывании на Руси, а Довлетеку князь писал об обращении последнего за поддержкой. Грамота Менгли-Гирею лишена наррации.

Дальнейший текст крепких грамот следует отнести к диспозиции. И в изложении посольской речи 1477 г., и в грамотах 1480, 1481 гг., либо со ссылкой на предшествующее обращение крымца (Довлетека) к великому князю, либо без нее излагаются условия, при которых может стать необходимым переезд на Русь: «каково твое дело състанется», «коли тобе каково дело състанется» (Довлетеку), «А каково придет твое дело» (Джанибеку), «А нешто ти ся състанет каково дело, в юрте отца твоего царя дело будет» (Менгли-Гирею). И в крепкой грамоте, и в записи речи Ивана III употреблено одно и то же слово «дело», которое в данном случае имеет значение «неудачи», «невзгоды», под чем подразумевается возможность потери своего положения в Крыму[24]. Для характеристики подобной критической ситуации в канцелярии Великого княжества Литовского, судя по посланию Александра к Менгли-Гирею от 27 июля 1492 г., употреблялось иное словосочетание: «пригода пригоживалася»[25]. В грамоте Менгли-Гирею характеристика обстоятельств и причин необходимости эмиграции крымских царевичей несколько расширена и уточнена в связи с тем, что его возможные потери связаны с лишением — по русской терминологии — престола, а по крымской — юрта, как высшего символа государственности в ханстве. Крепкая грамота Менгли-Гирею подчеркивает и законность его власти, преемственность ее от отца, что полностью соответствует идее русских государей о патримониальном характере наследия власти[26].

Наррацио в грамотах Уздемиру и Девлешу построено иначе. Оно состоит из апелляции к старине и давним традициям дружбы с Хаджи-Гиреем, Нур-Даулетом и Менгли-Гиреем («отец» или «дед твои Ази-Гирей с нами был в дружбе и в братстве»), характеристики нынешнего положения адресата («Нынеча слышали есми, что в чюжом юрте стоишь, а конь твои потен»[27]), мотивации выдачи грамоты («поминая к собе отца» или «деда твоего дружбу да и братья твоеи» или «дядь твоих Нурдовлатову цареву и Менгли-Гирееву дружбу и братство»). Наррацио этих грамот испытало на себе очевидное влияние литовской дипломатики: первую часть ее можно сравнить с грамотой Александра Менгли-Гирею. Чувствуется и воздействие крымской дипломатики: во второй части наррацио содержится буквальный перевод с тюркского «конь потен»[28]. В связи с учетом реального положения крымских царевичей на Руси, в частности, Нур-Даулета, именно он, а не крымский хан, поставлен на первое место. Вероятно, это сделано потому, что положение Уздемира и Девлеша на Руси, в случае их приезда туда, могло бы соответствовать положению именно Нур-Даулета. Наличие тюркизмов в крепких грамотах царевичам Гиреева дома объясняются, вероятно, тем, что составителем их был Абляз Бакшей, придерживавшийся традиций крымской дипломатики.

---

[24] О значении термина «дело» как «всего, что свершилось» см.: *Даль В. И.* Т. I. М., 1955. С. 511.

[25] О термине «пригода» см.: ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 56. 27.VII.1492.

[26] *Nitsche P.* Die Entstehung des Russischen Staates // Handbuch der Geschichte Russlands. Wiesbaden, 1980. Bd. I. S. 669; Iid. Grossfürst und Thronfolge. Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Riurikidenhauses. Köln—Wien, 1972. S. 334–338.

[27] Формулировка — «слышали» намекает на то, что в данном случае непосредственного обращения царевичей к великому князю не было.

Заключительная часть наррацио грамот 1477 и 1480 гг. описывает конкретную процедуру вступления их в действие в случае появления получателя грамоты на Руси: в грамоте Менгли-Гирею — «приедешь ко мне, к великому князю Ивану, к брату своему, собою почен в головах»; слов «брату своему», естественно, нет в грамоте Довлетеку, который, согласно неписанной табели о рангах феодалов Руси и Крыма, никак не мог быть «братом», т. е. равным великому князю Ивану. В обеих грамотах предусматривается прибытие на Русь большого количества свиты, во главе которой и должен был стоять крымский «эмигрант». Думается, формулировка «собою почен в головах» является буквальным переводом с тюркского[29]. Русскому языку ни в средневековье, ни позднее такой оборот был не свойственен.

Заключительная часть наррацио в изложении грамоты Джанибеку, равно как и в грамотах Уздемиру и Девлешу, выглядит совершенно иначе: «а похочешь (или: у нас) опочива...». Здесь употреблен русский термин «опочив», которого не знают переводы с татарских грамот. Да и значение этого термина несколько иное, нежели в переводах. В последних приезд царевичей изображается как добровольный акт независимых политических деятелей; характер их пребывания на Руси вообще не определяется. Напротив, в грамотах Джанибеку, Уздемиру и Девлешу подчеркивается прекращение ими политической деятельности: «опочив» по значению близок к современному термину «отдых», да еще «отдых в виде сна»[30]. Джанибека и царевичей Иван III зовет отдохнуть от превратностей политической карьеры; для ширинского же князя Довлетека и крымского хана Менгли-Гирея пребывание на Руси могло и не значить окончательного отказа от политической деятельности. Таким же было и пребывание Хаджи-Гирея в ВКЛ, где тот, по словам Александра, «коня потного... розседлал»[31].

Диспозитивная часть грамот 1480, 1481 гг. гарантирует безопасность крымским изгнанникам на Руси, причем Иван III выступает в качестве гаранта не только от своего собственного имени, но и от имени всех представителей московского княжеского дома, своих вассалов, будь то князья или

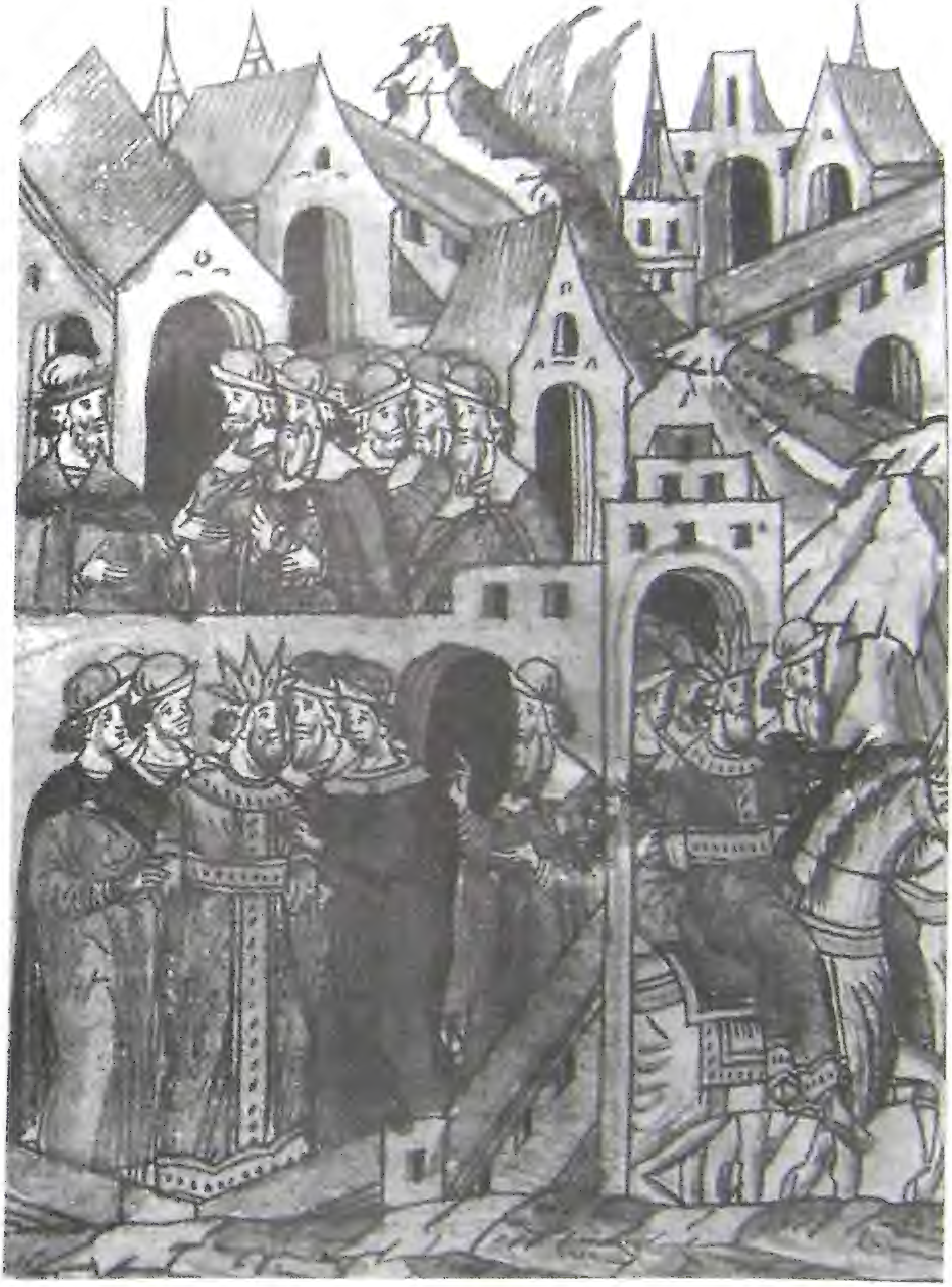
---

[28] ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 56. 27.VI.1492.

[29] Тот же термин в переводе середины XIV в. (возможно до 1379 г.) указного ярлыка ханши Тайдулы 25 сентября 1347 г.: «А вы, русскии князи, Семеном почен» (ПРП. Вып. III. С. 467; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. [Ч. III]. М., 1987. С. 587.

[30] О термине «опочивать» — спать, покоиться, отдыхать лежа и др. см.: *Даль В. И.* Т. II. С. 683.

[31] ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 56. 27.VI.1492.



Ссылка царевича Айдара в Вологду (РНБ. Миниатюра Лицевого свода XVI в. Шум. том. Л. 331 об.)

бояре: «от меня (Ивана III. — *А. А.*), от великого князя, и от сына (Ивана Ивановича Молодого. — *А. А.*) и от братьи, и от великих князей (в грамоте Довлетеку: от наших великих князей) и от добрых бояр... никакова ми вам лиха не учинити» (в грамоте Довлетеку: «никакова лиха не будет»).

Эти обещания в грамотах 1490 г. Уздемиру и Девлешу изложены несколько иначе: «ми... тобе хотим дружбу свою чинити», «добро свое, как Бог даст, хотим тобе чинити». Если в предшествующих грамотах это обещание носило негативный характер («никакова лиха»), то в грамотах 1490 г. — утвердительный («дружбу» и «добро» «чинити»). В отличие от грамот конца 70-х – начала 80-х гг. эти грамоты написаны исключительно от имени великого князя, не считавшегося ни с Андреем Васильевичем, ни с «великими князьями», ни с боярами. Очевидно, уже в октябре 1490 г. единовластие Ивана III было фактическим[32].

Перечислению представителей власти и знати на Руси в ранних грамотах соответствовало аналогичное перечисление состава возможной свиты выходцев из Крыма: в грамоте хану «тобе, царю, брату, и твоему брату и твоим детем и великим князем и добрым слугам», и несколько более краткое и скромное в грамоте Довлетеку — «тобе и твоим детем и твоим добрым слугам». В «крепости» Менгли-Гирею примечательно указание на великих князей в Крыму, по рангу соответствовавших таким же на Руси. Великий князь московский и всея Руси готов был принять родственников хана как по боковой, так и по нисходящей линии, а также многочисленный отряд его вассалов. О последних говорится и в грамотах Уздемиру и Девлешу: «А которые твои люди с тобою приедут, и мы тобя деля тех твоих людей хотим жаловати».

Изложение «крепости» Джанибеку и грамоты Уздемиру и Девлешу в диспозитивной части отличаются от актов 1477 и 1480 гг. В первой: «яз тобе опочив в своей земле дам и истому твою подойму»; в остальных: «мы тобе в своей земле опочив учиним». Обе эти формулировки резко отличаются от переводных крепостей: нет никакой точности в характеристике состава выезжих крымцев, речь опять идет об «опочиве», наряду с которым появляется еще один русский термин «истома». К сожалению, в словарях древнерусского языка дается лишь одно значение рассматриваемого термина — утомление, усталость[33], то самое, которое закрепилось в русском языке позднее[34]. Этот же смысл в выражении 1489 г.: «истома учинити улусом Муртозиным и Седехматовым»[35]. Пожалуй, «истома» в данном случае — это комплекс мероприятий по содержанию хана и ханского двора или других представителей элиты крымцев, бежавших на Русь. «Поднять истому» — значило возложить на великокняжеский двор и его подданных новые тяготы и заботы. В контексте русско-крымских крепостных грамот можно предполагать, что в этом термине был и некоторый экономический смысл. Иванча Белый в апреле 1479 г. от имени Ивана III обещал Менгли-Гирею: «А коли по грехом придет каково твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове». Относительно же Джанибека, уже пользовавшегося «опочивом» на Руси, Иванча (Иван Белый) должен был сказать: «И яз его к собе взял и истому есми своем земле учинил тобя для»[36].

---

[32] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. М.—Л., 1948. С. 222–223; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 64.

[33] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 326–327.

[34] *Даль В. И.* Указ. соч. Т. II. С. 61.

[35] Сб. РИО. Т. 41. № 22. С. 78.

Термин «истома», как и многие другие экономико-юридические термины, служившие для обозначения характера русско-крымских отношений, восходит ко временам ордынской зависимости. В ярлыке ханши Тайдулы от марта 1351 г. читаем приказ ордынской администрации, посещавшей Русь или находившейся там: «...ни силы, ни истомы не творять им никакие, ни отъи мають у них ничего»[37]. И в данном случае «истома» касается, вероятно, характеристики имущественных отношений. Для обозначения взаимоотношений великого князя и крымских выезжих, пожалуй, более красноречивы и точны выражения в литовском послании Менгли-Гирею 1492 г.: отцу и родственникам Менгли-Гирея, приезжавшим в ВКЛ, «и хлеба и соли не боронено»[38].

Пребывание крымских эмигрантов на Руси, согласно грамотам 70–80-х гг. XV в., должно было быть добровольным. Хану, а равно и другим представителям верхов крымского общества обещали: «доброволно приедешь, доброволно куды восхочешь поити — пойдешь, а нам тебе не держати». В грамоте Довлетеку добавлено: «и ты, наше жалованье видев, пойдешь доброволно». Это дополнение объясняется и социальным положением приезжих: Довлетеку Иван III мог что-то «пожаловать»[39]. Предоставление же убежища своему «брату» Менгли-Гирею являлось бóльшей честью для Василия III. В грамотах царевичу Уздемиру и Девлешу Иван III счел возможным вообще опустить пункт о добровольности пребывания на Руси и свободе отъезда. Вероятно, этим отчасти и объясняется, почему царевичи предпочли остаться в ВКЛ, нежели переехать на Русь.

Крымскому же хану Иван III обещал значительно больше; он сулил ему полную поддержку («сколко сила моя имет») в возвращении «юрты»: «печаловати ми ся царева отца твоего места, Орды досягати». В «крепости» Менгли-Гирею термин «печаловати» выступает в не совсем обычном значении. Как правило, он употреблялся для обозначения «ходатайства»[40], здесь же его следует понимать как «стремиться, заботиться». По-видимому, русские переводчики не нашли более адекватного русского термина для соответствующего тюркского выражения. Калькой кажется и продолжение этого предложения: «печаль свою учини», вставленное перед обещанием союза и дружбы: «друг другу и недругу недруг буду».

---

[36] Сб. РИО. Т. 41. № 4. С. 15. До 30.IV.1479.

[37] ПРП. Вып. III. С. 468; РФА. [Вып. 3]. С. 590.

[38] ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 56.

[39] Свободу передвижения приезжих крымцев подчеркивал и великий князь литовский Александр — предки и родственники Менгли-Гирея «как доброволно приездживали, так добровольно отъезживали» (Там же).

[40] Такая же разница в положении крымцев была и в ВКЛ. По словам Александра, Уздемиру и Девлешу «хлеба и соли и жалованья... не броним» (Там же).

Диспозитивная часть грамоты Менгли-Гирею и Довлетеку завершается еще одним посулом — обещанием держать «мое слово». Выражение «инако не учиню»[41] является обычным для конечного протокола многих крымских посланий — ярлыков. Внесение его в крепкую грамоту — еще одно свидетельство того, что данный вариант крепкой имел в своей основе тюркский оригинал. «А опроче сих слов инако не учиню», — следует в обеих грамотах, но с дополнением в первой — «по тои правде, как есми по своеи вере и крест целовал». В ней обещание исполнить свои обязательства дополнены ссылкой не только и не столько на договор, который и в русском языке носил «тюркизированное» название «шертного ярлыка», а на утверждение этого договора. Полисемантичный термин «правда»[42] в русско-крымских посольских отношениях обозначал, в основном, сам факт ратификации договора и полностью соответствовал тюркскому «рота»[43]. По-видимому, при крестоцеловании произносились какие-то слова, которые именовались «правдой»[44]. Не случайно в ВКЛ «роте» русских посольских книг и актов соответствовал термин «присяга». Хаджи-Гирей «присягу отцу нашему полнил», — напоминал его сыну Александр в 1492 г.[45] В Крыму присягали в это время на коране[46].

Конечный протокол в грамотах Менгли-Гирею и Довлетеку совершенно идентичен: «Так молвя, из своих уст, сю крепкую грамоту с золотою своею печатью дал есми». Ссылка на устное сообщение или обещание, скрепленное письменным документом или печатью, не характерна для русских актов. Деепричастный оборот в цитированном выше конечном протоколе также восходит к обычаям оформления грамот на востоке. Этот оборот постоянно встречается в ханских ярлыках, причем не только в конечном протоколе, но и в наррацио, где передается содержание предшествующих ярлыков. Поэтому оборот «так молвя» служит границей разделения различных частей — наррацио и диспозицию, или отделяет одно наррацио от другого, как, например, в ярлыке Менгу-Темира 1267 г.[47]

К сожалению, нельзя сказать, как назывались подобные грамоты в тюркоязычной дипломатике. Русское самоназвание грамоты как «крепкой» или «крепостной» могло восходить, а могло и не восходить к крымскому. Трудно подыскать для этой грамоты и соответствующее современное определение. Вряд ли ее можно назвать «опасной». Последний вид грамоты давался исключительно послам и гарантировал свободный проезд, приезд и отъезд дипломатическим представителям из другой страны. Цель «крепкой» грамоты заключалась в гарантированном предоставлении убежища и материального обеспечения на Руси выезжим представителям крымской аристократии. Гарантийно-уверительная грамота давалась, по-видимому, только выходцам с востока[48].

---

[41] В издании: «и на коне учиню». О правильном чтении этого фрагмента текста см.: *Бережков М. Н.* Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // ИТУАК. № 21. 1894. С. 30.

[42] *Срезневский И. И.* Т. II. Стб. 922.

[43] *Черепнин Л. В.* Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине ПРАВДА) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 211–218. В ВКЛ применительно к литовско-крымским отношениям термин «правда» означал «договор»: «ты бы, — писал Александр Менгли-Гирею, — перед... нашим послом нам утвердился и правду свою дал. И мы тобе хочем утвердится и правду дати».

[44] Обряд крестоцелования наиболее подробно описан С. Герберштейном. *Герберштейн С.* Записки о Московии М., 1988. С. 216–218.

[45] ЛМ. Книга записей 5. № 4. С. 56.

[46] Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506. С. 29.

[47] ПРП. Вып. III. С. 467; РФА. [Вып. III]. С. 589.

Крымцы были не единственными приезжими на Русь. Сюда же из ВКЛ устремился огромный поток феодалов из западных и юго-западных русских земель. Однако посольские книги по сношениям с ВКЛ не сохранили документов, подобных «крепкой» грамоте. Чем это можно объяснить? Вероятно, в первую очередь тем, что соотношение сил русского государя и знати Крымского ханства и ВКЛ было разным. Князья Западной и Юго-Западной Руси практически потеряли возможность осуществления своей власти над маленькими территориями, входившими в необозримые тогда просторы ВКЛ. Перед крымской же знатью открывался выбор даже в случае потери прежнего статуса в ханстве — ее представителей охотно приглашал не только московский, но и литовский князь, надеясь иметь в их лице орудие воздействия на внешнеполитическую, да и на внутриполитическую позицию ханства. И Иван III, и Казимир заботились о привлечении на свою сторону даже отдельных вельмож Крымского ханства, ибо крымская конница в то время считалась одной из сильнейших, равной по силе ордынской. Менгли-Гирей, заключая с Иваном III договор, и в 1474, и в 1479 гг. просил об отправке против своего главного внешнеполитического врага — хана Большой орды Ахмата не русских войск, а конницы «царевичей» Даньяра и Муртазы, царевичей буферного Касимовского княжества. Только эти войска рассматривались крымским ханом достойными противниками Ахмата.

Создание документов такого типа, как «крепкая» грамота, обусловливалось и разными верами, хотя этот фактор скорее влиял на оформление грамоты. Следует указать, что Иван III, как ни был заинтересован в упрочении отношений с Крымским ханством, не принимал безоговорочно его условий. В свою «крепость» Менгли-Гирею он сознательно не включил обязательство, занесенное в «список» Менгли-Гирея и названное великим князем «запрещением». По-видимому, в «запрещении» речь шла о проклятии и согласии на казнь смертью. Отказ Ивана III внести подобное условие в санкцию русский посол Иванча Белый должен был объяснить христианскими обычаями: «тех слов... по христьянскому закону не мощно молвити, чтобы... за те слова христианину убиту быти, а молвити того нелзе».

«Крепкая» грамота — это результат взаимодействия двух культур — «крымско-мусульманской» и «русско-православной», взаимодействия отнюдь не дружественного или доброжелательного. Русско-крымский союз конца XV в., при общей антиордынской направленности, был чреват антагонистическими противоречиями, ибо Крым, как один из преемников

---

[48] Приезжие из ВКЛ сами должны были давать обязательство не отъезжать из Русского государства.

Золотой орды, унаследовал ее традиции — рассматривать Русь в качестве источника неиссякаемых материальных доходов и людских резервов. «Крепкие» грамоты возникли не только в сфере русско-крымских отношений, но и в сфере социально-политических отношений двух государств Восточной Европы — Русского и Великого княжества Литовского.

Подобные отношения провоцировались бесконечной нестабильностью власти в Орде и государствах — ее преемниках, использовались Русью и ВКЛ в качестве средства усугубления этой нестабильности, инструмента вмешательства во внутриполитическую обстановку сопредельных кочевнических государств. Ограничиваясь сферой политической элиты Руси, ВКЛ и Крыма, они оказывали воздействие и на положение широких народных масс. «Истома», которой сопровождалось внедрение крымских выходцев на Руси, усугубляла эксплуатацию коренного населения, ибо на земледельческое население возлагались обязанности по полному содержанию значительных крымских отрядов. Каковы были эти затраты, вследствие гибели архива русской казны установить трудно. Тем более неизвестно соотношение размеров дани или поминков, отправляемых за пределы государства, и расходов по содержанию выходцев на Руси.

«Крепости» сыграли свою роль в деле привлечения на русскую сторону части верхов крымского общества. Испытав значительное воздействие крымской дипломатической традиции по форме, по существу они оказались инструментом мощного воздействия на внутриполитическую обстановку в Крымском ханстве, инструментом упрочения международного положения Русского государства в период его борьбы за независимость от Большой орды.

Хронология «крепких» грамот очень показательна. Все они составлены в тот период, когда Крымское ханство еще не приобрело стабильности после потрясений, связанных с упрочением Османского султаната вблизи бывших итальянских колоний на Черном море и подчинением самого ханства. Верный своему союзу с Менгли-Гиреем даже тогда, когда хан временно лишался «юрты» в 1477–1479 гг., Иван III охотно представлял убежище не только противнику Менгли-Гирея — Джанибеку, но и самому крымскому хану и представителю одного из крупнейших крымских родов — Ширинов. Дипломатия Ивана III по отношению к Крымскому ханству в критический момент его истории, как и в критический момент создания молодого Русского государства, обеспечила успех «стояния на Угре» — освобождения Руси от иностранной зависимости. «Крепости» 1479 и даже 1481 гг. могут оцениваться как памятники, в известной мере свидетельствующие о дипломатической подготовке, способствовавшей свершению этого величайшего в истории Руси события.

В XVI в. характер крепких грамот изменился. Грамоты царевичам брату Менгли-Гирея Ахмат-Гирею 1518 г. и Геммет-Гирею марта 1519 г., 20 июня 1521 г.[49] имеют иное значение и иное оформление. В посольских книгах они названы «опасными». Начальный протокол — интитуляцио и инскрипцио — вполне соответствует аналогичным разделам крепких грамот. В титуле Василия III появилась так называемая географическая или объектная часть — «всея Руси». Указано ранговое положение обоих царевичей — «брату моему Ахмату» и «брата нашего Ахмат (в 1512 г. ошибочно Магмед. — *А. X.*) Гирееву царевичеву сыну, как и нашему сыну Гемметь Гирею». В наррацио Ахмату пересказываются предшествующие его обращения к Василию III по поводу переезда на Русь: «Приказывал еси к нам... нечто будет тебе тамо в своей земле не мочно быти, и ты хочешь к нам ехати в нашу землю, и нам бы тебе в своей земле место дати и грамота бы нам к тебе своя опасная послати». Выражение «не мочно быти» пришло на смену «каково твое дело състанется»; русское выражение точнее передает те обстоятельства, при которых могла возникнуть необходимость переселения царевича.

---

[49] Сб. РИО. Т. 95. № 33, 35, 38. С. 600, 628, 705. XII.1518, III.1519, VI.1521.

Ссылка на сношения с Ахматом, отцом Геммета, имеется и в наррацио опасной грамоты внуку Мухаммед-Гирея. «Присылка» от Ахмата упомянута в опасной Геммету. Василий III излагает основы своей политики по отношению к Ахмату: «И мы к отцу к твоему к брату своему дружбу свою держали и добро свое чинили и дела его берегли, а и вперед есмя к отцу к твоему брату своему дружбу свою хотели держати». Эта часть наррацио повторяется в диспозитивной части грамоты Ахмату: «ты б, брат наш, к нам поехал в нашу землю безо всякого опасу... а мы тебе, брату своему, в своей земле место дадим дружбу свою и добро свое к тебе... хотим держати». Ссылка в грамоте Геммету ясно обнаруживает традиции русской практической дипломатики, как показывает сравнение с крепкими грамотами Уздемиру и Девлешу.

Грамоты XVI в. лишены термина «опочива» — в грамоте Ахмату просто сказано: «похочешь брат ... ехати в нашу землю», в грамоте Геммету — «и ты б ныне поехал к нам». Иначе установлены и условия пожалования царевичей на Руси: «и мы тебе... в своей земле место дадим». Термин «место» точно выражает будущий статус царевичей — так определялось держание города. Вместо неопределенного «опочива» появляется конкретное указание на будущие держания царевичей. В опасной Ахмату перечисляется круг лиц, с которыми мог выехать царевич на Русь — это царицы, Геммет и «все твои дети». Подобный пункт в грамоте Геммету отсутствует. Однако в обе грамоты включено указание на людей, которые могут прийти на Русь с царевичами; относительно них содержится обещание — «жаловати хотим». В обеих грамотах имеется пункт об условиях приезда — «безо всякого опаса».

Подитоживая опыт общения с Абдыл-Летифом, опасная Ахмату включила довольно примечательный пункт: от собственного имени, своей «братьи», «от моих великих князей, и от моих князей, и от моих бояр, и от всех наших людей» Василий III обещал царевичу и его царицам, Геммету и всем их людям безопасность и уважение — «лиха и нечти и силе никоторой никак не быти». Это обещание — признак коренного поворота в положении крымских царевичей на Руси. Если вспомнить содержание ханских ярлыков, в которых ханы требовали от представителей своей администрации воздерживаться от подобных действий по отношению к русской церкви и только к ней, то ясно будет, какой сдвиг в сознании русских правящих кругов произошел, побудив включить подобный пункт в «опасную» грамоту. Формирование необходимых правовых понятий и норм, как правило, не успевает за изменениями конкретных условий реальной действительности. От «дела» Абдыл-Латифа до юридического закрепления его опыта отделял один год. Если формуляр грамот Ахмату и Геммету уже не содержит никаких признаков воздействия тюркоязычной дипломатики, приближаясь к обычным опасным грамотам, то их содержание отчетливо указывает на изменение положения крымских выходцев на Руси.

Пожалуй, не случайно приглашения двум представителям крымского правящего дома — сыну и внуку Менгли-Гирея остались без ответа. Дело не только в гибели Ахмата, дело в том, что условия пребывания на Руси уже не могли устроить крымских царевичей. Опасные грамоты 1518, 1519 и 1521 гг. свидетельствуют об укреплении власти «самодержавца», которое не сулило крымцам ничего хорошего при переселении в Москву. Даже это обстоятельство толкало оппозицию крымскому хану не на Русь, а в Османский султанат.

Крепостная грамота предваряла переход на сторону Руси и переезд на Русь крымских и других ордынских феодалов. Сами же условия их пребывания на Руси регулировались другими документами — присяжными на верность и службу. Таких документов было много; в Царском архиве хранились «грамоты шертные городетские Нордоулатова царева, и Салтангаева, и Зенаева (Дженая. — *А. Х.*), и Шахъавлиярова, и сеитов, и князей городетских — а всех грамот 9». В 16-м ящике архива были собраны грамоты только владетелей Городца, Касимова. В Царском архиве находились и другие аналогичные грамоты, в частности, грамоты Абдул-Латифа на Юрьев, на Каширу, на Каширу с окрестными городами, и Мухаммед-Эмина на Каширу. В 52-м ящике вместе сосредоточились «грамоты Магмед-Аминевы, как на Кошире был, Абдыл-Летифовы, как был на Юрьеве и поручная ево ж, и запись шертная, и новая Абде-Летифова, как ему дал князь велики Коширу». В 105-м ящике с «казанскими крепостными грамотами» соседствовала особая «тетратка, а в ней писано, как пожаловал князь велики Абде-Летифа царя Звенигородом, и Юрьевом, и Коширою и каков ему судебник даван»[50]. Из всех этих документов до нашего времени сохранились лишь грамоты «Абдыл-Летифовы, как был на Юрьеве, и поручная ево же и запись шертная» в копиях, занесенных в посольские книги.

Некоторые особенности статей этих грамот уже навели исследователей на мысль, что основные положения присяжной грамоты Абдул-Латифа восходят к «типовому» тексту подобных грамот городецких царевичей[51] (см. подробнее раздел о формировании новых социальных слоев § 3). Обратимся к рассмотрению присяжной, данной Абдул-Латифом Василию III в 1508 г. Для понимания особенностей документа сравним его с аналогичной присяжной на верность и службу новосильских и одоевских князей 1459 г.[52] Это название — присяжная — условное. Ни та, ни другая грамоты таким образом себя не называют, в них наиболее распространенный термин — грамота; в присяжной Абдул-Латифа имеются и другие — рота, шерть. Оба термина служат для обозначения ратификации документа, т. е. крестоцелования на Руси или «выпивания» шерти в Крыму. Действительно, в грамоте новосильских и одоевских князей указано, что князья целовали крест Казимиру. Присяжная тем отличается от докончания, что содержит не взаимные обязательства сторон друг перед другом, составляющие содержание докончания или договорных грамот, но обязательства одной стороны перед другой, в данном случае и крымского царевича. В Литовской метрике, где сохранилась грамота одоевских и новосильских князей, имеется заголовок, составленный не менее чем полтора столетия спустя самой грамоты. Он гласит: «Лист перемирный князей новосельских и одоевских с королем Казимиром». Л. В. Черепнин принял эту версию и неточно назвал документ «докончанием»[53].

---

[50] Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подг. текста и комм. А. А. Зимина. М., 1978. Вып. I. С. 39, 52, 61.

[51] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах // Труды Восточного отд. Русского археологического общества. Ч. 9. СПб., 1863. С. 207–209, 280, 281;

Грамоты практически лишены инвокацио, т. е. обращения к Богу. В грамоте одоевских князей есть ссылка на «милость божию», но наравне с ней речь идет и о милости «господара», т. е. Казимира, титул которого приведен полностью. Инвокацио (разумеется, называемое так условно) грамоты одоевских князей подчеркивает роль великого князя литовского в составлении документа и установлении служебных отношений князей к великому князю литовскому.

Интитуляцио в их грамоте непосредственно следует за титулом Казимира и включает перечисление присягающих великому князю литовскому князей; географическая часть титула приводится только при первом из них — князе Иване Юрьевиче; его родственники — «братаничи», т. е. племянники от брата, именуются просто князьями. Разумеется, нет географической части титула и в грамоте Абдул-Латифа. Живший на Руси с конца XV в. царевич, естественно, не имел собственного юрта в Крыму. Однако он титулуется «царем», а не «царевичем», как следовало бы ожидать, зная его реальное положение. Названы приближенные Абдул-Латифа, вместе или за которых он приносил присягу: «с своими уланы, и со князми и со всеми нашими казаки». Таким образом, и на Руси Абдул-Латиф сохранил традицию, унаследованную от крымской дипломатики, — перечисления всего своего «двора» (говоря языком Руси того времени), всех своих подданных. Было ли это простой данью традиции или соответствовало реальному положению вещей, сказать трудно. Скорее второе, ибо известна практика содержания большого числа воинов

Stökl G. Op. cit. S. 96; Ср.: *Seaton A.* The Horseman of the Steppes: The Store of the Cossacks. London, 1985.

[52] ДДГ. № 60. С. 192–193. 21 апреля 1459 г.; Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 49–51. 29.XII.1508. Ср.: СГДД. Т. II. С. 30.

[53] ДДГ. № 60. С. 192.

у всех выезжих на Русь крымцев, — войска, активно участвовавшего в военных начинаниях великого князя.

В присяжной грамоте нет, по существу, и инскрипцио. Получатель грамоты предстает в ней в качестве сюзерена, которому приносят присягу. Поэтому и в той, и в другой грамотах он назван в дательном падеже подобно тому, как это бывает в посланиях. В инскрипцио, условно называемом так, титул Казимира сокращен до слов — «короля, господара, великого князя», т. е. опущена вся его географическая или объектная часть. Напротив, в грамоте Абдул-Латифа, где великий князь упоминается впервые, титул Василия III приведен полностью: «великий князь Василий Иванович всеа Руси». Обращает на себя внимание употребление в грамоте отчества Василия III (Василий Иванович), чего не практиковалось во времена его отца, и что должно было содействовать упрочению его престижа. Если для одоевских и новосильских князей Казимир — «господар», то для Абдул-Латифа Василий III — всего-навсего брат. Таким образом, первая грамота характеризует получателя грамоты как сюзерена, вторая — как равного по рангу. Таким образом, вторая присяжная грамота исподволь подводит к мысли о том, что титул «царя» равен «титулу великого князя». Очевидно, в начале XVI в. она еще не утвердилась в русско-крымской, казанской и прочей дипломатической практике.

Неясно, к какой части акта — нарративной или диспозитивной — следует относить сообщение об оформлении отношений между сюзереном и его новыми вассалами или между равными — «царем» и «великим князем». В грамоте одоевских князей значится: «били есмо чолом... абы нас принял в службу»; в грамоте Абдул-Латифа — «дал есми роту». Казалось бы, именно этими оборотами и выражен смысл грамот, однако в первой из них выражено согласие Казимира на это челобитье: «И господар... нас, слуг своих, пожаловал, принял в службу», причем указан и образец этого «жалования» — «по дяди своего, великого князя Витовътову, доконъчанию». Вероятно, именно в ссылке на это «доконъчание» кроется причина, по которой и документ, составленный в 1459 г., назван был позднее «перемирным листом». Что касается «челобитья», то вне зависимости от его происхождения (многие авторы видят в этом термине воздействие ордынских порядков принесения просьб — падения ниц и земных поклонов) сущность его для XV в. ясна — это нижайшая просьба. Термин «рота» — часто встречающееся в русско-крымских посольских книгах слово, в дипломатической переписке ВКЛ с Крымом ему соответствует слово «присяга»: Хаджи-Гирей «присягу отцу вашему полнил», напоминал крымскому хану сын Казимира — Александр Ягеллон(54). «Рота» — старинный термин, известный уже «Повести временных лет», где он употреблен в договорах с Византией, и широко употреблявшийся на Руси XV в.(55) Смысл присяжной грамоты одоевских князей — пожалование Казимира, принятие на службу; смысл грамоты Абдул-Латифа — принесение присяги.

---

(54) ЛМ. Книга записей 5. № 102. С. 119. 27.VII.1492.

(55) *Срезневский И. И.* Т. III. Стб. 176–177.

Далее в обеих грамотах идет изложение условий «службы» или «братства». Одоевские князья обещают: «служити верно во всем, без всякое хитрости, и во всем послушным быти». В грамоте Абдул-Латифа о тех же самых сюжетах, то есть о его службе, говорится в двух разных статьях — в последней статье диспозицио: «быти послушну во всем», и в третьей: «А хотети ми добра к Василию и его детем и их землям в правду безо всякие хитрости». Грамота крымского царевича не упоминает о службе, но тем не менее настаивает на его «послушании» великому князю, которое должны оказывать ему и слуги; она создает некоторую иллюзию равенства между присягающим и принимающим присягу. «Хотети добра» обязуются государи, по рангу равные (например, московский и тверской, московский и великий князь литовский и король польский) и даже разные (московский великий и верейский и белозерский князья), но только в договорных грамотах, где они выступают в качестве более или менее равных договаривающихся сторон[56]. Однако докончания московских князей с можайским 1447, 1448 гг., серпуховскими и боровскими 1450–1454 гг., галицкими 30–40-х гг. содержали лишь одностороннее обязательство но отношению к московским князьям[57].

Засим в рассматриваемой грамоте идет изложение обязательств Казимира по отношению к одоевским князьям — «во чести, и в жалованьи, и в докончаньи держати, как дядя его, великий князь Витовт, отца нашего держал и нас во чести и в жалованьи». Этой статьи ни в какой форме нет в грамоте Абдул-Латифа. В его грамоте нет речи ни о чести, ни о жалованьи, ни о докончании. Единственно, что соглашался уступить Василий III своему крымскому «брату» — это сохранить некоторую целостность его двора. Великий князь обещал не «принимать людей» от царевича, за исключением тех, кто принадлежал к верхушке крымского общества — Ширинову, Баарынову, Аргинову и Кипчаковым родам[58]. Таким образом, отсутствие обязательств великого князя, за исключением одного, и притом минимального, по отношению к крымскому выходцу, утверждает его неравноправие. Обязательство Казимира носит слишком общий характер. Если «честь» и «докончание» восходят еще к временам независимости этих князей, которые, вероятно, оформляли свои отношения с Витовтом в форме настоящего «докончания» (по словам М. М. Крома, в них «как бы навечно застыла эпоха Витовта»[59]), то термин «жалование» ставит всех и вся на свои места — жаловать мог только верховный сюзерен. Вспомним несколько более позднее высказывание Ивана Грозного: «Русские обладатели жаловати и казнити вольны были подовластных»[60].

Третья статья диспозицио грамоты одоевских князей трактует вопросы финансовых взаимоотношений «господара» и его слуг. Последние должны были давать «полетное... по старине». «Ежегодная подать», как определяет это понятие И. И. Срезневский[61], или, по М. М. Крому, «ежегодные выплаты»[62], по-видимому, фигурировали и в русско-ордынских отношениях. Скорее всего, «ежегодная подать» соответствовала ежегодной «ордынщине», которую вносило в крымскую казну Литовское княжество в конце XV – начале XVI вв.[63] Это существительное среднего рода больше не встречается, но в 1342 г. хан Джанибек требовал от митрополита Феогноста «полетной дани» или «полетных даней»[64]. Четвертая статья грамоты одоевских князей предусматривает «быти... по... воли Казимирове». Трудно сказать, чем эта статья отличается от второй; возможно, только тем, что утверждает полновластие Казимира по отношению к князьям.

---

[56] ДДГ. № 42, 44, 53, 55, 59, 63–65. С. 123, 127, 160, 165, 187, 203, 208, 212.

[57] Там же. № 45, 48, 51, 56, 58. С. 129, 146–147, 150–151, 168, 169, 179–180.

[58] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 51.

[59] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 39.

[60] Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951. С. 44.

В присяжной грамоте Абдул-Латифа нет аналогий ни третьей, ни четвертой статьям грамоты одоевских князей. Из отсутствия третьей статьи можно сделать вывод, что Абдул-Латиф не участвовал в уплате податей, в особенности таких, которые были связаны с русско-крымскими отношениями. Четвертая же статья, вполне покрываемая последней в его грамоте, — о послушестве, могла показаться вообще излишней. В несколько иных формулах выражена мысль о единстве внешнеполитической позиции: «А с кем будеть мирен... Казимир, ино и мы с тым мирны. А с ким... Казимир немирен, ино и мы с тым немирны» — в грамоте одоевских князей, и «хто будет тебе... друг, и то мне друг, а хто будет ваш недруг, ино и мне недруг». Казалось бы, каждая из этих формул должна восходить к русско-литовской или русско-крымской традициям. Если вторая действительно имеет давнюю историю в русско-крымских отношениях, то первая чужда и предшествующим аналогичным документам.

Позднее Абдул-Латиф брал на себя обязательство не направлять в Казань своих людей «ни с конями, не в судех, а войны не замышляти»[65]. Ограничения в сфере внешнеполитических сношений Абдул-Латифа простирались не только на область военных конфликтов. Абдул-Латиф принимал на себя обязательство не заключать ни с кем мира, и более того, не вести дипломатических отношений. По договорной Ивана III с Василием Рязанским 1483 г. можно восстановить и статью о внешнеполитической ориентации городецких царевичей: «не канчивати... с ними, ни съсылатися на наше лихо»[66]. Повторенная дважды в этом договоре, она, вероятно, соответствовала и докончанию с городецкими царями московских князей. В случае появления посла из Крыма Абдул-Латиф обязывался сообщать все известия великому князю. «Миру не взяти» в грамоте Абдул-Латифа соответствует «ни с кем ни не доконъчивати» в договоре одоевских князей, где Казимиру однако вменялось в обязанность «боронити» «от всякого, как и своего».

---

[61] *Срезневский И. И.* Т. II. Стб. 1151–1152.

[62] *Кром М. М.* Указ. соч. С. 39.

[63] АЗР. Т. III. № 193. С. 343. 20.IX.1501; *Довнар-Запольский М. В.* Литовские упоминки татарским ордам // ИТУАК. № 28. 1898. С. 16.

[64] ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 215.

[65] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 50.

[66] ДДГ. № 76. С. 284, 285.

В дальнейшем условия грамот расходятся коренным образом: в грамоте одоевских князей речь идет о наследственном характере отношений, о порядке суда, о сохранении земельных владений. Ни о чем подобном грамота Абдул-Латифа не пишет. Ее главный смысл заключается в предотвращении внешнеполитических сношений и ограничении произвола войска Абдул-Латифа внутри страны. Дополнительно к обшей формуле «кто тебе... будет друг, и то и мне друг» это положение конкретизируется. Крымский царевич обещает не быть другом и не поддерживать связей («не ссылаться») не только с королем польским и великим князем литовским, но и со всеми его преемниками и «с теми князми, которые на них смотрят»; как всегда, Абдул-Латиф обещал это не только от собственного имени, но и от имени своих уланов и казаков. Гонцов Сигизмунда I надлежало поймать и препроводить к Василию III. Лишь король польский и великий князь литовский был выделен в качестве основного внешнеполитического противника Василия III. Однако и о других речь шла еще раз в общей и неопределенной форме. Если сравнить текст докончания Василия III с крымским ханом, то легко заметить, что наряду с общими формулировками, в документе особо подчеркивалась необходимость ограничения сношений с ВКЛ.

Вторая половина присяжной грамоты Абдул-Латифа посвящена воинским обязанностям «царя» и принципам поведения его воинства внутри страны, во время походов и передвижения его войска в пределах самой Руси. «Пребывание “царевичей” в их российских уделах диктовалось положениями о взаимной лояльности и сотрудничестве», — пишет В. В. Трепавлов[67]. Этот раздел грамоты по своему смыслу очень близок к жалованным, причем не просто жалованным русским светским владельцам, но и ханским ярлыкам. Круг вопросов, обсуждаемых в нем, чрезвычайно близок к темам ярлыков. Грамота в ст. 5 предусматривала возможность участия Абдул-Латифа в походе великого князя («пойду с тобою на твое дело»), его братьев или воевод («с своею братьею или с своими людми») и, наконец, его собственного выступления («куде одного меня пошлешь на свое дело»). Этот пункт присяжной Абдул-Латифа заставляет обратиться к ярлыку Менгу-Темира, где в нарративной части есть упоминание об освобождении «последними царями», не названными по имени предшественниками Менгу-Темира, церковных людей («попов, черньцев») от «войны»[68], т. е. от обязанности выставлять войска в ханские походы и участвовать в ханских военных начинаниях. Абдул-Латиф своей присяжной грамотой приравнивается к обычному вассалу Василия III; главной обязанностью подобных «слуг» было участие в военных начинаниях сюзерена.

Великого князя беспокоила проблема снабжения войска крымского царевича. Присяжная рота в той же ст. 5 предусматривала неприкосновенность личности и имущества жителей Руси: «Ходя по вашим землям, не имать и не грабить своею рукою ничего, ни над хрестьянином, ни над каким не учинить никаковы силы». Вопрос о взаимоотношениях иноземного и местного населения — это традиционная проблема со времен ордынского нашествия. Ханша Тайдула в соответствии с ярлыком Джанибека приказывает представителям ордынской администрации: «...ни силы, ни истомы не творять им никакие, ни отъимають у них ничего»[69]. Правда, этот ярлык Тайдулы был дан после длительного периода антицерковной ордынской политики, когда главной опорой ордынской власти на Руси были князья, а не церковь. Это постановление относительно церковных имуществ в условиях 1351 г. знаменовало поворот в русской политике Орды. Включение же подобного пункта в присяжную грамоту Абдул-Латифа, скорее всего, просто анахронизм, восходящий еще ко временам зависимости, неизжитой в сознании русских до начала XVI в.

---

[67] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи: проблемы восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. С. 55.

[68] ПРП. Вып. III. № 3. С. 467. РФА. [Вып. III]. С. 588.

Регламентации получения корма посвящена другая статья (ст. 9) присяжной роты Абдул-Латифа, касавшейся его взаимоотношений с местным населением. В том случае, если он отправлял послов в Москву, те должны были «ездити... по ямом, а корм им дают на ямех ваши ямщики, посмотря по людем и по конем». В случае насильственного захвата корма у окрестного населения торговцами Абдул-Латифа допускалось безнаказанное убийство (ст. 7). Подданные Абдул-Латифа, отправлявшиеся по каким-либо своим делам, в том числе и торговым, должны были покупать корм. «А кто почнет силою корм имать и подводы своею рукою, посол ли, не посол ли, а кто его над тем убьет, в том вины нет».

Если снова обратиться к ярлыкам, то увидим, что проблема снабжения войска в условиях средневековья также является одной из важнейших. За чей счет должно содержаться войско? Как правило, на практике этот вопрос решался очень просто — за счет населения, на территории которого находилось войско. Теоретически же предлагались иные варианты. Среди населения очень рано выделились привилегированные корпорации, в частности, церковная. В империи Чингис-хана от обязанности поставки как продовольствия людям, так и корма лошадям была освобождена церковь[70]. Позднее от этого налога натурой в пользу проезжавших представителей как местной, так и центральной или иноземной местной администрации[71], жалованные грамоты также постоянно освобождали феодалов[72]. В присяжной грамоте Абдул-Латифа неясно, каким образом должно было снабжаться его войско. Регламентируется другой вопрос — порядок снабжения кормами за счет населения. Вероятно, эта же статья присяжной грамоты отвечала и на вопрос о возможности использования запросов для получения того, «кто чего ни попросить», согласно ярлыка Менгу-Темира.

Неприкосновенными должны были оставаться и церкви и их имущество: «А хто учинит над хрестьянским богомолством, над божиею церковию каково поругание или над хрестьянством над кем ни буди учинит какову силу, и мне за того лихого не стояти, по той роте его выдати» (6). Более того, рота освобождала от наказания за убийство «лихого» на месте преступления («А хто его над тем насильством убъеть, в том вины нет»), а сам Абдул-Латиф не рассматривал это убийство как предлог для отказа от своей присяги (7). Для подобных «насильств» все еще оставались огромные возможности. Практика размещения мусульманских воинов в православных монастырях и на церковных подворьях существовала и в конце XV в. Во время похода Ивана III на Новгород в 1485 г. большеордынский царевич Даньяр со своим отрядом стоял на Городищенской стороне в Кирилловом монастыре и у Андрея Святого[73]. Таким образом, эта норма отнюдь не была мертвой или пережиточной, она и в 1508 г. регулировала реальные отношения.

---

[69] ПРП. Вып. III. № 3. С. 468; РФА. [Вып. III]. С. 590.

[70] ПРП. Вып. III. С. 467; РФА. [Вып. III]. С. 586, 590, 591.

[71] Определение И. А. Голубцова, см.: АСЭИ. Т. I. С. 747.

[72] См. по указателю «корм», «коня кормить» в АСЭИ. Т. I–III.

В ханских ярлыках, начиная с Менгу-Темира, Тохты, Бердибека и Тюляка, шла речь об охране церковного недвижимого имущества[74]. Предусматривалось возвращение захваченного: «И яже будуть поимали, — и они да воздадуть назад», — в ярлыке 1267 г. «А кто что будеть взял или что вземлеть, и он отдасть назад», — в ярлыке 1379 г.[75] Ни о каких наказаниях нарушителей этого запрета даже в самых благоприятных для церкви ярлыках нет ни слова. Присяжная грамота 1508 г. практически узаконивала самосуд над нарушителями статьи о неприкосновенности церковных имуществ. Очевидно, на страже именно этого вида феодальной собственности русская светская власть стояла особенно крепко. Это легко понять. В условиях союза великокняжеской власти с митрополичьей, в условиях поддержки иосифлянских настроений церкви[76] именно ее и стремилось охранить великокняжеское правительство. Тем самым ликвидировались или, во всяком случае, ограничивались возможности возникновения конфликтов между лицами, принадлежавшими к различным верам. Думается, в период складывания многонационального государства и привлечения на службу великому князю мусульманских военных соединений данный вопрос был актуальным.

Условие шертной грамоты Абдул-Латифа относительно сохранения церквей не представляет, казалось бы, из себя ничего принципиально нового. Уже в ярлыках ордынских ханов русскому духовенству декларировалась неприкосновенность как самих храмов, так и их имущества. Однако кара за нарушение этих правил в начале XVI в. была значительно более суровой, нежели в XIII–XV вв., и исполнение ее возлагалась на самих русских.

Абдул-Латиф гарантировал неприкосновенность послам великого князя, будь то в Орду или к «царю», а также гостям, путешествующим «торгом» («гостям бесерменам»), равно как и послам ордынским «царей» и «царевичей», обещая всех «тех не имати, ни грабити, отпущати доброволно» (10). Эта статья также восходит к присяжным грамотам городецких царевичей. Правительство Василия III вынуждено было давать от имени великого князя опасные грамоты на проезд по земле городецких казаков. Такую грамоту в 1508 г. получили ногайские послы и купцы[77].

---

[73] РК. С. 19.

[74] Не только в пределах Руси, но и в других покоренных землях храмы и монастыри освобождались от всех налогов, представителям администрации запрещалось растаскивать церковное имущество (*Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика. С. 87).

[75] ПРП. Вып. III. С. 466, 467.

[76] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977. С. 56–74.

Правило невозбранного прохода по этим территориям распространялось на «русина», который «побежит... из орды из которые ни буди, а прибежит на наши казаки» (11). Охрана жизни русских пленников уже на территории Русского государства, равно как и предоставление свободы выходцам из орды, согласно судебнику 1497 г.[78], должны были стимулировать возвращение на родину беглецов из Крыма, Казани, попавших в плен в эти ханства. В случае встречи с казаками Абдул-Латифа вменялось «нашим казакам тех не имати, ни грабити, отпущати доброволно».

Элемент взаимности был и в присяжной роте Абдул-Латифа, однако не его и великого князя всей Руси, которому он давал «роту», взаимности, но первого и других царевичей, положение которых, вероятно, приближалось к положению самого Абдул-Латифа. Речь идет о Янае царевиче, который находился в Мещерском городке, и царевиче Шах-Авлияре из Сурожика. Надеясь на то, что эти царевичи не будут «никакова лиха... мыслити,... чинити» как самому Абдул-Латифу, так и его уланам и казакам, Абдул-Латиф обещал делать то же самое по отношению к ним. Второй пункт взаимных обязательств крымских и ордынских выходцев касался «приема» людей («уланов, и князей, и казаков»), которые «отстанут и пойдут в Орду, или в Казань, или инуда, а захотят» к Абдул-Латифу или к царевичам. Однако никто из последних, ни Янай в Мещерском городке, ни Ших-Авлияр в Сурожике, не должен был принимать подобных людей (12). Регулировались и отношения между людьми великого князя и людьми царевича во время совместных выступлений (13). Эту статью, в силу ее нечеткой формулировки, можно истолковать и иначе, как об отношениях «промеж наших (Абдул-Латифа. — *А. Х.*) уланов и князей и казаков». В этой сфере «не быти лиху никоторому нигде».

Из присяжной Абдул-Латифа неясно, кем и каким образом должны были разрешаться конфликты между людьми царевича. Подобный пункт был включен, однако, в докончание одоевских князей с Казимиром: в случае конфликта между самими князьями, целовавшими крест литовскому князю, разрешать его должен был Казимир. Как всегда, отличие между присяжной ротой и докончанием заключалось в том, что в сферу присяжной крымца вовлекались его уланы, князья и казаки. В одоевско-литовском докончании субъектами выступали лишь сами князья (без их окружения).

---

[77] Сб. РИО. Т. 95. С. 17; *Рогожин Н. М.* Посольские книги конца XV – начала XVII вв. М., 1994. С. 76–77.

[78] Ст. 27 Судебника 1497 г. гласила: «А холопа полонит рать татарская, а выбежит вон ис полону, и он слободен...» (Судебники XV–XVI вв. М.—Л., 1954. С. 27).

Одна из последних статей (14-я) регулировала отношения между подданными царя и князя. Каждая из сторон обязалась не принимать подданных другой, правда, для Ивана III было сделано исключение — «опричь Ширинова роду, и Баарынова, и Аргинова, и Кипчакова», т. е. практически всех крымцев, кроме Мангитов. Таким образом, ст. 14 угрожала Абдул-Латифу возможностью потери всех его подданных.

Итак, присяжная рота, всесторонне продуманная, призвана была искоренять пережитки прошлого в русско-крымских отношениях внутри Руси. Памятуя о старой традиции завоевателей, осуществлявших в течение десятилетий беззаконие над бесправными жителями этой земли, Василий III стремился ее искоренить, пытался регулировать национальные и социальные отношения внутри страны на основе равноправия и уважения интересов коренного населения. Присяжная рота, возможно, не представляла новый тип документа в русско-крымских отношениях. Не исключено, что и положение предшествующих выходцев из Орды, крымской или какой-нибудь иной, регулировалось подобными же документами. На это указывает сходство ряда формул присяжной роты с докончальными грамотами, причем такими ранними, как грамоты середины XV в. Однако в этом документе не имеется статей относительно юридического статуса земельных владений Абдул-Латифа. Даже передавая в качестве его «места» Юрьев, Василий III не счел нужным определить ни виды доходов, подлежащих сбору с Юрьева, ни финансовые обязательства Абдул-Латифа по отношению к великому князю.

В присяжной роте Абдул-Латифа полностью отсутствуют вопросы суда и судопроизводства, занимающие обычно важное место в докончаниях. Так, одоевско-литовское докончание определяет порядок решения конфликтов между одоевскими и литовскими князьями, между одоевскими и московским, переяславским и пронскими великими князьями, наконец, между самими одоевскими князьями. Во всех трех случаях в роли высшего судьи должен был выступить король польский и великий князь литовский Казимир. По аналогии с этим докончанием, можно думать, что право высшего суда по конфликтам, все виды которых были перечислены выше, принадлежало Василию III. Для определения прерогатив Абдул-Латифа в области внутреннего управления ему был дан «судебник»⁷⁹⁾, к сожалению, не дошедший до нашего времени. Таким образом, на Руси регламентировались почти все стороны деятельности и жизни выходцев из Крымского и других ханств и орд. Целью регламентации было сохранение в неприкосновенности основ внутреннего развития страны, сокращение до минимума вмешательства крымских и ордынских выходцев в ее внутреннюю жизнь, гарантия неприкосновенности имущества коренного населения.

Оформление правового положения крымских и ордынских выходцев на Руси с помощью двусторонних обязательств резко отличает Русь

---

79) ГАР. Вып. I. С. 61.

от Великого княжества Литовского, в котором к изучаемому времени также находилось довольно большое количество выходцев из улуса Джучи. Переселение их в это государство началось в конце XIV в. Тогда в Литве осел Мансур Кият Мамаевич (после 1380 г.), Лекса Мансур, в котором видят предка князей Глинских[80]. После разгрома Тохтамыша на Ворскле в 1399 г. половина его войска добровольно осталась в Литовском княжестве. Все выходцы из орд получали земли и их положение приближалось к боярскому: они должны были нести военную службу.

При внешнем сходстве обязанностей выезжих в Литовское княжество знатных ордынских выходцев с аналогичными обязанностями ордынцев и крымцев в Московском княжестве и в княжестве всея Руси несомненны и отличия. Положение первых регламентировалось исключительно привилеями великих князей литовских, начиная с привилея Витовта, подлинность которого, впрочем, оспаривается[81]. В конце XV – начале XVI вв. переселенцы — добровольные и недобровольные — из Крымского ханства при переезде в Великое княжество Литовское должны были иметь поручителей[82]. Так, после сокрушительного разгрома крымского воинства под Клецком 5 августа 1506 г. пленные были поселены в радзивилловских землях и в Минске. В 1508 г. на службу в Литовское княжество перешел ширин Мелеш-паша, которому удалось выкупиться при поручительстве Тулуш-улан и Урус-улан Ассанчуковичей. Позднее, в 1520 г. Мелеш-паша получил с. Ледзинки в Новогрудском повете[83]. Сходной была и судьба Ямгурчея[84].

Все, даже царевичи, в Великом княжестве Литовском (в отличие от Руси) в конце XV – начале XVI вв. теряли свои титулы. Лишь в середине XV в. они временно сохраняли их[85]. Часть ордынских и крымских царевичей и князей становились основателями знатных, в том числе и княжеских родов в Литовском княжестве.

«Односторонняя» регламентация положения знатных ордынских и крымских выходцев в Великом княжестве Литовском свидетельствует о качественно ином правовом положении всех категорий этих новых жителей Литовского княжества: они рассматривались как объект права, а не его субъект, как в Московском княжестве или княжестве всея Руси, долго не решавшимся на перевод царей в разряд «объекта» права. В этом, видимо, сказывались еще не вполне преодоленные пережитки ига.

---

[80] *Tyszkiewcz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 147.

[81] *Kosman M.* Documenty wielkiego księza Witolda // T. XIV. Warszawa, 960. S. 151. Ср.: *Sobczak J.* Polozenie prawne ludnosci tatarskiej w Wielkiem księstwie Litewskim. Warszawa—Poznan, 1984. S. 26–26.

[82] *Tyszkiewicz J.* Op. cit. S. 162; *Sobczak J.* Op. cit. S. 162.

[83] Там же. С. 168, 198, 200, 259; *Kryczyński L.* Tatarzy polsci a wschód muzulmański // Rocznik tatarski. T. 2. Wilno, 1935. S. 11, 17–19.

[84] *Kryczyński L.* Op. cit. S. 10.

[85] *Kuczyński S.* Jaholdai i Jaholdajewicze lenni książęta tatarscy Litwy // Studia z dziejów Europy Wschodnej. Warszawa, 1965. S. 221–226.

§ 2. Судьбы и служба крымских выходцев на Руси

Неустойчивое внутриполитическое положение в Крыму, как и в других ханствах на территории Джучиева улуса, создавало предпосылки для миграции, в том числе и в Северо-Восточную Русь. Возможности для переезда сюда открывало «гостеприимство» московских государей. В конце 70-х гг. XV в. Иван III приглашал в Москву и самого хана Менгли-Гирея: «...яз добру твоему везде рад, чтобы... ты здоров был на отца своего месте на своем юрте. А коли... придет... твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове»[86].

Выходцами из Крыма в настоящем разделе предстают не только члены правящей династии Гиреев или коренных родов Крымского ханства, но и тех крупных кланов, которые после 1502 г. перешли на службу крымскому хану. В частности, в начале 1502 г. Менгли-Гирей усердно хлопотал о приеме на русскую службу ордынцев Канбара-мурзы Мамалатова и его брата Азики[87].

Однако миграция подданных крымского хана в Московское княжество и в княжество всея Руси, пусть и не очень значительная, существовала с самого начала изучаемого времени. Крымские выходцы, продолжая старую традицию, хорошо документированную летописями, прибывали на Русь довольно регулярно. Летом 1479 г. – весной 1480 г. на Руси появились Нур-Даулат и Айдар[88]. Последний в марте 1483 г. послал в Крым за женой и сыном[89]. В 1491 г. Менгли-Гирей просил, чтобы Иван III Уздемира и Девлетека «к себе взял да у себя установитил»[90]. На Руси крымские выходцы занимали положение в соответствии со своим положением на родине[91]. Акт юридического оформления их прав на новом месте жительства назывался «установлением» или «осаждением». Нур-Даулата Иван III «осадил»[92], т. е. снабдил землей — поместьем или кормлением. Разумеется, при этом несколько страдало положение собственной страны, о чем русские дипломаты не упускали случая напомнить крымскому хану. О Нур-Даулате и Айдаре говорилось, что Иван III де «взял их к собе и истому... своей земле учинил», хотя «осподарю моему корысти в них мало»[93]. Нур-Даулат хотел уехать, но, выполняя свои союзнические обязательства перед Менгли-Гиреем, великий князь его «у себя унял»[94]. Это не означает, однако, что, единожды попав на Русь, крымцы закрывали для себя дорогу на родину. Случай с Нур-Даулатом особый. Другие же благополучно возвращались домой. Так, осенью 1486 г. Иван III отпустил в Крым «Идикина сына»[95].

---

[86] Сб. РИО. Т. 41. № 4. С. 15.

[87] Сб. РИО. Т. 41. № 79. С. 385.

[88] Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 17–18. IV.1480.

[89] Сб. РИО. Т. 41. № 9. С. 35.

[90] Сб. РИО. Т. 41. № 32. С. 121. 16.XI.1491.

[91] *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 году // Из истории Татарии. Казань, 1970. С. 143–148.

[92] Сб. РИО. Т. 41. С. 31.

[93] Сб. РИО. Т. 41. № 6, 8, 9. С. 25, 27, 34, 35. 26.IV.1481; 14.V.1482; III.1483.

[94] Сб. РИО. Т. 41. № 10. С. 38. III.1484.

Представители правящего крымского дома становились приближенными великого князя и получали поместья или города в кормление. В XV в. до установления договорных отношений с Крымом складывалась двойственная ситуация. С одной стороны, великие князья выступали по отношению к ордынским, а возможно отчасти и к крымским выходцам — царевичам и знати преимущественно в качестве сюзерена, а, с другой, сами оставались, хотя и номинально, «в системе ордынской иерархии как ханские вассалы — данники, правители "царева улуса и княжой отчины"»[96].

Первоначально выходцам из Орды поступали в кормление города на южной окраине государства — Кашира, затем основанный в середине XV в. Городец, названный позднее по имени первого держателя этого «царства» Касима — Касимовым[97]. Предоставление именно этих городов ордынским царевичам объясняется нуждами обороны южных границ, защитным рубежом которых служила р. Ока, а центрами обороны выступали города Калуга, Таруса, Серпухов, Кашира, Коломна, Мещерский городок и расположенный на правом берегу Оки Алексин[98]. Создание Касимовского «царства» преследовало три цели — служить противовесом Орде и новым ханствам, быть источником угрозы для тогда еще независимой Рязани и Казанского ханства, а самое главное — оказывать противодействие натиску Большой орды. Вторым центром, для защиты которого использовались ордынские и крымские выходцы, на западной части южного оборонительного пояса была Кашира[99]. Здесь находились в 1512 г. Мухаммед-Эмин (1497–1502 гг.), а в 1516 гг. — Абдул-Латиф; Каширу предлагали и позднее крымским царевичам — Ахмеду и его сыновьям[100].

Тем, кому на Руси не очень доверяли, давали в кормление города в центре страны. Так, в 1508 г. Абдул-Латиф был поселен в Юрьеве. Для него путь к Кашире оказался труден и далеко не прямолинеен, ведь владение ею, по словам А. А. Зимина, «обусловлено было военной службой царевича, его "казаков" и татар московскому государю»[101]. А именно этого, не доверяя Абдул-Латифу, не могли допустить Иван III и Василий III. Единственный раз Абдул-Латиф «с своими татары» вместе с Василием III в 1510 г. участвовал в присоединении Пскова[102], в походе, не отраженном разрядными книгами. Для всех же остальных царевичей путь был более или менее общим: Кашира, затем Городец (Касимов). Его проделал, например, Нур-Даулет. В 1492 г., когда он «сидел» уже в Касимове, Менгли-Гирей предлагал Ивану III передать Мухаммеду (Маамеду), сыну ордынского царя Мустафы, «молодцу, пригожему... на мое дело и на твое дело» Каширу, «что за братом за моим за Нурдовлатом за царем было»[103].

---

[95] Сб. РИО. Т. 41. № 16. С. 58. III.1487.

[96] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи... 1994. С. 55.

[97] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Т. I.

[98] *Беляев Д. И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1846. № 4. С. 5–60; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1909.

[99] *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович. С. 143.

[100] Сб. РИО. Т. 95. С. 511, 624.

[101] *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович. С. 142.

[102] *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 191.

Социальное положение знатных крымских и ордынских выходцев в Великом княжестве Литовском в целом было аналогичным тому, которое они занимали в княжестве всея Руси. В Литовском княжестве они получали земли около столиц или крупных городов — Трок, Вильна, Крева, Гродно, Новогрудка, Минска, и помимо защиты их от соплеменников выполняли обязанности внутренней стражи — защиты великих князей от внутренних переворотов[104]. Особенно велики были владения сына Нур-Даулета, оставшегося в Литовском княжестве после переезда отца в Москву и основавшего династию князей Пунских. Он имел земли в Троцком повете (Дудишки, Вышкишки, а также часть Ваки, где татары осели уже давно[105]) и Новогрудском (Пошице и часть Рудник).

Доходы с земель (прежде всего, ясак с черных людей) и были главным источником существования крымских выходцев на Руси. Московско-рязанский договор 1483 г. предусматривал сохранение прежнего состава ясачных людей. Рязанский князь брал на себя обязательство впредь «не примати» ясачных людей, но отпустить добровольно тех, кто вышел в Рязань после смерти Ивана Федоровича, будь то «бесерменин, или моръдвин, или мачярянин, черные люди, которые ясак царевичю дают». В том случае, если ясачные люди не захотят вернуться на прежние места, они обязаны «царевичю давати его оброки и пошлины по их силе». Рязанским великим князьям, начиная с Ивана Федоровича, эти же люди платили только пошлины[106].

В Царевичев городок поступали какие-то платежи с Московского княжества и с независимой Рязани. Они шли на содержание «царевича», его князей, казначеев, даруг. Размеры и назначение этих выплат регулировались докончанием-«записью»: «как... князь велики Василеи Васильевич... за великого князя Василья Ивановичя кончал со царевичевыми с Касымовыми князми, с Кобяком са Айдаровым сыном да с с-Ысаком с Ахматовым сыном»[107]. Предлог «за» в данном случае имеет временное значение — «во время», «при»[108]. Видимо, документ был составлен еще в середине XV в. — в 1452–1462 гг., когда в Касимове находились Касим и Даньяр, в Рязани — Василий Иванович, а великим князем московским был Василий II. В духовной Ивана III 1504 г. и в докончании Василия и Юрия Ивановичей 16 июня 1504 г. упомянуты аналогичные выплаты и с земель Владимирского и Московского княжества. Здесь они именовались «выходом» во все ханства и орду, вместе с «проторами» составлявшем 1 000 рублей[109].

---

[103] Сб. РИО. Т. 41. № 35. С. 151. VI.1492.

[104] Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 46–49; *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polce. Studia z dziejów XII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 147.

[105] *Kosman M.* Dokumenty wielkiego księża Witolda // T. XIV. Warszawa, 1960. S. 151. Ср.: *Sobczak J.* Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkiem księstwie Litewskim. Warszawa, Poznań, 1984. S. 25–26.

[106] *Tyszkiewicz J.* Op. cit. S. 162; *Sobczak J.* Op. cit. S. 162.

[107] ДДГ. № 76. С. 284, 288. 9 июня 1483 г.

[108] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 130.

Видимо, «цари» и «царевичи» получали также единоразовую компенсацию за каждое участие в военных походах и действиях. Так, вероятно, следует понимать «запись», составленную, скорее всего, Федором Карповым в 1492 г.: «татар и русь жалует, того деля и гибели им полские платит, ино колко того разойдется»[110]. Возмещая протори и убытки, связанные с выходом в Поле в августе 1492 г., великий князь поручал данную миссию не специальным лицам, а послу в Крым, который одновременно со своими дипломатическими функциями должен был выполнять обязанности финансового агента государя внутри страны. Это, наряду с духовной Ивана III и докончанием Василия и Юрия Ивановичей 1504 г., свидетельствует о некоей экстерриториальности Царевичева городка и независимости крымских и ордынских выходцев.

Общественное положение ордынских и крымских царевичей при дворе великого князя было выше положения бывших удельных князей, добровольно или по принуждению перешедших на службу великому князю, хотя по существу первые также были служилыми[111].

Выходцы из других социальных слоев крымской знати — князья, уланы, огланы, беки (тюрк. эмиры) и пр. занимали положение, аналогичное их положению на родине, при дворах царей и царевичей, т. е. в тех же самых городах, которые выделялись представителям царствующего дома. Эти выходцы из Орды и Крыма могли ограничиваться и отдельными поместьями. Менгли-Гирей в июне 1492 г. ходатайствовал за сына ордынского царя Мустафы — Мамишека, которому Иван III якобы обещал дать поместье, чтобы он воевал вместе с Менгли-Гиреем[112]. Несколько неясно положение некоего Алея Кобякова, жившего у Кискача и Тонкача. В 1487 г. Менгли-Гирей ходатайствовал об отпуске Кобякова[113]. Тонкач же еще в мае 1482 г. находился на службе у великого князя, а жил в Суроже[114]. Остается предположить, что и Тонкач, и Кискач в 1482–1487 гг. перебрались на Русь, куда за ними последовал и Алей Кобяков. Казаки, как в Крыму, так и на Руси, образовывали низ этой пирамиды, являясь самой массовой силой войска крымских царевичей. Можно согласиться с Г. Штеклем, что только окружение из князей, уланов, мурз и казаков придавало крымским, как и ордынским выходцам из царствующих родов особый вес в качестве заметной военной силы. В том случае, если царь или царевич не мог быть использован в качестве претендента на престол, политическая целесообразность его содержания оказывалась сомнительной и обременительной для великокняжеской казны[115].

---

[109] ДДГ. № 89, 90. С. 362, 365, 367, 369.

[110] Сб. РИО. Т. 41. № 75. С. 370.

[111] *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович.

[112] Сб. РИО. Т. 41. № 35. С. 151. VI.1492.

[113] Сб. РИО. Т. 41. № 19. С. 70. X.1487.

[114] Сб. РИО. Т. 41. № 7. С. 31. I.V.1482.

Общественное положение крымских царевичей на русской службе очень отличалось от положения «мордовских» или «украинных» князей, упоминание о которых встречается в 1515 г.[116] Под этим определением имелись в виду военачальники, руководимые Темиром Якшениным, власть которого распространялась на приокские районы между Рязанью и Касимовым. На это указывает сообщение крымских посольских дел о нападении азовских казаков, которые захватили рязанских «бортников и рыболовей... да и мордву Темиревых ясачников Якшенина»[117]. По-видимому, эта территория давно, во всяком случае, с конца XIV в., стала владением московского великокняжеского дома. Здесь, на мордовских землях, установилась власть татарских князей, которые, в отличие от городецких, не получали «выхода» от великих князей и ограничивались лишь получением ясака с местного мордовского населения. Каждый князь располагал собственным «беляком» — территорией, с населения которой он взимал ясак[118].

Сфера действия этих выходцев из Орд, в том числе и из Крымской, ограничивалась районом Оки и Поля. Князья Мещеры и Мордвы не появлялись при дворе великих князей, хотя люди из этих краев поступали к ним на службу (Небольса Кобяков — «твой человек мещерский»[119]).

Крымские выходцы, равно как и предшествовавшие им на Руси ордынские, жившие сравнительно долго, сохраняли мусульманство, а, принимая христианство, достигали весьма высокого положения. Пример тому Кудайкул-Петр, женатый на сестре долго остававшегося бездетным Василия III[120]. Большая часть бывших крымцев, что уже отмечалось исследователями, в частности В. Вельяминовым-Зерновым и А. А. Зиминым, участвовала в военных действиях, в основном против орды Ахматовых детей. Исключение составил Абдул-Латиф. Ни о каких его военных начинаниях, кроме похода на Псков, не известно.

Военная деятельность Нур-даулета началась в 1485 г.; поход под Орду 1485 г. повторился и в 1486, и в 1487 гг.[121] Однако она чуть было не прервалась. Один из Ахматовых детей, — Муртоза — прислал ему ярлык, звал к себе, суля крымский престол, одновременно и Менгли-Гирей сам вызвал брата в Крым, «чтобы... о своем юрте стати заодин против своих недругов». Иван III не передал касимовскому царю ни одного из этих приглашений, «берегучи, — как он объявил крымскому хану, — твоего дела». Уже в качестве касимовского царя Нур-даулет вместе с сыном Сатлганом участвовал в походе на Большую орду — на Муртозу и Сеид-Ахмеда в апреле 1490 г.[122] Осенью следующего, 1491 г., «люди Нурдоулетовы» (Имень Ази, Ботукучь, Ази Хидырь, Хидырь Алей, Кучмень Байсалтанов сын «с товарищи») были на поле под Ордою, захватили «языка» и двинулись в обратный путь. Однако на Мертвом Донце люди крымского хана, в том числе и Саталган, сын Карача Ширинова и сын Сарыки Барынова, отобрали у них и языка, и 15 коней. Этот инцидент стал предметом упреков во время посольства И. Лобана-Колычева: «мы своих людей посылаем под Орду его же деля... и его люди гораздо ли так чинят над нашими людьми?»[123]. В этой вылазке сам Нур-даулет не участвовал. Вообще, его военная активность документируется только в пределах 1491 г., в связи с чем В. В. Вельяминов-Зернов предполагал, что Сатылган стал городецким царем уже в 1491 г.[124] В августе и октябре 1498 г. Менгли-Гирей неожиданно проявил интерес к своему старшему брату и послал ему поминок и поклон то ли с Абалак-Азеем, то ли с Шавалом[125]. Наконец, летом 1501 г. князья, уланы и казаки, названные «наурдаулетовыми», участвовали в борьбе против Шиг-Ахмата и Сеид-Мухаммеда[126]. Подводя итоги расходам на своих городецких татар, скорее всего, Федор Карпов в памяти К. Г. Заболоцкому в августе 1492 г. писал: «Да колкижды князь велики царя Нурдоулата посылывал на Поле царева для дела Менли-Гиреева, и колко Саталгана царевича, Нурдоулатова царева сына, посылывал да и рузскую рать и колко татар и русь жалует, того деля и гибели им полские платит, ино колко того розойдется»[127].

---

[115] *Stökl G.* Op. cit. S. 78.

[116] Сб. РИО. Т. 95. № 12. С. 7, 224, 230.

[117] Там же. № 9. С. 142. Видимо, мнение Г. Штекля о тождестве Темира Якшенина с ордынским князем Темиром (*Stökl G.* Op. cit. S. 97–98) ошибочно. Улус последнего находился на Днепре (Сб. РИО. Т. 95. № 14. С. 252–253. Ср.: № 16. С. 312–313. IV.1516).

[118] *Черменский П. Н.* Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 6–9, 10–11. Ср.: Сб. РИО. Т. 95. № 9. С. 142.

[119] Сб. РИО. Т. 95. № 10. С. 158. VII.1515.

[120] Н. Эрнст преувеличивал быстроту ассимиляции на Руси ордынских выходцев (*Ernst N.* Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // ZOG. 1913. Bd. III. S. 11).

[121] Сб. РИО. Т. 41. № 13, 17, 18. С. 46, 49, 60–69. III–IX.1486, VI.1487, 10.VIII.1487.

О военных действиях Саталгана данных значительно больше: В 1490 г. «царевичъ ходил под Орду, да не учинил ничего»[128]. В. В. Ромодановский должен был объяснить неудачу этого начинания тем, что тот предпринял поход «молодою мыслью»; всю ответственность русский дипломат должен был возлагать на его окружение: «уланы и князи учинили негораздо, что ему так думали». Великий князь впредь обещал дать наказ, как ему «твоего дела беречи и делати, сколко Бог поможет». Уже следующий поход царевича был успешнее, и «они улусы и головы поймали, а делали дело, сколко могли»[129]. На следующий год Менгли-Гирей, который высоко оценил военные способности своего племянника, просил, чтобы были собраны казанские казаки, Нурдаулетовы царевы казаки во главе с Саталганом. И весь этот отряд, умноженный «добрыми крепкими людьми» самого великого князя, должен был быть послан на подмогу крымскому хану в Белгород, куда султан Баязид направлял своих янычар[130]. По просьбе Менгли-Гирея 3 июня 1491 г. на Большую орду вышли царевич Саталган «с уланы, с князми и с казаки» и с русской ратью во главе с Петром Никитичем и Иваном Михайловичем Репнями-Оболенскими, «братними воеводами», воеводами рязанских сестричичев. Несколько позднее из Казани вышли войска Мухаммед-Эмина (где находились князья Альякши, Иделек, Каныметь, Уразлы, Шагалак, Акчюра, Кишкилдей, Бурнак) и весь двор казанского хана. Войска должны были соединиться, чтобы ударить по Большой орде совместными силами[131]. Показательно, что в послании в Крым об этом грандиозном, почти общероссийском походе на Большую орду на первое место поставлен племянник Менгли-Гирея царевич Саталган. Сделано ли это было из желания угодить тщеславию крымского хана или в соответствии с военными дарованиями Саталгана, трудно сказать. Однако «царевич, — как значилось в посольском наказе И. А. Лобану-Колычеву 20 марта 1492 г., — рано пошел с Поля». Разведка русских крымцев и русских во главе с князем Тонкачом, наткнулась на мурзу Мусеку, сына кн. Азики Мангыта. «Смыга» (вылазка)[132] Тонкача оказалось неудачной: «иных людей перебили, а иных переимали». После этого царевич отступил. Когда же к нему прибыли казанские войска, «пришло божье посещение на кони (эпизоотия. — *А. Х.*), кони у них учали терятися (падать)». Царевич покинул Поле, а его войска — уланы, князья казаки, посланные «под Орду», в течение лета «улусы имали, и людей и кони отганивали»[133]. Однако грандиозный поход превратился лишь в грандиозную манифестацию. В марте 1492 г. Иван III снова обещал организовать поход теми же силами — царевича Саталгана, казанской рати Мухаммед-Эмина и русской рати[134].

---

[122] Сб. РИО. Т. 41. № 24. С. 88.

[123] Там же. № 34. С. 147, 115; 21. VI.1491, III.1492. Ср.: ПСРЛ. Т. 8. С. 233. Т. 12. С. 228. Т. 23. С. 188; Т. 24. С. 207.

[124] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863. С. 149.

[125] Сб. РИО. Т. 41. № 58, 59. С. 270, 278. VIII, IX.1498.

[126] Там же. № 75. С. 370.

[127] Там же. № 36. С. 161. VIII.1492.

[128] Часть его войск была взята в плен. В начале 1491 г. из Заволжской орды «выбежал» Мусяк, «Нурдовлатовский царев» (Сб. РИО. Т. 41. № 21. С. 113. 26.IV.1491).

[129] Сб. РИО. Т. 41. № 27. С. 101. X.1490.

До 1495 г. данные о походах Саталгана отсутствуют, лишь в мае 1495 г. и апреле 1498 г. Иван III снова обещает Менгли-Гирею помощь и поддержку силами Саталгана царевича, его уланов, князей и русской рати в случае нападения Большой орды Ахматовых детей на Крым[135]. Несмотря на просьбу Менгли-Гирея в 1498 г.[136] царевич послан, по-видимому, не был. Вплоть до 1503 г. он жил в Москве, отлученный от военных действий и, более того, лишенный своего «двора». 17 июня 1501 г. за него ходатайствовал Менгли-Гирей, который, расхваливая военные достоинства племянника (дважды он повторил: «к тому делу Саталган царевич надобной был человек»), просил «взверить» царевичу и «прикошевать» к нему его слуг[137]. Просьба не подействовала. 15 сентября 1502 г. крымский хан вновь обратился в великому князю с просьбой о помиловании Саталгана, снова подчеркнув: «И нынечя мне и тебе надобной был сын». Он объяснял провинность Саталгана молодостью и глупостью: «от молодости и от глупости таково дело учинил и в таково дело попал, и его дело отдав, у себя его держишь». Впрочем, Менгли-Гирей не настаивал особенно на прощении, «у тебя в руках стоит. На Сатылганову правду посмотря задумаешь, и как Сатылгану быти», просит сообщить ему[138]. Видимо, проступок царевича казался и крымскому хану достаточно серьезным, чтобы он не решался настаивать на его реабилитации. Ответ великого князя не был лишен известного остроумия. И. В. Берсень-Беклемишев от его имени должен был передать Менгли-Гирею: «князь велики... жалуючи его, держит его у себя того деля, чтобы иного дела молодостию не учинил»[139].

---

[130] Сб. РИО. Т. 41. № 28. С. 105. IV.1491.

[131] Там же. № 30. С. 115–116. 21.VI.1491; № 32. С. 124–125. X.1491.

[132] *Даль В. И.* Т. IV. М., 1955. С. 239.

[133] Сб. РИО. Т. 41. № 34. С. 141. III.1492.

[134] Сб. РИО. Т. 41. № 34. С. 137, III.1492.

[135] Там же. № 47. С. 214. V.1495; № 55. С. 250, IV.1498.

[136] Там же. № 59. С. 276. 1498.

Смерть Нур-Даулета, произошедшая между февралем и сентябрем 1503 г., изменила ситуацию. И. И. Ощерин мог рассказать крымскому хану о намерении Ивана III «жаловати» Саталгана, «дати ему то место, где отец его был», т. е. Городец[140]. Действительно, 16 мая 1504 г. царевич Саталган обратился из Городца с просьбой к Ивану III вывезти в Крым, на родину, «кость» своего отца с Кадышом Черным. В это же время возобновилась и военная активность Саталгана. В послании Менгли-Гирею со слугой Саталгана Кадышем Иван III снова предлагал отправить «братаничев» Менгли-Гирея — Саталгана и Джаная (Зеная), как обычно, «со всеми уланы и со князми и с казаки, да и русскую рать с ними пошлем», неясно только, кто под кем должен быть: «а прикажем ему под ними быти»[141]. Вслед за «костью» отца Саталган должен был отправить и его «болшую жену» «Куратью Мадыкову дочерь болшую», жену и детей князя Ямадыка, также покойного, и младшего брата Бери-улана Али улана[142].

В 1505 г. Саталган с Джанаем находились в Муроме[143] с целью не допустить соединения крымских и казачьих войск. В Большой полк, возглавляемый царевичами, входили уланы, князья и казаки. В 1506 г. отряд царевичей Саталгана и Дженая с Городецкими татарами и вместе с Канбар-мурзой присоединились к двигавшемуся к Калуге передовому полку конной рати кн. А. В. Ростовского. А осенью 1506 г. В. Д. Холмский с обоими царевичами находился снова в Муроме, куда в 1507 г. был направлен и его брат Янай (Джанай). Пребывание Саталгана в Городке продолжалось недолго. В 1508 г. его сменил Джанай, активно участвовавший в войне с Литовским княжеством[144].

---

[137] Сб. РИО. Т. 41. № 72. С. 362. VII.1501.

[138] Там же. № 87. С. 440, XI.1502.

[139] Там же. № 88. С. 461, II.1503.

[140] Там же. № 92. С. 491, IX.1503.

[141] Там же. № 96. С. 512, 514. 16.V.1504.

[142] Там же. № 100. С. 545. XI.1504.

[143] РК. С. 36; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование. С. 197.

[144] Сб. РИО. Т. 95. С. 158; РК. С. 37, 41.

Вплоть до 1512 г. Касимовским городком владели выходцы из Крыма: Нур-даулет (до 1503 г.), его сын Саталган (в 1503–1508 гг.). По-видимому, с ним вместе в этом же Городке находился и Джанай. С 1508 г. именно он стал владеть Городком. Его самостоятельное пребывание там продолжалось до 1512 г. Позднее в Городке сидели потомки ханов Большой орды. Это естественно. До тех пор, пока Крымское ханство занимало более или менее дружественную позицию по отношению к Русскому государству и было его союзником в борьбе с Большой ордой, возможность держать в Касимове крымцев сохранялась, но как только его позиция переменилась, то их пребывание там стало опасным для Василия III. Однако и в это время некоторые крымцы стремились попасть именно в Городец. Так, Казы-мансырь в 1509 г. «бил челом» об отпуске его «ко царевичю в Городок»[145].

Кроме того, на службе у Ивана III и Василия III, как и в Литве, находились и феодалы более низкого ранга, происходившие из Орды, но не оставшиеся в Крыму. Стоит упомянуть целую династию, восходящую к Борису Тебет Уланову, «человеку» князя Азики, ордынского посла в Москву в 1492 г.[146] Он довольно быстро завоевал доверие Василия III. Во время осеннего похода 4 ноября 1512 г. из Новгорода в Холм двинулся князь Борис Тебет Уланов, который должен был находиться в передовом полку. Та же роль была отведена ему и в августе 1513 г. (11 августа), правда на этот раз он должен был двинуться из Лук к Полоцку; в июне 1514 г. он ходил из Лук к Орше в «правой руке»[147]. В Луках в 1515 г., вместе с царевичем Василием Мелехдаировичем и П. А. Колычевым снова по правую руку находился тот же князь Уланов; по-видимому, вплоть до 1517 г. он оставался именно в Луках, в 1516 г. — с царевичем Федором в большом полку, в 1517 г. — в полку правой руки. С 12 декабря 1521 г. он пребывал в Торопце[148].

Сохранились сведения и о мурзе Камбаре. В походе на Казань 1506 г. он участвовал вместе с А. В. Ростовским, в сентябре 1507 г. находился в передовом полку рати Василия Шемячича[149]. Судя по тому, что Камбар-мурза впервые упоминается в источниках в сопровождении городецкого царевича Джаная, можно думать, что и он происходил из Крыма. Позднее его сына (Камбар мурзина-сына) то направляли совместно с Ак-Даулетом Ахкуртовым из Мещеры на Литовскую землю в 1519 г., то в Торопец с Федором Даировичем, царевичем Ак-Доулетом, в июле 1528 г., то в Вязьму с Шигалеем Акдаулетовым в 1534 г.[150]

Трудно определить происхождение «татар московских», взятых в плен под Оршей в 1514 г. Это были «князя Мадыхов сын Сивиндук мурза, Акиш Отмакишов (в списке 1538 г. Адиш Отмышыков) сын, Бузак

---

[145] Сб. РИО. Т. 95. № 3. С. 68.

[146] Там же. Т. 41. № 3. С. 160; РК. С. 33. 1502.

[147] РК. С. 47, 52, 54.

[148] РК. С. 58, 67.

[149] Там же. С. 37.

[150] Там же. С. 63, 72, 84.

(Бозяк) Шыйков сын, Бахмат (Басмет) Абдулов сын, Яков Иванов (!) сын (Кожух), Чура Тулушыков сын»[151]. Однако, видимо, число их в русском войске 1514 г. было незначительным или они сумели избежать плена. Во всяком случае, из 137 человек, оставшихся в живых к 1519 г. (22 человека умерли на протяжении 1514–1519 гг.), лишь 6 принадлежали к категории «московских татар»[152].

Наряду со знатными выходцами на Руси, как и в Литве, оседали представители других категорий населения. В Литве это были казаки, которых, как правило использовали в качестве гонцов и на разных подсобных работах (в частности, на ремонте дорог), различные представители городского населения — ремесленники, торговцы конями, перевозчики, наконец, подданные магнатов, обязанные военной службой великому князю вместе со своими господарями[153].

После 1521 г. изменилась организация военного руководства татарскими отрядами. При тех военачальниках, которые сохранили некоторую самостоятельность, постоянно находились (были «приставлены» к ним) русские. В конце 20-х – начале 30-х гг. это были по преимуществу представители родовитой знати, в том числе князья Мещерские, Прозоровские, Оболенские[154]. Их сменили другие, получившие недвусмысленную должность «приставов»: в мае 1533 г. «в Северe же был царевич Акдовлеть Ахкуртов сын, а во приставях у него был Дмитрей Данилов да Ондрей Повадин, да Крячко Чемоданов». Ту же роль при служилых татарах выполняли В. Неверкин, С. Батюшков и Третьяк Чемоданов[155]. Правда, статус этих лиц был разный: по родовитости приставы находились значительно ниже, нежели их предшественники. Таким образом, термин «приставы» при иноземных отрядах появился лишь в мае 1533 г., хотя сопровождение татарских отрядов было с 20-х гг. постоянным.

Централизация управления, даже воинского, пусть на самом низшем уровне — отдельных иноземных отрядов — примечательное явление на протяжении всего изучаемого времени. Вероятно, изменялось и социальное положение татарских воинов. С конца 20-х гг. часть их стала именоваться «служилыми». Если до того речь шла об участии служилых татар только в посольской службе, то теперь эта категория иноземных выходцев стала участвовать и в военных действиях. Не исключено, впрочем, и предположение: служилые татары существовали и ранее, но просто не были так названы. В июле 1528 г. Япанча Улан, вероятно, возглавлял именно служилых татар, к которым был «придан» Постник Сатин. Глава этого отряда, находившегося в июле 1533 г. в Вязьме, вообще не упомянут по имени. Указано лишь: «А у служилых татар был в приставах Василей Невежин да Семен Батюшков, да Третьяк Чемоданов». Позднее появляются и неопределенные сообщения: в 1534 г. в Вязьме «с татары (их главой был Камбар мурзин сын) (быти. — *А. Х.*) Поснику Сатину»[156]. Если исходить из того, что отряды служилых татар великого князя возглавляли мелкие татарские феодалы, то можно предполагать, все войска Уланова и Камбара составляли именно служилые татары.

---

[151] Сб. РИО. Т. 95. С. 72, 84.

[152] *Krom M.* Rejestry jenców moskiewskich na Litwie w pierwszej połowie XVI wieku // Przegląd wshodni. T. III. Z. 3. 1994. S. 454, 460, 466.

[153] *Sobczak J.* Op. cit. S. 51; *Tyszkiewicz J.* Op. cit. S. 201, 222.

[154] РК. С. 87, 89, 91, 94.

[155] РК. С. 83.

Как показывают вышеприведенные сведения, с 20-х гг. XVI в. все отряды крымских и ордынских выходцев использовались лишь на западных рубежах государства. Исключение крымских отрядов и даже служилых татар из участия в охране границ Русского государства после нашествия Мухаммед-Гирея было результатом печального опыта 1521 г., когда эти отряды не справились с возложенной на них задачей.

Наряду с воинами на Руси находился и представитель мусульманского духовенства. Некий Хозека-сеит, «наш богомолец», как характеризовал его Менгли-Гирей, в 1509 г. находился при М. Л. Глинском. Менгли-Гирею не удалось добиться его возвращения на родину даже ценой обещания передать Хозеку-сеиту все юрты его покойных братьев, которые остались «порожни», и, хотя Василий III якобы «давал волю» ему уехать в Крым, тот «похотел служить у нашего государя». Пожалуй, это единственный факт, на основании которого трудно делать какие-либо выводы. Сама уникальность подобного известия наводит на мысль, что мусульманского духовенства на Руси было мало и не оно определяло лицо выезжих на Русь крымцев, среди которых преобладали и даже господствовали воины[157]. Незначительным было и участие татар в посольской службе. Выше уже упоминалось о деятельности бакшея Абдуллы в конце XV в. Крымские и другие татарские переводчики трудились и при Василии III[158].

§ 3. Формирование новых этно-социальных групп на Руси

Русско-крымские контакты приводили к формированию и совершенно новых социальных групп, несвойственных ранее русскому обществу, в частности казаков. Помимо казаков городецких царей, крымские представители именовали так служилых татар, живших на Руси и исполнявших сторожевую и проводниковую службу. О происхождении термина «казаки»[159] существует огромная литература. Несмотря на это, филологи до сих пор не могут прийти к единому мнению об этимологии слова. Со времен В. В. Радлова этот тюркский термин переводят как «разбойник, мятежник, авантюрист»[160], В. В. Бартольд добавляет и другие значения: «претендент на престол» (исходя из практики времен Тимуридов в XV в.), а также «часть народа, которая отделяется от своих государей и соплеменников». В русском языке слово «казак» первоначально обозначало человека без семьи и имущества[161]. Вероятно, с предпоследним значением слова «казаки» связано именование им войск городецких царевичей, начиная с Нурдаулетовых[162]. В. В. Вельяминов-Зернов определяет их как простых татар[163]. Г. Штекль настаивает на сочетании в термине «казак» нескольких понятий — «стража», «знатока степи», «разбойника» и «грабителя» (последние два значения подчеркиваются их противниками). Впрочем, Штекль не отказывается и от значения «беженца», «эмигранта»[164]. В актах и делопроизводственных документах начала XVI в. синонимом термина «казаки» выступает слово «молодцы»[165].

---

[156] РК. С. 72, 84.

[157] Сб. РИО. Т. 95. № 3, 4. С. 68, 72. 11.1509; 12.IX.1509.

[158] *Rasmussen K.* The Muscovite Foreign Policy Administration during the Reign of Vasilii III, 1515–1525 // FOG. Bd. 38. 1986. S. 152–167.

[159] Впервые упомянут в Куманском кодексе конца XIII в., составленном в Солхате, со значением «стража». (О нем см.: *Малова С. Е.* К истории и критике Codex cumanicus // ИАН СССР. 1930. С. 347–375). Второе упоминание находится на греческом синаксаре в связи с нападением казаков (*καζακων*, греч.) на Кафу в 1308 г. (Антонин, арх. Заметки XII–XV вв., относящиеся к крымскому городу Сутдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 613). О существовании казаков (cosakos) в Крыму в середине XV в. свидетельствует устав генуэзских колоний 1449 г. (*Юргевич В.* Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году // Там же. С. 757, 783, 789).

Наиболее ранние сведения о деятельности на Руси казаков разного происхождения сохранили летописи. Сообщение Никоновский летописи об участии рязанских казаков в битве на Листани в 1443–1444 гг.[166] относится, вероятно, к вставкам митрополита Даниила, который, как убедительно доказал Б. М. Клосс[167], проявлял особый интерес к Рязани, а потому это сообщение не может быть привлечено для изучения ранней истории русского казачества[168]. Более надежным представляется известие Ермолинской летописи[169] о посылке Улу-Мухаммедом и его сыном Мамутеком в 1445 г. в Черкассы (как полагает Г. Штекль — в Великое княжество Литовское[170]) за помощью, откуда и пришло 2 тыс. казаков. По-видимому, к более раннему тексту Московского свода конца XV в., унаследованному Никоновской летописью, принадлежит и характеристика войска Ивана Дмитриевича Руно, отправленного в 1468 г. на Каму[171]. Обозначение его как «казаков» в Львовской и др. летописях происходит, вероятно, именно из Никоновской летописи, а во всех более поздних летописях — из Воскресенской. В течение всего XV в.

---

[160] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 1. СПб., 1899. С. 364.

[161] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 535. Возможно, в значении «претендента на престол» этот термин употреблял Иван III по отношению к Джанибеку в 1477 г. (Сб. РИО. Т. 41. С. 14. 5.IX.1477).

[162] Сб. РИО. Т. 41. № 16, 28. С. 58, 105. III.1487, 25.IV.1491.

[163] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о бывших в Касимове царях и царевичах. Т. 1. СПб., 1863. С. 74.

[164] *Stökl G.* Op. cit. S. 39–63 u.a. Здесь же литература вопроса.

[165] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII в. // История СССР. 1986. № 4. С. 168.

[166] ПСРЛ. Т. XII. С. 61.

[167] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 28.

[168] В такой возможности сомневался уже М. Грушевский. *Грушевський М.* Історія України-Русі. Т. VII. Кіїв—Львів, 1909. С. 78, 86. Прим. 98. Вопреки его мнению, Г. Штекль всерьез рассуждает, жили ли в Рязани эти казаки или просто находились там на службе.

[169] ПСРЛ. Т. XXIII. С. 151.

[170] *Stökl G.* Op. cit. S. 57.

[171] ПСРЛ. Т. XXV. С. 280; Т. XII. С. 119; Т. VI. С. 188; Т. VIII. С. 153; Т. XX. Ч. 1. С. 279.

в русско-крымской переписке казаками именуются, по-преимуществу, воины казанского хана или городецкого царевича. В 1485 г. Иван III, как он уверял в своем послании Менгли-Гирею, «посылал под Орду уланов и князей и казаков всех, колко их ни есть в его земле»[172]. Во время стычки Нур-Даулетовых войск с крымцами, неопознанными городецким войском, царю Нур-Даулету удалось захватить пленных, как оказалось, принадлежащих к «юрту» Менгли-Гирея. Последний в связи с этим просил, чтобы Иван III «у тех казаков те головы поимал и отдал их»[173].

Наконец, в 1491 г. крымский хан просил помоши великого князя всея Руси для совместных действий против Орды (в связи с переходом Абдул-Керима и Шиг-Ахмата на Овечью воду и Самару): «Нынечя *казанских казаков* привед и брата моего *Нур-Доулатовых царевых казаков* всех посадив, сына его Салтагана в головах учинив, своих добрых крепких людей вместе прикошовав, двадцать крепких людей пришлешь борзо»[174]. Во всех случаях казаки — участники войска «царя»; в последнем случае они даже противопоставляются «людям» великого князя.

Одновременно на службе у Ивана III находились просто «татары»; среди них Шемердень Умачев, выполнявший даже обязанности посланника в Крым[175]. Некий Мардан-аргын жил у Ивана III, и Менгли-Гирей неоднократно в 1491, 1492 и 1493 гг. обращался к великому князю с просьбой отпустить его (без ведома Нур-Даулета, при дворе которого он, видимо, находился в 1491 г.)[176].

Летописи знают и казачьи отряды городецкого хана Касима: войска последнего и его сына Айдара участвовали в 1471 г. в походе Ивана III на Новгород. Казаки царевича Муртазы, сына хана Мустафы, оставались в Москве при Иване Ивановиче Молодом в том же 1471 г.[177] В 1493 и 1496 гг. летописи сообщают о набегах и грабежах ордынских казаков[178]. С 1499 г. в них начинают упоминаться и азовские казаки[179]. Первое упоминание о казаках на московской службе за пределами Руси относится к 1474 г. Оно принадлежит десяти генуэзским бюргерам и купцам, которые жаловались правлению банка св. Георгия на то, что их торговые караваны подверглись ограблению купцами «господина» (domini) Москвы, прибывшими в Кафу из тех краев. Одновременно они обратились в Москву и, не получив ответа[180], вынуждены были просить консула Кафы о задержании товаров московского великого князя и московских купцов. Попытка

---

[172] Сб. РИО. Т. 41. № 13. С. 49.

[173] Там же. № 16. С. 58. II.1487.

[174] Там же. № 28, 29. С. 105, 120. 25.IV.1491, 26.IV–V.1491.

[175] Там же. № 12, 14. С. 44, 52–54. 31.VII.1485, VI.1486.

[176] Сб. РИО. Т. 41. № 32, 34, 43. С. 121, 138, 197. XI.1491, III.1492, X.1493.

[177] ПСРЛ. Т. VI. С. 9; Т. 20. Ч. 1. С. 290.

[178] ПСРЛ. Т. XII. С. 236, 237; Т. XXIV. С. 239, 240.

[179] ПСРЛ. Т. VIII. С. 238, 240; *Сыроечковский В. Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Изв. АН СССР. 1932. № 2. Сер. VII. Отд. общ. наук. С. 205–206.

[180] *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-liguri durante la Signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475). Genua, 1879. Vol. II. P. 2. № 1102. P. 114.

Иванчи Белого разрешить конфликт оказалась безуспешной, и следующий русский посланец в Крым Н. И. Беклемишев должен был объявить консулу, что московский великий князь не причастен к ограблению, считая это делом рук «царевичевых казаков», т. е. казаков из Городка, будущего Касимова[181)]. М. Грушевский на основании данного сообщения сделал вывод, что казаками именовались в ту пору все обитатели степей вне зависимости от происхождения[182)]. Г. Штекль, считая сообщение русского дипломата достоверным, настаивает на том, что главную опасность для каффинцев представляли не московские, но крымские казаки[183)].

О службе казаков в качестве проводников и гонцов впервые известно из посольских дел 1486 г. К Семену Борисовичу Брюхо Морозову, послу в Крым, были прикомандированы уланы Курчбулат и Кыскач во главе небольших отрядов мещерских казаков, которые и должны были извещать великого князя о ходе переговоров[184)]. Менгли-Гирей просил в 1491 г. Багавыдана, «бы велел своим добрым казакам проводити, которые гораздо знают в Поле»[185)].

В присяжной грамоте Абдул-Латифа есть две статьи, касающиеся деятельности именно казаков. В статье о пленниках, бежавших на Русь, предусматривалась возможность встречи их с казаками: «а прибежит на наши казаки, и нашим казаком тех не имати, ни грабити, отпущати добровольно». Вторая касалась взаимоотношений внутри воинства самого Абдул-Латифа во время военных походов или казачьих вылазок: «А где пойдем на ваше дело с вами вместе или с нашею братьею или опроче вас, или уланов и князей и казаков своих отпустим, или *казаки наши куды пойдут на Поле*, ино промеж нас и промеж наших уланов и князей и казаков не быти лиху никоторому нигде»[186)]. Поскольку у самого Абдул-Латифа, по заявлению его матери Нурсалтан, по приезде на Русь почти не было собственных слуг, можно думать, что эти статьи восходят к типовой присяжной грамоте городецких царевичей и, соответственно, фиксируют отношения, сложившиеся ранее 1508 г. Любопытно, что казаки, согласно этим грамотам, не только несли сторожевую службу на Поле (поэтому выбежавшие из плена русины могли встретить именно их), но и предпринимали самостоятельные вылазки в Поле.

Их социальное положение в Крыму было весьма своеобразным. Низший из военнообязанных слоев, лишенный привилегий князей, мурз, уланов, источником своих доходов имел, по-видимому, лишь долю от военной добычи, не участвуя в эксплуатации черных людей Крыма. Как

[181)] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 8.

[182)] *Грушевський М.* Казацi в 1470-х рр. // Записки Наукового Товариства iм. Т. Шевченко. Т. 56. 1903. С. 1–6.

[183)] *Stökl G.* Op. cit. S. 50–517.

[184)] Сб. РИО. Т. 41. № 13. С. 50. Об их происхождении из Мещерского города см.: Там же. С. 52, 57, 176, 230. VIII–XII. 1515.

[185)] Там же. № 28. С. 107. 25.IV.1491. По мнению Г. В. Губарева, это были путивльские казаки или северуки (*Губарев Г. В.* Книга о казаках: Материалы по истории казачьей древности. Париж, 1959. С. 265), однако первые упоминания о них он относит к 1503 г.

[186)] Там же. Т. 95. № 2. С. 50–51. XII.1508.

изменялось их положение после перехода на службу великому князю московскому, трудно сказать. Выезжие из Орд и Крыма татары жили во многих мелких городках Московского княжества. Особенно заметно было их присутствие в бывшем Серпуховско-Боровском княжестве: в Щитове[187] и Ростунове[188]. Из южных московских городов такое поселение известно в Коломне и Коломенском уезде (Левичино названо татарами «своей деревней»[189]). Коломна была одним из главных пунктов поселения служилых татар. Здесь отмечены две группы — Васильевские татары и Чигиревы товарищи. Сосредоточение их здесь понятно, ибо именно из Коломны начинался путь на юг, который вел через Поле, в «Перекоп», «в Орду». Наконец, два поселения находились в Дмитровском уезде — в Берендееве[190] и в Ижве[191]. В начавшей быстро развиваться Великой Слободе (Слободе, а позднее — Александрове)[192] также находилось такое поселение. Наконец, одно из них отмечено в Сураже[193]. В исполнении обязанностей проводников в 1487 г. участвовали «княжи Михайловские татары»[194] — либо князя Михаила Андреевича Верейского, либо Михаила Борисовича Тверского.

Ограничение в конце XV в. прав удельных князей в области самостоятельных сношений с Ордой высвободило за ненадобностью те кадры служилых иноземцев, которые ранее содержались, вероятно, в каждом княжестве. Теперь этими кадрами стал распоряжаться великий князь, как в случае с «татарами» князя Михаила. Таким образом, централизация сношений с Ордой или Ордами привела к большим и зримым успехам, передав в руки великого князя многочисленные отряды татар, выполнявших вспомогательные обязанности при дипломатах.

Формы социальной организации служилых татар отличались от тех, что существовали в это же самое время в Крыму или Орде. Среди 9 групп татар, отмеченных в посольской книге под 1487 г., две группы носят название «товарищи»: Машейковы товарищи в Щитове, Чигиревы товарищи в Коломне. Три группы названы неопределенно — «татары», но с указанием имен лиц, которым они принадлежали — Васильевские татары в Коломне, Кабайрачеевские татары в Сураже, татары «княжи» Михайловские. Таким образом, очевидно, что эти группы объединяла служебно-официальная общность, а не общность их местопребывания. Ни одна из групп не имеет наименования, происходящего от топонима или родственных связей; лишь изредка указаны их кровные или близкие отношения между собой[195).

---

[187] Сб. РИО. Т. 41. № 19, 64. С. 70, 310. Щитов находился в пределах Серпуховско-Боровского княжества.

[188] ДДГ. № 17, 61. С. 46, 169. 1401–1402, 1461. Ростуново располагалось в пределах Серпуховско-Боровского княжества. Ростунова слободка была выделена Владимиром Андреевичем своему сыну Ярославу вместе с Хотунью. Позднее Василий II завещал его своей жене.

[189] Сб. РИО. Т. 41. № 95. С. 511. Левичино находилось на полпути между Москвой и Каширой. ДДГ. № 4, 12. С. 15, 33. 1356 или 1358, 1389. Ср.: Там же. № 20. С. 55. 1406–1407.

[190] По локализации И. А. Голубцова, Берендеевский стан в Дмитровском уезде (АСЭИ. Т. I. С. 707). М. К. Любавский указывает, что Берендеево находилось на Истре (*Любавский М. К.* Образование основной территории Великорусского государства. С. 34, 37, 63.).

[191] Ижевский стан в Дмитровском уезде. АСЭИ. Т. I. С. 716. По М. К. Любавскому, на Оке между гг. Рязанью и Касимовым.

[192] Слобода впервые, по-видимому, упоминается в посольских делах; в актах первоначально идет речь о Слободской дороге (АСЭИ. Т. I. № 110, 154, 407, 1433–34, 1467–74, 1471–72. В последнем случае говорится о Великой Слободе).

[193] Служилые татары из Суража и Ростунова также именуются казаками: Неболса, Орозхозя, Бахтеяр, «те три бедные казаки твои, года в два, в три одолжали, нас для, о твоем деле много потомился». Там же. С. 106. Ср. там же. С. 70 — о двух первых, 301, 310 — о Бахтеяре.

[194] Сб. РИО. Т. 41. № 19. С. 70. X.1487. Ср.: с. 310.

Формирование русскоязычного казачества на территории Рязани, по-видимому, происходило более быстрыми темпами, чем в остальных княжествах Северо-Восточной Руси. Уже в 1515 г. все названные по именам казаки Рязани были русскими — Дунка Филимонов, Назар Кривой, Андрейко[196). О первом из них можно с уверенностью утверждать, что он был сыном русского, а не обрусевшим татарином. К сожалению, приказ о найме 10 рязанских казаков для сопровождения османского посланца Алакозя[197) не содержит имен. При отправке из Москвы в Стамбул Василья Михайловича Третьяка-Губина в июне 1521 г. в качестве сопровождения ему были выделены две станицы казаков — Иван Склеенов «с товарищи» и Игнат Борисов «с товарищи», в каждой станице по пять человек[198). Известно, что в Кафе также находились казаки русины[199). 21 февраля 1521 г. в Азов были отправлены казаки, названные «своими» в послании Василия III султану Сулейману, девять из которых имели русские имена и фамилии, и лишь один (Четай) назван «татарином»[200).

Замену казаков татарского происхождения русскими нельзя объяснить только одним обрусением татар, находившихся на русской службе. В пределах самой Руси формировалась новая группа населения — казаки. Даже в центральных районах Русского государства в начале XVI в. уже жили отдельные казаки. Так, в троицком с. Клементьеве под Радонежом в 1503–1504 гг. среди дегтярей, кузнецов, скоморохов и прочих, не названных ни по профессии, ни по происхождению «хрестьян» (около 100 человек) жили и два казака[201). В митрополичьей деревне Бродово Вологодского уезда один из двух жителей был казаком[202).

Вторым десятилетием XVI в., видимо, можно датировать начало формирования русского служилого казачества в пределах княжества всея Руси. Его социальная организация напоминала крымскую и ордынскую с той лишь разницей, что каждый отряд именовался русским термином «станица». Это сходство совершенно естественно, ибо служилые казаки

[195) Сб. РИО. Т. 41. № 15. С. 54–55. 3.III.1486.

[196) Там же. Т. 95. С. 140, 143, 229, 667. Именно к 1515 г. Г. В. Губарев относит первое упоминание о московских казаках (*Губарев Г. В.* Указ. соч. С. 261).

[197) Сб. РИО. Т. 95. С. 413.

[198) Там же. № 38. С. 704.

[199) Там же. С. 676.

[200) Там же. С. 676–677.

[201) АСЭИ. Т. I. № 649. С. 565–566.

[202) АФЗХ. Ч. I. М., 1951. № 170. С. 157.

выполняли одни и те же функции независимо от этнической принадлежности, причем осуществляли их в одних и тех же условиях неосвоенного еще Поля, при тесном соседстве орд и ханства, по-прежнему представлявших опасность для проезда дипломатов и торговых людей и провоза товаров. В условиях отсутствия русской регулярной сторожевой службы их деятельность была чрезвычайно важна.

Заключение

В Восточной и Центральной Европе в конце XV – начале XVI вв. между суверенными и полусуверенными государствами существовало несколько типов отношений, формирование которых зависело не только от их статуса, но и от конкретных геополитических условий. Это были союзнические связи без общей границы (княжество всея Руси и Священная Римская империя германской нации), союзническо-конкурентные с общей границей (города северо-запада Руси Новгород и Псков с Ливонским орденом), конкурентные с такой же границей (княжество всея Руси и Великое княжество Литовское), конкурентные без общей границы (Русь и Корона Польская), конкурентно-зависимые с общей границей (Русь и Казанское ханство), конкурентно-зависимые без общей границы (Русь и Крым; ВКЛ, Корона Польская и Крым). Определение «конкурентные» предполагает в первую очередь борьбу за спорные земли.

Два последних типа отношений — это наследие предшествующей эпохи, когда русские земли находились во всесторонней зависимости от Джучиева улуса — политической и экономической.

Значение русско-крымского договора 1474 г., неоднократно возобновлявшегося на протяжении изучаемого периода, состоит именно в том, что это был договор, предлагавший равноправие сторон, первый из серии подобных документов, заключенных Московским княжеством с государством-наследником Золотой орды. В этом его коренное отличие, например, от докончания Дмитрия Донского с беглярбеком Мамаем, которое, впрочем, было прообразом нового типа отношений Руси с государствами Джучиева улуса. Однако главной темой докончания Дмитрия Донского было установление размеров «выхода», что вполне соответствовало зависимому характеру отношений Московского княжества и Орды. В договоре 1474 г. не было речи о политической зависимости. Впервые в отношениях Руси с пост-золотоордынскими государствами на первый план вышли союзнические отношения в борьбе против общего врага — Большой орды; отсутствовал пункт о финансовой (шире — экономической) зависимости Руси. Даже тогда, когда исчез общий враг, а бывший союзник (Крымское ханство) превратился во врага Руси, унаследовав ордынскую идеологию, достигнутый в предшествующее время юридический уровень отношений не понизился. И, проделав решительную эволюцию «в обратном направлении», превратившись из союзника в противника, встав на сторону основного «конкурента» Русского государства — Великого княжества Литовского, крымско-ордынский хан не мог ставить вопроса о политической зависимости Руси от него. Противостояние, достигшее кульминации в 1521 г., имело причиной не столько политические, сколько экономические вопросы.

Тем не менее эта сфера международных отношений коренным образом отличалась от всех других. Своеобразие русско-крымских отношений заключается в том, что споры из-за территорий и их границ отнюдь не были их лейтмотивом. «Конкуренция» шла не за территории, принадлежавшие тому или иному государству, и даже не за право осваивать простиравшиеся между ними нейтральные плодородные земли Поля, но за закрепление или избавление от различных форм экономической зависимости. Материализованные в виде разнообразных платежей в Крым пережитки политического неравноправия, унаследованного от Золотой орды, рассматривались в ханстве как драгоценное наследие Джучиева улуса, а на Руси — как путы, сковывавшие ее экономическое развитие, как тяжкие кандалы, висевшие на ногах Русского государства и не позволявшие ему двигаться вперед.

Зафиксированный в договорах отказ от пошлин с большим трудом русских дипломатов внедрялся в жизнь. Поминки были непомерно велики, к ним добавлялись и колоссальные «запросы», ложившиеся тяжелым бременем на великокняжескую казну, а соответственно, и великокняжеских подданных. Не исчез, несмотря на все старания, обычай сюнча, который для крымского хана был одной из возможных форм побора. Своеобразным был и характер русско-крымских торговых связей. Они в небольшой степени велись непосредственно между государствами, в основном же южная торговля Руси ориентировалась на связи с Османским султанатом, а Крымское ханство лишь «стригло купоны» с этой торговли, как взимая таможенные пошлины, так и попросту грабя русских купцов. Далеко неизжитым и еще долго остававшимся таковым явлением был плен. Нельзя сказать, чтобы отношения княжеств Северо-Восточной Руси друг с другом или с западными странами были лишены такого уродливого явления, как увод в плен населения. Однако в русско-крымских отношениях масштаб и характер пленения придавал ему качественно иной характер: с крымской стороны в плен попадали лишь воины, с русской — не говоря уж о воинах, жертвой набегов, в значительно большей степени, чем с крымской стороны, оказывались женщины и дети. Добыча рабов с помощью постоянных и мелких набегов или такого грандиозного предприятия, каким был поход 1521 г., имела своей целью экспорт рабов в Османскую империю. Роль поставщика рабочей силы Крымское ханство, еще в 1475 г. ставшее вассалом султаната, выполняло исправно.

Своеобразную форму принимали и социальные связи. Переход в Русское государство на службу из других стран — Великого княжества Литовского и Ливонии — отнюдь не был редкостью. Однако выходцы из Литовского княжества приходили с собственными землями, получаемыми в вотчину от русского государя, наемники же из Ливонии обеспечивались, по-видимому, за счет великокняжеской казны. Выходцы из Крыма сосредоточивались в основном в двух местах — более знатные в Городке, Царевичевом городке, будущем Касимове, либо получали другие кормления, рядовые — служилые татары или казаки — оседали в слободах сначала князей независимых княжеств, а потом великого князя. В сфере русско-крымских отношений шлифовался тот стиль «казакованья», который послужил одной из основ формирования казачества в середине и второй половине XVI в.

Отличались от других стран характер и размеры культурных связей этих государств. Как правило, ханству требовались ремесленники различных специальностей, в первую очередь каменщики и сокольники. Первые — в связи с большим размахом военного строительства, вторые — на потребу ханского двора. На Русь из Крыма выезжали лишь лекари, знахари, которые, вероятно, владели тайнами восточной медицины.

В контактной зоне княжества всея Руси и Крымского ханства быстрее формировались этнические представления. Если в центральных районах Руси жители именовались по городу или земле, откуда они происходили (новгородец, москвитин, ржевитин, тверич и т. д.), то в пограничье между различными культурами появлялись обобщающие понятия «русин» или «русак»¹⁾.

Первые двадцать пять лет русско-крымских отношений при всей их сложности и противоречивости отличались единством цели — борьбой с Большой ордой. Решение этой задачи развело бывших союзников. Формирование великодержавной политики Крымского ханства, ускорившееся вхождением в него части ордынцев из Большой орды, стремление создать державу по образцу Тохтамышевой, простиравшуюся вдоль двух морей, обратило основное внимание крымцев на восток — к Астрахани. Не будучи в состоянии выполнить задачу ликвидации Ногайских орд собственными силами, Крымское ханство активно привлекало к ее решению две другие державы — Османский султанат и Русское государство. Результатом этого оказалось, с одной стороны, усиление влияния султаната в самом ханстве, и с другой, нарастание противоречий между Русью и ханством, поскольку Русь еще не была готова к активному продвижению в низовья Волги. Противоречия разрешились «крымским смерчем» 1521 г., который привел не только к сдвигам внутри государственного аппарата Руси, но и к постановке новых внешнеполитических задач. Именно благодаря активности Крыма Русь вынуждена была ускорить темп строительства крепостей на Суре и Свияге, срочно обратиться к окончательному решению казанской проблемы. Очевидно было, что до тех пор, пока Крым не добьется участия Руси в борьбе за Астрахань, союз этих государств невозможен.

Но государственные интересы Руси требовали овладения Казанью и ликвидации угрозы со стороны Казанского ханства. Создание мощного русского речного флота на Волге вряд ли было тогда первоочередной задачей.

Политике Крыма Русь обязана русско-турецкой войной 1569 г., которую турецкие историки иногда называли пьесой без начала и конца. У этой пьесы было начало — оно лежало в великодержавной политике Крыма первых десятилетий XVI в. Если попытаться оценить в целом значение русско-крымских связей для развития Руси, то следует иметь в виду и этот несколько неожиданный аспект их политических отношений.

---

1) Сб. РИО. Т. 95. № 2, 13. С. 50, 232.

В экономической области сношения с Крымом, несомненно, были тормозящим явлением. Они ориентировали русское хозяйство на развитие промыслов, морского рыболовства, скорнячного дела и лишь отчасти металлообработки, создавая предпосылки для консервации сугубо аграрного облика страны. Финансовое бремя, которое несла государева казна вплоть до правления Петра Великого, выполняя унизительные обязанности отправки в Крым поминков и запросов, лежало на трудовом населении страны и, как и прежде, в годину ордынской зависимости, калечило душу народа. На этой почве легко прорастали побеги ксенофобии и, впоследствии, шовинизма.

Послесловие

Воплощение замысла оказалось значительно слабее того импульса, во многом бессознательного, тех чувств, которые лежали в его основе. Разумеется, они были не единственными. Ощущение ослепительного открытия от книги моего университетского учителя Михаила Николаевича Тихомирова «Средневековая Россия на международных путях» 1966 г. заронило зерно интереса к южным связям Руси. Но книга 1980 г. «Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в.» получилась — увы — однобокой, что наглядно показали исследования Ю. Г. Алексеева и В. Д. Назарова. И это вызвало очевидную научную необходимость обращения к русско-крымским отношениям.

Крым для меня — земля далеких праотцев, такая же, как Русь в домонгольском понимании этого термина. С детства с портрета прадеда, Аркадия Петровича Черного, смотрел на меня татарин, наградивший автора широкими скулами и любовью к лошадям, которых он разводил в Орловской губернии. А один из сыновей — вылитый портрет отца — сам приходил в дом до начала 60-х гг. Из южных краев XIX в., конкретно, Липецка происходили и обе бабушки. В рассказах бабушки по матери — Анны Эпафродитовны, урожд. Лодыгиной, вечно упоминался Усть-Медведицкий монастырь, где настоятельницей была ее крестная мать, а также «подвиги» деда — Валентина Аркадьевича там же («слуга царю, отец солдатам» прятался от донской жары в монастырские погреба). Не чужда автору и другая «украина», на которую, как и на северо-восточную Русь, совершали набеги мои далекие татарские предки. С детства я слышала передаваемые шопотом рассказы о каком-то майорате в Галиции или на Черниговщине, скорее всего, мифическом, а Петр Андреевич Зайончковский, приведя нас, студентов, к себе в «Горьковку» (Научную библиотеку МГУ) на занятия библиографией, напугал меня (это ведь рубеж 40–50-х гг.), сходу разыскав среди чинов Киева середины XIX в. какого-то Хорошкевича (спустя несколько десятилетии С. В. Думин неожиданно сообщил о своей находке. Оказалось, Петр Андреевич был прав: мой родственник. Федор Иванович, участник первой Отечественной войны, чем-то ведал в этом городе). Подсознательное чувство причастности — личной или через предков, к порой довольно мрачному водовороту межнациональных отношений на юге Руси и в Крыму было гнездившимся в подкорке и далеким от понимания разумом фоном замысла книги. Это сейчас, в середине 2000 г., я могу рассказать словами неотрефлектированные и неосознанные ощущения первой половины жизни.

В 80-е же годы более отчетливы и ясно выражены были другие чувства: любовь к миру детства и населявшим его людям. Крым — оазис безоблачной радости, солнца и спокойствия. Дети — двоюродные сестра, брат Юрочка, бабушка Манефа Аркадьевна, иногда отец и я в Алуште в середине 30-х гг. Помимо моря и всего, что с ним сопряжено, например, тогда еще возможной ловлей огромных крабов, — первое соприкосновение с миром «чужого» — татарские улочки, образованные высокими каменными стенами домов и заборов, незнакомые одежды, непонятный говор и рыцарски благородное и уважительное отношение к татарам Леонида Николаевича, прививавшего подобное отношение не только к ним, но и ко всем «малым» национальностям — первые уроки подлинного и ненавязчивого интернационализма. Потом были поездки вдвоем с сыном, вдвоем с мужем — но уже в другой Крым, в степные районы, некогда населенные татарами, и в Форос, тогда памятный больше всего зимовками там Александра Александровича Зимина в конце 70-х гг. А по иронии судьбы мои внуки оказались еще более связаны с районами Поля: предки одного деда родом из огромного Воронежского села Грибановка, а другого — из ближайшего к Усть-Медведицкому монастырю Урюпинска.

Работая над книгой, я думала не только о Руси и Крыме XV–XVI вв. и Поле, разделявшем и своеобразно соединявшем Крым и Русь, но и о тех близких и дорогих людях, с которыми связаны мои представления о Крыме. Большинства их нет, их унесла естественная или ускоренная обстоятельствами советского строя жизнь. Лишь Юрочка, обаятельно мягкий и деликатный, бесконечно талантливый Юрий Сергеевич Черный, не дожил даже до совершеннолетия, не став ни музыкантом, ни географом, о чем мечтал. Он погиб в неполные 17 лет под Смоленском в сентябре 1943 г. ...

И совсем в заключение: хотелось бы только надеяться, что во всем этом регионе Восточной Европы, а не только ограниченном треугольником Москва—Крым—Львов, наконец-то воцарится прочный мир и никогда больше не прольется кровь всех моих соотечественников и сородичей, а внуков — Арсения, Ивана и Петра Федориных минует участь Юрия Черного.

Приложение

Хронологическая таблица правления великих князей московских и всея Руси (1), крымских ханов (2), великих князей литовских и королей польских (3), турецких султанов (4), казанских ханов (5)

1	2	3	4	5
Иван III Васильевич (1462–1505), вел. кн. моск., всея Руси (с 1478 г.)	**Хаджи-Гирей (около 1428–1456), Хайдар-Гирей (1456?), Хаджи-Гирей (1456–1466)**	**Казимир IV Ягеллон, вел. кн. лит. (1440–1492), кор. польск. (1447–1492)**	**Мухаммед II (1451–1481)**	**Улуг-Мухаммед (1437–1445), Махмуд (1445–1464), Халил (1464–1467)**
	Нур-Даулат-Гирей (1466)			
	Менгли-Гирей (1466–1474)			**Ибрагим (1467–1478)**
	Нур-Даулят-Гирей (1474–1475)			
	Менгли-Гирей (1475–1476) Нур-Даулат-Гирей (1476–1478)			**Ильгам (1478–1487)**
Василий III Иванович (1505–1533), вел. кн. моск., всея Руси	**Менгли-Гирей (1478–1514), Мухаммед-Гирей (1514–1523)**	**Ян Ольбрахт, кор. польск. (1492–1501), Александр, вел. кн. лит. (1492–1506), кор. польск. (1501–1506), Сигизмунд I, кор. польск., вел. кн. лит. (1506–1548)**	**Баязид II (1481–1512), Селим I (1512–1520)**	**Мухаммед-Эмин (1487–1496), Мамук (1496), Мухаммед-Эмин (1497–1502), Абдул-Латиф (1497–1502), Мухаммед-Эмин (1502–1518), Шах-Али (1519–1521)**

Список сокращений

АЕ — Археографический ежегодник
АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВЛГУ — Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.—Л., 1950
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИЗ — Исторические записки
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Сб. РИО — Сборник имп. Русского исторического общества
AC — Acta orientalia
CASS — Canadian-American Slavic Studies
CMRS — Cahiers du Monde russe et sovietique
JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
PSB — Polski slownik biograficzny
RO — Rocznik orientalistyczny

Указатель имен

Абд аль-Карим 100
Абдула (Абдулла) 95, 148, 252, 307
Абдул-Керим (Абдыл-) 149
Абдул-Латиф 18, 50, 65, 103, 162, 165, 169, 185, 196, 206, 207, 264, 266, 268, 273, 275, 286–295, 298, 301
Абляз-бакшей 276
Абрахамович З. 32
Абуль-гази Бахадур хан 9, 31, 118, 138
Аваз 211
Авель-ших 181
Агыш мурза 96, 97, 138, 169, 202, 214
Ад-Рахман 173, 214
Аеги 153
Азбек 202
Азика 95, 97, 169, 195, 215, 223, 250, 251, 297, 303, 305
Ази-Халиль 159
Ази-баба (Хаджи-баба) 123, 124, 126, 127
Ак-Даулет Ахкуртов 305, 306
Ак-Керек 158
Акчораклы О. 52, 96, 97
Алакозь 105, 107, 312
Алевиз Новый 99, 110
Алегам 275
Александр (Олелько) Владимирович Киевский 74
Александр Михайлович Пронский 235
Александр Тверской 240
Александр Ягеллон 35, 44, 75, 80, 99, 109, 114, 120, 131, 140, 150–156, 158, 159, 161, 166, 167, 186, 225, 231, 244, 247, 255, 267, 277, 281, 282, 288, 320
Александр, папа 84
Александров Дмитрий Иванович 181, 200, 214, 220
Алексеев Ю. Г. 16, 19, 51, 58
Алексей, митрополит 122, 227
Али-Салтан 172, 173
Али-улан 93
Алп-Гирей-салтан 121
Ал-Чагыр (Чагир) 180
Амазео Григорио 86, 87
Амосов А. А. 32, 33
Андреев Остап (Останя) 184, 189, 190, 198, 207, 221, 248, 257
Андрей Васильевич Большой 280
Андрей Немирович 172
Антонио 82
Аппак 26, 95, 96, 103, 107, 120, 138, 181–184, 190, 195, 200, 202, 205–207, 221, 222, 240, 241, 245, 249, 251, 257, 264, 269
Аргины 289, 295
Артамонов В. А. 7, 242
Арциховский А. В. 33, 124
Асан-мурза 125, 126, 176, 256
Асман 106
Ахмат, хан 41, 43, 57, 82, 89, 97, 100, 101, 114, 123, 126, 142–146, 149, 153, 173
Ахмет-паша 205, 262
Аюрбарибада 132

Баба-ших 24, 178, 179, 251
Багавадын, мурза 109
Базилевич К. В. 5, 38, 55, 69, 74, 75, 119, 141, 146, 149, 150, 158–161, 164, 175
Балязин В. Н. 86
Бакенис (*Банионис*) *Э. Д.* 6, 10, 15, 21, 22
Бантыш-Каменский Н. Н. 9
Бараш 95, 150, 231, 261
Барбаро 82, 109, 149
Барвиньский Б. 29
Бартольд В. В. 158, 308
Барыны 61, 72, 95
Батюшков Семен 306
Бахрушин С. В. 52, 68
Бахтияр Ширин, мурза 107, 176, 197, 217
Бахшеиш 194, 235
Баязид II, султан 46, 59, 60, 86, 105–107, 144, 149, 152, 163, 170, 230, 265, 303, 320
Беклемишев Никита Иванович 116, 123, 124, 126, 127, 129, 140, 245, 252, 310
Бердибек 227, 293
Бережков М. Н. 11, 16, 18, 21–23, 26, 38–40, 42, 120, 137, 139, 140, 211, 213, 282
Березин И. 10, 36, 132
Бери улан 253, 304

Берсень-Беклемишев И. В. 304
Бершадский С. А. 12
Берю-улан 93
Берючек 181, 214
Бестужев М. 144
Бети 166
Блюменфельд Г. Ф. 38
Богатырь-салтан 121, 173, 176, 180, 181, 183, 184, 192, 197, 208, 213, 214, 220, 222, 224, 244, 246, 257, 258, 268
Богдан Кривой 223
Болдур А. В. 74
Борзенко 99
Борис Тебет Уланов 305
Борис, предок Глинских 98
Борисов Игнат 312
Бочук 144
Броневский Вл. 35
Броневский М. 32, 110
Буганов В. И. 27, 28
Бурнаш-Гирей 111, 161, 166, 220, 260
Бусут 223
Бычкова М. Е. 98
Бюшинг А. Ф. 89

Ваповский Бернард 30, 78
Василий II Васильевич 114, 117, 118, 227, 231, 232, 300, 311
Василий III Иванович 16, 20, 26, 31, 43, 50, 54, 55, 65, 79, 80, 87, 114, 120, 121, 126, 141, 166, 168, 169, 171, 174, 176–185, 187–191, 193–195, 197, 198, 201, 204, 206, 207, 213, 215, 217, 218, 220, 228, 234–236, 238, 240, 244, 245, 248–251, 254, 256–258, 263, 265, 267–269, 285, 287–291, 294, 295, 298, 300, 301, 305, 307, 312, 320
Василий Иванович Шемячич, кн. 15, 161, 168, 174, 192, 217, 222, 305
Василий Мелехдаирович 305
Василий Рязанский, кн. 290
Вахидов С. Г. 13, 229
Вейнрейх К. 73
Вельяминов-Зернов В. В. 11, 37, 96, 110, 187, 239, 286, 298, 302, 304
Венцеслав IV Чешский 208
Венцлав Миколаевич 31
Верейский Михаил Андреевич 231, 232, 311
Весела Зд. 90
Веселовский Н. И. 9, 11, 28, 41, 42, 96, 128, 197, 201–203, 241, 263
Винцент Бовэзский 270
Витовт 29, 42, 43, 133–135, 145, 146, 167, 235, 289, 296
Вишневский В. А. 52
Влалимир Андреевич, кн. 311
Владислав Ягеллон 74–76, 78, 79
Волконские 173
Вологдин Б. П. 92
Воронцов Михаил 218
Воротынские кн. 146
Воротынский Иван 173, 217
Воротынский Иван Михайлович 222, 235
Всеволожский Иван Дмитриевич 118
Вяземские кн. 146

Гаврило (Гаврик) 190, 200, 223
Гарибальди Августин 110, 170
Гвизольфи Захарий 89, 111
Геммет-Гирей 106, 173, 214, 217, 249, 284–286
Генрих V 209
Герберштейн Сигизмунд 20, 31, 86, 200, 207, 223, 254, 282
Гернгросс (*Всеволожский*) *В.* 110
Геронтий, митрополит 231
Гиреи 90
Глинская Елена 98
Глинские *см. также* Скиндер, Мамай, Мансур, Олекса, Иван, Борис, Лев 98
Глинский Богдан [Федорович] 89
Глинский Василий Борисович 151, 152
Глинский Иван Борисович 145, 146, 150
Глинский Михаил Львович 19
Голенко А. В. 6
Головин Петр 26, 205
Голохвастов Б. Я. 87
Голтяев Андрей Федорович 273
Голубинский Е. Е. 229, 244
Голубцов И. А. 121, 231, 292
Греков Б. Д. 53, 90
Греков И. Б. 44, 56, 57, 81, 177
Грибец Иван 260
Григор 19
Григорович И. И. 9
Григорьев А. П. 29, 56, 57, 59, 110, 128, 131–133, 138, 139, 144, 163, 235, 263, 293
Григорьев В. 10

Грушевский М. 41, 146, 308, 310
Губарев 310, 312
Губин-Третьяк Василий Михайлович 312
Гутри 35

Давыдов Г. Ф. 205
Даль В. И. 117, 228, 231, 241, 256, 268, 277, 278, 280, 303
Данилов Дмитрий 306
Даньяр 143, 283, 293, 300
Дашкович Остафий 172, 187
Девлет-Келдей (Довлет-) 269
Девлет-улан 257
Девлет-яр 237, 238
Девлеш 91, 276–278, 280, 281, 285
Джанибек (Зенебек) 95, 115, 125, 143, 144, 227, 273–278, 280, 281, 284, 290, 292, 308
Джевицкий Матвей 78
Дженай, Зенай, Янай 286, 294, 304
Димитров С. А. 46
Длугош Ян 143
Дмитрий Иванович Донской 125, 314
Дмитрий Михайлович Тверской 242
Дмитрий Путятич 99, 152, 154, 159, 161
Добродомов И. Г. 7, 122, 134, 229
Довлетек, ширин, Девлет-Яр 95, 143, 155, 167, 202, 206, 215, 231, 245, 248, 253, 262, 276–278, 280–282, 297
Довлет-Бахты 95, 251
Довнар-Запольский М. В. 12, 290
Догель М. 10
Долматов Третьяк 152
Домбровский О. И. 92, 93, 99
Дунаев Б. И. 13
Дюличев В. П. 72

Ебага-улан 92
Ебелек 257
Егуп 264
Едигей 90, 97, 250
Едигей 269
Екатерина II, императрица 35, 36
Елбердей 273
Елена Стефановна Волошанка 20, 159
Елюка 257

Жижка Ян 208
Жонай салтан ср. Дженай 156

Заболотский Алексей 156, 158
Заболоцкий К. 18, 166, 194, 198, 201, 208, 217, 249, 252, 255, 266, 302
Загоровский В. В. 161, 162, 168, 170, 174, 188
Захария 188
Звенец Иван Иванович 144, 275
Зимин А. А. 5, 18, 29, 51, 58, 73, 87, 89, 121, 127, 136, 148, 167, 168, 170, 187, 214, 222, 228, 258, 259, 272, 273, 280, 286, 293, 298, 300, 301

Ибак 158
Ибн-Абдез Захар 202
Ибрагим 65, 97, 257, 275, 320
Ибрагим, писарь, сын Темирчина 135
Ивак ногайский 241
Иван (Иванча) Белый 115, 281, 283, 310
Иван III Васильевич 20–22, 41, 43, 46, 67, 68, 73–76, 79–85, 93–95, 99, 100, 113–117, 119–121, 126, 129, 135, 136, 142–146, 149–156, 158, 160, 161, 166, 169, 175, 206, 216, 226, 228, 232–236, 238, 243, 246, 247, 253–255, 260, 262, 264, 269, 274, 276–278, 280, 281, 283, 284, 293, 295, 297–300, 302–304, 308, 309, 320
Иван IV Васильевич 18, 33, 98, 207
Иван Иванович Молодой 20, 74, 280, 309
Иван Федорович Рязанский 299
Иван Юрьевич [Патрикеев] 80
Иван, предок Глинских 98
Ивашенцов 135, 146, 167
Ивашко Сапежич 151, 159
Ильин Труфан 205, 206
Индова Е. И. 23, 60, 197, 198
Иоанн Галифонтийский 98
Иомудский И. Н. 124, 207, 263
Исенек 95
Исень-Тюгель 251
Иткара 259
Ищенко С. А. 96

Казакова Н. А. 84, 120
Казимир Кият 166
Казимир Ягеллон 21, 22, 29, 41, 57, 73, 76, 78, 79, 81, 84, 95, 97, 109, 114–116, 118, 126, 131, 133–135, 142, 144, 148, 150, 154, 232, 274, 287–290, 294, 295, 320

Казимирский В. 11
Казый 95, 253
Казы-Гирей салтан 197
Казы-Мансур 217, 305
Камбар, мурзин сын 305, 307
Камбар-Али 150
Камбар-мурза 305, 307
Карач, купец 261, 266
Карачаров Митрофан 84
Карачев Келдиш 269
Карач-мурза 216
Каргалов В. В. 56, 58, 141, 164, 168, 187
Карл VIII 86
Карпов Федор 169, 181, 205–207, 218, 220, 260, 300, 302
Карпов Г. Ф. 11, 37
Карпов С. П. 71
Касим 169, 298, 300, 309
Каспар Германович 254
Качим 213
Каштанов С. М. 7, 22, 59, 117, 159, 228
Кельдиш 214, 269
Кемал 101, 106
Кеппен П. 36, 108
Киннан Э. 275
Кипчаки 61, 72, 95, 96, 106, 203
Кирилл, еп. 140
Кискач 300
Китай Кирей, Менгли-Шиков, сын 92
Кишка Станислав Петрович 159
Кият Мамаевич 296
Клосс Б. М. 30, 32, 243, 308
Кобяков Алей 300
Кобяков Небольса 301
Когуш 114
Козин С. А. 128
Козлов В. П. 9
Койняк 266
Колли Л. 40, 88, 108
Колло да, Франческо 87
Колычев-Лобан И. 302, 303
Колычев П. А. 305
Колянковский Л. см. Kolankowski L. 29, 42–44, 142, 166, 170
Константин Михайлович Тверской 242
Контарини Амброджо 82
Коробов Василий 104
Королюк В.Д. 57, 58, 62
Космак, кн. 203
Кочин Г. Е. 259
Кочкар Зезеут 214
Кром М. М. 136, 142, 148, 215, 272, 289, 290
Кубенский Иван Семенович 154, 235
Кудайкул-Петр 301
Кудаш 214
Кудаяр-мурза (Кудояр) 138, 176, 180, 182, 184, 201, 204–206, 221, 251
Кузнецов А. Б. 56
Кулаковский Ю. 40
Кулмаматов С. 19, 29, 122
Курицын Афанасий 27
Курицын Федор 80
Курч-булат 310
Кушева Е. Н. 53
Кыскач 310

Лазарев Дмитрий 144
Лазарев В. Н. 82
Ламанский В. И. 81
Лаппо И. И. 148
Лашков Ф. Ф. 9, 11, 38–40, 94, 124, 125, 128, 141, 241
Лев X, папа 86, 87
Лев, предок Глинских 98
Лекса Мансур 296
Лекса, предок Глинских 97
Лимонов Ю. А. 143
Лихарев Давыд 156
Лохвицкий А. 37, 210, 222, 225, 238, 242
Лурье Я. С. 80, 82
Лухбердей-дуван 94
Львов Л. 40
Людовик II, кор. 87
Люк Ж. даль 32
Лютавор Хребтович 151
Лютер Мартин 209

Магмед-ага 95
Магметша 20, 106, 166, 177, 248
Максимилиан I, имп. 74–76, 78–80, 85–87
Малек-даир 275
Малиновский А. Ф. 9, 11, 69, 150
Малипьеро Доменико 83, 84
Малкова С. В. 229
Малов С. И. 13
Малова С. Е. 307
Мамай 98, 125, 314
Мамак, ширин 44, 115, 215, 218
Мамалатов Камбар мурза 297
Мамишек, сын Мустафы 300
Мамонов И. Г. 3, 89, 92, 104, 154, 159, 164, 176, 177, 180–182, 189, 194,

198, 200–203, 208, 211, 213, 214, 218, 220, 223, 240, 244, 246–248, 252, 254, 257
Мамутек, сын Улу-Мухаммеда 273, 308
Мамыш улан 95, 214, 255
Манай 220
Мангыты 61, 96, 97, 100, 101
Мансур 98
Мардан-Агын 309
Маркевич А. И. 40
Масальские кн. 136
Масленникова Н. Н. 298
Матвей Корвин 74, 78
Махмуд 273, 320
Махмуд Кашгарский 118
Махмуд-Гасан, ильхан 131
Мачанов Л. Е. 52
Маясова Н. А. 82
Мелеш-паша 296
Мелиоранский П. М. 210
Мельникова А. С. 71, 72
Мемеш ширин 96, 257
Менгли-Гирей, хан 10, 12, 13, 19, 21, 28, 29, 35, 36, 40, 41, 43, 46, 48, 50, 57, 59, 60, 63, 65–67, 69, 78, 89–95, 97–99, 102–108, 110–112, 114–116, 120, 123, 126–136, 138, 140, 142–146, 148–156, 158–160, 162, 163, 165–171, 174, 175, 177, 179, 186, 188, 190, 196, 198, 206, 216–218, 230, 232, 234–237, 240, 245, 246, 248, 249, 252–255, 260–269, 274, 276–278, 280–284, 297, 299–304, 307
Менгу-Темир 227, 259, 282, 291–293
Мерперт Н. Я. 54
Месит-паша 151
Мехмед II, султан 13, 47, 60, 102
Миних 16
Михаил Борисович Тверской 114, 155, 240, 311
Можайский кн. 146
Моро Лодовико 85
Морозов В. Г. 16, 20, 26, 103, 138, 178, 201, 217, 247, 249, 255
Мохов Н. А. 74, 75
Мурадин 214
Мурзаев Е. Л. 91
Мурзакевич Н. 10
Муртаза (Муртоза, Муртуза), сын Ахмата 97, 111, 112, 115, 143, 149, 153, 155, 283, 301, 309
Мусека, князь 255
Мусек-мурза, сын Азики 303
Мусяк 302
Мутафчиева В. П. 46
Мухаммед-Гирей 10, 14, 15, 26, 28, 43, 49, 50, 53, 57, 63, 65–67, 87, 92, 94–96, 101–103, 106, 107, 112, 120, 121, 152, 166, 171–173, 176, 179–187, 189–191, 193, 195, 197, 198, 200, 202, 207, 208, 213, 214, 218, 220–223, 230, 237, 238, 240, 245–247, 249–252, 255–258, 260–267, 285, 307
Мухаммед-Эмин 65, 70, 119, 162, 166, 167, 185, 264, 268, 275, 286, 298, 303
Мухаммед-паша 152, 183, 187
Муханов П. А. 9, 10
Мухлиньский А. 10, 37

Назаров В. Д. 7, 30, 58, 71, 142–144, 168
Нарушевич А. 29, 35, 36
Насонов А. Н. 53
Наумов В. 166, 194, 198
Неболса 218, 311
Невежин Василий 306
Некрасов А. М. 5, 7, 14, 34, 44, 60, 62, 67, 88, 95, 107, 114, 115, 146, 149, 150, 176, 177, 185, 187, 242
Нешри Махмуд 30
Никольский Н. В. 110
Новичев А. Д. 46
Новосельский А. А. 5, 22, 54, 64, 210, 272
Новосельцев А. П. 5, 6
Нур-Девлет (Нур-Салтан 38, 65, 97, 126, 202, 240, 245, 247, 254, 256, 264–266
Нур-Девлет (Нур-довлат, -Даулет, -Даулат) 13, 93, 94, 111, 115, 119, 144, 146, 163, 216, 239, 261, 273, 274, 277, 278, 297, 299, 301, 302, 304, 305, 309, 320
Нур-Салтан 38
Нурум-Салтан 121, 197

Оболенский М. А. 9, 10, 12, 121, 124, 145
Одоевский Василий Михайлович 142, 173
Одоевский Иван Васильевич 235
Одоевский Иван Юрьевич 142
Одоевский Петр Семенович 235
Одоевский Федор Львович 142

Одоевский Федор Михайлович 142
Одоевский кн. 146
Олекса, предок Глинских 98
Олферов Бад-кула Байкула 180, 183, 252
Остапчук В. П. 6, 14, 24, 32, 34, 64, 102, 104, 187
Острожский Константин 170, 217, 269
Отин Е. С. 230

Павлов-Сильванский Н. П. 298
Палецкий И. Ф. 205
Пашуто В. Т. 54
Пеленский Я. 275
Перемышльский Иван Семенович 235
Петр Великий 317
Петрушевский И. П. 54, 94
Плетнева С. А. 58, 88, 90, 93, 100
Плещеев М. А. 81, 263
Плигузов А. И. 60
Повадин Андрей 306
Подобедова О. И. 33
Поппе А. 6
Пронский Юрий 184, 201–203, 215, 221, 248
Прохазка А. 29, 42, 43, 145
Пулаский К. 12
Пунские, кн. 299
Путятин Меньшой 205–207

Радлов В. В. 12, 90, 138, 307, 308
Ралев Дмитрий Иванович 83, 84
Ралев Мануил 83
Рашид-ад-дин 128
Репня-Оболенский Иван Михайлович 303
Репня-Оболенский Петр Никитич 303
Рефик А. 44
Рихтер А. Ф. 121
Ричард II 209
Рогожин Н. М. 15, 18, 20, 23, 69, 294
Романова Г. Я. 117
Ромодановский Семен 159, 204
Ромодановский В. В. 119, 247, 260, 302
Ростовский А. В. 304, 305
Румянцев Н. П. 9, 10
Руно Иван Дмитриевич 308
Ряполовский С. И. 80

Саадат-Гирей 10, 39, 62, 106, 107, 132, 264
Сакович Богдан Андреевич 145
Салтангай Салтаган 286, 309
Самойлович А. Н. 10, 13, 91, 108, 204, 241, 245, 246, 259, 263
Сапежич Ивашко 151
Саргул 94
Сарыка 94, 302
Сатылган, Саталган 93, 149, 239, 302–304
Сафаргалиев М. Г. 54, 93, 110, 174
Сахаров А. М. 51
Сахиб-Гирей 13, 28, 31, 50, 185, 187, 212, 229
Сеид-Ахмат Сеид 149
Сеид-Мухаммед 155, 302
Селим I, султан 8, 50, 102, 105, 106
Семен Борисович Брюхо Морозов 310
Семен Киевский 159
Семен Романович 216
Серкиз Андрей 127
Сестренцевич-Богуш Ст. 35, 36
Сеун-хозя 273
Сигизмунд I 78, 79, 85, 93, 109, 110, 120, 128, 129, 131–134, 145, 165–170, 174, 189, 208, 232, 244, 251, 256, 257, 269, 291, 320
Симон Сен-Кентский 270
Синан-ага 104, 185, 245
Сиуни 94
Скворцов 90
Скиндер, предок Глинских 98
Склеенов Иван 312
Скряба (Оболенский) Т. И. 117
Смирнов В. Д. 11, 12, 30–32, 37, 38, 42, 44, 54, 56, 63, 64, 81, 90, 93, 163, 241
Смирнов И. И. 54, 56, 141, 165, 177, 185, 187
Смирнов Н. А. 81
Смирнова О. И. 128, 226
Смолицкая Г. П. 259
Снегирев В. 82
Собакин Василий Иванович 273
Сорока 167
Срезневский И. И. 117, 121, 226, 228, 231, 236, 241, 259, 282, 288, 290
Стамат Степан 83
Старков Алексей Иванович 127, 143, 215
Стародубский Семен Иванович 136
Стародубский В. С. 189, 218, 220
Старокадомская М. К. 90
Стефан III Великий 74, 75, 78
Стромило 222

Суков Иван 205
Сулейман I Великолепный 10, 50, 87, 185, 186, 312
Суунчя 268
Сфорца Мария Бьянка 85
Сыроечковский В. Е. 5, 28, 38, 52, 53, 55, 60, 61, 65, 89, 94–97, 100, 109, 120, 148, 163, 179, 191, 200, 201, 203, 212, 223, 226, 238, 249, 251, 262, 268, 309

Тайдула 227, 278, 281, 292
Талбот Джон 209
Тать Хрипунов И. Ф. 201
Тахталдый 264
Телешов Иван 206
Темир, сын Тенсобуя 97, 100
Темирев Пиркин 223
Темир-Кутлук (Тимур Кутлуг, Темир-Кутлуг) 10, 59, 90, 110, 118, 158, 163, 250
Темир-хозя 216
Темрюк 103
Тимуриды 88, 138, 139, 308
Токузак 214
Толбузин Семен 82
Тонкач 300, 303
Тотт де 35
Тохта 293
Тохтамыш 10, 13, 42, 43, 59, 66, 90, 101, 108, 110, 116, 125, 130, 131, 135, 145, 154, 160, 163, 183, 235, 238, 296
Траханиот Юрий Дмитриевич (Юрий Малый) 26, 76, 83, 205, 218, 220, 247, 252, 258
Тревизан 82, 243
Трепавлов В. В. 70, 71, 113, 119, 120, 291, 298
Трубецкой кн. 146
Тука-Тимур 92, 158
Тулуш-улан 296
Тумпар 255
Тунманн 52, 72, 98
Турн Георг фон 74, 76
Тутыхин Иван 173
Тучков Михаил 179, 249
Тэгене 95
Тюбетей 94
Тювикель (Тевекель-улан) 93, 94, 97, 123, 124, 156, 158, 161, 163, 167, 216, 244

Узбек 229, 240
Уздемир 89, 91, 151, 276–278, 280, 281, 285, 297
Узун-Гассан 82
Узунчаршылы И. Х. 45, 46
Улащик Н. Н. 9
Улуг-Мухаммед (Улу) 29, 70, 95, 308, 320
Уляницкий В. 76
Урус-улан 216, 296
Усеин 109
Усеин Сараев 273
Усманов М. А. 6, 10, 13, 19, 23, 25, 31, 59, 98, 99, 122, 131, 188, 276
Устин 110

Фаизов С. Ф. 7, 91, 208, 238, 242, 245, 246, 259
Фалеев П. А. 108
Фатима 275
Федор Даирович 305
Федор толмач 223
Федоров Елизаров Иван Голова 176, 177
Федоров-Давыдов Г. А. 55, 110, 270
Феизханов Хусейн 11
Феогност, митрополит 227, 290
Фердинанд I 209
Феррери Захарий 87
Фети-Гирей 161
Фехнер М. В. 177
Филоненко В. И. 12
Фиораванти Аристотель 71, 82
Флоря Б. Н. 58, 143
Франциск I 86
Фурс Петр 167

Хаджи-Гирей (Хаджи-салтан) 12, 13, 28, 29, 35, 36, 40, 43, 63, 67, 88, 92–94, 99, 109, 110, 114, 130, 133, 134, 146, 148, 150, 153, 154, 159, 160, 163, 212, 265, 274, 277, 278, 282, 288
Хаджи-Мухаммед 268
Хайдар-Гирей 320
Халецкий Александр 254
Халил 165, 215, 217, 320
Хаммер-Пургшталь 175
Хартахай Ф. 37
Хаян В. О. 72
Ходжа-Асан 188
Хожак-султан 153
Хозя-Кокос 44, 115, 116, 126, 215
Холмский Данило Дмитриевич 121

Холмский В. Д. 304
Хорошкевич А. Л. 20, 22, 31, 60, 69, 80, 81, 83, 110, 119, 159, 169, 174, 188, 198, 204, 247, 264, 272

Челищев Борис 153
Челищев Илья Микулин 176, 198, 213, 214, 217, 221, 248, 257
Чемоданов Крячко 306
Чемоданов Третьяк 306
Ченбулат 92
Чентурионе Паоло 87
Черепнин Л. В. 16, 51, 52, 54, 55, 74, 79, 280, 282, 287
Черменский 301
Четай 312
Чингис, хан 110
Чжабык, мурза 270
Чюра 218

Шавал 262, 263, 302
Шаг-Гирей 251
Шадрин Василий Иванович 214, 224, 247, 252
Шамцев Андрей 68
Шапшал С. Н. 118, 138
Шаршава 205
Шах-Авлияр 294
Шах-заде 265
Шеин Андрей 218
Шейх-Ахмед (Ших-Ахмед, Шиг-Ахмат, Ших-Ахмат) 21, 93, 100, 113, 115, 151–156, 165, 166, 186, 192, 216, 302, 309
Шигалей 65, 185, 186, 305
Шиловский А. Н. 228, 229
Шипова Е. Н. 138, 236, 255
Ширины 26, 43, 61, 63, 72, 90, 95–97, 107, 114, 186, 284
Шмидт С. О. 33, 55, 275
Шмурло Е. Ф. 79, 83
Шонберг Николай 86
Шыгим-мурза 180, 182

Щербатов М. М. 9

Эвлия Челеби 30, 32, 57, 90, 102, 104–106, 110, 171, 172
Эвлия, сын Довлетека Ширина 186
Эминек 13, 95, 108, 111, 114, 115, 215, 252, 261, 276
Эрнст Н. Л. 52, 72, 99, 301

Юзефович А. Л. 60, 196, 197, 203, 204
Юргевич В. 307
Юрий Васильевич, кн. 117, 127
Юрий Дмитриевич, кн. 117, 227, 232, 233
Юрий Зиновьевич [Корсак] 135
Юрий Иванович, сын Ивана III 300
Юсуф (Исуп) 115

Ягуп, кн. тевризский 109
Языков Д. 270
Якобсон А. Л. 55, 89, 90, 99, 110, 202
Якуб Ивашенцович 135, 167
Якубовский А. Ю. 13, 53, 90
Якубовский Я. 122
Ямадык, кн. 304
Ямгурчей 100, 149, 158, 169, 245, 246, 253, 254, 260, 266, 296
Ян Кучукович 146
Ян Ольбрахт Ягеллон 75, 98, 150, 320
Янай 294, 304
Янкуват мурза 100, 253, 255
Янчура 201
Яныш кн. 270
Ярцов Михаил 104
Яшлавские (Сулешовы) 90, 94

Abrahamowicz Z. 263
Andrews D. 65

Babinger F. 10, 33, 81, 84, 85
Barbieri G. 83
Bardach J. 68, 121
Beltrami L. 82
Bennigsen F. 62, 65
Berindei M. 65, 103, 211
Bourgeois Ch. 28

Collins L. 70, 91, 92, 96–100, 158, 162
Costachel V. 75
Croskey R. M. 23, 51, 68, 69, 117, 188, 196, 198, 242, 243
Czerniavsky M. 66

Faroqhi S. 24
Fekete L. 23, 25, 33
Fennel J. L. I. 81, 82
Finkel L. 75
Fisher 8, 62, 86, 210

Giraudo G. 69

Grant A. 37
Grousset R. 69

H*alecki O.* 43
Hassinger E. 73
Herbst St. 159, 166, 170
Hösch E. 81

J*oachim E.* 86
Jorga N. 85

K*arge P.* 74
Kazimirski W. 11, 12
Keenan E. 61
Kohlen H. 32
Kolankowski L. 43, 81, 142, 166, 170
Kosman M. 296
Kraelitz F. 23, 33
Kusber J. 70

M*alowist M.* 44
Manz B. F. 64, 70, 91, 95, 98
Martin J. 64, 65
Matuz J. 14, 61
Milner Th. 37

N*itsche P.* 70, 277

O*stapchuk V.* 14, 24, 26, 32, 64, 102, 111, 187,

P*allas P. G.* 35
Papacostea S. 75
Papée Fr. 42, 44
Peysonnel M. 35
Pociecha Wl. 88
Podhorodecki L. 41
Prochaska A. Z. 42, 145

R*asmussen K.* 69, 307
Redlich F. 208, 209
Reychmann J. 8

S*anuto M.* 76, 78, 84, 87, 169
Schafarik J. 82
Schamiloglu U. 30, 66, 96
Seaton A. 287
Sobczak J. 296, 299, 306
Stojanov V. 25, 33
Stökl G. 275, 276, 287, 301, 308, 310
Szapszal H. 32
Szeftel M. 66

T*ardy L.* 98
Tyszkiewicz J. 242, 296, 299, 306

U*rekli V.* 67

V*anderpol A.* 208
Veinstein G. 65, 103, 211
Vigna A. 309

W*imbusch E. E.* 65

Z*ajaczkowski A.* 8, 30

Указатель географических названий

Азак (Азов) 67, 103–105, 172, 211, 212, 218, 224, 263, 312
Англия 18, 20, 79, 84, 87, 209
Арагон 79
Астрахань 43, 63, 65, 92, 98, 107, 149, 158, 164, 165, 169, 170, 174–182, 184, 185, 188, 191, 195, 316

Бахчи-Сарай (Сарай-Даулет) 90
Белгород Днестровский 106
Белград 87, 88, 186
Белев 168, 170, 173, 215, 217
Берендеево 311
Большая орда (Орда) 4, 5, 21, 33, 41, 43, 44, 47, 49, 60, 63, 65, 67, 69–71, 89, 92, 93, 97–101, 107, 109, 112, 113, 115, 116, 119, 123, 137, 141–145, 149, 152, 153, 155, 156, 158, 159, 161–165, 175, 176, 186, 193, 197, 216, 223, 226, 233, 255, 256, 269, 271, 272, 283, 298, 302, 303, 314, 316
Бродово, село Вологодского уезда 312
Брянск 155, 161, 166, 170, 171
Буг 90
Буда 78
Бурса 14, 211

Ватикан 86
Ведроша, река 159
Великая слобода (Александровская) 311
Великие Луки 145
Венгрия 74, 76, 78, 79, 81, 84–88, 102–104, 186
Венеция 78, 80, 82–87
Вильно 21, 61, 150, 153, 166, 175, 299
Волок Ламский 122
Воротынск 170, 234
Ворскла 89, 296

Галлиполи 85
Гезлев (Козлов) 93
Городок 239, 305
Готия 108
Гродно 299

Днепр 32, 42, 89, 90, 97, 106, 107, 134, 148, 150, 152, 153, 155, 193, 221, 301
Дон 36, 50, 89, 155, 159, 176, 179, 185, 192, 193

Евпатория 93
Египет 108, 265

Золотая орда 4, 5, 10, 28, 34, 47, 48, 53–56, 58, 59, 63, 64, 66, 70–72, 82, 88, 91, 93, 98–100, 102, 109, 111, 113, 114, 116, 119, 128, 141, 158, 198, 212, 225, 229, 243, 250, 251, 270, 271, 273, 284, 314, 315

Ижва 311
Иран 54, 57, 101, 102, 106, 107, 139, 271
Ислам-Кермен 32, 89
Ислам-городок 200
Испания 84, 87, 110, 209
Италия 72, 78, 79, 82–85, 87, 104, 212

Казанское ханство 4, 53, 55, 56, 63, 65, 70, 81, 88, 108, 114, 141, 162, 164, 166, 167, 195, 298, 314, 316
Казань 10, 27, 38, 43, 58, 63, 65, 70, 71, 113, 119, 142, 164, 167, 178, 181, 185, 186, 188, 193, 195, 196, 228, 253, 264, 275, 290, 294, 303, 305, 316
Каменец 170
Карасу-базар 95
Карачев 171, 222, 234
Касимов 67, 193, 286, 298, 299, 301, 305, 308, 310, 315
Кастилия 79
Кафа 38, 44, 67, 72, 80, 88, 90, 93, 95, 102, 103, 108, 109, 115, 116, 152, 176, 187, 204, 210–212, 215, 218, 223, 224, 262, 263, 267, 307, 309, 312
Кашира 19, 286, 298, 299, 311
Керчь 67, 95
Киев 6, 32, 40, 41, 57, 74, 101, 106, 133, 134, 146, 148, 150, 155, 160, 161, 169, 183, 184, 186, 188, 191, 230, 266, 274

Кирк-ер (Киркор) 90, 95
Клементьево 312
Клецк 92, 296
Козельск 166, 168
Коломна 298, 311, 312
Крево 299
Кызыл-Таш 108

Левичино 311
Левоч 75
Лемнос, остров 80
Ливония 80, 315

Мангуп 55, 93, 267
Мезецк 235
Мерль 89
Мещера 107, 173, 218, 301, 305
Мещерский городок, Мещерск 231, 294, 298, 310
Милан 83, 84
Минск 296, 299
Миусс (Молочная вода) 90, 186
Модон 85
Молдавия 48, 67, 74–76, 78, 81, 85, 103, 170, 187, 243
Монкастро 75
Морея 85
Московское княжество 4, 8, 9, 15, 28, 43, 59, 63–65, 71, 97, 104, 113, 114, 116, 124, 128, 135–137, 139, 141, 142, 164, 197, 239, 243, 272, 297, 299, 311, 314
Муром 304

Неаполь 79, 84
Новгород Великий 21, 44, 73, 74, 116, 119, 122, 134, 142, 145, 166, 230, 243, 244, 254, 293, 305, 309, 314
Новгород-Северское княжество 15, 174
Новогрудок 299
Новый городок 234
Ногайские орды 15, 58, 67, 108, 164, 168–170, 177, 180, 316

Овечья вода 309
Одоев 44, 142, 161, 162, 164, 168, 170, 171, 194, 230, 234–239
Опочка 188, 189
Орша 57, 78, 79, 171, 188, 189, 305
Оскол 89, 134
Османская империя 8, 14, 19, 31, 42, 44, 45, 52–54, 56–58, 60, 62, 64, 66, 67, 72, 78, 81, 82, 88, 89, 95, 101, 102, 105–107, 111, 123, 149, 176, 185, 209, 212, 224, 239, 271, 315
Очаков 32, 90, 150, 151

Перекоп 89, 92, 95, 97, 150, 170, 176, 189, 200, 201, 212, 213, 223, 267, 311
Перемышль 234
Пинск 155
Поле 4, 52, 89, 101, 119, 165, 174, 176, 192, 193, 209, 213, 224, 300–303, 310, 311, 313, 315
Польша 10, 24, 31, 57, 63, 67, 74, 76, 79, 85–88, 186, 187, 210, 212, 242
Почап 171, 189, 192, 218, 220, 234
Присецкое, село 232
Псков 134, 135, 145, 166, 243, 298, 301, 314
Путивль 134, 155, 160, 161, 166, 170, 171, 173, 200, 215, 230, 234

Радогощ 171, 234
Радонеж 312
Рим 78, 82–85
Ростуново, село 311
Рыбница, река 168
Рыльск 134, 155, 156, 166, 171
Рязанское княжество 15

Савойя 88
Салачин 110
Самара, река 158, 176, 309
Сарай-Даулет 90
Северный Донец 89
Сейм, река 156
Серпуховско-Боровское княжество 311
Синяя вода, река 90
Скутари 80
Слуцк 155
Соль Галицкая 231
Спасо-Евфимьев монастырь 231
Стародуб 134, 155, 166, 170–172, 189, 192, 218, 220, 234
Стародубское княжество 15, 174
Сула, река 156, 158, 173, 174, 214
Сураж 311, 312

Таванский перевоз 89
Тамань 67, 103, 211, 212
Тверское княжество 73
Темрюк, крепость 103, 108
Торжок 122
Торопец 305
Троице-Сергиев монастырь 232
Троки 8, 175, 299
Тула 134, 166, 173, 214, 222
Туров 155, 161
Тягинка, река 89, 148

Удине 86
Устюг 122

Феррах-кермен (Феррах-сарай) 89
Фриуль 87

Хачибиев маяк 134
Хотунь 311

Черкасский городок (Черкассы) 101, 160, 230, 308
Чехия 74, 76, 78, 79, 87
Чир, река 155

Швеция 67
Шотландия 79, 87

Щитов 311

Юрьев 286, 295, 298

Ян-Керман 90

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Источники и историография 8

§ 1. Сохранность и введение в научный оборот материалов по истории русско-крымских отношений 8

§ 2. Виды источников 15

§ 3. Историография 34

Глава 2. Русь и Крым. Общая характеристика 73

§ 1. Русь в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. 73

§ 2. Крымское ханство и его международные отношения . . . 88

Глава 3. Дипломатические отношения 113

§ 1. Борьба Руси за упрочение своего престижа в русско-крымских отношениях 70–80-х гг. XV в. 113

§ 2. Крымско-русский союз 70–80-х гг. и его значение 124

§ 3. Формирование территории Русского государства и русско-крымские отношения конца XV в. 141

§ 4. Русско-крымские отношения первой четверти XVI в. 162

§ 5. Договор 1518 года 188

§ 6. Дипломатический протокол 196

§ 7. Вопрос о возврате пленных в русско-крымских отношениях 208

Глава 4. «Экономические» отношения 225

§ 1. Выход, проторы 225

§ 2. Поминки, тешь 240

§ 3. Запросы 259

Глава 5. Социальные связи 272

§ 1. Правовые основы жизни крымских выходцев на Руси . . . 275

§ 2. Судьбы и служба крымских выходцев на Руси 297

§ 3. Формирование новых этно-социальных групп на Руси . . . 307

Заключение 314

Послесловие 318

Хронологическая таблица 320

Список сокращений 321

Указатель имен 322

Указатель географических названий 331

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Средневековая Русь. Вып. 2. Ред. *Горский А. А.*

Очерки феодальной России. Вып. 1-4. Ред. *Кистерев С. Н.*

Седов В. В. **У истоков восточнославянской государственности.**

Пономарев А. Л. **Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи.**

Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Ред. *Щавелева Н. И.*

Декреты Советской власти. Ред. *Ахапкин Ю. А. и др.*

Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. Ред. *Кирьянов Ю. И.*

Приговоры и наказы крестьян Центральной России 1905–1907 гг.
Ред. *Сенчакова Л. Т.*

Бабич М. В. **Государственные учреждения России XVIII в.**

Шватченко О. А. **Землевладение и служба думных чинов в России в XVII – начале XVIII веков.**

Тихонова Е. Ю. **В. Г. Белинский в споре со славянофилами.**

Тихонова Е. Ю. **Мировоззрение молодого Белинского.**

Антонов В. Ф. **А. И. Герцен. Общественный идеал анархиста.**

Антонов В. Ф. **Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста.**

Эйдельман Н. Я. **Свободное слово Герцена.**

Твардовская В. А., Итенберг Б. С. **Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?**

Диалог со временем. Альманах. Вып. 1-3. Ред. *Репина Л. П., Уколова В. И.*

Кириллов В. В. **Архитектура Москвы на путях европеизации.**

Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Ред. *Сахаров В. И.*

Роль религии в формировании южнославянских наций. Ред. *Чуркина И. В.*

Археологические открытия 1997 года. Ред. *Седов В. В., Лопатин Н. В.*

Мурашева В. В. **Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.).**

Фролова Н. А. **Монетное дело Боспора.**

Алексеева Е. М. **Античный город Горгиппия.**

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс **(095) 135–44–23,** ***тел.*** **135–42–46**
или ***электронной почтой*** **urss@urss.ru.**
Полный каталог изданий представлен
в ***Интернет-магазине:*** **http://urss.ru**

Издательство УРСС
Научная и учебная
литература